

ISSN 0131-6095

Русская литература

4

2019

Российская Академия Наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2019

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. И. Еремина, Т. Г. Иванова. Особенности текстологии былин в «Своде русского фольклора»	5
Д. М. Буланин. На пути к академической «Истории русской литературы» (оригинальные идеи из наследия В. М. Живова)	16
Н. П. Генералова. Когда и для кого был составлен проект тургеневской «Конституции» (И. С. Тургенев, А. И. Герцен и Артур Бени)	29

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. Б. Бильдюг, Н. Г. Комелина. Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря	52
Н. Ю. Алексеева. Из наблюдений над развитием русской поэзии середины XVIII века	63
Н. А. Паршукова, Е. А. Романова. «После шестилетней разлуки»? (к вопросу датировки «Путевых записок 1847 года» В. Ф. Одоевского)	67
С. Н. Гуськов, И. А. Гончаров, П. А. Валув и кампания всеподданнейших писем 1863 года	72
С. Д. Снигирева. Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»	81
С. А. Кибальник. Записные книжки писателя и интерпретация литературного произведения (на материале творчества А. П. Чехова)	91
Н. Ю. Грякалова. «И мнилась мне Российская Венера...»: к источникам и интерпретации одного блоковского образа (по материалам библиотеки А. А. Блока)	95
Ван Цзунху (КНР). Национальный фактор и культурный код русского авангарда	102
Новонайденные письма М. А. Волошина: к истории «острой дружбы» с М. С. и М. О. Цетлиными (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Г. В. Петровой)	107
На развалинах бытия (В. В. Розанов и П. П. Перцов в последний год переписки) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой)	113
С. П. Довгелло. Три осокоря (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова)	134
В. В. Филичева. Неопубликованные переводы Д. С. Усова из Н. С. Гумилева в коллекции П. Н. Лукницкого	141
Н. А. Богомолов. Анна Ахматова: лето 1927 года	145

Л. В. Хачатурян. Вертикальное зачеркивание. К творческой истории стихотворения В. В. Маяковского «Император»	152
А. В. Сысоева. Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями	159
Приложение. Военно-литературная игра ЛОКАФ 19/V/31 г.	165
Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1935–1938). Письма Е. К. Цветковской к В. П. и И. С. Шайковичам (1935) (<i>Окончание</i>) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского)	166
А. М. Грачева. Литературные мистификации А. М. Ремизова 1940-х годов	191
Переписка Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова (Андреева) 1964–1967 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. В. Матвеевой)	199
Т. С. Царькова. Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Александра Морева)	215
С. Н. Полтораки, А. В. Зотова. Он родом был из разных мест, или Где и когда родился Даниил Гранин	218
С. Б. Адоньева. Электронный архив «Российская повседневность»	223

ЗАМЕТКИ

О. А. Лекманов. Незамеченный <i>град</i> в стихотворении Б. Л. Пастернака «Имелось»	225
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. В. Савельева. Фрол Скобеев: история и современность	226
А. Г. Гродецкая. И. С. Тургенев в центре полемики	229
М. Э. Баскина (Маликова). «Я увожу к погибшим поколениям»: «дело Бронникова»	234

ХРОНИКА

Н. А. Прозорова. Второй научный семинар «Русская литература в советскую эпоху»: к 100-летию со дня рождения Д. А. Гранина	239
<u>А. М. Берёзкин</u> , М. Ю. Данилевская. Шестые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме	240
А. М. Любомудров. Научная конференция «Стиль есть душа вещей»: к 100-летию со дня кончины Василия Розанова	246
А. А. Елкина. Международная научная конференция «Зрелость как сюжет»	249
С. В. Денисенко. Шестая Апрельская междисциплинарная научная конференция «Все обманы мира: ложь в литературе и искусстве»	252
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2019 году	257
Summaries	264

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2019
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2019
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2019

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2019

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
V. I. Ieremina, T. G. Ivanova. Textology of <i>Bylinas</i> in the <i>Code of Russian Folklore</i> : Salient Features	5
D. M. Bulanin. Towards the Conception of the Academic <i>History of Russian Literature</i> (Original Ideas from V. M. Zhivov's Legacy)	16
N. P. Generalova. When and For Whom the Draft of Turgenev's «Constitution» Was Compiled (I. S. Turgenev, A. I. Herzen and Arthur Benni)	29

RELEASES AND REPORTS

A. B. Bil'd'iug, N. G. Komelina. <i>Pomor</i> Narrators and Books: Concerning the Archeographic Finds at the Winter Coast of the White Sea	52
N. Iu. Alekseeva. Observations on the Development of Russian Poetry in the Mid-18 th Century	63
N. A. Parshukova, E. A. Romanova. «After the Six-Year Separation»? (Concerning the Dating of Vladimir F. Odoevsky's <i>Travel Diary of 1847</i>)	67
S. N. Gus'kov. I. A. Goncharov, P. A. Valuev and the Most Loyal Letters Campaign of 1863	72
S. D. Snigir'ieva. The Motif of Imposture and the Sectarian Context in <i>The Possessed</i> by F. M. Dostoevsky	81
S. A. Kibal'nik. A Writer's Notebooks and the Interpretation of a Literary Work (Case Study of A. P. Chekhov)	91
N. Iu. Gr'iakalova. <i>I was imagining a Russian Venus...</i> : on the Sources and Interpretation of an Image by Blok (Based on the Data from A. A. Blok's Private Library)	95
Wang Zonghu (China). The National Factor and the Cultural Code of the Russian Avant-Garde	102
M. A. Voloshin's Newly Found Letters: on the «Poignant Friendship» with M. S. and M. O. Tseytlin (Introduction, Editing and Comments by G. V. Petrova)	107
The Ruined Existence (V. V. Rozanov and P. P. Pertsov in the Last Year of Their Correspondence) (Introduction, Editing and Comments by E. I. Goncharova)	113
S. P. Dovgello. The Three Poplars (Introduction, Editing and Comments by V. N. Bystrov)	134
V. V. Filicheva. Unpublished translations by D. S. Usov from N. S. Gumilev in the collection of P. N. Luknickij	141
N. A. Bogomolov. Anna Akhmatova: the Summer of 1927	145

L. V. Khachatryan. A Vertical Strikethrough. Concerning the Creative Background of <i>The Emperor</i> by V. V. Mayakovsky	152
A. V. Sysoieva. Emergence of the Soviet Military Propaganda in Leningrad of the Early 1930 th : the New Method of Working with Writers	159
<i>Appendix.</i> LOKAF Military and Literary Game, 19/V/31	165
K. D. Balmont's Letters to I. S. Šajković (1935–1938). E. K. Tsvetkovskaya's Letters to V. P. and I. S. Šajković (1935) (<i>Final Part</i>) (Introduction, Editing and Comments by K. M. Azadovskii)	166
A. M. Grach'iova. A. M. Remizov's Literary Mystifications of the 1940s	191
The Correspondence between G. I. Gazdanov and G. A. Khomyakov (Andreiev), 1964–1967 (Introduction, Editing and Comments by Iu. V. Matveieva)	199
T. S. Tsar'kova. Recent Contributions to the Manuscript Department, Pushkin House (Alexander Morev Foundation)	215
S. N. Poltorak, A. V. Zotova. He Came from a Variety of Places, or Where and When Daniel Granin Was Born	218
S. B. Adon'ieva. <i>Russian Everyday Life</i> E-Archive	223

NOTES

O. A. Lekmanov. The Neglected <i>Grad</i> in <i>Imelos'</i> by B. L. Pasternak	225
---	-----

REVIEWS

N. V. Savel'ieva. Frol Skobeiev: History and Modernity	226
A. G. Grodetskaia. I. S. Turgenev as the Center of Polemics	229
M. E. Baskina (Malikova). <i>I Take You Back to the Perished Generations: «The Bronnikov Case»</i>	234

NEWSREEL

N. A. Prozorova. <i>Russian Literature in the Soviet Period: the 100th Anniversary of D. A. Granin</i> Second Research Seminar	239
A. M. Ber'iozkin, M. Iu. Danilevskaia. 6 th Nekrasov Conference at Pushkin House	240
A. M. L'iubomudrov. <i>The Style is The Heart of Things. Commemorating the 100th Anniversary of the Death of Vasily Rozanov</i> Research Conference	246
A. A. Elkina. <i>Maturity as a Storyline</i> International Research Conference	249
S. V. Denisenko. <i>All the Lies of the World: Deception in Literature and Art</i> 6 th April Interdisciplinary Research Conference	252
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2019	257
Summaries	264

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSVIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief V. E. BAGNO

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, M. V. OTRADIN,
A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKY, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA,
M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2019
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2019
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2019

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОЛОГИИ БЫЛИН В «СВОДЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

Свод русского фольклора — это совокупность выдающихся памятников самобытной культурной деятельности русского народа. Свод — по определению Б. Н. Путилова — «наиболее емкая, рациональная и адекватная форма сохранения и обобщения народно-поэтической культуры... Именно своды в систематизированном виде наглядно и полно представляют национальный фольклор во всем его богатстве и многообразии исторически сложившихся проявлений, внутренней сложности и целостности. Своды позволяют наилучшим образом соотносить фольклор разных народов, рассматривать его в ряду мирового фольклорного процесса, оценивать вклад народа в мировую культуру».¹

Значимость работы над Сводом фольклора обусловлена тем, что он рассчитан не на узкие научные задачи специалистов, а адресован современной культуре в целом. Правильно поставленная работа над Сводом представляет собой единство частных и итоговых обобщений, разысканий источниковедческого, текстологического и историографического порядка. Таким образом, Свод — «это предприятие большого теоретического масштаба».²

Истоки планомерной публикации произведений народного творчества относятся к концу XVIII — первой половине XIX века: от «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова 1770-х годов к «Песням, собранным П. В. Киреевским», «Пословицам русского народа» В. И. Даля, «Русским народным лирическим песням» Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, «Народным русским сказкам» А. Н. Афанасьева и др. Задача издания собраний сводного типа, рассматриваясь как задача сложная и актуальная, вовлекла в собирательское движение представителей самых разных слоев интеллигенции.

Подлинное начало работы над Сводом русского фольклора следует отнести лишь к концу 30-х годов XX века. В 1938 году писателем-академиком Алексеем Николаевичем Толстым были произнесены слова, получившие большой общественный резонанс: «...у нас неисчерпаемые запасы фольклорного материала. Часть его, будучи опубликована в разных старых изданиях, представляет теперь библиографическую редкость. Другая часть <...> лежит неопубликованной в архивах. И, наконец, третья состоит из огромного количества новых записей <...>. Все эти фонды <...> недоступны не только для широкого, но и для среднего читателя. Наша обязанность собрать эти фонды в один Свод в виде многотомного издания и вернуть народу его сокровища <...>. Издание „Свода русского фольклора“ будет не только ценным художественным вкладом в мировую литературу, но оно имеет огромное

¹ Путилов Б. Н. Свод как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 347.

² Там же. С. 348.

политическое значение, так как отражает богатую духовную культуру русского народа и страны, к которой устремлены взоры всего мира».³

В декабре 1940 года Президиум Академии наук СССР утвердил Главную редакционную коллегию Свода фольклора народов СССР во главе с А. Н. Толстым. Работа была сорвана началом Великой Отечественной войны.

Создание систематизированных базовых библиотек национального фольклора началось значительно позже, когда в Ленинграде по инициативе Сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР стали выходить тома серии «Памятники русского фольклора», что породило широкий отклик в виде сводных изданий в республиках СССР. С 1967 года начал издаваться Свод белорусского фольклора в 30 томах, с 1969 года — Свод украинского фольклора в 62 томах. Был выпущен десяти томный Свод армянских народных сказок. Издавалась антология грузинского фольклора в 12 томах. Предпринимались издания тезауруса фольклора Эстонии в 45 томах, латвийских дайн в 15 томах, публикация антологических томов Свода молдавского фольклора, Свода узбекского музыкального фольклора. Было осуществлено издание Свода мордовского фольклора, многотомные собрания-антологии татарского, чувашского и башкирского фольклора. Это направление работы фольклористов получало высокую оценку на страницах научной печати.

Что касается возможного издания Свода русского фольклора, то его идея по-прежнему переживала подготовительный период: издавались большие итоговые труды в академических сериях «Памятники русского фольклора», «Литературное наследство», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», «Былины. Русский музыкальный эпос» и мн. др. Продолжалась успешная экспедиционная работа.

Начиная с 1970-х годов проходили дискуссии на Всесоюзных конференциях, которые часто не столько продвигали реализацию идеи Свода, сколько ее осложняли.⁴ Свод фольклора в известном отношении должен отражать достижения национальной фольклористики, быть итогом ее изучения. Что касается Свода русского фольклора, то, как писал академик Д. С. Лихачев, «русский фольклор по богатству, обилию материала, географическому разнообразию, сложности жанрового состава несравним ни с одним фольклором Европы и советского Востока. Поэтому приемы, которыми создаются своды фольклора в наших республиках при участии ИМЛИ АН СССР, не могут быть взяты за образец для русского фольклора».⁵

В 1977 году в свет вышел 17 том ежегодника «Русский фольклор», содержащий общий проспект Свода и проспект первой его серии («Полное собрание русских былин»). Это было знаменательное событие, так как в соответствии с решением Отделения языка и литературы АН СССР от 6 сентября 1977 го-

³ Толстой А. Н. Депутат-писатель // Правда. 1938. 12 дек. № 341; А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 3–6.

⁴ Пестрота мнений нашла свое отражение в публикациях этого времени. См., например: Горелова А. А. 1) Соединяя времена // Звезда. 1973. № 11. С. 191–206; 2) Взнос в будущее (Нужен Свод русского фольклора) // Советская культура. 1977. 17 июня. № 49; Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977. Т. 17; Черемин А. Фольклорный свод // Ленинградская правда. 1979. 19 мая. № 115; Холмчук Н. И. Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины») // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 217–227; Лихачев Д. С. Несколько замечаний о составлении «Свода русского фольклора» // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 115, 116; Краюхин С. Свод русского фольклора // Известия. 1981. 10 апр. № 85; Пипия Б. 1) 100 томов русского фольклора // Московские новости. 1984. 10 июня. № 23. С. 11; 2) Былины Печоры // Правда. 1988. 12 марта. № 71.

⁵ Лихачев Д. С. Несколько замечаний о составлении «Свода русского фольклора». С. 115.

да о Своде русского фольклора сектор народного творчества Института русской литературы приступил к подготовке первой серии Свода — «Былины в 25 томах».⁶

5–6 декабря 1978 года в Пушкинском Доме состоялось всесоюзное совещание по вопросам издания Свода и его первой серии. Центральным был вопрос: по какому принципу будет организован материал при подготовке русских былин в Своде: по региональному или сюжетному. В результате дискуссии за основу был принят региональный принцип. Материал, организованный по регионам и хронологии записей, позволяет воссоздать не только историческое движение фольклористики, но и в значительной мере показывает образ русской фольклорной культуры в ее эволюции. Основной единицей публикации материала в Своде являются подлинные фольклорные тексты, взятые в их первичной фиксации.

Региональный подход к созданию Свода выдвигает на первый план момент географического размещения материала, специфику исполнительских школ, своеобразие сложившихся во времени культурных гнезд, позволяет выявить личное творческое начало в создании эпоса. Этот принцип основан на том, что общерусская песенная культура имеет, по существу, достаточно четкую локальную творческую природу. Музыковеды поддержали региональный принцип расположения материала, подчеркнув, что этого требуют не только известные моменты диалектологического сходства, сходства сюжетов и мотивов, но и существование единой песенной культуры региона, наличие эпических школ напевов, которые имеют местную специфику.

Текстологическая подготовка издания на современном уровне невозможна без строфической разбивки текстов, строфического воспроизведения былин в исполнении данного сказителя. Между тем в одних регионах былины и эпические жанры имеют песенную строфическую структуру, в других — тирадную импровизационную. С точки зрения выявления напевного стиля могут быть выделены северорусские, среднерусские (и Сибирь) и южнорусские (казачьи) былины. В свою очередь внутри северорусского материала намечается прионежская манера исполнения (принципиально-сольная, импровизационная), архангельская (также сказительская, сольная, но допускающая ансамблевые формы «подхвата»), распространяющаяся на Мезень, Кулой, Печору и Беломорье, а также промежуточная пинежская традиция.⁷

Комплексная тема «Свод русского фольклора» вошла в общий координационный план, который утверждался Президиумом АН СССР и согласовывался с Государственным Комитетом по науке и технике, а это в свою очередь позволило работникам Высшей школы и культурных учреждений ввести темы, связанные со Сводом, в свои внутренние планы.⁸

Свод русского фольклора, считавшийся утопией отечественной науки, в XXI веке становится реальностью. Начинается систематическое издание его первой серии — «Былины», не имеющей аналогов в мировом эпосоведении. Энциклопедическая по богатству материалов серия практически исчерпывает известную науке источниковедческую базу. Публикуется полный корпус былинных записей XVIII–XX столетий — 3 тысячи текстов, приблизительно треть которых никогда ранее не была издана. Организатор и главный редактор десяти томов серии «Былины», вышедших при его жизни, А. А. Горелов писал: «Создание Свода — научная задача высшей категории сложности и трудоемкости. Однако ее решение освобождает поколения исследователей

⁶ В настоящий момент изданы 12 томов серии «Былины» в Своде русского фольклора и в процессе ближайшей подготовки к изданию находятся еще четыре тома.

⁷ Русский фольклор. Т. 19. С. 223.

⁸ Там же. С. 222.

от повторяющихся поисков-блужданий по архивным лабиринтам, от погони за первоисточниками, хаотически разметанными по книжным, журнальным, газетным публикациям и далеко не всегда прошедшими экспертизу на подлинность. Свод памятников фольклора — подобие академических собраний сочинений классиков. От него, и только от него, пролегает дорога к фундаментальной истории жанров фольклора, подразумевающей опору на всю возможную совокупность базовых материалов».⁹

Былины были избраны первой серией Свода, что было продиктовано не только высоким общественным и эстетическим значением данного круга памятников культуры, о котором писал А. А. Горелов: «Входя в восточнославянское культурно-этническое ядро, выступая хранителем древнейшего эпического наследия, былины соединяют в своем сюжетном составе черты эпосов догосударственного, эпохи Киевской Руси и периода Московской централизации. Пронизанные идеями героики, былинные произведения явились одним из важнейших факторов, обеспечивавших консолидацию русской нации и русской государственности».¹⁰ Решение начать Свод с былин было обусловлено, с одной стороны, научной подготовленностью отечественной фольклористики к ее изданию, с другой — тем обстоятельством, что былины уже исчезли из живого бытования и практически целиком перешли в категорию памятников культуры. А это означает, что для фольклористики сегодня открыта возможность создать на основе исчерпывающего учета всего записанного в XVIII–XX столетиях материала былин не очередную антологию, но фондovou национальную библиотеку, корпус русского былинного эпоса, который обеспечит сохранение и дальнейшую популяризацию одной из основных форм национальной культуры. Издание серии «Былины» в Своде русского фольклора предполагает создание фактографического фундамента русского эпосоведения. Момент «диалектологии духовной культуры» существенен для прочтения глубинной истории эпоса. Для современного народознания термин «диалектология народной культуры», предложенный академиком Н. И. Толстым, в высокой степени продуктивен при создании былинной серии. Принцип размещения текстов серии «Былины» — комплексный, сочетающий достоинства общенациональной сюжетно-тематической характеристики и историко-географической группировки былин. Впервые за всю историю собирания и публикации былин в издании «Свода» целостно, по всем записям, представлены традиции, которые хранили эпос.

Одним из важнейших разделов работы над Сводом является *систематизация* текстов, которая требует глубокого проникновения в жанровую специфику фольклорного материала, в законы фольклорного сюжетосложения. Свод фольклора, по словам Б. Н. Путилова, «должен отвечать требованиям полноты, текстологической авторитетности, единства правил научного редактирования. При учете этих требований <...> необходимо исходить из признания и понимания специфики фольклорных текстов, а также учитывать реальную картину имеющихся записей (фиксаций)».¹¹ В Своде речь идет также о единстве вербальных и музыкальных текстов, обряда, исполнительской традиции, исполнительского окружения, «учета сопутствующих правил, ограничений, запросов, внетекстовых связей, то есть всего того, что составляет для фольклорных текстов устойчивый и обязательный бытовой контекст, семантические и функциональные поля».¹² Сложность систематизации, в резуль-

⁹ Горелов А. А. Золотая кладовая русского эпоса // Горелов А. А. Соединяя времена. СПб., 2011. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Путилов Б. Н. Свод как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия. С. 349.

¹² Там же. С. 348.

тате которой должны быть выявлены версии и редакции и различные текстовые варианты отношения, заключается в том, чтобы «правильно соотнести синхронные и диахронные показатели в текстах, представить тот или иной сюжет с точки зрения как полноты и разнообразия возможностей, заложенных в нем, так и его исторической динамики. В процессе систематизации могут устанавливаться генетические зависимости между текстами, надежность которых подтверждается внешними данными (факты усвоения текстов одними исполнителями от других при наличии записей обоих текстов)».¹³

Одним из важнейших моментов при подготовке Свода является *критика текстов*, т. е. выделение «вторичных» фольклорных материалов, а также текстов, подвергшихся редакторской обработке. Корпус любого тома Свода может состоять только из подлинных фольклорных материалов, адекватно отражающих живую устно-поэтическую традицию, не искаженную разного рода внешними вмешательствами. Предельная аутентичность фольклорных текстов, попадающих в Свод, есть обязательное его условие, так как в противном случае он не сможет считаться надежной источниковедческой базой. При работе над Сводом, таким образом, проблемы текстологии приобретают первостепенное значение.

Текстология включает в себя вопросы издания текстов, изучение их истории и исследование текста как такового. Объектом текстологии является текст произведения. Метод текстологии заключается в сравнительно-историческом сопоставлении текстов, дошедших до нас в различных источниках. Эти общие положения полностью применимы и к фольклористической текстологии. Фольклорный текст однако не равнозначен литературному. В индивидуальном творчестве создание произведения и реализация замысла в каком-то тексте — это два одновременных, неразрывных, сопутствующих друг другу процесса. Если нет текста литературного произведения, то нет и самого произведения. В народной поэзии произведение как таковое существует в коллективной памяти носителей фольклора. Текст же произведения каждым из сказителей при каждом отдельном акте исполнения воссоздается, но не создается заново. Не зафиксированный с помощью каких-либо технических средств (карандаш и бумага, магнитофон, грампластинка и т. д.) конкретный фольклорный текст, отзвучав, исчезает, перестает существовать. Чтобы текст продолжал жить, он должен быть записан. Собиратель является посредником между исполнителем и читателем. В идеале ученый, записывающий фольклор, обязан передать текст абсолютно точно, не привнося в него ничего от себя. Но вся история фольклористики показывает, что личность собирателя, его представления о точности записи, его способы фиксирования народной поэзии, понимание диалекта, строфики песенных форм и т. д. — все это так или иначе сказывалось на том тексте, который получал читатель.

Перед современной эдиционной текстологией по-прежнему стоят следующие вопросы: совершенствование различных типов фольклорных изданий; разработка правил передачи диалекта в текстах народной поэзии; решение вопросов орфографии и пунктуации; научное обоснование расположения в сборниках текстов различных жанров, т. е. проблема композиции сборника; нотировка песенных форм фольклора; комментирование произведений устно-поэтического творчества.

Опубликованный фольклорный текст, как известно, есть только отражение (не всегда точное) того, что звучало в устах сказителя. Между устным и напечатанным текстом существует целая цепочка превращений: полевая запись, перебеленная рукопись, опубликованный вариант. На каждом из указанных

¹³ Там же. С. 350.

этапов своей жизни текст претерпевает определенные изменения, а потому для фольклориста ясно, что, прежде чем изучать, например, влияние народного творчества на поэтов XVIII–XX веков, надо исследовать сам стих устной поэзии и делать это необходимо по текстологически строго достоверным материалам. Для исследования былинного стиха, безусловно, целесообразнее обратиться к старым записям на фонографе, а также к собраниям последних лет, содержащим нотные расшифровки с магнитофонных лент. Текстологическая оценка классических собраний русского фольклора — это не частная задача, касающаяся истории фольклористики, а необходимейшее условие для обеспечения дальнейшего успешного развития филологической науки.

Один из важнейших, изначальных текстологических вопросов, который приходится решать при переиздании классических собраний в Своде русского фольклора, — это вопрос о *первоисточнике*. Теоретически он решается просто: за первоисточник берется первое издание или, если сохранилась рукопись, — черновой вариант того или иного фольклорного собрания. На практике все далеко не так однозначно, потому что во многом напрямую зависит от особенностей методики записи собирателя.

Разницу работы над текстами былин, включаемых в антологию и в Свод, покажем на ряде конкретных примеров.

В 1922 году А. М. Астахова записала на Печоре и затем опубликовала былины этого региона в книге «Былины Севера» (М.; Л., 1938. Т. I; М.; Л., 1951. Т. II). Впоследствии многие антологии включали в свой состав записи Астаховой в том виде, в каком они были ею опубликованы.

При работе над первыми томами серии «Былины» в Своде русского фольклора обнаружилось, что есть возможность более точно определить первоисточник, и он оказался далеко не идентичным изданным текстам. Все фольклорные записи Астаховой, сделанные на Печоре в 1929 году, сохранились и находятся в фольклорном хранилище Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Р. V. Кол. 6. П. 8). Собрание включает полевые карандашные записи текстов былин и перебеленные тексты. Кроме того, имеются фонозаписи некоторых былин, сделанные сразу же, при первом исполнении, или через несколько дней. Полевые и перебеленные записи дают представление о методике работы собирателя. В большинстве случаев Астахова записывала былинку дважды — сначала сказанный вариант, затем делала по нему правки во время повторного пения былины. Запись былины «с голоса» приводила к многочисленным исправлениям сказанного варианта. Эти уточнения, добавления, разночтения отмечались собирателем при помощи системы специальных знаков.

Записанные таким способом печорские былины были опубликованы А. М. Астаховой как *сводные* тексты. Задача текстологов, работающих над Сводом, заключалась в данном случае в определении правомерности такого сведения с учетом особенностей каждого варианта. Анализ полевой записи, перебеленного текста, имеющейся фонозаписи и публикации каждой из 43 изданных Астаховой былин позволяет выделить некоторые типовые случаи.

Первый тип объединяет былины, записанные со слов исполнителя только один раз (№ 59, 65, 80, 81, 89 и некоторые др.). Сохранившиеся полевые и перебеленные записи этих былин при сопоставлении показывают минимальные разночтения. Это наиболее бесспорный случай — былины при переиздании публикуются *по полевой записи*.

Ко **второму типу** отнесены былины, записанные на фонограф (№ 57, 69, 70 и 71 и др.). Как правило, фиксировалось начало былины, иногда всего лишь один-два стиха (например, № 71 — «Дюк Степанович» от В. П. Носова). Нередко пение на фонограф записывалось через несколько дней после первой

фиксации полного текста (былины на фонограф записывали Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд), причем былину № 57 «Про старого» Е. П. Чупров повторно для фонографа исполнил вместе с братьями и сыном. При записи этой былины не были спеты стихи с девятого по пятнадцатый.

В Своде записанные на фонограф отрывки былины публикуются с нотными расшифровками как *самостоятельные* варианты.

Третий тип представляет собой былины, сначала записанные со слов сказителя, затем выправленные при пении. Это наиболее многочисленная группа текстов в коллекции Астаховой (около 30 номеров). В перебеленной записи эти былины даются Астаховой сводным текстом, в котором круглыми скобками отмечены добавления из спетого варианта, а в квадратные — заключены части текста, принадлежащие только сказанному варианту. Приведем пример полевой записи и перебеленного текста былины «Илья Муромец» (№ 95), строки 47–49.

Полевая запись

[Увидел] Илеюшко сонце красное

[Увидел] Илеюшко людей добрых.

Перебеленная запись

Увидел Илеюшко свету белого
(Свету белого) увидел сонце красное,

Увидел Илеюшко людей добрых.

В сборнике «Былины Севера» опубликован сводный вариант этой былины без указания в тексте или в комментарии на различия спетого и сказанного вариантов. При сопоставлении спетого и сказанного, перебеленного и опубликованного текстов былин этого типа выявляются множественные случаи несовпадений во всех источниках: замена частиц, союзов, предлогов, суффиксов, окончаний глаголов и прилагательных, перестановка слов в стихе и изменение порядка стихов в тексте, добавление или выпадение больших кусков текста, иное фонетическое звучание слов и т. д.

Фактически при такой методике записи мы имеем дело с *двумя самостоятельными* вариантами одной былины как результатом двух актов исполнения. См., например:

При сказывании

² У ласкова у князя...

⁷ Все на пиру...

¹⁹ Он сапог о сапог...

³⁰ А уж я как...

⁴⁸ ...Семёна...

При пении

Как у ласкова у князя...

Да как все ле на пиру...

Он на сапог ле о сапог...

А как уж я...

...Семёнушка...

(№ 76, «Дунай», записано от А. Р. Овчинниковой. Тетр. 2. Л. 22–24 об.).

³ Жила-была...

⁴ ...Омелфа Тимофеевна...

⁵ Было... чадо...

⁸ На той...

⁸² На трех дубах...

Да жила-была...

...Емелфа Тимофеевна...

Кабы было... надо...

Он на той жо...

Ах на трёх-де дубах да...

(№ 95, «Илья Муромец», записано от П. И. Дитятевой. Тетр. 5. Л. 22–24 об.).

При подготовке подобных текстов к публикации в Своде первоисточником становится *полевая запись спетой былины*, так как именно во время пения проявляются характерные особенности этого жанра. Сводный текст «расчленяется» на спетый и сказанный варианты, нами публикуется спетый вариант, а все различия из сказанного и опубликованного вариантов указываются в комментарии.

Таким образом, в пределах группы текстов, записанных одним собирателем, относительно просто выделяются однотипные былины, что облегчает их текстологическую подготовку при новом научном переиздании. Значительно сложнее текстологическая подготовка былин, записанных одновременно несколькими собирателями. Рассмотрим конкретные случаи на примере пудожских былин.

Былины, собранные экспедицией 1928 года в Пудожский край, были опубликованы в сборнике «Онежские былины» в 1948 году. Цель экспедиции состояла в обнаружении тех изменений, которые произошли с эпосом за 60 с лишним лет после того, как во второй половине XIX века в тех же местах вели свои записи П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Все материалы экспедиции были сданы в архив Государственной академии художественных наук. Затем их передали сначала в Московское отделение Государственного института материальной культуры, потом в Государственный Литературный музей, а затем в Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства), где они и находятся в настоящее время. Естественно, что при многократном вынужденном путешествии из архива в архив часть рукописных материалов была утрачена, что затрудняет теперь текстологическую работу. Материалы эти для текстологов очень непросты, так как с целью получения наибольшей достоверности фиксации текста (при минимальной возможности использования фонографа) запись производилась одновременно несколькими собирателями, а затем сводилась воедино. Задача текстологов состоит в том, чтобы определить, что же представляет собой *сводный текст*¹⁴ при подобной методике записи.

Первый тип. Былина «Илья Муромец» («Добрыня и Алеша») была записана в июле 1928 года от Е. Д. Силкиной в д. Семенове на р. Шале (р. Водле) одновременно четырьмя собирателями. С. П. Бородин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 26–29) записывал начало и иногда середину стихов; Ю. А. Самарин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 20–21 об.) писал только середину стихов; Э. Г. Бородина (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, л. 28–29) записывала концы стихов. В. И. Чичеров свел воедино отрывочные записи всех собирателей. Перебеленная в полевых условиях запись былины (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 22 об. — 23 об.) и легла в основу печатного текста.¹⁵ Сличение изданного текста с перебеленным при повторном корректирующем сравнении с неполными записями всех собирателей показало, что точность воспроизведенного текста при использовании данного метода записи чрезвычайно высока. Незначительные единичные разночтения между печатным и рукописными текстами (снятие «оканья» в стихах 22, 45, «цоканья» в стихе 44, замена «а» на «и» в глагольном окончании) связаны, скорее всего, не со случайными упущениями В. И. Чичерова при составлении единого текста былины, а с редакторскими требованиями определенного единообразия подачи печатного текста.

При иной методике записи, когда былина записывается всеми собирателями полностью, сводный текст имеет, как правило, значительные погреш-

¹⁴ А. Н. Веселовский считал *сводным* любой текст былины или сказки, как текст, сохранивший исторические напластования разного времени. В XX веке термин «сводный» понимался как *испорченный*, искусственно составленный, когда текст со смысловыми или словесными пропусками дополнялся аналогичными или близкими местами текста, присутствующими в других вариантах того же сюжета. В настоящем случае речь идет лишь об *особой технике записи*, когда один собиратель писал начало стихотворной строки, другой середину, а третий ее конец. По окончании записи текст тут же (в полевых условиях) объединялся. Эта методика применялась в случаях записи «на карандаш» с целью получения максимального приближения к исполняемой (поющей) былине.

¹⁵ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; подг. текстов к печати, прим. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. № 67 (Летописи Государственного Литературного музея; кн. 13).

ности при сравнении его с полевыми записями. Качество подобного текста в большей степени, чем в предыдущем случае, зависит от опыта собирателей, степени знания ими традиции, размера былины и ряда других причин. Так, былина «Дюк Сепанович» (№ 71 — 340 стихов) была записана от П. Е. Миронova в 1928 году в д. Семеново на р. Шале тремя собирателями, причем каждый из них пытался зафиксировать былинку полностью. Сохранились в РГАЛИ полевые записи данной былины, сделанные Б. М. Соколовым (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 300–308), В. И. Яковлевой (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 35, л. 115–130) и В. И. Чичеровым (ф. 1456, оп. 1, тетр. 3, ед. хр. 33, л. 63 об.–70 об.). В. И. Чичеров перебелил свой текст (правка по карандашной записи), согласуя свою правку с записями других собирателей. Сличение всех полевых записей со сводной записью и печатным текстом показало, что расхождения в основном касаются способов фонетической подачи текста (он — ён, улицю — улицу, потюхошенько — потюхошенько и т. д.), пропусков или добавления отдельных букв (благословеньице — благословеньице, крест — крѣс и т. д.), частиц или предлогов (становись-ко [ко] мне; я из той [из] земли), последовательного несоблюдения «цоканья» и т. п.¹⁶ При всех указанных недостатках, которые необходимо оговаривать в комментариях, сводная запись в данном случае все же должна рассматриваться как вполне авторитетный источник для дальнейших публикаций.

Авторитетность сводного текста былины резко снижается, когда речь идет о менее удачных записях собирателей или о неполной сохранности этих записей в архиве. Совмещение двух указанных моментов характерно для значительного числа пудожских былин. Например, былина «Добрыня и Алеша» (№ 49) была записана в августе 1926 года от Фадеевой в д. Мелентьевской собирателями С. П. Бородиным (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 155–160 об.), Э. Г. Бородиной (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 192–203) и Ю. М. Соколовым (рукопись в архиве отсутствует).¹⁷ Обе сохранившиеся полевые записи представляют собой текст, где перемежаются полные и неполные строки. Сводный текст также был составлен собирателями в полевых условиях (почерк каждого из них при подготовке единого текста четко определяется). В записи былины Э. Г. Бородиной (ед. хр. 11) проведена правка с учетом записи С. П. Бородина (стихи с 1-го по 60-й и с 162-го по 238-й сводились совместно),¹⁸ стихи с 60-го по 162-й остались несведенными (зафиксированы только их концы). Таким образом, перед нами неполный сводный текст былины. Сличение 98 несведенных собирателями стихов с печатным текстом производилось нами одновременно по двум тетрадам. Сведенный Э. Г. Бородиной и С. П. Бородиным текст должен был бы по логике вещей иметь минимальные расхождения с печатным. Однако, как мы попытаемся показать далее, неточностей он имеет очень много, и причины этого достаточно легко вскрываются. Прежде всего совершенно очевидно, что собиратели не успевали с абсолютной достоверностью фиксировать текст — отсюда нередко встречаются разные прочтения одного и того же места былины. Например, в сведенном рукописном тексте 32-й стих звучит следующим образом: «А вопроговорит Добрынюшка Никитинец». В рукописи С. П. Бородина слова «Добрынюшка Никитинец»

¹⁶ В записи В. И. Яковлевой (ед. хр. 35) есть несколько смысловых несовпадений по сравнению с другими полевыми записями: дополнительный третий стих («А был спорожен ядиной сын»); в 122-м стихе вместо «поить питьица-естушки» — «носить питьица-есьмушки»; в 238-м стихе вместо «не идь-ко ты» — «Дюк ты» и другие несовпадения (стихи 239, 266, 296, 301, 310, 314).

¹⁷ В сборнике «Онежские былины» среди записавших эту былинку значится Ю. А. Самарин, а не С. П. Бородин (раздел «Комментарии», с. 886). Запись Ю. А. Самарина в архиве не обнаружена.

¹⁸ Стихи 210, 212, 224, 226, 232, 234–237 остались несведенными, а стихи 227, 231, 233 в этой единице хранения вообще отсутствуют.

зачеркнуты и сверху написано: «князь Владимир стольно киевской», после чего слово «Владимир» тоже зачеркнуто. В рукописи Э. Г. Бородиной этот стих читается так: «А воспроговорит князь <ст.> киевской». Очевидно, при составлении окончательного варианта данного стиха шел спор и, следуя логике развития сюжета, а не точной фиксации текста, была оставлена формула «Добрынюшка Никитинец», а надо было бы сохранить со специальной оговоркой тот вариант, который произнес исполнитель, даже если он и ошибся.

Попытка С. П. Бородина записывать текст полностью (строки с 1 по 34) себя не оправдала, так как здесь множество неточностей в записях окончаний слов, есть неизбежные пропуски частиц, слов и даже целых стихов. Стремление воспроизвести полностью начало былины отняло у собирателя неоправданно много сил, и его дальнейшую запись отличает значительно менее точная подача текста, чем, скажем, у Э. Г. Бородиной, которая писала от начала до конца только последнюю часть стихов. В дальнейшей записи С. П. Бородине совсем отсутствуют строки 36, 70, 126, 138 и др. В сведенной рукописи они реставрируются с учетом записи второго собирателя.

Итак, даже неполный текстологический анализ былины «Добрыня и Аляша» показал, что сводный текст, составленный Э. Г. Бородиной и С. П. Бородиным, недостаточно точен, так как разночтения здесь затронули смысловую суть текста и привели к недопустимым с точки зрения современной текстологии фольклора реставрациям.

Таким образом, даже те немногие, характерные, но далеко не исчерпанные случаи составления сводного текста самими собирателями в полевых условиях показали разную степень его авторитетности как источника, что должно быть учтено всякий раз, когда речь пойдет о научном переиздании этих былин.

Второй тип. К данному типу могут быть отнесены достаточно уникальные случаи записи былин, где всеми собирателями была продемонстрирована особая точность фиксации текста. При записи «на карандаш» это было доступно только собирателям высочайшей квалификации, да и то только в тех случаях, когда былина оказывалась сравнительно небольших размеров. Примером тому может служить былина «Сорок князей» («Женитьба Ивана Годиновича») (№ 65), записанная в 1928 году в д. Семеново на р. Шале от А. А. Соловьевой В. И. Чичеровым, Б. М. Соколовым и В. И. Яковлевой. В РГАЛИ сохранились две полевые записи (Б. М. Соколова — ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 25, л. 35–39 и В. И. Чичерова — ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 32, л. 33–37).¹⁹ В. И. Чичеров перебелил свою полевую запись (там же, л. 33 об. — 36 об.) и опубликовал ее без учета одновременной записи той же былины, сделанной Б. М. Соколовым. Таким образом, перебеленному тексту одной записи определена была роль «сводного», хотя он не являлся таковым по существу. При повторной публикации записи Б. М. Соколова должна была бы рассматриваться нами как самостоятельная. Однако характер текстологической работы в данном случае оказывается принципиально иным. Трижды проведя сличение печатного текста (с каждой из полевых и с перебеленной записями), мы пришли к выводу, что уровень записи обоих собирателей был настолько высок, что отмеченные разночтения не дают нам права рассматривать запись Соколова как принципиально отличную от опубликованной. Отдельные пропуски слов и частиц в полевой записи Соколова существуют, но в то же время последовательно (по сравнению с чичеровским вариантом) проводимые им «цоканье» и «оканье», дополнительные ударения и т. д. должны быть оговорены в комментариях к данному тексту. Отдельные же пропуски, наблюдае-

¹⁹ Запись былины В. И. Яковлевой в архиве не обнаружена.

мые в перебеленной рукописи, но отмеченные *одновременно* в полевых записях обоих собирателей, необходимо восстановить в основном тексте.

Таким образом, при отсутствии сводного текста в данном случае мы его фактически имеем в результате очень высокой точности записи собирателей.

Третий тип. К данной группе следует отнести разные случаи, объединенные общим обстоятельством: при одновременной записи былины несколькими собирателями публикуется так называемый лучший вариант. Этот, избранный как основной, текст былины подменяет собою отсутствующую сводную запись без учета записей других собирателей. Задача текстолога заключается в том, чтобы определить, в каких случаях и каким образом должны быть учтены записи всех собирателей при подготовке нового издания, куда должны быть включены и эти конкретные тексты.

Как правило, предположить, что одна из записей способна подменить собой «сводный» текст, практически невозможно, так как печатный текст имеет множество несоответствий с *каждой* из этих полевых записей, начиная от пропусков или подстановки букв, произвольности написаний окончаний слов до пропусков целых стихов, их перестановок, словесных замен и т. д.

Итак, сличение былин данного типа по рукописям показало, что единого сводного текста они не имеют ни по существу, ни в принципе. Опубликованный текст в точности не соответствует ни одной из рукописей. Полевые записи, очевидно, должны быть представлены в повторной публикации как *самостоятельные тексты* (один печатается как основной, другие — в комментарии), так как слишком существенны расхождения, охватывающие все уровни текста.

Мы попытались показать разнообразные и непохожие случаи текстологической подготовки былин для новой публикации, основываясь лишь на анализе некоторых былин двух собраний. Каждая новая коллекция даст, безусловно, дополнительные случаи, поскольку индивидуальна методика каждого собирателя, непохожи и условия записи былин. Но можно достаточно уверенно сказать, что проблема «сводного» текста актуальна лишь для записей прошлого времени, когда не было широкой практики звукозаписи. Точно расшифрованный с магнитофона текст должен снять эту проблему. Главной идеей в репрезентации материала должна быть идея полной и точной публикации текстов и фактического комментария к ним.

Создание «Свода русского фольклора» осознается как предприятие общенационального культурного значения. Шагом к объединению усилий специалистов вокруг Свода для создания последующих после былин серий (сказки, песни, народный театр и пр.) должна послужить координация собирания и хранения русского фольклора, которая имеет задачей подвести итоги работы собирателей за несколько десятилетий, проанализировать состояние изучения фольклорной традиции в различных регионах России и воссоздать картину записей народной поэзии на территории всей страны.

«Свод русского фольклора» как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия станет не только сокровищницей устного народного творчества, но и сокровищницей материалов по истории народа, его культуры, этнографии и истории языка. Свод генерализирует закономерности развития народной поэзии и демонстрирует ее творческую природу. Реализация идеи Свода признана служить постоянным фактором обеспечения многосторонних научных исследований и широкой популяризации подлинно народного искусства, имеющего непреходящее историческое и художественное значение.

**НА ПУТИ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ
«ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИДЕИ ИЗ НАСЛЕДИЯ В. М. ЖИВОВА)**

Подготовка новой академической «Истории русской литературы», которая ставится сейчас в ряду первоочередных задач отечественной филологии, сопряжена для участников этой работы с решением серии непростых вопросов. Составителям будущей истории предстоит не только свести воедино новейшие открытия и толкования, касающиеся творческого наследия отдельных авторов и важнейших в этом наследии текстов, но и пересмотреть по ряду пунктов традиционную концепцию движения русской литературы от истоков до нашего времени. Последнее в особенности касается средневекового периода, потому что имеющиеся очерки развития русской словесности за данный период, по совокупности причин, не свободны от серьезных методологических изъянов. Удивления такое положение вещей не вызывает, если учесть мировоззренческую несовместимость культуры средневековья, с одной стороны, и культуры эпохи позитивизма и модерна, с другой стороны. Это обстоятельство облегчило проекцию на средневековую письменность чуждых ей категорий, отрицательную роль сыграл также императивный социальный заказ, к которому волей или неволей приравнивались историографы в своих оценках. Чтобы восстановить утраченную ими культурную дистанцию и придать будущей истории академическую строгость, полезно было бы вынести на обсуждение оригинальные мысли по поводу разных аспектов литературы и культуры Древней Руси, которые содержатся в синтетических трудах, вышедших из-под пера наиболее выдающихся современных ученых. Изданная посмертно монументальная «История языка русской письменности» В. М. Живова безусловно относится к выделенному разряду.¹ Хотя непосредственным предметом исследования является язык, а не написанная на нем литература, автор, в своем стремлении представить языковые процессы как движение и взаимодействие комплекса узусов, неизменно соотносит изменения языка с культурным контекстом. Данные исследователем характеристики разновременного контекста (контекстов) в первую очередь и должны привлечь внимание историка литературы, поскольку, описывая подверженную изменениям культурную среду, ученый высказал ряд весьма неординарных суждений, которые нельзя будет игнорировать при разработке основных положений будущей истории русской литературы. На самом деле, большинство из этих суждений Живова сформулированы были им гораздо раньше, но связывались с частными проблемами, в то время как в «Истории» автор соединил имевшиеся фрагменты в общую картину.

¹ Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1–2 (сплошная пагинация). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с указанием номера страницы.

С другой стороны, из сказанного следует также, что тезисы, наиболее ценные для характеристики русской средневековой литературы в выбранном для рассмотрения труде, нам предстоит извлечь из сугубо лингвистических размышлений исследователя, которые и составляют основное содержание его книги. Мало того, хотя значимость излагаемых далее идей Живова отнюдь не обязывает считать их безусловно правильными, дискуссия по каждому из пунктов потребовала бы самостоятельной статьи, а пожалуй, даже целого блока статей. По указанным причинам, подыскивая подходящую форму для наилучшей подачи интересующего нас материала, мы благоразумно откажемся на данном этапе от полемики и уклонимся от соблазна воспользоваться моделью, которую задает критическая рецензия, подразумевающая ту или иную оценку разбираемого сочинения. То, что предлагается вниманию читателя, правильнее всего назвать рефератом — жанром, как кажется, наиболее подходящим на пути к конечной цели, когда из масштабного исследования по одному из разделов филологической науки (лингвистики) делается целенаправленная тематическая выборка, соответствующая определенным задачам, поставленным в интересах другого раздела этой науки (литературоведения). Если говорить конкретно — в интересах будущей обновленной истории русской литературы.

Итак, определив модальность операций, которые мы собираемся проделать с книгой Живова, мы вправе свести до минимума полемический раздел — собственные или чьи-то еще контраргументы против какого-то спорно высказывания ученого. Тем не менее для лучшего уяснения дальнейшего изложения и отчасти вопреки сделанной только что декларации о беспристрастности референта считаю нужным в двух словах обрисовать теоретическую платформу Живова, на которой он возводит свою схему развития русского письменного языка. И одновременно обозначить присутствующие в этой платформе непрочные участки. Задавая алгоритм следующим далее изысканиям, исследователь доказывает несостоятельность берущей начало у младограмматиков аксиомы об органичности одного только разговорного языка. По Живову, который, на примере истории русского языка, дискредитирует исповедуемую Ф. де Соссюром оппозицию языка и речи как проявления дихотомии природы и культуры, опозицию, унаследованную потом в дуальных языковых моделях структурализма (в том числе в виде теории диглоссии), письменный узус обладал в древности и обладает до сих пор той же естественной преэминентностью, что и узус устный. Если в последнем случае преэминентность реализуется через восприятие опыта предшествующих поколений, то в первом случае — через превращение навыков чтения в навыки письма. Хранителем традиции выступает весь конгломерат письменных текстов. При этом понятие литературного языка, согласно схеме Живова, становится актуальным лишь применительно к Новому времени, когда начинается формирование языкового стандарта, вобравшего в себя, в качестве функциональных вариантов, прежде относительно автономные типы языковой деятельности (присущая языку компартиментализация, в терминологии ученого). Традиционное у классиков русской филологии противопоставление в языке Древней Руси «церковнославянских» (терминологические варианты: «древнеболгарских» и др.) и «восточнославянских», а потом и «русских» элементов или более радикальное отделение «церковнославянского» языка от «восточнославянского» языка (извода, наречия, диалекта и т. д.) имеет ограниченное эвристическое значение, потому что в динамике коммуникативных ситуаций во главу угла ставится не генезис отдельно взятого феномена, а его функция. В отношении средневековой эпохи следует говорить о регистрах языка русской письменности, причем при расчленении занимаемого этой эпохой языкового

пространства Живов обособляет (с. 205–324), прежде всего, книжные тексты (тексты с признаками книжности). Среди них задают тон (норму) представители «основного корпуса» (а их возглавляют книги, учившиеся наизусть, — Часослов и Псалтирь), а те, в которых имеет место интерференция книжных примет с приметами разговорного языка, автор называет «гибридными». Книжным текстам Живов противопоставляет некнижные (находящиеся вне единственно значимой для эпохи религиозной культуры), среди которых, в свою очередь, обособляются нормализованные на языковом уровне (правовые кодексы и документы) и ненормализованные (бытовое письмо, преимущественно представленное в виде берестяных грамот). Пересказать в нескольких предложениях весь путь, пройденный языком русской письменности, каким он предстает в интерпретации филолога, не представляется возможным. В этом нет и необходимости, поскольку те, кто интересуется деталями, сами обратятся к рассматриваемой монографии. Достаточно будет констатировать, что новаторский подход к источникам языка русской письменности позволил Живову в значительной мере переписать заново всю его историю.

С одной только трудностью ему не удалось справиться — с дефицитом собственных высказываний средневековых книжников о механизмах, регулировавших их языковую активность. Дело усугубляется тем, что почтенный историк языка, вполне отдавая себе отчет в конфессиональном содержании основного корпуса памятников древнерусской письменности, почему-то отказывается этим книжникам в праве на голос, не доверяя их собственному, религиозно мотивированному пониманию слова и текста. Симптоматично, что в книге ни разу не упомянуты отчасти раскрывающие такое понимание немногочисленные свидетельства славянской старины о принципах перевода, начиная от Македонского кириллического листка (хотя, по мере надобности, обсуждаются всякие разные переводы, а в нужных случаях привлекаются южнославянские трактаты по смежным темам, например «Сказание» Константина Костенечского).² Живову они не нужны, потому что он предлагает реконструировать практиковавшееся в древности освоение грамоты по собственному рецепту — как сугубо техническую процедуру (дежурная оговорка про единовременность овладения грамотой и катехизации ничего не меняет). Она якобы проходила в два этапа — от чтения к письму (если не считать заучивания наизусть Часослова и Псалтири): сначала учили читать по складам, чего было достаточно для бытового письма, лишь потом избранные получали навыки книжного письма, в основном через подражание образцам. В построениях Живова это важнейший постулат, но, за отсутствием прямых свидетельств, его приходится подкреплять смелыми догадками или ссылкой на сомнительные источники. Догадкой в чистом виде является мнение ученого, будто первый этап обучения обеспечивался не дошедшими до нас букварями (с. 228, прим. 105, с. 679),³ хотя отсутствие каких-либо учебных пособий (включая элементарные) можно считать конституирующей особенностью сла-

² См.: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб.; Köln; Weimar; Wien, 1995. Т. 1: Проза. С. 25–37 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 13/73) (раздел написан Д. М. Буланиным); Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (Около 950–1300 гг.) / Пер. с англ. СПб., 2010. С. 355–373. Разбирая грамматические контроверзы, развернувшиеся на соборах, осудивших Максима Грека, а потом в полемике со старообрядцами, Живов, вразрез с устоявшимся взглядом, отказывается видеть тут эффект, произведенный сакрализацией некоторых языковых фактов (с. 872, прим. 462).

³ Одноеровые записи алфавита в древнейших абecedариях прямо противоречат толкованию Живова, которому приходится прибегать к новой догадке — об исчезновении двуеровых азбук (с. 712–713). То же касается избыточных омофоничных графем (с. 684, 692).

вянской средневековой культуры.⁴ Еще более проблематично существование институтов, при которых овладевали своим искусством писцы, идет ли речь об училищах (их отсутствие признает и Живов, см.: с. 501–502)⁵ или о мощных скрипториях, где над изготовлением одного кодекса трудился добрый десяток писцов.⁶ Подобный размах предполагает интенсивное производство книг — презумпция, которая не подкрепляется объемом письменного наследия Руси за первые столетия. М. А. Шibaев подвергает сомнению наличие скрипториев даже в XV веке, и это в отношении крупного книгописного центра, каким был тогда Кирилло-Белозерский монастырь.⁷ Легкомысленно также буквальное прочтение топики писцовых записей, в которых встречается обращение к читателю с просьбой исправлять огрехи копииста, и осмысление такой просьбы как косвенного указания на технику их работы (с. 177). Тем же манером, применительно к процессам, связанным с ориентацией на южнославянские оригиналы в эпоху «Второго южнославянского влияния», Живов на первый план выдвигает не вероучительные мотивы, а грамматический фактор. Фактор этот считается главным, хотя грамматики в Москве до середины XVII века не было как таковой, а процессы нормализации реконструируются ученым филологом по поздним руководствам, вроде «Буковницы» Герасима Ворбозомского (с. 848–851). Спасение и здесь приходится искать в топики писцовых колофонов — в тех заявлениях, где авторы предостерегали от изменений находящегося в рукописи текста и призывали бережно к нему относиться (с. 268, 840–841). Ясно, однако, что обращения писцов в этом и в указанном выше случаях относятся к разным объектам: предельная аккуратность требуется при работе с конфессионально непогрешимым предметом — идеальным прообразом текста, в то время как копии-отражения не застрахованы от ошибок, каковые суть неизбежные реквизиты слабого и грешного человека. Они, разумеется, требуют корректировки. Сблaзн увидеть индивидуальное начало в топосе оказался непреодолим и при интерпретации известной «самоуничительной формулы» в разных ее вариациях — начиная от клишированного заявления старца Авраамия, автора «тетрадей» 1696 года, об отсутствии у него «грамматического разума» до апологии русского языка, принадлежащей Аввакуму, и дальше — до ярких образов, использованных в этикетной «биографической справке» составителем сборника «Статир» (с. 885–886, 913–915, 922).⁸ Важно отметить, что «самоуничительная формула» несла в славянской письменности никак не риторическую (каковую она получает, если видеть в ней каждый раз отражение некоего уникального обстоятельства — таковы именно рассмотренные случаи),

⁴ Ср.: *Picchio R.* The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Techniques // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 247–279 (California Slavic Studies; vol. 12).

⁵ Ср.: *Буланин Д. М.* У истоков классического образования в Москве: Памятник братьям Лихудам // *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für H. Keipert zum 70. Geburtstag.* Göttingen, 2012. Т. 1: Slavistik im Dialog — einst und jetzt. С. 159–186.

⁶ По данным Л. В. Милова (*Милова Л. В.* Из истории древнерусской книжной письменности XIV века: Палеографические наблюдения // *Вестник МГУ.* 1963. История. № 3. С. 23–33), над Троицким «Мерилом Праведным» (XIV век) работало два профессионала и не менее шести учеников. Выводы Милова принял А. А. Зализняк (число профессионалов у него увеличивается до трех), на книгу которого и ссылается Живов (с. 176). Ср. на с. 674, 711–712 о насчитанном предшественниками автора столь же умопомрачительном количестве писцов, будто бы участвовавших в изготовлении «Пандектов» Антиоха (кодекс XI века) и Троицкого сборника, № 12.

⁷ *Шibaев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодициологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 311.

⁸ Ср.: *Буланин Д. М.* Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // *Русская литература.* 1980. № 3. С. 137–142.

но конфессиональную нагрузку: объявляя о своем невежестве (убожестве и т. д.), заявитель свидетельствовал о незамутненной чистоте своей веры.

Нетрудно заметить, что все перечисленные издержки в построениях Живова возникли из-за склонности автора переоценивать лингвистическую озабоченность творцов древнерусской письменности в ущерб их конфессиональной ангажированности. К сожалению, без такого критического комментария к общей концепции исследователя нельзя было обойтись, поскольку та же тенденция просматривается, в большей или меньшей степени, за кулисами тех оригинальных идей ученого о древнерусской литературе, ради которых и писалась настоящая работа. Впрочем, в дальнейшем, строго придерживаясь жанровых рамок реферата, постараемся ограничиться беспристрастным изложением сути этих идей. Хотя и заглавие монографии Живова, и теоретическое к ней введение обещают противопоставить синхроническому срезу полновесную историю, три четверти объема книги описывают внутреннее устройство регистров в языке Древней Руси на начальном этапе его самостоятельного развития, лишь сопровождая такое описание экскурсами в позднейшие периоды. Тут нет вины автора, ибо сами первоисточники XI–XIV веков — мало того, что с трудом поддаются хронологической дистрибуции (за исключением берестяных грамот), они еще и нерепрезентативны для оценки объема и репертуара восточнославянской письменности первых веков.⁹ Сведения о значительной части древнейших памятников приходится извлекать из списков не ранее XV века. Это уменьшает их ценность как лингвистического источника, а во многих случаях ставит под вопрос раннюю датировку их протооригиналов. Тем не менее существует некий набор произведений: с одной стороны, принадлежность их начальному столетию (столетиям) русской литературы сомнений не вызывает, с другой стороны, ничего сравнимого с ними или вообще не появилось впоследствии, или развитие родственных форм словесности возобновилось лишь несколько веков спустя. Таково риторически совершенное Слово митрополита Илариона (шедевр, особенно необычный постольку, поскольку устная проповедь у нас в те годы не звучала¹⁰), таково Сказание о Борисе и Глебе (мартирий, посвященный жертвам не вероисповедания, а братоубийственной усабицы), таково написанное Нестором Житие Феодосия Печерского (следующее русское преподобническое житие будет составлено только в XV веке), таково Поучение Владимира Мономаха (собственный литературный опус представителя княжеской династии), такова, разумеется, и «Повесть временных лет» (новый вариант легендарной предистории Руси созреет лишь в XVII веке в виде «Сказания о Словене и Русе»¹¹). Кроме того, высокие достоинства первых литературных опытов на Руси, при отсутствии периода ученичества, сами по себе требуют какого-то объяснения.

Какие же соображения, помогающие толкованию этих уникалов, высказываются в «Истории»? Традиционная ссылка на роль Византии, которая и ввела поданных князя Владимира в семью православных народов, не вполне отвергается Живовым, хотя он и сомневается в уместности термина «влияние» применительно к той фильтрации, какой подвергались имперские стан-

⁹ Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв.: Заметки к оценке явления // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 202.

¹⁰ Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (Около 950–1300 гг.)». СПб., 2010. С. 15–16.

¹¹ См., с библиографией: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 444–447 (статья Д. М. Буланина, А. А. Турилова).

дарты по ходу их рецепции (с. 100). Говорить об универсальной зависимости русской письменной культуры от византийских образцов в любом случае невозможно. Ученый ссылается на несопоставимость исторического опыта Руси и империи, разную структуру функционировавших там и здесь языков (отрицательный признак на месте древнегреческого языка), наличие в одном случае и отсутствие в другом образовательных учреждений, унаследованной от античности риторической культуры, иерархии жанров, совершенно не актуальной в новых коммуникативных ситуациях, и др.¹² Хотя исследователь полностью принимает популярные ныне манипуляции, с помощью которых с завидной легкостью отделяют собственно русские переводы с греческого от прочих, все-таки он признает южнославянское происхождение основного корпуса переводной литературы (с. 93). Правда, самостоятельное значение Болгарии в качестве промежуточной инстанции между Византией и Русью, т. е. того места, где и было принято решение о равнении славянской письменной культуры на византийский монастырь,¹³ никак и нигде не раскрыто. Напротив, автор силится доказать, что для периода, на который пришлось зарождение русской литературы, неправильно противопоставлять православие Константинополя, которое прижилось в Киеве, латинскому христианству Рима. Крещение Владимира по греческому обряду было собственным выбором русского князя, никоим образом не предполагавшим дискриминацию латинской церкви. Ее нельзя сбрасывать со счетов, потому что в годы крещения Руси Византия, в отличие от Рима, не имела особого интереса к миссионерской деятельности у восточных славян (империя и вообще не была склонна к миссионерским трудам). Деление славянской культуры на *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* (терминология Р. Пиккио) применительно к этому времени анахронично. Им Живов противопоставляет объединяющий термин *Slavia Christiana*, который обозначает собственный славянский мир, сосуществующий, как во время Кирилло-Мефодиевской миссии, рядом с греческим и латинским на равных с ними правах.¹⁴ По данным исследователя, толерантность Рима по отношению к славянскому языку остается в силе, он благополучно продолжает использоваться в Моравии и в Чехии. Даже формальный разрыв — схизма 1054 года не могла мгновенно поляризовать две церкви и две культуры, так что каждая из сторон прилагала много усилий, натравливая своих адептов на противника. В процессе таких атак родилась легенда о епископе Войцехе как гонителе славянского богослужения, в 1096–1097 годах была разгромлена славянская традиция в Сазавском монастыре, пресеклись бывшие некогда интенсивными культурные связи между западными и восточными славянами, и сами следы этого взаимодействия тщательно заматывались как латинянами, так и православными. Именно поэтому, полагает Живов, сохранилось мало предшествующих отчуждению латинских, в том числе западнославянских, примет в организации и функциях новоучрежденной русской церкви, а также в объединенной этой церковью обществу.

Каковы же реминисценции былого взаимодействия (с. 129–149)? Фон создают разветвленные династические связи Рюриковичей с западным миром,

¹² О невосприимчивости Древней Руси к византийским политическим и культурным моделям писали и до Живова. См. особенно: *Franklin S. The Empire of the «Rhomaioi» as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion. 1983. Vol. 53. P. 507–537.*

¹³ Ср.: *Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 264–276 (Slavistische Beiträge; Bd 278).*

¹⁴ Р. Марти предложил синонимичный термин — *Slavia Cyrillo-Methodiana (Marti R. «Slavia Orthodoxa» als literar- und sprachhistorischer Begriff // Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. Sofia, 1988. Vol. 1. S. 193–200).*

никак не ущемляемые церковными инстанциями. Далее, аналогии не в Византии, а в «варварских» государствах на Западе, среди прочих у западных славян, подыскиваются к установившейся практике финансового обеспечения русской церкви (десятина) и в вопросах ее юридической компетенции. На западные образцы ориентированы киевские представления о христианском государстве и его движении во времени (сходная с анналами организация повествования в русской летописи), а также о нравственно-политических добродетелях христианского правителя. Так объясняется покорность своей участи Бориса и Глеба, причем Борис сам вспоминает, накануне убийства, среди других мучеников, принявших смерть от руки родственников (Никита и Варвара), о князе Вячеславе Чешском. В восточнославянской рукописной традиции известна молитва Троице, в которой упоминаются, рядом со скандинавскими святыми-страстотерпцами, западнославянские (Вячеслав, Войцех).¹⁵ Среди прочих элементов, противостоящих византийской культурной парадигме, с ее школами античного образца, Живов упоминает утвердившуюся на Руси систему трансляции знаний, которая носила здесь катехизический характер и поэтому больше походила на педагогическую практику в тех странах, чья церковь была подведомственна Риму. Остается только пожалеть, что ученый не принял к сведению статью Х. Кайперта, приведшего западные параллели к известному пассажу «Повести временных лет» о насильственном взятии князем Владимиром детей «нарочитые чади» для «ученья книжного» (ср. на с. 87–89 экскурс об этом последнем словосочетании).¹⁶ Сообщается ли тут о действительном факте или воспроизводится «общее место» миссионерских житий, — сопоставления Кайперта в любом случае подкрепляют развиваемую в занимающей нас монографии мысль о значимости западного влияния при разрыве Руси с ее языческим прошлым. Возвращаясь к перечню отложений в восточнославянских древностях невизантийского субстрата, отметим, что Живов называет зачисляемые в корпус древнейших киевских текстов переводы с латинского, скорее всего выполненные у западных славян, а также собственно западнославянские сочинения. Раздел завершается перечнем усвоенной восточными славянами религиозной терминологии латинского происхождения, в которой, рядом со старшим — старославянским ресурсом, несомненно есть и лексика, заимствованная позднее у западных славян. Есть и несколько лексем с отчетливыми следами западнославянского посредничества.

Изложенную идею Живова об интенсивном западном влиянии на русское общество и книжность на начальном этапе христианизации страны, в том числе через западных славян, влиянии, остатки которого потом скрупулезно вытравили, нельзя строго доказать по этой самой причине — из-за вытравленных воспоминаний (если, конечно, признать их наличие). Независимо от того, принимаем мы идею в представленной форме или отвергаем, ей должно быть отведено заслуженное место в будущей истории русской литературы. Ибо в рамках такой гипотезы получают объяснение некоторые особенности старшего пласта древнерусской культуры — переключки ее памятников с западноевропейскими, чаще всего со скандинавскими аналогами. Среди прочего, это касается названных литературных уникалов. Общеизвестны западные параллели, подобранные к Сказанию о Борисе и Глебе и Поучению Мономаха, Начальную летопись все чаще сравнивают с западными хрониками.¹⁷ Многозначителен

¹⁵ Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 419 (с библиографией).

¹⁶ Keipert H. Die «Knabenlese» Vladimirs des Heiligen — eine angelsächsisch-skandinavische Reminiszenz? // Zeitschrift für slavische Philologie. 2009. Bd 66. S. 37–60.

¹⁷ См. особенно: Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.

и скандинавский элемент в летописи, признаваемый как теми, кто видит в ней, вслед за А. А. Шахматовым, наслоение нескольких сводов,¹⁸ так и теми, кто начинает историю русского летописания с «Повести временных лет».¹⁹ Важнее, думается, другое: гипотеза Живова дает одно из возможных объяснений, почему литературный взлет старшего периода русской литературы оказался недолговечным. Перелом в истории Древней Руси и ее культуры, пришедший на XII век, отмечается всеми, пускай с хронологическими поправками, предлагающими чуть-чуть сдвинуть этот перелом в ту или иную сторону. Причины перелома не ясны, ясно только, что неверно квалифицировать его как деградацию и связывать с феодальными войнами, непрерывно терзавшими тогда, по заверению летописца, русские земли.²⁰ Как бы то ни было, в литературном репертуаре смена стандарта бросается в глаза: если не считать памятников, не поддающихся датировке даже в пределах нескольких веков (вроде «Моления» Даниила Заточника, «Слова о князьях» и др.), теперь на первый план выходят камерные жанры — поучение духовника, толкование, вопрос-ответ, гнома и т. д. В связи с этим постулируемое Живовым исчезновение одного из источников воздействия на книжный ассортимент (латинского, включая западнославянский) надлежит признать правдоподобным, хотя и не обязательным ответом на вопрос о причинах произошедших изменений.

Вторая из перспективных идей Живова, которую хотелось бы здесь представить, касается, на первый взгляд, довольно специфической материи, обыкновенно оставляемой историей литературы за кадром. Как видно будет из дальнейшего, из истории литературы эта материя изгоняется неправоммерно, а при распространении ключевого тезиса Живова на смежные явления он вплотную подводит к познанию отличительных черт всего корпуса древнерусских памятников письменности. Автор комментируемой «Истории» выясняет, как возникла, как проявилась в плане содержания и как запечатлелась в плане выражения ситуация правового дуализма, сложившаяся в связи с крещением Руси и сохранявшаяся там вплоть до издания Уложения 1649 года (с. 271–297). В тогдашнем социуме в наличии было две почти не пересекавшиеся юридические системы, одна из которых, представленная «Русской Правдой», отражала местное право восточных славян, соответствовала горизонтальной структуре общества и предусматривала наказания в виде возмещения ущерба. Другую систему Русь получила через переводные византийские кодексы, прежде всего «Эклогу» (ее 17-й титул, кроме того, был использован на заре славянской письменности в «Законе судном людем») и «Прохиرون», а также присоединившуюся к ним позднее компиляцию с названием «Книги законные». Все они отражали государственную юридическую традицию, а включенные в них статьи санкционировали физические наказания правонарушителей. Косвенным свидетельством того, что данная оппозиция в полной мере осознавалась самим обществом, может служить известный летописный рассказ под 996 годом о том, как князь Владимир пытался было внедрить (неудачно) в своих владениях византийское судопроизводство (даже если это полностью вымышленный анекдот). «Русская Правда» важна для Живова в качестве главного (а на начальной стадии развития единственного) образчика нормализованного (делового) языка не книжных текстов. Как показывают собранные

¹⁸ С несущественной оговоркой (с. 259) шахматовский подход к летописи разделяет и Живов, не очень ловко (если принять позицию древних книжников) называя летопись «основной» или «центральной» составляющей в гибридной письменной традиции (с. 250).

¹⁹ Толочко А. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015; Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф: Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015; Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание: Метод, схема, традиция. Київ, 2018.

²⁰ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200 / Пер. с англ. СПб., 2000. С. 520–528.

ученым терминологические эквиваленты, переводные кодексы используют лексику, отличную от лексики русского памятника и одновременно совпадающую со словарным фондом других переводов с греческого. Такова наиболее яркая примета, по которой не книжный текст противопоставляется книжному, при этом терминологическая конвергенция с течением времени возможна была только в одном направлении — от вторых к первым. По Живову, действующим было местное право, хотя и лишенное своего места в культуре, между тем как византийское право, хотя и обеспеченное престижем как носитель культурного багажа, было юридической фикцией. Это явствует из общей невразумительности переводов, грубых ошибок (в том числе в определении санкций) при передаче греческого оригинала, помноженных на ошибки переписчиков отдельных копий, из недопустимой в юридической практике терминологической омонимии. Отсутствие у византийских законов практического приложения (использование статей «Прохирона» в грамоте 1404 года митрополита Киприана не в счет, учитывая его общую ориентацию на византийскую практику) означает, что их читали как неотъемлемую часть православной традиции. В самом деле, названные переводные памятники существовали не сами по себе, а в составе «Кормчих» или в сборниках учительного содержания, изъятие их оттуда воспринималось как покушение на полноту священного предания («градские законы», фигурирующие в «Просветителе» Иосифа Волоцкого и в прениях на соборе 1531 года против Вассиана Патрикеева).

В той модификации, какую концепция Живова обрела в обсуждаемой монографии, эксплицитно дистанцирующейся от вездесущих дуальных моделей структурализма, она утратила многое от полемической заостренности, присущей начальному варианту работы ученого, в форме статьи, которую он сам датирует 1982 годом.²¹ Изменения отчасти связаны с собственной творческой эволюцией исследователя, отчасти — с довольно острой критикой, какой был встречен начальный вариант исследования.²² Для историка литературы большую ценность представляет стимулирующий дальнейшие размышления именно первый — «эпатажный» вариант работы 1982 года, который, правда, надлежит воспринимать сквозь призму вызванных им положительных или отрицательных откликов коллег-славистов. Действительно, в то время как в занимающей нас «Истории» к сравнению с автохтонными памятниками (особенно с «Русской Правдой») привлекается только внецерковное законодательство Византии (ср. на с. 290–291 о том, что правила, не обеспеченные процессуальными действиями, не берутся в расчет), в начальном варианте широко учитывались тексты канонического содержания. Решение было правомерное: оно оправдано продемонстрированным самим Живовым функциональным родством тех и других памятников на русской почве, родством, которое подкреплено и общностью их судьбы в рукописной традиции, и общим для них словарным запасом. При ближайшем рассмотрении оказывается, что вывод ученого о переводных кодексах как юридической фикции может быть, в свою очередь и без больших потерь, экстраполирован на главных представителей канонического наследия Древней Руси, включая сюда «Кормчую книгу», где мирские законы соседствовали с церковными.²³ Вопреки утвердив-

²¹ Живов В. М. История русского права как лингвосемiotическая проблема. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 291.

²² См. особенно: Burgmann L. Zwei Sprachen — zwei Rechte: Zu einem Versuch einer linguo-semiotischen Beschreibung der Geschichte des russischen Rechts // Rechtshistorisches Journal. 1992. Bd 11. S. 103–122; Franklin S. On Meanings, Functions and Paradigms of Law in Early Rus' // Russian History = Histoire russe. 2007. Vol. 34. P. 63–81.

²³ Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. С. 62. Т. 1: Исследование.

шему мнению русских канонистов, история «Кормчей» на Руси — это не столько история ее приспособления к управлению местной церковью и к решению казусов, находящихся в церковной юрисдикции, сколько история превращения переводного канонического сборника в компендиум для назидательного чтения, куда входят исторические, экзегетические, гомилетические, полемические, учительные и др. статьи. Учитывая авторитет «Кормчей» в средние века, мы уже не скажем, что спровоцированная Живовым дискуссия лежит в стороне от истории русской литературы. Достоинно внимания, что по ходу дискуссии фиктивной оказалась и давшая ей толчок бинарная оппозиция (действующее право вне культуры vs включенное в культуру эфемерное право). Дело здесь не только в отсутствии неоспоримых прецедентов, когда «Русская Правда» привлекалась бы для решения конкретного инцидента.²⁴ Не менее значимо, что она неизменно переписывалась в составе памятников конфессионального содержания — в летописи и в той же «Кормчей», наконец, в «Мериле Праведном». Через них она легитимировалась как божественное установление. Что же касается повседневной жизни, можно думать, что судоговорение по мирским и по церковным делам вершилось по старинке устно и на основе устных преданий.²⁵ Между прочим, автор обсуждаемого исследования, представив свидетельства устного субстрата «Русской Правды» (тут она типологически, а вероятно, и генетически родственна другим «варварским правдам»), признает, что и сама она, возможно, функционировала в устной форме, тогда как ее «письменное бытование оставалось маргинальным» (с. 316). Урок, который может быть извлечен из оригинальной идеи Живова, обогащенной размышлениями других исследователей, касается не одних юридических текстов, но и вообще древнерусской книги как культурного феномена. Подобно тому, как памятники права, равно оригинальные и переводные, не имели практического применения, прагматический аспект отсутствовал у целого букета переводных византийских текстов, бытовавших у себя на родине с четкой спецификацией как догматические, аскетические, мистические и др. В новом культурном окружении они представляли собой более или менее гомогенную массу и свободно соединялись в сборниках учительного характера в самом широком смысле этого слова. Ибо любая книга была на Руси по преимуществу символическим капиталом, лишенным практического применения.

Заслуживают всестороннего обсуждения остроумные соображения, высказанные в «Истории» Живова в связи с его тезисом о смене бывшего прежде в употреблении «текстологического» подхода к книжному языку «грамматическим» подходом (с. 821–887). Речь идет о переломном в истории и в культуре Древней Руси периоде, маркирующие который новации в основных контурах наметились еще в конце XIV века, но в полной мере проявились в следующем столетии. В частности, о сопутствовавшем изменениям в культуре и отчасти стимулировавшем их «Втором южнославянском влиянии». В соответствующем разделе обсуждаемой «Истории» содержится, на первый взгляд, немало убийственных выпадов против укоренившихся в научной литературе суждений о периоде в целом и в особенности о «Втором южнославянском влиянии». Однако, разобрав, что к чему, убеждаемся, что спор чаще всего идет о словах, а не обозначаемых ими понятиях. Скажем, Живова не устраивает этикетка под названием «Второе южнославянское влияние», потому что она затемняет расхождения в культурной обстановке на Руси и на

²⁴ Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. С. 275.

²⁵ Ср.: Долгов В. В. Функции юридических текстов в Древней Руси (На примере «Мерила Праведного») // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 91–98.

византийско-славянском юге? — Но неудовлетворительность этикетки ясно осознавалась и осознается всеми, кто описывал способы взаимодействия со славянским югом и использовал ее лишь как дань устоявшейся таксономии. К тому же упрек автора безадресный, а сам он разделяет общепринятый взгляд о религиозном обновлении как о перводвигателе изменений и главной отличительной черте эпохи. Ученому не нравятся выражения «Предвозрождение» или «Православный гуманизм», потому что у православных славян так и не пробудился интерес к античной культуре? — Но изобретатели терминов вполне отдавали себе отчет в их условности. Живов выражает сомнение по поводу значимости учения исихастов как богословского фундамента развернувшейся при патриархе Евфимии Тырновском книжной sprawy, ссылаясь на укорененность их богословия в традициях православного Востока? — Но традиционность эта неизменно подчеркивалась и теми из предшественников исследователя, кто писал об исихазме как катализаторе присущего эпохе стремления к религиозному обновлению. Отмечу, что тенденция к пересмотру роли исихазма в процессе «Второго южнославянского влияния» наметилась уже раньше, в умозаключениях Б. А. Успенского, который полагал, что сама исихастская доктрина была занесена на Русь с юга вместе с книжным импортом как вещь вторичная.²⁶ Живов идет дальше, относя приобщение Руси к аскетическим упражнениям в духе исихазма ко времени Нила Сорского (с. 831, прим. 442). Живов, продолжая пересматривать стереотипы научной литературы, заявляет, что балканскую книжную реформу нет необходимости приписывать исихастам, потому что у них не было собственной «языковой теории»? — Как выясняется, так называемая «языковая теория» исихастов представляет собой частный случай того, что сам исследователь описывает как «неконвенциональное понимание сакральных символов», так что и здесь отсутствует предмет для спора (с. 827).

Так или иначе, расчистив почву от лишнего богословского мудрствования, автор интерпретирует «Сказание о писменех» Константина Костенечского — единственное дошедшее до нас произведение с обоснованием балканской книжной реформы — как выразительный пример «изобретения традиции» (термин Э. Хобсбаума). Взаимодействие книжного и разговорного языка оценивалось инициаторами реформы и составителем «Сказания» как процесс его «порчи», грозящей уклонением в ересь. Соответственно, задача реформаторов заключалась в том, чтобы вернуть славянский язык к состоянию его первозданного совершенства, каким его сотворили равноапостольные братья Кирилл и Мефодий. Реализация этой цели достигалась через расподобление письменного и устного узусов, поскольку же контроль с помощью живого языка оказывался под запретом, возникала потребность «в системе абстрактных правил». Это и есть тот грамматический подход к письменному языку, формирование которого на Руси надеется проследить автор «Истории». Воздерживаясь от подробного критического разбора той трактовки совершавшейся пурификации языка, которую дает Живов (каковы доказательства существования на Руси «пафоса языковой правильности»? и как, при отсутствии грамматики, усваивались новые «правила»?), позволю себе все же усомниться в том, что русская письменность XV века восприняла от южнославянской не одни только результаты книжной реформы (в виде текстов и в виде новой орфографии), но также и ее идеологическую подоплеку. Именно, ничто не намекает на сочувствие русских книжников единоверным славянам, только-только утратившим свою государственность, и на их стремление к консоли-

²⁶ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 280.

дации православного мира («попытки создания православной ойкумены» — с. 835). Кроме того, как мне теперь представляется, за «русоцентричной» теорией происхождения церковно-славянского языка, провозглашенной Константином Костенечским, не таится никакой сознательной ориентации на восточнославянский извод этого языка. К средневековым этнонимам, в том числе производным от них глоссонимам, надлежит подходить очень осторожно. Парадоксальным образом, одновременно со «Вторым южнославянским влиянием» на русскую книжность в славянской письменности (одинаково в восточнославянской, как и в южнославянской) указание на «русский язык» стало употребляться для обозначения «правильного церковно-славянского», откуда недалеко уже было до признания «русским» языка солунских братьев. Таков смысл глоссонима, не имеющего, кажется, никакого отношения к действительной истории славянских языков, но встречающегося в рассматриваемую эпоху на каждом шагу: в колофонах и записях при целой веренице переводов (предложенный А. И. Соболевским список нетрудно расширить), в корсунском эпизоде Жития Константина Философа, в «Сказании о русской грамоте», которое я датирую XV веком, и др.²⁷

Для историка русской литературы в этом запутанном клубке взаимосвязанных проблем наибольший интерес представляет замечание, вскользь оброненное исследователем по ходу его полемики с теми, кто преувеличивает участие исихастского богословия во «Втором южнославянском влиянии». Речь идет о стиле «плетения словес», занимающем одну из центральных позиций в общепринятой композиции научного рассказа о судьбах русской словесности. Живов категорически отрицает какую бы то ни было связь этого стиля как с движением исихастов, так и с книжной реформой в целом. Если бы такая связь существовала, рассуждает он, нужно было бы ожидать особенной склонности к орнаментальной прозе у византийских и южнославянских исихастов, на творчество которых, согласно историографическому стереотипу, равнялись русские подражатели. Между тем у связанных с движением исихастов деятелей нет ничего, даже отдаленно напоминающего «плетение словес», которое и вообще было бы не вполне прилично для аскетических писаний, главных для исихастского мудрствования. С этим выводом трудно спорить, спорна, думается, и сама попытка соотнести русские опыты в стиле «плетения словес» со «Вторым южнославянским влиянием» в традиционно установленных для него пределах от конца XIV века до первых десятилетий XV века. Таким образом, вывод Живова должен побудить к поискам в недрах древнерусской литературы более подходящего по хронологии места для памятников, написанных в орнаментальном стиле. Их обособленное положение в том литературном контексте, куда их обыкновенно помещают (рубеж XIV–XV веков), и их малочисленность, с одной стороны («Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского», Жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского), относительно поздние рукописные свидетельства их бытования (не ранее второй половины XV века), с другой стороны, подталкивают к необходимости пересмотреть датировку самого феномена, обозначаемого как «плетение словес». Аргументы Живова предполагают, что и аналогии к русским образцам орнаментальной прозы надлежит искать где-то за пределами византийских агиографических писаний о святых-безмолвниках, с которыми их принято

²⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 36–37 (Сборник ОРЯС. Т. 74. № 1); Дзиффер Д. Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина // Славяноведение. 1994. № 1. С. 65–66; Живов В. М. *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. С. 155–157.

было до сих пор сравнивать (ср. славянские переводы житий Григория Синаита, Феодосия Тырновского, Ромила Видинского). На самом деле, уместные аналогии — панегирические жизнеописания сербских королей из рода Неманичей, в особенности, составленное Доментианом Житие Саввы — давно подобраны.²⁸ Значение этих текстов как стилистической модели оставалось в тени из-за гипертрофированного внимания к исихастским мотивам Жития Сергия, которые ставились во главу угла при оценке и других русских образцов «плетения словес». Интенсификация русско-сербских связей (особенно через Афон) со второй половины XV века — факт известный,²⁹ следовательно, с этой стороны некоторое омоложение интересующих нас русских памятников не встречает препятствий. Передатировка перечисленных памятников предусматривает, разумеется, серьезные поправки к «биографии» составителя русских житий (возможно также «Слова о житии и преставлении») Епифания Премудрого, какой ее принято реконструировать. А также ревизию истории текста атрибутируемых ему сочинений. Но здесь уже требуется вникать в такие нюансы, которые вынудят нас отступить от поставленной ныне задачи — представить в общих чертах те идеи «Истории», которые видятся наиболее перспективными для готовящейся истории русской литературы.

Завершая это обсуждение, считаю необходимым решительно подчеркнуть, что значение «Истории языка русской письменности» для историка литературы никоим образом не исчерпывается рассмотренными темами. Вдумчивый читатель найдет на страницах монографического исследования Живова еще немало точных наблюдений, метких характеристик, иногда парадоксальных высказываний по поводу целого спектра конкретных памятников русской средневековой книжности и по поводу своеобразных качеств, присущих древней славянской письменности в целом. Кроме того, временные рамки «Истории» не ограничиваются допетровскими столетиями. Пускай в конспективной форме, Живов все-таки сообщает о собственном видении дальнейшей истории языка русской письменности, которая прослеживается вплоть до наших дней. Не приходится спорить, что представления об относительной важности тех или иных мыслей и их относительной значимости для будущей истории литературы не свободны от субъективизма. В конечном итоге выбор их остается на совести эксцерптора. Во оправдание свое скажу, что для теперешнего разбора взяты были лишь те идеи нашего выдающегося филолога, которые, в процессе их развертывания, побуждают к переоценке целых хронологических пластов в развитии русской литературы, а отчасти — к глобальному пересмотру структуры и специфики всего литературного наследия Древней Руси.

²⁸ См. особенно: *Mulić M. Srpski izvori «pletjenja sloves»*. Sarajevo, 1975 (Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Djela. Kn. 50. Odjeljenje za književnost i umjetnost. Kn. 2).

²⁹ См., например: *Буланин Д. М.* Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2012. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. 480–494, и др.

КОГДА И ДЛЯ КОГО БЫЛ СОСТАВЛЕН ПРОЕКТ ТУРГЕНЕВСКОЙ «КОНСТИТУЦИИ» (И. С. ТУРГЕНЕВ, А. И. ГЕРЦЕН И АРТУР БЕННИ)

Документ, о котором пойдет речь, чудом сохранился в парижских бумагах И. С. Тургенева.¹ Впервые на его существование указал выдающийся французский славист Андре Мазон, издавший в 1930 году описание архива писателя, книгу, не потерявшую своего значения по сей день.² За внешним оформлением небольшого переплетенного томика в сафьяновом корешке и в обложке, обтянутой узорчатой, цвета граната тканью, следует подробное изложение содержимого; его ученый с полным основанием определил как «лес, в котором трудно найти дорогу».³ Мазон назвал эту тетрадь «Записной книжкой с черновыми набросками», обозначив крайние даты ее заполнения: «С февраля 1857 по июль 1863».

Начальная дата выставлена на обороте форзаца, где читаем: «9 фев<раля> 1857. / Делаво взял: / Стихотворения Некрасова / XI № Совр<еменник>а / XI № Биб<лиотеки> для Чт<ения>. — / Русск<ий> вест<ник> — ? —». Под этой записью очень странный рисунок — голова бородатого мужчины, лежащего на спине на подушке. Глаза его закрыты — он либо спит, либо мертв. Но самое странное в том, что лицо мужчины удивительно напоминает лицо Тургенева. Неужели еще один автопортрет?

Под портретом не менее странная надпись: «Anstett. / Balzer». Запись привела в замешательство Мазона, который отметил: «Эти два слова загадочны. <...> Идет ли речь о Frau Anstett, которая сдавала меблированные комнаты в Баден-Бадене, на Шиллерштрассе 277?»⁴

В указанную тетрадь вошли: черновая рукопись «Поездки в Полесье», завершенная 26 февраля (10 марта) 1857 года в Дижоне, где Тургенев провел несколько дней вместе с Л. Н. Толстым; записанные тут же, в Дижоне, план и черновая редакция статьи «Гамлет и Дон-Кихот», она будет закончена лишь 28 декабря 1859 (8 января 1860) года в Петербурге («Писано с большими перерывами», — пометит Тургенев здесь же); «прибавленная сцена» к рассказу «Петушков», датируемая Мазоном расширительно — между 1860 и 1862 годами, и, наконец, черновая редакция повести «Призраки», оформленная, как это обычно делал Тургенев, с титульным листом, где отмечались даты начала и окончания работы: «ПРИЗРАКИ. / Фантазия. / Задумана весьма давно, в 50-х годах, начата тоже давно. / Кончена в Бадене, в субботу, 1/13-го июня 1863 г. / Ив. Тургенев».

¹ Bibliothèque nationale de France (далее — BNF). Slave 88: Tourguéniev. Manuscrits parisiens XV.

² Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéniev: notices et extraits. Paris, 1930.

³ Ibid. P. 57. Здесь и далее перевод мой. — Н. Г.

⁴ Ibid.

Особенность этой тетради состоит в том, что ею Тургенев пользовался с двух сторон. Восстанавливая хронологическую последовательность заносимых в тетрадь текстов, Мазон установил, что во время работы над статьей «Гамлет и Дон-Кихот» писатель обращается к новым замыслам — повести «Ася», начатой 30 июня (12 июля) в Зинциге и завершённой 15 (27) ноября 1857 года в Риме; отвлекается на письмо «Из-за границы» (закончено 19 (31) декабря 1857 года⁵) для журнала «Атеней», которое сам аттестует как «глупейшее»; набрасывает списки персонажей повести «Первая любовь» и романа «Накануне». Здесь же находится зачин повести «Довольно», всего два листа, с позднейшей записью перед текстом: «Начало: „Довольно“. — См. — в другой тетради» и первоначальным заглавием: «Несколько писем / без [конца] начала и конца». Именно в этом месте происходит «смычка» между двумя частями «двухсторонней» черновой тетради, а две наиболее пессимистические повести («Призраки» и «Довольно») замыкают круг замыслов и черновых набросков этого самого, пожалуй, насыщенного в творческом отношении периода жизни писателя. Недаром между обозначенными выше крайними датами заполнения тетради в гранатовом переплете лежало создание трех романов — «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети», а также повестей «Ася», «Первая любовь», «Призраки» и «Довольно». Характерно, что в этой тетради оказался и первый набросок будущего романа «Дым».

Нас, однако, сейчас интересует не творческая история перечисленных произведений, а документ, помещенный между статьей «Гамлет и Дон-Кихот», завершённой, как уже сказано, 28 декабря 1859 (9 января 1860) года, и «Прибавленной сценой к Петушкову», как сам писатель назвал этот отрывок позднее (первоначальное его заглавие — «Сцена в П<етушков>»). Вообще в тетради все черновые наброски были впоследствии просмотрены и, если не имели первоначального заголовка, пояснены, — свидетельство того, что писатель дорожил даже черновыми и незавершёнными текстами, причем большинство из них с авторской пагинацией.

Интересующий нас текст, однако, авторской пагинации не имеет и первоначально не имел названия.⁶ Просматривая впоследствии тетрадь, Тургенев записал над ним: «Проект адреса Государю, писанный в 1860-м году», при этом пояснил: «Он был вручен Бенни — но впоследствии истреблен».⁷ Первые опубликованные в первом Полном собрании и писем И. С. Тургенева в 1962 году (серия «Письма», раздел «Официальные письма и деловые бумаги»), документ (не вполне корректно) был охарактеризован как черновое письмо к Александру II и датирован в соответствии с собственноручной авторской записью 1860 годом.⁸

Текст представляет собой сильно правленный черновик и не имеет подписи. Под ним, очевидно позже и вряд ли случайно, наискосок записан столбиком ряд фамилий: Лангевич, Падлевский, Нарбут, Тачановский, Езерянский,⁹ Чаховский. Предположение А. Мазона о том, что сюда попали фамилии

⁵ BNF. Slave 88. F. 47.

⁶ Ibid. F. 16 v. — 17 v.

⁷ Ibid. F. 16 v.

⁸ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1962. Т. 4: Письма. 1860–1862 / Подг. текста и комм. Е. И. Кийко. С. 393–395, 648–652. Во втором академическом издании как текст, так и комментарии перепечатаны без изменений: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 400–492, 676–679. Далее ссылки на второе издание Полного собрания сочинений Тургенева даются в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы арабскими цифрами.

⁹ Во втором Полном собрании сочинений и писем эта фамилия почему-то исправлена на «Езерский» (П 4, 679).

людей, подписавших адрес,¹⁰ было справедливо отвергнуто в комментариях как маловероятное. Здесь читаем: «Перечисленные Тургеневым лица — активные участники польского восстания 1863 г. К какому году (1860–1863?) относится эта запись, остается неустановленным» (П 4, 679). Запись настолько важна для нашей темы, что необходимо остановиться на именах, ставших контекстом адреса Александру II.

Генерал Мариан Лангевич (Лянгевич; 1827–1887) вошел в историю в качестве одного из руководителей восстания, который сменил на этом посту бежавшего в Париж после поражения под Новой Весью 9 (21) февраля 1863 года Людвика Мерославского. Участник похода Гарибальди на Неаполь в 1860–1861 годах, кадровый офицер, готовивший будущих польских повстанцев в Италии, Лангевич командовал отрядами в южной Польше, объявил себя диктатором, дал ряд сражений русским войскам и, будучи разбитым при Хробрже и Гроховиско, бежал в Австрию. В 1867 году он оказался в Турции, где безуспешно пытался собрать польский легион.

Вторая названная Тургеневым фамилия — Зыгмунта Падлевского (1836–1863) — также относится к числу имен руководителей восстания 1863 года. Будучи членом повстанческого Центрального комитета, который назначил его революционным начальником Варшавы, Падлевский отличился жестокими карательными мерами против помещиков, не желавших поддержать восставших, попал в плен и был расстрелян 15 мая 1863 года в Плоцке.

Вписывая имя Нарбута, Тургенев, очевидно, имел в виду не Казимира Нарбута, также участника восстания, а Людвика Нарбута (1832–1863), возглавившего повстанцев в Белоруссии и Литве и погибшего на поле боя. Упомянутого в списке Эдмунда Тачановского (1822–1879) также трудно отнести к малоизвестным участникам мятежа. Задолго до восстания он занимался его подготовкой; как и Лангевич, принимал участие в походах Гарибальди (к слову, итальянские революционеры в свою очередь активно поддержали польский бунт), не раз арестовывался и отбывал заключение. Присоединившись к мятежникам уже после подавления основных сил, Тачановский, однако, вскоре был разбит, что не помешало Национальному правительству присвоить ему звание бригадного генерала и доверить командование значительным числом соединений. Лишь в августе 1863 года русским войскам удалось разгромить его полутора-тысячный отряд, после чего генерал бежал во Францию, а затем в Турцию.

Имя полковника, затем генерала Антония Езерянского (Езёраньского; 1821–1882) осталось в летописях как имя одного из наиболее успешных военачальников, к тому же вступившего в противоборство с «диктатором» Лангевичем, после бегства которого он был назначен главнокомандующим большими силами повстанцев и одержал ряд побед над правительственными войсками. Продержавшись до конца апреля 1863 года, Езерянский признал дальнейшее сопротивление бессмысленным и был лишен Национальным правительством всех званий и постов. Наконец, последний в списке — Дионисий Чаховской (1810–1863), погибший в окрестностях древнего Радома, — вошел в пантеон героев Польши. Против перечисленных фамилий, отчеркнутых волнистой линией, Тургеневым проставлена загадочная буква «Ф. —» («Финал»?). Более ни в произведениях Тургенева, ни в его переписке ни одно из этих имен не встречается.

Возникает ряд закономерных вопросов: был ли знаком Тургенев с упомянутыми лицами? Если нет, то какой смысл заключается в появлении имен польских повстанцев после чернового текста адреса на имя Александра II? Наконец, когда была сделана эта запись?

¹⁰ Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. P. 60.

Скажем сразу: несмотря на отсутствие очевидной связи между интересующим нас документом и именами польских военных, частью погибших, частью оставшихся в живых, эта связь, на наш взгляд, существует. Однако вернемся к этому вопросу несколько позже, рассмотрев историю с самого начала. Напомним, что, дав заглавие черновику и указав дату его написания, автор кратко изложил его дальнейшую судьбу — передачу некоему Бенни и в конечном счете «истребление». Кто же был этот Бенни, кому писатель доверил столь важный документ, и с какой целью он был ему вручен?

Фигура Артура Бенни столь значима для нашей темы, что необходимо сказать несколько слов о его судьбе, оказавшейся в определенный момент связанной с судьбой русского писателя. И не только с ним. Другой известный русский литератор, с кем был еще более тесно знаком Бенни, — Н. С. Лесков. Именно он оставил важнейшие свидетельства о трагической истории молодого человека, которого в одной статье 1882 года сочувственно назвал «прекрасным» юношей «чистой и возвышенной души».¹¹ Историю его жизни Лесков воспроизвел дважды — в очерке «Загадочный человек», написанном после смерти Бенни, и в антинигилистическом романе «Некуда» (1864), где вывел его в образе Райнера, одного из самых симпатичных героев.

Сын евангелического пастора и англичанки, Артур Вильям (Артур Иванович) Бенни (1839–1867) родился в Царстве Польском, окончил там гимназию, а в 1857 году был отправлен для продолжения образования в Лондон к родственникам матери, где особенно усердно изучал восточные языки, принял британское подданство и начал работать в военном министерстве. В Лондоне Бенни познакомился с А. И. Герценом и стал его восторженным почитателем. В конце 1860 года с рекомендацией от Герцена он едет в Париж и встречается с Тургеневым, а также с издателем оппозиционного листка «Будущность», недавно эмигрировавшим кн. П. В. Долгоруковым. Формальным поводом для знакомства с Тургеневым была передача через Бенни известного группового портрета Герцена и Огарева, сделанного в ателье братьев Майер,¹² но само рекомендательное письмо Герцена не сохранилось. О нем, впрочем, можно отчасти составить представление по дошедшему до нас аналогичному письму к П. В. Долгорукову от 6 (18) декабря 1860 года, в котором Герцен писал: «...рекомендую вам юного и чрезвычайно образованного поляка, желающего представиться вам. Он отлично знает языки, особенно англ<ийский> и немец<кий>, и серьезно занимается наукой».¹³

На фоне многочисленных рекомендаций как Герцена, так и Тургенева, постоянно общавшихся в это время (Тургенев, как известно, был усердным читателем и корреспондентом «Колокола», снабжая его различного рода материалами), такая характеристика Бенни была обычным делом, однако для нас она имеет особый смысл. Бенни, похоже, не торопился вручить Тургеневу переданную для него из Лондона фотографию, потому что еще 24 декабря 1860 года (5 января 1861) Герцен переспрашивал о ней.¹⁴ Наконец, через четыре дня, 28 декабря 1860 (9 января 1861) года Тургенев сообщил: «Бени был,

¹¹ Лесков Н. С. О шепотниках и печатниках / Публ. А. М. Ранчина // Лит. наследство. 1997. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 2. С. 54. В этой статье Лесков прямо признался, что писал Райнера с Артура Бенни. См. также: Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов (О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека») // Там же. Кн. 1. С. 614–637.

¹² Фото было сделано между 22 и 24 августа (3 и 5 сентября) 1860 года, см.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864 / Сост. И. Г. Птушкина, С. Д. Гурвич-Лицинер. М., 1983. С. 146.

¹³ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 121.

¹⁴ Там же. С. 125.

доставил портрет, очень понравился — и исчез. Надо его отыскать» (П 4, 276).¹⁵ О самой фотографии, правда, не было сказано ни слова.

Учитывая, что в письме к Герцену от 20 декабря 1860 (1 января 1861) года Тургенев не упомянул о визите Бенни, скорее всего, их знакомство состоялось между 21 и 27 декабря 1860 года (2 и 8 января 1861 года).¹⁶ Удалось ли Тургеневу отыскать Бенни в Париже, как он намеревался, сказать сложно, сведений об этом не сохранилось. Возможно, он не особенно усердствовал в поисках молодого поляка, хотя трудно согласиться с предположением С. А. Рейсера, посвятившего Бенни специальное исследование, о том, что «отношения <...> вряд ли пошли дальше официального знакомства и слова „очень понравился“ надо относить за счет изысканной, в чисто французском духе, вежливости Тургенева».¹⁷ Во всяком случае, спустя несколько лет Тургенев, узнав, в каком положении находится его молодой друг, сделал все, чтобы тот получил разрешение принять русское подданство и вернуться в Россию, откуда он был выслан после ареста по «делу 32-х» в 1865 году.¹⁸ Судьбе было угодно распорядиться иначе: не получив русского гражданства, в конце 1867 года Бенни, по рекомендации Герцена, оказался в гарибальдийском отряде в качестве корреспондента двух английских газет, был ранен в сражении при Ментане, попал в плен и умер от гангрены в римском госпитале в возрасте 28 лет.

Несмотря на то, что о пребывании Бенни в Париже сразу после знакомства с Тургеневым мало что известно, Рейсер счел «в высшей степени правдоподобным» сообщение В. В. Чуйко о том, что он был близок к парижскому кружку родственницы Герцена Т. П. Пассек и общался, в частности, с польским революционером и сотрудником Герцена Генриком Абихтом (1835–1863), повешенным впоследствии в Варшаве.¹⁹

Дальнейшая история отношений Тургенева и Бенни свидетельствует о том, что писатель действительно испытывал к нему симпатию и даже, как будет показано ниже, сыграл определенную роль в судьбе молодого революционера. Все это, однако, случится позже, первая же встреча, судя по всему, не получила непосредственного продолжения. Имя Бенни появляется вновь в переписке Тургенева и Герцена лишь три месяца спустя — в начале апреля следующего, 1861 года.

Между этими датами произошло событие поистине исторического масштаба: 19 февраля 1861 года Александром II были подписаны Манифест об отмене крепостного права и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. То, о чем мечтало не одно поколение мыслящих русских людей, наконец свершилось. Начиналась эпоха реформ и в то же время эпоха резких размежеваний в общественно-политической среде. При почти повсеместном «молчании народа», которое столь красочно описал Тургеневу

¹⁵ В комментариях к письму ошибочно указано, что речь идет о портрете Герцена (П 4, 605).

¹⁶ В «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862)» оно датируется более расширительно: между 7 (19) декабря и 27 декабря 1860 (8 января 1861). См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Отв. ред. Н. П. Генералова; авт.-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018. С. 380.

¹⁷ Рейсер С. Артур Бенни. М., 1933. С. 20.

¹⁸ Можно предположить, что в составлении очень искреннего, убедительного и не лишеного литературных достоинств письма Бенни на имя управляющего III Отделением П. А. Шувалова, помеченного 20 октября (1 ноября) 1867 года (впервые оно было опубликовано Рейсером: Там же. С. 77–82), принял участие Тургенев. В письме Бенни чистосердечно рассказал о своем увлечении идеями и статьями Герцена, как и о своем разочаровании в этих идеях, признался в горячей любви к России, для которой видел «великую будущность», и обещал сделаться «верным и преданным подданным русского царя». Следует также сказать, что еще в 1862 году Бенни подавал прошение о предоставлении ему российского гражданства, но последовавшее вскоре приращение его к политическому процессу помешало рассмотрению этой просьбы.

¹⁹ Там же. С. 20.

П. В. Анненков,²⁰ просвещенная публика ликовала и славила царя. Тургенев встретил весть о Манифесте в Париже, Герцен — в Лондоне.

«Дожили мы до этих дней — а все не верится, — пишет Тургенев Герцену 1 (13) марта 1861 года, — и лихорадка колотит, и досада душит, что не на месте» (П 4, 297). Накануне Герцен упрекал Тургенева за то, что он не в России,²¹ и получил в ответ: «Все мои помыслы — весь я в России» (П 4, 297). Однако до 5 (17) марта, дня обнародования Манифеста, происходят события, чреватые в дальнейшем серьезными катаклизмами и повлекшие за собой крушение многих и многих судеб.

Еще до подписания Манифеста, вернее сказать, в преддверии его, а именно 15 (27) февраля 1861 года, в день, когда Тургенев просил верного друга Анненкова известить его телеграммой о выходе в свет «великого указа» и описать «энциклопедически-панорамическим пером состояние города Питера накануне этого великого дня и в самый день» (П 4, 293), в Варшаве происходит манифестация якобы в память восстания 1830–1831 годов. Торжественные службы и молебны в костелах соседствуют с пением революционных песен. Правительственные войска под командованием генерала Заблоцкого разгоняют демонстрантов, применяя силу. При этом погибает около пяти человек. Это было начало гораздо более массовых и жестоких событий, вылившихся в январе 1863 года в настоящую войну, где с одной стороны стояла польская шляхта, поддерживаемая западноевропейскими правительствами и революционерами всех мастей, с другой — государственная машина Российской империи. От мирных демонстраций движение вскоре перешло к лозунгам восстановления независимости Польши, возвращения конституции 1815 года, дарованной Александром I и отмененной в 1832 году Николаем I, и в конечном счете привело к очередной попытке вооруженным путем возродить Речь Посполитую в границах 1772 года, что означало бы отторжение от России значительных территорий, населенных русскими, белорусами, малороссами и другими народами империи. Именно в преддверии польского восстания 1863–1864 годов отношения Герцена и Тургенева дают заметную трещину, которая со временем лишь углубится, приведя к окончательному разрыву.

В письме Герцена от 23 февраля (7 марта) 1861 года — нетерпеливое ожидание новостей из России: «Ты понимаешь <...> что эти дни не жизнь, а судо-

²⁰ «Вообразите, Иван Сергеевич, шутку, сыгранную русским народом города Петербурга с образованной публикой — в день объявления манифеста проклятый народ сей не имел никакой физиогномии, кроме обыкновенной масляничной. Правда и то, что, по обыкновению, ему сделали сюрприз или преприятный обман, которые вообще мало удаются, как известно. В величайшем секрете заготовили манифест и объявления по всем углам переулков, да вдруг, едва проснулся народ, отуманенный с вечера качелями и чайками (5 марта в воскресенье праздновалась Масленица. — Н. Г.) — ему и бухнули в церквах и с будок: вот-де ты вчера лег крепостным, а сегодня просыпаешься свободным гражданином. Зато и выпучил же он глаза. Я был у Владимирской, послав Макарова к Исаакию, братьев в Казанскую и разных других приятелей в разные другие церкви, потому что мы были в секрете и о сюрпризе осведомились за два дня до совершения его, — везде произошло одно и то же. Вышел поп после обедни, развернул печатный лист, народ вдруг притих, даже матери грудных ребят, всегда воющих от радости и печали, отнесли назад, и в мертвом молчании выслушали речь, составленную из помеси канцелярской редакции и ложнобиблейской витиеватости. Только везде произошло одно движение, именно в том месте, где манифест говорит: „Осени себя крестом, народ, и призови благословение Божие на свободный труд“. <...> день кончился по балаганам и кабакам наиобыкновеннейшим образом, как будто народ не получал никакого сюрприза, а только должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком. <...> Все это изумительно — и неужто так будет по всей России, а вероятно» (Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 103–104 (сер. «Литературные памятники»)).

²¹ «А ведь хороши вы все, таскающиеся в Европе для ради прохладения, когда долг, разум и сердце <...> заставляют быть в России» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 139; письмо от 23 февраля (7 марта) 1861 года).

рожное пережигание себя <...>. Это наше время, наше последнее время — эпилог. / Иногда верится, что мы будем в России, — чаще, что мы совсем не будем». ²² Одновременно — просьба узнать от Э. Желиговского достоверные новости о событиях в Польше и немедленно сообщить о них. Однако Тургенев, обычно охотно исполнявший поручения, на этот раз отказывается, ссылаясь на то, что Желиговскому «теперь не до Варшавы», поскольку он в ближайшее время должен жениться (см.: П 4, 298; письмо от 25 февраля (9 марта) 1861 года). В то же время накануне, передавая графине Е. Е. Ламберт распространившийся в Париже слух, «будто в Варшаве вспыхнул бунт», писатель дает недвусмысленную оценку происходящему: «Сохрани нас Бог от эдакой беды! — Бунт в Царстве может только жестоко повредить и Польше и России, как всякий бунт и всякий заговор. Не такими путями должны мы идти вперед. <...> А в странное и смутное время мы живем. Приглядитесь к тому, что везде делается... Никогда разложение старого не происходило так быстро. А будет ли лучше новое — бог весть!» (П 4, 296). Слово «заговор» употреблено здесь, конечно, не случайно. Общавшийся с широким кругом революционеров Тургенев не мог не знать о готовящемся восстании.

В упомянутом письме Герцен сообщает Тургеневу о следующем номере «Колокола» (л. 94), где будет опубликована статья о Польше, и интересуется местопребыванием Ипполита Делаво, намереваясь через него «сунуть» ее во французские журналы. ²³ Статья «Vivat Polonia!» выйдет 3 (15) марта. В ней Герцен бросит в лицо царю обвинение и призовет покаяться перед поляками, «с умилением» склоняя голову перед «великим подвигом» одного русского офицера, якобы отказавшегося стрелять в безоружных демонстрантов, и призывая солдат не только сложить оружие, но и быть готовыми погибнуть «жертвой искупления», запечатлев своей «мученической кровью» «неразрушимый, свободный союз Польши и России». ²⁴ Осознавая свое влияние, хотя и сильно переоценивая его, лондонский изгнанник советует царю освободиться от «немецко-русских татар», засевших в правительстве, парадоксально называя Александра II единственным «из русских».

Пройдет еще немного времени, и Герцен, очевидно надеясь на успех своей статьи, ²⁵ напишет речь в честь Александра II и назначит по случаю освобождения крестьян на 29 марта (10 апреля) в своем доме Orsett House грандиозный иллюминированный праздник, с приглашением всех русских. Данным приглашением Тургенев постарается не воспользоваться, ссылаясь на нездоровье, хотя Л. Н. Толстой и обещал Герцену прибыть с ним на этот «пир». ²⁶ А вот Артур Бенни на пиру побывал и даже должен был, по просьбе устроителя, рассказать о нем Тургеневу. О том, что встреча Тургенева и Бенни состоялась, свидетельствует упоминание о ней в письме Бенни к Тургеневу из Петербурга от 24 июля (5 августа) того же 1861 года, где он пишет, что событие имело место «три месяца назад». ²⁷ Тогда же Тургенев, по-видимому, узнал, что тост в честь Александра II Герценом поднят не был, однако было ли известно Бенни, а следовательно

²² Там же. С. 138.

²³ Там же. С. 139.

²⁴ Там же. Т. 15. С. 44–49. Слухи о «подвиге» русского офицера опровергались русской печатью (см.: Там же. С. 319).

²⁵ Известно, что Александр II читал «Колокол». Недаром К. Д. Кавелин еще в 1858 году писал Герцену: «Вы скоро можете, не краснея, подать друг другу руку с Александром II и считать друг друга союзниками на благо и счастье России» (Н. А. Мельгунов — Герцену / Публ. Н. Н. Захарьина // Лит. наследство. 1955. Т. 62: Герцен и Огарев. II. С. 386).

²⁶ См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 197.

²⁷ *Рейсер* С. Новые материалы о Бенни // Каторга и ссылка. 1931. № 2 (75). С. 140. На титульном листе ошибочно значится № 1 (за указание на эту ошибку благодарю В. А. Лукину). Здесь впервые опубликованы три письма Бенни к Тургеневу, хранящиеся в Пушкинском Доме (№ 5769).

и Тургеневу, что Герценом была заранее написана и даже распечатана на нескольких языках (для раздачи присутствующим) торжественная речь в честь царя, мы не знаем.²⁸ При вести об очередной «резне» в Варшаве, принесенной прямо во время «праздника», эти брошюры были демонстративно брошены в огонь.²⁹ Вместо задравной речи на следующий день была написана статья «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве». Это был прямой вызов русскому правительству и лично царю.³⁰

Тургеневу по поводу «праздника» Герцен сообщал: «Я не писал к тебе, потому что не мог сказать ничего хорошего о русском празднике, он случайно вышел великолепен — погодой, количеством гостей и количеством совершенно незнакомых русских <...> и все было убито варшавской кровью. Все походило на похороны. Завтра ты получишь „Кол<окол>“ и увидишь, если Бени не рассказал еще».³¹

Итак, у нас нет оснований считать, что между последней декадой декабря 1860-го и второй половиной апреля 1861 года отношения между Тургеневым и Артуром Бенни поддерживались, скорее всего, они ограничились двумя эпизодическими визитами. А из петербургского письма Бенни от 24 июля (5 августа) 1861 года становится очевидным, что следующая встреча произошла только в августе. «Когда три месяца тому назад мы прощались на Rue de Rivoli, — писал Бенни Тургеневу, — ни вы, ни я не подумали, что нам, быть может, так скоро встретить (так!) друг друга в России».³² Помимо всего прочего, из приведенных слов ясно, что до этого времени никакое серьезное дело еще не связывало Бенни с Тургеневым. Он ехал в Россию с другим заданием, от Герцена, и должен был прежде всего заниматься распространением запрещенных изданий Вольной русской типографии, попутно налаживая отношения с русскими революционерами и изучая мало известную ему страну. Довольно зло и комически злословия Бенни и приставленного к нему А. И. Ничипоренко изобразил в своем очерке Лесков,³³ недаром в первой публикации имелся подзаголовок: «Очерк из истории комического времени на Руси».³⁴ Не будем обсуждать, насколько комическим было это время, несомненно одно: подробности о путешествии Бенни по России Лесков, конечно,

²⁸ В письме от 16 (28) марта Герцен сообщал Тургеневу о заготовленном тосте и обещал при-
слать его в переводе на французский язык (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 144).

²⁹ Черновой автограф речи сохранился, см.: Там же. Т. 15. С. 217–219, 419–420.

³⁰ «Праздник наш был мрачен, — писал Герцен. — <...> Мы как будто помолодели вестью освобождения крестьян. Все было забыто; с упованием на новую поступь России, с бьющимся сердцем ждали мы наш праздник. На нем *в первый раз от роду* при друзьях русских и польских, при изгнанниках всех стран, при людях, как Маццини и Луи Блан, при звуках „Марсельезы“ мы хотели поднять наш стакан и предложить неслыханный при такой обстановке тост за *Александром II, освободителя крестьян!* <...> Но рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти. Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших. Выпивши *за освобожденного русского крестьянина*, без речей, без шума <...> мы предложили один тост: / ЗА ПОЛНУЮ, БЕЗУСЛОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ, / ЗА ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РОССИИ И ОТ ГЕРМАНИИ / И ЗА БРАТСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ! <...> А вы, Александр Николаевич, зачем же вы отняли у нас праздник, зачем вы отравили его? Разве у нас их так много, разве с нашего рождения мы что-нибудь праздновали, кроме похорон? <...> Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови — вы предпочли австрийские драгонады. <...> Вы Польшу потеряли, т. е. *живую*, — зарезанная, она, может, и останется трофеем победоносному войску вашего величества» (Там же. С. 65–66).

³¹ Там же. Т. 27. Кн. 1. С. 145.

³² См.: Рейсер С. Новые материалы о Бенни. С. 140. Хорошо владея русским языком, Бенни все же допускал некоторые погрешности, на которые в свое время было указано Рейсером.

³³ Лесков Н. С. Загадочный человек. Истинное событие. С письмом Н. С. Лескова к Ивану Сергеевичу Тургеневу (1871 г.) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2004. Т. 8. С. 23–64.

³⁴ Там же. С. 575.

узнал от самого Бенни. Несомненно и другое: пылкий поляк приехал в Россию с поручением от Герцена, а вернулся в Петербург после месячных скитаний и визита в Спасское с поручением от Тургенева. Этим поручением и был сбор подписей под так называемой тургеневской «конституцией».

Приведенные хронологические уточнения понадобились затем, чтобы поставить под сомнение собственноручно проставленную Тургеньевым дату написания «Проекта адреса» Александру II — 1860 год, о чем говорилось ранее. В самом деле, если Тургенев и Бенни впервые встретились в конце декабря 1860 года, то с какой стати писатель стал бы «вручать» едва знакомому юноше столь важный документ, получивший, благодаря воспоминаниям П. Л. Лаврова, название тургеневской «конституции»? Уже после смерти писателя, в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» Лавров вспоминал, как однажды осенью 1861 года на квартире одного знакомого литератора ему представили молодого человека, «поляка, которого звали Бенни и который только что приехал тогда из-за границы. Этот же литератор мне говорил, что Бенни привез с собою разные бумаги от Тургенева и от Герцена (кажется) и, между прочим, я очень хорошо помню, что говорилось о „проекте конституции“, написанном И. С. Тургеньевым». ³⁵ Признаваясь, что ни одного документа он не читал, Лавров поведал, как на квартире другого знакомого ему пришлось стать свидетелем последних минут существования этих бумаг. Узнав об аресте группы студентов, «Бенни очень испугался <...> опасаясь, по-видимому, тоже ареста. Высказана была необходимость сжечь бумаги, которые все еще находились в кармане у Бенни (не знаю все ли, но, насколько помнится, тут же говорилось о проекте конституции Ивана Сергеевича)». ³⁶ Сожалея, что в совершенном «аутодафе» погиб столь важный документ, Лавров призывал тех, кто ознакомился с ним, сообщить его содержание, указывая на важность данного факта для биографии писателя. Правда, он признался, что никогда «не придавал особой важности тем проектам, которые писались в этот период „именинного“ настроения», ³⁷ а потому и не считал нужным расспрашивать об одном из них самого автора, с которым много общался за границей.

Надо сказать, в словах Лаврова было много правды: действительно, канцелярия С. Е. И. В. была переполнена подобными «проектами». Но Тургенев тоже об этом знал и все же предпринял свою попытку. Какова была его цель? Она, как представляется, была определена конкретными обстоятельствами.

В книге о Бенни С. А. Рейсер, уже имея доказательства существования в парижском архиве документа, написанного рукой Тургенева, высказал, на первый взгляд, странное мнение, что адрес государю был составлен совместно — Тургеньевым и Бенни. Возможно, его сбили с толку свидетельства Лескова в «Загадочном человеке», развернутым комментарием к которому и явилась его книга, а также факты, изложенные В. И. Кельсиевым в своей «Исповеди». «Бени, только что приехав в Россию, — писал Кельсиев, — прямо попал в кружок студентов и подобных им горячих голов и, разумеется, не мог не увлечься их делом <...>. В азарте своем он тотчас же решился выступить агитатором, написал адрес государю с просьбой о конституции или о чем-то вроде конституции и отправился путешествовать по России для собирания подписей». ³⁸ Важно отметить, что Кельсиев ни словом не обмолвился

³⁵ Цит. по: Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества / Прим. К. П. Богаевской // Лит. наследство. 1967. Т. 76: И. С. Тургенев: Новые материалы и исследования. С. 224.

³⁶ Там же. «Аутодафе», в котором погиб проект «тургеневской конституции», было совершено 5 (17) октября 1861 года (см.: Рейсер С. Артур Бенни. С. 118 (прим. 42)).

³⁷ Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества. С. 225.

³⁸ «Исповедь» В. И. Кельсиева / Подг. к печати Е. Кингисепп, вступ. статья и комм. М. Клевенского // Лит. наследство. 1941. Т. 41–42: А. И. Герцен. П. С. 310. В комментариях верно

об участии Тургенева в составлении проекта «конституции», хотя из письма Бенни к нему от 7 (19) февраля 1862 года отлично знал об авторстве Тургенева.³⁹ Позднее, в рецензии на «Загадочного человека» Лескова, говоря об адресе, Кельсиев уже называл его авторами Бенни и Ничипоренко, утверждая даже, будто видел подписи под этим адресом, вытравленные щавелевой кислотой.⁴⁰

Так кто же написал адрес Александру II, под которым Бенни и Ничипоренко так неудачно собирали подписи летом 1861 года? Ошибался ли Кельсиев, говоря, что под адресом стояло несколько подписей, или его просто подвела память и он видел адрес, написанный Тургеневым? Рискнем предположить, что адресов на самом деле было два, и подписи под ними собирались два раза. Такой вывод можно сделать из единственного известного письма Герцена к Бенни, где затрагивался данный вопрос. 7 (19) ноября 1861 года, получив через Тургенева «большое письмо» от Бенни, Герцен писал: «Предполагаемый вами адрес мог бы, при теперешней реакции, погубить вас и многих. Адрес умеренный, о котором вы пишете, может, и не дурен (хотя о главном вопросе — о выкупе крестьянских земель — там и не упомянуто) — но вы вряд ли успеете что-нибудь сделать».⁴¹ Как видим, Герцен был крайне недоволен обоими документами, о которых упоминал Бенни, спрашивая совета, какой из адресов следует пустить в ход, — написанный им, очевидно, с Ничипоренко (вряд ли Бенни, мало зная Россию, решился бы самостоятельно составить столь ответственный документ), явно радикального свойства, или более умеренный (Тургенева). В последнем, кстати, действительно не содержалось «главного вопроса» — о выкупе крестьянских земель. Возможно, Бенни предлагал Герцену поставить свою подпись под одним из адресов.

указано, что Бенни приехал в Россию не в 1860, а в 1861 году (Там же. С. 452), это уточнение было сделано и Рейсером в книге о Бенни (*Рейсер С. Артур Бенни. С. 118*). Фрагмент о Бенни у Кельсиева вообще изобилует хронологическими и фактическими ошибками, допущенными либо случайно, либо намеренно.

³⁹ В исполненном жалоб на свои неудачи письме Бенни сообщал о своем первом пребывании в России летом—осенью 1861 года: «...как я вам, кажется, уже написал прежде, Тургенев дал мне подлинник составленного им адреса. Люди, которым я показывал эти документы, сначала, казалось, доверяли мне и было даже вошло в сношения, более серьезные, со мною, но вдруг отшатнулись от меня, как я потом узнал, вследствие писем от Александра Ивановича (Герцена. — *Н. Г.*), в которых он отказывался от всякого не только ручательства, но почти знакомства со мною» (Артур Бенни — В. И. Кельсиеву и Герцену / Публ. С. А. Радина // Лит. наследство. Т. 62. С. 24).

⁴⁰ «Под адресом, сочиненным покойным Ничипоренко и Бенни, я видел подписи, — свидетельствует В. И. Кельсиев. — Он (Бенни. — *С. Р.*) показал в редакции (одной московской газеты, — которую Кельсиев не называет: речь может идти, по-видимому, о «Русской речи» или «Московских ведомостях». — *С. Р.*) адрес, под которым было что-то уже около пяти подписей, впоследствии вытравленных щавелевой кислотой...» (*Рейсер С. Артур Бенни. С. 28*). В примечании к данному фрагменту указывается источник: «Кельсиев. С. 19» (Там же. С. 118). Согласно Списку сокращений, так дается ссылка на обширную рецензию Кельсиева в журнале «Заря» (1871. № 6. Библиография. С. 1–31 (отд. паг.)) на отдельное издание очерка Лескова «Загадочный человек» (1871). Однако наше обращение к этой публикации поначалу не дало положительного результата. Оказалось, что в большинстве экземпляров июньского номера «Зари» указанная статья вообще отсутствовала. Лишь в фондах Библиотеки Академии наук удалось обнаружить экземпляр с еще не изъятую цензурой статьей, за что сердечно благодарю И. А. Кузьмину. Здесь действительно находится приведенная Рейсером цитата (*Кельсиев В. Загадочный человек; эпизод из комического времени на Руси, с письмом автора к И. С. Тургеневу, Лескова-Стебницкого. С. 19*). «Кельсиев, несомненно, ошибается, утверждая, что адрес сочинен в Петербурге Ничипоренко и Бенни, — писал по этому поводу Рейсер. — Возможно, что первому из них и принадлежат какие-либо поправки и дополнения, но на самом деле авторами адреса являются Бенни и Тургенев» (*Рейсер С. Артур Бенни. С. 29*). Об этой невольной ошибке ученого будет сказано далее.

⁴¹ *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 194. В комментариях к письму, сохранившемуся в копии и не полностью, говорится лишь об адресе, написанном Тургеневым, и попытке сбора подписей под ним осенью 1861 года, после визита в Спасское (Там же. Кн. 2. С. 674).

Не исключено, что Бенни утаил авторство Тургенева от Герцена, как он впоследствии сделал это в показаниях следственной комиссии по «делу 32-х». Не упомянул он, в отличие от Ничипоренко, и о визите к Тургеневу в Спасское. Можно не сомневаться, что, вручая Бенни свой «Проект адреса Государю», Тургенев просил его ни под каким видом не называть его имени. По поводу неудачи со сбором подписей Герцен заметил, что Бенни слишком мало знает русскую жизнь, чтобы браться за подобное дело. В связи с тем, что Бенни выдавал себя за посланца Герцена, он иронизирует: «Вероятно, вы говорили с людьми, очень мало читающими „Колокол“: они вам прямо сказали бы, что мы не можем соглашаться, последовательно, на такой адрес — а можем только *не мешать* ему так, как не мешаем долгоруконской конституции». ⁴² Догадался ли Герцен, кто был автором адреса, неизвестно, однако со стороны Тургенева это был, несомненно, шаг к размежеванию с «бывшими товарищами юности».

Если наша гипотеза о существовании двух адресов на имя Александра II верна, то Тургенев должен был ознакомиться с адресом, составленным Бенни, и, конечно, сразу понял, какую опасность таит это предприятие для молодого поляка. Скорее всего, Бенни и Ничипоренко поведали писателю о своих злоключениях в Нижнем Новгороде в связи со сбором подписей под наскоро написанным адресом, не утаив и неудачи с попытками распространения «Колокола». Можно с определенной долей вероятности предположить, что именно с целью помочь горячим головам трезво оценить ситуацию Тургенев и составил свой собственный адрес, порекомендовав приятелям собрать под ним подписи, и даже назвал имена тех, к кому следует обратиться в первую очередь, — М. Н. Каткова и И. С. Аксакова, переведя энтузиазм молодых революционеров в более позитивное русло. В самом деле, для дальнейшего сбора подписей наличие в списке популярных и уважаемых людей, а в ту пору Катков был еще в числе либералов, разделявших общий подъем по поводу начала реформ, выглядит вполне оправданным. Кроме того, Тургенев мог рассчитывать и на известное англоманство Каткова, посылая к нему молодого английского подданного. К тому же адрес был действительно составлен в самом умеренном духе. ⁴³ Но имелись, конечно, и более веские причины, по которым Тургенев решил обратиться к царю, воспользовавшись неожиданным визитом к нему двух приятелей.

Катков, однако, тургеневский адрес не подписал. Более того, он заподозрил неладное, попросив незнакомого молодого человека объяснить, от чьего имени тот действует, и даже предложил представить ему доказательства полномочий от Герцена, на которого сослался Бенни, стараясь придать значение своему предприятию. ⁴⁴ С этого начались главные беды новоиспеченного революционера: заподозренный в шпионаже в пользу III Отделения, он тщетно пытался опровергнуть порочащие его слухи, однако при жизни это ему так и не удалось. Герцен наотрез отказался поддерживать инициативу с адресами, а вместе с тем и несчастного Бенни, и, судя по всему, прекратил с ним письменные сношения

⁴² Там же. Кн. 1. С. 194.

⁴³ В связи с этим необходимо предложить поправку в высказанное Эджертоном утверждение, что Бенни просил Каткова и Аксакова поставить свои подписи под адресом, составленным им и Ничипоренко (см.: *Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов*. С. 619). Если уж Герцену этот адрес показался опасным и способным погубить многих, то что говорить о Тургеневе.

⁴⁴ Подробно описал реакцию Каткова на предложение Бенни В. И. Кельсиев в своей «Исповеди», хотя говорил об адресе как о документе, составленном Бенни («Исповедь» В. И. Кельсиева. С. 400). Возможно, отклик о походе Бенни к И. С. Аксакову содержится в письме Аксакова к Тургеневу от 4 (16) сентября 1861 года, где он сообщал о визите какого-то «молодого приятеля» Тургенева, которого отговорил от рискованного предприятия (см.: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу / Публ. Л. Н. Майкова // Русское обозрение. 1894. № 12. Т. 30. С. 599 (здесь письмо ошибочно датировано концом 1861 года)).

вплоть до августа 1862 года. Более того, из его писем к Н. М. Владимирову от 23 ноября (5 декабря) и от 25 ноября (7 декабря) 1861 года следует, что он не только не отвел подозрений от Бенни, но даже подтвердил их и просил предупредить о них Ничипоренко.⁴⁵ Отказ Герцена в поддержке глубоко ранил Бенни. Впоследствии он искренне признавался в этом самому Герцену, хотя по-прежнему выражал готовность к сотрудничеству.⁴⁶ Однако вернемся к адресу, «врученному» Бенни Тургеневым, как мы полагаем, в августе 1861 года.

Обращаясь к Александру II, Тургенев заявлял, что «в нынешние смутные времена самое правдивое слово потеряло свою силу, самые чистые намерения возбуждают сомнение». Высказывая «голос общественного мнения», он писал: «Мы принадлежим к числу людей, которые верят в Вас; которые не только не мыслят о перемене правительства, но взывают к власти. / Мы не забыли, и вся Россия не забудет вместе с нами, что эта власть освободила крестьян <...>». ⁴⁷ Меры, предлагаемые в адресе и нужные «Родине безотлагательно сейчас <...> как воздух для дыхания», были таковы: «Мы просим. / 1). Полной отмены телесных наказаний. / 2). Гласности судопроизводства. / 3). Ежегодного отчета в государственных расходах и приходах и участия в их проверке. / 4). Расширения круга деятельности губернских собраний. / Сокращения срока службы для солдат. / 5). Уравнения раскольников с прочими подданными». ⁴⁸ Предупреждая обвинения в том, «что уступать подобным требованиям <ям> — значит вывести страну на путь насильственных переворотов», автор документа «умолял» царя «не верить тем, которые будут говорить так». «Мы, напротив, смеем думать, что, удовлетворив справедливые желания Вашего народа, Вы навсегда устранили возможность всяких потрясений, соберете вокруг себя все лучшие, все живые силы общества, подсечете под корень всякие нетерпеливые и необдуманые увлечения» (П 4, 400–401). Комментируя документ, не вполне точно названный Лавровым тургеневским «проектом конституции», Е. И. Кийко справедливо писала: «...когда до Герцена дошел адрес (ноябрь 1861 г.), его отношение к реформе резко изменилось <...> и его не мог уже удовлетворить документ, написанный в атмосфере либеральных иллюзий конца 1860 — начала 1861 г. <...>» (П 4, 677). Говоря же о сути изложенной программы, исследовательница прямо указала, что эта программа «исторически восходит к тем задачам освободительного движения, которые сформулировал еще в 1847 г. в „Письме к Гоголю“ Белинский» (П 4, 677, 678). ⁴⁹ То есть ничего нового в себе не несет. Однако если признать, что турге-

⁴⁵ «Сейчас получили мы много вестей из России, — писал Герцен 25 ноября (7 декабря) 1861 года. — Между прочим, опять говорят о Бени и сильно подозревают его. Да когда же я его рекомендовал? Пора быть осторожным» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 202).

⁴⁶ 26 марта (7 апреля) 1863 года Бенни, получив от Герцена с большим опозданием письмо с извинением и пожеланием забыть прошлые недоразумения (письмо неизвестно), отвечал ему из Петербурга: «...мне трудно поверить, чтобы здешние кружки моих знакомых могли продолжать так систематически злобствовать и клеветать против меня, если б они услышали от вас хоть одно слово в мою пользу» (Артур Бенни — В. И. Кельсиеву и Герцену. С. 31). В этом же письме Бенни простодушно уведомлял Герцена о том, что его «не слишком лестное» о нем мнение, изложенное в одном из писем к Н. А. Серно-Соловьевичу (главному фигуранту «дела 32-х») и ставшее доступным членам следственной комиссии, сослужило ему хорошую службу и избавило от ареста.

⁴⁷ BNF. Slave 88. F. 16 v. Против последней фразы, вписанной на полях, в автографе стоит знак «NB», не учтенный в первом и втором изданиях Полного собрания сочинений и писем Тургенева, а также отсутствует восклицательный знак в конце предложения.

⁴⁸ Следует отметить, что в автографе первые три пункта зачеркнуты тремя косыми линиями, пункт 4 («Сокращение срока службы для солдат») также вычеркнут и заменен на вписанную над строкой фразу: «Расширение круга деятельности губернских собраний» (Ibid. F. 17). Вычеркнуты были Тургеневым и пункт о «подведении книгопечатания под общие законы», и «отмена цензуры».

⁴⁹ Следует, правда, поставить под сомнение высказанное предположение, что до Герцена «дошел» адрес, составленный Тургеневым. Вряд ли Бенни, сжегший подлинник в начале ок-

невский адрес составлен не в конце 1860, а летом 1861 года, высказанные предложения и даже сам по себе факт обращения к Александру II приобретают совершенно иной смысл.

Несмотря на очевидную долю вульгарного социологизма, верную примету исследований 1930-х годов, в своей книге о Бенни Рейсер, оценивая адрес, созданный Тургеневым, даже не видя его и приписывая авторство его сначала Бенни и Ничипоренко, а затем Бенни и Тургеневу (попутно смешивая с ним еще один проект адреса, уже совсем не имеющий никакого отношения к Тургеневу), тем не менее высказал мысль чрезвычайно продуктивную.

Характеризуя «поток» адресов, хлынувших после известного рескрипта от 20 ноября 1857 года на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, Рейсер разделил их авторов на два лагеря: либеральное дворянство, «идущее по пути обуржуазивания» и не претендующее «ни на какое изменение строя или ограничение самодержавной власти», и «революционных демократов-разночинцев», которые, «хотя бы с оттенком социал-утопизма», призывали к революции «кровавой и неотвратимой, которая должна изменить радикально все <...> и погубить сторонников нынешнего порядка».⁵⁰

Оценивая «объективно» адрес Александру II, составленный, как ошибочно полагал Рейсер, Бенни и Тургеневым, ученый заключал: «Таким образом, даже и не зная точно самого адреса Бенни и Тургенева, по тем немногим строкам, которые до нас дошли, по тому кругу лиц, среди которых Бенни собирал подписи, и наконец, по самому факту адреса, можно, не колеблясь, охарактеризовать роль Бенни как объективно антиреволюционную, независимо от того, как воспринимал он ее субъективно. Сам того не желая, Бенни играл на руку той части либерального дворянства, которая боролась, в сущности, за „защиту страны от революции“».⁵¹ Эта характеристика едва ли может быть отнесена к тогдашним настроениям Бенни, но она полностью соответствовала намерениям Тургенева.

Если, как было показано выше, время написания «проекта конституции» отодвигается от 1860 года в год 1861-й и, конкретнее, на август 1861 года, когда Бенни с Ничипоренко приехали к Тургеневу в Спасское, необходимо сказать несколько слов о том, в какую сторону изменилась общественно-политическая обстановка в стране, вступившей в новый исторический этап. А она уже существенно отличалась от того «именинного» настроения, которым было окрашено время ожидания Манифеста и время, следующее непосредственно за его подписанием.

К августу 1861 года в России реально назрела революционная ситуация, пугавшая одних и возбуждавшая других. Тургенев, несомненно, принадлежал к первым. В несметном количестве экземпляров по стране расходились листовки и запрещенные книги, частью привозимые из-за границы эmissарами Герцена, частью печатавшиеся в легальных и нелегальных типографиях в России. В то время как из Лондона раздавались все более и более горячие призывы, в определенных кругах молодых революционеров, в том числе и среди молодой эмиграции, герценовская пропаганда начала казаться уже недостаточно радикальной, устаревшей. Наиболее нетерпеливым представлялось, что хватит усилий небольшой группы энтузиастов — и многовековая монархия рухнет и рассыплется как карточный домик.

Так, незадолго до приезда Бенни и Ничипоренко в Спасское, в июле 1861 года в Орловской губернии за издание и распространение запрещенной

тября, успел снять с него копию. Скорее всего, он изложил содержание обоих адресов в том самом «большом письме», которое вручил Тургеневу для передачи Герцену.

⁵⁰ Рейсер А. Артур Бенни. С. 30–32.

⁵¹ Там же. С. 32.

литературы (в том числе «Колокола») был арестован студент физико-математического факультета Московского университета П. Г. Заичневский (1842–1896), собравший вокруг себя наиболее радикальную молодежь. Уже будучи под следствием, в мае 1862 года он написал прокламацию «Молодая Россия», немедленно распечатанную и разошедшуюся по городам и весям империи. Были в ней и такие слова: «Россия вступает в революционный период своего существования. <...> Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека <...> один — революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы скорее она, давно желанная!»⁵² Таким образом, горячее настроение Бенни, увлеченного идеями социалистического переустройства общества, не было чем-то исключительным в накаленной атмосфере лета 1861 года.

Упомянуты были в прокламации Заичневского и расстрел 12 апреля 1861 года крестьян в селе Бездна, где объявился предводитель восстания Антон Петров, схваченный и вскоре казненный.⁵³ Писал он и о порках, которыми сопровождался отказ крестьян подписывать уставные грамоты, и о многом другом. Между прочим он предупреждал, что все способствует грядущей революции — волнения в Польше и Литве, финансовый кризис, окончательное разрешение крестьянского вопроса, назначенное на весну 1863 года, возможная война с Европой. Резко размежевался Заичневский с Герценом: признавая заслуги его в прошлом, но считая, что «Колокол» «не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их», он заявлял, что программа журнала остается не более как либеральной. Досталось в прокламации и «Великоруссу», и кн. П. В. Долгорукову, и многим другим.

Регулярно получавший сведения из России Герцен реагировал на каждое заметное явление и все более убеждался, что события развиваются более стре-

⁵² Цит. по: Прокламации шестидесятых годов / Ред. Ф. Ф. Раскольников. М., 1926. С. 61. Хотя прокламация Заичневского писалась уже в 1862 году, подобные настроения были популярными в среде радикальной молодежи, достаточно вспомнить, что вскоре по приезде Тургенева в Россию, в июне 1861 года, в столице распространился первый номер листовки «Великорусс», в которой был прямо поставлен вопрос о неспособности монархии спасти Россию от пугачевщины, в сентябрьском (втором) номере говорилось о необходимости решить крестьянский вопрос путем предоставления земли безвозмездно, за счет всей нации; освободить Польшу и перейти к конституционной форме правления, а в третьем (октябрьском) печатался проект адреса Александру II с просьбой созвать представителей русской нации с тем, чтобы они составили конституцию, и сделать то же в Варшаве. В начале сентября 1861 года в Петербурге распространялась отпечатанная в Лондоне прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым, в которой говорилось о неизбежности и необходимости насильственной революции. За написание этой прокламации Михайлов был вскоре арестован и отправлен на каторгу (Тургенев, кстати, оказал ему финансовую помощь после ареста). 18 (30) сентября 1861 года Никитенко записал в дневнике: «Прочитал я, наконец, знаменитое воззвание „К молодому поколению“. Лживость, нелепость и наглость его могли бы изумить всякого мыслящего человека, если бы что-либо могло изумлять в настоящее время. Хороша, например, мысль о перерезании ста тысяч дворян. „Да ведь на войне режут и более, хоть бы в Крымскую войну“ и проч. Превосходная логика! Еще лучше: „Да ведь умрут же все“. <...> Их бедные беснующиеся умы не могут придумать никакой другой меры, кроме ножа. Поразительное невежество относительно всего, что касается России <...>. Они требуют от нее, чтобы она для осуществления утопий, выходящих из лондонских типографий, лила кровь как воду. <...> И неужели в самом деле это проповедует Герцен?» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста и прим. И. Я. Айзенштока. М., 1956. Т. 2. С. 208–209 (сер. «Литературные мемуары»)).

⁵³ См. об этом: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862). С. 459.

нительно, чем можно было ожидать.⁵⁴ Тургеневу же, дописывавшему свой роман «Отцы и дети» в Спасском, достаточно было оглядеться вокруг, чтобы оценить всю серьезность сложившейся ситуации. Письма от старых друзей — П. В. Анненкова, И. П. Борисова, А. Ф. Писемского и др. — лишь дополняли общую картину.⁵⁵ В этой обстановке обращение к государю с просьбой продолжить реформы и тем самым пресечь нарастающую революционную волну, выглядело вполне уместным с точки зрения человека, который и в конце жизни признавался, что «всегда был и до сих пор остался „постепеновцем“, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ *только свыше*, — принципиальным противником революций».⁵⁶ Перелом в отношениях с «бывшими товарищами юности» произошел тогда, когда Тургенев понял, что в своих революционных устремлениях они готовы предать забвению тот факт, что именно *сверху* было совершено освобождение крестьян, когда ими было поставлено под сомнение историческое значение произошедшего мирного переворота и «Колокол» стал говорить об освобождении крестьян как об обмане.⁵⁷ Таким образом, составленный адрес был скорее вызовом Герцену, Огареву и Бакунину, которые не только ожидали будущий взрыв, но и всячески способствовали ему. Возможно, Тургенев надеялся опубликовать свой адрес в «Колоколе», содействуя таким образом предотвращению грядущей бури.

Возвращаясь к «Проекту адреса», сохранившемуся в бумагах Тургенева, но так и не дошедшему до адресата, следует вспомнить, что позже, будучи привлеченным в 1862 году по «делу 32-х», или «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», писатель, вызванный в Сенат и опасавшийся ехать в Россию, вынужден был в Париже давать письменные ответы на «допросные пункты». Здесь о визите Ничипоренко он писал: «Я г-на Ничипоренка видел всего два раза: летом 1860-го года у себя в деревне, в Орловской губернии — а потом в 1862-м году весной в Париже. В деревню он ко мне заехал (как он это сам показывает на листе 59-м), временно проживая в гостях по соседству и желая со мной познакомиться. Я нашел в нем человека молчаливого и малоинтересного; посещение его продолжалось весьма недолго — и он уехал, не высказав никаких своих убеждений» (П 5, 318).

⁵⁴ Перед приездом Тургенева в Лондон Герцен, на основании полученных сообщений из России, писал ему 16 (28) октября: «Письма у нас — ужасы, страх и страх. Я начинаю верить, что Алекс<андр> II полетит к черту» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 190).

⁵⁵ Так, П. В. Анненков, приехавший в свое симбирское имение Чирьково, сообщил Тургеневу 4 (16) июня 1861 года: «Что касается до мужиков, то я нашел их мрачными, после поветрия порки, обошедшего уезды, смежные с Казанской и Пензенской губ<ерниями>, и захватившего краем и внутренность нашей. Они смотрят, как люди, которых обсчитали. Доверенности между миром и владельцем земли никакой <...>. Крестьяне уже составили убеждение себе, что воля должна вводиться точно так, как рекрутский устав, переселение в Сибирь и ссылка на Амур — с отпором на одной стороне, кнутом и экзекуцией на другой, да так уже и держат себя» (*Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 107).

⁵⁶ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 15. С. 185. Это заявление было сделано в открытом письме к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, помеченном 21 декабря 1879 (2 января 1880) года, в связи с выпадом Б. М. Маркевича против Тургенева, прозвучавшим со страниц катковских «Московских ведомостей». Поводом послужило предисловие к опубликованному в Париже очерку «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»), автором которого был И. Я. Павловский (1852–1924), арестованный по «делу 193-х» и проведенный в заключении около четырех лет. Покровительство Тургенева ввело Павловского после бегства в Европу в круг русских и французских литераторов, он стал писателем, мемуаристом, сотрудничал в русских газетах.

⁵⁷ «Крестьяне не поняли, — писал, например, Герцен в статье «Ископаемый епископ, дотопопное правительство и обманутый народ», — что освобождение обман, они поверили слову царскому — царь велел их убивать, как собак; дела кровавые, гнусные совершились» (*Колокол*. 1861. 15 авг. Л. 105; *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 137).

Указанная Тургеневым дата первой встречи с Ничипоренко не соответствует действительности, поскольку в показаниях, на которые он ссылается, Ничипоренко говорил именно о начале августа (ст. ст.) 1861 года.⁵⁸ Имя Бенни, с которым приехал Ничипоренко, в ответах Тургенева вообще не называлось. В свою очередь Бенни, будучи привлеченным по «делу 32-х», также не называл имени Тургенева как автора адреса и отрицал само его существование.

Скорее всего, ошибка Тургенева в дате первой встречи с Ничипоренко и в датировке адреса Александру II не была случайной: отодвигая визит молодых революционеров на год назад, он отодвигал на год и события, при которых он состоялся, — не после, а до обнародования Манифеста 19 февраля. Не после, а до расхождения с «лондонскими пропагандистами». Помимо всего прочего, летом 1860 года Тургенева в России не было, он выехал из Петербурга в Париж 24 апреля (8 мая) 1860 и вновь оказался на родине лишь через год — 30 апреля (12 мая) 1861 года.

Отвечая на вопросы следственной комиссии о своих связях с «лондонскими пропагандистами», Тургенев совершенно откровенно высказал свой взгляд на эволюцию Герцена в начале 1860-х годов. «Теряя более и более понимание действительных нужд и потребностей России, которую он, впрочем, никогда хорошо не знал, — писал Тургенев, — увлекаясь более и более старыми предубеждениями и новыми страстями, враждуя с правительством даже в таком святом деле, каково было освобождение крестьян, подчинившись наконец тем самым учениям, от которых здравый смысл отводил его некогда, Герцен перестал отрицать и начал проповедывать — преувеличенно, шумно, как обыкновенно проповедают скептики, решившиеся сделаться фанатиками. <...> Герцен, сделавшийся республиканцем и социалистом, <...> подпавший под влияние Огарева, не имел уже решительно ничего общего ни с одним здравомыслящим русским, не разделяющим народа от царя, честной любви к разумной свободе от убеждения в необходимости монархического начала» (П 5, 311). Узнав о показаниях Тургенева, Герцен печатно обвинил его в «предательстве» и назвал на страницах «Колокола» «седовласой Магдалиной (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого „она прервала все связи с друзьями юности“».⁵⁹

Тургенев, однако, не кривил душой, хотя говорил не все, что знал. В отличие от кабинетных революционеров, он понимал, что их мечты противоречат объективному положению дел. Недаром главным пунктом его расхождения с Герценом стало восприятие последним русского народа как носителя каких-то особых качеств и революционных устремлений. Отвечая на герценовские «Концы и начала» (цикл статей в «Колоколе», который печатался в виде писем к Тургеневу с 19 июня (1 июля) 1862 года), Тургенев писал 26 сентября (8 октября): «Вы же, господа, <...> немецким процессом мышления (как славянофилы) абстрагируя из едва понятой и понятной субстанции народа те принципы, на которых вы предполагаете, что он построит свою жизнь — кружитесь в тумане — и, что всего важнее, в сущности *отрекаетесь от революции* — потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence (по преимуществу (*фр.*)) — и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. № 53. Л. 62 об.

⁵⁹ Колокол. 1864. 15 янв. Л. 177. Статья Герцена первоначально опубликована без подписи в разделе «Смесь» под заголовком «Сплетни»; см. также: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 35. Тургенев был оскорблен. 21 марта (2 апреля) 1864 года он писал Герцену: «...я не полагал, что ты <...>пустишь грязью в человека, которого знал чуть не двадцать лет, потому только, что он разошелся с тобою в убеждениях» (П 5, 292).

брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах» (II 5, 113).⁶⁰ Желая поначалу отвечать Герцену в «Колоколе», Тургенев, получив предостережение от верных людей, не стал делать это, дав волю мысли и чувству в личных письмах к Герцену. Продолжил он полемику со старым товарищем позже в романе «Дым», но не случайно первый набросок замысла романа, как уже говорилось, находится в той же тетради, что и «Проект адреса» Александру II. Время действия его обозначено четко: 1862 год.

Столкнувшись с ожесточенной критикой романа «Отцы и дети», вышедшего в февральском номере «Русского вестника» за 1862 год, писатель надолго забудет дорогу домой, приняв решение поселиться вместе с семьей Виардо в Баден-Бадене и оставить литературные занятия. Весь 1863 год он проведет за границей. В России Тургенев окажется лишь в январе 1864 года, на несколько лет потеряв из виду своего знакомого Артура Бенни. Бенни же застрянет в России, где продолжит свою кипучую деятельность, как правило, не слишком успешную: будет сотрудничать в русских газетах и журналах, организовывать подпольную типографию, примет участие в тушении майских пожаров 1862 года в Петербурге и даже предложит создать пожарные команды, попытается заняться проблемами женского труда и станет одним из организаторов так называемой Слепцовской (Знаменской) коммуны (она и станет предметом сатирического изображения в романе Лескова «Некуда»), сделает попытку устроить побег Чернышевского, попробует влиться в польское восстание и собрать русский легион, который выступил бы на стороне повстанцев, вновь будет обвинен в шпионаже и отстранен от польских дел. Покинет Бенни Россию только после того, как в октябре 1865 года по постановлению Правительствующего Сената будет навсегда выслан за пределы империи. Узнав, что Тургенев поселился в Баден-Бадене, Бенни обратился к нему за помощью и получил ее.

В сохранившемся письме от 11 января 1866 года из Фрайбурга-им-Брайсгау (Германия) Бенни писал: «Только сегодня я узнал, что Вы живете в Баден-Бадене, Иван Сергеевич, и, как видите, не теряю времени, чтоб Вас слегка эксплуатировать. Дело в том, что со времени моего принужденного выезда из России слоняюсь более или менее по Европе, перебиваясь кое-как пописыванием то в русских, то в немецких журналах: существование, как видите, не особенно отрадное. В Женеву, где русские семейства, следовательно и уроков много, мне не хочется ехать, так как я разорвал с Алекс<андром> Ивановичем <Герценом. — Н. Г.> и его лагерем. Пришла мне мысль попробовать счастья в Баден-Бадене, а потому я Вам буду крайне обязан, если Вы мне сообщите, стоит ли мне, по Вашему мнению, приехать в Бад<ен>-Баден в надежде, что там найду уроки русского, английск<ого>, немецк<ого> и франц<узского> языков и обыкновенных предметов гимназического курса или какую-нибудь секретарскую или другую подходящую работу. Из Фрейбурга я уезжаю в воскресенье и потому прошу Вас ответить мне как можно скорее; нельзя ли бы хоть сейчас по получении моего, так что Ваш ответ дошел бы

⁶⁰ Полемика достигла апогея в письме Тургенева от 21 ноября (3 декабря) 1862 года, где были изложены пункты основных разногласий с Огаревым и его проповедью «старинных социалистических теорий об общей собственности и т. д.». Тургенев упрекал друга Герцена в «непонимании народной жизни и современных ее потребностей» и делал вывод: «„Колокол“ гораздо менее читается с тех пор, как в нем стал первенствовать Огарев» — эта фраза стала в России тем, что в Англии называется а truism. И это понятно: публике, читающей в России „Колокол“, не до социализма: она нуждается в той критике, в той чисто политической агитации, от которой ты отступил, сам надломив свой меч» (II 5, 132).

до меня еще в субботу? / Ваш Ар. Бенни». ⁶¹ Это письмо, последнее из известных трех, разумеется, не осталось без ответа, хотя он не дошел до нас. Очевидно, была и встреча, даже не одна, но сведений о них не сохранилось. В том, что Тургенев оказал Бенни посильную помощь, сомневаться не приходится (не в правилах Тургенева было отказывать в помощи), о чем свидетельствует и последний эпизод их отношений.

9 (21) октября 1867 года Тургенев обратился к П. В. Анненкову с письмом, явно предназначенным для чтения третьими лицами. Это был обычный прием, применяемый друзьями в наиболее щекотливых случаях. Случай с Бенни был именно таким, особенно если вспомнить, что писатель и сам не так давно привлекался по «делу 32-х». Анненков должен был передать начальнику III Отделения и шефу жандармов П. А. Шувалову письмо от Бенни, в котором содержалась просьба о предоставлении ему российского гражданства. Писал Тургенев о том, что Бенни возбудил его участие своим «нелицемерным желанием заглядеть свои прошлые, в сущности неважные юношеские увлечения — действительным и усердным служением России, которую одну он признает своим отечеством и вне которой ему решительно не живется» (П 8, 51). Напоминая, что недавно преступнику Кельсиеву была оказана милость «нашим добрым царем», Тургенев сообщал, что Бенни ободрился этим известием, поскольку сам был осужден за недоведение до сведения правительства приезда в Петербург этого самого Кельсиева. «Жизнь Бенни, — писал Тургенев, — действительно тяжела: здешние наши *réfugiés* (изгнанники (*фр.*)) и поляки отворачиваются от него с негодованием — да и он сам избегает их — не имея уже ничего с ними общего, — а доступ в Россию ему запрещен» (П 8, 51–52). Ручаясь за «совершенную надежность и благонамеренность» Бенни, Тургенев выражал уверенность в том, что Бенни «всей своей будущей полезной деятельностью докажет свою благодарность», и просил друга передать письмо Шувалову через близкое к нему лицо (имея в виду, конечно, брата своего корреспондента, петербургского обер-полицмейстера, генерала И. В. Анненкова) в подходящий момент. Анненков вскоре выполнил просьбу Тургенева, передав Шувалову через брата не только письмо Бенни, но и письмо Тургенева (как и предполагалось), а также свое собственное, где поручился за несчастного поляка и даже выражал готовность лично сообщить подробные сведения о личности просителя. ⁶² Дело с рассмотрением просьбы Бенни несколько затянулось, Шувалов затребовал разъяснений, чем собирается заняться проситель, Анненкову пришлось, по-видимому через Тургенева, просить сведений у Бенни и составлять новую записку, на которой и появилась роковая для Бенни помета: «Повременить впредь до востребования. 24 ноября» и приписка внизу: «Умер». 22 октября (3 ноября) Бенни был уже ранен. Умер же он в конце декабря 1867 года (н. ст.).

Характерно, что Тургенев в сопроводительном письме к Анненкову просил прислать ответ на свой адрес в Баден-Баден, хотя Бенни там не живет, но «я всегда буду знать, куда ему доставлять письма». Из сказанного можно заключить, что Бенни и Тургенев нередко общались в это время. К сожалению, письма Анненкова к Тургеневу за этот период не сохранились, они почти наверняка были уничтожены писателем по просьбе друга. Многие баденские письма пропали при переезде в Париж. И уж совершенно точно, Анненков сразу сообщил Тургеневу, что надежды на положительное решение вопроса почти нет. Тогда Бенни в поисках работы обратился к Герцену, который пере-

⁶¹ ИРЛИ. № 5769. Л. 5–5 об. Впервые: *Рейсер С.* Новые материалы о Бенни. С. 141–142.

⁶² Это письмо Анненкова, как и остальные документы по данному эпизоду, впервые были опубликованы в кн.: *Рейсер С.* Артур Бенни. С. 75–82.

поручил хлопоты о нем сыну и Мальвиде Мейзенбуг.⁶³ Так Бенни оказался в гарибальдийском отряде, идущем на Рим. Но и получив сведения о его пленении и ранении (от него самого), Герцен сначала легкомысленно отозвался об этом как об очередной неудаче неугомонного поляка. «Спешу уведомить о благополучном прибытии Вормса, — писал он Огареву 2 (14) ноября 1867 года, — что не помешало милейшему Бени попасть в тюрьму, да еще в поповские лапы, и получить, будучи зрителем, un coup de poule (пулевое ранение (*искаж. фр.*)), как говорила какая-то барыня. Вот совок — да неловок. Он потерял чемодан и все вещи. Вероятно, его, как корреспондента, пустят».⁶⁴

Первое из известных свидетельств о смерти Бенни, и кажется, из уст очевидца, получил Тургенев, писавший Анненкову 24 января (5 февраля) 1868 года: «Кстати о бедном Бенни. Оказывается, что он попал в кашу по совершенной случайности; написал на листе бумаги крупными буквами: „иностранец и турист“ и показывал папским зуавам, а они, приняв этот лист за прокламацию, выстрелили по нем и перебили ему руку. Рану дурно лечили, и он умер» (П 8, 106).⁶⁵ А 7 (19) февраля 1868 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось и официальное сообщение о смерти Бенни,⁶⁶ которое писатель выразительно назвал «пинком ногою» (П 8, 129; письмо к П. В. Анненкову от 14 (26) февраля 1868 года). В открытом письме к редактору газеты В. Ф. Коршу от 14 (26) февраля Тургенев возмущенно писал: «Смею Вас уверить, что Бенни заслуживал более сочувственного напутствия или хотя сострадательного молчания. Он приехал в Россию лет десять тому назад, с возбужденными, неясными надеждами, с верою в несбыточные идеалы. Он был очень молод тогда, не знал ни людей, ни жизни, и вынес из второй своей родины, Англии, известного рода привычки и приемы публичной политической деятельности, которые не могли не возбудить у нас недоверия, недоумения, даже опасений. Пишущий эти строки имел случай на деле убедиться, до какой степени эти опасения были несправедливы. Высланный за границу по распоряжению правительства, отрезвленный опытом, Бенни в последнее время только мечтал о том, как бы выхлопотать позволение вернуться в Россию, которую он полюбил искренно и глубоко — и посвятить себя полезной и скромной деятельности присяжного поверенного. Рана, от которой он умер и которую получил совершенно случайно под Ментаной (он выехал из Рима туристом, в коляске — и попал под «чудотворную» пулю папского зуава), — эта рана была одним и последним из многочисленных ударов, которыми столь

⁶³ 16 (28) октября 1867 года он писал из Ниццы: «Вчера я получил письмо от Артура Бенни (бывшего Дантона в проекте с Алжирской улицы, № 4) — он в Женеве и на днях явится во Флоренцию. Вы знаете, что он дулся на меня с 1861 г. — хотя я поступал так, как должен был поступать всякий серьезный человек. Я никогда не подозревал его, но и не имел особого желания поручиться за все то, что он делал тогда в России. Теперь он хочет получить несколько писем, чтоб облегчить себе корреспонденцию. Дело в том, что „Spectator“ и „Fortnightly review“ предложили ему писать корреспонденции. Я полагаю, вы могли немного помочь ему, особенно Мальвида, а я ведь почти никого не знаю» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 218; подлинник по-французски). Насмешливое прозвище «Дантон в проекте» (*Danton en herbe*) намекает на прежние якобинские убеждения Бенни.

⁶⁴ Там же. С. 231–232. «Поповские лапы» в данном случае означают папские войска.

⁶⁵ Эта версия почему-то показалась Рейсеру «довольно фантастической». См.: *Рейсер С.* Артур Бенни. С. 85.

⁶⁶ В некрологической заметке об «английском подданном» Бенни говорилось: «Владея хорошо русским языком, г. Бени участвовал в некоторых наших периодических изданиях — „Русской речи“, „Северной пчеле“, „Книжном вестнике“. О нем ходило много толков, так как никто не знал, зачем он приезжал в Россию. Некоторые из этих толков были неблагоприятны для него, и люди осторожные сторонились от г. Бени. Нам сообщают теперь, что в последнюю римскую кампанию он поступил в отряд гарибальдийцев и убит при Ментане» (Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 7 (19) фев. № 37. С. 2).

щедро наделила его судьба во все продолжение его, поистине злополучной, жизни. Неужели же эта злая судьба будет преследовать его и в могиле? Память о нем — и то у весьма немногих знакомых — вот все, что осталось от бедного энтузиаста. Она — его единственное достояние, если только можно употребить подобное выражение, когда речь идет о мертвеце. Зная свойственное вам беспристрастие, я не сомневаюсь, что вы не откажетесь содействовать по сильной защите этого достояния».⁶⁷

18 февраля (1 марта) 1868 года откликнулся на смерть Бенни и Герцен. Его краткая заметка «Arthur Beni» появилась в разделе «Faits divers» («Смесь») пятого номера газеты «Колокол», который с 1 января 1868 года начал выходить на французском языке и стал называться «Kolokol (La Cloche)». Это уже был не тот боевой листок, одно упоминание которого вызывало прилив энтузиазма у одних и панический страх у других. За время, прошедшее с 1862 года, газета растеряла свое влияние, читателей и корреспондентов.⁶⁸ А новым читателям уже было не интересно, что за Arthur Beni умер в каком-то итальянском госпитале. Характерно, что Герцен, ранее широко пользовавшийся частной перепиской, на этот раз откликнулся на официальное сообщение русской прессы: «„Петербургские ведомости“ от 7/19 февраля извещают о кончине Бени, убитого в сражении у Ментаны в рядах гарибальдийцев. Известие неточное, — но что, к несчастью, верно, — он был тяжело ранен в руку. / А. Бени находился в лагере Гарибальди в качестве корреспондента двух лондонских газет. Получив ранение, он был отправлен в Рим. Дней через двадцать *после* сражения он послал нам из Флоренции письмо; письмо это было написано им левой рукой, и написано превосходно. Он сообщил нам, что ожидает операции. Если Бени скончался, то, значит, после этой операции. / Ввиду намеков, содержащихся в упомянутой статье „Петербургских ведомостей“, мы считаем своим долгом заявить, что все недоразумения, существовавшие между А. Бени и нами, полностью рассеялись».⁶⁹

Тургенев, как и Герцен, тоже получил от Бенни последнее письмо накануне операции (оба остаются неизвестными), сведения о нем содержатся в письме Тургенева к В. Рольстону от 1 (13) марта 1868 года. Из этого же письма становится ясным, что Бенни не только был посредником между Рольстоном и Тургеневым, но и имел собственные «планы перевода русских сочинений», которые ему не удалось осуществить.⁷⁰ Таким образом, у Тургенева были боль-

⁶⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 23 фев. (6 марта). № 52. С. 1. См. также: П 8, 127–128 (с незначительными неточностями). Письмо Тургенева сопровождалось заметкой от редакции: «Читатели, быть может, не забыли, что извещая о кончине Бени, мы не взяли на себя произнести решительное суждение о нем как общественном деятеле и сослались на доходившие до нас противоречивые о нем сведения. Мы сами не знали покойного лично и только слышали о нем от людей, которым привыкли доверять. Эти люди могли, конечно, ошибаться в своем мнении о приезде иностранца, и мы первые сердечно рады, что уважаемый нами писатель выводит нас, своим честным вмешательством, из особенно прискорбной в подобных случаях неизвестности».

⁶⁸ Французский «Колокол» протянул лишь год и прекратил свое существование, а еще через год состоялась еще одна попытка возродить этот бывший революционный орган, но сделана она была в 1870 году, уже после смерти Герцена, Огаревым и... С. Г. Нечаевым, но и она оказалась неудачной и ограничилась шестью номерами.

⁶⁹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 20. Кн. 1. С. 132–133 (подлинник по-французски).

⁷⁰ «Смерть Артура Бени, нашего посредника, который так печально погиб вследствие ранения, полученного в сражении при Ментане, причинила мне глубокую скорбь. Я как раз добивался для него разрешения вернуться в Россию — он был полон надежд, когда я его видел в последний раз, — теперь все это исчезло в могиле. Я получил от него письмо, написанное левой рукой и помеченное одной римской больницей — накануне ампутации: с тех пор не знаю никаких подробностей; если вы смогли бы мне их сообщить, я был бы вам очень признателен. / Планы перевода русских сочинений, которые намечал Бенни, — также исчезли вместе с ним; но я надеюсь, что интерес, который вы питали к нашей литературе, не уменьшился» (П 8, 143, 245; подлинник по-французски).

шие виды на Бенни, он собирался включить его в то многолетнее и успешное дело пропаганды русской литературы за рубежом, которое осуществлял сам.

Откликаясь на призыв Тургенева, Лесков написал свой очерк «Загадочный человек», напечатанный впервые без подписи в газете «Биржевые ведомости» в 1870 году. Выпуская очерк отдельным изданием в 1871 году, Лесков предпослал ему письмо к Тургеневу, помеченное июнем того же года. В нем читаем: «Я, весьма вероятно, не решился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса в защиту молодого человека, злополучные приключения которого здесь рассказаны. Ваш почин в этом деле дал мне мысль и возможность несколько подробнее опровергнуть злостные клеветы, преследовавшие Артура Бенни при его жизни и не пощадившие его в некрологе, напечатанном после его смерти».⁷¹ Из письма следует, что Тургенев не только подтолкнул Лескова к написанию очерка о Бенни, но и сделал ему письменно несколько «указаний на прежние промахи и ошибки», допущенные в первой публикации, которые автор учел в отдельном издании. Сам же очерк, со слов Лескова, Тургенев назвал «делом хорошим и честным».⁷² К сожалению, никаких сведений о письме Тургенева, упомянутом Лесковым, пока не обнаружено, хотя косвенно такое заключение можно сделать из письма Тургенева к Я. П. Полонскому от 4 (16) апреля 1870 года. Накануне Полонский и Анненков сообщили о выходе очерка Лескова в «Биржевых ведомостях», и Тургенев просил обоих прислать ему вырезки. Оба выполнили просьбу. «Статья очень любопытная, — писал Тургенев, — хотя не без недомолвок и неточностей. Бенни, напр<имер>, вовсе не так умер, как рассказывает Стебницкий» (П 10, 172).

Подводя итоги нашего исследования, скажем, что к уже изложенным аргументам в пользу передатировки «Проекта адреса» Александру II — август 1861 вместо 1860 года, указанного самим Тургеневым, — необходимо добавить следующее: в адресе недвусмысленно говорится об отмене крепостного права как о совершившемся факте. Рекомендовать царю новые меры, не дождавшись ни самого Манифеста, ни Положения, было бы преждевременным и бессмысленным. Называя время написания адреса «смутным», Тургенев имел в виду революционную ситуацию в России, сложившуюся к августу 1861-го, когда во многих губерниях начались крестьянские волнения, оживилось студенческое движение, оружием пришлось подавлять манифестации в Царстве Польском. О 1860 годе этого сказать было нельзя.⁷³

Все факты, в том числе единственное сохранившееся письмо Герцена к Бенни, указывают на то, что был не один, тургеневский, адрес на имя государя, под которым Бенни и его товарищ Ничипоренко собирали подписи, а два. Один, написанный Бенни и Ничипоренко, другой — Тургеневым. Обещание же Тургенева составить новый адрес, прозвучавшее в письме от 26 сентября (8 октября) 1862 года к В. Ф. Лугинину, следует признать неосуществленным.⁷⁴

⁷¹ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 7.

⁷² Там же.

⁷³ Впервые передатировка документа предложена в: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862). С. 499–501.

⁷⁴ Попытку связать документ, сохранившийся в бумагах Тургенева в Париже, и тот, что был описан Мазоном как «коллективное письмо», с замыслом писателя вернуться к проекту адреса Александру II, следует признать неудачной. См.: Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. P. 105. Здесь читаем: «95. М. 34. — Письмо к Александру II. Два листка тонкой голубой бумаги размером 271 × 222 миллиметра. Нотариальный номер отсутствует. / Коллективное письмо к Александру II, призывающее к созыву Земского собора. Без даты и подписи. Документ написан печатными буквами в устаревшей манере («en caractères d'impression de style archaïque»), как будто для того, чтобы скрыть почерк автора — не Тургенева». Что имел

Вот что писал Тургенев Лугинину, возвращая огаревский адрес, переданный ему для обсуждения и дополнения: «Вы увидите, что я не сделал никаких изменений: по зрелом соображении я нашел, что мне предстояло почти весь адрес переделать, на что я, разумеется, не имел никакого права» (П 5, 110).⁷⁵ Напоминая о разногласиях с Огаревым, Тургенев по пунктам сформулировал свои замечания и просил Лугинина сообщить их в Лондон. Вкратце суть этих замечаний сводилась к следующему: текст адреса «наполнен фактическими неверностями во всем» и представляет «обвинительный акт против „Положения“ — а с „Положения“ начинается новая эра России». Второе: дипломатические уловки, присутствующие в тексте с целью привлечь как можно больше подписей «крепостников», — недобросовестны: «Мы держимся только принципами и ясным и честным высказыванием их. Такая дипломатия никуда не годится». Третье: не будет этот адрес понят и крестьянами, которые «по справедливости увидят в нем новое нападение дворянства на освобождение <...> а мысль о Земском Собрании не утешит его ни на волос, если даже не испугает его». Одновременно Тургенев бросал упрек и Бакунину, и самому Герцену в недооценке роли «образованного класса» и в переоценке «революционных или реформаторских начал» в народе. Опровержение тезисов огаревского адреса Тургенев продолжит в письме того же дня к самому Герцену. Из письма же к Лугинину главным представляется несогласие Тургенева с критикой самого Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости («с „Положения“ начинается новая эра России»), а следовательно, и осуществляемого «сверху» процесса, которому надлежало помогать, а не препятствовать, возбуждая в народе несбыточные надежды.

Характерно, что Тургенев отмечает несвоевременность адреса, составленного в Лондоне: «Вообще весь адрес как бы написан задним числом; он отстал на целый год и едва ли найдет где-нибудь действительный отголосок <...>» (П 5, 111). Год назад был как раз 1861-й, когда еще можно было пробовать остановить процесс. Теперь же, после массовых крестьянских и студенческих волнений, после майских пожаров 1862 года, после начавшихся правительственных репрессий (закрытие университетов, подавление выступлений в России и Польше, прекращение журналов, многочисленные аресты и возбужденные политические процессы) время для предложений было упущено. Тем не менее Тургенев пишет Лугинину из Баден-Бадена: «Я должен Вам признаться, что я сам ношу с мыслию адреса и полагаю со-

в виду Мазон под «устаревшей манерой», сказать трудно. Теперь, когда появилась возможность близко разглядеть этот документ на сайте Bibliothèque nationale, ясно, что не очень грамотный переписчик не старался скрыть свой почерк, — документ, очевидно, готовился к передаче в типографию. Ни Мазон, ни Рейсер не знали, что именно об этом документе шла речь в письмах Тургенева к Лугинину и Герцену, хотя к этому времени документ уже был опубликован в сборнике: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / С объяснит. прим. М. Драгоманова. Женева, 1892. С. 155–159. Впрочем, Рейсер и не мог опознать документ, поскольку не видел его. Впервые точная отсылка была сделана лишь в первом издании Полного собрания сочинений и писем Тургенева. Речь шла об адресе Александру II, составленном Огаревым (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 5. С. 514 (прим. А. И. Батюто)). При реконструкции кратко охарактеризованного А. Мазоном (см. ниже) документа, который оказался адресом, написанным Н. П. Огаревым и одобренным Герценом, Рейсера ввели в заблуждения два факта: письмо Тургенева к Лугинину (1834–1911), человеку, близкому в то время Герцену, одному из основателей в 1861 году центра тогдашней революционной молодежи, Гейдельбергской читальни, и упоминание в описании Мазона указанного выше адреса Александру II, который Рейсер ошибочно принял за документ, если не составленный Тургеньевым, то близкий по содержанию к тому проекту, с которым Тургенев «носился в 1862 году» (*Рейсер А. Артур Бенни.* С. 29).

⁷⁵ Обратим внимание на то, что, возвращая адрес, Тургенев, очевидно, получил доработанный его вариант, который и сохранился в его бумагах.

ставить его в Париже» (П 5, 111).⁷⁶ Однако никаких следов этого замысла в бумагах Тургенева не сохранилось, да и вряд ли он был осуществлен.⁷⁷ «Нечего и говорить, — продолжал Тургенев, — что я сообщу мой проект в Лондон» (П 5, 111–112). Как видим, решительно отказываясь подписать или вносить поправки в адрес, составленный в Лондоне, Тургенев еще не отказывается от сотрудничества с вольной русской печатью и даже излагает вкратце программу будущего адреса: «Признав великое благо, основанное „Положением“, указать на необходимость некоторых дополнений и улучшений — а главное, на настоятельную потребность привести весь остальной состав русского государства в гармонию с совершившимся переворотом — и для этого, раскрыв беспощадной рукой все безобразия нашей администрации, суда, финансов и т. д., требовать созвания Земского Собора, как единого спасения России — одним словом, доказать правительству, что оно должно продолжать дело, *им начатое*» (П 5, 112). По сравнению с содержанием дошедшего до нас документа в этой новой программе возникает идея Земского Собора, которой были особенно озабочены Огарев и Бакунин. Осознавая утопичность подобного проекта в ближайшем будущем, Тургенев прямо говорит о том, что правительство «не примет подобного адреса — и даже будет готово наказать подписавшихся», однако видит смысл предпринимаемых усилий как со стороны лондонских изгнанников, так и со своей собственной в том, что они послужат «для возбуждения общественного мнения — и, по крайней мере, всякий будет в состоянии пристать к нему, не изменяя своим убеждениям и не скрывая их» (П 5, 112). В письме к Герцену того же дня писатель еще раз возвращается к теме Земского Собора, оспаривая высказанное Бакуниным в статье «Романов, Пугачев или Пестель?» предсказание: «В 1863-м году быть в России страшной беде, если царь не решит созвать всенародную Земскую думу». И предлагает пари: «...я утверждаю, что царь ничего не созовет — и 1863-й год пройдет *преувеличенно тихо*» (П 5, 114). Чаяния Тургенева о *преувеличенно тихом* течении 1863 года сбылись, что называется, с точностью до наоборот: уже 10 (22) января в Польше вспыхнуло восстание, вылившееся в настоящие боевые действия. В новых условиях было уже не до адресов и не до созыва Земского Собора.

Наконец, возвращаясь к списку поляков, занесенному Тургеневым после «Проекта адреса» Александру II, выскажем предположение, что он был записан не в 1861-м, а в 1863 году, когда судьба польского восстания была уже решена. Послуживший отправной точкой для кардинального расхождения Тургенева и Герцена, «польский вопрос» разделил русское общество на две неравные части — основную и сравнительно немногочисленную группу революционно настроенных людей, желавших кратчайшим путем добиться радикальных изменений существующего общественно-политического строя. Предсказанный Тургеневым в письме к Е. Ламберт трагический поворот этого предприятия как для Польши, так и для России полностью подтвердился. Он вызвал бесчисленные жертвы и усиление реакции, что не могло не затормозить ход осуществляемых в стране реформ. А трагическая судьба Артура Бенни, оказавшегося на перекрестке противоположных течений русской жизни, лишь подтвердила правоту Тургенева.

⁷⁶ В комментариях к этому фрагменту письма дается ссылка на «Проект адреса», составленный Тургеневым, как мы пытались показать, в августе 1861 года, однако эта отсылка в данном случае не представляется корректной (см.: П 5, 460).

⁷⁷ Не исключено, что писатель собирался вернуться к уже написанному адресу, черновик которого у него был.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-52-63

© А. Б. Бильдюг, © Н. Г. Комелина

ПОМОРСКИЕ СКАЗИТЕЛИ И КНИГИ: ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ НАХОДКАХ НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ*

Для фольклористики важным является противопоставление низкой/устной/крестьянской культуры высокой/книжной/городской культуре.¹ Влияние грамотности и книг на устное творчество, если таковое было зафиксировано, считалось порчей традиции.² Так, например, М. К. Азадовский пишет, что современные ему исследователи сказки противопоставляют устность и книжность и устанавливают неразрывную связь между «народной сказкой» и «неграмотностью».³

Американский фольклорист Алан Дандес называет такой подход «регрессивным принципом в теории фольклора». Согласно этому принципу «золотой век фольклора» находится в далеком прошлом, а произведение устного жанра со временем подвергается порче: трансмиссия, контаминации и пр. коверкают его изначально чистый и незамутненный смысл.⁴ Поэтому исследователи, придерживающиеся таких воззрений, стремятся записать наиболее древний и наименее «испорченный» пласт фольклорных текстов.

Крупные собиратели былин и духовных стихов второй половины XIX — начала XX века А. Ф. Гильфердинг и А. В. Марков, следуя, вероятно, этому принципу, важным условием сохранения эпоса называют «малое развитие <...> грамотности» у крестьян.⁵ Гильфердинг отмечал, что «почти все <...> рапсоды неграмотные». Грамотными оказались только пять из семидесяти сказителей, с которыми он работал.⁶ Чуть позже вслед за своим предшественником Марков пишет, что грамотность, «расширяя умственный горизонт и возбуждая новые интересы, отвлекает внимание от несложных эпических памятников старины». Первоклассные исполнители, по его наблюдениям, были неграмотны.⁷

Разговор о грамотности исполнителей подразумевает, с одной стороны (и чаще всего), их обращение к популярным печатным и лубочным изданиям,⁸ с дру-

* Статья выполнена по гранту РФФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

¹ Неклюдов С. Ю. О слове устном и книжном // Живая старина. 1994. № 2. С. 2–3.

² Лурье М. Л. Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 9. С. 124–141.

³ Азадовский М. К. Сказительство и книга // Язык и литература. Л., 1932. Т. 8. С. 9.

⁴ Дандес А. Регрессивный принцип в теории фольклора // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. статей. М., 2003. С. 57–71.

⁵ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова; изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 1002.

⁶ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. XVI.

⁷ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1002.

⁸ Сама возможность заимствования былин из публикаций, ориентированных на широкий круг читателей, интересовала исследователей рубежа XIX–XX веков лишь в незначительной степени. А. М. Астахова в разделе монографии «Русский былинный эпос на Севере» говорит о малом внимании А. Д. Григорьева и А. В. Маркова к факту усвоения эпического текста из лубочных и популярных изданий фольклора (Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере.

гой — речь может идти и об их включенности в традицию книжности рукописной.⁹

А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков во время поездок на Север кроме устных текстов собирали рукописные книги или — по крайней мере — сообщали о них в своих отчетах. При этом, несмотря на принятые представления об обратной зависимости грамотности и степени сохранности устных жанров, исследователи отмечали связь приверженности населения старообрядчеству — которое не существует без рукописной книжности — и более бережного отношения к эпической традиции.¹⁰ Ончуков писал, что «население Усть-Цильмы и Пижмы почти сплошь старообрядческое, а в кратких характеристиках своих „старинщиков“ указывал степень их начитанности и наличие элемента книжности в исполняемых ими былинах».¹¹ Подобные замечания о единичных хороших исполнителях старин, обучившихся грамоте в старообрядческих скитах, есть и в работах Маркова, несмотря на критическую оценку им роли грамотности в сохранении эпоса.

Однако вопросы о том, были ли сказители читателями найденных рукописей, владели ли ими, оставались в значительной степени в стороне от исследовательских интересов собирателей этого периода. Фольклорная составляющая поездок по Северу и собирание рукописей будто бы не соприкасались в их работе.

Возможно, разнесение устной и письменной культур в работах ученых начала XX века было отчасти связано и с наследием исторической школы Вс. Ф. Миллера, в рамках которой памятники рукописной книжности воспринимались как артефакт, относимый к прошлому и высокой культуре, а записи фольклора — к культуре крестьянской. Впрочем, как будет показано ниже, следующим поколением собирателей фольклора (Р. С. Липец, Э. Г. Бородина-Морозова и др.) подобные вопросы также не ставились.

Лишь в более поздних работах особо оговаривается, что сказитель одновременно является носителем устной и рукописной книжной культур. Академик А. М. Панченко

Петрозаводск, 1948. С. 283). Позднее о роли книги в творчестве сказителей писал современный исследователь Ю. А. Новиков. Он, отдавая должное важности изучения вторичного бытования былин, пишет: «И все же вторичное бытование эпоса правомерно рассматривать как одно из проявлений кризиса живой фольклорной традиции. Среди десятков исполнителей, усвоивших былины из книг, лишь единицы владели былинными напевами» (*Новиков Ю. А. Былина и книга. Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов.* СПб., 2001. С. 5). Примеры, относящиеся к влиянию популярной печатной книжности на творчество отдельных сказителей, могут быть продолжены.

⁹ Одним из аспектов проблемы взаимодействия сказительства и рукописной книжности является непрофессиональная запись фольклорного текста: самим исполнителем, человеком из другой социальной среды, путешественником и пр. «Новейшая история фольклористики знает несколько случаев, когда грамотные сказители записывали былины, которые сами исполняли (И. А. Касьянов, П. Калинин, Т. Е. Точиллов, П. И. Рябинин-Андреев)» — но записи эти были сделаны по просьбе собирателей, «для науки» (*Путилов Б. Н. «Сборник Кириши Данилова» и традиции русского фольклоризма XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1966. Т. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. С. 30*). В работе Т. Г. Ивановой, посвященной в том числе записям былин в Вологодском крае, говорится о двух рукописных сборниках, которые включают в себя эпические тексты: рукописи из собрания Российской национальной библиотеки О. XIV, № 17 (содержит книжные песни религиозного характера, былины, историческую песню); «старинные тетрадки (рукописи)», на которые ссылался корреспондент Русского географического общества Н. Е. Ордин в 1877 году (см.: *Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты.* СПб., 2001. С. 105–109, 112–113). Иванова приходит к выводу, что «приведенные факты с рукописью из РНБ и со старинной тетрадкой, с которой был знаком Н. Е. Ордин, заставляют нас обратить особое внимание на письменную форму бытования песенно-эпического фольклора в среде носителей устно-поэтической традиции» (с. 113–114). В нашем случае речь идет о несколько другом аспекте: рукописи, которым посвящена наша статья, не представляют собой записи устного исполнения фольклорного текста.

¹⁰ *Панченко А. М. Рукописная книжность Печоры // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 1: Былины Печоры. С. 124.*

¹¹ Там же.

в обзоре рукописного наследия Печоры говорит о вероятной принадлежности некоторых книг «старинщикам» Ончукова. «Во всяком случае, пометы Григория Ивановича Чупрова встречаются на трех поморских рукописях (УЦ, № 57; УЦН, 35, 94), а Игнатий Васильевич Торопов был читателем литературного сборника местного письма (УЦН, № 8)».¹² В работе А. Н. Власова отмечено, что сказители Василий и Емельян Чупровы слыли на Печоре известными книжниками: «Емельян, овдовев, ходил обучать грамоте детей на Цильму, а Василий Абрамович был наставником в с. Верхнее Бугаево по р. Печоре». Исследователь пишет: «Как мы видим, даже в более ранние времена умение петь старины и книжное знание были не отделимы друг от друга и составляли как бы две одинаково важные черты натуры талантливого человека».¹³

Материалы, связанные с Зимнем берегом Белого моря, точнее, с двумя деревнями — Верхняя и Нижняя Зимние Золотицы, которые со времен Маркова¹⁴ известны фольклористам как крупный эпический центр,¹⁵ позволяют заглянуть в небольшую «библиотеку» сказителя, а также отметить сюжеты, которые равно бытовали как в устной, так и в письменной традиции этой части Поморья.

С самого открытия былинной традиции Зимнего берега в центре внимания исследователей была семья сказителей Крюковых. Одной из лучших исполнительниц из этой семьи Марков называл Аграфену Матвеевну. Повторная экспедиция по следам собирателя была предпринята аспирантом В. П. Чужимовым в 1934 году.¹⁶ Ее материалы сохранились лишь частично, многие записи оказались утраченными. В 1936 году происходит «открытие» советской сказительницы Марфы Семеновны Крюковой, дочери Аграфены Матвеевны. С ней работали такие фольклористы, как А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Р. С. Липец и др.

Марков указывает на особое отношение семьи сказителей к рукописной книге.¹⁷ Из записанной им биографии Марфы Семеновны известно, что она любила читать и берегла, «как драгоценность, рукопись церковного письма, подаренную ей дедом Василием Леонтьевичем и содержащую в себе разные песнопения и жития. Большую часть своих старин и несколько духовных стихов она переняла у деда, который не менее своего брата Гаврилы славился как замечательный сказатель. С девяти лет он

¹² Там же. С. 125.

¹³ Власов А. Н. Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III науч. конф. «Рябининские чтения — 99». Петрозаводск, 2000. С. 45.

¹⁴ О нем см.: Маркова Н. А. Алексей Владимирович Марков: Семейные истории и биографические очерки. М., 2017.

¹⁵ На рубеже XIX–XX веков на Зимнем берегу Белого моря, а именно в двух селах Нижней и Верхней Зимних Золотицах, Марков собрал большое количество былин, духовных стихов и исторических песен, которые вошли в сборник «Беломорские былины» (Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901). Первые фольклорно-этнографические материалы, в том числе первые записи былин на Зимнем берегу Белого моря, были сделаны священником зимнезолотницкого прихода И. Ф. Розановым в 1850-е годы. Они были опубликованы в сборнике П. С. Ефименко (*Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: [В 2 ч.]*. М., 1878. Ч. 2: Народная словесность).

¹⁶ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2–3. С. 119–151.

¹⁷ Многие исследования посвящены влиянию популярных печатных и лубочных изданий на творчество сказителей Крюковых. Астахова замечает, что записанные в 1899–1901 годах Марковым былины М. С. Крюковой восходят к хрестоматии Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов А. В. Народная поэзия. М., 1894). То же можно сказать о 10 из 63 текстов, записанных от А. М. Крюковой (Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. С. 320). В аналитическом указателе «Былина и книга» Новиков выявляет зависимости от книг сюжеты в репертуаре сказителей Крюковых (см.: Новиков Ю. А. Былина и книга...). Книжное влияние на разработку сюжета о Егории Храбром в исполнении А. М. Крюковой отмечает Т. В. Хлыбова (Хлыбова Т. В. Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А. В. Маркова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск, 2003. С. 132). Она находит мотивы, заимствованные сказительницей из варианта, опубликованного в хрестоматии Оксенова.

учился в кельях Онуфриевского скита».¹⁸ Старообрядческий скит находился недалеко от с. Койда и духовно окормлял поселения Зимнего берега Белого моря.¹⁹ Кроме того, А. В. Марков высказывает предположение об особой роли старообрядческих скитов «в хранении и распространении <...> эпоса».²⁰

Наблюдения Маркова о том, что сказители Крюковы были не чужды рукописной старообрядческой книжности, нашли свое подтверждение в полевых и архивных поисках участников экспедиций Пушкинского Дома последних лет.²¹ В фондах Рукописного отдела ИРЛИ РАН Н. Г. Комелиной было найдено письмо председателя секции этнографии Северного отделения Всесоюзного географического общества А. А. Морозова, сообщающее о том, что московская фольклористка, ученица Ю. М. Соколова Э. Г. Бородина-Морозова (супруга автора письма) привезла из экспедиционной поездки на Зимний берег двадцать местных рукописей XVII–XIX веков, «среди которых попадаются интересные древнерусские повести («О царице и львице» и др.), произведения местного „житийного“ жанра («Житие Андрея <так! — А. Б., Н. К.> Ущельского-Холмогорского» и др.)».²² Эта находка никак не отразилась в публикациях исследовательницы. Происхождение рукописей оставалось неясным, а их местонахождение — неизвестным.

В 2007 году сотрудники Отдела русского фольклора Пушкинского Дома отправились в экспедицию в деревни Верхняя и Нижняя Зимние Золотицы для проверки состояния фольклорной традиции, записи материала о местных сказителях и воспоминаний об исполнении эпических текстов. Уже тогда А. И. Васкул в одном из домов обратила внимание на рукописные книги, которые, как оказалось, принадлежали Крюковым.

В 2010 году Отделом фольклора была организована вторая экспедиция в Золотицы. Кроме песен, частушек, мифологических рассказов и многочисленных воспоминаний о сказителях прошлого, экспедицией были привезены три скромных рукописных фрагмента: лист крюкового Ирмология последней четверти XVII века (ИРЛИ).

¹⁸ Беломорские старины и духовные стихи. С. 254.

¹⁹ Возникновение Ануфриевского скита связывают с переселением сюда старообрядцев после разгрома скитов на Керженце в 10-е годы XVIII века. Об истории скита см.: *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908; *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона. Архангельск, 1999. С. 439–464; *Окладников Н. А.* История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII — начало XX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2005. Т. 1. С. 32–42; *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30–40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 74–83; *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII веках // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003. С. 102–115; *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016. С. 130–134; *Васкул А. И.* «Живите. Бог благословит»: о браках насельников старообрядческого Ануфриевского скита Зимнего берега Белого моря (по материалам архива Русского географического общества) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2018. Вып. 11. С. 318–329; *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. М.; СПб., 2018. Т. 8: Былины Зимнего берега Белого моря. С. 149–156, и др.

²⁰ «Документально мне известно, что в Онуфриевском скиту пели много духовных стихов, между прочим, и Голубиную книгу, которая считается за старину. Одна <...> старуха <...> говорила мне, что в кельях пели и про князя Владимира. Покойный сказатель Василий Крюков и хорошая сказательница Точилова выучили некоторые старины в том же скиту, к сожалению, мне неизвестно, какие именно старины и от кого они переняли. Может быть, серьезные и благочестивые сюжеты, действительно, пользовались популярностью в некоторых северных чисто национальных скитах, которые допускали в свои кельи народные стихи и старины, в противоположность официальной церковности» (*Марков А. В.* Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1003).

²¹ Участники фольклорно-археографических экспедиций Пушкинского Дома 2007, 2010, 2018 годов: Д. В. Агафонова, А. Ю. Балакин, А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, Я. В. Зверева, Н. Г. Комелина, Г. Н. Мехнецова, В. Радеке, Е. Селезнева, А. И. Функ. Архивная работа в Библиотеке Академии наук проводилась в том числе Н. А. Ефимовой.

²² ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 14.4. Л. 177–178 (письмо 1948 года). Ошибочное название жития перечеркнуто неустановленным лицом.

Северодвинское собр. № 966), отрывок богослужебного текста (Там же. № 967) и выписки из «Альфы и Омеги» XIX века (Там же. № 968). Несмотря на кажущуюся незначительность находок, они — напротив — представляют особый интерес, так как были подарены Пушкинскому Дому родственниками М. С. Крюковой. Два рукописных сборника из библиотеки сказителей были пересняты с любезного разрешения нынешних владельцев.

И наконец, в 2018 и 2019 годах удалось выяснить судьбу рукописей, привезенных Бородиной-Морозовой. В 1948 году Морозов передал в фонды Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук 18 рукописей. В их составе, действительно, есть «Повесть о царице и львице», а также Житие Иова Ущельского. Золотицкое происхождение многих рукописей подтверждается благодаря читательским пометам на их листах. Мы предполагаем с большой долей вероятности, что все 18 рукописей, одновременно переданные Морозовым в фонды БАН, происходят с Зимнего берега Белого моря.²³

В их числе богослужебные рукописи XVIII — середины XIX века (БАН. Текущие поступления. № 428–430, 433–434), Житие Иова Ущельского (Там же. № 424), переписанное в 1861 году четырнадцатилетним отроком Феодором Ситниковым из д. Верхние Березники.²⁴ А также — фрагмент «Сна Богородицы» (Там же. № 425) в списке XIX века; настенный лист «Сказание о двенадцати добрых друзьях» XVIII века (Там же. № 426); фрагмент тетради с виршами, переписанными в XIX–XX веках (Там же. № 427); «Печать царя Соломона» XVIII века (Там же. № 435); Житие Андрея Юродивого в списке первой половины XVII века (Там же. № 420); гадательная книга XVIII века (Там же. № 423); сборник конца XVII — начала XVIII века с текстами эсхатологического содержания, входящими в «Сборник», а также старообрядческими сочинениями «Послание о сложении перстов» Герасима Фирсова, «Пятая соловецкая челобитная», и др. (Там же. № 418);²⁵ сборник учительного и богослужебного характера XVIII–XIX веков (Там же. № 419); сборник духовных стихов конца XVIII века (Там же. № 421); «Повесть о царице и львице» в списке XVIII века (Там же. № 422). Кроме того, с Золотицей связаны заемные записи 1819–1833 годов (Там же. № 431) и квитанция о сборе продуктов на содержание рекрутов 1742 года (Там же. № 432).

Еще две рукописи, вероятно, из тех же двадцати, упомянутых в письме, оказались переданными Морозовым в 1967 году в фонды Древлехранилища Пушкинского Дома. Одна из книг — богослужебный сборник 80-х годов XVIII века, который содержит в том числе Сказание об обретении мощей и чудесах Иоанна и Лонгина Яренгских (ИРЛИ. Мезенское собр. № 153). Судя по записям, книга была куплена Анисьей Ивановной Субботиной в д. Ручьи у «Стефана Васильева Юрьева» (л. 1 об.). Недалеко от устья р. Ручьи находился старообрядческий Игнатьевский скит.²⁶ Другие записи сборника также связаны с родом золотицких крестьян Субботиных: «Сей канун принадлежит Михайлу Стефанову Суботину. Своеручно подписал»; «У нас строен дом свой 1846 году»; «Михайло Стефанов Суботин женился 1846 году апреля месяца...» (л. 2, 3 об.). Есть также запись с именем Манефы Копытовой (?), о происхождении которой ничего не известно (л. 4).

Другая книга — Житие Кирика и Улиты, переписанное в 1844 году калужским мещанином В. Ф. Макеевым (ИРЛИ. Мезенское собр. № 154), позже ставшая частью небольшого книжного собрания семьи Крюковых: «Сия книга Архангельскаго уезд<a> Золотицкаго волостнаго правления Нижнозолтицкой деревни крестьянина Ва-

²³ БАН. Текущие поступления. № 418–435. СобираТЕЛЬСкая работа Бородиной-Морозовой велась исключительно в Золотицах на Зимнем берегу.

²⁴ Подробнее об этой рукописи см.: Рыжова Е. А. Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (вторая редакция) // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 545–573.

²⁵ Описание рукописи см.: Сочинения писателей-старообрядцев XVIII в. / Сост. Н. Ю. Бубнов; ред. А. И. Копанев. Л., 1984. С. 55–59.

²⁶ Подробнее о ските см.: Окладников Н. А. Край родной Мезенский: Очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 212–219. Ручьевское же происхождение имеет и рукопись, привезенная из экспедиции ИРЛИ РАН в 2010 году (ИРЛИ. Северодвинское собр. № 969).

силы Леонтьева Крюкова. 1852 года марта сам своеручно подписал» (Там же. Л. 1); «Сия книга Кирика и Улиты Зосимы Семенова Крюкова 1899-го года месяца 15-го июля» (Там же. Л. 1 об.); книга «Петра Ивановича Крюкова» (Там же. Л. 16 об.). Записи поминального характера также связаны с семьей Крюковых: о преставлении Аграфены Матвеевны Крюковой, Дарьи Васильевны Крюковой, Михаила Михайловича Крюкова («подписал родной его племянник Василей Крюков для незабвенной памяти» — Там же. Л. 2 об.).²⁷

На листах многих рукописей из собрания БАН также находятся владельческие и читательские записи, из которых следует, что доподлинно семье сказителей Крюковых принадлежали две рукописи: сборник духовных стихов (БАН. Текущие поступления. № 421) и «Повесть о царице и львице» (Там же. № 422).²⁸

В перечень книг Крюковых необходимо добавить еще 3 фрагмента рукописей, которые сейчас находятся в Древлехранилище ИРЛИ РАН, и 2 сборника (доступные только в фотокопиях), о которых речь уже шла выше. Один из этих сборников XVIII века содержит такие записи: «Читал сию книгу Архангельской округи Золотицкого волостного правления Нижно-Золотицкой деревни крестьянин Василей Леонтьев Крюков 1847 года апреля 3 дня», «и своеручно подписал, а ничего не сказал, хорошо ли или погрешительно писано. Священник <далее подпись, вероятно, Гавриила Богоявленского. — А. Б., Н. К.>»; «Читал священник Гавриил Богоявленский 1853 году»; «Читал Иван Семенович Крюков»; «Парасковьи Лукиничны Тарасовых». Книга сохранила и сведения о преставлении В. Л. Крюкова и его жены, Семена Васильевича, Сергея Васильевича, Ирины Васильевны, Дарьи Васильевны Крюковых, Аграфены Матвеевны Крюковой: «Погребено тело рабы Божией Аграфены Матвеевны Крюковой в Верхней <так!> зимнезолотицком кладбище за рекой. Кто будет читать, того прошу помянуть рабу Божию. Пометил <?> сын ея И. Крюков».

Кроме того, Василий Леонтьевич Крюков — дед сказительницы Марфы Семеновны Крюковой — был читателем книги, принадлежавшей «крестьянину Золотецкой деревни Михаилу Степановичу Суботину или жене его Аксиньи Ивановне Суботиной» (БАН. Текущие поступления. № 418), а также сборника учительного и богослужебного характера XVIII–XIX веков (Там же. № 419). Сборник, судя по фамилии его владельца Аксиньи Прокопьевой Коптяковой и по более ранней записи («<Рома>новъгако уезду Гор<од>скаго стану деревни Кулиги Максима Григоева <так!> сынна <так!> Фролова» (Там же. № 419. Л. 1–11)), связан с историей Ануфриевского скита. На листах из синодиков скита конца XVIII — начала XIX века (ИРЛИ. Мезенское собр. № 84) и помянника в составе сборника XVIII века (Там же. № 178) нами в числе имен и фамилий для поминаний были обнаружены указания на поминание «родителей» «московских», «рыбленских», «рост<овских>», «пусто<зерских?>» и «ром<ановских>».²⁹

Наиболее часто в записях семьи Крюковых на листах рукописей, привезенных с Зимнего берега, упоминается имя Василия Леонтьевича Крюкова. О нем известно немного. Он был сказителем, но не сохранилось ни былин, ни духовных стихов, записанных от него. Судя по заметкам Маркова, именно В. Л. Крюков значительно повлиял на свою внучку Марфу Семеновну Крюкову. В биографических сведениях о ней Чужимов упоминает В. Л. Крюкова: «Дед, Василий Леонтьевич, имел судно; братья — Василий и Гаврил Леонтьевич — ходили вместе, рабочих не было, но покрутчиков держали. Василий Леонтьевич старообрядец, воспитывался в скиту Онуфриевском за Мегрой, у деда Афанасия Коптякова. У В<асилия> Л<еонтьевича> были рукописи

²⁷ Кроме всех перечисленных рукописей, имеющих золотицкое происхождение и находящихся сейчас в собраниях БАН, Древлехранилища ИРЛИ и личных собраниях, необходимо упомянуть и Часовник второй половины XVII века, хранящийся в Архангельском музее деревянного зодчества (АМДЗ. КП 9446 («Малые Корелы»)). Благодарим Н. В. Савельеву за указание на эту рукопись.

²⁸ Подробнее о записях на листах золотицких рукописей см.: *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря... С. 153–155.

²⁹ О роли старообрядцев г. Романова в истории скитов Зимнего берега см.: *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря»... С. 74–83.

с песнями и житиями. Мать В<асилия> Л<еонтьевича> была взята из скита Игнатьевского в Ручьях».³⁰

Как пишет Марков, в Ануфриевском ските В. Л. Крюков не только выучился грамоте, но и духовным стихам и некоторым старинам: «...там же он научился петь церковные службы, но, несмотря на хороший голос, не соглашался петь на клиросе в золотницкой церкви, потому что, как он говорил (передаю со слов А. М. Крюковой), там служат не по-старому, на клирос нельзя взойти — так разит табачищем от дьячка; а пуще всего он боялся щепоти (трехперстного крестного знаменья, вовсе неупотребительного у золотницких крестьян)».³¹ При этом, однако, в записи на листах одной из золотницких рукописей В. Л. Крюков упомянут как «церковный староста» (БАН. Текущие поступления. № 419. Л. 123 об.). Из записей же известно, что он умер в мае 1895 года.

Сказители Крюковы и другие золотницкие крестьяне читали тексты богослужебные, душеспасительные, старообрядческие полемические и др. Есть среди сюжетов найденных рукописных книг и те, что бытовали на Зимнем берегу также в устном исполнении: Стих об Иоасафе-царевиче («Как расьплачится млад юноша Иоасаф царевичь...»; там же. № 427. Л. 7 об.); Стих об осаде Соловецкого монастыря («Что во славном было царстве...»; там же. Л. 9); духовные стихи «Егда человек здрав бывает...» (Там же. Л. 1) и «Человек на земли как живет, трава растет <так!> ...» (Там же. Л. 5 об.); рассказ о народах, заточенных в горах (в рукописи из частного собрания он представлен в составе отрывка из Откровения Мефодия Патарского).³²

Среди фольклорных жанров и сюжетов, восходящих к книжной традиции, на Зимнем берегу Белого моря были зафиксированы «сказки» про Александра Македонского³³ и пересказы «Александрии»,³⁴ в состав которых входит и сюжет о народах, заточенных в горах. Краткий пересказ этого сюжета записан от М. С. Крюковой Чужимовым: «Во время похода в Индию его А<лександра> М<акедонского> войско пожирали звери. Он их загнал в горы и поставил трубы. Трубы железные и воеет ветер, а они чувствуют: все стоит Александр Македонский. Когда эти трубы разрушатся, тогда они выбегут и будто поедать будут людей».³⁵

³⁰ ИРЛИ. Р. V. Колл. 72. П. 2. № 7. Л. 1.

³¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 254.

³² Кроме того, можно упомянуть и список «Повести о царице и львице» (БАН. Текущие поступления. № 422. Л. 2), входивший в библиотеку сказителей Крюковых. Свидетельства существования этого сюжета в устном исполнении на Зимнем берегу Белого моря нами пока не обнаружены. Однако известна запись повести («Про львицу») в устном исполнении в Пинежском районе Архангельской области от Т. О. Кобелевой (см.: Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Зап. текстов, вступ. статья и комм. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941. С. 104–106). Также в одной из рукописей находится Плач Иосифа Прекрасного («Возопи ныне ко Иакову, отцу моему Израилю...»; БАН. Текущие поступления. № 421. Л. 1), восходящий к Слову Ефрема Сирина о Прекрасном Иосифе (см.: *Шумило С. М.* Духовный стих «Плач Иосифа Прекрасного» и его сирийский литературный источник // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 595–600). От А. М. Крюковой Марковым также записан духовный стих об Иосифе Прекрасном, но на другой сюжет — «Кому повем печаль свою...» (Беломорские старины и духовные стихи. С. 164–166). Как указывает Т. В. Филофова, этот сюжет «представляет собой плач Иосифа на могиле его матери Рахили, в котором он рассказывает о своих страданиях и своей горькой судьбе. Можно выделить два варианта плача: краткий, представляющий собой только плач Иосифа, и пространный, полностью повторяющий развернутое повествование духовного стиха „Блажен еси Иакове...“. Именно пространный вариант плача Иосифа „Кому повем печаль свою...“ стал одним из самых распространенных стихов в старообрядческой рукописной традиции» (*Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar. Köln; Weimar; Wien, 2010. S. 107). Именно этот вариант записан в исполнении А. М. Крюковой.

³³ ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 1.4. Л. 166–173 (сказка «Про Александра Македонского» от М. С. Крюковой); Л. 1333–1336 (сказка «Александр Македонский ходил в ад» от М. С. Крюковой, зап. 19 января 1944 года).

³⁴ Там же. Колл. 72. П. 2. № 11 («Александрия» от М. С. Крюковой, зап. в сентябре 1934 года).

³⁵ См.: *Комелина Н. Г.* Сказки об Александре Македонском на Русском Севере // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2012. Т. 36. С. 507.

В поздней записи 1943 года, сделанной Бородиной-Морозовой, сюжет представлен более развернуто. Сказка начинается кратким рассказом о жизни и смерти Александра, потом следует пассаж о славе Александра за его храбрость, так как он загнал всех «зверей» в пещеры. Звери послушались его, побоявшись могущественного перстня на руке царя, который достался Александру «от одного персийского воина». Засыпав пещеры и ущелья, Александр «приказал постановить кузницу, сам выковал железные трубы и все обтянул бархатом». И сказал: «...доколь мои трубы стоят, тем царям не стоять и народа не проедать». В трубы будет выть ветер, и «цари-чудовища» будут бояться выходить, «что царь Македонский все над има стоит». Но позже эти цари выйдут, и «горе будет человецам на земле».³⁶

В рукописи из библиотеки Крюковых этот сюжет представлен иначе. Александр убоялся нечистоты и скверны народов, начал «молитися Богу со страхом великим зело повелит собратися мужем и женам и детям их и поганым», чтобы дойти до гор. «Тогда же Александр помолился Богу со страхом великим, и повеле Господь Бог горам северным³⁷ соступить. И повелением Божиим соступишася горы». Александр поставил врата железные и замазал их «суньглимом». Народы выйдут из заточения при скончании мира. Здесь нет упоминания железных труб и могущественного перстня. Александр побеждает нечистые народы, обратившись с молитвой к Богу.

Устный вариант сказок, записанный от М. С. Крюковой, восходит, вероятно, к лубочным сюжетам и не имеет прямых пересечений с отрывком из «Откровения Мефодия Патарского».³⁸ В «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева в сюжете о «Гогах и Магогах», заточенных Александром Македонским, присутствует мотив железных труб, поставленных победителем: «...Он свел над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подымется страшный вой; они, сидя там, кричат: „О, видно еще жив Александр Македонский!“ Эти Гоги и Магоги до сих пор еще живы и трепещут Александра, а выйдут оттудова перед самую кончиною света».³⁹

В одном из сборников духовных стихов конца XIX — начала XX века, привезенных Бородиной-Морозовой, находится стих об осаде Соловецкого монастыря («Что во славном было царстве...»); конец текста утрачен; БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 9 об.).

Рукописный текст на этот же сюжет был обнаружен на Зимнем берегу Марковым: «Листок со стариною об осаде Соловецкого монастыря найден мною в Нижней Золотице у одной старухи; он находился среди рукописей со статьями церковного содержания и духовными стихами: об Иоасафе-царевиче, о кончине и о грешной душе. В одной из тетрадок с духовными стихами находится запись: „1813 года Устинья Крюкова“, на другой — бумажный водяной знак: „В. Ф. П. М. 1815“. Следовательно, старина была записана (или списана со старого оригинала?) в десятых годах XIX в. Владелица рукописей в молодости жила у своей тетки Устиньи Крюковой в Онуфриевской пустыни Мезенского уезда, в 100 верстах от Золотицы, и там выучилась грамоте от скитниц».⁴⁰

³⁶ Полный опубликованный текст сказки см.: Там же С. 509.

³⁷ Отметим, что «северные горы» не являются для М. С. Крюковой чем-то абстрактным. «Северные горы» — один из топонимов Зимнего берега Белого моря.

³⁸ Однако любопытно, что лист рукописи из библиотеки Крюковых, на котором повествуется о народах, заточенных Александром Македонским в горах, оторвался или был вырван нарочно и ошибочно вложен в другое место книги.

³⁹ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 2. С. 384, 459.

⁴⁰ Начало стиха в рукописи утрачено, у Маркова оно публикуется по записи со слов владелицы (см.: Беломорские старины и духовные стихи. С. 404–405). Из биографии Г. М. Плакуева известно, что Марков заходил к его матери и получил от нее в подарок рукопись Устиньи Крюковой «Осада Соловецкого монастыря» (Там же. С. 469–472). Устинья Ивановна Крюкова жила в кельях старообрядческого Ануфриевского скита, где воспитывалась и обучалась грамоте ее племянница, мать Плакуева. В доме Плакуева было несколько рукописных книг. По словам деревенских жителей, книги попали к его матери после того, как скит был закрыт. Сам Плакуев говорил, «что прежде знал много старин, но по молодости стеснялся исполнять их при приезжих» (см.:

На Зимнем берегу текст стиха об осаде монастыря в устном исполнении был зафиксирован фольклористами трижды. Марков издал его в варианте от А. М. Крюковой.⁴¹ В 1934 году стих был записан Чужимовым от М. С. Крюковой, но издан не был. В переписке с Ю. М. Соколовым и директором Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичем исследователь просит не публиковать некоторые собранные им тексты: «В том случае, если редакция сборника былин М. С. Крюковой будет печатать былины моей записи, я прошу Вас передать редакторам мою просьбу о том, чтобы нижеследующие былины не печатались, а были только упомянуты: 1) „Соломан и Иван Микульевич“, 2) „Осада Соловецкого монастыря“ (в XVII в.), 3) „Турицы“».⁴² Запись стиха, сделанная Чужимовым, в архивах пока так и не обнаружена.

«Стих про осаду Соловецкого монастыря» в записи Бородиной-Морозовой и Липец 1938 года был опубликован в томе былин Крюковой.⁴³ По словам М. С. Крюковой, она переяла его «от стариков Николая Попова и Ефима Михайловича Субботина»,⁴⁴ т. е., судя по фамилиям, от поморов Зимнего берега. Марков же помещает этот сюжет в записи от А. М. Крюковой среди старин Терского берега Белого моря.

Стих об осаде Соловецкого монастыря достаточно распространен в устной и письменной традициях.⁴⁵ Т. Г. Иванова рассматривает его как «произведение, срединное между двумя жанрами — духовным стихом и исторической песней»,⁴⁶ и полагает, что стих возник позже «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова, был сочинен неизвестным автором по законам силлабического стихосложения, а позже преобразовался в «устные варианты и варианты из крестьянских тетрадок, в разной степени трансформирующие первоначальную композицию, образную систему и силлабический стих».⁴⁷ По мнению исследователя, «„эталонным“, близким к предполагаемому письменному протографу, оказался текст, записанный Марковым в 1899 году <...> от Аграфены Крюковой». Песня в варианте Марфы Крюковой, по замечанию Ивановой, является «композиционно близким и одновременно существовавшим иным» вариантом текста, значительно разросшимся благодаря импровизационному дару сказительницы.⁴⁸ Осторожно предположим, что до сих пор не найденный вариант стиха, записанный от Крюковой в более раннее время Чужимовым, может значительно отличаться от опубликованного и быть еще ближе к тексту Аграфены

Былины Печоры и Зимнего берега: (Новые записи) / Изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.: Л., 1961. С. 467).

⁴¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 154–157.

⁴² ГЛМ. Ф. 612. Оп. 1. № 2228. Л. 10 (письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу; не датировано).

⁴³ Былины Крюковой / Зап. и комм. Э. Г. Бородина и Р. С. Липец. М., 1941. Т. 2. С. 578–588.

⁴⁴ Там же. С. 714.

⁴⁵ Подробнее о стихе и его публикациях см.: *Иванова Т. Г.* Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича) // Русская литература. 2016. № 4. С. 5–22. О художественных особенностях стиха и влияния на него «мировоззрения старообрядческой среды» см.: *Дранникова Н. В.* Историческая песня о соловецком восстании // Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI вв.): Сб. науч. статей и докладов междунар. научно-практической конф. Архангельск, 2015. С. 87–90. Тексты стиха выявлены Философовой в Древлехранилище Пушкинского Дома: в Пинежском собрании, в коллекции В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой и др. (*Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland... S. 104–105). К ним можно добавить еще списки из собрания Отдельных поступлений (Оп. 24. № 156. Л. 76 об.; № 173. Л. 51 об.), из коллекции П. С. Богословского (№ 58. Л. 29 об.), Вятского собрания (№ 26. Л. 151). Список может быть продолжен. На вятские рукописи, содержащие этот стих, указывает в своей диссертационной работе Е. В. Воронцова (*Воронцова Е. В.* Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. С. 78, 104, 122, 125, 128, 164, 183). Е. И. Иткина отмечает иллюстрированный стих о взятии монастыря (РНБ. Собр. Десницкого. № 6; см.: *Иткина Е. И.* Повесть «Описание лицевого великой осады и разорения монастыря Соловецкого» и ее литературные и изобразительные источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 38. С. 259).

⁴⁶ *Иванова Т. Г.* Песня «Осада Соловецкого монастыря»... С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 7.

⁴⁸ Там же. С. 15.

Крюковой, так как в эти годы еще не началось тесное сотрудничество М. С. Крюковой с фольклористами.

В одной из рукописей (БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 7 об.) находится духовный стих об Иоасафе-царевиче с инципитом: «Как расьплатится млад юноша Иосаф царевич пред пустынею стоя...», представляющий собой разговор царевича и пустыни. Стих на этот сюжет в устном исполнении зафиксирован на Зимнем берегу от Анны Васильевны Стрелковой (ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 19. Л. 558–560).⁴⁹ Пока это единственная на Зимнем берегу Белого моря запись произведения об Иоасафе-царевиче именно в таком варианте.⁵⁰ Есть свидетельство Маркова о том, что он видел рукопись со стариною об этом же святом, но о каком сюжете идет речь, остается неясным.⁵¹

Разговор царевича и пустыни — в его рукописной и устной версиях — расходится достаточно сильно. При этом многие текстовые параллели сохранены. Приведем два примера, цитируя сначала сборник стихов, а затем — А. В. Стрелкову:

Как расьплатится млад юноша Иосаф царевич
Пред пустынею стоя:
«Мы <так!> любимая моя мати, прекрасная пустыня,
Приимы мене, яко мати свое чадо,
На свои на белья руцы...»⁵²

Как расплакалсе млáдой юныша да Иосаф царевичь,
Пред пустынею стояшше да слезно плакал он:
«Уж ты ой еси, мать моя пустынюшка пуста,
Ты прими-тко-се меня на свои руки белья».⁵³

Еще один пример:

Проречет млад юнош Иосаф царевичь:
«Не страшаи мене, пустыне, превеликами страстмя.
Того аз хочу я, и душа моя желает.
У тебя во пустыни воспиталься Предотеча,
Сладьки меда и акриды,
Еще кушал Предотеча гнилую колоду,
Еще пил Предотеча болотную воду.
Разгуляюсь, млад юнош, по земному браве,
Со мной станут говорить на древах мелкое лисье,
Что Христос на престоле с херувимы, сарафимы,
Вся небесныя силы».⁵⁴

Отвечает ему млáдой юныша да Иосаф-царевичь:
«И не страшай меня, пустынюшка, превеликими страстями-то,

⁴⁹ Полный текст стиха см.: *Комелина Н. Г.* Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени (по материалам фольклорного собрания ИРЛИ) // *Русская литература.* 2018. № 4. С. 226–227.

⁵⁰ От А. М. Крюковой был зафиксирован духовный стих, который представляет собой переложение житийной «Повести о Варлааме и Иоасафе» (Беломорские старины и духовные стихи. С. 171–175). Стих на такой же сюжет был записан от М. С. Крюковой Бородиной-Морозовой в 1942 году (ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 4. Л. 98–150). «Песнь покаянна Иоасафа царевича в пустыню входяша» с инципитом «Боже, Отче всемогущий...» входит в состав рукописи XVIII века из библиотеки Крюковых (БАН. Текущие поступления. № 421. Л. 8 об.). На л. 12 запись: «Сия книга крестьянина Василья Левотьева Крюкова сам своеручно подписал 1854 года м<еся>ца мая 9 дня».

⁵¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 404.

⁵² БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 7 об.

⁵³ Полный текст стиха см.: *Комелина Н. Г.* Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени. С. 226.

⁵⁴ БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 8 об. — 9 об.

Уж я сам того хочу и душа моя желает,
 Я хочу-то в постынюшки пбстом-то попоститесе,
 И я хочу-то во пустынюшке трудом-то потрудитесе,
 Уж я буду воскушати гнилую колоду,
 Уж я стану запивать болотной водой-то,
 И розгуляюсь-то я по чистому полю-ту,
 Сб мной станут говорить на древах мелки листы,
 И осиновы-то листики березовы,
 Уж я стану говорить да ише с ёлочкой». ⁵⁵

В этом же сборнике (БАН. Текущие поступления. № 427) находятся еще два духовных стиха, которые встречаются также в устном исполнении на Зимнем берегу Белого моря: «Человек на земли как живет, трава растет...» (л. 5 об.) и «Егда человек здрав бывает, тогда и смерти не помышляет...» (л. 1). Первый сюжет записан Марковым от А. М. Крюковой. ⁵⁶ Второй — Бородиной-Морозовой от М. С. Крюковой. ⁵⁷ По словам последней, она переняла стих у В. Л. Крюкова, который выучил его в ските. Тексты устного и письменного вариантов стихов, обнаруженных на Зимнем берегу Белого моря, находятся примерно в таком же соотношении, как и в случае приведенного выше стиха об Иоасафе-царевиче.

Благодаря работе экспедиций Пушкинского Дома последних лет, а также археографическим открытиям на Зимнем берегу Белого моря, сделанным еще в середине XX века и вновь попавшим в поле зрения исследователей спустя почти век, в центре нашего внимания оказалось относительно небольшое собрание рукописных книг из Верхней и Нижней Зимних Золотиц. Часть книг достоверно принадлежала семье Крюковых либо читалась ими. Имена владельцев и читателей многих других рукописей неизвестны, однако мы предполагаем, что все они, с большой степенью вероятности, были привезены Бородиной-Морозовой из той же части Поморья, сказители которой обращались не только к былинам, но и жанрам фольклора, имеющим устно-письменную форму бытования, зачастую восходящим к книжным источникам. Сосуществование одних и тех же сюжетов в репертуаре сказителей Зимнего берега и в местных рукописях позволяет исследователю поставить экспериментальный вопрос о взаимовлиянии устного и письменного вариантов произведений, бытующих в одной конкретной среде в одно и то же время. В настоящий момент мы не можем достоверно возвести ни один из рассмотренных выше фольклорных текстов к представленным в статье спискам рукописей. Возможно, более кропотливая текстологическая работа позволит прийти к иным выводам в будущем.

Выявленные рукописи дополнили сведения о биографиях, круге чтения семьи Крюковых, их симпатии к старообрядчеству. Пример сказителей Крюковых — читателей и хранителей рукописных книг — не уникален. Немалую роль здесь сыграло то значение, которое имело старообрядчество и скиты для жителей Зимнего берега Белого моря.

Можно провести аналогию со старинщиками Печоры, где, как пишет А. М. Панченко, «былина <...> жила в близком соприкосновении с рукописной книжной традицией», а духовная жизнь была ориентирована «на времена дедов и прадедов». Основными причинами сохранения на Печоре эпической поэзии Ончуков называл «географическую удаленность <...> и приверженность населения „старой вере“». ⁵⁸ Значение, которое старообрядчество придавало прошлому, и стремление к некоторой форме консервации культуры, вероятно, сказались в равной степени на сохранении рукописной книжности и фольклорных традиций.

Что же касается грамотности, то, на наш взгляд, пример сказителей Зимнего берега только подтверждает один из выводов М. К. Азадовского о том, что «...грамот-

⁵⁵ Комелина Н. Г. Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени. С. 227.

⁵⁶ Беломорские старины и духовные стихи. С. 176.

⁵⁷ ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 3.

⁵⁸ Панченко А. М. Рукописная книжность Печоры. С. 124.

ность не только не служит разрушающим фактором, болезненно вторгающимся в сферу сказительства, но <...> служит подчас новым и творческим источником последнего». ⁵⁹

⁵⁹ Азадовский М. К. Сказительство и книга. С. 14.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-63-67

© Н. Ю. Алексеева

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РАЗВИТИЕМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

При изучении творчества отдельных поэтов середины XVIII века и поэзии этого периода в целом на заднем плане маячит вопрос: насколько основательны наши суждения о поэзии этого периода, когда мы строим их на печатных изданиях. Мы судим о поэзии по публикациям в журналах или в авторских сборниках, но, как и во всякую эпоху, в XVIII веке число напечатанных произведений заведомо меньше числа написанных. Само соотношение между рукописной и печатной литературой — важная характеристика культуры. Применительно к XVIII веку вопрос о соотношении изданных произведений литературы и неизданных, распространявшихся в рукописях, еще не ставился. Ближе всего к нему подошел М. Н. Сперанский, стремившийся к максимальному охвату изучавшихся им в течение нескольких десятилетий рукописных сборников XVIII века. В монографии, завершенной перед самой кончиной в 1938 году, ¹ основное внимание он уделяет низовой литературе: фольклору и демократической (недворянской) поэзии и прозе, изучение которой, как справедливо отмечает в предисловии к подготовленному ею изданию книги В. Д. Кузьмина, в 1920–1930-е годы ощущалось как насущная задача науки. ² Книжная поэзия Сперанским специально не рассматривается, о ней кратко говорится лишь в заключении книги, сам ее репертуар приведен в VIII рубрике предметного указателя «Некоторые стихотворные произведения русских писателей XVIII в. в рукописных сборниках». ³ Все указанные в рубрике произведения, за исключением сатир Антиоха Кантемира, были знакомы современникам по изданиям в отдельных сборниках, собраниях сочинений, наконец, в журналах. Сперанский указывает, что это рукописные списки с печатных изданий. ⁴ Наблюдения Сперанского подтверждают и другие, не описанные им сборники. ⁵ Поэтические материалы в них за редким исключением составляют стихотворения, восходящие к печатным изданиям. Таким образом, к нашему знанию поэзии XVIII века рукописные сборники мало что добавляют, но они многое дают для понимания развития поэзии.

Прежде всего благодаря им мы можем судить о вкусах широкого читателя XVIII века. Присутствие в сборниках стихотворения свидетельствует о некоторой его популярности, хотя жесткой зависимости здесь не существует. По предварительным сведениям, наиболее часто в стихотворных сборниках встречаются произведения А. П. Сумарокова. На основании этого с большой осторожностью можно делать вывод о его популярности в среде, которую в середине XX века называли демократической, т. е. недворянской, — среде, в которой в основном и бытовали рукописные сборники. Вкусы разных слоев общества, конечно, не совпадали. Любопытен в этом отношении

¹ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.

² Кузьмина В. Д. Предисловие // Там же. С. 3.

³ Там же. С. 168–171.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Их исследование в связи с работой над изданием Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова было проведено А. А. Костиным.

пример несоответствия пристрастий к оде Сумарокова «На государя Петра Великого» (1744–1755) в дворянской среде и демократической. И. И. Дмитриев вспоминает ее как любимую в их семье,⁶ а в известных нам сборниках она встречается лишь однажды.⁷

Печатное происхождение подавляющей части стихотворений в сборниках говорит о том, что в XVIII веке сами авторы не распространяли своих стихотворений в рукописях. Конечно, они могли знакомить друг друга с ненапечатанными еще стихотворениями. Отголоски такой практики различимы в творчестве Сумарокова и М. В. Ломоносова в 1740-е годы. Так, Сумароков упрекает Ломоносова в заимствовании из его ненапечатанной еще оды «На государя Петра Великого».⁸ В ту пору оба поэта в разговорах о поэзии, очевидно, читали друг другу свои произведения, менее вероятно, но не исключено, что они делились между собой списками стихотворений. Но даже в этом случае дальше их кабинетов стихотворения не уходили, это был дружеский рабочий обмен результатами, а не распространение собственных шедевров. После разрыва Ломоносова с Сумароковым обычаем дружески обсуждать друг с другом стихи в России на какое-то время, возможно, и прервался. Ни о чем подобном не упоминает, например, М. Н. Муравьев, полнее, чем кто-нибудь нарисовавший быт и нравы старших по отношению к себе поэтов (В. И. Майкова, М. М. Хераскова).⁹ Сам же он о стихах думает постоянно и не может, кажется, не говорить о них.¹⁰ Уже в начале 1770-х годов возникает содружество поэтов, с обсуждением стихотворений, с общей работой над ними. Но и замечательные дарования, объединившиеся вокруг Н. А. Львова, не пускают своих серьезных стихов до печати в свет, что для поэтов более поздних эпох будет естественно.¹¹ В этом сказывалось не только отношение поэтов к себе самим, но и к поэтическому творчеству как таковому, к поэзии. Не столько, по-видимому, скромность, сколько отсутствие обыкновения делать ненапечатанное стихотворение достоянием публики объясняет такое положение. Это тем удивительнее, что проза в рукописях свободно распространяется. В 1750–1760-е годы своих стихотворений не посылали, по-видимому, и мэтрам, что станет принято начиная с поздне-державинского времени. Если в архиве Г. Р. Державина отложились десятки стихотворений молодых его современников, в архиве Ломоносова, единственном дошедшем до нас архиве автора середины XVIII века, нет и следа чужих стихотворений. По-видимому, их было немного и в архиве Сумарокова.

Из сказанного следует, что, несмотря на бытование в XVIII веке рукописных сборников, для поэзии необходимым условием существования была печать. Когда не было возможности напечатать стихотворения, поэты середины века либо их не писали, либо писали в стол. Так, Сумароков подготовил четыре книги притчей, и они лежали у него в столе, ни одна из вошедших в них басен не была известна до своей публикации Н. И. Новиковым в седьмом томе Полного собрания всех сочинений писателя. Так же и другие не изданные им при жизни стихотворения получили известность только уже из издания Новикова. В свете сказанного новый смысл приобретает послание Кантемира «К стихам своим» (1743). Судя по всему, лежание «в тени за ключами» было совсем не редким уделом русских стихотворений и в более позднюю эпоху. По спискам

⁶ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. / Ред. и прим. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 6–8.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 96. № 58/1364. Л. 12–17 об.

⁸ «„Каков не слыхан был от века“. Это взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей Оды сделаны, и которые так написаны о Петре ж Великом...» (Сумароков А. П. Критика на оду // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. / Собр. и изд. Н. Новиковым. М., 1782. Ч. 10. С. 84).

⁹ Муравьев М. Н. Мысли, замечания, отрывки // Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1820. Т. 3. С. 316–325.

¹⁰ Обсуждением строк наполнены письма Муравьева 1777–1778 годов, см.: Письма М. Н. Муравьева / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 259–377.

¹¹ В отличие от серьезных стихотворений, сатирические в рукописях свободно распространяются, чему служат примером «Послание слугам моим» Д. И. Фонвизина, эпиграммы А. С. Хвостова и др.

до издания становились известны редкие стихотворения. К ним относятся, например, поздние «Кузнечик» (1761) и «Разговор с Анакреонтом» (1761) Ломоносова.

Требует особого осмысления тот факт, что в эпоху, не так еще далеко шагнувшую от рукописного средневековья, поэты придают печатанию своих стихотворений особое значение. Видимо, печать взаимосвязана со статусом сочинения. Если демократические сатирические повести и вирши — низовая или полунизовая литература — заведомо создаются для рукописного распространения, то поэзии, находящейся на другом иерархическом полюсе литературы, следует быть оттиснутой. Это потому она может переписываться и нечуткими к таким тонкостям, далекими от Парнаса людьми смешиваться в одном сборнике со средней и низовой литературой, но на выходе поэзия должна быть максимально дистанцирована от полусредневековой городской культуры. Желанием авторов размежеваться со старой культурой и объясняется, как кажется, их очевидное стремление печатать свои стихотворения. Ненапечатанное стихотворение выглядит простовато. Рукописный статус стихотворений сам по себе уже свидетельствует о их периферийном месте в поэтической культуре. В этом отношении большой интерес представляют обнаруженные С. И. Николаевым идиллии второй половины 1750-х годов.¹² Их рукописному происхождению соответствует и их анонимность, и архаичность стиля.

Стремление быть напечатанным делает творчество авторов XVIII века зависимым от возможности издания. Поэты пишут, чтобы печататься. Между тем в 1730–1760-е годы издать свое произведение или сборник произведений было весьма трудно, а периодическая печать в эти десятилетия непостоянна. Авторские сборники независимых от Академии и Университета поэтов начинают появляться только с середины 1770-х годов; державинские «Читалагайские оды»¹³ и муравьевские «Оды»¹⁴ среди первых из них. Редкая возможность издаваться самому приводила к тому, что в 1750-е и в 1760-е годы поэзия расцветала в периоды активизации литературных журналов. Очевидно при этом, что авторы отдавали в них не то, что накопилось за годы отсутствия печатного органа, а начинали писать специально для выходявшего журнала. Косвенно это наблюдение подтверждается тем, что журнальные произведения и по своим темам, и по формам между собой весьма близки, что было бы невозможным, если бы они писались в разные годы. Перед нами довольно странная, исходя из литературного опыта XIX–XX веков, ситуация. Поэты могут годами молчать, но лишь только открывается журнал, начинают вдохновенно писать. Такое отношение к творчеству не имеет ничего общего с романтическим, все еще до сих пор единственно нам понятным типом творчества. Как и одописцы, поэты этой эпохи пишут не когда их посещает вдохновение, а когда писать по каким-то причинам надо. Исключения тут, наверное, очень редки, к ним, по-видимому, относится Сумароков. Зависимость творчества от издания помогает понять некоторые странности в развитии поэзии XVIII века. Прежде всего к ним относится его скачкообразность.

Наше представление о развитии поэзии XVIII века основывается на убеждении в его быстроте. Со времен В. Г. Белинского XVIII век мыслится как век великого прорыва, когда русская культура достигла невиданного успеха, за сто лет догнав культуру европейскую. XVIII век оказывается моментом в истории культуры, в котором ценится именно развитие, его интенсивность. Быстрое развитие рисует нашему взору писателей и поэтов, трудящихся не покладая рук с тем, чтобы в короткий срок догнать, наконец, Запад. Восприятию развития культуры как ускоренного роста соответствует наше его понимание по аналогии с развитием биологическим. Мы представляем изменение культуры подобно росту цветка или дерева и, как в случае естественного роста, мыслим развитие культуры непрерывным. В этом можно убедиться, посмотрев любое

¹² Николаев С. И. Русская идиллия 1750-х гг. (Новые материалы) // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27. С. 397–415.

¹³ Державин Г. Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года. [СПб.: Типография Академии наук, 1776].

¹⁴ [Муравьев М.]. Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михайла Муравьева. [СПб.: Типография Академии наук,] 1775.

оглавление многочисленных историй литературы последних двух веков. Их авторы, при всей своей разности, накладывают развитие литературы на календарь, подгоняя под столбцы десятилетий имеющийся материал литературы, то чудовищно его растягивая, то с необходимостью сжимая. При этом хорошо известно, что даже по числу строк десятилетие на десятилетие в XVIII веке не приходится. Так, в 1730-е и 1740-е годы оригинальные русские стихотворения исчисляются единицами, в 1750-е — десятками, и только уже к концу века — сотнями. Такая статистика основана на материале литературы (поэзии и прозы), изданной в XVIII веке в свет. О нем мы судим по описанию изданий в «Сводном каталоге»¹⁵ и журнальных публикаций у А. Н. Неустроева.¹⁶ Согласно их данным, первый расцвет новой поэзии приходится на 1755–1764 годы. Открытие первого русского журнала «Ежемесячные сочинения» обнаруживает в России нескольких поэтов. Стихотворения в новых жанрах разнообразят прозу в первые годы выхода журнала. Когда академический журнал освобождается от всякой литературности,¹⁷ в том числе поэзии, стихи начинает печатать следующий, уже студенческий, журнал «Праздное время»,¹⁸ затем первый частный журнал «Трудолюбивая пчела» (1759) Сумарокова. С закрытием «Трудолюбивой пчелы» эстафету подхватывают московские журналы М. М. Хераскова («Полезное увеселение», 1760–1762; «Свободные часы», 1763), И. Ф. Богдановича («Невинное упражнение», 1763) и В. Д. Санковского («Доброе намерение», 1764). В отличие от предшествовавших им петербургских, московские журналы почти исключительно поэтические. Уже не несколько поэтов, как пять–девять лет назад в «Ежемесячных сочинениях», а более десяти печатаются в них. Множество поэтов, десятки стихотворений, новые темы и жанры — все говорит о замечательном росте, расцвете. Но вот последний из московских журналов этого периода «Доброе намерение» закрывается, и расцвет замирает. Следующий журнал, в котором будут не просто печататься отдельные более или менее случайные стихотворения, а поэтическая часть которого будет программной, откроется только через 13 лет, это «Санкт-Петербургский вестник» (1778–1781).

Как понимать наступившую паузу? Отсутствие журналов с поэтической рубрикой в этот период не восполняют отдельные издания стихотворных сборников. Как и в предшествующие десятилетия, в 1760-е годы издать свои сочинения могут авторы, обладающие исключительным служебным положением и связями. Если в 1750-е годы выходили собрания сочинений сотрудников Академии наук Ломоносова и В. К. Тредиаковского, теперь издать свои сборники могут наделенный особыми привилегиями Сумароков и глава Университетской типографии Херасков. А что же другие? Еще вчера беседовавшие с музами, сегодня они спрятали перья, сложили бумаги, надели мундиры и отправились в присутствие. Чрезвычайно важный вопрос: они перестали писать, потому что негде печататься, или журналы перестали издаваться, потому что нечего печатать. Как часто бывает, по-видимому, оба явления взаимообусловлены. Такой спорадический всплеск поэзии, которым отмечены московские журналы, не мог быть долгим: и темы, и формы быстро оказались исчерпанными.

Развитие поэзии наступившего в середине 1760-х годов десятилетия осмыслено много хуже, чем предыдущих и последующих эпох. Нам кажется, что она как-то ускользает от нас. Во многом наша растерянность связана с отсутствием постоянной хроники поэзии — журналов. Теперь вместо философских стихотворений, медитативных стансов, которыми еще недавно пестрели страницы московских поэтических жур-

¹⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1966. Т. 1–3.

¹⁶ Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 годы. СПб., 1874. Т. 1–2.

¹⁷ См. систематическое исследование журнала: Готовцева А. Г. «Сие есть наиболее полезное для российского общества». Журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М., 2019.

¹⁸ «Праздное время, в пользу употребленное» издавался в Шляхетном корпусе в 1759–1760 годах, подробнее см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М., 1952. С. 124–127.

налов, основным жанром становится торжественная ода. Возможно, что расцвет ее в это десятилетие не в последнюю очередь связан с тем, что оду можно издать. Развитие другой поэзии, поэзии мысли и чувства, в 1765–1775 годах замирает. После журналов начала 1760-х годов нам трудно с этим смириться, и мы многое домысливаем, проводя плавную линию, например, от раннего творчества Богдановича начала 1760-х годов к его расцвету в «Душеньке» (1778). Нам почти невозможно представить дискретного развития. Кажется, что, пока мы не признаем его, развитие поэзии середины XVIII века будет оставаться во многом для нас непонятным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-67-71

© Н. А. Паршукова, © Е. А. Романова

**«ПОСЛЕ ШЕСТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ»?
(К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ
«ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК 1847 ГОДА» В. Ф. ОДОЕВСКОГО)**

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится дорожный дневник князя В. Ф. Одоевского, названный следующим образом: «Путевые записки 1847 года». Запись названия отличается от почерка автора и сделана, по всей вероятности, во время переплета и систематизации бумаг уже покойного Одоевского, которыми занимался сначала С. А. Соболевский, а позднее А. И. Кошелев.¹ В фонд библиотеки единицы хранения поступили в переплетенном виде и были описаны в 1884 году И. А. Бычковым (сегодня это опись № 1 фонда В. Ф. Одоевского).²

Полностью документ никогда не был опубликован. Исследователи периодически обращаются к дневнику и черпают из него подробности биографии Одоевского и лиц, с которыми он встречался в пути. Так, М. А. Турьян в ряде статей частично воспроизводит страницы «Путевых записок», разрабатывая сюжет о встрече в Германии Одоевского с В. А. Жуковским. Согласно версии исследовательницы, в 1847 году «после шестилетней разлуки» первый день своего пребывания в Дюссельдорфе 4 (16) августа Одоевский «посвятил другу». «Впечатления этой долгожданной встречи», собственно, и «отложились на страницах путевых заметок писателя».³

Как следует из дневника, в ходе дружеской беседы Жуковский изложил Одоевскому два сюжета, которые в это время занимали его творческое воображение. Первый «в роде легенды»: «Монах бывший духовник Иоанны д'Арк рассказывает [об ней] ея историю».⁴ Второй посвящен «Ахеасверусу» — одному из вариантов легенды о Вечном жиде. Последний сюжет был разработан Жуковским позднее, но не до конца.⁵

После встречи писателей в Дюссельдорфе в том же дневнике Одоевский фиксирует, что Жуковский «перевел всего *Наля*» и «две песни Одиссея».⁶ Логично предположить, что эти факты относятся к разряду новостей. Однако известно, что работа над переводом отрывка древнеиндийского эпоса закончилась значительно раньше: в 1844 году произведение уже вышло в свет. Таким образом, по версии Турьян

¹ См. об этом: *Бычков И. А.* Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. С. 58–59.

² Там же. Прил. 2. С. 1–65.

³ *Турьян М. А.* В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский: Из архивных разысканий // Турьян М. А. Русский «фантастический реализм»: Статьи разных лет. СПб., 2013. С. 212.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Подробнее об этом см.: *Виницкий И. Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006. С. 290 и далее.

⁶ *Турьян М. А.* В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213. Оригинал: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 52. Л. 143.

получается, что Жуковский при встрече с Одоевским рассказывал об окончании работы над эпосом спустя несколько лет после его публикации. И Одоевский это записал как новость.

По поводу «двух песен» «Одиссеи» исследовательница замечает, что «неясно», о каких именно двух песнях идет речь.⁷ Здесь следует вспомнить, что работа над эпосом проходила у Жуковского в два этапа. В 1842–1844 годах — I–XII песни, в 1848–1849-м — XIII–XXIV песни.⁸ В 1847 году поэт уже занимался изданием первой части, ко второй же, по-видимому, еще не приступал. Так что действительно неясно, о каких двух песнях «Одиссеи» могла идти речь в 1847 году.

Согласно «Запискам» Одоевского, встреча двух писателей состоялась в Дюссельдорфе. Однако в 1847 году Жуковский в Дюссельдорфе уже не жил. В 1844 году он с семьей переехал во Франкфурт-на-Майне (о чем имеется запись в его дневнике),⁹ а в указанную дату 4 (16) августа 1847 года находился вместе с большой супругой на отдыхе в Эмсе. Там он действительно читал «Одиссею», но не Одоевскому, а Ф. И. Тютчеву, который провел в Эмсе шесть дней с 31 июля (12 августа) по 5 (17) августа.¹⁰ Как сообщает Жуковский в письме А. С. Хомякову от 12 (24) сентября 1847 года, Тютчев «приехал в Эмс нарочно для меня и для Одиссеи, прожил там до моего отъезда, заставил меня прочитать ему Одиссею».¹¹

Когда же в таком случае состоялась встреча Жуковского с Одоевским в Дюссельдорфе?

Еще один сюжет из того же дорожного дневника Одоевского разрабатывал в свое время П. Н. Сакулин. Согласно его версии, в 1847 году во время заграничной поездки Одоевский посетил в Лозанне библиотеку известного теософа и мистика Ж.-Ф. Дютуа-Мамбрини (Jean-Philippe Dutoit-Membrini, 1721–1793). Там он смотрел переписку Л. К. де Сен-Мартена с бароном Н.-А. Кирхбергером. Об этой же переписке, как полагает Сакулин, Одоевский сообщал в письме к А. И. Тургеневу.¹² На основании дневника исследователь предположительно датирует это письмо 1847 годом.¹³ Но А. И. Тургенев к этому времени уже не было в живых, он скончался в 1845 году.

В дополнение ко всему, согласно «Формулярному списку» Одоевского, в 1847 году князь за границу не ездил, а был уволен «в Велико[е] княжество Финляндское для пользования морскими ваннами в 1847 году с 1-го августа на 29 дней с отсрочкою до 29-го сентября».¹⁴ А с 21 июня (3 июля) по 17 (29) июля этого же года Одоевский по долгу службы замещал директора Императорской публичной библиотеки,¹⁵ следовательно, находился в Петербурге. Если же верить «Путевым запискам», то 29 июня (11 июля) Одоевский уже был в Потсдаме¹⁶ и выполнять обязанности заместителя директора никак не мог.

Все эти несоответствия дают основание к пересмотру датировки так называемых «Путевых записок 1847 года».

Почему и кем именно дневник отнесен к указанному в названии году, остается загадкой. На протяжении нескольких сотен страниц тетрадей цифра «1847» не встречается ни разу. Самая поздняя дата, обозначенная в дневнике, — 1842 год. Она попа-

⁷ Турьян М. А. В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213 (прим. 4).

⁸ Подробнее об этом см.: Виницкий И. Ю. Дом толкователя. С. 239.

⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. С. 281.

¹⁰ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман и др. [М.], 2003. Кн. 2: 1844–1860. С. 67.

¹¹ Жуковский В. А. Соч.: С приложением писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878. Т. 6. С. 639.

¹² Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 151 (прим. 2).

¹³ Там же. С. 398 (прим. 3).

¹⁴ РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 101/3. Л. [2–3].

¹⁵ Там же. Л. [1 об.].

¹⁶ Там же. № 51. Тетрадь 2. Л. 2.

дается по меньшей мере трижды и относится к событиям, описанным в дневнике.¹⁷ В подавляющем большинстве записи датированы только числом и месяцем, несколько раз называется день недели. Даты в основном приводятся и по старому, и по новому стилю. Сопоставление дат с днями недели подтверждает наше предположение о 1842 году как дате написания дневника. Все указанные путешественником дни недели совпадают с календарем 1842 года: день 2 августа действительно был вторником, 15 августа — понедельником, 23 сентября — пятницей, а 6 октября — четвергом.¹⁸

Год 1842 как время составления «Записок» идеально вписывается в биографию Одоевского. Именно в этот год князь впервые отправился в четырехмесячное заграничное путешествие, и в его «Формулярном списке» имеется соответствующая запись.¹⁹ Характер заметок дорожного дневника также свидетельствует о том, что путешественник оказался за границей впервые. Указывались не только денежные расходы и расстояния между городами, но и малопримечательные подробности, зарисовывались здания и пейзажи, описывались нравы публики и уклад жизни населения. Словом, все то, что обычно замечается при первом посещении той или иной местности.

Дополнительным аргументом в пользу 1842 года служит дневниковая запись от 16 июля,²⁰ которая, как нам представляется, относится к Н. П. Огареву, случайно встретившемуся с Одоевским в Лейпциге. Эту встречу упоминал и Огарев в письме к Е. В. Сухово-Кобылиной от 22 июля того же года.²¹ Из Лейпцига путешественники вместе проследовали на поезде до Дрездена. Забавные подробности этого переезда отметил в дневнике Одоевский: «...немец, сидящий с нами, курил, я упросил О. <Огарева?> не курить, чтобы показать, что в нас законности больше, нежели у немца; на что он заметил, что будет кидать вишневые косточки, ибо этого в билете не запрещено».²²

Новая датировка дневника Одоевского расставляет все по своим местам. Встреча писателей²³ происходит в Дюссельдорфе, где и жил Жуковский в 1842 году. Он делится с гостем своими новыми литературными достижениями, одно из которых — начавшаяся гигантская работа по переводу «Одиссеи». Согласно свидетельству самого Жуковского, первые две песни были в основном готовы уже к марту 1842 года, о чем он сообщал в письме императрице Александре Федоровне.²⁴ Именно об этих двух первых песнях и упоминает, надо полагать, Одоевский в своем дорожном дневнике. Его формулировка не противоречит данному факту: обычно так, без указания порядкового числительного, и говорят о первых двух единицах в ряду множества.

То же можно сказать и об эпосе «Наль и Дамаянти», который был закончен, но еще не отправлен в свободное плавание. Уже была сделана финальная вычитка,²⁵

¹⁷ Там же. Л. 1, 57, 72.

¹⁸ Там же. Тетрадь 3. Л. 62; № 52. Л. 137; № 50. Л. 127, 194. См. также: Там же. № 50. Л. 183 (4 октября — вторник); л. 203 (8 октября — суббота); л. 206 (9 октября — воскресенье); л. 220 (12 октября — «среда»); л. 281 (23 октября — воскресенье); л. 311 (29 октября — суббота). Других отметок о днях недели, указанных параллельно с датой, в дневнике нет.

¹⁹ Там же. № 101/3. Л. [2].

²⁰ Там же. № 51. Тетрадь 2. Л. 40, 43.

²¹ Огарев Н. П. Письма к Евд. В. Сухово-Кобылиной / Публ. Я. Черныка // Лит. наследство. 1953. Т. 61: Герцен и Огарев. I. С. 866.

²² РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 51. Тетрадь 2. Л. 43–44.

²³ В цитированной выше публикации фрагмента дневника Турьян отмечает, что встреча произошла во вторник, однако в 1847 году день 16 августа выпадал на понедельник. В 1842 году этот день действительно был вторником. См.: Турьян М. А. В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213.

²⁴ Жуковский В. А. Соч. Т. 6. С. 341.

²⁵ В дневнике Жуковский отметил начало работы над переписыванием «Наля»: 10 (22) октября 1841 года. Дата окончания — 26 ноября (8 декабря) 1841 года — сохранилась на писарской копии повести, содержащей большую правку писателя. См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 14. С. 262, 533. В конце Жуковский обозначил не только дату, но и место создания рукописи: «Дюссельдорф». В печатном варианте повести город также указан. См.: Жуковский В. А. Наль и Дамаянти, индейская повесть. [СПб.], 1844. С. 8.

но повесть не отпускала, занимала воображение и мысли.²⁶ И конечно, при встрече с Одоевским Жуковский не преминул рассказать о ней собрату по перу.

Подтверждением вышеизложенного служит письмо Авдотьи Петровны Елагиной Жуковскому от 4 (16) июля 1842 года. Она упоминает Одоевского, который, по ее предположению, уже прибыл к Жуковскому в Дюссельдорф, а также спрашивает писателя о его текущей литературной работе: о повести «Наль и Дамаянти» и об «Одиссее».²⁷

Достаточно объемный фрагмент дневника из последней седьмой тетради путешествия оказался изъятым и помещенным в другой переплет. Недостающие листы 328–341 вшиты в переплет 95 и имеют новую пагинацию в рамках всей единицы хранения.²⁸ Скорее всего, друзья Одоевского при разборе его бумаг определили этот фрагмент как достойный особого внимания и поместили вместе с другими заметками, могущими «служить материалом для его биографии».²⁹ На изъятом фрагменте сохранилась изначальная пагинация. Этот пассаж почти полностью был опубликован П. Н. Сакулиным³⁰ и правильно датирован — 1842 годом.³¹ К этому же году следует относить и эпизод с посещением библиотеки Дютуа, а также письмо Одоевского к А. И. Тургеневу, в котором речь идет о переписке Сен-Мартена с Кирхбергером.

В связи с передатировкой дневника исчезает так называемая вторая встреча с Шеллингом 1847 года.³² Двух встреч с Шеллингом, о которых писал Сакулин, увы, не было. Одоевский встречался с кумиром своей юности только в 1842 году.

Таким образом, на основании проведенных исследований становится понятно, что «Путевые записки 1847 года» должны быть датированы летом–осенью 1842 года и являются дневником первого путешествия Одоевского за границу: Германия, Швейцария, Франция, Италия.

В настоящий момент достаточно обширная рукопись представляет собой разрозненные листы, наклеенные на фальцы и переплетенные в три единицы хранения.³³ Явно, что изначально это были тетради небольшого формата (крайние значения: от 80 × 145 мм до 110 × 165 мм).

Надо сказать, что заметки дневника велись исключительно для личного пользования, поэтому писались, как говорится, «на коленке», зачастую размашистым и неаккуратным почерком, в связи с чем многие страницы с трудом поддаются дешифровке. В основном записи сделаны карандашом, что также затрудняет прочтение. Возможно, именно поэтому хронологический порядок при переплете и систематизации дорожничного дневника перепутан.

Нумерация тетрадей и страниц принадлежит не Одоевскому. Сохранилось только одно указание, сделанное рукой писателя: «№ 3 Германия» (№ 51. Тетрадь 3. Л. 2). Остальные номера тетрадей проставлены на фальцах уже после переплета. Отсчет начинается со второй тетради. За ней по порядку идет третья. Они объединены в один переплет (№ 51) и имеют раздельную пагинацию.

²⁶ В письме великому князю Константину Николаевичу от 28 октября (9 ноября) 1842 года Жуковский писал: «Скоро отправлю к вам Наль и Дамаянти; эта поэма давно переписана, и я не умею сказать, почему еще не послана; главною причиною этой задержки то, что я не писал еще моего посвящения, которое давно готово в мыслях, но не перешло еще из головы в перо» (*Жуковский В. А. Соч. Т. 6. С. 359*).

²⁷ «Думаю, что вам расскажет о нем <Киреевском. — Н. П., Е. Р.> Одоевский, который, верно, теперь у вас. <...> Что Наль наш? — отчего примолк? <...> Что Одиссея?» (Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подг. текста, статья и комм. Э. М. Жиликовой. М., 2009. С. 499).

²⁸ РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 95. Л. 42–55.

²⁹ *Бычков И. А.* Бумаги князя В. Ф. Одоевского. Прил. 2. С. 59.

³⁰ *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Ч. 1. С. 459–460.

³¹ Там же. С. 459 (прим. 1).

³² Там же. С. 151 (прим. 2).

³³ РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 51: «Путевые записки 1847го года. I. Листы 1–115; 1–90» (тетради 2, 3); № 52: «Путевые записки 1847го года. II. Листы 1–95; 1–114» (тетради 4, 5); № 50: «Путевые записки 1847го года. III. Листы 91–345» (тетради 6, 7). Далее ссылки на эту рукопись приводятся в тексте с указанием номера единицы хранения и листа.

Четвертая и пятая тетради (№ 52) перепутаны местами. Восстановить исходный порядок появления записей можно по датам, регулярно указанным в дневнике, и названиям населенных пунктов, помогающим в целом представить маршрут следования.

Первая упоминаемая дата в пятой тетради — 3 (15) августа, последняя — 12 (24) августа (№ 52. Л. 137, 192), записи охватывают маршрут от Франкфурта до Майнца.³⁴ Четвертая тетрадь начинается с 17 (29) августа, заканчивается 1 (13) сентября (№ 52. Л. 4, 62), указаны города от Майнца до Женевы. Таким образом, ясно, что хронологически тетради были расположены неверно.

Между четвертой и пятой тетрадями имеется несколько листов (№ 52. Л. 85–95), отличающихся по формату и бумаге от соседних. Очевидно, что это была еще одна тетрадь, оставшаяся непромуерованной. Даты не проставлены, но указано несколько населенных пунктов, среди которых Ашаффенбург (л. 88) и Оффенбах (л. 93). Если построить маршрут, то эти баварские населенные пункты лежат между Вюрцбургом (этим городом заканчивается тетрадь 3) и Франкфуртом (этим городом начинается тетрадь 5). Таким образом, ясно, что эта тетрадь должна следовать за третьей.

Что касается страниц, то большинство номеров было проставлено до переплетных работ, поэтому сегодня в ряде тетрадей сохранилась и исходная пагинация, и вторичная, сделанная архивариусом при описании готовых переплетов. Судя по номерам страниц, изначально тетради 3, 6 и 7 имели сквозную пагинацию. Однако сопоставление дат и городов доказывает, что номера тетрадей проставлены с учетом содержания: четвертая тетрадь заканчивается, а шестая тетрадь открывается описанием событий в Женеве, датированных соответственно 1 (13) сентября (№ 52. Л. 62–63) и 3 (15) сентября (№ 50. Л. 91–93).

Согласно указанным городам и датам части дневника должны располагаться так:

№ 51: тетрадь 2 (листы 1–37, 37а, 38–115), тетрадь 3 (листы 1–90);

№ 52: тетрадь без номера (листы 85–95), тетрадь 5 (листы 1–114; архивная пагинация: листы 96–210), тетрадь 4 (листы 1–84);

№ 50: тетрадь 6 (листы 91–218), начало тетради 7 (листы 219–327, 1 лист без номера);

№ 95: фрагмент тетради 7 (листы 328–341; архивная пагинация: листы 42–55);

№ 50: окончание тетради 7 (листы 342–345).

Первая тетрадь дорожного дневника, судя по всему, хранится в переплете 95 (листы 103–117). Она принципиально отличается от остальных путевых блокнотов не только увеличенным форматом и иной бумагой, но и отсутствием подробных записей о путешествии. О том, что она принадлежит именно этому дорожному дневнику, говорит наличие нескольких фрагментарных записей, относящихся к Москве, через которую пролегал путь четы Одоевских за границу, а также известный диалог Одоевского с Шеллингом, состоявшийся в Берлине в начале путешествия.³⁵ Отметку об этой беседе Одоевский сделал на первом листе второй тетради (№ 51. Л. 1).

³⁴ Из Майнца была совершена поездка на пароходе в Дюссельдорф. На обратном пути Одоевские посетили Кельн, Бонн, Йоханнесберг. Затем путешественники вернулись в Майнц и оттуда продолжили поездку на юг Германии и далее по маршруту.

³⁵ Беседа неоднократно опубликована и прокомментирована. См.: *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве / Вступ. статья, сост. и комм. В. И. Сахарова. М., 1982. С. 138–141.

И. А. ГОНЧАРОВ, П. А. ВАЛУЕВ И КАМПАНИЯ ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ПИСЕМ 1863 ГОДА*

В начале 1860-х годов новый министр внутренних дел Петр Александрович Валуев начинает реформы в Министерстве с того, что пытается преобразовать правительственный ежемесячник «Вестник МВД» в современную ежедневную газету.

Валуев задумывал «Северную почту» как авторитетный источник официальной информации. В циркуляре начальникам губерний от 3 февраля 1862 года сообщалось, что «издание <...> предпринято Министерством внутренних дел с целью устранить в публике те превратные толкования и недоразумения, которые проистекают частью от недостатка или несвоевременности точных известий о ходе правительственных распоряжений, частью же от несоответствующего истинным потребностям государства и видам правительства направления некоторых органов нашей прессы».¹

Хотя «Северная почта» по ведомственной принадлежности была полицейской газетой, Валуев задумывал ее как масштабное издание с определенным политическим направлением, причем отнюдь не консервативно-охранительным. Об этом косвенно свидетельствует дневник А. В. Никитенко, ее первого редактора. Например, 25 декабря 1861 года Никитенко записывает: «Откровенно спросить у Валуева: уверен ли он в том, что сам не встретит противодействия в либеральных видах, в которых должна издаваться газета».² В состоявшемся вскоре разговоре с Валуевым Никитенко высказал мнение, что направление газеты «не может быть иное, как умеренно-либеральное».³

Позднее, излагая свои намерения перед вступлением в должность главного редактора, Никитенко напишет: «По моему плану она должна была быть соединением лучших правительственных идей с идеями разумного прогресса, которые правительству предстоит не только признать, но и выполнить. Ее направление и содержание должны бы быть таковы, чтобы лучшая часть публики ее поддерживала, а она в свою очередь на нее влияла бы. Сознывая за собой независимый образ мыслей, не принадлежа ни к какой литературной партии, не разделяя крайних увлечений общества, но всей душой преданный делу разумного прогресса и предстоящих необходимых преобразований, я с радостью взялся за дело, которое казалось мне таким многообещающим».⁴

И. А. Гончаров, ставший главным редактором в октябре 1862 года, в программной записке «О способах издания „Северной почты“» также был далек от охранительной риторики, напротив, рассуждал скорее в либерально-разоблачительном ключе. Писатель выражал уверенность в том, что газета под его руководством не будет льстить правительству, не станет умалчивать о «неудобных» событиях, скрывать настоящую статистику смертей, неурожаев и т. п., что свойственно было таким официальным изданиям, как «Северная пчела» и «Русский инвалид». «Успех газеты, — писал Гончаров в упомянутой записке министру внутренних дел П. А. Валуеву, — <...> много будет зависеть от той степени гласности, какая допущена будет в публичном заявлении о многих делах и событиях, которые хранились под печатью молчания, о совершившихся и грядущих реформах, словом, обо всем том, что входит в сферу деятельности обширнейшего и важнейшего из министерств. Господин министр изъявил согласие

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Государство и институты литературы: от реформ Петра I до „Великих реформ“», № 18-312-20003.

¹ РНБ. Ф. 37. № 139. Л. 1.

² Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста, вступ. статья и прим. И. Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 2: 1858–1865. С. 235.

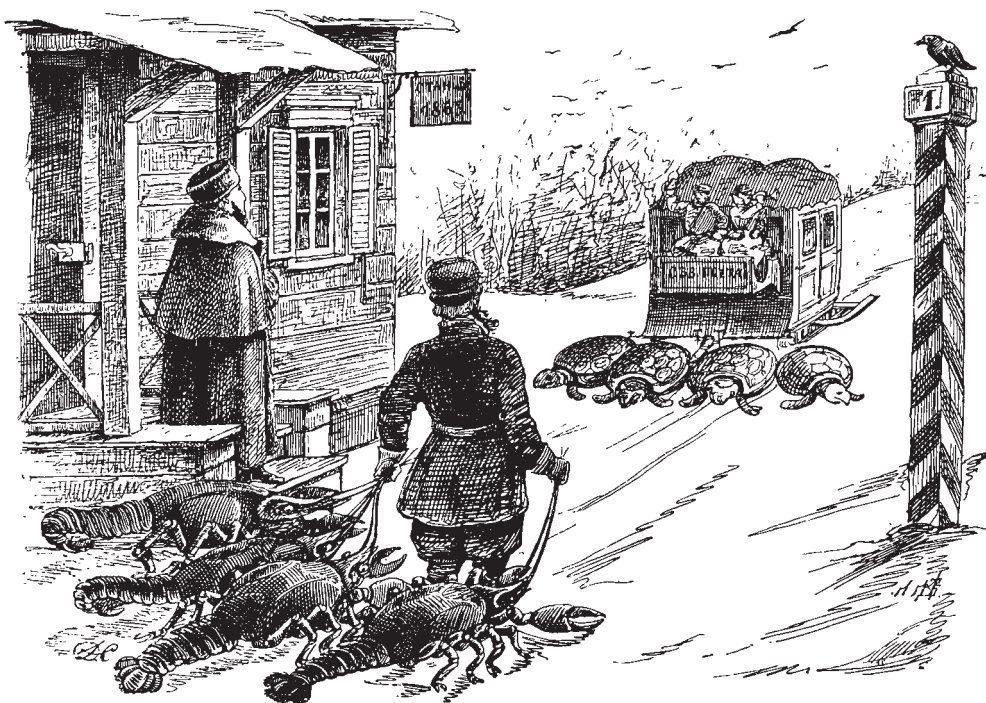
³ Там же. С. 236.

⁴ Там же. С. 312–313.

сообщить газете тот характер, который мог бы не только дать ей огромный вес и значение в России, но и сделать ее заметной в Европе газетой».⁵

Однако до конца 1862 года изданию, очевидно, не удастся достичь заявленных амбициозных целей. Основное его содержание составляют официальные сообщения, статистическая информация, извещения о происшествиях в губерниях. Гончаров в декабре напишет о «Северной почте»: «Эта газета не для чтения, а для узнания официальных новостей и кое-каких статистических сведений».⁶ Никитенко в дневниковой записи от 23 января 1863 года перескажет разговор с сотрудниками редакции: «Все участники газеты сетуют на то, что она теперь пошла по стезе полицейской газеты, и упрекают Валуева за то, что, намереваясь сначала создать в ней орган правительства с влиянием на общественное мнение, он потом спустил ее так низко».⁷

Мнение публики о состоянии газеты «Северная почта» к концу 1862 года иллюстрирует карикатура,⁸ изображающая почтовую станцию «1863 год», к которой подъезжает возок с надписью «Северная почта», запряженный черепаками, а станционный смотритель готовится впрячь в повозку раков.

(1863 г., № 7).

Малый общественный интерес к газете, представление о ней как о скучном, бессодержательном издании стали, по-видимому, одной из косвенных причин и незначительного исследовательского интереса к этому периоду биографии Гончарова. Время

⁵ Цит. по: Ковалев И. А. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 138–139.

⁶ Суперанский М. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. II. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 431 (из письма И. А. Гончарова Д. Л. Кирмаловой от 5 декабря 1862 года).

⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 312.

⁸ Впервые опубли.: Заноза. 1863. № 7. Без паг.

его редакторства в «Северной почте» принято считать творчески непродуктивным,⁹ из напечатанных в газете в 1862–1863 годах текстов до последнего времени писателю были атрибутированы единичные статьи.

Между тем в первой половине 1863 года в содержании и политической позиции «Северной почты» происходят изменения, связанные с необходимостью освещения в печати Польского восстания. В этот период перемены происходят во всей русской прессе. Значительное место в периодических изданиях начинают занимать «польские известия», хроника военных действий, статьи патриотического содержания. Всеобщий патриотический подъем подогревают такие газеты, как «День» И. С. Аксакова и «Московские ведомости» М. Н. Каткова. «Северная почта» в качестве правительственного издания выражала официальную точку зрения на события, которая долгое время оставалась сдержанной. Ни направление газеты, ни личные и общественные убеждения ее главного редактора и идейного вдохновителя (Гончарова и Валуева) не предвещали, что «Северная почта» окажется на переднем крае пропагандистской войны, в авангарде патриотического движения, и практически возглавит его. Но случилось именно так.

В первой половине 1863 года в «Северной почте» значительно возросло количество перепечаток из славянофильских изданий и число собственных патриотических статей. Это отражало общественные настроения, но даже в этот период союз славянофила Аксакова и «космополита» Валуева, которого постоянно обвиняли в симпатиях к немцам, полякам и остзейцам, казался странным.

Объяснение этому парадоксу, как представляется, можно найти в известной патриотической кампании «всеподданнейших писем».

Начиная с марта «Северная почта» регулярно помещает на своих страницах всеподданнейшие письма на высочайшее имя, в которых представители разных социальных групп населения Российской империи выражают верноподданнические настроения и готовность к любым жертвам ради спасения Отечества. Публикация писем занимает значительное место в газете, восполняя недостаток оригинальных материалов о Польском восстании. Письма перепечатывают и другие периодические издания. Количество писем так велико, что в мае 1863 года некоторая их часть выходит отдельной книгой,¹⁰ но публикации в «Северной почте» продолжают и впоследствии.

Начало кампании совпадает с резким обострением международной политической ситуации, в частности с ультимативными требованиями ряда западных стран пойти на уступки полякам и возникновением угрозы нового военного столкновения России с европейскими державами.

Первое такое письмо — всеподданнейший адрес дворянства Санкт-Петербургской губернии — опубликовано в «Северной почте» 27 марта:

«Всеавгустейший Монарх!

Дворянство С.-Петербургской губернии, движимое вековой любовью к престолу и отечеству, священным долгом считает торжественно выразить пред Вами, Государь, чувства, коими оно преисполнено.

Вызванные польскими смутами притязания на достоинство России возбуждают в нас и скорбь, и негодование.

Завистники наши мнят, что время преобразований, предпринятых Вами для пользы и преуспевания государства, благоприятствует их замыслам на всецелость русской державы.

Но тщетны были бы их покушения!

Испытанное в преданности и самоотвержении дворянство, не щадя сил и жертв, в тесном союзе со всеми сословиями, твердо и непоколебимо станет на защиту пределов империи.

⁹ См., например: *Гейро Л. С.* «Сообразно времени и обстоятельствам...»: (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 123.

¹⁰ Всеподданнейшие письма, поднесенные Государю Императору Александру II с 26-го марта по 4 мая. СПб., 1863.

Да узнают враги России, что живет еще в нас тот мощный дух предков, коим создано государственное единство любезного нашего отечества».¹¹

Выступая на заключительном заседании собрания дворян Санкт-Петербургской губернии, военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга А. А. Суворов сказал об адресе следующее: «Голос этот, раздавшийся впервые, как и следовало, в столице, разнесется по всей русской земле и отзовется общим сочувствием и восторгом».¹² Нечего говорить, что его «пророчество» очень скоро сбылось. 4 апреля «Северная почта» опубликовала всеподданнейший адрес Санкт-Петербургского городского общества. 8 апреля были поданы письма от псковского дворянства и от Ярославского и Рязанского городских обществ. А потом письма пошли практически непрерывным потоком.

Приведем некоторые примеры:

«От тульского оружейного общества

Августейший Монарх!

Восстание в Польше и недружелюбные вмешательства в дела царства русского извне грустно отозвались в сердцах и тульских оружейников. Эти смуты тревожат и нарушают Твое, Государь, спокойствие, которое дорого для каждого русского; они мешают Твоим заботам во внутреннем устройстве царства.

Государь! Оружейники свою долю преданности престолу и отечеству всегда несли с любовью и никому ее не уступали; отцы и деды наши в Отечественную войну 1812 года, вместо личных жертв от прочих сословий, готовили день и ночь оружие; примеру их следовали и мы в последнюю Крымскую войну. Заявляем и теперь пред Богом и целым светом, что по одному Твоему державному слову обратим все свои дома и хижины в мастерские для дела оружия на отражение врагов.

Располагай, Великий Государь, нашими трудами и силами, мы готовы на все жертвы для Тебя — Отца народа.

Вашего Императорского Величества верноподданные.

(Следуют подписи).¹³

«От пензенского городского общества

Всеавгустейший Монарх!

Миллионы сердец в Твоей великой державе выразили готовность к защите священных прав отечества и Твоего престола против мятежных восстаний царства польского, поддерживаемых многими недоброжелателями и завистниками нашего возлюбленного отечества.

Мы, пензенские граждане, руководимые общею скорбью и негодованием, возбужденными в нас замыслами врагов России на всецелость Русской державы и движимые вековой любовью к престолу и отечеству, спешим выразить свою готовность по первому Твоему призыву жертвовать всем достоянием нашим и даже жизнью на защиту священных прав Твоих и нашего отечества. Молви слово, Государь, и мы все до единого свято исполним то, что нам укажет Твоя державная воля.

Вашего Императорского Величества верноподданные.

(Следуют подписи).¹⁴

На официальном уровне существование правительственной инспирации, разумеется, отрицалось. Но даже беглое чтение писем, действительно весьма многочисленных, позволяет с очень высокой степенью вероятности предположить, что кампания верноподданнических писем была хорошо продуманной и управляемой правительственной акцией.

¹¹ Северная почта. 1863. 27 марта. № 68. С. 269.

¹² Там же.

¹³ Там же. 17 мая. № 107. С. 432.

¹⁴ Там же. С. 431.

Письма структурно и стилистически однородны, в них повторяются одни и те же одинаковые риторические ходы, схожие мотивы (например, коварство поляков, поднявших мятеж вскоре после освобождения крестьян и надеявшихся на недовольство помещиков реформами); авторы писем обращаются к исторической памяти народа, к событиям Смутного времени, Отечественной войны 1812 года, вспоминают Минина и Пожарского, героев французской кампании и т. п. Как отмечает современная исследовательница, в письмах преобладали «трафаретные формулы, клишированная фразеология и традиционные патриотические символы».¹⁵

Количество и разнообразие социальных групп, от имени которых направлялись письма, создавали впечатление, что все население России, независимо от сословной, профессиональной, национальной или религиозной принадлежности, единодушно выражало свои верноподданнические чувства. Письма подписывали дворянские собрания, городские общества, купцы и мещане из столицы и из самых отдаленных уголков; временнообязанные крестьяне, казаки, различные профессиональные сообщества (например, тульские оружейники или собрание московских ямщиков). Любопытно, что в числе авторов всеподданнейших писем были представители потенциально неблагонадежных социальных групп: население охваченных восстанием и близлежащих территорий, студенты, старообрядцы, инородцы, а также русские, живущие за границей. Об организованности процесса косвенно может свидетельствовать и большое количество писем от дворянских собраний. Правительству было важно продемонстрировать, что в сложной для страны ситуации дворяне сохраняют безоговорочную верность престолу, несмотря на разнообразные свидетельства недовольства дворян реформой 1861 года. Массовый характер кампании поразителен еще и потому, что такое проявление общественного мнения не было в ходу — вопрос о допустимости и даже легитимности обращений на высочайшее имя интенсивно обсуждался на рубеже 1860-х годов.¹⁶

Газета «Северная почта» уделяла значительное место публикации всеподданнейших писем, но все же не могла вместить все. Поэтому часто публикации выглядели следующим образом: одну или две газетных полосы занимали тексты писем, а далее следовал перечень писем, которые были с благодарностью получены императором, но опубликовать которые не хватило места. Так, в прибавлении к номеру от 22 апреля был опубликован занявший целую полосу с лишним перечень представивших письма территорий и обществ Минской губернии.¹⁷

С принуждением к подписанию писем было связано несколько скандалов. Например, в печать попала история с отказом гельсингфорского муниципального совета подписывать пришедший из Петербурга адрес, а также образцы адресов от крестьян, разосланные Министерством внутренних дел по всем уездам Западного края.¹⁸ «Не уметь остановиться вовремя, не знать меры — страшный недостаток в государственном щеголе, как Валуев. Пошлая комедия адресов доходит не только до скучного и смешного, но до отвратительного и гнусного, до открытого вымогательства в Финляндии, до угроз и тюремного заключения в западных губерниях», — писал Герцен.¹⁹

Опубликованные в «Колоколе» разоблачения и секретные документы МВД убеждают в том, что именно Валуев был организатором кампании всеподданнейших писем. По крайней мере, для Герцена никаких сомнений в этом не оставалось: «Россия представляет огромный политический клуб, губернские города — *foyers*, в которых отчаянные патриоты <...> объявляют войну Европе и обещают поддерживать трон против нескольких *шаек* польских повстанцев. Дворянские собрания, градские думы,

¹⁵ Майорова О. Е. Образ нации и империи в верноподданнейших письмах к царю (1863–1864) // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осовата. М., 2008. С. 358.

¹⁶ См. об этом: Нардова В. А. Законодательные документы 60-х годов XIX века об адресах на высочайшее имя // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 253–282.

¹⁷ Северная почта. 1863. 22 апр. № 86. Прибавление. С. 1–2.

¹⁸ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 169, 174, 188, 422, 486.

¹⁹ Там же. С. 174.

сельские управы, предводители, казаки, университеты, ямщики — все население <...> пишет адреса по валуевским прописям. Это движение, распространяясь далее и далее, выходит из всех границ — ума, смысла, приличий, географических пределов — и, как дальний, усталый раскат грома, оканчивается 54-мя подписями русских путешественников и четырьмя студентами, поддерживающими в каком-то немецком захолустье подписками трон, алтарь... и свою будущую карьеру...».²⁰

Смысл этого пропагандистского действия, «адресоложства»,²¹ по выражению Герцена, вроде бы совершенно очевиден: формирование единого общественного отношения к событиям Польского восстания, демонстрация странам Западной Европы патриотического духа русской нации и убеждения, что новая война, если она будет начата, ничем не будет напоминать бесславленную для России Крымскую кампанию.

Именно в этом смысле и была понята и подхвачена адресная кампания М. Н. Катковым. В передовой статье «Московских ведомостей» от 12 апреля кампания характеризовалась как демонстрация единства («Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти») и возможности возвращения к «коренным началам народной жизни».²²

Вообще, участие Каткова в адресной кампании привело к тому, что о ней часто пишут только в связи с «Московскими ведомостями», упоминая еще «Русского инвалида».²³ Между тем в ней участвовало несколько изданий. Набор публикуемых в них писем не совпадал.²⁴ Однако совершенно очевидно, что газета Валуева играла в кампании важнейшую роль, значительное число писем публиковалось впервые именно в «Северной почте». Что касается «Московских ведомостей», то в марте 1863 года в газете Каткова обозначается даже некоторая оппозиция адресной кампании: в передовой статье от 27 марта сообщается о тысячах крестьян, которые «собирались в храмы молиться за упокой русских солдат, убитых в боях против польских мятежников, и молиться о ниспослании успехов русскому оружию. <...> Они собраний не имеют, речей не говорят и адресов никаких не посылают».²⁵ Этот религиозно-патриотический порыв, по мысли Каткова, предшествовал появлению всеподданнейшего адреса санкт-петербургского дворянства.

Валуев в примечаниях к своему дневнику специально указывал на то, что связывать кампанию адресов с именем Каткова ошибочно.²⁶

Небывалый подъем патриотических чувств Катков планировал использовать для создания народного ополчения.²⁷ Валуев, вероятно, ставил перед собой более амбициозную политическую цель. Речь идет о так называемом «конституционном проекте», предполагавшем введение в России представительного органа власти, нового Государственного совета, прототипа первого русского парламента.²⁸ По существу это была реформа государственного управления, фактически, конечно, не подрывающая основ самодержавия, но чрезвычайно значимая в символическом плане.

²⁰ Там же. С. 169.

²¹ Там же. С. 175.

²² Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. М., 1897. С. 167, 168.

²³ Об участии Каткова и его издания в освещении кампании всеподданнейших адресов см.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного содержания: М. Н. Катков и его издания. М., 1978. С. 49–52; Walicki A. The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863 // Polish Encounters, Russian Identity. Bloomington, 2005. P. 89–99; Майорова О. Война и миф: Память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863–1864) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 178–205.

²⁴ Дистрибуция писем между изданиями не была специальным предметом изучения в этой работе.

²⁵ Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. С. 142.

²⁶ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1: 1861–1864. С. 348.

²⁷ Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Т. 163. Вып. 8. С. 300.

²⁸ Указание на важность польского контекста конституционного проекта Валуева см.: Leslie R. F. Reform and Insurrection in Russian Poland, 1856–1865. London, 1963. P. 184.

Валуевым был подготовлен «Проект нового учреждения Государственного совета», в соответствии с которым при Госсовете учреждался Съезд государственных гласных, в который входили бы представители земства и сословий из всех частей империи, кроме Финляндии и Польши. От столиц и крупных городов были бы отдельные выборные. В общем собрании Государственного совета должны были присутствовать и участвовать в обсуждении и голосовании представители Съезда гласных (в количестве 16 человек).

Этот проект был подан в составе всеподданнейшей записки Валуева 13 апреля 1863 года и обсуждался на заседании Совета министров 15 апреля. Большинство присутствующих высказалось против такой реформы, и Александр II решил, что пока ничего не следует делать.²⁹ Валуев выдвигал аналогичный проект в конце 1863 года, но вновь неудачно.

Какова же связь между патриотической кампанией всеподданнейших писем и реформой государственной власти?

Возможно, патриотическая акция должна была послужить одним из решающих аргументов в пользу реформы государственного управления. Связь между этой кампанией и введением в России представительного органа власти очевидно прослеживается во всеподданнейшей записке Валуева от 13 апреля 1863 года. Вот как Валуев пишет о всеподданнейших адресах: «Вместе с выражением нелицемерной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякие пожертвования к Престолу Вашего Величества возносится полугласная мольба об оказании доверия к Вашему народу, о признании его способным оправдать это доверие, о даровании ему возможности доказать, что он его достоин».³⁰ А что это за возможность, Валуев объясняет далее: «Всемиловнейший государь. Даруйте любезной Вам и Вам верноподданной России политическое первенство перед крамольною Польшей. Дайте России, на пути развития государственных учреждений, шаг вперед перед Польшей».³¹

Кампания верноподданнических адресов, по замыслу Валуева, должна была продемонстрировать не только патриотический настрой русского народа, но и его политическую зрелость, готовность к участию в современных формах государственного управления: «...я не понимаю противоречия, заключающегося в том, что когда нужны жертвы, преданность, умственный труд или кровь, то мы зрелы и самостоятельны, но когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности, то мы обращаемся в несовершеннолетних и в людей, против которых принимаются дипломатические предосторожности», — писал Валуев в дневнике.³²

Вообще, дневник Валуева, как известно, очень подробный, конечно, мог бы пролить свет на эту историю, но значительная часть записей за интересующий нас период была им уничтожена. Из дневника было вырезано 12 листов, сохранившихся записи, сделанные в основном в марте и апреле 1863 года. На их месте Валуев сделал вклейку с надписью: «Несколько страниц мною уничтожено, потому что некоторые из заключавшихся в них сведений надлежат забвению в интересах России».³³

Неизвестно, имели ли уничтоженные записи непосредственное отношение к истории с всеподданнейшими письмами, но в сохранившихся и опубликованных дневниковых записях эта кампания практически не упоминается, за одним исключением: «13 апреля. Обедал у вел. Кн. Елены Павловны с кн. Долгоруковым и гр. Паленом. Она говорит про подносимые государю императору адреса (московские очень хороши), „que leur donnera-t-on? On n'aime pas pour rien“.³⁴ Кн. Долгоруков, который разделяет мои мнения и надеется на успех, отвечал à demi-mots³⁵ и отшучиваясь, что он

²⁹ См. об этом: Валуев П. А. Дневник... Т. 1. С. 218–219.

³⁰ Берманский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Т. 35. № 9. С. 227.

³¹ Там же.

³² Валуев П. А. Дневник... Т. 1. С. 219.

³³ Там же. С. 9, 212.

³⁴ что им дадут? Без причины не любят (фр.).

³⁵ уклончиво (фр.)

сам так думает, qu'on n'aimeira point pour rien.³⁶ Он мне говорил, что вел. Кн. Мария Николаевна знает о возложенной на меня работе или, по крайней мере, о том, что мы оба стараемся убедить государя в необходимости заявления своей решимости по предмету предоставления выборным членам Совета участия в делах законодательных и государственно-хозяйственных и что она весьма сему сочувствует».³⁷

Именно это место в дневнике Валуева, как кажется, связывает кампанию всеподданнейших адресов с реформой Государственного совета, а именно с попытками убедить государя в необходимости этой реформы.

Очевидно, что в интриге Валуева важен был не только факт подачи адресов, но и освещение в прессе. И поэтому роль детища министра, газеты «Северная почта», оказалась очень значительна. Среди косвенных бонусов кампании была и возможность валуевской газеты перехватить инициативу обсуждения патриотической повестки у славянофильских изданий. О том, что такая проблема существовала и в ее решении Гончаров активно участвовал, свидетельствует его переписка с Ю. М. Богушевичем.³⁸ Перепечатка материалов из конкурирующих газет часто сопровождалась редакционными предисловиями, в которых корректировались исходные идеологические акценты. Как и в случае с всеподданнейшими письмами, происходила их идейная апроприация и интерпретация патриотического подъема в необходимом Валуеву политическом ключе. В написании этих редакционных предисловий, как представляется, принимал участие и Гончаров.³⁹ Что касается кампании патриотических писем, то документальных свидетельств участия в ней Гончарова пока не выявлено, однако трудно предполагать, что главный редактор газеты, сыгравшей столь важную роль в политической игре Валуева, оставался в полном неведении относительно намерений министра внутренних дел.

История с всеподданнейшими письмами показывает, как в эпоху Великих реформ развивалось в России публичное поле и каким важным инструментом его создания были массовые периодические издания. Это история о том, как государственная власть пыталась формировать общественное мнение в России. Валуевские адреса существенно расширили круг людей, создававших политическую повестку, включив в него социальные слои, ранее об этом не помышлявшие. Формируя публичное поле, общественные и государственные деятели, как мы видим в этом случае, могли, апеллируя к нему, пытаться реформировать и систему государственного управления.

Несмотря на то, что кампания всеподданнейших писем, очевидно, проходила под контролем МВД и, вероятно, III Отделения, все-таки этот опыт был признан слишком опасным для государственной власти.

В ежегодном всеподданнейшем отчете III Отделения за 1863 год князь В. А. Долгоруков посвятил кампании патриотических адресов целый раздел под названием «Народный дух». Оценивая единодушное и повсеместное пробуждение патриотизма, он писал: «Но как ни утешительно столь единодушное и повсеместное пробуждение патриотизма, для многих неожиданное, тем не менее, самый способ его проявления вызывает на размышление. Открытое, торжественное выражение народного чувства неоспоримо доказывает, что общественное мнение, до сих пор не существовавшее в России, успело в последние годы образоваться, окрепнуть и теперь сознает свое значение. Пользуясь правом изъяслять сочувствие и одобрение действиям правительства, общество незаметно привыкает к мысли, что ему одинаково принадлежит право высказывать порицание; оно приучается считать свое мнение верховным приговором и вряд ли затруднится произнести его в решительную минуту. Даже в настоящее время похвала одним из государственных деятелей была как бы косвенным осуждением

³⁶ что просто так не полюбят (фр.)

³⁷ Валуев П. А. Дневник... Т. 1. С. 217–218.

³⁸ См.: Гончаров И. А. Письма к Ю. М. Богушевичу // Щукинский сборник. М., 1912. Вып. 10. С. 464, 465, 467, 468.

³⁹ См. об этом: Гуськов С. Н. Экономика патриотизма. С. 219 (в печати)

других, направление которых не совпадало с народным настроением. Таковую привычку нельзя считать безопасною; ибо общество, под влиянием как собственных заблуждений, так еще более внешних подстрекательств, легко может не понимать цели и значения иных правительственных мер, вызываемых иногда государственною необходимостью и прямым благом народа».⁴⁰

Гончаров, главный редактор «Северной почты» в 1863 году, по должности, вероятно, принимавший в этой истории какое-то участие, но не оставивший о ней никаких непосредственных свидетельств, устами автобиографического героя романа «Обрыв» Бориса Райского в 1869 году скажет: «О газетах потише — это Архимедов рычаг: они ворочают миром...».⁴¹ Трудно исключить, что в основе этого суждения был собственный опыт Гончарова, редактора газеты, и в том числе патриотическая кампания всеподданнейших писем, когда «Северная почта» действительно пыталась немного «ворочать миром».

Служба в правительственном издании, как представляется, оказала влияние на последующее творчество Гончарова, в том числе и на корректировку замысла романа «Обрыв». Патриотический финал романа необъясним без учета интеллектуального и служебного опыта Гончарова в 1863 году. Начиная с 1860-х годов изменяется отношение Гончарова к газетному и шире — к публицистическому слову. Корректируются смысловые коннотации самого слова «газета» в гончаровских текстах 1860-х годов и более поздних. Если ранее подчеркивается сиюминутность, кратковременность газетного слова (например, в «Обломове», где герои черпают суждения из третьегодичных газет),⁴² то в 1860-х акцент ставится на распространенности, авторитете и могуществе газеты как средства массовой информации. Тема влияния газет входит в художественные тексты («Обрыв», «Литературный вечер» и др.). Противопоставление художественного и публицистического слова, вечного и сиюминутного, газеты и романа, противопоставление, вообще свойственное Гончарову и являющееся одним из краеугольных камней его эстетики, в «Обрыве» ставится под сомнение.

С изменением отношения к публицистическому слову, как кажется, было связано не только расширение жанрового состава гончаровского творчества, но и определенная эволюция романной формы. Одно из отличий «Обрыва», например, от «Обыкновенной истории» заключается в том, что Гончаров отходит от принципа «*sine ira*» и прямо высказывает свою позицию в шестой главе пятой части романа, той самой, которая вызвала резкую критику некрасовских «Отечественных записок», а потом и других журналов. «Свои взгляды, убеждения и принципы автор „Обрыва“ отстаивал упорно и настойчиво, и в этом смысле творчество его не менее тенденциозно, чем произведения его литературных и политических антагонистов»,⁴³ — писала Л. С. Гейро. В общем, Гончаров, конечно, шел в том же направлении, что и другие русские писатели. Преодоление границ жанра было в 1860-х годах общим трендом, но путь к «новому роману» у каждого из больших русских писателей был индивидуален. Камерный роман Гончарова расширял свои пределы, как мне кажется, не столько благодаря тому, что Гончаров сознательно следовал актуальным тенденциям или подражал другим авторам, а потому что к такому типу письма подводила писателя его собственная деятельность, не ограничивавшаяся только литературой. Языковые стили, идеологические приоритеты, система ценностей, связанная со служебной карьерой Гончарова, — все это, очевидно, оказывало влияние и на его позднее художественное творчество.

⁴⁰ Долгоруков В. А. Нравственно-политическое обозрение за 1863 год // Россия под надзором. Отчеты III Отделения: 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 643.

⁴¹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7: Обрыв: Роман в пяти частях. С. 209.

⁴² Там же. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях. С. 137.

⁴³ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...». С. 126.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91

© С. Д. Снигирева

МОТИВ САМОЗВАНСТВА И СЕКТАНТСКИЙ КОНТЕКСТ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Мотив самозванства играет ключевую роль в идейной структуре романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Он непосредственно связан с образом Николая Ставрогина и впервые возникает в диалоге героя с Марьей Лебядкиной, которая сравнивает его с Гришкой Отрепьевым: «Все в заговоре — неужто и он? Неужто и он изменил? <...> Слушайте вы: читали вы про Гришку Отрепьева, что на семи соборах был проклят?»¹ Затем она называет Ставрогина «филином», «совой слепой», «сычом и купчишкой», которым подменили ее «ясного сокола и князя», и прямо объявляет его самозванцем: «Говори, самозванец, много ли взял? <...> Прочь, самозванец! <...> Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!» (10, 218–219). Напоследок Хромоножка предает Ставрогина проклятию, которым клеймили первого русского самозванца: «Гришка Отрепьев а-на-фе-ма!» (10, 219).

Далее этот мотив возникает в словах Петра Верховенского, излагающего Ставрину свои безумные планы, в которых также фигурирует образ самозванца: «Мы провозгласим разрушение... <...> Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... <...> Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... <...> Ивана-Царевича» (10, 325). Роль Ивана-Царевича Верховенский и предлагает взять на себя Ставрину: «Ивана-Царевича; вас, вас! <...> Мы скажем, что он „скрывается“. <...> Знаете ли вы, что значит это слово: „Он скрывается“? Но он явится, явится. Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. Он есть, но никто не видал его. О, какую легенду можно пустить!» (10, 325).

Упоминание Петром Верховенским «легенды скопцов» в одном контексте с образом «Ивана-Царевича» указывает на связь мотива самозванства в романе с сектантской тематикой. Г. Мьюрав в статье «Representations of the demonic: Seventeenth century pretenders and The Devils» раскрывает смысл этой легенды, которая связана с образом лидера скопческой ереси, Кондратия Селиванова, выдававшего себя не только за Сына Божия, подобно хлыстовским лидерам, но и за императора Петра III: «В конце XIX — начале XX века у скопцов был свой самозванец, Кондратий Селиванов, который объявил себя Петром III и считался среди своих последователей Отцом-Искупителем и Сыном Божьим».² Она также подчеркивает, что в этом веровании отразились мессианские ожидания скопцов, которые чают возвращения своего «батюшки-искупителя» и наступления с его приходом Царствия Божия на земле: «После ссылки Селиванова в Сибирь скопцы верили, что он вернется, как говорилось, „с востока“, для того чтобы взойти на престол и совершить Страшный Суд над всеми народами Земли».³

Легенда скопцов о самозванце, как показывает Мьюрав, привлекала внимание радикальной молодежи, в частности исследователя раскола, народника А. П. Щапова: «Представители радикальной интеллигенции, такие как Щапов, обнаружили в этих сектантах новый источник народного недовольства, который, как предполагалось, можно использовать в революционных целях».⁴ Эту же мысль приводит в своей статье О. Е. Майорова, отмечающая, что Петр Верховенский «имеет в виду те скопческие

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 217. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно с указанием номера тома и страницы.

² Murav H. Representations of the Demonic: Seventeenth Century Pretenders and *The Devils* // Slavic and East European Journal. 1991. Vol. 35. № 1. P. 62. Здесь и далее перевод мой. — С. С.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

сказания о „новом Христе“ Петре III, символе золотого века, которые стали в 1860-е годы предметом пристального внимания радикалов».⁵

На наш взгляд, связь мотива самозванства в «Бесах» с сектантской тематикой нуждается в более глубоком анализе. Необходимо изучить, каким образом в конце 1860-х годов была актуализирована легенда скопцов о возвращении их «батюшки-искупителя», Кондратия Селиванова, который скончался еще в первой половине века. Более того, важно конкретизировать вопрос об интересе радикальной интеллигенции к сектантству, проанализировать реальные политические и идеологические контексты этой темы. Важно учитывать тот факт, что к началу работы Достоевского над романом «Бесы» проблема скопчества стала злободневной, она оказалась связана не только с нигилизмом, но и с польским вопросом.

В начале 1860-х годов принадлежавший к обществу А. И. Герцена В. И. Кельсиев издал в Лондоне в четырех томах «Сборник правительственных сведений о раскольниках», где были напечатаны секретные документы чиновников Министерства внутренних дел о старообрядцах и сектантах и, в частности, «Исследование о скопческой ереси» Н. И. Надеждина 1845 года.

Труд Надеждина задает модель, по которой секта скопцов будет восприниматься правительством на протяжении нескольких десятилетий. Скопчество представлено исследователем как «всюду рассыпанное, но, тем не менее, тесно связанное потаенное Братство или Общество изуверов», основу которого составляют не только представители низших слоев, но и «чиновники, офицеры и природные дворяне» и которое поддерживается «богатыми, сильными купцами, имеющими пребывание в самом центре государственного управления Империи, в <...> Санкт-Петербургской столице».⁶ Надеждин подчеркивает, что число последователей ереси постоянно увеличивается: «правственное зло» скопчества «разливается как пожар, как эпидемическая зараза, в беспрерывно возрастающей прогрессии».⁷

Отношение исследователя к скопцам как наиболее вредной секте объясняется их легендой о самозванце: «Одна мысль, что живет еще другой царь, и царь истинный, есть искра, которой никак нельзя допускать тлеть в народе».⁸ Скопцы опасны, так как их лидер, подобно Пугачеву, присвоил себе имя Петра Федоровича и нашел опору среди неортодоксальных религиозных групп: «Известно, что и в пугачевщину имя Петра III, похищенное дерзким казаком, объявившим черни буйную вольницу, собрало вокруг него преимущественно раскольников».⁹

В одном из сборников Кельсиева также было опубликовано «Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект» И. П. Липранди, написанное спустя почти десятилетие после труда Надеждина. Он также призывает обратить внимание на опасность скопчества в политическом отношении, неоднократно повторяя легенду скопцов, уповающих на возвращение своего батюшки-искупителя: он придет с Иркутской стороны со 140 000 воинства в Москву, «ударит там в колокол Успенского собора, и тогда соберутся к нему полки полками».¹⁰ Отмечая, что в настоящий момент «брожение умов в Западной Европе направлено к толкам, а, следовательно, к смутам религиозным», Липранди указывает на возможность «распространения прозелитизма политического посредством религиозных верований».¹¹

Та же мысль приводится и в напечатанной Кельсиевым «Записке о расколе» П. И. Мельникова, который пишет о скопцах как о наиболее опасной для государ-

⁵ Майорова О. Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи // РОССИЯ / RUSSIA. М., 1999. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. С. 206.

⁶ Надеждин Н. И. Исследование о скопческой ереси // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. И. Кельсиевым. Лондон, 1862. Вып. 3. С. 215.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Там же. С. 230.

⁹ Там же. С. 236.

¹⁰ Липранди И. П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении (1853 г.) // Там же. Вып. 2. С. 119.

¹¹ Там же. С. 93–94.

ства и Церкви секте, подчеркивая, что они «признают второе воплощение Сына Божия в лице императора Петра III и ожидают пришествия его из Сибири в Санкт-Петербург для низвержения существующего порядка государственного».¹²

Публикации Кельсиева способствовали повышению общественного интереса к секте скопцов, что выразилось в большом количестве статей на эту тему в периодических журналах второй половины 1860-х годов. В начале 1869 года на легенду скопцов о возвращении их искупителя и воцарении его на престоле было обращено особое внимание в связи с громким скопческим процессом над моршанским купцом Максимом Кузьмичом Плотичиным.

В январе 1869 года в городе Моршанске, в окрестностях которого Кондратий Селиванов начал распространять свою ересь, открылось существование скопческой секты во главе с «первостатейным купцом и миллионером»¹³ Максимом Плотичиным, имеющим связи с богатыми и влиятельными столичными скопцами, а также ссыльными сектантами Сибири и Шемахи. Обнаружилось, что Плотичины были в числе первых последователей Селиванова, в доме Максима Кузьмича проживали «девять женщин, изуверски изрезанных», были найдены «скопческие портреты в золотых рамках: Селиванова, Шилова («предтечи» Селиванова. — С. С.), Петра III, богородицы Анны Сафоновны»,¹⁴ а также огромные запасы золота и серебра и несколько миллионов рублей банковскими билетами. В газетах Плотичин был объявлен «всероссийской главой скопцов», держащей в тайниках своего дома «организованный» скопческий капитал, собираемый сектантами для основания «нового в России царства, которое должно испровергнуть нынешний порядок вещей и начать новую скопческую эру в России».¹⁵

В газетах неоднократно воспроизводилась легенда скопцов, ожидающих возвращения в скором времени своего «батюшки-искупителя»: «Скопцы веруют, что близок час, когда искупитель-царь явится снова, и явится со славою и силою, приведет от „восточной страны“, то есть из Сибири, „полки-полками“, придет в Москву и там, зазвонив в Успенский колокол, соберет к себе всех скопцов „миллионами-биллионами“, воссядет на всероссийском престоле, а потом в Петербурге откроет всеобщий суд миру <...>. Тогда все цари и владыки земные, падши, поклонятся искупителю, повергая к стопам его свои короны и скипетры...».¹⁶ Особенно подчеркивалось, что имя Кондратия Селиванова может быть присвоено любым радикальным лидером: «Скопцы в диком иступлении ждут доселе баснословного самозванца, именем которого, конечно, может воспользоваться любой политический агитатор».¹⁷

Легенда скопцов о возвращении их «батюшки-искупителя» и воцарении его на престоле связана и с легендой о «возвращающихся царях (царевичах)-избавителях»¹⁸ и с «исконно русской концепцией „истинного царя“».¹⁹ Последователи Селиванова видели в нем истинного правителя, который скрывается, но явится «из восточных стран из Иркутския» вершить правый суд: «Спешит батюшка, катает он со Страшным Судом, со решеньем и прощеньем...».²⁰ Согласно легенде, царь-избавитель «покидает свое царство перед приходом Антихриста» и «возвращается уже перед самым концом света».²¹

Б. А. Успенский подчеркивает, что если самозванцы, объявляя себя царями, обозначали «претензию на сакральные свойства», то Кондратий Селиванов, отождествив

¹² Мельников П. И. Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для в. к. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857 г.) // Там же. Вып. 1. С. 174.

¹³ Голос. 1869. № 33.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1869. № 33.

¹⁶ Голос. 1869. № 94.

¹⁷ Современные известия. 1869. № 76.

¹⁸ Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 49.

¹⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 3: XVII — начало XVIII века. С. 27.

²⁰ Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // Дело. 1867. № 10. С. 342.

²¹ Плеханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самоожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3. С. 438.

себя не только с Христом, но и с Петром III, утверждает свое право на «обладание действительной властью».²² Желание скопцов распространить влияние и могущество своего лидера за пределами секты и, более того, добиться наделения его реальной властью отразилось в проекте камергера А. М. Еленского об установлении в России теократического режима со скопцами во главе, который он подал в 1804 году на рассмотрение Н. Н. Новосильцеву. Проект предполагал утверждение Кондратия Селиванова в качестве «настоятеля, боговдохновенного сосуда», прорекающего свою волю Александру как «верховному правителю».²³ Скопческий лидер, таким образом, должен был стать «посредником между Богом и русским императором».²⁴

Записка камергера Еленского была напечатана в 1869 году П. И. Мельниковым в статье «Белые голуби», в которой также сообщались и подробные сведения о Кондратии Селиванове. Публикация этой работы была обусловлена повышенным общественным интересом к скопцам в связи с моршанским процессом.

Итак, к началу работы Ф. М. Достоевского над романом «Бесы» тема скопческой ереси стала одной из самых злободневных. Через мотив самозванства в идейную канву произведения вводится легенда скопцов, с которой были связаны радикальные концепции о революционном потенциале, заключающемся в сектантстве.

Петра Верховенского неслучайно заинтересовали скопцы: «Кстати: здесь скопцы есть в уезде, любопытный народ» (10, 180) — его волнует их легенда о скрывающемся в Сибири «батюшке-искупителе». По справедливому замечанию В. А. Михнюкевича, «Верховенский намеревается паразитировать на социально-утопических легендах народа, пытаясь склонить Ставрогина на роль загадочного и всемогущего „избавителя“».²⁵

О явном сектантском контексте слов о скрывающемся царе-избавителе свидетельствует дальнейшее упоминание Верховенским хлыстовских легенд о лжесаваофе Даниле Филипповиче, вознесшемся после своей смерти на небо, и лжехристе Иване Тимофеевиче, имена которых он контаминирует: «И пойдет по всей земле: „Видели, видели“. И Ивана Филипповича бога Саваофа видели, как он в колеснице на небо вознесся пред людьми, „собственными“ глазами видели» (10, 326). Очевидно, здесь отразилось влияние статьи Мельникова «Тайные секты» 1868 года, в которой говорится, в частности, о схождении в Стародубской волости с небес в «огненной колеснице» Саваофа, воплотившегося в крестьянина Данилу Филипповича, а также о вознесении его на небо: «По рассказам их (хлыстов. — С. С.), из этого дома 1-го января 1700 года, в Васильев день, Данила Филиппович, после долгого радения, в виду всех собравшихся в Новый Иерусалим хлыстов, вознесся на небо».²⁶ Мотивы скопческой легенды, согласно которой искупитель Кондратий Селиванов явился на смену старым хлыстовским богам, Даниле Филипповичу и Ивану Тимофеевичу, отразились и в восторженном предсказании Верховенского: «Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» (10, 325).

Скопческая тематика и, в частности, тема Кондратия Селиванова вводится в текст романа и словами Марьи Лебядкиной. Старица, жившая в монастыре «на покаянии <...> за пророчество» (10, 116), о которой рассказывает Хромоножка, скорее всего, скопческая пророчица. К пророческим сектам относили хлыстов и скопцов, а раз «в уезде скопцы», то, очевидно, старица принадлежит именно к их секте. Марья Тимофеевна передает слова старицы: «А как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься» (10, 116). Это загадочное высказывание, на наш взгляд, передает слова Кондратия Селиванова, утешающе-

²² Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избр. труды: В 3 т. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 78.

²³ Мельников П. И. Белые голуби // Русский вестник. 1869. № 5. С. 272.

²⁴ Там же. С. 257.

²⁵ Михнюкевич В. А. Фольклор в «Бесах» Ф. М. Достоевского // Русская литература. 1991. № 4. С. 23.

²⁶ Мельников П. И. Тайные секты // Русский вестник. 1868. № 5. С. 32, 39.

го своих «детушек»: «...когда вы чан слез наплачете, тогда отец мой небесный меня к вам отпустит; теперь еще не время, я должен исполнить приказ отца моего небесного».²⁷ Ее призыв «напоить слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину» также соотносится и со следующим высказыванием Селиванова, приводимым Щаповым в статье «Умственные направления русского раскола» 1868 года: «...от некоторых детушек слезы доходили ко мне подземелью в Иркутск и обжигали мои ноги; я их спрашивал, и они сказывали, чьи они».²⁸

Значительную смысловую нагрузку несет в себе народная песня, которую вспоминает Петр Верховенский: «Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна...» (10, 299). Михнюкевич доказывает ее принадлежность «разинскому фольклору», подчеркивая, что песня «предрекает трагический исход основных ее участников».²⁹ Тема Стеньки Разина прямо заявлена и в подготовительных материалах к «Бесам», где Нечаев (Петр Верховенский) говорит: «Мы закричим, что воскрес Степан Тимофеевич и несет новую волю» (11, 146). Как отмечает Михнюкевич, «Верховенский ищет возможности стимулировать народные социально-утопические иллюзии о приходе героя-избавителя, которые были чрезвычайно характерны для разинского фольклора».³⁰

По мнению Майоровой, мотив Стеньки Разина связан с темой крестьянских восстаний, которая вводится в текст романа через упоминание о бунте 1861 года в селе Бездна под предводительством старообрядца Антона Петрова (10, 32). Он призывал крестьян освободить великого князя Константина Николаевича, с которым, как показывает исследовательница, была связана распространившаяся после отмены крепостного права легенда о царевиче-избавителе, вызванная «слухами об утаенной или подмененной воле».³¹ Согласно Майоровой, соединение в планах Верховенского образов Ивана-Царевича и Стеньки Разина служит отсылкой к текстам Герцена и Бакунина, которые, рассуждая о лидере, способном спасти Россию, называют «царя-самозванца» и Стеньку Разина, Емельяна Пугачева и даже самого Антона Петрова, так что «„бред“ Верховенского об Иване-Царевиче / Стеньке Разине может интерпретироваться как пародийная реализация герценовско-бакунинской метафоры».³²

Однако косвенное упоминание Степана Разина в тексте произведения оказывается тесно связанным и с темой сектантства. В черновых записях к поэме «Житие великого грешника», замысел которой перебивается у Достоевского сюжетом «Бесов», писатель выделяет два народных типа — Стенек Разиных и Данил Филипповичей: «Это просто тип из коренника, бессознательно беспокойный собственно типическою силою, совершенно непосредственною и не знающею, на чем основаться. Такие типы коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи, или доходят до всей хлыстовщины и скопчества» (9, 128). На эту идею, очевидно, повлияла концепция Щапова, печатавшегося в двух номерах журнала «Время» в 1862 году со статьей о секте бегунов, где он выделяет два типа протестного движения в народе: «бунтарское, пугачевщину» и «духовно-нравственное, мистико-идеалистическое»³³ (сектантство). Перенимая эту модель, Достоевский обнаруживает и свое отношение к сектантству как явлению, в котором выразился протест народного духа. В то же время в двойном самозванстве Кондратия Селиванова, объявившего себя и Христом, и, подобно Пугачеву, Петром III, соединились оба варианта бунтарского движения в народе.

Скопцы — «любопытный народ» (10, 180) еще и потому, что, как показало дело Плотицына, обладают огромными капиталами. В его доме были обнаружены «целые миллионы золота и серебра <...>, сваленные в сундуках и кадушках в кучу, в мешках

²⁷ Там же. С. 244.

²⁸ Там же.

²⁹ Михнюкевич В. А. Фольклор в «Бесах» Ф. М. Достоевского. С. 20.

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ Майорова О. Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи. С. 218.

³² Там же. С. 221.

³³ Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // Время. 1862. № 11. С. 254.

полуистлевших; кроме того не один миллион банковых билетов»,³⁴ счетом в несколько миллионов рублей. Моршанских скопцов обвинили в связях с польскими революционерами: говорилось о том, что в некоторые российские губернии в целях приобретения скопцов к своему делу и поиска денежных средств были направлены из Добруджи «9 эмиссаров с воззваниями, под предводительством Александра Крыловского».³⁵ Сообщалось также, что Моршанск значился у поляков местом, где среди скопцов можно найти значительные средства, а за полгода до процесса там был схвачен «один из молодцев, направившихся к кладовым Плотицына», однако ему удалось бежать и скрыться. Таинственным образом исчезли через несколько дней после обнаружения и огромные капиталы Плотицына, вывезенные, как писали в газетах, «за границу, в Тульчу и Белую Криницу, в воске и сале».³⁶

В «Голосе» и «Санкт-Петербургских ведомостях» вслед за «Современными известиями» сообщались сведения о том, что «польская революционная партия» во главе с Оржеховским собирается организовать «восстание между русскими сектантами вроде пугачевского бунта, между прочим, пользуясь для этого именем Петра III-го»,³⁷ т. е. спекулируя легендой скопцов о Кондратии Селиванове для достижения собственных целей. Поэтому слова Верховенского об Иване-Царевиче, употребленные в одном контексте с «легендой скопцов», неслучайны и отсылают к плотицынскому делу.

В газетах также говорилось о том, что «разыграть роль самозванца и мессии» вызвался Александр Крыловский, знакомый «с нравами и поверьями русских фанатиков». Чтобы быть узнаваемым «будущими приверженцами», «на левой руке он сделал знак и крест».³⁸ Возможно, этот контекст может рассматриваться как один из источников фамилии «Ставрогин» (от греч. σταυρός — крест; 12, 230). По мнению И. Л. Волгина, фамилия героя указывает на то, что он «типичный хлыстовский Христос», а общество «наших» изображается как «секта», «действия» которой Ставрогин «как бы освящает <...> фактом своей сопричастности».³⁹

Майорова показывает, что польское восстание 1863 года, обострившее отношения России с Западной Европой, породило в общественном сознании аналогии со Смутным временем, которое «переживалось в качестве ключевого события русской культуры».⁴⁰ Как один из эпизодов, отразивших проблему противостояния России и Польши, Майорова выделяет покушение Каракозова 1866 года, о котором изначально писали как о поляке: «Подозрения в польском происхождении Каракозова потому столь настойчиво превращались в факт, что позволяли встроить покушение в сложившуюся мифологическую парадигму: угроза царю (а значит, и государству), как и раньше в кризисные моменты истории, исходит от Запада, репрезентуемого Польшей. Покушение поляка на жизнь русского царя служило метонимическим напоминанием о Смутном времени».⁴¹ Анализируя высказывание Петра Верховенского, употребляющего в едином семантическом поле слова «всякий выстрел» и «смута» («Я <...> таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута!» (10, 325)), исследовательница делает вывод о том, что оно отсылает не только к покушению Каракозова, но и к эпохе Смутного времени, связывая обе темы польским вопросом.

Однако упоминание Петром Верховенским скопцов, как мы видели, также тесно связано с польской тематикой. С первых дней плотицынского процесса газета «Современные известия» заявила о связи моршанских скопцов с поляками. В дальнейшем эти сведения опровергались, но показателен тот факт, что угроза существующему режиму, якобы исходящая от скопческой секты, автоматически связывалась и с поль-

³⁴ Голос. 1869. № 33.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. № 70.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Волгин И. Л. Родиться в России. М., 1991. С. 262.

⁴⁰ Майорова О. Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи. С. 223.

⁴¹ Там же. С. 224.

ским вопросом. Таким образом, семантический ряд *Смутное время — польский вопрос — Каракозов*, выстраивающийся вокруг мотива самозванства в романе, должен быть дополнен: *Смутное время — польский вопрос — Каракозов — секта скопцов*. «Мифологизация общественного сознания»,⁴² о которой пишет Майорова, проявилась не только в отношении к выстрелу Каракозова, но и в восприятии скопцов и плотицынского дела.

Итак, главная идея Петра Верховенского заключается в том, чтобы «проникнуть в самый народ» (10, 324), «пустить» среди него «легенды» (10, 325) о новом избавителе и осуществить с его помощью «смуту» (10, 322). По мнению Л. И. Сараскиной, «самозванец, ложный царь, обманным путем взявший власть и ставший во главе смуты, — это и был, наконец, тот план Петра Верховенского, за который он платил любой ценой».⁴³

Верховенский восхищается раскольниками: «Знаете ли, что этот раб крепостной больше себя уважал, чем Кармазинов себя? Его драли, а он своих богов отстоял, а Кармазинов не отстоял» (10, 325). Подобное отношение к старообрядцам и сектантам отражает взгляды Кельсиева, который, сблизившись в Лондоне с Герценом и Огаревым, задается идеей установления действительных контактов с неортодоксальными религиозными группами и пропаганды в их среде.

О неудачных попытках лондонских пропагандистов присоединить раскольников к своему делу печаталось в «Русском вестнике» в статьях «Новые подвиги наших лондонских агитаторов» (1862 год), «Партия Герцена и старообрядцы» (1867 год) и цикле статей «Раскол как орудие враждебных России партий» (1866–1867 годы). В последних приводились цитаты из предисловий Кельсиева к «Сборникам правительственных сведений о раскольниках», отражающие его идеи «о политическом, антиправительственном значении раскола».⁴⁴ Печатались сведения о том, что Кельсиев сблизился в Турции с поляками во главе с Михаилом Чайковским, а также со старообрядцами-некрасовцами и их лидером, Осипом Гончаровым. В статье «Партия Герцена и старообрядцы» говорилось о безуспешных попытках поляков присоединить к своему восстанию заграничных раскольников, которые «кровью запечатлели преданность своему законному государю и отечеству».⁴⁵

Занимаясь пропагандой среди старообрядцев и сектантов (в частности, молокан) в нижнем Подунавье, Добрудже и Тульче, где обосновались «польские и русские революционные эмигранты»,⁴⁶ и изучив особенности их психологии на деле, Кельсиев глубоко разочаровался в своих идеях. В 1867 году он раскаивается в своих убеждениях, получает прощение и возвращается в Россию. Результаты своего знакомства с русскими скопцами в Галаце, месте сосредоточения польских революционеров, куда он отправился из Тульчи, Кельсиев описывает в цикле статей 1869 года «Святорусские двоеверы», подчеркивая, что скопцы «страстно любят Россию и русский народ, признают законность существующего правительства».⁴⁷ По его мнению, скопцы «в политическом отношении» совершенно «безвредны» и являются «большими русскими патриотами», глядя на правящего государя «как на местоблюстителя престола Царя Небесного Петра Федоровича».⁴⁸ Вероятно, подобные высказывания имели своей целью оправдать скопцов перед правительством после громкого моршанского процесса.

⁴² Там же. С. 221.

⁴³ Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 306.

⁴⁴ Раскол как орудие враждебных России партий // Русский вестник. 1867. № 4. С. 696.

⁴⁵ Партия Герцена и старообрядцы // Там же. № 3. С. 401–402.

⁴⁶ Чащина Л. Ф. Русская революционно-демократическая эмиграция и старообрядчество Юго-Восточной Европы («революционное агентство» в Тульче в 1862–1865 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX века). Кишинев, 1980. С. 198.

⁴⁷ Кельсиев В. И. Святорусские двоеверы. III. Божии люди // Заря. 1869. № 11. С. 111.

⁴⁸ Кельсиев В. И. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Соч. Ф. В. Ливанова // Заря. 1870. № 4. С. 119.

Факт раскаяния Кельсиева и его возвращения на родину не остался незамеченным Достоевским, который в письме А. Н. Майкову от 21 октября 1867 года пишет: «Об Кельсиеве с умилением прочел. Вот дорога, вот истина, вот дело!» (28-2, 227). Как показывает А. С. Долинин, Кельсиев является одним из прототипов Ивана Шатова. Исследователь подчеркивает сходство их характеров и «основных черт их душевной организации».⁴⁹ При этом Шатов, подобно Кельсиеву, отрекается от нигилистических идей и приходит к возвеличиванию русского народа и его исторической роли.

Неслучайно Шатову поручено хранить типографию, а в подготовительных материалах к «Бесам» Нечаев (Петр Верховенский) хочет «устроить дело» с Голубовым (Шатовым) «о тайной вольной старообрядческой типографии» (11, 113). Кельсиев собирался основать в Добрудже типографию для печатания «как старообрядческой, так и не связанной со старообрядчеством агитационной литературы»,⁵⁰ о чем говорилось в статьях «Раскол как орудие враждебных России партий». В письме Майкову Достоевский замечает: «Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донес» (28-2, 227). Эта мысль также отразится в романе — от Шатова, разочаровавшегося в прошлых идеях и желающего порвать с обществом, ждут доноса: «Петр Верховенский, между прочим, приехал сюда за тем, чтобы порешить ваше дело совсем, и имеет на то полномочие, а именно: истребить вас в удобную минуту, как слишком много знающего и могущего донести» (10, 192).

Возникающие в романе отсылки к личности и деятельности Кельсиева позволяют говорить о том, что Достоевский творчески исследует возможность осуществления нигилистической пропаганды среди сектантов. В сумасбродных планах Петра Верховенского отразились радикальные концепции народников и нигилистов, видевших в явлении сектантства протест против социальных условий.

Однако следует заметить, что с подобными идеями Достоевский познакомился еще в кругу петрашевцев. Как отмечает О. Ф. Миллер, петрашевцы собирались «пропагандировать недовольство существующим порядком везде, начиная с учебных заведений; завязывать связи со всем, в чем было уже недовольство — с раскольниками и крепостными крестьянами».⁵¹ Вот как докладывал об этих настроениях И. П. Липранди: «...в собраниях происходили рассуждения о том, как возбуждать во всех классах народа негодование против правительства, как вооружать крестьян против помещиков, чиновников против начальников, как пользоваться фанатизмом раскольников...».⁵² М. В. Буташевич-Петрашевский, подчеркивая, что «преследование» и «постоянное гонение» старообрядцев «порождает неудовольствие», «ненависть и фанатизм», считал раскол «элементом, всегда готовым в русском обществе для ужасной жакерии».⁵³ В подтверждение своих слов он приводил в пример пугачевское восстание: «Старообрядчество, раскольничество и рабство — вот его производители, а не яицкий казак».⁵⁴ Один из петрашевцев, А. В. Ханьков, как отмечает Л. Н. Цой,⁵⁵ говорил о революционном потенциале раскола с Н. Г. Чернышевским: «...более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, например, раскольники, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч.».⁵⁶

⁴⁹ Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 398.

⁵⁰ Чащина Л. Ф. Герцен и старообрядцы Юго-Восточной Европы: Письмо Герцена и Огарева к А. В. Никитину // Лит. наследство. 1985. Т. 96: Герцен и Запад / Отв. ред. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский. С. 694.

⁵¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 90.

⁵² Записки И. П. Липранди. Мнение, представленное д. с. с. И. П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 76–77.

⁵³ Дело петрашевцев: В 3 т. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 42.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в мировоззрении и творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. С. 24.

⁵⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 196.

В. П. Катенев подчеркивал необходимость «склонить» раскольников «к соединению», «для чего <...> полагал заготовить предварительно к ним воззвание, объяснив в оном, что и здесь многие, в том числе и раскольники, вообще негодуют на государя императора».⁵⁷ Существует также косвенное свидетельство об интересе к раскольникам в 1840-е годы самого Достоевского, являющегося прототипом Слободина, героя романа А. И. Пальма: «Слободин в романе г. Пальма заводит сношения с раскольниками. По словам одного петрашевца <...> Ф. М. Достоевский действительно думал о сближении с раскольниками».⁵⁸

Таким образом, интерес к неортодоксальным религиозным группам, гонимым и притесняемым государством, как к реальной революционной силе был характерен еще для кружка Петрашевского. Достоевский неслучайно затрагивает в «Бесах» данную тему: она не просто злободневна, но обозначает определенный этап в жизни самого писателя, увлекавшегося радикальными идеями в 1840-е годы. Характерно, что в романе идея о революционном потенциале сектантства изображается памфлетно, вкладывается в уста карикатурного Верховенского.

Итак, Ставрогину в контексте скопческой легенды предназначается роль царевича-избавителя: «...вы красавец, гордый, как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, „скрывающийся“» (10, 326). Петр Верховенский видит в Ставрогине не только «идола» (10, 323), но «свет и солнце» (10, 404): «Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» (10, 323). По мнению Л. Н. Цой, «Верховенский хочет использовать Ставрогина как идола для создания новой „религии“, новой секты, подобной скопческой...».⁵⁹

Шатов также преклоняется перед Николаем Всеволодовичем: «Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдете? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!» (10, 202). Неслучайно Ставрогин замечает ему: «...вы, кажется, смотрите на меня как на какое-то солнце, а на себя как на какую-то букашку сравнительно со мной» (10, 193). «Как солнца», «мечтая о возрождении», ожидает «всю неделю» Ставрогина и Лебядкин (10, 210). «Вашему слову поверю, как Божьему, и на край света за вами пойду, о, пойду!» — говорит герою Лиза (10, 407).

Как показывает Успенский, Лжедмитрия, подобно Христу, называли «праведным солнцем», что подчеркивает «несомненный религиозный аспект»⁶⁰ психологии самозванства. Таким образом, через именование «светом и солнцем» Ставрогину предназначается роль Мессии: «ложный царь, который придет незаконным путем, получает сакральные свойства как существо, наделенное божественной природой».⁶¹

Мотив самозванства, а именно «мотив царевича»⁶², обнаруживается, по мнению Майоровой, и в идеях Шатова о «народе-„богоносце“, грядущем обновить и спасти мир именем нового бога» (10, 196), где герою назначается «не вполне ясная, но ключевая роль»:⁶³ «Вы единый человек, который бы мог...» (10, 195); «Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!..» (10, 201). В русской культуре образ царевича-самозванца, как подчеркивает исследовательница, существует в двух проекциях, высокой и низкой: как «всемогущее, сакральное существо, несущее избавление от страданий и возрождение к новой жизни», или же как «воплощение inferнальных сил, как Антихрист, принявший лик Мессии».⁶⁴ В этой «двойной перспективе»⁶⁵ данный мотив, согласно Майоровой, реализуется и в «Бесах», так что высокая роль назначается Ставрогину Шатовым, низкая же представлена в словах Марьи Тимофеевны и Петра

⁵⁷ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 359.

⁵⁸ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 87.

⁵⁹ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в мировоззрении и творчестве Ф. М. Достоевского. С. 92.

⁶⁰ Успенский Б. А. Царь и самозванец. С. 77.

⁶¹ Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. С. 306.

⁶² Майорова О. Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи. С. 206.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 205–206.

⁶⁵ Там же. С. 206.

Верховенского. При этом, как отмечает Р. Н. Поддубная, Хромоножка и Верховенский «оба уготовили Николаю Всеволодовичу роль царственного самозванца» и «у обоих в ролевом образе фольклорный антураж сочетается с дьявольско-демонической сущностью». ⁶⁶

Неслучайно в романе происходит и разоблачение «самозванца» Ставрогина, оказавшегося не «ладьей», а «старой, дырявой дровяной баркой на слом» (10, 409), не «соколом и князем», а «сычом и купчишкой» (10, 219). По замечанию Мьюрав, Верховенский хочет воспользоваться готовой самозванческой легендой, однако Хромоножка словно раскрывает его замысел и прямо указывает на самозванца, отвергая и проклиная его: «Петр Степанович, изображающий Нечаева, стремится захватить власть, спекулируя уже существующей легендой; через Марию Тимофеевну Достоевский начинает разоблачение дьявольской власти Верховенского, выявляя легенду и развенчивая самозванца». ⁶⁷

Согласно характеристике из подготовительных материалов к роману, герой «оторван от почвы», «не верует и не признает народной нравственности», нет у него «нового правого закона» (11, 239), который он понесет в народ. Проклиная Ставрогина, Хромоножка отказывает ему в исполнении какой бы то ни было высокой роли: «Иван-Царевич» нигилистов — лже-избавитель, воплощение Антихриста. Как показывает Мьюрав, в «Бесах» самозванец представлен как дьявольский образ, вокруг которого разворачивается бесовская игра, что отвечает традиции его изображения в эпоху Смутного времени: «В источниках XVII века самозванец разоблачается как идол и Антихрист — образный ряд, который также связан со Ставрогиным в „Бесах“». ⁶⁸ Самозванец-Антихрист во второй половине XIX века, по справедливому замечанию Майоровой, «становится центральным элементом антинигилистической риторики, предстая в системе негативных символов, манифестирующих inferнальную природу нигилизма и знаменующих близкую победу сатанинских сил». ⁶⁹

Таким образом, через мотив самозванства в идейную канву романа «Бесы» вводятся важнейшие культурные контексты: Смутного времени, русско-польских отношений, крестьянских восстаний, сектантства — при этом все они подчинены антинигилистической концепции автора.

Тема сектантства в романе оказывается особенно актуальной, вызванной реакцией общества на дело Плотицына. Благодаря моршанскому процессу в прессе воспроизводится легенда скопцов, в центре которой оказывается фигура царя-избавителя, Кандратия Селиванова, с чьим образом были связаны мессианские ожидания скопцов. Самозванство Селиванова, объявившего себя, подобно Пугачеву, императором Петром III, являлось причиной крайне враждебного отношения правительства к скопцам, видевшего в существовании этой секты реальную угрозу действующему режиму. Подобное отношение к скопческой ереси объясняется не только влиянием работ чиновников Министерства внутренних дел, но и предпринимавшимися в начале 1860-х годов попытками лондонских пропагандистов соединиться с неортодоксальными религиозными группами, в частности старообрядцами-беспоповцами и заграничными скопцами. Отношение к скопцам как угрожающей государству силе стало причиной того, что моршанских сектантов обвинили в связях с польскими революционерами, собирающимися воспользоваться скопческой легендой и выдвинуть своего самозванца на роль нового Мессии.

Итак, образ Ивана-Царевича, волнующий Петра Верховенского, связан не только с темой крестьянских восстаний 1860-х годов, но и с сектантством. Интерес Верховенского к скопцам обусловлен реальным политическим контекстом: радикальные идеи об антиправительственном элементе в расколе зародились еще в кругу петрашевцев, а в 1860-е годы проверялись на практике нигилистами. Сектантство, которое во второй

⁶⁶ Поддубная Р. Н. Двойничество и самозванство // Достоевский. Материалы и исследование. Л., 1994. Т. 11. С. 40.

⁶⁷ Murav H. Representations of the Demonic. P. 62–63.

⁶⁸ Ibid. P. 57.

⁶⁹ Майорова О. Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи. С. 208.

половине XIX века ассоциировалось с враждебными России политическими силами: лондонскими пропагандистами и польскими революционерами, — становится в романе одной из форм беснования, которым одержима Россия. Культурный миф, используемый Верховенским, актуализирует контексты Смутного времени, противостояния России и Польши, а также легенду о скопческом царе-избавителе. Образ самозванца от нигилистов, таким образом, становится квинтэссенцией сил, враждебных России и православию.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-91-94

© С. А. Кибальник

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА)*

О значении записных книжек и рабочих тетрадей писателя для интерпретации его творчества нам уже довелось говорить недавно на материале произведений Достоевского.¹ Рассмотрим теперь этот вопрос, обратившись к творчеству Чехова, — причем, чтобы максимально сузить нашу тему, — к записям рецептурного характера, содержащимся как в специальной «Записной книжке <...> для больных»,² так и в других его записных книжках.

1

Как мы уже отмечали, в чеховской «Записной книжке с рецептами для больных» содержатся медицинские рецепты, которые упоминают герои чеховских пьес.³ При этом медицинский рецепт выступает в них как средство скрытой характеристики героя определенного типа — доктора, который не исполняет своих обязанностей как следует.

Этот тип представлен в пьесах Чехова, созданных в самое разное время. В «Безотцовщине» (1877–1879) это «молодой лекарь» Трилецкий, в «Трех сестрах» (1900) — «военный доктор» Чебутыкин.⁴

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10034, ИРЛИ РАН).

¹ Кибальник С. А. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения // Русская литература. 2017. № 4. С. 40–51.

² Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. А. Кибальника // Русская литература. 2018. № 2. С. 194–211.

³ Там же. С. 197–198.

⁴ Отчасти таков же Дорн из «Чайки», который, по всей видимости, исходит из того, что от серьезных заболеваний у современной медицины средств нет, а пустяковые и сами пройдут (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 13. С. 13, 23–24, 26, 48. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием серии (С или П), а также номера тома и страницы). И в этом отношении образ Дорна, судя по всему, и в самом деле, как полагает Д. Рейфилд, автобиографичен: «О своей болезни Антон вообще ни с кем не заговаривал и едва ли предпринимал попытки лечить ее. Сказав Лейкину, что лечить глаза ему не стоит, „ибо и без лечения дело обойдется“, а жене Суворина, что „самое лучшее лечение при болезнях горла — это иметь мужество не лечиться“, и посоветовав певцу Миролобову для укрепления здоровья лежать день и ночь, укрывшись с головой одеялом, и натираться настойкой из смородиновых почек, Чехов сформулировал кредо врача Дорна в будущей „Чайке“... <...> Суворину он посоветовал (совершенно в духе врачей из собственных пьес) принимать валериановые капли и иметь при себе

Герой первой из них, учитель Платонов, на шутливое приветствие Трилецкого «Господам родственникам!» (Платонов женат на его сестре) реагирует так: «А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! *Argentum nitricum... aquae destillatae...* Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!» (С 11, 23).

Медицинский рецепт здесь входит в состав очевидно шутливого ответа Платонова Трилецкому. Рецепт «ляписа», растворенного в «дистиллированной воде» (С 11, 23), на первый взгляд, упоминается безо всякого смысла. Сам по себе он кажется лишь ироническим указанием на профессиональную принадлежность Трилецкого. Однако этот смысл все же существует; открывается он через знание о том, избавлению от какого недуга способствует этот рецепт. И следовательно, имеет характер подтекста, нацеленного на довольно узкую категорию людей: врачей и пациентов, пользовавшихся этим средством. Для всех остальных без реального комментария не только сам этот рецепт, но и характер всего шутливого приветствия Платонова остается непонятным.

В чеховской «Записной книжке рецептов для больных» указано, облегчению от чего служит этот рецепт: «(Зуд in ano)». Сам же текст рецепта в ней выглядит, разумеется, более полно, включая (как и в чеховских письмах),⁵ также рекомендацию по применению:

«*Rp Aq<uae> destil<illatae> 300,0
Arg<enti> nitr<ici>⁶ 0,06
Ds. Смазывать ежечасно*».⁷

Показательно, что этот диалог имеет место уже в первом действии, когда характер Трилецкого и его профессиональные качества как врача читателю еще неизвестны. В дальнейшем «молодой лекарь» в полной мере оправдывает выше приведенную саркастическую характеристику его Платоновым. Он нерегулярно посещает больных и не спешит к ним, даже когда состояние их самое тревожное (С 11, 52, 73, 86, 107, 112–113, 142).

Однако сарказм Платонова по отношению к Трилецкому неслучайно предвещает все это: прямому изображению неаккуратного исполнения героем его профессиональных обязанностей предшествует, таким образом, своего рода фармакологическая аллюзия.

2

В «Трех сестрах» Чебутыкин приводит подряд два рецепта, или, вернее, два полезных средства. Первое он выписывает из газеты, а второе сообщает Соленому. При этом если первая из этих «полезных» рекомендаций уже была прокомментирована посредством обращения к письмам Чехова, то вторая до недавнего времени оставалась совершенно неясной. Рассмотрим этот короткий фрагмент целиком.

В самом начале первого действия пьесы читаем:

«Чебу ты ки н (*читает на ходу газету*). При выпадении волос... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... (*Записывает в книжку*.) Запишем-с! (*Соленому*.) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...» (С 13, 122).

Здесь чеховский герой сначала выписывает из газеты «рецепт, сообщенный ему Книппер в письме от 12 сентября 1900 г.» (С 13, 431). «Я тебе дам средство отличное, чтобы не лезли волосы, — писала в нем О. Л. Книппер. — А пока возьми ½ бут. спирту

складной походный стул» (*Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Пер. О. Макаровой. М., 2018. С. 446, 392*). Впрочем, в отличие от Дорна Чехов был серьезно болен и знал, что ему вряд ли что поможет. А в это время окружающие то и дело дергали его по пустякам.

⁵ См., например: П 5, 208–209.

⁶ сплавленной азотносеребряной соли (ляписа)

⁷ Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных. С. 200, 208 (прим. 33).

и всыпь 2 золотника нафталину и смачивай кожу — это очень хорошо помогает. Послушаешься? А то лысым нехорошо в Москву приехать — подумают, что я тебе волосы выдрала».⁸

«Чехов ведет в пьесе столь характерный для него не прямой диалог с Ольгой Леонардовной <...>, — комментирует реплику Чебутыкина А. В. Кубасов. — „Ответ“ возникает посредством перекодирования безусловного в условное, прямого, одноинтонационного слова в скрыто преломленное, двуинтонационное. Да и как иначе мог отнестись писатель к рецепту любимой женщины, если он давно был убежден в том, что рекламируемые средства для рращения волос отдадут шарлатанством? <...>. „Целительная“ мазь для рращения волос подана здесь как заведомо шарлатанское средство».⁹

Пожалуй, такой однозначности — так же, как и прозрачности для обычного читателя, — в первой реплике Чебутыкина нет. Однако чеховский сарказм по отношению к этому «рецепту» проявляется в том, что герой выписывает его «из газеты». Как он сам признается вскоре после этого: «Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты...» (С 13, 124).

Теперь приведем еще раз вторую реплику Чебутыкина, обращенную уже к Соленому: «Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...» (С 13, 122).

На этом месте Ирина прерывает Чебутыкина, но главное он уже сказал. Правда, как и в случае с репликой Платонова Трилецкому, назначение сообщаемого им Соленому рецепта остается большинству зрителей неизвестно. Следовательно, и смысл реплики Чебутыкина кажется такой же невнятицей, как и многое другое из того, что он говорит.

Опять-таки только из специальной медицинской литературы того времени и, к счастью, также из чеховской «Записной книжки с медицинскими рецептами» мы можем узнать, что, по всей вероятности, Чебутыкин сообщает Соленому средство от клопов и мух. Ср.:

«*Rp Alumen*¹⁰
кипящий раствор

(От клопов; прибавлять *alumen* к штукатурке стен домов, конюшен — тоже и от мух)».¹¹

«Пробочка» и «бутылочка» в варианте Чебутыкина появляются, должно быть, потому, что речь идет не о средстве предохранения от насекомых в помещениях, а о средстве их травли там, где они уже завелись.¹²

Таким образом, выписав из газеты, по всей видимости, шарлатанское средство для рращения волос, Чебутыкин тут же дает Соленому другой, на сей раз, возможно, действительный, но также относящийся к чисто бытовой, сниженной сфере совет. Ведь именно этой сферы и касаются оба героя в большинстве своих разговоров.

Все это происходит в самом начале первого действия, и данный рецепт, следовательно, служит опять-таки своего рода скрытой символической характеристикой Соленого, предвещающей дальнейшее его поведение. Незадолго до этого Тузенбах упрекает его: «Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать» (С 13, 122), а вскоре после этого сам Соленый пророчит Тузенбаху: «Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой» (С 13, 124).

⁸ *Книппер-Чехова О. Л.* Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902–1904): [В 2 ч.]. М., 1972. Ч. 1. С. 188.

⁹ *Кубасов А. В.* Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 98.

¹⁰ квасцы (*лат.*)

¹¹ Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных. С. 205.

¹² Ср.: Словарь фармацевтических названий и синонимов на латинском, русском, немецком и французском языках / Сост. А. Г. Клинге. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1911. С. 97–100.

Обращает на себя внимание также и то, что в конце первого действия Соленый называет других насекомых, весьма близких по разряду к тем, с которыми его личность оказалась ассоциирована в туманном рецепте Чебутыкина:

«Верш и н и н. А наливка вкусная. На чем это настоено?

Соленый. На тараканах.

И р и н а (*плачущим голосом*). Фу! Фу! Какое отвращение!..» (13, 136).

Аналогичным образом скрытые символические автохарактеристики Чебутыкина посредством двух медицинских рецептов в дальнейшем получают прямое подтверждение в признаниях героя:

«А н д р е й. Сегодня я играть не стану, только так посижу. Нездоровится... Что мне делать, Иван Романых, от одышки?

Че бут ы к и н. Что спрашивать! Не помню, голубчик. Не знаю» (13, 153);

«Че бут ы к и н (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал... Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего» (С 13, 160).

Выше обозначенные символические характеристики Чебутыкина и Соленого в первом действии «Трех сестер» в дальнейшем реализуются также и в поведении героев: безразличие первого из них и мстительность второго приводят к трагической развязке центральной сюжетной линии пьесы.

Случай с рецептом, который Чебутыкин сообщает Соленому, по-видимому, восходит к «Безотцовщине», где шуточный медицинский рецепт, произнесенный Платоновым в начале пьесы, оказывается своего рода эпиграфом к характеру Трилецкого. Только «фармакологическая аллюзия» разрастается здесь уже до своего рода подтекста.

Итак, диапазон использования медицинского рецепта в драматургии Чехова простирается от аллюзии до символического подтекста. По аналогии с понятием «факультативной интертекстуальности» (М. Риффатер)¹³ применительно к фармакологическому микротексту «Трех сестер» стоит говорить уже не только о его символичности, но и о факультативной «подтекстовости», или криптографичности. Возможно, эта особенность присуща и некоторым другим чеховским «деталям-символам», принадлежащим «сразу двум сферам — „реальной“ и символической — и ни одной из них в большей степени, чем в другой».¹⁴

Параллели с материалом записных книжек и рабочих тетрадей Достоевского нередко позволяют верно понять смысл той или иной фразы из его художественных произведений, а то и уточнить их интерпретацию: в черновых редакциях писатель иногда сам сформулировал идеи многих своих произведений — по крайней мере так, как он сам себе их представлял, причем еще на стадии замысла.¹⁵

Чехов не формулировал в записных книжках идей своих произведений. Зато они — даже такие, которые заключают в себе, казалось бы, сугубо прагматический материал, — содержат ключ к отдельным фрагментам этих произведений. И помогают понять не только их, но и характеры героев, а соответственно, смысл произведения в целом. При этом, что касается пьес Чехова, то содержащиеся в его записных книжках практические рекомендации иногда удивительным образом оказываются потайным ключом к их символическому подтексту.

¹³ *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр. М., 2008. С. 57.

¹⁴ *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971. С. 171–172.

¹⁵ *Кибальник С. А.* Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения. С. 40–46.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-95-102

© Н. Ю. Грякалова

**«И МНИЛАСЬ МНЕ РОССИЙСКАЯ ВЕНЕРА...»:
К ИСТОЧНИКАМ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО БЛОКОВСКОГО ОБРАЗА
(ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕКИ А. А. БЛОКА)**

В «лирической трилогии» Александра Блока второй раздел «Стихов о Прекрасной Даме» открывается стихотворением «Небесное умом не измеримо...». Оно написано в Шахматове 29 мая 1901 года и знаменует начало того периода в биографии и творчестве поэта, который он сам определил как «мистическое лето». Отношения с будущей невестой, Л. Д. Менделеевой, приобретают, под влиянием лирики Вл. Соловьева и лично переживаемой философии платонизма, все более мистифицированный оттенок «поклонения», «служения», придающий «земной» влюбленности глубокий иератический смысл.¹ В ретроспективной дневниковой записи от 30 (17) августа 1918 года, сделанной как раз в день пятнадцатилетней годовщины бракосочетания, поэт, возвращаясь к эпизодам «мистического романа», так воссоздал основную коллизию «мистического лета»: «Началось то, что „влюбленность“ стала меньше призвания более высокого, но объектом того и другого было одно и то же лицо. В первом стихотворении шахматовском это лицо приняло странный образ „Российской Венеры“». Действительно, Блок, адепт Вечной Женственности, увлеченный поисками «обоснования женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях» и выявлением его «внешних форм»,³ в ряд «высоких» номинаций лирической героини («Мадонна», «Офелия», «Царица», «Вечно-Юная», «лучезарное виденье») и ее иномирной атрибутики («голос таинственный», «женственное дыханье», «шепот», «смех из милых стран», «святилище Твое» и пр.), свойственных лирике этого периода, вводит языческий, чувственно-пластический образ, даже *post factum* определяемый как «странный».

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...⁴

Комментарий З. Г. Минц, представленный в академическом собрании сочинений поэта, аксиоматичен — он строится на отсылке к интимно воспринятой ранним

¹ Ср. ретроспективные оценки этапов собственной духовной биографии, где лето и осень 1900 года отмечены чтением книг по истории философии, мистическими настроениями и общей платонизированной атмосферой (Блок А. Дневник. М., 1989. С. 281, 282), поддержанной дальнейшим углублением в изучение древней философии и первого тома «Творений» Платона в переводе Вл. Соловьева, предваряемого его же статьей «Жизненная драма Платона» с изложением основных положений «метафизики Эроса». См.: Быстров В. Н. Раннее творчество А. Блока и античная философия // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 5–39.

² Блок А. Дневник. С. 282.

³ Там же. С. 48.

⁴ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1. С. 59.

Блоком поэтической традиции: «Образ навеян поэзией Вл. Соловьева: Вечная Женственность — „Афродита Урания“ (Афродита Небесная), сходящая на землю „в теле нетленном“, чтобы принести людям „весну“ вечного счастья».⁵ Однако контаминация двух, хотя и программных, стихотворений Соловьева «Das Ewige-Weibliche» и «Нильская дельта» в качестве интерпретирующих текстов не проясняет герменевтическую ситуацию, а, напротив, создает «конфликт интерпретаций». Если мифологема Афродиты Урании латентно присутствует в блоковском тексте на правах архетипа идеального женского образа, то ни о «весне», ни о «вечном» людском счастье нет и речи в тексте, центрированном исключительно на лирическом субъекте, «избраннике миров», и создаваемых его воображением фикциях (ср.: «серафимы», «священный сон», «мнилась», «Российская Венера»). «Люди» же представлены толпой профанов («Богатыри не те, и витязи иные...») — они поклонники Афродиты Пандемос, которым не доступно «небесное» («лазурное»): заключительная строфа (возможно, профанирующий контекст поддержан аллюзией на сочинение Лукиана Самосадского «Виды любви») соотносена с начальной по принципу контраста, в результате чего создается своего рода герменевтический круг.

Утверждение комментатора о «национальной окрашенности» женского образа с апелляцией к предикату «Российская» требует дополнительной аргументации. Стихотворение выдержано в стилистически нейтральном тоне и, кроме трафаретных «богатырей» и «витязей» (= профанов), никаких примет «русского стиля» не содержит (в отличие, например, от яркой фольклорной стилизации образа лирической героини во «Вступлении» к «Стихам о Прекрасной Даме»). Напротив, мифоним Венера (а имя собственное, как известно, само по себе сильный интертекстуальный маркер) в сочетании с характерным античным атрибутом — «тяжелую туникой повита» — превращают образ в *фигуру*, пластическую доминанту текста, предполагающую наличие визуального прототипа. Описание подчинено канонам экфрасиса и пробуждает в памяти читателя греко-римские скульптурные изображения богини любви. Установка на визуализацию подчеркнута и лирической ситуацией: «избраннику миров» снится «священный сон». Характерно, что в автографе первая строфа — экспозиция, содержащая, кроме того, и метафизическую посылку, была отделена строкой отточий от второй — экспликации самого сна. При подготовке текста к первой публикации Блок убрал отточия, к глаголу «мнилась» добавил вариант «снилась» (вписан в скобках и не зачеркнут),⁶ от которого, впрочем, отказался — и не только во избежание лексического повтора в первой и второй строфах («сон» / «снилась») или нежелательной аллюзии на лермонтовский «Сон» (ср.: «*И снился мне сияющий огнями / Вечерний пир...*»; курсив мой. — Н. Г.): глагол «мнилась» с заключенной в нем семантикой «кажимости» маркировал переход от сна к видению, что усиливало эффект оптической иллюзии.

Итак, кто же она — Российская Венера? Откуда пришел к поэту этот «странный» образ? Ответить на эти вопросы поможет обращение к такому важному источниковедческому ресурсу, как личная библиотека Блока, хранящаяся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.⁷ Речь пойдет о достаточно специализирован-

⁵ Там же. С. 472. И не только поэзией, но и упомянутой выше статьей «Жизненная драма Платона», где в конце XIX части контрастно противопоставлены «вульгарная», «всемирная» Афродита Пандемос, синоним «плотской» любви, и Афродита Урания, символ любви «истинной, или небесной», «которая стоит многого и великого».

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Фундаментальное описание библиотеки Блока — как ее состава, так и блоковских читательских помет, осуществленное коллективом библиографов (см.: Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984–1986. В настоящее время доступно в электронном виде: <http://lib2.pushkinskiydom.ru> (разделы: Интернет проекты → Книжные собрания писателей в библиотеке Пушкинского Дома). Далее ссылки на данное издание даются в тексте сокращенно: Библиотека Блока, с указанием номера книги и страницы), способствовало выделению данного направления в целую отрасль современного блоковедения, о чем нам уже приходилось писать. См., например: Грякалова Н., Титаренко С. Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма (к феноменологии и гер-

ном издании, а именно каталоге Музея древней скульптуры Императорского Эрмитажа (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 162–165).⁸ В «Описании» блоковской библиотеки не указан составитель каталога — Г. Е. Кизерицкий, занимавший с 1886 года должность хранителя Отделения древностей Эрмитажа.⁹ Свое описание эрмитажного собрания античной скульптуры он выпустил в 1896 году, используя материалы двух предшествующих каталогов С. А. Геденова 1860-х годов (предисловия к первым трем изданиям каталога предваряют его четвертое издание). Современный исследователь биографии ученого-антиковеда отмечает актуальность для своего времени издания новой версии каталога: «Необходимость нового издания диктовалась, во-первых, значительным увеличением собрания и изменившимися представлениями о периодизации античного искусства за истекшие тридцать лет, а во-вторых, тем полукурьезным обстоятельством, что после тщательной чистки и мойки предметов древнего пластического искусства, проведенной только в начале 1890-х гг., выявилось значительное число поздних реставраций деталей статуй, копий и подделок».¹⁰ Кроме того, новонайденные материалы, в том числе из библиотеки Британского музея, позволили уточнить атрибуцию многих предметов эрмитажного собрания. Вышедшее в 1901 году дополненное и исправленное четвертое издание, известное Блоку, включало описание 432 предметов, а также 436 фотографий и рисунков с их изображениями. В каталоге были представлены только древнегреческие и римские артефакты: собрание египетских и ассирийских древностей было описано ранее, а указатель к древностям Босфора Киммерийского был к тому времени не готов.

Каталог Г. Е. Кизерицкого был приобретен Блоком вместе с другими книгами по истории Древней Греции, античной философии, истории религии, литературным памятниками античной эпохи, в том числе и каталогами, о чем сделана соответствующая запись в записной книжке № 1 с пометой: «Купил в 1901–1902 гг.».¹¹ Несмотря на свой факультативный характер, это издание, содержащее фронтальные пометы Блока — как идеографические, так и текстовые, причем развернутые, является ценным документом. Во-первых, это важный источник для реконструкции круга интересов поэта в первые университетские годы и ранний период творчества; во-вторых, издание с полным основанием может быть присоединено к материалам по теме «Блок и античность» и обогащает новыми фактами изучение блоковской рецепции античной мифологии; в-третьих, как будет показано далее, именно здесь обнаруживается ключ к дешифровке образа, генерирующего смысл анализируемого текста. Кроме того, пометы и маргиналии Блока на данном издании лишней раз подтверждают тезис о «полигенетичности» его художественных образов и свидетельствуют о многообразии претекстов, будь они визуально-иконической или вербальной природы, претерпевающих сложную трансформацию в творческом сознании поэта.

Музейные каталоги, карманные путеводители («Бедекеры») на основных европейских языках, искусствоведческие труды — репрезентативная и пока еще малоизученная часть библиотечного собрания Блока. К этим специализированным изданиям он обращался при осмотре достопримечательностей и посещении музеев во время заграничных путешествий, в процессе дальнейшего творческого осмысления нового опыта — все они несут следы его заинтересованного чтения, знакомства,

меневтике чтения) // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. München, 2017. Jahrgang 62. Heft 1. S. 100–115; Грякалова Н. Ю. 1) К изучению читательских помет и маргиналий А. А. Блока // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): Коллективная монография. СПб., 2017. С. 225–270; 2) Пометы и маргиналии А. А. Блока на книгах Фета: периодизация и творческий контекст // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3. С. 135–165.

⁸ Музей древней скульптуры: [Каталог] / Сост. Г. Е. Кизерицкий. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.

⁹ См.: Тихонов И. Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2012. Вып. 2. С. 421–438.

¹⁰ Там же. С. 426.

¹¹ Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 24–26.

пользования (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 166–169; Кн. 3. С. 9–31, 40–42, 101–104, 121–122). Они же являются уникальными источниками для реконструкции музейных маршрутов Блока и его художественных предпочтений. Недостаточно оценено и значение изобразительных материалов, представленных в архиве Блока, — оформленных в альбомы коллекций открыток, репродукций шедевров европейской живописи и скульптуры, в том числе античной.¹² Их описание — одна из актуальных источниковедческих задач, осуществление которой, безусловно, будет способствовать изучению визуальных источников и аллюзий целого ряда поэтических (и не только) текстов Блока и расставит новые акценты в представлениях об эволюции его взглядов на историю искусства.

Обратимся к блоковским пометам и маргиналиям на упомянутом каталоге Музея древней скульптуры Императорского Эрмитажа. В ряду подобных изданий блоковской библиотеки он уникален еще и потому, что является единственным документированным свидетельством раннего знакомства поэта с эрмитажной коллекцией *de visu*. Сохранившийся в библиотеке Блока «Путеводитель по картинной галерее императорского Эрмитажа» А. Н. Бенуа помет не содержит (Библиотека Блока. Кн. 1. С. 39), а краткий путеводитель Н. Е. Макаренко «Художественные сокровища Императорского Эрмитажа» (Пг., 1916) с отдельными пометами (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 139) относится к более позднему времени.¹³ Для удобства пользования Блок, как это нередко бывало, сделал рукописное оглавление, где перечислил разделы каталога и указал соответствующие им страницы (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 165). Характер отдельных маргиналий не оставляет сомнений в том, что они сделаны во время посещения музея. Так, описания музейных артефактов под соответствующими номерами не просто отмечены «крестиками», «птичками», «NB», другими мнемоническими знаками или содержат подчеркивания в тексте значимых фрагментов, но и сопровождаются замечаниями очевидца (сделаны графитным карандашом): «Профиль и face» (№ 170. Ариадна); по поводу неудачно реставрированной руки римской статуи: «громадная / его ли?» (№ 173. Дионис (Вакх)); «в середине залы» (№ 174. Грек); «женообразен» (№ 346. Аполлон китаред); в описании римской копии фигуры Танатоса («...выражение лица грустное») внесено уточнение: слово «грустное» подчеркнуто и вверху вписано «(глаза)» (№ 353. Танатос); в описании изображения головы Афродиты («Поверхность мрамора пострадала от влияния непогоды») уточнено: «серого цвета» (№ 355. Афродита (Венера)).

Слои помет в этом документе четко дифференцируются: если графитный карандаш использовался в залах музея, то записи черными чернилами сделаны *post factum*, уже в кабинетной обстановке, и отражают дальнейшие этапы осмысления визуально-иконического материала. Это могли быть краткие пояснения к именам малоизвестных мифологических персонажей — в таких случаях Блок, как правило, обращался за справкой к «Реальному словарю классической древности» Фр. Любкера (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 111–138), что подтверждают соответствующие пометы. Например, блоковское примечание к № 147. Омфала: «дочь Ярдана, вдова Тмола (миф о Геракле)» коррелирует с соответствующим фрагментом статьи о Геракле («Heracles»), где слово «Омфала» еще и подчеркнуто.¹⁴ Но присутствуют и более репрезентативные пометы.

¹² ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 401–404. На значимость данных артефактов уже было обращено внимание, см., например: *Долгинский М. З.* Искусство и Александр Блок: Книжная и журнальная графика. Театр. Портреты. М., 1985. С. 383; *Грякалова Н. Ю.* Европейские маршруты Александра Блока: Бельгия, 1911 год // *Вестник истории, литературы и искусства / Российская академия наук.* М., 2006. Вып. 3. С. 82–92; *Титаренко С. Д.* Блок и прерафаэлиты (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности) // *Александр Блок: Исследования и материалы.* СПб., 2011. С. 113–141.

¹³ Известно, что при посещении Третьяковской галереи в августе 1902 года Блок также пользовался музейным каталогом, о чем свидетельствуют отсылки к нему в записной книжке № 2 (Блок А. Записные книжки. С. 36–37). В библиотеке Блока данный каталог не представлен.

¹⁴ Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. СПб.; М., 1884. Т. 1. С. 470, прав. стб. (библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/149). См.: <http://lib2.pushkinskiydom.ru> (раздел: Интернет проекты — Книжные собрания писателей в библиотеке Пушкинского Дома — Книги из

Так, Блоком тщательно проработаны описания экспонатов «Залы Муз». Внутренний раздел Блок выделил заголовком: «МУЗЫ^{*}», а под астериском внизу страницы записал фрагмент из «Теогонии» Гесиода (Нб 77–80):

Κλειώ τ' Εὐτέρπη τε Θάλεια τε Μελπομένη τε
 Τερψιχόρη τ' Ἐρατώ τε Πολύμνια τ' Οὐρανίη τε
 Καλλιόπη θ': ἧ δὲ προφερεστάτη ἐστὶν ἀπασέων.
 ἧ γάρ καὶ βασιλεύουσιν ἀν' αἰδοίοισιν ὄπηδεϊ.¹⁵

Для Блока, сторонника платоновской концепции боговдохновенного творчества, обращение к гимну Музам имело символический смысл: ведь именно от них, дочерей Зевса, Гесиод, согласно первой части поэмы, получает свой поэтический дар — сцена инициации разделяет две части, переводя повествование из плана профанного в сакральный. В описании каждого артефакта (№ 305–313) имена всех девяти муз подчеркнуты, а «легенды» сопровождаются маргиналиями, либо уточняющими детали скульптурных изображений (например, «Лира семиструнная» — к № 308. Терпсихора; «Лира 9^м струнная» — к № 311. Эрато), либо проясняющими символический смысл отдельных атрибутов: так, к описанию трагической маски, атрибута музы трагедии Мельпомены, Блок сделал выноску на полях: «страдание, таинство, судьба — Рок» (№ 309. Мельпомена). А по поводу Полимнии (№ 312), «музы серьезного пения», заметил: «сосредоточенность лирической думы (начало субъект<ивное>)». Это лишь часть из многочисленных блоковских помет, которые требуют дальнейшего углубленного изучения и комментирования (например, фиксированное внимание на изображениях Диониса,¹⁶ на скульптурах женского пантеона и т. д.),¹⁷ что выходит за рамки обозначенной нами темы.

Перейдем теперь, вслед за поэтом, в «Залу Эрмитажной Венеры». Свое название зал получил по имени экспонировавшейся здесь статуи Афродиты (Венеры), изваянной из паросского мрамора, которая была найдена в 1859 году в Риме в виноградниках Маньяни и тогда же приобретена для эрмитажной коллекции. В описании № 343. Афродита (Венера Эрмитажная) сказано: «Как позою, так и размерами она подходит к Медичейской Афродите, но она представляет собой сухое повторение этого типа Праксителивой школы. Подле нее изображен дельфин, обвивающийся вокруг столба. <...> Римская копия I в. по Р. Х.».¹⁸ Под № 347 дано описание еще одной статуи

библиотеки А. А. Блока). Отметим внимание Блока к изображениям персонажей античной мифологии (ср. характер помет в статьях, посвященных Ириде, Мойрам, нимфам, Парису, Сфинксу и др.) и к иллюстративному материалу в целом, а также общую высокую оценку издания: «Философская сторона мифологии (как и фактическая) у Любкера превосходна» (Блок А. А. Дневник. С. 47; запись от 22 мая 1902 года).

¹⁵

Девы Клио и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
 И Эрато с Терпсихорой, Полимния и Урания,
 И Каллиопа — меж всеми другими она выдается:
 Шествует следом она за царями, достойными чести
 (пер. В. В. Вересаева).

¹⁶ В столь раннем внимании к репрезентациям Диониса (задолго до знакомства с «Происхождением трагедии...» Ф. Ницше и циклом статей Вяч. Иванова о «религии страдающего бога») усматривается след чтения статьи Вл. Соловьева «Мифологический процесс в древнем язычестве» (1873): Дионис, экстатический «темный бог», нисходящий в природу, представлен здесь как младшее из божеств, культ которого знаменует третий, фаллический, период мифологического процесса, на котором этот процесс и заканчивается.

¹⁷ Приведем лишь один пример: знаменитый мраморный бюст Антиноя (№ 60), в описании которого Блок подчеркнул строки: «Колоссальный бюст — одно из лучших повторений этого идеального типа...» и «Бронзовый венец из плюща...», может быть рассмотрен как один из источников образа лирического героя в стихотворении «Так. Неизменно все, как было...» (1905): «И я пришел, плещом венчаный, / Как в юности, — к истокам рек» (при аллюзии на портретное сходство с изображением любимца императора Адриана).

¹⁸ Музей древней скульптуры. С. 199–200. Часть первой фразы на с. 199 (до слова «повторение») отчеркнута графитовым карандашом (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 164).

Афродиты — знаменитой Венеры Таврической (она поступила в эрмитажную коллекцию антиков в 1850 году из Таврического дворца, откуда и ведет свое название; в настоящее время размещена при входе в зал Диониса): «Эта прекрасная переделка с оригинала из Праксителейой школы обнаруживает как в позе, так и в выражении большое сходство с Венерою Медичейской. Возле богини стоит высокий альбастр (сосуд с ароматами), покрытый сложенным на нем одеянием ее. Поверхность статуи очень испорчена, но, несмотря на это, замечается, что статуя полна жизни и изяжна мастерски. Греческая копия IV в. до Р. Х.»¹⁹

Внимание Блока привлекли обе скульптуры, особенно Венера Таврическая, о чем свидетельствуют карандашные отметки (сделанные, как мы помним, во время осмотра музея) при соответствующих номерах каталога: «крестиком» отмечен № 343, тремя косыми чертами и подчеркиванием — № 347. Однако при дальнейшей работе с каталогом плотным слоем заметок и маргиналий (чернилами) Блок сопроводил описание Венеры Эрмитажной (№ 343), что выделяет данный артефакт на фоне всех остальных. Эти маргиналии воспроизведены в «Описании» библиотеки Блока ad litteram, буквально, как и полагается в данном типе изданий. И только при критическом рассмотрении выясняется, что поэт *ошибочно* отождествил Венеру Эрмитажную с Венерой Таврической и все пометы к № 343 (с. 199 каталога) de facto относятся к экспонату под № 347 (с. 202–203 каталога). Приведем аргументы в пользу нашей атрибуции.

Уже помета при заглавии № 343 (оно подчеркнуто чернилами) в описании статуи «^{*}Куплена Петром» и соответствующее примечание на нижнем поле страницы: «^{*}Опис<ание>. Леонтьев. Пропилеи, т. I (см. предисл<овие> к I <-му> изд<анию> катал<ога>»,²⁰ как и следующее примечание (к топониму «в Риме^{**}»), месту обнаружения статуи): «^{**}Называется Таврической, т. к. была в Таврич<еском> дворце», однозначно свидетельствуют, о какой Венере идет речь. Недостаточной внимательностью Блока можно объяснить внесение исправления в верно обозначенную дату римской находки, в будущем названной Венера Эрмитажная, — 1859 год.²¹ Блок, окончательно запутавшись в хронологии и атрибуции, исправляет дату на «1759», вероятно имея в виду, что события, связанные с приобретением Венеры Таврической, относятся (условно) к первой половине XVIII века, но уж никак не к XIX. Это достаточно странно, поскольку дальнейшие пометы свидетельствуют о внимательном чтении указанной статьи антиковеда П. М. Леонтьева «Венера Таврическая», которая вошла и во второе издание «Пропилей»: оно имелось в библиотеке Блока (Библиотека Блока. Кн. 2. С. 202; пометы на статье отсутствуют) и уже давно оценено как один из источников его античных штудий.²² Так, непосредственно восходит к тексту статьи блоковская маргиналия с указанием скульптурных деталей артефакта и их истолкованием: «Сосуд с ду-

¹⁹ Музей древней скульптуры. С. 203. Согласно современным данным, это римская копия II века н. э. с греческого оригинала III века до н. э., который являлся повторением знаменитой статуи Афродиты Книдской, изваянной Праксителем.

²⁰ Блок ссылается на Предисловие С. А. Гедеонова к первому изданию каталога, где были приведены следующие исторические и библиографические сведения: «Петр Великий положил начало находящемуся ныне в Императорском Эрмитаже собранию греко-римской скульптуры сделанными, по его повелению, в 1718 году в Риме, приобретениями статуи: *Венеры Таврической* (№ 347), Венеры, внесенной в каталог под № 20, и Пастуха, записанной под № 158. Г. Леонтьев собрал в изданных им в 1851 году „Пропилеях“ (I, стр. 133, 134) драгоценные сведения о переговорах, веденных, по этому предмету, с римским двором...» (Музей древней скульптуры. С. III; курсив мой. — Н. Г.). П. М. Леонтьев — автор статьи «Венера Таврическая» (впервые: Пропилеи: Сб. статей по классической древности. М., 1851. Кн. 1), в которой излагались переписи приобретения статуи Венеры Петром I и приводились соответствующие документы, а также давалось детальное ее описание в сопоставлении с другими скульптурными типами.

²¹ Составители «Описания» атрибутируют ошибку Блока как «исправление опечатки», что неверно. Кстати, в том же Предисловии к первому изданию каталога указано, что «при Императоре Александре II» была приобретена «в 1859 году Венера Эрмитажа (№ 343)» (Музей древней скульптуры. С. VI), но, скорее всего, Блок до конца Предисловия не дочитал.

²² Например, там же были опубликованы «Очерки греческой философии» М. Н. Каткова, законспектированные Блоком в тетради «Моя декламация...», что отразилось и в цитатном слое его эпистолярия. См.: *Магомедова Д. М.* Комментируя Блока. М., 2004. С. 67–72.

хами — ἀλάβατρον. Одевание лежащее у ног — символ переходящей обнаженности».²³ С той же статьей корреспондирует и запись на левом поле — классификация типов скульптурных изображений богини любви:

«1. Venus genetrix (одетая).

2. Venus victrix (полуодетая), как Милосская).

3. Венеры совсем обнаженные (Таврич<еская>, Медич<ейская>, Дрезд<енская>, Капитол<ийская>».²⁴

И наконец, на правом поле записан фрагмент из гомеровского гимна к Афродите, который был предпослан статье о Венере Таврической в качестве эпиграфа:

...ἴτε βροτοῖσιν
μεῖλχα δῶρα διδῶσιν, ἐφ' ἡμερῶ δὲπροσώλω αἰεὶ μευδάει...²⁵

Итак, можно констатировать, что статья отечественного антиковеда, специалиста по археологии искусства, является основанием для адекватной атрибуции блоковских помет и маргиналий в каталоге Музея древней скульптуры. Они же, в свою очередь, свидетельствуют о визуально-иконических претекстах образа Российской Венеры, которые представлены в контаминации источников: «тяжелая туника» — атрибут, скорее, Venus victrix, Венеры «полуодетой», то есть Венеры Эрмитажной, а «холодность» («Бесстрашна в чистоте, нерадостна без меры»)²⁶ — хрестоматийная характеристика Венеры Таврической, эффект так называемой «римской» отделки мрамора, отполированного до холодного блеска. Заметим, что Венера Таврическая, представлявшая в ряду изваяний богини любви тип «самой юной и свежей женщины»,²⁷ репрезентировалась тем же П. М. Леонтьевым как *российское* национальное достояние, «одно из превосходнейших античных изваяний <...> и превосходнейшее из всех тех, которые сохраняются в России»: статуя, утверждает автор, была «приобретена для России по повелению Петра Великого и перевезена в Петербург, — вероятно, первое из античных

²³ Ср.: «Богиня-женщина изображена в нашей статуе, как она, вся нагая, выходит из купальни. Ее одежда еще лежит у ее ног на сосуде с ароматами, ἀλάβατρον» и далее: «Также выйдут из купальни и также имеют у своих ног сосуд с духами две первоклассные Венеры, Таврическая и Капитолинская, но отличаются от Книдской тем, что одеяния вовсе не держат в руках. <...> одеяние совсем удалено от тела, и обнажение допущено вполне. Одевание только лежит у ног на сосуде, чтобы показать ногу, как состояние переходящее» (*Леонтьев П. М. Венера Таврическая* // Пропилеи: Сб. статей по классической древности. 2-е изд. М., 1856. Кн. 1. Отд. 1. С. 125, 131). В словаре Фр. Любкера в статье о Книде («Cnidus») Блоком подчеркнуто: «Он был главным местом культа Афродиты (regina Cnidi, Hor. Od. 1, 30, 1); там находилась высокопрославленная статуя последней, исполненная Праксителем» (Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. Т. 1. С. 246, лев. стб.).

²⁴ Ср.: «Ближе всего к прежним представлениям стоят Венеры одетые, называвшиеся у римлян Veneres genitrices, и носящие хитон или тунику и верхнее одеяние, ἱμάτιον, наброшенное сверх хитона. Дальнейшее место занимают Венеры полуодетые, в одном верхнем одеянии, обложенном около ног, но без хитона. К этим Венерам относится Венера Милосская <...>. Это Венеры победоносные, Veneres victrices, с гордой повелительной осанкой, стоящие обыкновенно на правой ноге и левою наступающие на какое-нибудь возвышение <...>. За этими победоносными Афродитами следуют статуи, совершенно обнаженные; они стоят обыкновенно на левой ноге и немного наклоняются наперед; в них нет ничего повелительного, и миловидность в них совершенно вытеснила гордую величавость. К этому последнему разряду принадлежала Праксителева Книдская Афродита, и к нему же принадлежат Венера Таврическая, Медичейская, Дрезденская, Капитолинская» (*Леонтьев П. М. Венера Таврическая*. С. 130–131). Изобразительный материал представлен в приложении к статье (Там же. С. 105. № 4–7).

²⁵ «...Дарами / Нежными смертных она одаряет. Не сходит улыбка / С милого лица ее...» (Ном. Нумп. X 1–3, пер. В. В. Вересаева). См.: *Леонтьев П. М. Венера Таврическая*. С. 125.

²⁶ Но в атрибутах «бесстрастности», «холодности» лирической героини присутствуют и биографические аллюзии. Ср. замечания о настроениях весны 1901 года: «Я покорился <...> психологически — всегдашней суровости Л. Д. Менделеевой. <...> В том же мае я впервые попробовал „внутреннюю броню“ — оградить себя „тайным ведением“ от Ее суровости...» (*Блок А. Дневник*. С. 282).

²⁷ *Леонтьев П. М. Венера Таврическая*. С. 132.

изваяний, занесенных на берега Невы счастливым распространением европейской цивилизации».²⁸

Таким образом, продемонстрированная методика источниковедческого исследования, своего рода вариация «уликовой парадигмы», позволяет не только фактологически усилить существующий комментарий к стихотворению Блока «Небесное умом не измеримо...», но и показать важность предметно-изобразительного компонента в развертывании поэтической мысли даже в тех случаях, когда содержание стихотворного текста покоится на отвлеченных метафизических основаниях.

²⁸ *Леонтьев П. М.* Венера Таврическая. С. 125. Травестийная сцена праздника в честь «белой дьяволицы» Венус, устроенного Петром I по случаю прибытия в столицу античной статуи, включена в книгу первую («Петербургская Венера») последней части «Антихрист (Петр и Алексей)» (1903–1904) историософской трилогии Д. С. Мережковского. В связи с национальными коннотациями Венеры Таврической ср. следующий пассаж в монологе Петра: «Ныне же и Венус, богиня всякого любезного приятства, согласия, домашнего и политического мира, да сочетается с Марсом на славу имени Российского» (*Мережковский Д. С.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 346).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-102-107

© Ван Цзунху (КНР)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И КУЛЬТУРНЫЙ КОД РУССКОГО АВАНГАРДА

Русский авангард является очень сложным, многомерным и даже противоречивым феноменом. На его становление и развитие оказывали влияние такие западноевропейские литературные движения, как французский кубизм и фовизм, итальянский футуризм, немецкий экспрессионизм. При этом можно говорить и о его национальном своеобразии, которое зависело не только от социально-политической ситуации в России на рубеже XIX–XX веков, но, что было более важным, определяющим, с нашей точки зрения, — от русского национального менталитета и культурных традиций. Масштаб развития русского авангарда в значительной степени превзошел европейский авангард, определил его колоссальное влияние на все западноевропейское искусство новейшего времени.

Об успехе авангарда в России свидетельствует то, что он проник почти во все отрасли искусства и социальной жизни, породил много художественных и литературных группировок, а в 1960-е годы пережил возрождение после 30-летнего перерыва. На наш взгляд, одна из главных причин этого заключается в том, что авангардное движение в значительной степени соответствовало особенностям русского национального менталитета и культурным традициям, в частности тем характерным чертам, которые выдвинул Н. А. Бердяев в ряде его знаменитых трудов: это русский максимализм, нигилизм, стремление к совмещению противоположностей и свобода от формальных ограничений. Эти черты во многом способствовали становлению и развитию русского авангарда в условиях социальных преобразований, привели к его расцвету и определили его национальное своеобразие.

В первую очередь выделяется русский максимализм, определенный Бердяевым следующим образом: «Русские вообще плохо понимают значение относительного, ступенность исторического процесса, дифференциацию разных сфер культуры. С этим связан русский максимализм. Русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному...».¹ Иными словами, русский человек не будет довольствоваться малым, ему нужно всё и сразу — либо всё, либо ничего: «Коль любить, так без рассудку, / Коль грозить, так не на шут-

¹ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 19.

ку, / Коль ругнуть, так сгоряча, / Коль рубнуть, так уж сплеча» (А. К. Толстой). В русском авангарде наблюдается два аспекта наибольшего проявления тенденции тотальной радикализации, первый — это максимальное отрицание традиции, второй — это стремление к максимальной художественной изобразительности.

Максимальное отрицание традиции было свойственно русскому нигилизму, который на протяжении XIX века испытывал неоднократные трансформации, носящие характер радикализации, и каждый раз расширял границу отрицания, от отрицания духа и идеи до отрицания материального мира, вплоть до отрицания самой жизни человека. В русском авангардном движении начала XX века воцарился дух нигилизма, направленный на отрицание всего старого мира. Современный исследователь Е. П. Беренштейн назвал революционно-разрушительный пафос «нигилистичностью» и отметил, что «начиная с декларативного разрушения устоявшейся системы ценностей, авангард обрушивается и на знаковую систему, которая воплощает эти ценности, и в конечном итоге на весь мир, который так или иначе является и источником, и объектом приложения аксиологических мерок».² Например, представитель супрематизма К. Малевич окончательно отвергнул традиционное искусство, которое изображает реальный мир в конкретных предметах, и перешел к использованию «геометрической» техники для выражения абсолютного рационализма абстрактного чувства. Приведем еще один пример: основным принципом авангардной литературы является деконструкция языка, т. е. посредством разрушения знаковой системы, лежащей в основе постижения мира, разрушается форма искусства и одновременно разрушается мироощущение человека. То же самое отмечается в статье В. Шершеневича «Ломать грамматику» в отрицании Д. Хармсом фундаментальной причинно-следственной связи. Все эти отрицания оказались максимальными и тотальными.

Во втором аспекте — в отношении максимальной художественной изобразительности — русский авангард тоже достиг своего апогея. Например, в «Бедекере по экспрессионизму» было громко заявлено: «Мы, экспрессионисты, желая достигнуть максимума экспрессии...».³ В. Хлебников и А. Крученых создали совершенно новый заумный язык, желая сделать его всемирным поэтическим языком. Крученых написал стихи: «Дыр бул щыл, / Убещур, / Скум, / Вы со бу, рлэз», — и сказал, что в них «более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина».⁴ Максимализм в художественном изображении проявляется в стремлении авангардистов к абсолютной свободе творчества. Они непрерывно искали новые приемы художественного выражения, демонстративно нарушали привычные границы искусства, вторгаясь на территорию повседневного, отказываясь от материальной формы произведений. Они нарушали устойчивые парадигмы восприятия искусства, сделали случайное, произвольное, алогичное и неконструктивное основными источниками и принципами «свободного творчества». В связи с этим перемещение внимания в творческом процессе на мгновенное, импровизационное, стихийное и нерациональное имело место в самых различных течениях русского авангарда. Максимализм авангардного творчества также проявляется в обращении к периферийным отраслям или краевым зонам искусства, таким как примитивное искусство, детское творчество, архаическое и народное искусство, массовая и многотиражная продукция. И не просто в обращении, но в перемещении этих периферийных явлений в центр. Кроме того, некоторые маргинальные элементы, сопутствующие процессу творчества, нередко становятся предметом особого внимания русских авангардистов. Например, жест: для русских футуристов это состояние предтворчества и особый код для создания творческой атмосферы; почерк, который фиксирует в графике письма психологические импульсы; черновик, который документирует процесс творчества. Все эти маргинальные элементы существуют для русских футури-

² Беренштейн Е. П. Авангард как жертва Даниила(у) Хармса(у) // Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сб. науч. трудов. Тверь, 1998. [Вып.] 4. С. 131.

³ Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика / Сост. В. Н. Терехина. М., 2005. С. 61.

⁴ Крученых А. Слово как таковое. О художественных произведениях // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 77.

стов как равноправные знаки единого творческого процесса. Эстетическое значение этих маргиналий, черновых элементов, пожалуй, наиболее последовательно было осознано в творчестве Е. Гуро. С приверженностью к открытым структурам и в литературных, и в живописных произведениях были связаны сопровождающие многие ее законченные рисунки следы черновой работы карандашом, освободиться от которых художница не стремилась. Черновые орнаменты линий, как бы на ощупь пробирающихся к форме, вводились в их структуру как полноправный элемент изображения. Стремление русских авангардистов к периферийным областям искусства образовало некую художественную открытость и вечную незавершенность, которые предполагают постоянное стремление к дальнейшему, к бесконечному. Об этом хорошо сказал Бродский: «...окраина — это начало мира, а не его конец. Это конец привычного мира, но это начало непривычного мира, который, конечно, гораздо больше, огромней...».⁵ В этом смысле незавершенность и периферийная позиция позволяли русскому авангарду непрерывно расширять границы искусства и идти к новому, неизвестному пространству искусства. Это как раз соответствует сущности русского максимализма, который выражается Бердяевым в следующем высказывании: «В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность...».⁶

Вторая характерная черта в русском национальном менталитете — это склонность к совмещению противоположностей, которая так описывается в «Русской идее»: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт».⁷ И это сочетание несовместимого является уникальным феноменом русской культуры. Мы можем наблюдать явно противоположные начала в Льве Толстом: «тайновидение плоти» и равносильная ему нравственность; двумя полюсами предстают Пушкин и Толстой (образец эстетики против образца этики), причем у обоих классиков был один и тот же источник — собственная стихийная сила. В русском литературном авангарде совмещение противоположностей наблюдается в двух аспектах: 1) революционность и парадоксальный традиционализм, разрушительные и «консервативные» тенденции; 2) внимание к личностному, внутреннему опыту и в то же время увлечение коллективным, массовым искусством.

Как было сказано выше, особый дух современности был отмечен самоопровержением и самоотрицанием, что вело к полному разрушению традиций, однако на практике русское авангардное искусство отреагировало на этот дух времени неоднозначно и даже негативно. Характерны поиски русского футуризма, начавшего с заявленного в известном манифесте тезиса: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов». При этом в области живописи футуризм обращается к религиозной теме, к артефактам народного и крестьянского быта, к традиции. Е. Баснер в своей статье о Д. Бурлюке пишет, что, несмотря на то воздействие, которое оказала на него новейшая французская школа, «Бурлюк всегда ратовал за самостоятельное, независимое существование нового русского национального искусства».⁸ То же самое наблюдается в религиозной и крестьянской теме Малевича, представителя супрематизма, в творчестве М. Ларионова и Н. Гончаровой, в теоретических исследованиях П. Мансурова. Почти все художники-авангардисты прошли через примитивистский этап. Возвращение авангардистов к древней традиции может объясняться тем, что только в первона-

⁵ Волков С. Диалоги с Бродским. М., 2000. С. 22.

⁶ Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2008. С. 30.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Баснер Е. Феномен Давида Бурлюка в истории русского авангардного движения // Давид Бурлюк. 1882–1967. Выставка произведений из Государственного Русского музея, музеев и частных коллекций России, США, Германии. Государственный Русский музей, С.-Петербург. СПб., 1995. С. 23.

чальном состоянии бытия, свободного от всяческих норм так называемой высокой культуры, скрываются мотивы и источники вдохновения для творения нового. И если с диалектической точки зрения противоположные полюса имеют глубокую внутреннюю взаимосвязь, значит, чем дальше вперед хочешь идти, тем глубже надо возвращаться к своим корням.

Для авангардного искусства характерен личностный внутренний опыт. Искусство как частный феномен, или искусство для себя, повествует о «внутреннем», и его произведения являют собой следы или знаки внутреннего опыта, «пути-письмена душевных движений».⁹ Апелляция к внутреннему опыту и поиск языка, способного не столько повествовать, сколько стать живым свидетельством «внутреннего», были важнейшими свойствами авангарда. Оценки, опирающиеся на готовую, общепринятую, конвенциональную систему суждений, оказываются неприменимы к такого рода произведениям. Поиск личного взгляда, для которого нет критериев, заданных извне, определял принципиальные свойства русского авангарда на протяжении всей его истории. Например, Крученых в «Декларации слова как такового» утверждал: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален)...».¹⁰ Малевич неоднократно подчеркивал обращение к внутреннему опыту как основную предпосылку освобождения искусства от подчинения предметному миру: «...художник, поэт, музыкант должны быть чуткими, чтобы услышать колебание творческих форм и видеть внутри себя их очертание...».¹¹ Принципы искусства для себя программно развивались и в творчестве Е. Гуро, Н. Кульбина, в эстетике эгофутуристов. В общем, концепцию искусства для себя, обращенного прежде всего к внутреннему опыту, можно считать одной из важных, если не центральных, точек отсчета для формирования многих свойств авангардной культуры, с нею были связаны наиболее радикальные открытия и достижения русского авангарда: футуристическая концепция словотворчества, беспредметная поэзия, многие версии художественной абстракции.

Однако наблюдается и другой полюс концепции «искусство для себя». Стремление утвердить как новую ценность внутренний опыт, неподконтрольный социальным или идеологическим механизмам, в русском авангарде отмечено парадоксальной динамикой «деперсонализации». Культ субъективизма сопровождается выходом на поверхность культуры архетипических, коллективных, «элементарных сил и стихий». Рождение массового сознания как особого феномена новой культуры, различные версии философии коллективизма составляют неизменный фон, а точнее, своеобразную тень экзистенциальной ориентации русского авангарда. Например, в супрематизме, который был в наибольшей мере сосредоточен на «внутреннем», в конце 1910-х — начале 1920-х годов утверждаются принципы нового коллективизма и антииндивидуализма. В статье «О „Я“ и коллективе» Малевич провозглашал: «...чтобы идти к совершенству, нужно уничтожить себя — как уничтожают себя святые фанатики перед божеством, так современный святой должен уничтожить себя перед „коллективом“ и тем „образом“, который совершенствует во имя единства, во имя соединения».¹² В своей глубине героизированный внутренний опыт, напрямую открытый «иному плану бытия», который прежде всего интересовал русских авангардистов, невольно приближал к тем пластам культуры и личности, где оживали архетипические, внеиндивидуальные начала. Но, с другой стороны, деперсонализация в экзистенциальном ключе была тесно связана и с другим полюсом авангардного движения, в наибольшей мере привычным для русской культурной традиции. Этот полюс был связан с декларативным утверждением в искусстве пафоса общественного служения, создания социально активно-го, коллективного, жизнестроительного искусства. Яркими примерами тому служил футуристический призыв «стоять на глыбе слова „мы“», производственное искусство,

⁹ Название картины О. Розановой.

¹⁰ Крученых А. Декларация слова как такового // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания. С. 71.

¹¹ Малевич К. Перелом // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 105.

¹² Цит. по: Шатских А. С. Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922. М., 2001. С. 83.

антииндивидуализм аналитического искусства П. Филонова или конструктивистов.

Эти два полюса, экзистенциально личного и социального, иногда пересекались и взаимодействовали у одного и того же художника. Так было, например, в творчестве Кандинского и Малевича, Маяковского и Хлебникова. Взаимодействие этих линий давало наиболее оригинальные версии русского авангардного опыта. И все же благодаря присутствию второго плана — обращенного к личному, внутреннему опыту — даже в самых социальных и жизнестроительных проектах (например, в конструктивизме) создавалось особое напряжение культуры, которое предопределило творческий взлет и своеобразное развитие русского авангардного искусства.

Еще одна отличительная черта менталитета русского народа, названная в «Русской идее» Бердяева, — это неподдаемость оформлению, или свобода от формальных ограничений: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы <...> У народов Западной Европы все гораздо более детерминировано и оформлено, все разделено на категории и конечно. Не так у русского народа, как менее детерминированного, как более обращенного к бесконечности и не желающего знать распределения по категориям».¹³ В рассказе современного писателя Андрея Балдина «Про халат» идея сопротивления форме получает образное подтверждение: Москва в нем сравнивается с большим халатом, а тканью этого халата является вода — текучая субстанция, способная постоянно видоизменяться. Автор пишет об этом так: «Наши предки принимали это состояние как норму, единственно возможную. Так, мнилось им, подвижно всякое место. Мысль о том, что город может быть жестко ограничен, квадратами, нетекуч, не приходила в их округлые головы».¹⁴

В соответствии с этой чертой национального характера, русский авангард отличается неустойчивостью, текучестью и свободой от формальных ограничений. Он никогда не укладывался в границы какой-либо школы, любые стилистические тенденции у его представителей всегда дополнялись, совмещались и накладывались друг на друга. Неприятие школ, жестких объединений и канонов стало чуть ли не определяющей чертой русского авангарда, избегавшего устойчивых группировок.

Объединения и художников, и литераторов-авангардистов были кратковременными, порой случайными, подчинялись тактическим задачам конкретного момента. Так, известная попытка «бубнововалетцев» создать более или менее оформленное и официальное объединение была встречена в штыки группой Ларионова, сразу же отколовшейся от «валетов». Ларионов в своем заявлении подчеркивал, прежде всего, неприятие самой идеи устойчивого объединения, в котором ему виделось нечто застывшее и лишённое свободной энергии: «Только что молодые и новые, они — уже в прошлом. Они — история. <...> И уже эта связанность с одним именем „Бубновый валет“ выдает с головой. Чувствуется успокоенность, необходимость уютного угла и мещанское желание спекулировать на зарекомендовавшем себя названии. <...> Мы же — свободны. Были „Бубновый валет“. В этом году будем „Ослиным хвостом“, в следующем появимся как „Мишень“. Не связаны даже именем. Всегда молоды и независимы».¹⁵ Ларионов был неустойчив и в своем творчестве, сначала работал в стиле позднего импрессионизма, потом обратился к примитивистской манере, испытывая воздействие фовизма и наивного искусства, потом создал новую художественную концепцию — лучизм.

Неприятие русским авангардом завершенных форм проявляется также на уровне поэтики: в текстах самых различных его представителей бытуют такие образы, как скольжение, расплавленность и текучесть. Крученых в своей «Декларации слова как такового»

¹³ Бердяев Н. Русская идея. С. 30.

¹⁴ Балдин А. Москва как самосочинитель. Про халат // Октябрь. 2017. № 9. С. 5.

¹⁵ Цит. по: Крусанов А. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. 2-е изд. СПб., 2010. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. С. 339–340.

пишет: «Давая новые слова, я приношу новое содержание, где все стало скользить...».¹⁶ Ларионов подчеркивает те же качества в лучистской живописи: «Картина является скользкой <...> живопись делается равной музыке».¹⁷ М. Матюшин использует аналогичный образ в одном из своих текстов: «Расплавленное слово в своем звукоряде даст силу новому <...> Волна из глубин сплавит все точки в один ценный слиток, и горячая лава сожжет всю грязь бытосмысла».¹⁸ Лисицкий в одной из статей начала 1920-х годов также рисует образ мира, находящегося в состоянии головокружительного бега, неустойчивости и непрестанных трансформаций: «Мы увидели себя внутри потока. Мы увидели бег. Мы увидели жизнь и формы трепещущими и содрогающимися от пробегающих в них сил».¹⁹ По нашему мнению, свобода от формальных ограничений придает искусству особую подвижность, легкость, заряжает его энергией не прекращающегося становления.

В вышеказанном заключается наше понимание кровной связи между русским национальным менталитетом (как его понимал Бердяев) и некоторыми характерными чертами русского авангарда. Может быть, не все выглядит убедительным, но нам думается, что именно в основах национальной культуры лежит самое существенное, что определяет национальное своеобразие того или иного художественного явления, в частности и русского авангарда.

¹⁶ Крученых А. Декларация слова как такового. С. 72.

¹⁷ Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания. С. 367.

¹⁸ Матюшин М. О старом и новом в музыке (Отдел рукописей Государственного музея В. В. Маяковского. Ф. 11. Оп. 1. № 1).

¹⁹ Эль Лисицкий. Преодоление искусства // Эксперимент. 1999. Т. 5. С. 141.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-107-113

НОВОНАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА М. А. ВОЛОШИНА: К ИСТОРИИ «ОСТРОЙ ДРУЖБЫ» С М. С. И М. О. ЦЕТЛИНЫМИ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Г. В. ПЕТРОВОЙ)

Отношения между М. А. Волошиным и семейством политэмигрантов Цетлиных: поэта, критика, переводчика, издателя Михаила Осиповича (1882–1945; лит. псевдоним Амари¹) и его супруги, Марии Самойловны (1882–1976; урожд. Тумаркиной), сыграли важную роль в творческой биографии поэта в сложный период, связанный с событиями Первой мировой войны и русской революции. Их переписка, рассредоточенная по разным хранилищам, по большей части уже опубликованная,² охватывает 1915–1918 годы.

Сближение с Цетлиными, вероятно состоявшееся не без участия давнего старшего друга Волошина А. В. Гольштейн,³ произошло весной 1915 года в Париже, куда

¹ См.: Цетлин М. (Амари). Цельное чувство: Собр. стихотворений / [Сост., подг. текста, послесловие и комм. В. Хазана]. М., 2011; Хазан В. И. «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни»: (материалы к портрету Михаила Цетлина) // Вокруг редакционного архива «Современных записок»: (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / Под ред. О. Коростелева, М. Шрубь. М., 2010. С. 66–103.

² См.: Волошин М. Собр. соч. М., 2011. Т. 10; 2013. Т. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Волошин*, с указанием номера тома, книги и страницы.

³ О ней см.: Торин А. Об Александре Васильевне Гольштейн (1850–1937) // Преображение. 1995. № 3. С. 68–70; Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Публ., вступ. статья и комм. М. Вахтеля и О. А. Кузнецовой // Studia Slavica (Budapest). 1996. Т. 41. С. 335–376; «Обнимаю Вас и матерински благословляю...». Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подг. текста, предисловие и прим. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 159–160.

поэт прибыл из Дорнаха, где участвовал в строительстве Гетеанума.⁴ В Париже на протяжении всего 1915-го и начала 1916 года, до отъезда поэта в Россию, он регулярно общался с Цетлиными, почти ежедневно⁵ бывая в их особняке на авеню Анри Мартен, 91.⁶ Этот период позже получит авторское определение — время «острой дружбы» с Цетлиными (Волошин; 7-2, 203). После духовно-экзальтированного сообщества антропософов он попадает в крепкую либеральную среду русских интеллигентов с выверенной шкалой определенных нравственных ценностей и поведенческих ориентиров. Здесь, в доме Цетлиных, Волошин находит и своеобразный противовес богемной среде парижской «Ротонды», с которой в этот период его связывают также приятельские отношения и художественные интересы.

Молодые друзья, как называл в своих письмах Волошин Цетлиных, не только поддерживают его творческие начинания, будучи его поклонниками, но и помогают Волошину материально. Цетлины, совладельцы чаепитийной фирмы «Высоцкий и Сыновья»,⁷ с финансовой точки зрения были достаточно состоятельны и могли себе позволить подобную благотворительность.

В 1915 году для летнего отдыха и работы в распоряжение Волошина Цетлины предоставили свою виллу в Биаррице. М. О. Цетлин купил ряд картин поэта (Волошин; 10, 315–316, 365–366, 393), а М. С. Цетлина выступила заинтересованным ценителем его поэтических опытов. Приведем ряд ее откликов на посылку Волошиным стихотворений: «Мы получили вчера №№ 4–5 „Аполлона“ и читали Ваши стихи, там помещенные. Они прекрасны все, „Усталость“ — необыкновенна, и я как читатель приношу Вам и за это мою большую благодарность» (письмо от 4 июля (н. ст.) 1915 года); «Я прямо счастлива, что ты опять пишешь стихи, и я могу их получать и читать. Это такое исключительное наслаждение» (письмо от 26 августа 1917 года).⁸

Волошин вводит в дом к Цетлиным К. Д. Бальмонта, Маревну (М. Б. Воробьеву-Стебельскую), И. Г. Эренбурга, Б. В. Савинкова и др. Отчасти Волошин становится душой и генератором творческой атмосферы в литературно-художественном салоне М. С. Цетлиной в Париже.

В 1915 году по инициативе Волошина М. О. Цетлин в Москве организует новое издательство «Зерна» (первоначальное название, Волошиным «извлеченное», как иронично отмечал Эренбург в одном из писем к Савинкову, — «Иверни»⁹). В нем вышло в свет несколько книг: французские переводы Эренбурга,¹⁰ книгу стихов Волошина,¹¹ а также поэтический альманах — «Весенний салон поэтов», куда вошли произведения 38 поэтов, от признанных и знаменитых до начинающих и малоизвестных: С. Абрамова, Г. Адамовича, Амари (М. О. Цетлина), А. Ахматовой, К. Арсеновой, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, Андрея Белого, А. Блока, С. Боброва, В. Брюсова, И. Бунина, Д. Бурлюка, М. Волошина, А. Герцык, З. Гиппиус, А. Глобы, Н. Гумилева, С. Есенина, Вяч. Иванова, Рюрика Ивнева, В. Инбер, В. Каменского, Н. Клюева, Н. Крандиевской, М. Кузмина, Е. Кузьминой-Караваевой, К. Липскерова, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Моравской, С. Парнок, Б. Пастернака, С. Рафаловича, Б. Савинкова (Ропшина), С. Соловьева, Ф. Сологуба, И. Северянина, М. Тумповской,

⁴ Об этом периоде в жизни Волошина см.: Волошин; 7, 2, 165–174; Волошина-Сабашникова М. В. Зеленая змея. Мемуары художницы. (Первое русское издание). СПб., 1993. С. 232–253 и др.

⁵ Хронику этого периода в жизни Волошина см.: Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 362–393. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Тид*, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Аллой Р. Париж для зевак. СПб., 2010. С. 341.

⁷ См.: Чайный Дом. Историческое чаепитие в особняке Высоцких; см.: <http://files.eshkolot.ru/18.11.12%20%281%29.pdf>; дата обращения: 31.07.2019.

⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 5–6, 45.

⁹ См. письмо И. Г. Эренбурга Б. В. Савинкову, датированное предположительно 20 декабря 1915 года: Эренбург И. Письма: [В 2 т.] М., 2004. [Т. 1:] 1908–1930. «Дай оглянуться...» / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским. С. 72.

¹⁰ Вийон Ф. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения / Пер. и биографический очерк И. Г. Эренбурга. М.: Зерна, 1916.

¹¹ Волошин М. Anno mundi ardentis. 1915. М.: Зерна, 1916.

В. Ходасевича, М. Цветаевой, Т. Чурилина, М. Шагинян, Н. Шапира, В. Шилейко, И. Эренбурга.¹² Дальнейшему развитию издательских планов помешала революция и Гражданская война.

Отношение в среде русской творческой интеллигенции к Цетлиным не было однозначным. Эренбург писал о них Савинкову в декабре 1915 года: «Взрослые, скучные, играют в бирюльки...»,¹³ — и уточнял: «...о моих визитах к Цетлину. Вчера я допивал там оставшийся после Вас ликер. <...> Щипчики для сахара, грудастые бабы над роялем, Гоген <1 слово нрзб.> и пр. И стишки вот!.. Так у меня появилось отвращение непреодолимое к искусству, к своим стихам, ко всем, кто причастен к этому мерзкому делу...».¹⁴ Справедливости ради следует сразу отметить, что позже в своих воспоминаниях Эренбург не только значительно смягчит характеристику Цетлиных, но и даст психологический комментарий своей былой резкости: «Наверное, я был несправедлив к Михаилу Осиповичу, но это диктовалось обстоятельствами: он был богатым, приветливым, слегка скучающим меценатом, а я — голодным студентом».¹⁵

Наиболее точно вся неоднозначность отношения к Цетлиным передана в воспоминаниях Воробьевой-Стебельской: «Однажды вечером Волошин привел меня в салон М. и Mme S. (имеются в виду М. О. и М. С. Цетлины. — Г. П.), которые были восторженными покровителями искусства. <...> Mme S., красивая, высокая, величавая, восседала среди своих гостей, большинство из которых составляли мужчины. Она вела разговор, вращавшийся среди искусства и политики. Мне она показалась слишком многословной. Ей хотелось любой ценой показать себя знатоком искусства, особенно современного. В какой-то момент Савинков шепнул мне: „Какая жалость, что такая прелестная женщина не может закрыть рот!“

Сначала мне было неудобно в этих изысканных комнатах с роскошными коврами и дорогой мебелью. Было странно видеть здесь Эренбурга, с длинными волосами, в начищенных туфлях, выбивающего свою трубку в любом месте, где придется. Он заметил мой взгляд и сказал громко: „Ну, Маревна-царевна, что ты смотришь на меня? Не правда ли, я хорош на фоне кресла с красной обивкой?“ Я засмеялась.

Постепенно мое смущение исчезло, и я полюбила вечера вокруг большого стола, уставленного едой и напитками, где я слушала, как эти поразительные личности старались блеснуть друг перед другом. Ривера, жуя, произносил длинные зажигательные речи об искусстве и политике. Волошин парировал энергичными репликами. Сдержанный Савинков слушал разговоры с иронической усмешкой. Ему тоже все это нравилось, и я знала, что он притворяется, когда говорит, что сыт по горло „смехотворным салоном гоняющейся за знаменитостями, пышногрудой Mme S., которая вознамерилась меценатствовать“».¹⁶

На этом фоне еще ярче проявляются особенности характера и натуры самого Волошина — открытость миру и людям, духовная щедрость, просветительство, независимость взглядов и суждений, о чем неоднократно писали и современники, и исследователи его творчества.

* * *

В настоящей публикации представлены два письма Волошина к Цетлиным за 1916 год, которые до последнего времени были неизвестны и совсем недавно выявлены в составе Собрания М. С. Лесмана в Рукописном отделе Пушкинского Дома.¹⁷

¹² Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918.

¹³ Эренбург И. Письма. Т. 1: 1908–1930. С. 72.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2, 3. М., 2005. С. 127.

¹⁶ Маревна (Воробьева-Стебельская М.). Моя жизнь с художниками «Улья» / Пер. с англ. М. Уманцева. М., 2004. С. 72–73.

¹⁷ Аксененко Е. М. Материалы М. А. Волошина (наст. фам. М. А. Кириенко-Волошин) в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 11 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2017 год. СПб., 2018. С. 656–657.

Речь идет, во-первых, о небольшой недатированной записке Волошина, дающей представление о степени близости поэта к дому Цетлиных и особенностях литературного быта русской эмиграции периода Первой мировой войны. Важно отметить, что это самый ранний текст из известных писем Волошина к Цетлиным 1916 года.

Второй текст, представленный в настоящей публикации, — это фрагмент письма Волошина М. С. Цетлиной, относящийся к первым числам декабря 1916 года. Во второй половине этого года эпистолярный диалог между Волошиным и М. С. Цетлиной из-за нестабильной работы почты во время Первой мировой войны велся непоследовательно. Часто содержание писем Волошина к Цетлиной осени 1916 года повторялось. Публикуемый фрагмент интересен тем, что конкретизирует представления об отношении Волошина к войне в период его пребывания в России, накануне революционного 1917 года, и содержит целый ряд указаний на отдельные историко-литературные события, в том числе проясняет историю французского издания переводов стихотворений Бальмонта.

Таким образом, настоящая публикация оказывается значима с историко-литературной точки зрения и помогает восполнить некоторые пробелы творческой биографии Волошина.

Письма Волошина публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Собрании М. С. Лесмана (Ф. 840. Оп. 11). Тексты приведены к нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением отдельных индивидуальных особенностей.

1 М. С. и М. О. Цетлиным

<Около 19 (20) февраля / 3 (4) марта (н. ст.) 1916 года; Париж>¹

Дорогие Мария Самойловна и Михаил Осипович, я все-таки сегодня не смогу прийти к Вам.² Т<о> е<сть> я бы мог, но думаю, что лучше мне еще просидеть дома этот день. Если можно — зайдите ко мне до обеда. — Но если это Вас не устраивает — ни в каком случае, если неудобно.

Моя поездка в Ниццу³ расстраивается совсем, т<ак> к<ак>, судя по полученным сегодня письмам, я получу деньги от Бальмонт⁴ одновременно с моими⁵ и, верно, на днях. Спасибо — за питание. Если возможно — пришлите еще и сегодня вечером чего-нибудь. Спасибо за цветы.

Максимилиан Волошин.

¹ Датируется по содержанию.

² О болезни, перенесенной Волошиным в конце февраля — начале марта (н. ст.) 1916 года, свидетельствует также его ответ Б. В. Савинкову на письмо от 1 марта (н. ст.) 1916 года: «Ваше письмо я получил совсем больной, в жару» (Волошин; 10, 464). О болезни речь идет и в одном из писем М. В. Сабашниковой к Волошину, которое в собрании сочинений поэта ошибочно датируется концом января 1916 года: «Не сердись, не обижайся. Надеюсь, ты уже здоров» (Волошин; 11-2, 673). Согласно летописи жизни и творчества Волошина, составленной В. П. Купченко, 19 февраля / 3 марта и 20 февраля / 4 марта — дни, когда Волошин не выходил из дома, в один из этих дней, вероятно, и была отправлена настоящая записка. 21 февраля / 5 марта вечером он уже обедал у Цетлиных (ТцД; 1, 390–391).

³ Речь идет о планировавшейся Волошиным, возможно, вместе с И. Г. Эренбургом, поездке в Ниццу к Савинкову, с которым он плотно общался в 1915 году, когда последний приезжал в Париж, а позже вел переписку. Об их взаимоотношениях см. статью З. Д. Давыдова и В. П. Купченко: Волошин М. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 363–383; см. также: Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 330–333.

⁴ С Бальмонтом Волошин прожил вместе в Париже первую половину 1915 года, он же проводил его в Россию 15/28 мая 1915 года (ТцД; 1, 371). Бальмонт⁴овские письма этого периода к Волошину неизвестны.

⁵ Вероятно, речь идет о письме матери, Е. О. Кириенко-Волошиной, которое было получено Волошиным 21 февраля / 5 марта 1916 года (см.: *ТВД*; 1, 391), и о деньгах, которые Волошин попросил у матери для возвращения из-за границы в Россию. Намерение вернуться в Россию определилось у Волошина в декабре 1915 года, о чем он извещал А. М. Петрову 2/15 декабря: «В Россию я возвращаюсь весной. В апреле буду в Москве, а к маю приеду в Крым. <...> Думаю о возвращении с некоторым страхом. Возвращаюсь только потому, что знаю, как мама тоскует без меня» (*Волошин*; 10, 460). 23 декабря / 5 января в несохранившемся письме к матери он просил выслать деньги на дорогу (*ТВД*; 1, 386). 11/24 января 1916 года Е. О. Кириенко-Волошина просила К. В. Кандаурова о возвращении долга для отправки денег на дорогу Волошину (*ТВД*; 1, 388). Деньги были высланы Волошину 1/14 февраля из Москвы — 540 франков (300 рублей). Волошин выехал из Парижа 26 марта / 8 апреля и «окольным путем», через Англию, Норвегию, Швецию, Финляндию, вернулся в Россию 5/18 апреля 1916 года (*ТВД*; 1, 393–394).

2

М. С. Цетлиной

<Первые дни декабря 1916 года; Коктебель>¹

<...>²

Ты зовешь меня приехать в Париж летом, даже если не кончится война.³ Как мне не хочется этого, но это невозможно. Для мамы это будет слишком тяжело. Она ничего не имеет <против?>, когда я в Париже в мирное время, когда можно быстро вернуться по желанию, но мое отсутствие во время войны печалило, главным образом, невозможностью быстро вернуться, вызвать меня.

И на самое путешествие во время войны у меня не хватит денег. Это ведь целый капитал. Это можно было сделать раз для возвращения. Но если ты приедешь в Россию летом, то я сейчас же еду тебя увидеть, хотя я думал, и надеюсь, что ты сама приедешь в Коктебель.⁴ Ты ведь не <на> несколько дней же вернешься в Россию? Хотя, конечно, мне хотелось бы лучше показать тебе Коктебель весной или осенью, когда не так много народа.

Но как только война кончится, я с первым же поездом поеду в Париж и мечтою в этом очень.

Пока же, т<ак> к<ак> война, очевидно, этим летом не кончится, буду ликвидировать свои литературные долги, т. е. писать «Дух Готики»,⁵ т<ак> к<ак> я и в этом году, занятый Суриковым,⁶ ничего не успел сделать. Но вернусь ранней весной и буду работать над ним.

Получил вчера твое французское издание Бальмонта.⁷ Оно мне очень нравится внешне и внутренне. Радостно, что оно есть и что Бальмонт теперь имеет право гражданственности и во французской поэзии.

Я его так и не видал с возвращения. И опять, верно, не встречу в Москве,⁸ т<ак> к<ак> оно <так!> 7 декаб<ря> выезжает на Кавказ с оконченным переводом «Барсовой шкуры»⁹ и очевидно прямым променом на выезд Грузии.

Кончаю письмо. До свидания.

Привет Мише. Целую Валю¹⁰ и Шурочку.¹¹

МАХ.

¹ Ответ на письмо М. С. Цетлиной от 12–13 ноября (н. ст.) 1916 года из Парижа.

² Начало письма не обнаружено.

³ Речь идет о Первой мировой войне. Цетлина писала Волошину: «...мне оч<ень> хочется, чтобы ты к нам приехал. По-моему, летом ты должен приехать, если война и не кончится, мы оч<ень> тебя зовем и приглашаем к себе» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 41).

⁴ Цетлины проживали за границей на правах политических эмигрантов, и намерение вернуться в Россию, видимо, обсуждалось среди планов на 1917 год. См.: *Хазан В.* «От книги глаз не подыму». О личности и творчестве Михаила Цетлина // Цетлин М. (Амари). Цельное чувство. С. 267–270. М. С. Цетлина писала Волошину: «Очень возможно, что я сама летом поеду в Россию. Мне хочется приехать за моим отцом и отвезти его к матери в Лозанну. Я только боюсь оставить детей, т<ак> к<ак> можно долго не получить обратного паспорта, и не решаюсь брать детей с собой, чтобы их не переутомить. Если я приеду летом, ты приедешь в Москву со мной

повидаться?» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 41–41 об.). Возможность приезда Цетлиных в Россию появилась после революционных событий февраля–марта 1917 года. Однако Волошин писал Цетлиной 10 мая 1917 года: «Мне кажется, что, несмотря на весь соблазн, вы очень хорошо сделали, что не приехали, потому что сейчас ехать в Россию — безумие; да и жизнь здесь — вся полная неизвестность» (Волошин; 10, 587). Цетлины приехали в Россию во второй половине июля 1917 года. См. письмо Цетлиной Волошину от 26 июля 1917 года из Москвы (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262). Волошин сообщал в письме к Р. М. Гольдовской от 8 августа 1917 года, размышляя о планах на зиму 1917–1918 годов: «Я-то всегда могу остановиться у Цетлиных — молодых моих парижских друзей, которые только что возвратились из эмиграции через Америку и Японию» (Волошин; 10, 624). В Коктебеле летом 1917 года Цетлины не появились, а осенью 1917 года рассматривали возможность приобретения там участка под строительство дома. См. письма Волошина к Цетлиной и ее брату, Р. С. Тумаркину (Волошин; 10, 675–676, 679–682). Весной 1918 года Цетлины переберутся в Одессу, из которой в апреле 1919 года отплывут на пароходе в Константинополь.

⁵ Речь идет о неосуществленном замысле Волошина, который датируется 1913 годом. Книга была анонсирована в издательстве М. и С. Сабашниковых. План этой книги известен по письму Волошина М. В. Сабашникову, написанному в мае 1913 года: «Посылаю Вам приблизительную программу книги о Готике. / Я предполагаю назвать ее „Дух Готики“ или „О ДУХЕ ГОТИКИ“ — это всего вернее. <...> Главной путеводной нитью мне будут служить два громадных труда Emile Mâle „L'Art de XIII siècle“ и „L'Art de la fin du Moyen-Age“. Я постараюсь дать их экстракт в IV и V отделах книги. Но попутно включу туда и свои сообщения и дополнения. Главная цель книги: чтобы с нею в руках можно было прочесть Готический собор сверху донизу, как в его архитектуре, так и в его символах. Дать полный ключ к готике. / Но кроме Mâle'я я буду пользоваться и многими другими трудами, конечно (André Michel, Enlart, Quicherat, Brutaills, Gaston Paris, Langlois, Courroyer). Иллюстрирую все описаниями из Гюисманса, Гюго и др.<угих> писателей, подходивших к готике» (Волошин; 10, 23). Более подробно об этом неосуществленном замысле Волошина см.: Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. С. 303–329. О своих планах закончить работу над книгой Волошин сообщал Цетлиной и в письме от 3 сентября 1916 года: «Теперь мои планы <...> написать за осень часть „Духа готики“...» (Волошин; 10, 513).

⁶ Речь идет о книге Волошина «Суриков», над которой он работал с 1913 года по заказу И. Э. Грабаря. Книга была завершена осенью 1916 года и одобрена Грабарем, но к этому времени было разгромлено издательство И. Кнебея, которое должно было выпустить книгу. При жизни Волошина книга так и не увидела свет. Подробнее см.: Волошин; 3, 363–451, 560.

⁷ Речь идет об издании: Balmont K. Quelques poèmes / Trad. du russe par A. de Holstein et Rene Ghil. Paris; Zürich, 1916. О предыстории издания см. комм. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова к переписке В. Я. Брюсова с Волошиным (Лит. наследство. 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 339–340), а также письма Р. Гиля к А. В. Гольштейн: Adamantova V. Lettres inédites de René Ghil à Alexandra de Holstein // Revue des études slaves. 1991. Т. 63. Fasc. 4. P. 801–836. На ранней стадии Волошин участвовал в подготовке этого издания. В недатированном письме 1915 года Гольштейн писала Волошину: «Вчера Ghil приходил, чтоб сообщить веселую новость: *en principe*, Crès согласен продать Бальмонта. В начале этой недели у Ghil'я будет свидание с Crès'ом для переговоров в подробностях, после чего Цетлину останется только проверить договор Ghil'я и подписать контракт, если ему покажутся приемлемыми условия издателя. Передайте все это Mme Цетлин, извинившись за меня, что пишу Вам, а не ей. Пишу Вам потому, что теперь надобно немедленно писать предисловие. Засаживайтесь за него теперь же — книгу надобно выпустить к марту, по мнению Ghil'я. Теперь такие времена, что шрифты не ждут, как в обычное время» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 438. Л. 75–76). Также в одном из недатированных писем этого периода Гольштейн обращалась к Волошину: «Подумали ли Вы, Макс, о составлении библиографии? Гиль хотел Вам написать, когда я видела его в последний раз — верно, забыл. Это необходимо сделать теперь же. У Вас под рукой все сочинения Бальм-монта». Сделайте это поскорее. Переводов список у меня, но он не нужен или неважен» (Там же. Л. 99–99 об.). Волошин включился в работу по подготовке к изданию избранных стихотворений Бальмонта на французский язык. Сохранился набросок его статьи о Бальмонте, относящийся к марту 1915 года, который, возможно, был связан с этим изданием. См.: Волошин; 6, 2, 321–322, 859–860. До нас не дошло письмо к Е. А. Андреевой-Бальмонт от 31 октября / 13 ноября 1915 года, где Волошин рассказывал о подготовке издания и просил выслать ему биографические сведения о Бальмонте (ТД; 1, 383). См. письмо к Волошину Н. К. Бальмонт, отправленное из Москвы 22 ноября 1915 года: «Милый Макс, Мама получила Твое письмо от 13-го и пишет тебе большое письмо с биографическими датами. Ты их еще найдешь в „Русс<кой> лит<ературе> XX в<ека>“ Венгерова (Том VI). Эта книга есть где-нибудь в нашей квартире; отыщи ее на полках. Папа сейчас в Сибири на Турнэ, в Москве будет не раньше 20 декабря. Мама жалеет, что ему нельзя рассказать о твоём секрете» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 232. Л. 3). В свою очередь Андреева-Бальмонт ответила Волошину в письме от 28 ноября / 11 декабря 1915 года: «Очень

приятно, что франц<узская> книга Б<альмон>та выйдет, но я жалею, что это делается в тайне от К. Д. Я выслала Вам т<ом> Венгерова <...> дня 3 тому назад. Я думаю, лучше всего будет перевести автобиографию Б<альмон>та» (Там же. № 229. Л. 19). Издание «*Quelques poèmes*» Бальмонта вышло только в 1916 году с неавторизованным предисловием («*Préface*»), имеющем прямые переклички с автобиографией Бальмонта, представленной в книге: Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 57–64. Цетлина сообщила Волошину в письме от 12–13 ноября 1916 года: «На днях пошло тебе стихи Бальмонта по-французски...» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 42). К истории французского издания избранных стихотворений Бальмонта можно добавить, что она нашла отражение и в переписке самого автора с Цетлиной. В феврале 2016 года аукционный дом «Империя» (лот 320) выставил на продажу книгу Бальмонта «Зарево зорь» (М.: Гриф, 1912) из библиотеки казака А. В. Леонтьева (о нем см.: *Запевалов В.* Памяти Александра Викторовича Леонтьева // *Русский вестник*. 2002. № 8–9; <http://www.sestroretsk.com/my-romnim/40797/>; дата обращения: 31.07.2019), на форзаце которой были приклеены два недатированных фрагмента писем Бальмонта к Цетлиной, относящихся к периоду пребывания Цетлиных в Москве (осень 1917 — зима 1918 года). В одном из писем речь идет об упомянутом издании: «Я говорил с Мих<аилом> Ос<иповичем>, но он, верно, забыл о своем обещании. Мне очень нужно 20 экз<емпляров> моих „*Quelques Poèmes*“ («для пропаганды», — я рассчитываю повторить мою conference, — и Ренэ Гиль попросил у меня несколько экз<емпляров>»). Так как женское сердце более памятливо и заботливо, пишу Вам и прошу об услуге. Когда же буду иметь радость видеть Вас и М<ихаила> Ос<иповича> у себя? Желая всего лучшего. Целую Ваши руки. Ваш К. Бальмонт» (цитируется по автографу; см.: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=41936>; дата обращения: 31.07.2019).

⁸ Волошин вернулся в Россию в апреле 1916 года, в этом время Бальмонт путешествовал по Сибири и Японии. См.: *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.* Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. Когда Бальмонт вернулся из путешествия, Волошин уже уехал в Коктебель. Поэты встретились 29 декабря 1916 года в Москве (см.: Лит. наследство. Т. 98. Кн. 1. С. 237), куда Волошин приехал 28 октября вместе с Е. О. Кириенко-Волошиной. Вторая поездка Бальмонта в Грузию состоялась летом 1917 года. См.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 337–339; *Андгуладзе Лия.* Бальмонт и Грузия. М., 2002. С. 85–96, 153, 191, 206–209.

⁹ Речь идет о работе Бальмонта над переводом эпической поэмы Ш. Руставели «Вепхисткаосани», которая была начата в 1914 году и закончена в 1916-м. Перевод был издан в 1917 году: *Руставели Ш.* Носящий барсову шкуру: Грузинская поэма XII в. / Пер. К. Бальмонта. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917. Переиздан в серии «Библиотека поэта» в 1988 году.

¹⁰ Цетлин Валентин Михайлович (Валентин Вольф, 1912–2007) — сын М. О. и М. С. Цетлин, в будущем американский психоаналитик, выпускник медицинского факультета Оксфордского университета (1944), в 1967–1970 годах президент Нью-Йоркского фрейдистского общества (New York Freudian Society).

¹¹ Авксентьева Александра Николаевна (в замуж. Прегель, 1907–1984) — дочь М. С. Цетлиной от первого брака с политическим деятелем Н. Д. Авксентьевым (1872–1943).

DOI: 10.31860.0131-6095-2019-4-113-134

НА РАЗВАЛИНАХ БЫТИЯ (В. В. РОЗАНОВ И П. П. ПЕРЦОВ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕПИСКИ)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)

Переписка Василия Васильевича Розанова (1856–1919) и Петра Петровича Перцова (1868–1947) велась на протяжении 20 лет: с осени 1896-го до сентября 1918 года. Представленные ниже письма, которыми корреспонденты обменялись в 1918 году, — ее завершающий этап. Предшествующий диалог, весьма пестрый по содержанию, наполненный обсуждением прежде всего литературных и философских проблем, оборвался в мае 1917 года. Причиной была не только разразившаяся Февральская революция и связанные с ней перемены бытия, но, вероятно, и разная оценка произошедших

на глазах литераторов политических событий. Розанов воспринял Февральскую революцию как национальную катастрофу: «Окаянный год, крушение царства... Да что „царства“ — нашего дорогого, милого отечества»,¹ — высказывался он с горечью в «Апокалипсисе нашего времени». Перцов смотрел на революционные события иначе. Показательна запись, сделанная им еще 20 марта 1916 года: «Мы живем сейчас между 1789 и 1792 гг. В 1905 году было „взятие Бастилии“, но необходимо еще взять Тюильри. Мы пережили 14 июля — предстоит 10 августа. Да будет!»² Напомним, что 14 июля 1789 года во время Великой французской революции в Париже была взята Бастилия, а через три года, 10 августа 1792-го, после штурма Тюильри, последнего пристанища Людовика XVI, пала французская монархия. Воодушевленный Февральской революцией, Перцов писал Розанову в марте 1917 года об установлении в Москве «Русской республики».³ В последнем письме от сентября 1918 года Розанов, жалуясь на «ужасы» бытия, упрекнул Перцова за его республиканские надежды: «Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Воючая, проклятая».⁴ Нигилизм, который привел Россию к катастрофам 1917 года, ассоциировался у Розанова именно с сатирой Гоголя.

«Война, — замечал Перцов, — потом революция надломили Василия Васильевича. Что-то страшное случилось с ним осенью 1917 года, закрытие „Нового времени“, потеря заработка и всего состояния повлекли его отъезд из Петрограда „в каком-то беспамятстве“ (писал он мне) и тяжелое разрушение его здоровья, до тех пор сравнительно очень крепкого».⁵

В конце августа 1917 года Розанов с семьей «бежал»⁶ из Петрограда в Сергиев Посад. Здесь, около Троице-Сергиевой лавры, в голодный 1918 год и писались его последние письма к другу-философу, первому издателю⁷ его сочинений Петру Петровичу Перцову.

Поводом для возобновления переписки было бедственное положение писателя. 11 писем относятся к марту–сентябрю 1918 года. Сохранилась, вероятно, не вся корреспонденция. Упомянутые в первом послании два больших письма Перцова, открытка, полученная от Розанова, отсутствуют в корпусе переписки, сбереженной Перцовым.

С ноября 1917 года по октябрь 1918 года в Сергиевом Посаде, «около церковных стен», Розанов издает десять номеров своеобразного философско-публицистического дневника «Апокалипсис нашего времени». Прервав паузу в переписке, он послал Перцову первый выпуск, сопроводив инскриптом на обложке, продиктованным полной безысходностью: «По-старому милому П. П. Перцову и его „Маше“». В. Розанов. Спасибо за письмо. Утешили. Пишите еще. Гибель. Холод. Голод. Никаких средств. Об Эртелевом никаких сведений. Книга из складов реквизирована. Отчаяние».⁸

В Петрограде в Эртелевом переулке размещалась редакция газеты «Новое время», где служили до революции оба корреспондента.⁹ Когда в ноябре 1917 года большевики закрыли газету, оба публициста лишились основного заработка.

¹ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени: Вып. № 1–10. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые. М., 2000. С. 66 (Собр. соч. [Т. 12]).

² РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 54. Л. 86 об.

³ Под «колесом» истории: переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова 1917 года / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2017. № 3. С. 42.

⁴ См. п. 11.

⁵ Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове // Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 270.

⁶ Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004. С. 356 (Собр. соч. [Т. 17]).

⁷ Розанов неоднократно с благодарностью писал о Перцове-издателе: «Приход Перцова (П. П.), и вскоре предложение им издать сборники моих статей, — было собственно началом „выхода к свету“. У меня не было до этого самых знакомств, самого видения лица человека, который бы мне помог куда-нибудь выбраться» (Розанов В. В. Литературные изгнанные: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М., 2001. Кн. 1. С. 133 (Собр. соч. [Т. 13])).

⁸ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог / Сост. М. С. Лесман и Н. Г. Князева. М., 1989. С. 186. Сохранились 10 выпусков «Апокалипсиса нашего времени», отправленные Розановым Перцову.

⁹ По подсчетам Перцова, в газете «Новое время» он напечатал 553 статьи (РНБ. Ф. 1136. № 58. Л. 1 об.).

Перцов с 1917 года жил «в костромском гнезде» — в деревне Масленицы. Здесь у его жены Марии Павловны¹⁰ был дом. В годы послереволюционного лихолетья он и стал пристанищем Перцова. Изредка наездами Перцов бывал в Москве в поисках литературных заработков. Получив письмо о бедственном положении Розанова, он сразу же попытался ему помочь. Соседка Перцова прислала в Сергиев Посад толокно.¹¹ Это было большой радостью для Розанова, адресовавшего благодарственное письмо по ошибке другой костромской знакомой Перцова: «Если бы знали, милая и прекрасная Анна Зиновьевна, всю радость, какую доставили Вашим веселым толокном!! <...> Ради Бога, еще пришлите, но только коробок 10. И вот еще, милая: я помню, ел у мамы овсяный кисель. Он естся или горячим-жидким с подсолнечным маслом, — или охлаждается на холоде, и тогда разрезанный на квадратики естся тоже или с молоком, или еще вкуснее — с подсолнечным маслом. Подсолнечное масло у нас есть, хотя и немного. Если Вы несколько „в средствах“ — пришлите, дорогая и милая. И еще хотя бы фунтов 10 гороху. Так хочется, так хочется. <...> Простите, что я Вам посылаю так поздно „Апокалипсис“. Уж очень трудно время, очень страшно».¹²

На письме — пояснение Перцова: «Из деревни Костромской губернии, где я жил зимой 1917–18 гг., мои знакомые, владельцы толоконного заведения, прислали Василию Васильевичу несколько коробок с толокном. Этим вызвано настоящее письмо, рисующее материальную обстановку последних дней жизни Розанова. — По ошибке Василия Васильевича оно было обращено к лицу («Анна Зиновьевна»), не имевшему никакого отношения к делу».¹³

Встревоженный бедственным положением Розанова, Перцов написал письмо художнику М. В. Нестерову.¹⁴ У самого Перцова дела тоже были, по его собственным словам, «дрянь дрянью» — работы на хуторе не было: «Разве „представители народа“ пошлют копать навоз...».¹⁵ Розанов пребывал в полном смятии и испуге. «Это ужасное замерзание ночью. Страшные мысли приходят <...> Впечатления еды теперь главные»,¹⁶ — отметил Розанов в «Апокалипсисе нашего времени». Отныне в апокалипсисе большевистской России Христос воспринимается Розановым как главный виновник произошедшей катастрофы.¹⁷ Все выпуски «Апокалипсиса...», где тема гибели старой России пересекается с антихристианскими эскападами, посылались Перцову.

1 апреля (19 марта) 1918 года Розанов завершил текст, который должен был войти в последующие выпуски «Апокалипсиса...». Фрагмент был озаглавлен «Перехожу в еврейство».¹⁸ Сообщив Перцову о завершении заключительного параграфа, он сразу отправляет в Кострому письмо: делится новыми мыслями по поводу идей, казалось бы только что запечатленных им.¹⁹ На письме помета Перцова: «о еврействе». Текст наполнен антихристианской хулой. Противопоставляя Ветхий Завет Новому, Розанов говорит, что Иисус Христос «не был религиозен», так же как и Апостолы, а Евангелие — «религиозно-тупая книга»: «Все — Дух тьмы, из Духа тьмы...». Он пишет о своей приверженности Ветхому Завету, а не «чепухе» христианства. «Ну, что мне

¹⁰ См. прим. 6 к п. 1.

¹¹ См. прим. 3 к п. 1.

¹² ГЛМ. Ф. 253. Оп. 1. № 35. Л. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ Письмо Перцова к М. В. Нестерову 1918 года не удалось обнаружить в архивах. С. Н. Булгаков писал: «М. В. Нестеров, по письму П. П. Перцова, очень встревожен острою нуждою Розанова; заразил и меня этой тревогой» (Письмо С. Н. Булгакова к П. А. Флоренскому от 21 марта 1918 г.; см.: Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым // Архив священника Павла Флоренского. Томск, 2001. Вып. 4. С. 150–151).

¹⁵ См. п. 10.

¹⁶ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 21.

¹⁷ Переоценка христианства предпринималась Розановым на протяжении всей его жизни. См.: «Темный лик» (1911), «Люди лунного света» (1912), «В темных религиозных лучах» (1910) и др.

¹⁸ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 140.

¹⁹ См. п. 2.

Христос? — вопрошает он. — Совершенно *чужд*, и это просто по вере моей, которую Вы знаете». ²⁰ Антихристианские выпады в письме следуют один за другим.

Перцову, следившему за ходом розановской мысли на протяжении многих лет, его антихристианская направленность была прекрасно известна. Его обращение к Розанову как к «милому моему антихристу» ²¹ с точки зрения Перцова должно восприниматься в качестве комплимента. Тем более что Перцов и ранее наделял его подобным именем, наблюдая за тем, как Розанов «штурмует христианство»: «Ну что же Вы, к<ак> не предшественник Антихриста? — писал он ему в 1898 году. — <...> И уж если построят когда-либо в к<аком>-н<ибудь> антихристовом Риме новую, „его“, Сикстинскую капеллу и новый М<икель>-Анжело ее распишет, конечно, поместит он в люнетах ее портрет Вас. Вас. Розанова с арабеском из цифры 666 вокруг». ²² Перцову было знакомо и давнее пристрастие Розанова к Ветхому Завету, иудаизму. Розанов вернулся к своей излюбленной теме — религии пола. Ядро размышлений Розанова «с требованием религиозного быта», ²³ — как формулировал Перцов, — сохранилось без изменений на протяжении всей его жизни.

«Розанов, — писал он позже, — отнюдь не еврей (как он сам о себе думал). Еврей неотделим от идеи Мессии, а Розанов вынимает из иудаизма именно эту идею. Вместо духовного человечества (мистический идеал еврейства), он удовлетворяется простым, посясторонним, земным человечеством. Его влечет лишенное всякой „цели“, почти позитивное упоение *игрою быта*, заслоняющее от него бездну и создающее „жизнь“ в переливах цветов на поверхности (стихия театра). Это семитский Восток *вне* еврейства — те „жрецы Ваала и Астарты“, которых проклинали пророки Израиля». ²⁴

Напомним, что в 1900-е годы оба, и Розанов и Перцов, входили в кружок Мережковских, критиковавших историческую церковь и пытавшихся создать Новую Церковь. Розанов тонко подметил эту внутренне сохранившуюся связь Перцова с прежними идеями: «*Опять Мережковского*», — обронил он в письме, как бы ненароком. В давние времена Розанов называл Перцова «alter ego» Мережковского. С этой точки зрения любопытна запись Перцова, сделанная им в 1916 году: «Новая церковь. К этому переход у Мережковского, и завершение у меня (Розанов — чистое отрицание — только критика)». ²⁵ Перцов совершенно верно подметил, что о Новой церкви Розанов и не помышлял, в отличие от Перцова, который к осени 1918 года завершил свою философскую книгу «Основание пневматологии» — об этом он упоминает в письме к Розанову от 7 сентября 1918 года. Название книги происходит от двух греческих слов: πνεῦμα (пневма) — дух, и λόγος (логос) — слово, речение, т. е. — учение о Святом Духе. С 1897 года, почти с начала знакомства с Розановым, Перцов занимался философским, теологически ориентированным исследованием под названием «Основание диалогии». ²⁶ Он строил «древо бытия». Его больше волновала религия духа, а не плоти, в отличие от Розанова, который писал, ²⁷ что ему совершенно чужды «все эти религии Духа» и что в нем развился фаллический культ.

В конце марта Перцов получил четвертый выпуск «Апокалипсиса...» с антихристианскими выпадами. ²⁸ Он выразил свое впечатление предельно кратким иро-

²⁰ Там же.

²¹ См. п. 5.

²² РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 78. Цит. по тексту письма, подготовленному О. Л. Фетисенко.

²³ Цит. по: Перцов П. П. Литературные афоризмы / Публ. Т. В. Померанской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв. М., 1994. [Т.] I. С. 235.

²⁴ Там же. С. 236.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 54. Л. 86 об. Сохранился сборник статей Перцова «О Новой церкви», подготовленный им в послереволюционные годы (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 33).

²⁶ См.: Перцов П. П. Введение в «Диалогии» / Публ. А. В. Лаврова // Канун: Альманах. СПб., 1996. Вып. 2. С. 217–243; Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология нестроенной системы (1897–1947) / Резниченко А. И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012. С. 253–299.

²⁷ См. п. 2.

²⁸ В IV выпуске, в первой главке, названной «Правда и кривда», Розанов писал: «...„дела плоти“ он объявил грешными, а „дела духа“ праведными. Я же думаю, что „дела плоти“ суть глав-

нично-шутливым письмом, завершив его пародией на христианскую молитву: «Аллилуйя! Живота нашего...». Розанов задело письмо, особенно покорило сравнение его с Чичиковым. Один из фрагментов текста «Апокалипсиса...» он озаглавил: «„Чичиков“ П. П. Перцова»: «Петр Петрович не разобрал: Чичиков — обманщик и плут (как я выразился, «все русские немножко сутенеры, и живут на чужой труд»)».²⁹

Обиженный Розанов прекратил переписку, однако летом 1918 года адресовал Перцову «прощальное» послание.³⁰ Это замечательное письмо занимает восемь листов. Написанное на узких полосках бумаги, покрытых мелкими бисерными буквами, оно чрезвычайно хаотично. Начав с благодарности Перцову за 20-летнюю дружбу, Розанов перебрасывается на критику «славянофильского гнезда» на Павловской улице, вспоминает друга «Савушку» Эфрона, размышляет об иудаизме и поносит Христа. Завершается письмо сообщением о том, что именно в Сергиевом Посаде ему пришла в голову мысль, что Христос был «в половой организации ни то ни се».³¹ Разорванность мысли, перебрасывание с одной темы на другую в письме — все это чрезвычайно похоже на заготовки фрагментов текста последней книги «Апокалипсиса нашего времени». Энергия его творческой мысли поразительна. Перцов получил это письмо только в июле 1919 года, после кончины Розанова.³²

Позже Перцов, рассуждая о противоречивости личности Розанова, пришел к следующему заключению: «Самое важное в Розанове, что его „антихристианство“ *вовсе не демонично*, а *тоже* религиозно (по крайней мере, *так* в своем истоке). Это самое оригинальное и знаменательное в нем...».³³

Переписка, которую оба корреспондента оценивали очень высоко,³⁴ готовилась Перцовым к публикации, но издание не осуществилось.³⁵ «Как эпистолярный мастер, — писал Перцов, — Р<озанов>, конечно, такой же unicum, к<ак> стилист

ное, а „дела духа“ — так, одни разговоры. „Дела плоти“ и суть космогония, а „дела духа“ прилизительно выдумка» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 22).

²⁹ Там же. С. 370–371.

³⁰ См. п. 6.

³¹ Ср. высказывания об Иисусе Христе во втором выпуске «Апокалипсиса нашего времени»: «...вообще он „без зерна мира“, без — *ядер*, без — *икры*; не травянист, не животен; в сущности — не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 15).

³² Получив письмо от Н. В. Розановой о смерти отца, Перцов 9 (22) февраля 1919 года отправил письмо-соболезнование: «Гений покойного будет негасимым светочем для несчастной России, которую так проникновенно понимал и глубоко любил он своим мятущимся сердцем. Душа плачет об уходе его от нас, хотя знает, что смерти нет, и этим знанием и многим, многим обязан ему. Простите, нет сил и умения передать все то, что волнует меня! Скорбь не красноречива и утешать не умеет; я любил и люблю Василия Васильевича — большего сказать не могу, да и не надо» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 24. № 481. Л. 11 об. — 12).

³³ Перцов П. П. Литературные афоризмы. С. 235.

³⁴ Ср. отношение Розанова к письмам Перцова: «А знаете ли Вы, что „Correspondence de Pierre Perzoff à Basile Rosanoff“ <здесь: «Послания Петра Перцова к Василию Розанову» (фр.)> может быть éd. <изд<ана> (фр.)> только en deux volumes <в двух томах (фр.)>? Перебираю все. Классифицирую» (Письмо Розанова от ноября 1916 года // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 184. Л. 11). Мечтая продолжить серию «Литературные изгнанники», Розанов хотел включить в издание письма Перцова: «Из В<аших> бы писем надо отобрать $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$; и — в „Изгнанники“: оч<ень> бы ценно было. Не поставите ли красными чернилами „х“ (крестики)» (Письмо Розанова к Перцову от 15 февраля 1916 года // Там же. № 185. Л. 34а). Ср. более позднюю оценку: «Сейчас я занят вот каким делом: перечитываю и готовлю к „сдаче“ (продал) *свои* письма к В. В. Р<озанову>, случайно оставшиеся после 1917 г. не у него, а у меня <...> Это, вероятно, лучшие мои письма, и ведь я когда-то умел их писать» (Письмо к Д. Е. Максимову от 21 августа 1922 года // РНБ. Ф. 1136. № 35. Л. 20 об.).

³⁵ В 1922 году Г. А. Леман пытался издать два тома «Литературных изгнанников». Помимо переписки Розанова с К. Н. Леонтьевым и П. А. Флоренским он собирался включить и переписку с Перцовым. Леман писал Перцову 14 февраля 1922 года: «Первый том — его переписка с К. Леонтьевым — разрешен к печати, и я надеюсь еще до весны его отпечатать. 2-ой том пошли бы Ваши письма, потом — к Флоренскому» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 140. Л. 1).

вообще. *Пушкин, Тургенев, Чехов, он* — пятого, кажется, нет? Да и то еще Чехов много мельче, при всем внешнем мастерстве (все-таки он — «обыватель»)³⁶.

Переписка печатается по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства: Ф. 1796. Оп. 1. № 186 (письма Розанова); № 87 (письма Перцова). Авторские подчеркивания одной чертой выделены курсивом. Подчеркивания двумя чертами выделяются жирным полукурсивным шрифтом. Даты приводятся по старому стилю, а в скобках по новому стилю. Все письма Розанова не имеют дат, поэтому они датируются по пометам Перцова о дате получения.

³⁶ Письмо П. П. Перцова Д. Е. Максимова от 13 ноября 1930 года // РНБ. Ф. 1136. № 34. Л. 32.

1

Перцов — Розанову

<15 (28 марта) 1918 года;
дер. Масленицы Костромской губ.>

Чудак человек! Предлагает переписываться, а сам на 2 больших письма отделяется открыткой, да еще с «горшками»...

Толокно Вам послала не Зин<овье>ва¹ (та перевела 3-50 — дошло ли?), а Ек<а-терина> Никандр<овна> Соколова, владелица фирмы (см. коробку),² к<ото>рой я рассказал о Ваших монетах.³ Нестеров и С⁹ хотели устроить Вам сотрудничество в «Утре Росс<ии>» — удалось ли?⁴ И еще что-то...

Вася! Не разбалтывай чужие секреты! (о Флор<енском>).⁵ Хорошо, что я — молчок, к<ак> всегда...

М<ария> П<авловна> кланяется.⁶ Ну какая же она «у колонны стоящая»? Ничего подходящего. Привет всем Вашим!⁷

ПП.

1918; III, 15 (28).

На почтовой открытке: «г. Сергиев Посад / Московской губернии / Краснокувка-полевая улица; / д. свящ<енника> Беляева / Е<го> В<ысоко>Б<лагородию> Вас. Вас. *Розанову*».

¹ Анна Зиновьевна Зиновьева — костромская знакомая жены Перцова.

² Екатерина Никандровна Соколова — жена «толокняного короля», купца 2-й гильдии И. В. Соколова. На Соколовском заводе в деревне Иконниково под Костромой производили толокно, которое славилось не только в России, но и в Европе. Деревня Масленицы, где жил Перцов, соседствовала с деревней Иконниково. Перцовы поддерживали с Соколовыми дружественные отношения еще с дореволюционной поры.

³ Вероятно, речь идет о золотых древних монетах, составлявших часть коллекции монет Розанова и утраченных им в 1918 году. Коллекция была отдана в Петрограде в 1917 году на хранение в Государственный банк. Три самых любимых монеты Розанов оставил у себя. Его дочь Татьяна вспоминала: «Потерял он эти золотые монеты, когда ездил в Москву и на вокзале заснул; предполагали, что у него вытащили их из кармана, а возможно он их и потерял» (*Розанова Т. В.* «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М., 1999. С. 90).

⁴ Московская газета «Утро России» за контрреволюционную пропаганду была закрыта в апреле 1918 года.

⁵ Дом для Розанова в Сергиевом Посаде подыскал о. Павел Флоренский. Он писал Розанову: «Имеется великолепный (по Посаду) дом преп. Беляева с удобствами. Советую не упускать его, ибо в Посаде квартир *даже* неудобных *нет*. Ц. 60–70 р. Это *очень дешево*, ибо 1 комната тут теперь около 40 р. <...> Относительно провизии неважно, но лучше чем в Москве, и значит, гораздо лучше, чем в Петрограде. Пока что хлеб белый и черный дается, и сейчас — хороший. <...> Дом Беляева удобен тем, что там вся обстановка, кровати, даже посуда и утварь. Подушки Вам хотят дать Александровы. Если приезжаете, то приезжайте скорее, временно предлагают устроиться у них Александровы. Привозите свой архив, монеты, вообще все ценное, ибо я сильно опасуюсь, что в Петроград уже более Вам не попасть» (Письмо П. А. Флоренского к Розанову от 13 августа 1918 года // Розанов В. В. Литературные изгнанники: Книга вторая. М.; СПб., 2010. С. 193 (Собр. соч. [Т. 29])).

⁶ Перцова Мария Павловна (урожд. Бунина; 1872 или 1873 — после 1949) — гражданская жена Перцова с 1908 года.

⁷ Вместе с родителями в Сергиевом Посаде поначалу жили дочери Татьяна, Надежда, Варвара и сын Василий.

2

Розанов — Перцову

<не позднее 20 марта (2 апреля) 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Накопился, дорогой и милый Петр Петрович, — опять *мой*, опять *наш* и *славный*, даже, пожалуй, — *опять Мережковского* — такой большой ящик «дум», «впечатлений», пережитого и перебытого, что не знаю, бросить ли его под стол, или отослать «в Кострому, ящик № 30». И, прежде всего, я вот только что окончил последний заключительный § «Апокалипсиса», где не столько рассуждаю, сколько рассказываю, что если и не случится, что я перейду в Еврейство,¹ то лишь по лености одеть туфли: но что на самом-то деле я всегда был — неисповедимым распределением Судеб, — всегда евреем, хотя ни единой капли еврейской во мне и нет: молился Богу евреев, всего ждал от Бога евреев, всегда *главное* Его Одного любил. Ну, что мне Христос? Совершенно *чужд*, и это просто по вере моей, которую Вы знаете. Вы знаете, да и от всего мира не скрыто, что верю я «в Бога Творца и Вседержителя» и что все эти религии Духа² мне совершенно *посторонни*, такую глубокою и странною посторонностью, как я и не знаю. Да и в сущности, кроме Дим<итрия> Серг<евича> и Зин<аиды> Ник<олаевны>, все мы *женатые* и семейные и любящие и чтущие своих «Маш» и «Варь» — имеем ли мы право хоть заикаться о Христе? «Не падайте на *два* колена». «Два колена» = «два Бога». Лишь ленивые семинары не умеют прочесть этот пробор: что, конечно есть *év*, есть «*óv*»,³ и что Он — не только ПЕРВЫЙ, но и ПОСЛЕДНИЙ. Только чепуха христианства могла танцевать <так!> около ДВУХ. Только лень и косность богословов, т. е. черной и глупой семинарщины.

Приходила ли Вам на ум странная и потрясающая мысль, что Христос *не умел молиться*, не знал самого *тона молитвы*, что он не взял ни свирели, ни гуслей в руки, и ни разу не сыграл вдохновенно молитвы. Как ее играл постоянно поистине «Отец наш» Давид — постоянно, *неудержимо*. Вот молитва — Псалом. Что же это за молитва: «отче наш». Это — не молитва, а гауп<т>вахта. Какая же тут молитва, если это «2 × 2 = 4», где ни недоумения, ни тоски, ни зова, просто — ничего. Молитва в Гефсимании. Но что такое 2-3 кислых воззвания: «Но не как я хочу, Отче, а как Ты хочешь».⁴ Как это всё — учебно, как это всё — трафаретно. Христос как будто хотел (*основывая религию — нельзя этого избежать*) научить людей молитве — и *не мог* и *не смог*. Он всё рассказывал «притчи» «о сеятеле»,⁵ «о винограднике и виноградаре».⁶ Но *существенное*, но молитва? Чудес много, и опять-таки молитвы — ни одной. Молитвы, как устремления *души к Богу*. Душа Христа никогда не была устремлена к Богу, а только к Себе? «За кого вы Меня принимаете?» «А за кого люди Меня принимают?»⁷ Какие странные, какие дикие вопросы. Какие *не священны*, какие *по содержанию* — пустые.

Христос не был религиозен, не был очень религиозным лицом: а потрясал ли? Искал «от Писания» доказательств «сходства» или «единства» Себя с «обещанным Мессией». Да это «Розыск о Брынской вере» Димитрия Ростовского.⁸ Как же «Бог» может «так» поступать? Какой же «Бог» ищет «доказательств» Себя. Вы помните и все знают Синай — «Вот как Бог говорил».⁹ И «говорил Иову — в буре».¹⁰ И «творил мир — в Бытии». И всё в последний раз сказал — в Апокалипсисе. И — замолк: предоставив дело — судьбе. И вот — «Судьба Христа» и Его «тысячелетнего царства», по-видимому, хочет закончиться. Просто — ничего нет и, по-видимому, даже не было. Таинственная роль Христа заключалась в «привести людей к безбожию». Но —

не удалось. Пришел Розанов, всею душою любивший всегда Бога, и напомнил им о Боге. Работа началась. В безбожии-то Спасителя — всё и дело.

Дело в провале с началом христианства самой идеи, самого чувства Бога. Самой совести — Бога. Отсюда полез необозримый обряд, как попытка заменить Бога, «религиозные тайны», «религиозная политика», как не попытка же и попытка заменить хоть чем религию. Христианство есть попытка какой-то Тени Бога, какого-то «наизнанку Бога» заменить молитву как сущность обращения души к Богу, ну — миссионерством. («Деяния Апостолов»¹¹): а au fond:¹² злоба, ненавидения людей друг к другу, и разделение церквей;¹³ коему, конечно, никогда конца не наступит. Все — Дух тьмы, из Духа тьмы... Господи, до чего очевидно. До чего *не религиозны* Апостолы: ни один Богу не помолится, столько пропутешествовав, когда Иона, даже попав в чрево кита, уж «воззвал».¹⁴ Вот чего не замечено в Евангелии, что это есть религиозно-тупая книга, совершенно лишенная религиозного света.¹⁵ И вот — богословие: где уже совершенно нет молитвы. Христос, собственно, основал богословие. Это — так. Но еще вопрос: не есть ли богословие извращенная молитва, молитва «на выворот», спина молитвы, а — не лицо ее. «Лица»-то, вообще даже лица человеческого — в богословии и нет.

Поцелуйте милую, прекрасную Машу за меня. Эх, мы — женатые — ей-ей лучше. «Женатые по Ветхому Завету».

Так вот, мой милый и дорогой: Заветов, конечно, может быть *только один*. Ни — три, ни — два, а только — один. А как, «с чего *всё началось*», уже конечно — «то», от — Авраама и Моисея — то выбирать — просто не приходится, нет — самого выбора, ибо если «то рушится» или «рушилось бы», то конечно — и *это* рушится. Словом: если Евангелие и рушится, то Моисей и Авраам *еще останутся*; но если Моисей и Авраам, то ни их, ни Христа и христианства *уже не останется*. Как же и откуда выбирать? Выбора нет. Есть: «бери», есть «*приказание: бери*».

Это — так ясно. И я — решил. По лени, по старости — м<ожет> б<ыть> — не сделаю. Но душою давно сделан выбор. Собственно — с тех пор, как я *начал* писать о браке.¹⁶ «Д — brrrak!». Насмешливо писал мне в письмах Рцы.¹⁷ Он же тогда уж мне заметил устно: «Точно будто, когда Вас крестили, — то крещение *не подействовало*». Действительно — не подействовало: и это явно выразилось в том факте, что во мне так развился и развился фаллический культ, или то необозримое/неизъяснимое, что в нем содержится.

Я наконец счастлив: Елов¹⁸ и в Москве Леман¹⁹ берутся издавать меня, и уже Александрову я заплатил *сто* руб.,²⁰ и Елову из аванса тоже сто пятьдесят рублей уплатил же. Это — продав «Русскую Церковь» и «Место христианства в истории».²¹ А ведь это — прямо «тысячная долька» моих писаний. Только все-таки толочка нужна.²² Это — *лечение* Вари.²³

В. Розанов.

Датируется по карандашной помете Перцова о получении письма: «1918 20/III (2/IV)». На письме помета Перцова: «о своем *еврействе*».

¹ См. вступ. статью, с. 115.

² Имеются в виду концепции Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус о Третьем Завете, Царстве Духа, которое откроется человечеству в будущем. См.: Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус) // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; № 4. С. 166–194.

³ «есть», «Сущий» (*греч.*)

⁴ Имеется в виду молитва Иисуса Христа в Гефсиманском саду об отвращении от Него чаши страданий. Неточно цитируются слова Христа (Мф. 26: 39).

⁵ Одна из притч Христа, рассказанная тремя евангелистами, о семенах, брошенных в землю. Одни семена принесли плоды, а другие погибли (Мф. 13: 3–8).

⁶ Притча Христа о хозяине, который отдал свой виноградник в управление людям. Когда пришло время собирать плоды, то хозяин отправил к виноградарям слуг, потом сына — все они были убиты злыми виноградарями (Мф. 21: 33–41).

⁷ Неточно цитируются слова Иисуса Христа, обращенные к своим ученикам (Мф. 16: 13, 15).

⁸ Речь идет о книге Димитрия Ростовского «Розыск о Раскольнической Брынской Вере, о Учении их, о Делах их и изъявление, яко Вера их неправя, Учение их душевредно, и Дела их не

Богоугодна», обращенной против идеологии раскольников (первое изд.: М., 1745). Автор задавал вопрос о правоте веры раскольников и доказывал, что у старообрядцев нет истинной веры, учение их еретично.

⁹ По библейскому преданию, в Египте на горе Синай Бог дал Моисею 10 заповедей (Исх. 20: 1).

¹⁰ Иов 38: 1.

¹¹ Основная тема «Деяний святых апостолов» — развитие христианства после воскресения Иисуса Христа.

¹² в сущности, в основе; *здесь*: в результате (*фр.*).

¹³ Имеется в виду церковный раскол 1054 года, когда произошло разделение церкви на Римско-католическую на Западе с центром в Риме и православную на Востоке с центром в Константинополе.

¹⁴ Библейская история о наказанном Богом за непослушание пророке Ионе, проглоченном китом (Иона 2: 1–11).

¹⁵ Розанов развивает идеи, высказанные в «Апокалипсисе нашего времени»: «Поразительно, что совершенно никем в мире не было замечено, что книга Евангелий не только не есть книга любви, но есть книга до того глубокого ненавидения <...>» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 120); «Почему-то таинственно и неисповедимо людям никогда не пришло на ум, что Евангелие есть религиозно-холодная книга, чтобы не сказать — религиозно-равнодушная» (Там же. С. 45); «Евангелие не только не имеет ничего общего с Библией, но представляет до такой степени разрушение всей Библии, ее духа, ее вдохновения, ее „пророчеств“, ее ВСЕГО СМЫСЛА <...> Нужно никогда не раскрывать Библии: или уж если раз раскрыта Библия — никогда не нужно читать Евангелия... Никогда, никогда, никогда» (Там же. С. 147; запись 18 июня 1918 года).

¹⁶ Центральной темой творчества Розанова был брак, который имел исток в Ветхом Завете и языческих религиях плоти вне христианства.

¹⁷ Речь идет о письме Рцы (псевд. И. Ф. Романова) к Розанову от 16 мая 1900 года: «...я глух к Вашему лейт-мотиву. С'est du bras, encore du brrrrack!!!» (1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Подг. изд. А. П. Дмитриева и Д. Федорова. СПб., 2014. С. 87; впервые: Федякин С. Р. Вокруг Розанова: Рцы // Литературная учеба. 2000. № 4. С. 106–179).

¹⁸ Елов Михаил Савельевич (1862–?) — книготорговец в Сергиевом Посаде. Магазин Елова существовал с 1899 года и располагался около Троице-Сергиевской лавры на Красногорской площади. Здесь продавались выпуски «Апокалипсиса нашего времени».

¹⁹ Леман Георгий Адольфович (1887–1968) — издатель, переводчик. В письме, написанном на рекламном бланке «Издания Г. А. Лемана и С. И. Сахарова», «нижеподписавшийся, коллежский советник и литератор Василий Васильевич Розанов», предлагал приобрести право напечатания на выбор издателя для серии «Литературные изгнанники» писем к нему К. Н. Леонтьева, И. Ф. Романова (Рцы), С. А. Рачинского, Ф. Э. Шперка и др. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 40. Л. 1). Леман согласился. В августе 1918 года Розанов просил о выплате гонорара: «Простите, что в этот страшный год, незабываемый год, когда стонет и истязуется всякая тварь, от лошадей, которые тоже, кажется, „пошли — в пищу“, и до человека, который „лошадиной убою“ питается, я еще раз прошу Вашего внимания. Очень трудно именно в начале месяца мне: и прошу Вас высылать мне 200 руб. не в последних числах месяца, а — в первых. Напр<им>ер, > от 5-го до 12. Т. е. теперь за август, теперь же выслать. Нельзя ли бы было Вам предложить к напечатанию 3-й том моих „Опавших листьев“: они, как и „Уединенное“, разошедшееся в один год (2800 экз<ем>пляров>), расходились быстро, — и мне передали слух: в Петрограде за держанный экземпляр платят уже 25 р.» (Там же. № 278. Л. 1). Однако в 1918 году издание не состоялось. Позже Леман организовал кружок по изучению творчества Розанова, за что и был в 1926 году арестован. См. прим. 34 к вступ. статье.

²⁰ Речь идет о возврате долга журналисту Анатолию Александровичу Александрову (1861–1930), одному из инициаторов переезда Розанова в Сергиев Посад. По воспоминаниям дочери Розанова Татьяны, он дал займы Розанову 200 руб., чтобы Татьяна смогла осенью 1918 года перевезти оставшееся в Петрограде имущество: книги, рукописи отца (Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»... С. 81). Александров вместе с женой Евдокией Тарасовой жил в Сергиевом Посаде неподалеку от Розанова на Бульварной ул., д. 13.

²¹ Розанов обращался с заявлением в книжный магазин Товарищества А. С. Суворина «Новое время» с просьбой произвести годовой расчет за проданные книги и выдать М. С. Елову для передачи Розанову 200 экземпляров брошюры «Русская церковь и другие статьи» (СПб., 1909) (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 38. Л. 1 об.).

²² См. прим. 2 к п. 1.

²³ Жена Розанова — Варвара Дмитриевна Бутягина (урожд. Руднева; 1864–1923), была парализована с 1910 года.

3

Перцов — Розанову

<28 марта (10 апреля) 1918 года;
дер. Масленицы Костромской губ.>

1918 28 III

Друг мой!

Вы — какой-то *Чичиков в религии*.

«Благополучия живота нашего надежде нам ныне и присно, и во имя веков».

Припев: «Аллилуйя! Живота нашего, живота! Аллилуйя!» (трижды).

Это — «впечатление от 4-го выпуска».¹ Addio.

П. П.

¹ Имеется в виду четвертый выпуск «Апокалипсиса нашего времени» (Сергиев Посад, 1918). С середины ноября 1917 года по 2 сентября 1918 года вышло десять выпусков «Апокалипсиса...».

4

Розанов — Перцову

<не позднее 6 (19) апреля 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Вот что, милый Друг! Сообщите мне *спешно* для посылки *денежного перевода* или *свой адрес*, или адрес г<оспо>жи Соколовой.¹ Я переведу ей 30 рублей, с просьбою выслать толокна на эту сумму. Мы (последняя коробка на доньшке) очень разрешили употребление его и у Варв<ары> Дим<итриевны> с почками опять не ладно, хотя и не так угрожающе. В *Посаде никогда его нет*, очевидно — и в России его «почти нет»: наверно у г<оспож>и Соколовой «запасено про себя». Пусть будет благодетельница, поделится для больной. Кроме того через «Апокал<ипсис>» я непременно сделаю ей, и *не в благодарность вовсе*, а по самому делу и по нужде России, самую чудную рекламу.²

В. Розанов

На почтовой карточке: «В Кострому / Почтовая контора / Ящик № 30 / Его В<ысокоблагородно> / Петру Петровичу Перцову». Датируется по карандашной помете Перцова на письме: «1918 6/IV». Ответ на п. 1.

¹ См. прим. 2 к п. 1.

² Розанов был настолько обрадован подарком, что писал 26 августа 1918 года Э. Ф. Голлербаху: «И вот — женщина. Не знаемая, из родной Костромы <...> И прислала 6 фунтов чистейшего толокна, сухого, здорового: по 3 чайных ложки на стакан горячего молока. И верю я, выйдет через два месяца, и она еще придет. <...> Спасибо, дорогая, милая, незабвенная. <...> Думал поместить в Апокал<ипсис>» (Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004. С. 365–366 (Собр. соч. [Т. 17])). Ср. фрагмент текста, опубликованный в 2000 году: «Соколова с толокном. Так помогает от почек и утомленного сердца (жена). О, други мои. Спасибо» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 192).

5

Перцов — Розанову

<9 (22) апреля 1918 года;
дер. Масленицы Костромской губ.)

1918 (22) 9/IV

Милый мой антихрист! О толокне Вам напишет Маша.¹ Его мало или даже вовсе нет. Всё стоит теперь весьма дорого: 5 р. фунт + еще пересылка. На 30 руб. получите

(если получите), должно быть, фунтов 5 — не больше. Оно есть в Москве во многих «колониальных» — кажется, тоже 5 р. Чуть ли его и совсем не перестанут делать — благодаря все тем же всеобщим «грабизациям».² Адрес же Соколовых — *тот же, что наш: ящик 30, Ив<ану> Вас<ильевичу> С<около>ву*.³ — Ну, addio! Не сердитесь за «Чичикова». Но это правда: какая же у Вас «религия»? Религия всегда (и в иудаизме) есть некое «au delà»,⁴ а у Вас благоутробие живота моего. И только.

П. П.

На почтовой открытке: «г. Сергиев Посад, / Московской губернии / Красюковка-полевая улица; / д. свящ<енника> Беляева / Е<го> В<ысоко>Б<лагородию> Вас. Вас. Розанову». Ответ на п. 4.

¹ М. П. Перцова.

² «Грабизация» — неологизм, образованный из слов «грабить» и «реквизиция» (официальное обозначение большевистских грабежей). После 1917 года все имущество купцов Соколовых — завод по производству толочка, маслобойня, лесопилка — было национализировано.

³ См. прим. 3 к п. 1.

⁴ потустороннее, загробное (фр.)

6

Перцов — Розанову

<12 (25) августа 1918 года; Москва>

Москва

1918 12/VIII

Дядя Вася! Я в Москве; хорошо бы повидаться, перекинуться словечками. Мы хоть и ругаемся, но в глубине души...

Приехать к Вам в Лавру? Но какие поезда? Есть ли возможность обернуться в один день? А если невозможность, то есть ли где переночевать там?

И есть ли где и чем *питаться*? Столовая и т. п.?

Черкните *мне* по адресу: Москва, Землянка, Тетеринский пер., 9; кв. 11; или Большая Молчановка, 23; кв. 25.

По первому адресу живу я сам; по второму живут мои вещи. Из первого места я хожу во второе и эти вещи распродаю. В этом заключается цель моего московского пребывания.

Я проживу здесь еще дней до 10.

Вчера видел Нестерова.¹ Ух, как зол!

Как здоровье Варв<ары> Дмитр<иевны> и всех Ваших? Маша в деревне.²

Опять у Вас судьбины какие-то? Это всё Карташов <так!> мутит — несостоявшийся министр.³ Один из Кречинских, у которых «сорвалось»!⁴ Никогда я не симпатизировал этому мистическому карьеристу.

Ваш П. Перцов

¹ Оба, и Перцов, и Розанов, были дружны с художником М. В. Нестеровым. Приезжая в Москву, Розанов останавливался у Нестерова, семья которого осенью 1917 года, чтобы «подкормиться», уехала в Армавир: «...М. В. Нестеров, у которого я ночевал ночь, попрощавшись со мною рано вечером, поспешно лег спать, так как обязан был от 3-х ночи до 6-ти, выйдя на мороз, дежурить на дворе, Новинский бульвар, дом 101 князя Щербатова. Привожу адреса, чтобы не показаться неточным <...> М. В. Нестеров должен сторожить улицу. Ему 50 лет, и он умеет водить только кистью. Все рисовал „Св. Русь“ и „Отрока Варфоломея“» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 123–124). В 1918 году Нестеров уехал к семье в Армавир и вернулся в Москву в 1920 году. Сохранилась рукопись Перцова «История русской живописи» с главой XX «Нестеров». См.: Давыдова Г. В., Едошина И. А. Неизданная работа П. П. Перцова // С. Н. Дурьлин и его время / Сост. и ред. А. Резниченко. М., 2010. Кн. 1. С. 361–415 (сер. «Исследования по истории русской мысли»).

² М. П. Перцова находилась в деревне Масленицы.

³ Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) — председатель Петербургского Религиозно-философского общества с 1909 года, один из активных инициаторов исключения Розанова из Общества (его письма к Розанову 1913–1914 годов см.: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 22). Перцов дал ему следующую характеристику: «Карт<ашев> — умен, блестящий оратор и большой хитрец (сейчас заметная фигура в эмиграции)» (РНБ. Ф. 1136. № 34. Л. 15). Во Временном правительстве занимал пост министра исповеданий. После большевистского переворота 25 октября 1917 года был арестован. 26 января 1918 года, когда Поместный Собор, избравший его членом Высшего Церковного Совета, возобновил работу второй сессии, был временно освобожден. Возможно, в письме речь идет о дошедших до Перцова и Розанова слухах об организации Карташевым «Братства Святой Софии», которое должно было объединить православную интеллигенцию. Истоки Братства восходили к Петрограду. Летом 1918 года, когда Карташев оказался в Москве, он ездил в Сергиев Посад и встречался с о. Павлом Флоренским.

⁴ Намек на персонажа Кречинского в пьесе А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854), вынужденного бежать из Москвы, и на его реплику «Сорвалось!» в финале пьесы.

7

Розанов — Перцову

<после 12 (25) августа 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Дорогой и милый П<етр> П<етрович>, я получил от Вас 2 оч<ень> грубых письма, «Чичиков» и карандашом: и т<ак> к<ак> вижу, что настал «кризис» нашей дружбы, то хочу Вам сказать «на прощанье» или (лучше бы) *не* на прощанье, что вся та великая и прекрасная дружба, какая нас связывала без малого 20 лет, остается во мне, что я никогда не забуду «того Петю Перцова», который приехал ко мне на Павловскую знакомиться,¹ и всю ту бесчисленную помощь «делом, словом и помышлением» (а ведь «дела»-то всегда вытекают, конечно, из *помышления*),² какую видел и наконец какую испытал, т. е. вобрал плоды ее в себя, спасся. После Саввушки Эфрона,³ — тоже милого и незабвенного, Вы — пришли ко мне *вторым*. Вы, тогдашний! декадент, пожалуй — декадент «под Мережковским». Если, пожалуй, взять еще Фёдорова из «Торг<ово->пром<ышленной>»⁴ — то вот и *все*. На этой «ужасной Павловской, д. 2 Ефимова», я жил под двумя славянофилами, Афонасьюшко <так!> Васильев,⁵ генерал-контролер Госуд<арственного> Контроля, ходивший в армячке и в мурмолке, сочинявший стихи и прозу в память Хомякова и издававший «Благовест» «для пользы службы», т. е. писавший в нем дифирамбы Филиппову⁶ и инвективы против врага и гонителя Тертия, Витте.⁷ Второй был гениальный тунейдец Рцы.⁸ Еще третий жил где-то на Зверинской улице, против Зоологического сада, «жених своей невесты», Шаррапка:⁹ *gamain*,¹⁰ озорник, но — милый в общем человек. С Рцы я был в переписке из Белого, очень интересной и очень идейной, и Рцы именно и пригласил меня из Белого, «остановиться *тут*, в славянофильском гнезде». ¹¹ Я был какая-то «начинающая знаменитость из провинции», и вот, после «нехорошей встречи» с Тертием (сразу оба не понравились друг другу, необъяснимо и почему)¹² началось «спускание меня по государственной службе», где кусательную сторону составляло, конечно, жалованье: после 150 р. в Белом, где я за квартиру в 8 комнат платил 25 р., я получил «прикомандированный к Афоньке» — 100 р., с квартирой в 37 р. из 4-х комнатушек «во двор». Ну, а провизия — уже не как в Белом, где пара «рябцов» (рябчики) неизменно стоила 30 коп., т. е. 15 к. рябчик, и говядина — 10 к. «черкасская», и молоко — латышка Штэкмо носила — почти даром. А жалованье убавилось на 50 р. И вот я помню ужасы почти хохота внутреннего надо мною как «знаменитостью будущей в литературе» — этих Афоньки (в *основе* же Филиппова, конечно, страшно честолюбивого и «притязавшего» на литературность «академика»), и Рцы (да! да! хотя — «друг», но — неудачный в литературе «друг», и Шаррапки, коего в журналах вообще нигде не пускали за необразованность, легкомыслие и вообще его шалопайность, хотя очень милую). Тут еще приехал, недели через 4 позднее меня, Н. П. Аксаков, с бородою, медленно и важно «вещавший», и который — как я сразу не понравился Филиппову — так сразу же

и тоже необъяснимо, понравившийся Филиппову («Главное наше всеобщее начальство»). Аксакову сразу назначили 3. 000 в год, т. е. 250 в месяц, хотя он вовсе нигде дотоле не служил и кончил курс в Гейдельберге, без русского воспитания и вообще без русской школы,¹³ — и *всякой*. Но они все, Третий, Аксаков, Афонасий (тоже длинная борода) — были тусклы, скучны, невыносимы и неудачны в литературе: и это их как-то «связывало» и объединяло, внутренне дружило и «сердце сердцу весть подавало».¹⁴ И вот — славянофилы. Захлебываются Хомяковым, И. С. Аксаковым и «всеми Аксаковыми, сколько их ни писало»,¹⁵ Самаринскими и тоже «сколько их ни писало»:¹⁶ и с какою-то адской злобой, ненужно (им) и беспричинно, без вызова с его стороны (так, «молчу») — прямо ненавидят одного только Розанова и по той причине, что (кроме одного Рцы) он скучает с ними и «речь не плетется». Но я бы пожелал видеть человека, у которого «плелась бы речь» с Афонасием.¹⁷

Ужасы, *много лет*, которых описывать не стоит. И вот — приезжает П. П. П<ерцов>;¹⁸ да, раньше его — Эфрон — тоже ведь «неудачник», и «гибнущий»: и сразу с взлета, помог мне, устроив сотрудничество в «Свете» Комарова¹⁹ с ежемесячным жалованием 100 р.

Спасен!!

Розанов — спасен.

Я даже и *не просил его* (не догадался), он же — только раз попил у меня чайку на Павловской. Милый Саввушка, милый Саввушка, ненаглядный, прекрасный. Я всегда ему мысленно целую руки, неумытые, неуклюжие, и так он был вообще жидёнок, смешной, наивный, чуть-чуть хвастунишечко, с претензиями на важничанье. Тут-то я впервые рассмотрел евреев, насколько в них много ясности, доброты и благородства, — вопреки подлой косности и высокомерия и зависти русской или вообще христианской. Какой ум у Рцы, гений, и что такое «ум Ефрона» против *его* ума воистину Тютчевского.

«Я — жидочек бедный,
Маленький, смиренный.

Но за то моя душа
Як червонец хороша».

Да: и Во-Истину хороша. И я не только руки, но и ноги целую этим «жидкам из гетто» с их цимбалами, с их музыкой, с *их музыкальной душой*, за которую, за музыкальную душу, несомненно и выбрал Бог себе «в завет Авраама». Тайна жида — вовсе не в уме (они не очень умны), даже — не в деятельности, деятельном характере. Их глубокая тайна лежит в особом говоре сердца, «от души к душе», без посредства, почти без звуков, без слов; и — в неизъяснимом благородстве, почти не выговариваемом, и которому нельзя «произвести арифметического расчета». Только болваны — всемирные историки не догадываются, что без «жидка» гаснет всемирная история, что сразу и все Капитолии и даже Парфеноны гаснут без «Псалтири», без «Песни песней», и вообще

БЕЗ БИБЛИИ.

«Нет Библии» — и «не нужна всемирная история».

Вот *этого-то* историки и не сообразили. *Сердце* всемирной истории; ее неизъяснимое тепло, ее даже неизъяснимая *горячность* и есть Библия, «Иов», «Руфь», «Псалтирь» — около чего все Парфеноны и Капитолии — всего квартира, и при том — нетопленая, а только «с картинами повешенными», и шторами, и там «лепка» по стенам в сущности *нежилой* комнаты. Странный нежилой вкус во всемирной истории; точно это манекеныдвигающиеся, все эти Сципионы,²⁰ точно — из крахмала и алебастра. Голоса не слышишь: все Демосфены и тем паче Цицероны около пророков обращаются в безголосых. И это — не только Исаия, но и «из малых», Иоиль и прочее. Но оставим — никогда не кончу. Да, вот в чем дело: я не переносу нисколько «впечатлений Библии» на современного жидка, напротив совершенно именно из «современного жидка», глушенького и наивного, но чистосердечного (в *этом* всё дело) я впервые

и разгадал: да в чем же тайна очарования Библии. Тайна: около Библии все книги кажутся ложью. Просто — ненужное, пустое и не то чтобы объективно ложное, но в смысле вот «раскрытого сердца» они, конечно, суть все пустые. Не умею, не могу высказать. Брожу: и вот приходит задумчивый Перцов. «О чем думаешь, человек?» Моргает. «Да кто ты?». Тоже моргает, смотрит вдумчиво — любяще, и отвечает: «а (глухота) — я декадент». О декадентах Пав<ел> Ал<ександрович> Флорен<кий> впервые сообщил мне и «с ног сшибательную» <так!> вещь, которая и в голову ни мне и никому в мире не приходила, что когда впервые стали попадаться на глаза ему декадентские «странности», то он будущему епископу Евдокиму, а тогда ректору Дух<овной> Моск<овской> Академ<ии> и редактору «Богосл<овского> вестн<ика>»²¹ читал их элементарности и бессмысленности и *сравнивал* их с продуктами раннего христианства, египетского отшельничества и прочее, говоря: «*Ведь это по стилию души — одно и то же*», то ректор был изумлен и сказал: «Конечно, это — один строй и музыка души». А, батенька? И вот, входят ко мне П. П. П<ерцов> «и прочие», и я (сам декадент, конечно) — узнаю «родные души», узнаю — безгласно, без говора, без доказательств.²² И хотя мы с «Дм<итрием> Сер<геевичем>»²³ — рассорились, но в сущности-то ведь мы — одно и то же. Флор<енский>, конечно, тоже декадент и слишком декадент. Он как-то сказал мне (тоже — удивительно!): «Я не считаю себя ни умным, ни замечательным человеком (мои частые и в глаза суждения о нем, раз при С. Н. Булгакове: я его сравнивал с Паскалем, *на которого он поразительно, до индивидуальности похож лицом!*²⁴), но новым человеком — считаю». Вы помните:

«Мы для новой красоты
Преступаем все законы
Переходим все черты».²⁵

Дело и историческая тайна заключается в том, что «после позитивизма [и реализма]²⁶ наступила, по закону прямого перелома, эпоха декадентства, во-истину без пророков и без гадательных птиц; прямо — как повернулось колесо истории — и «букашки на верхнем ободке колеса» очутились «головами книзу и *под* ободком», а «кверху поднялись совершенно другие». «За одну ночь вырос целый огород исторический». Не чудо ли? Да не сказать ли: это — Бог. «Где Чернышевский, где Добролюбов с Писаревым?» — «Прошли яко тени». «И Господь, вызвав новые души к существованию, — с позволения сказать взял да и убежал». «Разделяйтесь с ними, как знаете». Учителем был Писарев: а слушателем его — Мережковский; некто А. Ю. Кайзер²⁷ мне сообщил поразительную вещь: от какой-то Пименовой,²⁸ сотрудницы «Русс<кого> богатства» и личного друга семьи Михайловского он узнал, будто сын Михайловского, Марк,²⁹ естественник и талант, «наследие папаши», очень интересовался мною к<а>к писателем и всё «жалел» или «высказывался», что «не может» или «трудно» познакомиться со мною (В. В. Р<озановым>). Кажется, даже лично он говорил ему это после «†» Мих<айловского>, и я сказал ему «Ну, это поздно». Когда был жив Н. К. М<ихайловский> — я бы *пошел к нему, а теперь* — что же? Вообще перешло в многоочие и тусклость по нашему русскому обычаю. Вскоре, кажется, и Марк умер. Вообще — не помню. Это уже было лет 8 назад, но вообще-то: вывод тот, что «Михайловский учил», а сын его *уже был декадент*, как я, как Вы, как Флор<енский>. Еще из предсказаний Флор<енского>: «Я ожидаю, что в самом непродолжительном времени наступят величайшие перемены в душе человеческой, и, м<ожет> б<ыть>, в самой природе и организации человеческой». Еще спустя: «М<ожет> б<ыть> начнут рождаться люди, которые не будут просто *есть*». А, что Вы скажете? И еще, еще: «Слова Ницше о сверх-человеке — суть главные в его учении». Но Ницше был глубоко благородный человек и не имел в виду тех пошлостей, какие связывались с его Сверх-человеком. Он высказал свое *предчувствие* о появлении в ближайшей истории именно новых организаций человеческого типа, новых species'ов,³⁰ почти с органическим изменением, да и прямо и с органическим. Сперва он очень противился изданию моего «Апокал<ипсиса>», но хотя я и не говорю с ним ничего о моей книжонке, он — по общему

тону его отношения ко мне [это всегда чувствуется] не враждебен этому изданию, по страстному ненавидению им всей нашей культуры, т. е. европейской культуры, западной, с атеизмом, с демонизмом, с пакоствичеством и с пакоствью, вроде революции, вроде и в духе парламентов etc. Нужно заметить, мой «Апок<алипсис>» не имеет такого дурного характера, как о нем думают. Я нисколько не «против Хри<с>та», а вот моя мысль: «Не *происходит* ли поразительный атеизм Европы, поразительная утрата чувства Бога в христианстве, у христиан, именно от того, что они суть христиане, а не просто «божники», «Божьи люди» etc.; от мотива, что этот атеизм и не феноменален, а эссенциален, «в существе дела зарыт», «в зерне христианства скрыт», и, как я думаю или вот в Посаде особенно начал думать, что атеизм этот и идет от таинственной без'зёрности Христа, что Христос в сущности не имел фалла, был лишен фалла, что он был «в половой организации ни то ни сё», «Бог знает — что». Ну, ладно. Устал, 2-й час ночи. Я думаю, что если Вы дочитаете 50-й, 60-й выпуски «Апок<алипсиса>», и Вы скажете относительно Христа: «Да, что-то не ладное с Ним». «Кто он был в сущности — *мы не знаем*». Меня давно начало поражать, еще со времен службы в Контроле, отчего у христиан, у одних христиан — младенцы новорожденные умерщвляются так легко? Мне это кажется самым демоническим, типично демоническим. Мне кажется, мать, умерщвляющая своего новорожденного младенца, ну, пусть от стыда или чего угодно умерщвляющая, сама, конечно, не есть демон, но я не могу удержаться от мысли, что она «играет какую-то роль», последнюю и очень жалкую роль — в типически «демоническом комплексе явлений». И вот тут моя мысль кидается к безбрачию католического духовенства, к Григорию Гильдебрандту [«святой демон»]³¹ как звали его *современники*, очевидно *не без* личного впечатления] [что-то такое было в великом папе] и «репка за репку» — в последнем анализе — в бес'фалличности Христа и след<овательно> в бес'семенности Его, Сударь-Батюшки, зачатий]. Вот видите, как я пришел к мысли «Апокал<ипсиса>».³² У меня это не φαίνομένον,³³ а — суть. Вся жизнь моя в сущности положена на это. «Что такое?», «Как?», «Почему?». У Канта: «Как могут происходить синтетические суждения а'priori»,³⁴ у Ньютона: «Как могут *падать* яблоки?». У Р<озано>ва: «Как<им> образ<ом> в религии благости», «не задувающей курящегося льна» и «не надламывающей треснувшей тростинки», могут младенцы умерщвляться в сущности и отдаленно по воле [мною так любимой] Церкви?» Вот. И что-то плохое мне начинает думаться о Христе. «Что-то *не тὸ*?» «Что-то не такой?». Что это учение о скопчестве — феноменально или *эссенциально*? «Так к слову пришлось», «по *случаю* разговоров с фарисеями о разводе, или — некая тайная мысль и выражение Его без'зёрной природы. Конечно, матерям страшно и больно умерщвлять рожденных ими же (ведь в душу их никто не заглядывал) и конечно же «Обществу до этого дела нет» и, след<овательно> (вывод), конечно, этого *требует* «приличие церкви». Теперь: Отчего это *приличие* требует не «по 10-ти раз в год рождать девкам», а совсем наоборот: глупое приличие, пустое, ничтожное, главное — никому не нужное — требует «ни разу — девкам — не рождать». Вопрос именно элементарный и Ньютонский, и именно: «Как могут быть синтетические суждения а'priori».

Бог Без'брачен.
Один христианский Бог.

Прочий же Бог сотворил мир.

Теперь:

Христос = Бог

или

Бог = Христос:

Этих = = (равенств) я никак не могу написать. И это-то именно и есть «источник синтетических суждений а'priori». Тут я не могу не сказать и того, что если «попам этого не нужно», «обществу — не нужно же», то след<овательно> нужно «только церкви Христовой», и именно потому, что она «не церковь вовсе», т. е. «религия вообще»,

а специально *как* Христовой Церкви. Но что же дальше? Значит это нужно Христу? Да. Почему? Беззёрен. Мы здесь восходим на головокружительные высоты: Христос есть Дух, solo — Дух, а Бог есть *только* бог <так!>, «наш Боженька», «сотворивший мир». Головокружительность заключается в том, что «есть два №№ Бога», «просто — Бог» и высший над Ним — Христос. Ведь страшно и исключительно, что в истории, конечно, не бог победил, наш «сотворивший Вселенную обыкновенный Бог», а победил и пришел в мир с уверенностью победы — Христос и Дух и Бог. Дело в том, что расслаивается самый мир на мирное и надмирное, Все-Ленское и Сверх-Вселенское, и Над' и Сверх' стало побеждать под' и Вниз'у. Что над Вселенною открылось еще что-то такое другое, Не — мир, — «Больше мира», «больше Бога». Ну — я не знаю: но явно — мир распадается, разлагается, и меняется. «Конец мира» и вот явно для Конца-то мира и пришел Христос. «Мужайтесь, ныне Я победил мир» (слова Христа). Это так страшно, так ново, это особая космогония Христа или точнее полная а' космичность Его, что мы можем только припомнить, что в предчувствиях всех народов и религий действительно полагается, что «миру должен быть конец», что «мир не совершен». Но так странно это «несовершен» и «конец» — что я честно кладу перо и иду спать: ибо уже совсем рассвело.

Бог для меня стоит где Бог. И я учу только, что Он побежден Христом. Кто же Христос? Дух а'рожденный, именно — «Пришедший», и именно Бес'семенный. Бес'семенно зачатый. Всё точка в точку по Евангелию. Но здесь или выбросить Евангелие и «по-прежнему зажечь», или «вовсе не жить», «оставаясь при Евангелии».

Просто — крест. Могила. Вечная ночь. Христос уносит нас в какую-то Вечную ночь, где мы будем «с Ним наедине». Но я просто пугаюсь, в смертельном ужасе, — говорю

— Я не хочу.

И прошусь «на прежнюю землю», «нашу». Тут не разгадано остается, что — такое в сущности «наша земля». По Христу, по-видимому, «преходящее», «тень». Многотность. Ну, не знаю. Если Христос открывает мир ноуменов, сверх'сущного, тогда Он и в праве «звать к Себе». М<ожет> б<ыть> в смерти — высшее счастье? В конце концов, самое-то страшное, что мы все действительно умираем, и не понимаем, «почему умираем», почему «индивидуальность не вечна? В конце концов, еще более страшное в том, что Бог нашего мира fall'ичен, конечно, Бог — и должен быть побежден. Но тут голова моя окончательно закруживается, а глаза слипаются от желания спать.

Я Вам еще (давно уже) написал письмо, но не послал. Прощайте, целую, люблю. *Все мы очень несчастны*, и Розановы, и Перцовы, счастлива только Верочка в монастыре,³⁵ шлющая нам чудные письма, и нас утешающая ими и подкармливающая. Она высылает большую помощь. Об «Апок<алипсисе>» она, конечно, не знает и незачем знать.

В. Р.

Ну, Бог с Вами. Видел доброе — увидишь и худое.³⁶

Датируется по содержанию. На автографе письма помета Перцова: «1919; VII *получено*». На машинописи также его пометы: «(напис. летом 1918 г.)»; «(№ 228 его письмо ко мне) *получено лишь в июле 1919 г. — после смерти В. В.*». Впервые опубли.: *Розанов В. Письма 1917–1919 годов / Вступ. статья Е. В. Ивановой; публ. и прим. Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 78–81.*

¹ По воспоминаниям Перцова, Розанов сам пришел знакомиться к нему в 1896 году на Пушкинскую улицу, в знаменитый в Петербурге дом «Пале-Рояль»: «Однажды утром ко мне постучались... Так как я начинал свое „утро“, по петербургским обычаям, к вечеру, то и не торопился открыть дверь. Незвестный посетитель ушел, ничего не добившись... Часа через два раздался снова стук. На этот раз я открыл, и в дверь просунулась сердитая физиономия господина средних лет, в очках, с рыжей редкой бородкой, с угрюмым и раздраженным видом. „Какой учитель!“ — было первое мое впечатление» (*Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове. С. 259.*)

² Имеется в виду издание Перцовым четырех сборников статей Розанова: «Сумерки просвещения» (СПб., 1899), «Религия и культура» (СПб., 1899), «Литературные очерки» (СПб., 1899), «Природа и история» (СПб., 1900).

³ Розанов познакомился с прозаиком и драматургом Савелием Константиновичем Эфроном (наст. имя и фам. Шеель Хаимович Ефрон; псевд. С. К. Литвин; 1849–1926), так же как и с Перцовым, осенью 1896 года. Эфрон, секретарь петербургской газеты «Свет», предложил Розанову сотрудничество. В 1896–1897 годах Розанов опубликовал в газете «Свет» 25 статей. «Добрый и благородный С. К. Эфрон <...>, так напрасно захаянный и затоптанный — литературно — евреями: ибо он есть одно из прекраснейших и чистейших еврейских сердец, — дитя еврейства, Вениамин еврейства» (*Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. С. 97).

⁴ Фёдоров Михаил Михайлович (1858–1949) — издатель «Торгово-промышленной газеты», выходившей в Петербурге. В 1899–1900 годах Розанов вел в газете еженедельное «Литературное приложение», а также печатал в приложении свои статьи.

⁵ Васильев Афанасий Васильевич (Афонька; 1851–1917) — публицист, поэт, в звании генерал-контролера возглавлял Департамент железнодорожной отчетности (1893–1897), начальник Розанова по службе в Государственном контроле. Жил в том же доме на Павловской ул., что и Розанов. Васильев был редактором духовного журнала «Благовест» (СПб., 1890–1894), последователем А. С. Хомякова, которому посвятил очерк (А. С. Хомяков. СПб., 1904). Публицистика Васильева была проникнута славянофильскими идеями.

⁶ Филиппов Третий Иванович (1825–1899) — публицист, видный церковный деятель, возглавлял Государственный контроль. С середины марта 1893 года Розанов, переехавший в Петербург, был зачислен в штат Государственного контроля.

⁷ Витте Сергей Юльевич (1849–1915), возглавлял Министерство финансов (1892–1903), способствовал притоку в Россию иностранных капиталов, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство. А. В. Васильев, противник Витте, выступал за огосударствление железных дорог.

⁸ Псевдоним Ивана Федоровича Романова (1857 или 1858–1913), публициста, прозаика, издателя, коллеги Розанова с 1893 года по службе в Государственном контроле, соседа по дому на Павловской улице. Темы, волновавшие Рцы, часто совпадали с розановскими, поэтому, как писал Перцов, его называли «маленький Розанов». Говоря о духовных движениях в России, Розанов всегда упоминал имя «Рцы». См. прим. 19 к п. 2.

⁹ Шарапов Сергей Федорович (1855–1911) — публицист славянофильского направления, издатель газет «Русское дело» (М., 1886–1910; издавалась с перерывами) и «Русский труд» (СПб., 1897–1899). С ним Розанов познакомился в марте 1893 года, как с членом кружка петербургских славянофилов. Осенью 1893 года Шарапов поселился на Александровском пр. (ныне пр. Добролюбова) на Петербургской стороне неподалеку от Розанова. Зверинская улица, упоминаемая по ошибке, находилась неподалеку. См.: Переписка В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893–1910) / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2008. № 4. С. 113.

¹⁰ Правильно: *gamín* — (уличный) мальчишка; сорванец (*фр.*).

¹¹ Переписка Розанова с Рцы началась после переезда Розанова из Ельца в августе 1891 года в уездный гор. Белый Смоленской губ. Письмо Рцы Розанову с приглашением остановиться на Павловской улице неизвестно. См. письма Рцы к Розанову: *Рцы* [И. Ф. Романов]. Плюсы жизни: В 2 т. / Подг. текста и комм. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб., 2016. Т. II. С. 389–557.

¹² Розанов так излагал историю первой неудачной роковой встречи с Т. И. Филипповым: «История с Филипповым разыгралась так: он передал мне через Аф. В. Васильева, что „жаждет“ меня (только что приехавшего в Петербург) увидеть; <...> я пошел в приемный день (среда) и когда форменный фрак <...> был готов. Бывают люди антипатичные видом, — и подозреваю, что я был таков на тот час <...> Как вдруг высокая дверь отворилась — и ко мне медленно и маленькими, усталыми шажками стал подходить человек невероятно большого объема. Подняв глаза, я уже знал, что это Филиппов. Вид его был благ, мягок, добр; седые волосы по-русски были расчесаны на две стороны, — пробором по середине, по-крестьянски. Я все смотрел. Когда, подойдя ко мне и ничего не сказав, он нагнулся и, трижды поцеловав, сказал: „Еще отдания Пасхи не было“ (т. е. «христосуются»). Я ничего не сказал. Он вздохнул. И что-то сказал. Я не помню. В „сию неизъяснимую минуту“ и возникла та антипатия между нами, отчета в которой я никогда не мог себе отдать, но которая заключалась в „терпеть не могу“ с обеих сторон <...> И с тех пор началось мое закапывание» (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Кн. 1. С. 132–132).

¹³ Аксаков Николай Петрович (1848–1909) — прозаик, поэт, публицист славянофильского направления, член кружка Т. И. Филиппова, сотрудник Государственного контроля (с 1893 года), где с ним познакомился Розанов. Аксаков учился в Германии в Гейдельбергском университете, затем во Франции и Швейцарии. Получив степень доктора философии Гессенского университета, он вернулся в Россию. В отличие от Розанова, Аксаков сошелся с кружком «квадратных славянофилов» и был назначен старшим ревизором, получив содержание значительно больше Розанова.

¹⁴ Характеристику «славянофильского гнезда» Розанов дал еще в 1899 году в письме к Перцову: «...если бы знали, какие это *бескровные*, именно *папье-маше*: все — конституционалисты — ходят в поддевках + лижут ж-пу у Тертия. Это *архи*-лакеи, они же (будто бы) архи-православные, и напр<имер> карточки и бюсты Хомякова — у них на столах и в углу вместо образов» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 178. Л. 11).

¹⁵ Кроме публициста и поэта славянофильской ориентации Ивана Сергеевича Аксакова (1828–1886), пользовались известностью его отец, писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1959), и старший брат Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), поэт, литературный критик, публицист, идеолог славянофильства.

¹⁶ Речь идет о трех братьях Самариных: Юрий Федорович Самарин (1819–1876) — идеолог славянофильства, его младший брат Дмитрий Федорович Самарин (1827–1901) — сотрудник изданий И. С. Аксакова и самый младший из братьев — Николай Федорович Самарин (1829–1892).

¹⁷ У А. В. Васильева часто собирались для беседы члены кружка петербургских «поздних славянофилов». Розанов тяготился приглашениями в гости Васильева: «Опять зов от славянофила. А он был начальник, отказать и „не идти“ — неловко. И вот иду. И сидим друг с другом, нос к носу, сопим. Слова не лезут, мысль не лезет никакая. <...> Так сопим часов до десяти вечера. <...> Не о чем говорить. Он был единственный пример *совершенно неразвитого* славянофила, какого я за *жизнь* встретил; а очень высокопоставлен» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 1. С. 124).

¹⁸ См. прим. 8 к вступ. статье.

¹⁹ Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907) — издатель дешевой ежедневной петербургской газеты «Свет», основанной им в 1882 году. С. К. Эфрон являлся секретарем газеты.

²⁰ Речь идет о знаменитом римском семействе Сципионов, представители которого были выдающимися полководцами.

²¹ Ректор Московской духовной академии архимандрит Евдоким (1903–1909) не являлся редактором журнала «Богословский вестник», издаваемого Академией. Редактором журнала с 1912 по май 1917 года был П. А. Флоренский.

²² Розанов сблизился с декадентами через П. П. Перцова. 19 августа 1914 года, вспомнив свой переезд в Петербург и разочарование в славянофилах, он записал: «Примыкаю к декадентам (знакомство через Перцова)» (Розанов В. В. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 503. (Собр. соч. [Т. 8])).

²³ Последнее примирительное письмо к Мережковским было продиктовано больным Розановым в декабре 1918 года (Розанов В. В. Письма 1917–1919 годов. С. 84). После кончины Розанова Мережковский написал Н. В. Розановой, отметив сложные отношения с Розановым, и признал его одним из величайших религиозных мыслителей «не только русских, но и всемирных» (Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове / Вступ. статья, подг. текста и комм. В. Г. Сукача // Новый мир. 1998. № 10. С. 147).

²⁴ Ср. письмо Розанова М. М. Спасовскому от 11 апреля 1918 года: «С отцом Павлом Флоренским мы самые близкие друзья <...> Скорбь его о России так же велика, как и моя. Это Паскаль нашего времени, Паскаль нашей России, который есть, в сущности, НЕГЛАСНЫЙ ВОЖДЬ ВСЕГО МОСКОВСКОГО МОЛОДОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА <...> Я думаю и УВЕРЕН в тайне души, — он неизмеримо еще выше Паскаля, в сущности, — в уровень греческого Платона с СОВЕРШЕННЫМИ НЕОБЫКНОВЕННОСТЯМИ в умственных открытиях, в умственных комбинациях или, вернее, прозрениях...» (Спасовский М. М. Розанов в последние годы своей жизни. Среди неопубликованных писем и рукописей // Настоящая магия слова: В. В. Розанов в литературе Русского Зарубежья / Сост., предисловие, комм. А. Н. Николокина. СПб., 2007. С. 135–136). Такая же оценка дана Розановым в письме от 8 августа 1918 года к Э. Ф. Голлербаху: «Он ростом не менее Паскаля и бл. Августина: а ему всего 35 лет» (Розанов В. В. В нашей смуте. С. 360).

²⁵ Цитируется стихотворение Д. С. Мережковского «Дети ночи» (1894) — декларация «новой поэзии».

²⁶ Здесь и в других письмах квадратные скобки поставлены Розановым.

²⁷ Альфред Юльевич Кайзер — библиограф в журнале «Русское богатство».

²⁸ Пименова Эмилия Кирилловна (урожд. Петриченко; 1854–1935) — писательница, переводчица, сотрудница отделов иностранного обозрения в журналах «Мир Божий», «Русское богатство». Автор воспоминаний «Дни минувшие», охватывающих период от 60-х годов XIX века до Русско-японской войны 1904 года (Л.; М., 1929). Значительная часть воспоминаний рассказывает о сотрудничестве в журнале «Русское богатство» и дружбе с редактором журнала Н. К. Михайловским.

²⁹ Михайловский Марк Николаевич (1877–1904) — младший сын Н. К. Михайловского, по образованию зоолог-ихтиолог.

³⁰ особей (лат.)

³¹ Григорий VII Гильденбранд (1015 или 1020–1085) — с 1073 года папа Римский, установил безбрачие католического духовенства. Ср. у Розанова: «Реформы папы Григория VII Гильден-

бранда? Это — католический целибат. „*Семьи* вовсе не нужно иметь священнику“» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 160).

³² См. вступ. статью, с. 116.

³³ явление (*греч.*)

³⁴ априори, заранее, независимо от опыта (*лат.*)

³⁵ Вера Розанова (1896–1919) жила послушницей в скромном Воскресенско-Покровском монастыре около Луги. Летом 1919 года в Сергиевом Посаде покончила жизнь самоубийством.

³⁶ Фраза приписана сверху первого листа письма Розановым.

8

Розанов — Перцову

<не позднее 6 (18) августа 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

С сентября 1917 г. Вы уже пишете так неразборчиво, что нескольких строк разобрать я не могу. — Вы меня обидели (63 года моих) «милый мой Антихрист», «надо ли толокна» — и «сводит чичиковщину» в религию,¹ и я решил больше Вам не писать и не высылать «Апок<алипсис>». Вообще — порвать. Одно письмо, длиннейшее и любящее, я уже отправил по другому адресу.² И одно — прощающее и тоже любящее — хочется тоже послать по другому; но — передам и Вам — если приедете. Комната есть свободная. Жрать нечего.³ «Нищи и убоги». Приезжайте все-таки.

В. Розанов.

На почтовой карточке: «В Москву. / Землянка. / Тетеринский пер., д. 9, к. 11. / Петру Петровичу / Перцову». Датируется по штемпелю отправления на почтовой открытке: «18. 8 18» и карандашной помете Перцова: «1918; 6/VIII».

¹ См. п. 5 и 2.

² Вероятно, имеется в виду п. 5.

³ Татьяна Розанова вспоминала тяжелую жизнь семьи в Сергиевом Посаде: «Мама сама ничего не могла делать, у нее была парализована левая рука и частично правая нога, и она с трудом ходила, но все же еще руководила всем домом. <...> В большой эмалированной кастрюле варились пустые щи, в них была свежая капуста, немного картошки, мука, морковь, больше ничего. На второе же была каша из зерен пшеницы, без всякого масла, или пшенная; хлеба почти никакого не было; бывало, что фунт хлеба делили на пять человек, а то больше ели лепешки из дурынды, или из свеклы, очень редко из овсяной муки, это считали уже очень вкусно. Изредка доставали где-то конину и тогда варили с ней щи <...>. Да через день брали три кринки хорошего густого топленого молока у соседки — трех старушек. Все же голод был ужасный, но тяжелее всех было матери и отцу <...> Они оба очень похудели и стали какими-то маленькими и совсем слабенькими» (Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»... С. 80).

9

Перцов — Розанову

<8 (21) августа 1918 года; Москва>

Москва

1918 8 (21) VIII

Во-первых, Вам не «63 года», а только 62 (род<ились> в 1856 г<оду>) — нечего хвастать! Один мой кузен (Ник. Ник. П<ерцов> — б<ывший> издатель «Слова», Вы его знаете),¹ к<ото>рому в самом деле 63, на днях женится. Вот Вам «пример, достойный, подражания», — в розановском вкусе.

2) «Милый, мой „антихрист“», — с Вашей точки зрения комплимент. Не понимаю, на что обиделись. — «Толокно». Еще того менее. Просто хотел угодить. Я всю зиму посылал кузену в Петроград, а он даже генерал.² Вот «чичиковщина»... Но это

уже не моя вина. Вольно же Вам так «опроститься» в «вопросах религии». И просто Вы злы на всю эту канитель с гг. Карташовым³ и С³ и «спускаете» на мне. Понимаю. Но это скучно...

Вот, что, батюшка. *Серьезное*: сейчас мне говорил один здешний крупный издатель («Наука», издавал Тэна⁴): «Теперь публика спрашивает только *три темы: философия, религия, искусство*; остальное в загоне (политика, беллетристика)». Все как раз *Ваши* темы. Чем сидеть в Посаде да кукуться, побывали бы здесь да похлопотали бы о переиздании Ваших книг. Я — философ еще вовсе неизвестный, а даже у меня, шутя, взяли целую книгу в 15 листов⁵ (философия искусства et cetera⁶). Тем более возьмут у Вас. Например, «Среди художников», «Италия»⁷ (на это тоже спрос); или новый сборник на эти темы. А платят нынче хорошо. Вот и деньги будут!

«Не зевай!»

В Посад, должно быть, не приеду. Некогда; сложно; да и Вы больно злы. «Прощальное» Ваши письма перешлите сюда. Адрес мой: *Землянка* (это недалеко от Курского вокзала; между ним и Таганкой), *Тетеринский пер., 9; кв. 11*, — или (мои вещи): Собачья площ., 12, кв. 25. — Есть ли Вам где остановиться в Москве?⁸ У Нестерова вся квартира пустая («свободная от реквизиции и уплотнения» — покровительствуют искусствам). М<ожет> б<ыть> напишите ему, а то я его спрошу? (Новинский бульв., д. 101).⁹

— Ну, addio! Не злись!

Ваш П. Перцов.

Ответ на п. 6.

¹ Перцов Николай Николаевич (1855–1934) — издатель газеты «Слово», в которой обрел литературное пристанище Перцов после ухода из журнала «Новый путь». Некоторое время с газетой в 1905 году сотрудничал Розанов. Это вызвало недовольство А. С. Суворина, хозяина газеты «Новое время», где Розанов служил как штатный сотрудник с 1898 года. Розанов вынужден был прекратить свое сотрудничество с газетой «Слово».

² Речь идет о двоюродном брате Перцова генерал-майоре Сергее Николаевиче Перцове (1868 — после 1918).

³ См. прим. 4 к п. 6.

⁴ Двухтомная книга И. Тэна «Путешествие по Италии» в переводе Перцова была выпущена издательством «Наука» (М., 1913, 1916).

⁵ См. вступ. статью, с. 116.

⁶ и другие (*лат.*)

⁷ Имеются в виду книги Розанова «Среди художников» (СПб., 1914) и «Итальянские впечатления» (СПб., 1909).

⁸ Розанов приезжал из Сергиева Посада в Москву к С. Н. Булгакову, Н. А. Бердяеву, М. О. Гершензону. Иногда оставался ночевать в Москве у писателя Н. Н. Русова.

⁹ См. прим. 1 к п. 6.

10 Перцов — Розанову

<7 (20) сентября 1918 года; Москва>

1918 7 (20) IX

Москва

Дорогой и милый друг!

Ну, конечно, все «ссоры» и препирательства наши — только «тень, бегущая от дыма». ¹ Сердечно же, я думаю, всегда будем близки, как за все эти 20 лет.

Непрерывно к Вам приеду. Хотел в эти дни, но сейчас не могу, п<отому> ч<то> получил срочную работу, где каждый день на счет (составляю «юбилейный» турге-

невский сборник для здешнего нового «Кооперативного издательства» — нужно сдать весь материал в 2 недели).² Как только соскочит эта «экстренность», — так и приеду.

Мои дела — тоже дрянь дрянью. Вот должен был застрять здесь, оставив Машу одну в деревне (*пока* — с Володей, старшим сыном).³ На хуторе не найдешь работы, разве «представители народа» пошлют копать навоз или ч<то>-н<ибудь> в этом роде. А без заработков теперь, с крушением банков и всех прочих «благ земных», не проживешь. Я, как и Вы, потерял весь своей «международный капитал». А тут еще проклятые нововременцы разворовали даже нашу «кассу взаимопомощи». Получили ли Вы оттуда хоть что-нибудь?

Теперь стараюсь «уцепиться» в Москве, чтобы к<ак>-нибудь продержаться на поверхности.

Хуже всего, что рухнуло издание моей философской книжки («Основание пневматологии» — скажите Флоренскому, что пишется книга под таким, довольно бесцеремонным заглавием).⁴ Издательство «Наука», к<ото>рое ее взяло,⁵ накануне реквизиции; у них взяли типографию и т. д. — так что они вынуждены были приостановить свое дело.

У меня тысяча литерат<урных> планов. Но русские так неподвижны (кроме «товарищей»). Всё только «хорошие разговоры» и вздохи. Чего-нибудь стоят только «социалы». Я в этом отношении — редкое исключение (скажу по совести). Чуть только что-ниб<удь> наладится, постараюсь, конечно, чтобы нашлась и Вам работа. Ужасно жаль, что Вы не «переводчик» — это по теперешнему всё же легче всего. Я кое-что налаживал в этом смысле для Володи,⁶ к<ото>рый также погибает, к<ак> и мы. Но трудно, трудно...

Ну, пока целую. Да, я не раз думал, что Вы пережили, к<ак> всё это обрушилось. Вот уж никто не знает своей судьбы! Попали мы с Вами под «колесо»... Ах, нужно бы Вам в Москву! Здесь все-таки легче «схватить доску» или хоть дощечку. Что может дать Посад?

Как Варвара Дмитриевна? Мой привет ей и всем.

Крепко Ваш П. Перцов

Толокно? Какое там! Ни у самого нет, ни даже, кажется, в деревне. Завод закрылся (штраф и пр.).⁷

¹ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Как дымный столб светлеет в вышине!..» (1850).

² Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. С. Тургенева, вышел в свет: О Тургеневе: Русская и иностранная критика / Сост. П. П. Перцов. М.: [Кооперативное изд-во], 1918.

³ Владимир Владимирович Перцов (1896 — после 1942) — старший сын М. П. Перцовой, который учился до революции в Петрограде в Морском кадетском корпусе цесаревича Алексея.

⁴ См. вступ. статью, с. 116.

⁵ См. п. 9.

⁶ Вероятно, речь идет о Владимире Владимировиче Перцове (1875–1921), двоюродном брате Перцова, первом муже М. П. Перцовой.

⁷ См. прим. 2 к п. 1.

11

Розанов — Перцову

<не позднее 17 сентября (4 октября) 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Дорогой П<етр> П<етрович>! Конечно, я был бы *чрезвычайно счастлив* с В<а-ми> повидаться. Все наши ссоры наши <так!>, конечно, вздор (хотя я *чрезвычайно* был Вами обижен, и, главное, *долго* обижаем). Я послал Вам «любящее» ящ<ик> № 30. Хоть бы Вы, чёрт, привезли толокна.

Зябну. Голодно. Дров чуть-чуть. Таня готовит обед.¹ В доме *только несколько копеек. Ужас...* А помните Ваше в С<анкт>-П<етер>б<ург> письмо

«3-й день русской
Республики».²

Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Вонючая, проклятая.

А я так рассчитывал было...

Любящ. В. Р.

Томительно хочется прижаться к Вам и поплакать на плече. Ах, что мы пережили. И по приезде в 1917 г. был как в беспамятстве. Продуктов *вне базара* (среда, пятница, воскресенье) никаких. И в довершение убийства душевного сделалось «не держание мочи и кала». Ужас, ужас.

Дурылин — на редкость человек.³

Датируется по карандашной помете Перцова о получении письма: «1918 17 (4) IX». Впервые: Розанов В. Письма 1917–1919 годов. С. 88.

¹ Дочь Розанова Татьяна.

² Имеется в виду письмо Перцова Розанову от 1 марта 1917 года, которое начиналось так: «Русской республике день 3-й» (Под «колесом» истории... С. 42).

³ Личное знакомство Розанова с писателем, публицистом Сергеем Николаевичем Дурылиным (1886–1954) состоялось в августе 1917 года в Сергиевом Посаде. Дурылин вернулся из Оптиной пустыни, где собирался посвятить себя монашеству. В 1918 году общение Дурылина с Розановым становится постоянным. В дневнике Дурылин отметил приход к Розанову на последние именины, 1 января 1919 года: «Он лежит ногами к теплой печке, на высокой кровати, весь укутанный всем, чем можно, на голове розовый шерстяной капор. Он осунулся, нос обострился, — глаза карие и точно в них что-то притушено: будто пламя лампы убавлено, слабо горит, но еще не мерцает, а горит, — и глаза глядят из-под нависающих куделяшек капора, — и, видно, лежит и думает» (*Дурылин С. Н. Троицкие записки / Публ. и комм. Т. Н. Резвых и А. И. Резниченко // Наше наследие. 2015. № 116. С. 86*). В своем дневнике Дурылин подробно описал последние дни Розанова, его кончину 23 января 1919 года (Там же).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-134-141

С. П. ДОВГЕЛЛО. ТРИ ОСОКОРЯ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © В. Н. БЫСТРОВА)

Сергей Павлович Довгелло — старший брат жены А. М. Ремизова, Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (1876–1943). Сведения о нем крайне скудны. Родился в 1874 году. Учился в Черниговской гимназии, которую по неустановленным причинам не сумел окончить. Жил с матерью и сестрами в родовом имении семьи Довгелло в селе Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губернии. С. П. Ремизова-Довгелло вспоминала о брате: «Сережа самый добрый из нас, совсем незлобивый, хороший, никому зла не сделал, его все любили, мама больше всех его любила».¹ Дочь Ремизовых Наталья признавалась, что и она очень его любила, звала «папой». Умер Сергей Павлович от сыпного тифа в 1919 году. В повестях Ремизова «В поле блакитном» и «Оля» он стал прототипом Михаила Ильменева.

¹ Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма (рукой Ремизова, с его заметками и примеч.). Книга I // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 116 об.

«Три осокоря» — воспоминания С. П. Довгелло, которые хранились у Бориса Борисовича Бунича-Ремизова (1929–2016) — внука Ремизовых, сына их дочери Натальи.² Текст предваряет машинописное примечание Б. Б. Бунича-Ремизова: «Это — рукопись воспоминаний Сергея Павловича Довгелло об усадьбе, где выросли С. П. Ремизова-Довгелло и Н^{<аталья>} А^{<лексеевна>} Ремизова — я ее цитировал в своих воспоминаниях. Б. Ремизов».³

Воспоминания можно условно разделить на две части: первая касается автора, его родственников, родового поместья в Берестовце, а вторая — драматичной истории отчуждения дочери Ремизовых Наташи. О второй части следует сказать особо.

Дочь Ремизовых, Наталья Алексеевна Ремизова, родилась в апреле 1904 года в Одессе. Летом 1904 года они гостили с Наташей в Берестовце. В апреле 1905 года, по словам писателя, «во второй раз С^{<ерафима>} П^{<авловна>} повезла Наташу в Берестовец. В первый раз на все лето с тем, чтобы вернуть ее к осени в Петербург. Но это будет начало оставить ее навсегда».⁴ Они по большой нужде покидали девочку, которую в Берестовце опекали мать, сестры и брат Серафимы Павловны. Основной причиной была неустроенная жизнь родителей в Петербурге: житейские неурядицы и, главное, по выражению Ремизова, «вопиющая бедность». Разлука затянулась. Бездетные родственники все больше привязывались к девочке, а она привыкала к ним. В письме к Н. В. Кодрянской от 9 августа 1947 года Ремизов вспоминал: «Когда она (Наташа. — В. Б.) жила с нами, моя была полная воля, да и у бабушки с тетками первое время я встречался. Но потом все кончилось: были годы ужасные, когда она меня стеснялась, все мои слова, все мое не подходило к тому, что она слушала от любимых теток, беззаветно полюбивших ее».⁵ Резкий разрыв произошел, когда Серафима Павловна однажды «приехала в Берестовец одна, она привезла Наташе куклу. Кукла не понравилась избалованной девочке, она отвернулась от подарка и от матери. С. П. приняла очень близко к сердцу движение девочки и со свойственной ей горячностью заявила, что у нее нет больше дочери. Она вернулась в Петербург одна, в слезах».⁶ 9 июля 1917 года (дочери было 13 лет) Ремизовы в Берестовце в последний раз видели Наташу. Н. В. Резникова свидетельствовала: «Тем, кто знал Ремизовых в эмиграции, не совсем понятно, как такие волевые и сильные характером люди, какими были А^{<лексей>} М^{<ихайлович>} и С^{<ерафима>} П^{<авловна>}, жизненное правило которых было „жить по своей воле“, могли позволить отнять у них ребенка».⁷ В этой непростой истории многое переплелось, и далеко не все зависело только от родителей, стремившихся вернуть Наташу к себе.

Б. Б. Бунич-Ремизов утверждал: «Не подлежит, как мне представляется, сомнению тот факт, что А^{<лексей>} М^{<ихайлович>} был намного более нежным отцом, чем С^{<ерафима>} П^{<авловна>} — любящей матерью»; «...насколько именно она, а не только А^{<лексей>} М^{<ихайлович>}, хотела забрать дочь к себе — вопрос, на который, думается, однозначного ответа быть не может».⁸

Не слишком ли категоричен был Борис Борисович в своих суждениях? Сергей Павлович Довгелло в таких случаях предостерегал: «Мне всегда становится больно, если кто дурно отзываяется о матери. И хотя я знаю, что на свете есть дурные матери,

² См. о нем: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15: В розовом блеске. С. 827–828 (комм. А. М. Грачевой).

³ Имеются в виду следующие мемуары: Бунич-Ремизов Б. Б. 1) Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267–272; 2) Родные и близкие С. П. Ремизовой-Довгелло в посвященных ее жизни произведениях А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Салерно, 2003. С. 367–372.

⁴ Цит. по: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № IX. С. 443.

⁵ Цит. по: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 195.

⁶ Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 70.

⁷ Там же.

⁸ Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких. С. 268, 270.

но мне всегда хочется кричать: не осуждайте так, узнайте, почему она не иная, покопайтесь, и Вы в самой дурной из них найдете частицу высокого, хорошего».

Примечательно, что в конце апреля 1905 года Ремизов убеждал жену в своем послании из Петербурга в Берестовец: «Послушай меня, тут Натуся здоровенькой не станет, ишь, холода какие! Пусть проживет лето, а на осень домой». Позднее он признался: «Когда я писал, я чувствовал, что на шее — петля, но что я мог написать?»⁹

В апреле 1909 года, когда Наташе было пять лет, Серафима Павловна сокрушалась в дневниковой заметке: «О трех вещах я страшно жалею. Первая вещь — это когда девочку отвезла к своим родственникам. Я помню, мы уже решили ее отвезти перед Пасхой, завтра поедем; я целую ночь не спала и все плакала, плакала, будто чувствовала, что потом будет. И не повезли. А потом через неделю, уже после Пасхи, повезли. Теперь, когда я думаю и решаю, можно ли отвозить детей, если бедность такая, как у нас была, думаю, можно, только к родственникам по духу, к людям, понимающим хоть что-нибудь в твоём. А мои родственники для меня дальше и чужее всех встречных. Там, при встрече с первым попавшимся человеком, есть надежда, что, может, и не чужой будет, а тут все известно, и они воображают, что меня знают, и сами обо мне никакого понятия не имеют. Я думаю, что мое самое страшное несчастье — мои родственники. И им-то пришлось отвезти мою дочь. Мне бы было легче, если бы она тогда умерла, чем то, что теперь получилось».¹⁰ Ремизов отметил по поводу этого признания жены: «Горькие слова о роде — ожесточение разлученной матери. Эта горечь проникает всякую память и глушит всякое чувство, остается одно режущее и резкое — безысходное».¹¹

О непростых взаимоотношениях с родными свидетельствует и запись Серафимы Павловны от 6 февраля 1916 года: «Когда у меня моего ребенка отняли мои родственники, т. е. мои 2 сестры, мой брат и даже моя мама, я очень тогда страдала, ночи не спала, плакала, томилась. А теперь не мучаюсь этим. Бог с ними, Бог им судья. Я как-то много из-за этого факта поняла: я поняла, что любовь настоящая — это когда знаешь человека и любишь его, и еще больше можешь любить и узнавать, и для него любишь, не только для себя, а для него. А наверно есть такая любовь, когда любят только для него, и эта любовь — самая высокая. Так вот я поняла окончательно то, что и раньше понимала, только не окончательно, то, что нет у меня родных, они ни меня, ни жизни моей не знают и не понимают и не любят меня, конечно, да и нельзя любить того, кого совсем не знаешь, оттого так легко отняли у меня ребенка, и еще оттого, что не думают и не умеют думать по правде ни о себе самих, ни о мире, ни о другом человеке. В сущности, это — люди страшные, но таких людей большинство, только исключения не такие».¹²

В романе «В розовом блеске» (гл. «Слепая любовь»)¹³ Ремизов пересказал историю Серафимы Павловны, повествуя о жизни подруги Оли Ильменевой Зины Рашевской, родственники которой лишили ее сына Миши: «И было твердое решение: настанет лето, поехать в деревню к матери и взять Мишу, несмотря ни на что. Но всякий раз, как Зина хотела взять Мишу, ее уж не уговаривали, а грозили смертью матери, что мать не вынесет — „и без того из-за тебя много страдала!“, и все делалось, чтобы помешать... <...> А когда мать захворала, нашелся новый предлог: Мишу не отдавали — „потому что мать скоро умрет“ — „и пусть Миша будет ей последним утешением“. И никто не подумал... да Зине легче было бы, если бы даже помер Миша: ей

⁹ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. С. 453.

¹⁰ Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга I. Л. 116, 117.

¹¹ Там же. Л. 116 об.

¹² Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга V // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 291. Л. 5–6. Ср. также ее запись от 24 июня 1917 года: «Да, мои родственники ничего не понимают, что они сделали по отношению ко мне. Совести у них нет, иначе нельзя сказать. <...> Я знаю, что надо, чтобы мои родственники проснулись от глубокого сна, очнулись бы. Потому что, если бы они очнулись, они бы прежде всего поняли, какое зло мне сделали, а потом бы, какое зло они делают Наташе» (Там же. Л. 11).

¹³ Отдельно впервые опубли.: Последние новости (Париж). 1934. 11 авг. № 4687. С. 2.

невыносимо мучительно приезжать было в деревню и видеть Мишу — Миша чуждался ее. <...> Миша был совсем чужой, за годы его научили быть чужим...»¹⁴

Жизнь Натальи Алексеевны Ремизовой после расставания с родителями складывалась непросто. После окончания киевской гимназии она училась на историко-филологическом факультете Киевского университета. Затем преподавала в школе русский и украинский язык и литературу. Б. Б. Бунич-Ремизов писал о матери: «...в связи с тем, что ее страшно баловали и вконец избаловали слепо любившие ее тетушки, которые заменили ей мать (особенно Лидия Павловна), — она была нелегким человеком, <...> очень вспыльчивой, резкой, что во многом объяснялось также и неустроенной личной жизнью: мама была три раза замужем <браки официально не регистрировались. — В. Б.>, но прожила свои годы фактически без настоящей семьи».¹⁵ Умерла Н. А. Ремизова от сердечной недостаточности во время оккупации немцами Киева 30 октября 1943 года. По свидетельству Б. Б. Бунича-Ремизова, похоронена «на киевском Лукьяновском кладбище в одной могиле — по ее желанию — с ее любимым дядей Сергеем Павловичем».¹⁶

Мемуары С. П. Довгелло, при всей своей краткости, ценны тем, что являются достоверным документальным дополнением к произведениям Ремизова, посвященным С. П. Ремизовой-Довгелло: «В поле блакитном» (Берлин: Огоньки, 1922), «Оля» (Париж: Вол, 1927), «В розовом блеске» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952). Они значимы еще и потому, что многие реалии были художественно переосмыслены, отчасти мифологизированы писателем.

Воспоминания представляют собой текст на шести страницах большого формата, написанный рукой С. П. Довгелло; подпись и дата отсутствуют. Некоторые фрагменты ранее были опубликованы.¹⁷ Хранится: ИРЛИ. Архив А. М. Ремизова. Ф. 256 — и публикуется полностью по этому автографу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. П. Довгелло

Три осокоря¹ (по Борису Лазаревскому «Три тополя»)²

Это была средняя усадьба, довольно-таки запущенная.³ Она никогда до конца не приводилась в порядок. Дом, выстроенный более 40 лет <назад>, стоит незаконченным, так в нем живут и умирают. Я помню, несколько раз делали в усадьбе изгородь, но новую делали не сразу, а по частям. Не помню ни одной весны и осени, чтобы в эту усадьбу не заходили чужие свиньи и лошади через поломанную изгородь. Изгородь сильно портили и соседи.

В этой запущенной усадьбе есть три величественных осокоря, которые видно издали, откуда бы вы ни подъезжали к селу. Они имеют несколько обхватов в окружности и самые высокие деревья в окружности. Старуха баба Татьяна⁴ говорила, что когда она была молодой и спрашивала у старых людей, давно ли стали такими большими осокори, то ей отвечали: сколько помним себя, всё они такие. Есть еще громадная груша «Трубка», вероятно, тоже чуть не сверстница осокорям, да несколько старых верб. Больше ничего нет замечательного в этой усадьбе. Сад плох и запущен.⁵

Над усадьбой с тремя осокориями висит какое-то проклятие.⁶ Не знаю, с какого времени оно висит, но знаю, что со времен дедушки моего оно существует.

¹⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 458–459.

¹⁵ Цит. по: Резникова Н. Огненная память. С. 87–88.

¹⁶ Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких. С. 271.

¹⁷ Там же. С. 269; Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 751, 817.

Дедушки своего я не помню: он умер до появления моего на свет.⁷ Бабушку помню: это была маленькая, худенькая старушка.⁸ К ней мы относились довольно холодно и побаивались совсем не так, как бабушки со стороны матери.⁹ Говорят, что дед и баба жили дружно и счастливо сначала, несмотря на то, что у дедушки, говорят, был вспыльчивый и даже, кажется, злой характер. Не знаю, была ли бабушка счастлива своими детьми, м<ожет> <быть> и да, но некоторых из них ей пришлось лишиться уже взрослыми, кажется, два умерли от чахотки, причем один простудился, возвращаясь в Петербурге после бала, где у него утащили калоши.¹⁰ Дедушка причинил бабушке сильное горе: он зарезался бритвой, не то в припадке белой горячки, не то рассердившись на что-то.¹¹ А потом немало горя перенесла бабушка, когда заболел мой отец психическим расстройством.¹²

Своих отца и мать я знаю хорошо. Вначале, говорят, жили дружно, счастливо и обладали приличными средствами. Потом отец заболел, его лечили в Чер<ниговском> Псих<иатрическом> Отд<елении>. Мы тогда были маленькие, но я помню, когда мы возвращались вместе с отцом из Чернигова на почтовых лошадях. Ехали хорошо до последней станции, а выехав с последней ст<анции>, отец начал придирается к ямщику, что он не так правит, побил его, прогнал с козел и правил уже сам. Ехали мы очень быстро, помню, моя мамочка всё крестилась и просила Бога спасти нас. Я помню разговор, что отца отпустили из лечебницы не поправившись. Дело, кажется, было так. Отец был знаком и даже приятелем старшего врача больницы Демидовича. Когда отец лечился, то бывал и на дому в гостях у врача. Уходил ли отец сам часто в город, не знаю, но раз ушел и устроил какой-то скандал. Доктор опасался ответственности за то, что больные уходят из больницы, телеграфировал маме, что отец поправился и что его надо домой взять. Из болезни отца я помню массу битых стекол в зале, кажется, от бутылок, и слова: «Это деньги».¹³ В доме, благодаря больному отцу, у нас были нелады: хозяйство запущено, в средствах нуждались, несмотря на то, что средства, собственно, были довольно порядочные. Крестьяне раскрадывали днем и ночью лес, и когда кто-нибудь из знакомых говорил об этом отцу и указывал на воров, отец страшно злился на сообщающего и говорил: «Не вводите меня в искушение. Они принимают на себя мои грехи».

Мама моя всю жизнь стремилась дать образование детям и жить... в том городе, где они учатся, но так и не переехала, хотя имела и свои средства ввиду участка земли. Сколько всегда было слез при расставании, и мамочка говорила: на следующий год уже продам землю и перееду. Так бедная и просидела всю жизнь в усадьбе.

Я учился плохо, и маленьким не знал, чего мне просить у Бога: чтобы учиться хорошо или чтобы выгнали из гимназии. Мне сильно было жаль маму и страшно за нее, что она живет вместе с папой, и хотелось быть возле ее: мне казалось, что папа может что-нибудь сделать маме, а я, если б был дома, спас бы маму. Меня в конце концов выставили-таки из гимназии и, правду сказать, не столько за плохое учение, как физиономия моя не понравилась вновь назначенному инспектору Антошину. Исключение из гимназии причинило большое горе моей маме.

<В> 1894 г<оду> отец мой вновь заболел психическим расстройством в буйной форме; дома проболел месяца 2–3 и умер.¹⁴ Начали жить в усадьбе я и мама, а сестры только приезжали. Жили бедно, но дружили. Потом жила младшая моя сестра.¹⁵ Чуть-чуть начали поправляться обстоятельства, мамочка всё мечтала пол исправить, откуда зимой немилосердно дуло, мечта эта сбылась лишь незадолго до маминой смерти.

Маму и нас постигло большое несчастье: ехала мама в церковь говеть на санях и сломала ногу. Нога потом срослась, но через некоторое время мама перестала ходить. Возили в лечебницу к Дейчу,¹⁶ не помогло.

В усадьбе с тремя осокорями то чуть-чуть начнет счастье улыбаться, то опять придавит. Когда я был еще маленьким, у меня был приятель хлопец Кирилло. Раз играл он и говорит: «Плоха Ваша жизнь, паньчу, дид Ваш здурив и батько здурив и Вы здурите...»

Со мной случилось страшное, кошмарное горе, и опять-таки отчасти оно связано с поездкой в усадьбу с тремя осокорями.¹⁷

В усадьбе с тремя осокорями начало жить и четвертое поколение в лице моей дорогой племянницы Наташи. Я не могу сказать, чтобы жизнь деточки протекала счастливо. Ее любили и баловали все окружающие: бабушка, тетки и я. Но мать и отец жили от нее отдельно. Ее оставили на короткое время в деревне у бабушки; бабушка, мать моей сестры, болезненно привязалась к девочке, настолько болезненно, что, по заключению врача, разлука с девочкой грозила смертью моей матери. Сестра волея-неволей откладывала каждый раз на короткое время разлуку. Это создало атмосферу особого страха, страха приезда сестры в усадьбу. Девочка всё больше привязывалась к домашним и всё больше отвыкала от родителей и всегда сильно волновалась перед приездом и во время пребывания сестры в усадьбе. Она облегченно вздыхала, когда уезжала сестра: опасения, что ее заберут, не оправдались. Не знаю, что чувствует Наташа к своей матери, думаю, что теперь ничего, хотя ей и внушали, что надо любить маму и папу. Она от них отвыкла.¹⁸ Я наверное только знаю, что Натуся не имеет того представления о матери, не испытывает тех переживаний, связанных с этим словом так, как мы. Для меня самое святое слово на свете: мать. Мне всегда становится больно, если кто дурно отзывается о матери. И хотя я знаю, что на свете есть дурные матери, но мне всегда хочется кричать: не осуждайте так, узнайте, почему она не иная, покопайтесь, и Вы в самой дурной из них найдете частицу высокого, хорошего. Оно есть — это хорошее, только слишком на него много дурного набросано.

Я очень люблю Наташу, хотелось, чтобы она перестала любить усадьбу с тремя осокорями: я боюсь, что и ее постигнет в ней какое-нибудь несчастье. Как уберечь от этого? Или от судьбы не уйдешь? Хотел бы где-нибудь купить усадьбу, как игрушечку, чтобы к ней привязалась Натуся, а с тремя осокорями продать и дорожку замести, чтобы никто и не ездил.

¹ Осокорь — тополь черный из семейства ивовых, с мягкой древесиной и с серой, чернеющей корой; высота дерева достигает 35 м; возраст — до 300 лет и больше. Осокори в усадьбе Довгелло неоднократно упоминаются в повести Ремизова.

² Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) — писатель, публицист. С 1920 года жил в эмиграции. «Три тополя» — название рассказа и одного из сборников прозы Б. А. Лазаревского.

³ Подразумевается имение семьи Довгелло в селе Берестовец. В повестях село называется Ватагино.

⁴ Имеется в виду многолетняя нянька Татьяна в семье Довгелло. В повестях она явилась прототипом няньки Фатевны.

⁵ Ср. разительный контраст в описании усадьбы в повестях: «Богат Ильменевский дом, белыми башнями глядит он за просторные поля в широкую степь, пышно дедовское убранство — почерневшее серебро и тусклое золото, дорогой бархат и бесшумные рытые ковры, поблекшие амуры и цветы на потолке, тяжелые люстры, зеркала, старые портреты в гостиной, в диванных, в портретной — крепки стены, и земля под ними крепка — насиженное место, а узорные бронзовые часы на камине, не уставая, вот уж века, отбивают звонко минуты»; «Старый с белыми башнями Ильменевский дом бывал иллюминирован — на прудах подвижные острова и плавучие вензеля, в саду освещенные аллеи, фейерверки, ракеты, музыка» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 10, 9).

⁶ Ср. в записи С. П. Ремизовой-Довгелло под названием «Слепая любовь»: «Над этой семьей тяготел рок» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга VI // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 292. Л. 68). Отца Оли Ильменевой преследовала навязчивая мысль: «— В доме мира нет, погибнет дом! — нередко говорил Александр Павлович» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 11).

⁷ Речь идет об Иване Михайловиче Довгелло, дедушке С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло; в повестях он послужил прототипом Павла Петровича Ильменева.

⁸ Имеется в виду Анна Ефимовна Довгелло (урожд. Ковалевская) — бабушка С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло; в повести — прототип Анны Михайловны Ильменевой.

⁹ Речь идет о бабушке со стороны матери Марии Михайловне Самойлович (Ратьковой). С. П. Ремизова-Довгелло писала о ней: «...я думаю, что лучше всех меня понимала бабушка <...> я это как-то чувствовала, что бабушка знает, какая я» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга I. Л. 60). Мать Сергея и Серафимы Довгелло — Александра Никитична Довгелло (урожд. Самойлович; 1846–1917); в повестях — прототип Натальи Ивановны Ильменевой.

¹⁰ Подразумевается Афанасий Иванович Довгелло (1821–1845), брат П. И. Довгелло, дядя Серафимы Павловны; в повестях является прототипом Василия Павловича Ильменева. По словам Ремизова, он легок, не выдержав «петербургского климата»: «ранняя смерть от плеврита после воспаления легких» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 591). Ср. в главе «Жаркое лето»: «...а Василий Павлович — и Ильменев, а умудрился и от чахотки помер» (Там же. С. 78).

¹¹ С. П. Довгелло касается трагического эпизода, о котором одной фразой говорится в главе «Таинственный зайчик»: «И еще рассказывает бабушка, как страшно умер дедушка Павел Петрович — зарезался!» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 15). И. М. Довгелло страдал психическим расстройством. Об этой болезни его жена Анна Ефимовна писала сыну Афанасию: «Болезнь его непостижима: он всегда печален, задумчив, не любит ни с кем ничего говорить, нигде бывать, некого к себе принимать, говорит, что для его нет ничего милого и занимательного; и всегда всем говорит, что для его жизнь несносна, его всякая малость беспокоит и тревожит, он очень мало спит, аппетит имеет умеренной, не чувствует не какой боли, не какой слабости, всегда всем говорит, что он здоров. Вот я тебе и описала в точности его несчастную болезнь» (Там же. С. 594). Этот фрагмент близко к тексту воспроизведен в повести в описании болезни дедушки Павла Петровича (Там же. С. 15).

¹² Отец Сергея и Серафимы Довгелло — Павел Иванович Довгелло (?–1895); в повестях он послужил прообразом Александра Павловича Ильменева. Подробности, о которых пишет далее С. П. Довгелло, в произведениях отсутствуют. В данном случае его свидетельства об отце являются уникальными.

¹³ Ср. в одном из эпизодов повести: «Было одно, что никак не мог выносить Александр Павлович, — деньги. И всякий раз, когда речь заходила о деньгах, он менялся весь, вставал и уходил. / Однажды, получив очень крупную сумму, — рассказывали, что это какие-то деньги, которые давным-давно следовало ему получить за крестьянскую землю, — он вернулся из города, положил эти деньги на стол и упал» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 10).

¹⁴ О смерти отца Серафима Павловна, со слов родных, писала: «Ал<ександр> Пав<лович> [Павел Иванович] опять „сошел с ума“. Поводом послужил начатый процесс против него со стороны его сестры [Наталья Ивановна Василенко] из-за ее части <имения>, которую он будто бы ей не отдал. <...> Ал<ександр> П<авлович> <...> получил повестку из суда и почувствовал себя дурно. / „Гонят меня из моего дому!“ — так сказалось у него и выговорилось. А потом он стал кричать. <...> В его выкриках можно было различить: он кричал, что дети не его, и только одна Оля — его дочь. / Три недели он так мучился. И решили опять везти в Покидош (Чернигов) в сумасшедший дом, и вдруг у него отнялись ноги, потом руки, и потом язык. И так три дня — затих и заснул и больше не проснулся» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга III // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 5).

¹⁵ Имеется в виду Лидия Павловна Довгелло (1879–1943), сестра С. П. Ремизовой-Довгелло; в повестях прототип Лены Ильменевой.

¹⁶ Дейч Иосиф Яковлевич (1857–1928) — врач-физиотерапевт, основатель Киевской водолечебницы. Его сын А. И. Дейч отмечал: «Отец, известный в Киеве врач-новатор, доктор медицины, физиотерапевт, прошедший специальный курс в Венском университете...» (Дейч А. И. Арабески времени // Звезда. 1968. № 12. С. 184). В 1911 году в санатории доктора проходила лечение мать С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло А. Н. Довгелло. Ср. в мемуарах А. И. Дейча: «Оказалось, что в санатории отца находится на излечении мать жены писателя, Серафимы Павловны Довгелло. Старуха лежала довольно долго в отдельной палате с тяжелым заболеванием — суставным ревматизмом. Серафима Павловна и дочь их — семилетняя Наташа часто навещали большую...» (Там же. С. 190). См. также: Резникова Н. Огненная память. С. 69.

¹⁷ Об этом несчастье С. П. Довгелло нам неизвестно.

¹⁸ Эту драматичную историю С. П. Ремизова-Довгелло так изложила в своей мемуарной записи, которая затем легла в основу главы «Слепая любовь» в романе «В розовом блеске»: «<...> Над этой семьей тяготел рок. Все знали, что муж и жена живут между собою плохо, не дружно — это все знали кругом. А дети не понимали, словами не говорили, но дети бывали веселы только тогда, когда кто-либо один был дома: или папа, или мама. Тогда дети чувствовали свободу, мир. <...> Оля вышла замуж против воли мамы и всех родных. Оля очень бедная. У Оли дочь Наташа. Летом Оля отвезла Наташу к маме в Берестовец [Ватагино] подышать свежим воздухом, а не томиться бы в Петербурге, где и душно, и насчет еды плохо. Они очень бедно жили. / Оля отвезла Наташу к маме, а назад взять уже не может, не отдают, привязались к ребенку: в их скучной безрадостной жизни Наташа — свет. / Оля мучается, не улыбнется, как прежде. Но всякий раз, когда она хочет взять Наташу, ей грозят, что мама умрет, и так из-за Оли много страдала, что мама не вынесет. / А потом, когда мама стала болеть, Оле говорят, что мама скоро умрет, пусть ей Наташа будет последней утеша. / Никто не думает об Оле, что она — мать, что ей было бы легче, если бы ее Наташа умерла, была бы у Бога, чем то, что теперь — Наташа ей чужая. Оле легче не приезжать в дом, в Берестовец [Ватагино], не видеть Наташу, чем видеть ее чужой. / Умерла мама. Кажется, теперь бы можно было вернуть Наташу, но Оля поняла, что

Наташа совсем чужая, что ее научили быть чужой. <...> брат Сережа [Миша], он самый добрый, он с детства с Олей всегда вместе, и даже ночью, когда Оля не спала, он с нею, бывало, не спит, Сережа [Миша] не отдает Наташу, а ведь любит Олю. И никто не заступился» (*Ремизова-Довгелло С. П.* «Мои записки», записи, письма... Книга VI. Л. 68, 71, 72). См. об этом также: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2019. № 1. С. 91–92.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-141-145

© В. В. Филичева

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ Д. С. УСОВА ИЗ Н. С. ГУМИЛЕВА В КОЛЛЕКЦИИ П. Н. ЛУКНИЦКОГО*

Среди материалов в коллекции П. Н. Лукницкого о жизни и творчестве Н. С. Гумилева находится «Альбом, составленный Лукницким. Проза, пьесы, переводы»¹ (далее — Альбом), состоящий из опубликованных и неопубликованных произведений поэта. Так как Лукницкий вел свою работу в период, когда не могло быть и речи о переиздании текстов Гумилева, то многие из них представляли для исследователя несомненную ценность в силу малодоступности.² Обстоятельствами сбора материалов объясняется то, что в состав Альбома включены и печатные страницы из книг, журналов, газет, наклеенные на альбомные листы, и машинописные и рукописные копии широко известных теперь текстов: предисловие «От редакции» к журналу «Sirius» (Париж. 1907. № 1), статья «М. В. Фармаковский. Artiste-peintre (Письмо из Парижа)», рассказы «Карты», «Записки кавалериста», «Орион» и «Черный генерал», драмы «Отравленная туника», «Охота на носорога», «Дерево превращений», с правкой, учтенной в Полном собрании сочинений Гумилева, статья «Умер ли Менелик?». К последнему тексту, к примеру, сделано примечание: «Все вышеизложенное переписано мной с печатного текста из выписки, сделанной рукой Н. П. Дмитриева 19.X.24».

Комментарии Лукницкого, несомненно, ценны тем, что дополняют картину бытования, передачи материалов в среде собирателей 1920-х годов. Упомянутый Н. П. Дмитриев (1903–?) занимался в «Звучащей раковине» у Гумилева, а позже, после смерти поэта, связывался с Лукницким и через его посредство с Л. В. Горнунгом для работы над «Историей гумилевского текста».³

Источники находящиеся в Альбоме переводов, выполненных Гумилевым, так же разнородны, как записи оригинальных произведений, однако приведены с большей вариативностью. Лукницкий переносил в свой экземпляр текста не только правку Гумилева, но и правку редакторов. Так, переписанная из журнала «Северные записки» (1914. № 1. С. 60–70) поэма В. Грифена «Кавалькада Изольды», а чуть позже и сами печатные страницы отразили редакторскую правку А. Я. Левинсона (этот

* Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“, НИУ ВШЭ.

¹ ИРЛИ. Ф. 754 (К). Оп. 1. № 22.

² О коллекции Лукницкого см.: *Двинатина Т. М.* Коллекция П. Н. Лукницкого: История и состав // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 3–24. Подробнее о процессе превращения книг Гумилева в букинистическую и опасную редкость, а также о двух случайно напечатанных откликах библиографов, мечтающих о «систематическом изучении и просмотре журналов, альманахов, ежемесячников, газет, воспоминаний и пр.» для поиска информации о поэте, см.: *Тименчик Р. Д.* К истории культа Гумилева. I // Тыняновский сборник. М., 2009. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. С. 298–351.

³ Подробнее о нем см.: Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга / Публ. И. Г. Кравцовой (при участии А. Г. Терехова) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 523–525.

вариант в 1924 году находился у А. Н. Гумилевой-Энгельгардт). А 31 марта 1928 года у Н. Н. Пенчковского⁴ были скопированы 12 автографов переводов «Французских народных песен» (вышедших к тому моменту в Берлине (1923)), которые Гумилев продал ему осенью 1920 года.⁵

Выделяется группа переводов, не изданных на момент переписывания, с указанием, что собраны они в 1924–1927 годах. Среди них «Адская машина», «Жалоба вечного жида»;⁶ «Фидиле» Ш. Леконта де Лиля (скопированное у Лукницкого Горнунгом); «Благословенье» Ш. Бодлера, «Караван» Т. Готье, сохранившиеся только в списках Лукницкого.⁷

В самом конце вклеен тетрадный лист с двумя переводами стихотворений Гумилева «Вечер» (1914) и «Всадник» (1916) на немецкий язык, выполненными Д. С. Усовым и записанными им же.⁸

Дмитрий Сергеевич Усов⁹ (1896–1943) — поэт, переводчик (с латинского, немецкого и французского на русский; с русского на немецкий¹⁰), филолог-германист. С 1923 года сотрудник ГАХН (ученый секретарь Секции истории русской литературы, с 1925 года — ученый секретарь Кабинета революционной литературы¹¹), участник литературного объединения имени И. Ф. Анненского «Кифара».

Находятся также свидетельства об участии Усова в «московской группе акмеистов», которая образовалась в 1923 году, куда входили Н. Н. Минаев, М. Н. Яковлева-Ямпольская, Н. З. Пресман-Фридман, М. Тарловский, М. А. Зенкевич, С. Укше, А. Миних. На роль председателя приглашали О. Э. Мандельштама, который от нее отказался.¹²

Усов был одним из корреспондентов Горнунга, с которым состоял в переписке с 28 ноября 1923 года до 1941-го. С первым письмом Усов отправил собирателю «точную копию анкеты Н. С. Гумилева» в ЛИТО НКП. В фонде Горнунга в РГАЛИ также сохранились переписанные Усовым переводы Гумилева из «Трофеев» Ж.-М. де Эредиа.

К Лукницкому же Усов обратился 8 марта 1926 года по указанию «Вс. А. Рождественского в Ленинграде, В. И. Анненского в Д<етском> Селе и Л. В. Горнунга в Москве» с просьбой написать статью о Гумилеве для «Словаря русских писателей 1900–1925 годов» (издано в 1928 году с названием «Писатели современной эпохи»), который составлялся в ГАХН.¹³ В течение месяца работа над биографической справ-

⁴ Пенчковский Николай Николаевич (1883–1943) — журналист, сотрудник Ленинградского отделения Всесоюзного научного инженерно-технического общества полиграфистов и работников издательств, литературовед. Его архив погиб, видимо, в блокадном Ленинграде.

⁵ Сами автографы сохранились в виде разрозненных листов в Отделе рукописей РНБ и Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Когда-то единая тетрадь (разделенная, по-видимому, самим Гумилевым перед продажей) была заполнена зелеными чернилами, а номера страниц были проставлены в углу красными чернилами (по этим признакам и формату страниц обнаруживается единое происхождение находящихся в разных архивах материалов). Отсканированные листы, хранящиеся в Музее Анны Ахматовой, опубликованы на портале «Автограф»; см.: <http://gumilev.literature-archive.ru/ru/content/francuzskie-narodnye-pesni>; дата обращения: 31.07.2019.

⁶ Эти два перевода опубликованы Р. Тименчиком по копии из собрания В. Г. Данилевского (РГБ. Ф. 438. Оп. 2. № 51. Л. 2–5) в книге «История культа Гумилева» (М., 2018. С. 547–553; впервое: *Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon*. Frankfurt a/M., 2012. С. 269–273).

⁷ В настоящий момент они включены в издание: *Гумилев Н.* Переводы / Вступ. статья В. Е. Багно; сост., подг. текста и прим. В. В. Филичевой и К. С. Корконосенко. СПб., 2019 (сер. «Новая библиотека поэта»).

⁸ Подпись на листе: «Deutsch von D. Ussow».

⁹ Подробнее см.: *Нешумова Т. Ф.* О Дмитрие Усове — поэзия и правда // Усов Д. И. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 1: Стихи. Переводы. Статьи. С. 3–62.

¹⁰ «Библиографию печатных работ Д. С. Усова», включающую и указание на архивные материалы, см.: Там же. С. 507–536.

¹¹ См.: Там же. С. 31; см. также раздел «Деятельность Д. С. Усова в ГАХН» (Там же. С. 471–499).

¹² Цит. по: *Тименчик Р.* История культа Гумилева. С. 132. Сведения эти взяты из показаний Сусанны Ушке на допросе.

¹³ *Федоров В. С.* История создания в 1926–1928 гг. биобиблиографической справки о Н. С. Гумилеве // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 34.

кой была завершена (впоследствии Лукницкий был недоволен тем, как статья была отредактирована).¹⁴

Однако это не помешало Усову отправить свои переводы Лукницкому, о чем тот сообщил Горнунгу: «Усов прислал мне письмо с переводом двух стихотворений Н. С.». ¹⁵ Скорее всего, это и есть те два стихотворения, которые Лукницкий поместил в Альбом.

Переводы стихов Гумилева на немецкий язык упоминаются также в переписке Усова с Е. Я. Архиповым (письмо датируется февралем 1927 года): «Я делал в Неофилологической Библиотеке (в Историческом музее) доклад о современной русской поэзии (на немецком языке) (З. П). Доклад сопровождался чтением моих стихотворных переводов русских поэтов на немецкий язык. Были представлены Брюсов, Блок, Пяст, Ахматова, Гумилев, Комаровский, Цветаева, Шервинский, Мандельштам, Орешин, Есенин, Эренбург и Тихонов. После доклада Б. И. Ярхо сказал мне, между прочим, что все мои переводы выполнены на очень хорошем немецком литературном языке, тогда как далеко не все подлинники написаны хорошим русским языком». ¹⁶ В комментариях к письму указано, что из перечисленных пока не разысканы переводы из И. Эренбурга и Гумилева,¹⁷ отсутствуют они и в библиографии переводов Усова.

Позже, 17 января 1929 года, Усов представил доклад «Русская лирика в немецком переводе» в ГАХН, где были прочитаны его переводы из Пушкина, Баратынского, Сологуба, Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, Пяста, Шервинского, Есенина и Тихонова. В обсуждении после доклада суждения о переводах стихов Гумилева не высказывались.¹⁸

Мы не можем судить, сколько текстов Гумилева были переведены Усовым, но теперь два из них доступны читателям. Автограф Усова на тетрадном листе в «Альбоме» Лукницкого, видимо, единственный существующий экземпляр, сохранившийся только благодаря преданности делу собирателя.

Как известно, именно за эту преданность Лукницкий подвергся репрессиям: его собирательская деятельность была прекращена после ареста 22 июня 1929 года «по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в факте хранения архива врага народа Николая Гумилева»;¹⁹ тогда же в ОГПУ ему «доброжелательно рекомендовали» заниматься Есениным.²⁰ Можно предположить, что именно тогда ситуация обострилась и «нежелательность» имени Гумилева стала особенно очевидной.

Имя Усова вскоре также стало нежелательным (он был осужден в 1935 году на пять лет). С этого времени его переводы печатались либо без подписи, либо, как например «Жерминаль» Э. Золя, под псевдонимом А. В. Дмитриевский.²¹

Публикуемые ниже тексты приводятся по автографу Д. С. Усова, хранящемуся в Рукописном отделе Института русской литературы в составе Альбома Лукницкого (ИРЛИ. Ф. 754. Оп. 1. № 22. Л. 305–305 об.). Благодарю Р. Ю. Данилевского за помощь при подготовке текста.

¹⁴ Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга. С. 560–561 (письмо от 3 января 1928 года).

¹⁵ Там же. С. 543 (письмо от 7 мая 1926 года). Переводы Усова не единственные в коллекции Лукницкого. Отдельно хранятся тексты «Der Arbeitsmann» («Рабочий») Ф. Зелинского; «Jon temple, Seigneur, est au ciel...» («Храм твой, Господи, в небесах...») с примечанием: «Перевод Жарновской. Записан у А. И. Зубовой»; а также «Semiramide» («Семирамида»), «Le lac du Chad» («Озеро Чад»), «Les jardins de mon âme sont toujours méandreux...» («Сады души»), «Les amants» («Любовники») неустановленного лица с подписью: «Глубокоуважаемой Анне Андреевне с искренним чувством восхищенного преклонения. <Подпись> Петербург. 22/VI 28» (ИРЛИ. Ф. 754 (К). Оп. 1. № 154).

¹⁶ Усов Д. И. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. С. 417.

¹⁷ Там же. С. 419.

¹⁸ Там же. С. 419–421.

¹⁹ Двинятина Т. М. Н. С. Гумилев в литературном сознании конца 1920-х годов (Из комментария к дневнику П. Н. Лукницкого) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. науч. трудов. Петербургские чтения 2003. СПб., 2003. С. 191.

²⁰ Тименчик Р. История культа Гумилева. С. 144–145.

²¹ Усов Д. И. «Мы сведены почти на нет...». С. 11.

N. Gumiliow

DER REITER

Всадник ехал по дороге...

Ritt ein Reiter, nachtumsponnen.
 Späte Hunde heulten nur.
 Strenger Mond — der Wölfe Sonne —
 Goss sein Leuchten auf die Flur.
 Aber plötzlich, wie ein Rachen,
 Blinkt ein Stein, der tief gefurcht,
 Mit dem altengrimmen Lachen
 Jäh den Hengst versetzt in Furcht.
 Jener läum sich; dunkles Beben,
 Altes Grauen hat ihn gebannt,
 Jenes Grauen, wie es im Leben
 Nur den Pferden noch bekannt.
 Erdenbebens fernes Rollen,
 Schrecken, wenn der Tiger lacht,
 Sein an allem Lebenswollen
 Der Gespenster in der Nacht.
 Nüstern schäumig, resend wilde,
 Augen blutgetränkt und rund,
 Stürmt der Hengst durch Flachsgelilde,
 Stürmt die Gräser in den Grund,
 Dehnt sich durch die Fernen eben,
 Stürzt herab in wilden Schacht,
 Nicht mehr wissend: ist es Leben
 Oder schwarze Wolkennacht.
 Morgen. Trüb war er begonnen.
 Sein Gebiss verbarg der Stein
 Strenger Mond — der Wölfe Sonne —
 Wurde matt mit seinen Schein.
 Auf dem Dorfe heulten Hunde.
 Düster schlug die Kirchenglocke.
 Schäumig ward der Hengst gefunden;
 Von dem Herren — keine Spur.

ABEND

Как этот вечер²² грузен, не крылат...

Wie ist der Abend flügellos, gebannt!
 Melonenfarbig scheint des Himmels Rand.

 Den trägen Wolken gäb' man einen Stoss,
 Damit sie rollen von der Stelle los.

 An solchen Abenden, so langsam, faul,
 Jagt jeder Kutscher im Carrière den Gaul,

 Die Fischerleute rudern mit Gewalt,
 Die Förster fallen emsiger im Wald

²² Усов делал перевод по тексту, отредактированному А. А. Ахматовой. В автографе Гумилева и в составе сборника «Колчан» (1916) эта строка выглядит так: «Как этот ветер грузен, не крылат».

Die Eichenstämme, lockig, riesengross...
Die aber, denen anvertraut das Los

Der ewigen Bewegungen der Welt
Und deren Wesen alle Rhythmen hält —

Die dichten flugentspannte Versenreihn,
Vom Schlaf die Elemente zu befreihn.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-145-152

© Н. А. Богомолов

АННА АХМАТОВА: ЛЕТО 1927 ГОДА*

О том, что летом 1927 года Ахматова какое-то время провела в Кисловодске, внимательный читатель-современник мог узнать из пометы под стихотворением «Здесь Пушкина изгнание началось...».¹ Уже после ее смерти были опубликованы дневниковые записи П. Н. Лукницкого, в которых зафиксированы и процедура получения путевки в санаторий ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых), и отъезд, и рассказы по возвращении,² изрядное количество подлинных документов процитировано В. А. Черных.³ Хронологическая канва воссоздается таким образом.

10 мая 1927 года она проходит медицинскую комиссию и получает направление в санаторий в Кисловодск на июнь-июль (Лукницкий, 250; Летопись 288). 18 и 22 мая как примерная жена просит Н. Н. Пунина о разрешении ехать в Кисловодск и проводить ее туда (Лукницкий, 256; Летопись, 289). 1 июня Лукницкий записывает: «АА сегодня получила извещение из Секции научных работников о том, что место в санатории в Кисловодске ей предоставляется с 20 июня по 25 июля. АА согласна ехать. АА едет в Кисловодск по необходимости, потому что уж очень плохо состояние ее здоровья, но едет с большой неохотой, почти против желания» (Лукницкий, 262). 6 июня сообщает об этом матери, еще без указания даты отъезда (Летопись, 290).

Незадолго до отправления (и ареста Лукницкого) говорит с ним: «АА очень не хочет ехать в Кисловодск, потому что не выносит санаторного режима («я человек пустынный»), потому что там ей придется делить с кем-то комнату — а при ее бессоннице это вызывает недовольство соседки. Там, конечно, запрещено курить и пр., и пр.», и далее: «АА сегодня говорила со мной о Кисловодске. Приводила даже такие доводы — что может случиться война, и она может оказаться отрезанной, потому что все пассажирские поезда будут отменены, и она останется там одна, без денег, больная, и при этом с ее полным неумением „устраиваться“, что-то придумывать, доставать себе удостоверение, добиваться» (Лукницкий, 273). Однако 18 июня⁴ она все-таки едет, на следующий день в Москве опускает открытку В. К. Шилейко⁵ и 20 июня прибывает в Кисловодск.

* Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“», НИУ ВШЭ.

¹ Второе стихотворение с такой же пометой («Кавказское») было впервые опубликовано лишь посмертно.

² См.: Лукницкий П. Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. М.; Paris, 1997. Т. II: 1926–1927. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с пометой: Лукницкий, и указанием страницы.

³ Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966 / 3-е изд., испр. и доп. [М.], 2016. Далее цитируется в тексте сокращенно с пометой: Летопись, и указанием страницы.

⁴ В Летописи (с. 291) дата снабжена вопросительным знаком, поставленным, скорее всего, из осторожности.

⁵ Полный текст см.: Ахматова А. Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста М. М. Кралина. М., 1990. Т. 2. С. 195.

Историк литературы И. Н. Розанов, уже несколько дней живущий в санатории, пишет жене К. А. Марцишевской в недатированном письме: «Мои сожители: Ипполит Ипполитович, красивый сухой инженер (57 лет), молчаливый и сдержанный, и Сергей Гаврилович, инженер, похожий больше на монтера или студента-техника, хотя ему 37 лет <...> Насколько далеки эти люди от литературы, приведу пример. Когда я сообщил Сергею Гавриловичу о приезде Анны Ахматовой, он сказал: „А я в театры редко хожу и никогда ее не видал. На этот счет я слаб“». ⁶

По возвращении она рассказывала Лукницкому (запись в его дневнике датирована 2–27.07.1927: «Читала Пушкина „Дон“ в поезде — и когда туда, и когда обратно ехала и проезжала Дон. Очень любит „Каменного гостя“» (Лукницкий, 279). Уточнение к этой записи находим далее: «Когда АА ехала в Кисловодск, очень желала смерти себе. И только приехав, только увидав мирные горы, мирный мир — перестала хотеть смерти. Ехала туда смятенная, гневная, печальная, отчаянная... Совсем не помнит пути туда...» (Лукницкий, 282).

Но в санатории многое переменялось. Прежде всего, Ахматова не забывает заметить, что «была в „Алаверды“ (в К<исловодске>) единственной дамой в небольшой компании» (Лукницкий, 279), что ее «просили читать стихи. Не читала (в К<исловодске>)» (Лукницкий, 280). Среди членов этой небольшой компании она называет известную певицу М. И. Бриан, а в основном — «В К<исловодске> с Маршаком все время до 26-го (26-го он уехал)» (Лукницкий, 280). О нем же пишет 23 июня и Розанов: «Небольшую группу занял своей беседой Маршак. Это детский писатель из Петербурга. Он три года прожил в Англии и имеет европейский налет». Потом, как увидим далее, он сделает его гораздо более значимым персонажем для всего пребывания Ахматовой в санатории, но пока что упоминает его лишь как почти неизвестного автора.

Судя по всему, Розанов очень рассчитывал возобновить сложившиеся четыре года назад отношения с Ахматовой, которые, видимо, можно определить как обоюдную симпатию. ⁷ Однако этого не получилось, и первые записи о прогулках и беседах с нею или откровенно разочарованные, или имеют чисто фактологический характер. Убедительно говорится об этом в письме, обозначенном несколькими датами:

«№ 6 24 (пятница) июня 1927. 6 ¾ ч. вечера.

Сейчас вернулся, моя Тусёночек <так!>, из первой прогулки в город. Мне хотелось опустить тебе письмо № 5, а Анне Ахматовой надо было послать телеграмму в Японию. Пошли вместе на вокзал. Письмо мое № 5 опускала в ящик на вокзале Анна Ахматова: „На счастье!“ <...> Возвращались окольным путем. Беседа внешняя о заграничных впечатлениях, о жизни в Питере и т. д. Нет конгениальности.

8 ½ ч. вечера.

Впечатления сегодняшнего дня: 2 беседы: с Тренивым и с А. Ахматовой.

Первый рассказал, что его очень огорчает и смущает неуспех „Пугачевщины“ и успех пьесы „Любовь Яровая“, вещь, испорченная цензурой и самому автору неприятная. Рассказал он про свою писательскую карьеру. <...>

О разговоре с Анной Ахматовой говорить не буду. У нас с нею нет никакой конгениальности. Смотрим в разные стороны. <...>

25 p. s.

9 ч. утра. После завтрака сижу в саду за столом рядом с Анной Андреевной. Верховский ⁸ тут же делает из дерева чертиков. <...>».

⁶ Письма хранятся в Государственном музее А. С. Пушкина в составе библиотеки русской поэзии И. Н. Розанова, переданной туда К. А. Марцишевской. Далее цитируем их без указаний на это собрание. Приносим искреннюю благодарность за всяческое содействие хранителю фонда Е. А. Пономаревой.

⁷ Подробнее см.: Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова (1914–1924) // Русская литература. 2016. № 3. С. 200–223.

⁸ Здесь речь идет не о Юрии Никандровиче Верховском, с которым Розанов дружил до конца его жизни, а о его брате, известном химике Вадиме Никандровиче Верховском (1873–1947).

Любопытное психологическое свидетельство находим в письме днем ранее, 23 июня, с пометой 5½ утра: «Живу в ожидании твоих писем. А вот Анна Ахматова говорит, что не любит получать писем. Каждое полученное письмо обязывает, а каждая обязанность ее тяготит. Здесь уже особая психология. Надо раззнать ее биографию, хотя бы так, как я уже знаю биографии супругов Гливенко».⁹ В письмах от 1 и 4 июня содержатся упоминания об Ахматовой, но вряд ли они существенны. В первом случае Розанов схематически изображает, как расположены столики, за которыми сидят питающиеся пациенты, и прибавляет: «Обрати внимание, где сидит Ахматова. Я вижу ее профиль, и он кажется мне птичьим. <...> Ряд, ближайший к саду, получает особенный „растительно-молочный стол“ (Ахматова, Сакулин и проч.)». Второе — просто фиксация: «Сегодня главные впечатления: беседа с А. Ахм<атовой>, очередной визит к доктору и встреча на вокзале с Ириной¹⁰».

Судя по всему, затем на какое-то время Ахматова осталась без компании, почему возобновляет разговоры с Розановым. 6 июля он рассказывает (помета: 2 ч<аса> дня): «Перед обедом часа 1½ просидел в лонг-шезах с А. Ахм<атовой>. Она возмущалась Максом, которого совсем почти не знает, по поводу его рассказов о Керубине и о дуэли.¹¹ По ее словам, дело было совсем не так. И Макс¹² играл тут не очень красивую роль. Потом она говорила про свое отношение к соврем<енным> писателям. В руках у нее было „Дело Артамоновых“ Горького. По ее мнению, слишком сильно влияние Зола и потому как-то скучно и ненужно».

На следующий день сперва следует запись довольно нейтральная (хотя для тех, кого интересует эта сторона жизни Ахматовой, кажется, неожиданная: по остальным свидетельствам, у них с Тапом была взаимная симпатия): «А.А. любит собак. Я рассказал ей про Джэка. Она пожаловалась на „любовь без взаимности“. Собака ее „прежнего мужа Володи Шилейко“, — она так и сказала, — безумно любит его, а к ней равнодушна, к ее огорчению», — а затем вполне содержательная:

«9 ч. 50 м. в. Дома после концерта.

— Анна Андреевна, я Вас давно не видал...

— Вы, Иван Никанорович, меня совсем разлюбили...

Так начался сегодняшний разговор после ужина. Ходили по саду, сели на скамейку, говорили о Бунине (она очень бранила его последние вещи «Дело Елагина» и «Митину любовь», последняя кажется ей и фальшивой, и плохо сделанной даже композиционно), о Достоевском (не верит, что «Крокодил» сатира), о вражде писателей (если бы Толстой познакомился с Достоевским, они бы непременно поцарапались), о Пушкине и Вяземском».

Но с 12 июля их снова разводит обстоятельства и привычки Ахматовой. Розанов общает: «Сегодня приехал Качалов. <...> 2 ч. дня. Качалова посадили за столик с Анной Ахматовой, где раньше сидел уехавший теперь Ершов. <...> 21-го уезжают оба моих сожителя-инженера, 23 — супруги Гливенко, 23 вечером А. Ахматова».

Отношения с В. И. Качаловым у Ахматовой были непростыми. Они познакомились незадолго до ее отъезда в Кисловодск. 10 июня у А. Н. Толстого была вечеринка с участием артистов МХТ и приглашенных ленинградцев. Рассказывая об этом вечере

⁹ Гливенко Иван Иванович (1868–1931) — историк литературы. Возможно, не лишним будет упомянуть, что он интересовался психоанализом. Описание беседы с его женой Розанов включил в свои письма.

¹⁰ Личность установить не удалось.

¹¹ Розанов был у М. А. Волошина в Коктебеле в 1926 году, а в начале 1927 года, приехав в Москву, Волошин побывал у него в гостях (см.: Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007 (по указателю)). Керубина — Черубина де Габриак. Ее история интересовала Розанова издавна. См., например: Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 204. Ахматова же по возвращении говорила Лукницкому: «В К<исловодске> И. Н. Розанов рассказал, как Волошин рассказывает о дуэли. АА страшно негодовала и сказала истину» (Лукницкий, 282).

¹² Сделано примечание Розанова: «А особенно какой-то Гюнтер». Имеется в виду немецкий поэт и переводчик Иоганнес фон Гюнтер (1886–1973), действительно сыгравший неблагоприятную роль в разоблачении мистификации с Черубиной де Габриак.

(точнее, ночи: гости были приглашены к полуночи), Ахматова несколько раз фиксировала задевавшие ее особенности поведения Качалова (см.: Лукницкий, 269–272), хотя он явно старался произвести на нее впечатление. Еще более решительно она говорила Розанову на следующий день после первой кисловодской встречи (и это последнее упоминание о ней в письмах): «А. А. в ужасе от Качалова: 1) приехал пьяным и до сих пор не может вполне прийти в себя и 2) у него крашенные волосы (и безобразно крашенные). 3) Sic transit...» Этот пассаж выразительно подкрашивает подробный рассказ Р. Д. Тименчика об отношениях артиста и поэтессы.¹³ Но все же новая компания, кажется, ее больше устраивала, тем более что она умиралась присутствием К. С. Станиславского, оставившего описание самого санатория и его обитателей в письме.¹⁴ Его упоминаниями практически завершаются рассказы Ахматовой о Кисловодске: «Шамурин, Качалов, Станиславский... Доктор красивый и глупый,¹⁵ Ершов, Бриан. Станиславский предлагал написать пьесу. А когда отказалась — предложил перевести пьесу. То же отказалась. Комический случай: Станиславский предложил АА дать ей рекомендательное письмо к Головину» (Лукницкий, 281).

Однако только письмами И. Н. Розанов не ограничился. Он был большим поклонником домашнего стихотворчества и до последних дней жизни писал стихи по самым разным поводам. Здесь поводом послужило месячное пребывание рядом с поэтессой, которую он давно и высоко ценил. 29 августа помечено его довольно длинное описательное стихотворение в одном из блокнотов, ныне хранящихся в Государственном музее А. С. Пушкина. Автограф явно черновой, карандашный, но правка незначительна, и если где-то сохранился беловой вариант, вряд ли он особенно отличается от публикуемого нами текста.

В нем есть несколько разноплановых пластов, которые стоит отметить в преамбуле.

Первые две строфы — ожидания автора от еще одного свидания с Ахматовой. После них четыре строфы об истории русской женской поэзии поставлены нами в соответствии с знаками перестановки. Затем идет повествование, довольно подробно отрадившееся в дневниковой прозе,¹⁶ о долгом ожидании встречи с живой Ахматовой и наконец-то случившемся свидании в двух частях.

Явно ироничны строфы с рефреном: «Шамурин, Орбели, Маршак» и т. п. Прежде всего, потому что Маршак не мог быть с ними вместе — он рано уехал. Во-вторых, из-за нацеленности собеседников на развлечение, а не на серьезные беседы. И уж совсем закрывает тему вариант строки: «Задумчивые, как ишак». Вряд ли можно сомневаться, что автор стихотворения печалился из-за своего отлучения от бесед и что он завидовал тем, кто привлекал внимание Ахматовой.

29 авг.

АННА АХМАТОВА

Ахматова Анна Андреевна
К нам скоро приедет сама.
Ни в лирике новой, ни в древней
Такой поэтессы нема».¹⁷

¹³ *Тименчик Р. Д.* Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2013. Вып. 11. С. 146–151.

¹⁴ *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 8. С. 158–160.

¹⁵ Вероятно, «доктор Каган», упомянутый в стихотворном послании Качалова к Ахматовой, написанном после ее отъезда (*Тименчик Р. Д.* Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 148).

¹⁶ См.: *Богомолов Н. А.* Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 200–223.

¹⁷ Открывающей кавычки нет. Вероятнее всего, она должна была выделить лишь одно последнее слово.

Вот первое, что я усвоил,
Когда в Кисловодск прискакал,
И слух этот цену утроил
Всех этих нарзанов и скал.

Была Турчанинова Анна
И Бунина Анна была.¹⁸
Как женщины, непостоянна
Их слава-кокетка ушла.

Впоследствии лирой своею
Прославилась Ростопчина.¹⁹
Но строгая критика ею
Не надолго увлечена.

Претензий на первое место
Немало имела она —
Мицкевича раньше невеста
И Павлова после жена.²⁰

Хоть Брюсов весьма осторожно
Когда-то ее воскресить
Пытался,²¹ но разве возможно
С Ахматовской славой сравнить?

Скупы ее строки, но четки,
В них женская гордость и грусть.
Особенно славились «Четки»,
Я многое знал наизусть.

Над ней Виноградов трудился,
Но был тот анализ бескрыл.²²
Георгий Иваныч гордился,
Что он ее первый открыл.²³

Но в Царском Селе на вокзале
Пробился негадан-неждан,

¹⁸ Анна Александровна Турчанинова (1774–1848) и Анна Петровна Бунина (1774–1829) — русские поэтессы.

¹⁹ Евдокия Петровна Ростопчина (урожд. Сушкова, 1811–1858), поэтесса.

²⁰ Речь идет о поэтессе Каролине Карловне Павловой (урожд. Яниш; 1807–1893). Действительно, она была невестой А. Мицкевича, но стала женой прозаика Николая Филипповича Павлова (1803–1864).

²¹ Имеется в виду двухтомное Полное собрание сочинений К. Павловой под редакцией В. Я. Брюсова (М., 1916).

²² Речь идет о работах Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969) «О поэзии Анны Ахматовой: Стилистические наброски» (Л., 1925) и «О символике Анны Ахматовой: Отрывки из работы о символике поэтической речи» (Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922. Кн. 1). В 1923 году Розанов записал: «Провожали с Н. К. <Гудзием> Анну Ахматову до дому: Говорила о 1) критиках формальн<ого> метода — отрицательно, особ<енно> о работе Виноградова — „это совсем не нужно“ — „я еще не история“ и т. п.» (Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 221).

²³ О своих отношениях (многое скрывая) Г. И. Чулков (1879–1939) рассказывал Розанову в 1919 году (Там же. С. 211–213). Подробнее об этом см.: *Тименчик Р.* 1) «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из именного указателя. I // Эткиндовские чтения. СПб., 2006. [Вып.] II–III. С. 265–266; 2) Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2012. Вып. 10. С. 146–165. Вторая статья значительно подробнее, однако использует не все сведения из первой.

Пока по платформе шагали,
Поэзии новый нарзан.

Кузьмин <так!>, расставляющий «Сети»,
Ее с предисловьем издал,²⁴
И был уже год двадцать третий,
Когда я ее увидал.

Тот год был и годом «Плеяды».²⁵
И с этой «Плеядой» моей,
И с Гудзием, мужем отрады²⁶
Мы весело двинулись к ней.

Квартирки японская сказка,
Экзотика и красота —
Меня поразила окраска,
И синий, и желтый цвета.

Был мудр ее взгляд, как Вергилий,
И профиль был сух, как вопрос.
Не помню, о чем говорили,
Запомнились челка и нос.

Мне памятна встреча другая:
Над городом ночи ковер.
По улицам сонным шагая,
О Блоке вели разговор.²⁷

С Васильевского до Фонтанки
Срывались с ахматовских губ
Рассказы о бабке-гречанке,
О том, что ей Киев не люб.

Бывало, иные рассказы,
Как дым, вылетают в трубу,
Но это припомнил я разом,
Как только попал в ЦЕКУБУ.

Явилась. Но был озабочен
Ее изменившийся лик.²⁸
Кавказом пленялась не очень,
На почту скорей норовит.

Но кто здесь подолгу нахмурен?
Здесь чаще веселая речь.

²⁴ Имеется в виду предисловие М. Кузьмина (Розанов упорно пишет его фамилию с мягким знаком), автора сборника стихов «Сети» (М., 1908), к первой книге Ахматовой «Вечер» (СПб., 1912).

²⁵ Речь идет о книге Розанова «Пушкинская плеяда. Старшее поколение» (М., 1923). Текст надписи на ней: «Любимому поэту Анне Андреевне Ахматовой. 16.8.23» (*Тименчик Р. Д.* Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 11. С. 153). Отметим, что 16 августа Розанов с Ахматовой никак не мог видеться, следует читать: 16.7.

²⁶ Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965), литературовед. В 1923 году был вместе с Розановым в Петрограде и в санатории под ним.

²⁷ Речь идет о разговоре 18 августа 1923 года, когда Розанов и Гудзий провожали Ахматову. См.: *Богомолов Н. А.* Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 221.

²⁸ Вариант строки: «Ее средоточенный лик».

Орбелли <так!>, Маршак и Шамурин²⁹
Ее постарались развлечь.

Вниманьем ее овладели,
Нередко тут слышался смех.³⁰
Шамурин, Маршак и Орбелли
Явились счастливее всех.

И выбор ее был недурен,
Но был ли меж ними раздор?³¹
Орбелли, Маршак и Шамурин
Умели вести разговор.

Печатать ее перестали.
Они ж стерегли каждый шаг
И вместе стихи с ней читали
Шамурин, Орбелли, Маршак.

Была она всем им соседка —
Во флигеле я обитал,
И в «Дом» приходя, очень редко
Ее я одну заставлял.

Я ей сообщил, что Волошин
Рассказывал нам про дуэль,³²
И после был сам огорошен,
Попав неожиданно в цель.

«О, как Вы меня взволновали,
Я знаю, что он не со зла,
Спасибо, что Вы рассказали,
Но я, я всю ночь не спала».

Не знаю о «звуке пощечин»³³
И был или не был прицел.
Но был Г<умилев> окорочен,
Ведь он уже был офицер.³⁴

Конечно, они не для вида
Разрезали узел тугой,
Но там, где иному обида,
Беспечно смеялся другой».³⁵

Приветливая и простая
Встречалась со мной каждый раз,

²⁹ Рубен Абгарович Орбели (1880–1943) — брат знаменитых Л. А. и И. А. Орбели, юрист, ученик Б. В. Никольского (был женат на его сестре), в конце 1920-х годов работал в Библиотеке Академии наук. В 1930-е стал одним из основателей подводной археологии. Евгений Иванович Шамурин (1889–1962), литературовед и книговед. Один из составителей знаменитой антологии «Русская поэзия XX века» (М., 1925).

³⁰ Первоначально: «Другие, быть может, робели, / Не смели вниманья привлечь».

³¹ Незачеркнутый вариант: «Какой же тут может быть спор».

³² Речь идет о дуэли М. А. Волошина и Н. С. Гумилева 22 ноября 1909 года, вызванной раскрытием истории Черубины де Габриак.

³³ Имеется в виду реплика И. Ф. Анненского после того, как Волошин ударил Гумилева: «Достоевский прав: звук пощечины, действительно, мокрый» (*Волошин М. Собр. соч. / Под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. М., 2008. Т. 7. Кн. 2. С. 450*).

³⁴ Гумилев офицером не был, высший его чин — прапорщик.

³⁵ Вписано на полях и не зачеркнуто: «Задорно смеялся другой».

Но вскоре, как белая стая,³⁶
В дорогу она поднялась.

Знать, письма ее одолели,
Согнали с Кавказской земли,
Шамурин, Маршак и Орбели
Ее удержать не могли.

Она отлетела до срока,
И, взвешивая каждый шаг,³⁷
Бродили потом одиноко
Шамурин, Орбели, Маршак.

Далее в дневнике Лукницкого под рубрикой «Август–сентябрь 1927» записано: «Раз или два в Шереметевском доме был Маршак. Пунин и тут — ревнует. <...> Орбели (он и она) были один раз у АА с визитом» (Лукницкий, 289). А между тем разговоры с Орбели были для нее очень важны. «...Жизнь АА за последние годы складывалась так, что все окружающие ее люди были так загружены своими жизненными тяготами, так обременены, что стоило их толкнуть, и они могли бы пойти ко дну. Они наваливались этой тяжестью на АА, и она выносила их тяжести на себе. <...> И потому ей не хотелось ничего, не хотелось ни лечиться, ни выздоравливать, ни уехать, ничего не хотелось. <...> И вдруг в Кисловодске встретился Орбели. Она почувствовала, что она может свалить на него свою собственную тяжесть, потому что он сильный. И она это сделала, и стала легкой, веселой, не обремененной никаким грузом и здоровой. <...> Первый раз за много лет АА встретился человек, который принял ее груз на себя, принял, не заметив этого сам и не зная этого...»³⁸ И на этом, кажется, кисловодский сюжет в жизни Ахматовой заканчивается.

³⁶ Подразумевается название третьего сборника стихов Ахматовой «Белая стая» (1917).

³⁷ Как варианты, вписано: «Задумчивые, как ишак» и «И медленно меряя шаг».

³⁸ Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 169.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-152-158

© Л. В. Хачатурян

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ЗАЧЕРКИВАНИЕ. К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ИМПЕРАТОР»*

Стихотворение «Император», посвященное расстрелу Николая II и его семьи, по праву считают одним из самых спорных в поэтическом наследии В. В. Маяковского. Столь же неоднозначно сложилась публикационная судьба этого текста. С момента его создания прошло более девяноста лет, но до сих пор не установлена окончательная редакция.

Стихотворение отчетливо делится на три части. Узловым событием первой из них является торжественный визит императора Николая II в Москву, свидетелем которого был Маяковский: «Помню — / то ли пасха, / то ли — / рождество».

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“, НИУ ВШЭ.

корону
 можно
 у нас получить,
 но только
 вместе с шахтой.
 (т. 9, с. 29–30)

В качестве «недостающего звена» исследователи приводят фрагмент, опубликованный В. А. Арутчевой в разделе «Неиспользованные рифмы и строки»:

Я сразу вскину две пятерни
 <...>
 Я голосую против
 Спросите руку твою протяни
 казнить или нет человечьи дни
 не встать мне на повороте
 (т. 9, с. 444)

В разное время, в зависимости от состояния общественного мнения и собственной позиции исследователя, эти строки, как и сам факт «вычеркивания» заключительной части, получали полностью противоположные оценки: политические,⁴ этические⁵ и даже эстетические.⁶

Пытаясь разобраться, какова была и как менялась авторская интенция на различных этапах создания стихотворения, обратимся к первоисточнику.

* * *

Работа над текстом начиналась в записной книжке. В статье «Как делать стихи?» Маяковский точно определил положение записной книжки в ценностной иерархии поэта: «Об этой книжке пишут обычно только после писательской смерти, она годами валяется в мусоре, она печатается посмертно и после „законченных вещей“, но для писателя эта книга — всё» (т. 12, с. 91).⁷ Подобное отождествление себя и своего рабо-

⁴ Ср.: «Но в строчках явно не срабатывает то политическое чутье, которым Маяковский очень дорожил. Да, мы гуманисты, но гуманисты пролетарские, а не евангельские всепрощенцы» (*Пудваль А.* Поиск. Рассказы литературного следопыта. Свердловск, 1974. С. 52).

⁵ «Картина страшна и впечатляюща. Что она изображает? Крах царизма? Разумеется. Но, может быть, поэт имел в виду и нечто иное? На это намекают строки из рабочей версии стихотворения <...>. Здесь выражается запретная мысль, а именно: убийство царской семьи безнравственно — и безнравственно не вообще, а исходя из норм коммунистической морали» (*Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2016. С. 87). Ср. также: «Янгфельдт с симпатией говорит о гуманистическом порыве, который, видимо, охватил Маяковского, когда тот узнал подробности казни царской семьи. <...> В идее показывать царскую семью в зверинце гуманизма мало. <...> Однако противоречие, нервом прошедшее через жизнь Маяковского, уловлено точно. Гуманист здесь отождествляется с лириком: с какого-то времени Маяковский начинает отрицать ценность и значение личности, что на самом деле полностью противно его природе — в этом Янгфельдт и видит трагедию» (*Оборин Л.* Красная книга. [Рец. на:] Бенгт Янгфельдт. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг // Знамя. 2010. № 3. С. 225).

⁶ «Перед нами наброски фраз, несомненно, согласованных с какими-то поворотами мысли поэта, но они не предназначались для постороннего глаза <...>. Это — та самая „словесная руда“, из тысяч тонн которой, согласно известному афоризму Маяковского, извлекаются лишь граммы полновесных слов. Не осторожничающий „внутренний цензор“, а сам требовательный к себе поэт их забраковал: по заключенному в них словесному жесту они категорически не вписывались в тот подспудный „гул“, которым наполнены две контрастирующие между собой части стихотворения» (*Лукьянин В.* Маяковский «сам» и пять его свердловских дней. С. 208).

⁷ Или иронично: «Хорошая записная книжка и умение обращаться с нею важнее умения писать без ошибок подходящими размерами» (т. 12, с. 116).

чего инструмента было свойственно не только Маяковскому. Практически в унисон с ним звучат высказывания о черновых тетрадах Марины Цветаевой, поэта еще более категоричного: «Россия без меня обойдется, без тетрадей — нет. / Я без России обойдусь, без тетрадей — нет».⁸ Разного формата, от карманных до настольных, на протяжении пятнадцати лет записные книжки сопровождали Маяковского постоянно.⁹ Чтобы всегда иметь одну из них под рукой, он вел несколько записных книжек одновременно.

При первом рассмотрении записи в них кажутся хаотичными: «Маяковский начинает то с концевых, ударных строк, то с середины, то с начала стихотворения. Установить здесь какую-нибудь закономерность записи весьма трудно».¹⁰ Сложившееся мнение о «поэтическом беспорядке» записных книжек вполне объяснимо. В данном случае мы имеем дело не с последовательно воспроизведенным текстом (черновые и беловые автографы), и даже не с контекстными записями (дневник, альбом), а непосредственно с рабочим, специфически организованным пространством. По справедливому замечанию современных исследователей, «записные книжки — совершенно особый жанр литературы. <...> Здесь многое не завершено, не досказано и требует комментариев».¹¹

Пространство записных книжек имеет собственную коммуникацию. Записи в них диалогичны, но это внутренний диалог: здесь совпадают автор и адресат. При передаче самому себе уже известной информации — переписывании одних и тех же строф — происходит их обработка.¹² Учитывая комментарии Маяковского («Как делать стихи?») и наблюдения В. А. Арутючевой, можно проследить, как появлялась самая первая запись художественного текста: «Он (В. В. Маяковский. — Л. Х.) работает над стихотворением не от начала к концу, последовательно развивая тему, а создает отдельные строфы без всякой видимой внутренней связи».¹³ Его фиксация начиналась с узлового момента — строфы «наибольшего значения», и лишь затем, на втором этапе, возникали «начало» и «конец», происходило объединение готовых строф в целостное произведение. «...Я начинаю их (кирпичи, строфы. — Л. Х.) примерять, ставя то на одно, то на другое место, прислушиваясь, как они звучат, и стараясь представить себе производимое впечатление» (т. 12, с. 107). На следующем этапе строфы переписывались в нужной последовательности набело. При этом воспроизведенный текст вычеркивался из черновика вертикально, широкой чертой через всю строфу. Как отмечает Арутючева, «в результате этой работы он или перенумеровывал строфы или переписывал их в нужной последовательности, вычеркивая в записной книжке уже переписанную строфу. Поэтому подавляющее большинство черновиков в книжке

⁸ Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 606. О роли записных книжек и рабочих тетрадей в создании художественного текста см., например: Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105; Бродовская Ю. И., Лубяникова Е. И. Черновые тетради М. И. Цветаевой 1919–1921 гг. // Цветаева М. И. Творческие тетради. СПб., 2018. Т. 1. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г. С. 149–156; Хачатурян Л. В. «Мой письменный верный стол...»: художественный текст в черновой тетради Марины Цветаевой 1939–1940 годов // Русская литература. 2018. № 2. С. 245–252.

⁹ Есть сведения о 73 записных книжках (рабочих блокнотах и тетрадах) Маяковского, 72 из которых имеют сплошную нумерацию. В 1930 году сам поэт отдал 4 записных книжки в ГЛМ (ныне РГАЛИ). В 1938 году 68 записных книжек были переданы Л. Ю. Брик в Библиотеку-музей В. В. Маяковского (ныне: Государственный музей В. В. Маяковского — ГММ). Одна записная книжка, датированная 1928 годом и не включенная в общую нумерацию (хронологически — между 64 и 65), находилась в частном архиве Т. А. Яковлевой-Либман. См. об этом: Арутючева В. А. Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 326–328, 395–396.

¹⁰ Реформатская Н. В. Работа Маяковского над циклом стихов «О поэзии» // Литературная учеба. 1937. № 5. С. 60.

¹¹ Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр. С. 90.

¹² См. об этом: Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 25.

¹³ Арутючева В. А. Записные книжки Маяковского. С. 329.

перечеркнуто».¹⁴ Итак, в записных книжках Маяковского встречаются два вида зачеркиваний, имеющих отчетливое функциональное разделение: при непосредственной работе над текстом применялось горизонтальное зачеркивание, а при перенесении в беловик готовых строф вертикальное.

Текст, не зачеркнутый вертикально, сохранял статус черновой заготовки и мог быть использован как часть другого произведения. Так, на одном из разворотов карманной записной книжки Маяковский зафиксировал строфу, не востребованную как самостоятельный текст зимой 1927–1928 года.

Уже второй
должно быть ты легла.
Покой благой
в ночи млечпуть серебряной окою
Я не спешу, и молниями телеграмм
Мне не зачем тебя
будить и беспокоить.¹⁵

Осенью 1928 года он перенес эту строфу в другой блокнот,¹⁶ где она стала частью стихотворения, написанного по другому поводу и посвященного другой женщине.

На этапе вертикального зачеркивания работа в записной книжке заканчивалась, и страница становилась такой, какой мы видим ее сейчас. Этот вид записи совершенно по-разному воспринимается дилетантом и текстологом. Текстолог профессионально считывает слои правки, двигаясь от финального этапа работы к первому.¹⁷ Дилетант видит бессмысленно перечеркнутый во всех направлениях текст, что дает ему широкий простор для выводов об эмоциональной нестабильности поэта или принципиальной непознаваемости художественного творчества.

* * *

Работа над стихотворением «Император» была начата Маяковским в записной книжке № 55 — детском блокноте «Для стихов» с разноцветными страницами.¹⁸ Первая запись сделана сразу после поездки, предположительно — 30 января 1928 года. Цифровой архив позволяет увидеть работу над черновым текстом:¹⁹

Землю снегом заволокло
.....
да лишь брюхатые следы волков
и мелкие диких козлов.

рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении его в новую квартиру.

и [лишь] только по следу диких козлов
брюхатый след волков.
.....

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 22 об.

¹⁶ Записная книжка № 54 (ГММ).

¹⁷ Яркий образец динамической транскрипции записных книжек Маяковского продемонстрирован Арутчевой, восстановившей процесс переписывания белового варианта стихотворения «Зевс-опровержец» из записной книжки № 62 в записную книжку № 63: «С карандашного текста сделан беловик, на что указывают перечеркнутые строфы, которые, по мере переписывания, Маяковский одну за другой вычеркивал чернилами» (Арутчева В. А. Записные книжки Маяковского. С. 338).

¹⁸ Записная книжка № 55. Январь–март 1928 года (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71).

¹⁹ Записная книжка опубликована на портале «Автограф»: <http://majakovskiy.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-s-nabroskami-stihotvoreniy>.

Корону вновь на башку получить
 Корону может на лоб получить
 Но только вместе с шахтой.

толи пасха, толи рождество <так!>
 вымыто и насухо
 расчищено торжество.

.....
 И зазвонившие колокола
 <за>лились в дамском писке:
 Ура царь государь Николай
 император и самодержец всероссийский²⁰

Последние две строфы перечеркнуты синими чернилами характерным вертикальным зачеркиванием — они почти дословно вошли в беловой текст. На следующем развороте Маяковский вернулся к первой строфе и записал ее в окончательном варианте. И опять синими чернилами вертикально вычеркнул сделанную графитным карандашом запись, тем самым утвердив ее.

<...>
 Вселенную снегом заволокло
 Не зги не/видать <так!> как на зло.
 И только следы от брюха волков
 По следу диких козлов²¹
 <...>

Подобную правку мы видим на каждом листе записной книжки, включая страницы с заключительной частью стихотворения. Примечательно, что здесь в статусе заготовки оставлена первая строфа, позднее ставшая «моралью» стихотворения. Все остальные переписаны в беловик²² и вертикально вычеркнуты справа налево:

Прельщают многих короны лучи
 Ну что же пожалте сюда палачи
 Все и {Но знайте} бояре и шляхта
 Корону можно у нас получить
 Но только вместе с шахтой

 В короне из золотожилья
 Башкой в изумрудные копи
 Лежит как его уложили
 На лоб драгоценности копит.

 Я вскину {сразу} две [моих] пятер<ни>
 [Что] я голосую против.
 Спросите руку твою протяни
 Казнить или нет человечьи дни
 не встать мне на повороте
 живые так можно в зверинец их

²⁰ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 4 об. Здесь и далее отточием обозначены незаполненные строки, угловыми скобками — конъектуры текстолога, квадратными — зачеркнутые, а фигурными — вписанные сверху слова.

²¹ Там же. Л. 5 об.

²² Наиболее вероятно — в сентябре 1928 года в записную книжку № 63 (ГММ). К сожалению, в связи с ремонтом музея записные книжки из этого собрания находятся на сейфовом хранении и недоступны исследователям.

промежду гиеной и волком
 И как не крошечен толк от живых
 от мертвого меньше толку
 Мы повернули истории бег
 Старье навсегда провожайте
 Коммунист и человек
 не может быть кровожаден²³

Именно поэтому, возвращаясь к вопросу о том, по каким политическим, этическим или эстетическим причинам Маяковский снял заключительную часть стихотворения «Император», мы не можем дать какой-либо определенный ответ. Поэт не отказывался от нее. Его правка означала не уничтожение, а утверждение текста: сосуществование в блокноте двух редакций стихотворения. Первой, развернутой, состоящей из трех частей, и второй, «цензурированной», в которой строфы, противоречащие советским реалиям 1928–1929 годов, были заменены не востребовавшей ранее дидактической строфой.²⁴

Что же произошло через тридцать лет, при публикации стихотворения «Император» в Полном собрании сочинений?²⁵ Каким образом две редакции стихотворения слились в единый текст?

В 1958 году практически одновременно были опубликованы две крупные работы Арутчевой: девятый том собрания сочинений, содержащий стихотворения Маяковского 1928 года и их варианты, и объемная статья в томе «Литературного наследства».²⁶ Применительно к стихотворению «Император» вертикальное зачеркивание было трактовано в ней как обычное, выбраковывающее ненужные фрагменты. Казалось, текстолог «забыла» результаты собственных исследований. «Надо было выбирать между строками „Я голосую против“ и „корону можно у нас получить, но только вместе с шахтой“. Последняя строфа была лаконичной, целенаправленной <...> Он выбрал ее и перечеркнул отброшенные строки».²⁷ В собрании сочинений Арутчева опубликовала последние строфы чуть более деликатно — как «Неиспользованные рифмы и строки». Вероятно, невозможный для публикации текст 1928 года оставался проблемным и в 1958 году. «Надо было выбирать...» Между поэтом Маяковским и академическим Полным собранием сочинений пролетарского поэта В. В. Маяковского выбор был сделан в пользу последнего.²⁸

Сейчас, спустя еще шестьдесят лет, записные книжки готовятся к первой полнотекстовой публикации в составе выходящего с 2013 года нового академического Полного собрания сочинений Маяковского в 20 томах (их планируется включить в т. 19). Одновременно появилась уникальная возможность создать цифровой корпус записных книжек и опубликовать этот бесценный инструмент «производства стихов», чтобы больше никому не приходилось совершать выбор между профессионализмом и изданием.

²³ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 6 об. — 7. Далее страница не заполнена.

²⁴ В этой редакции стихотворение было опубликовано в журнале «Красная новь» (1928. № 4).

²⁵ При подготовке академического Полного собрания сочинений Маяковского в 13 томах (1955–1961) были сделаны не только выписки, но и фотокопии записных книжек, которые сохранились в архиве Арутчевой в Отделе рукописей ИМЛИ РАН.

²⁶ Арутчева В. А. Записные книжки Маяковского. С. 325–396.

²⁷ Там же. С. 366.

²⁸ По этому изданию стихотворение «Император» цитируется в современных исследованиях. См., например: «Однако в итоговой редакции ото всех этих милосердных строк поэт отказался, предпочтя им кровожадную концовку» (Лекманов О. Последний император // Знамя. 2014. № 2. С. 201).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-159-165

© А. В. Сысоева

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЛЕНИНГРАДЕ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ: НОВЫЙ МЕТОД РАБОТЫ С ПИСАТЕЛЯМИ*

Советское государство зародилось в процессе войны и революции. С установлением новой власти военные столкновения не прекратились, а в мирные периоды шла подготовка к войне. Государству была необходима решимость граждан в случае военного конфликта повысить темпы производства или пойти на фронт, так что важной задачей являлось обучение военных пропагандистов. Особое внимание было уделено профессиональным писателям, произведения которых обладали высоким потенциалом воздействия на читателя. Существующее к началу 1930-х годов положение дел не устраивало советскую критику — отмечались «ошибки и нездоровые тенденции» художественных текстов о конфликте 1929 года на Китайско-Восточной железной дороге.¹

Изменению ситуации должно было служить создание 29 июля 1930 года Литературного объединения Красной армии и флота. Первая зафиксированная в Уставе цель организации заключалась в «пропаганде в художественной форме задач обороны страны, мобилизации вокруг этих задач общественного мнения и активности трудящихся СССР».² Инициатива создания объединения принадлежала писателям и военным Ленинграда и Кронштадта, причем ведущая роль в организации принадлежала военным писателям, связанным с политуправлением армии. 15 августа 1930 года объявило о своем появлении Ленинградско-Балтийское отделение. Идеолог организации, заведующий критическим сектором Ленинградско-Балтийского отделения, а позднее ответственный секретарь отделения Николай Григорьевич Свириин сообщил в своем докладе во время учредительного собрания, с кем будет работать объединение: «...с одной стороны, мы имеем высококвалифицированных советских писателей, большинство которых армии не знают, об армии не пишут. С другой стороны, мы имеем многочисленные отряды молодых, начинающих писателей в Красной армии и Красном флоте, которые знают армию, выросли в этой армии, пишут об армии, но, к сожалению, в основной своей массе не овладели еще художественным мастерством.

Одна из основных задач ЛОКАФ как раз и будет заключаться в том, чтобы *сжечь эти ножницы с обоих концов*».³

Организация стремилась к тому, чтобы в произведениях о войне соединились три составляющих — идеологическая верность линии партии, военная грамотность и художественная ценность. Обучение красноармейцев и краснофлотцев шло по отработанной другими литературными объединениями схеме: открывались литературные кружки, функционировала литературная консультация. Члены кружков снабжали материалом стенгазеты частей и кораблей.

Профессиональные писатели должны были наполнить советскую литературу произведениями о войне, армии и флоте, а в случае начала военных действий предпола-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00104 «„Задача писателя — укрепление обороноспособности страны“: институализация военной литературы в Ленинградско-Балтийском отделении Литературного объединения Красной армии и флота»), ИРЛИ РАН.

¹ Свириин Н. Г. Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931. № 2. С. 48.

² Временный устав Литературного объединения Красной Армии и Флота // ИРЛИ. Ф. 498 (ЛБО ЛОКАФ). Фонд находится в научно-технической обработке.

³ Доклад был опубликован в виде статьи: Свириин Н. Художественное слово на службу обороне // Залп: Литературно-художественный сб. красноармейского и краснофлотского творчества. Л., 1930. [Сб. 4:] Четвертая очередь. Сентябрь 1930. С. 5.

галось, что они станут обслуживать крупные газеты Ленинграда. Кружки и консультации для начинающих не отвечали цели обучения писателей.

В марте 1931 года Ленинградско-Балтийским отделением был предложен такой способ работы с писателями, как военизаторские курсы. Целью курсов стало повышение военной и политической грамотности писателей. Всего с апреля по июнь 1931 года должно было пройти 11 вечерних занятий. Летом на маневры, в части и лагеря собирались отправить гражданских писателей, в первую очередь выпускников курсов.

Самым сложным по организации и результативным для обучения было проведение в рамках курсов военно-писательской игры. Идея такого вида работы была предложена Вс. Вишневским 7 марта 1931 года во время первой конференции Ленинградско-Балтийского отделения: «Нужно проводить специальные занятия по военно-политической литературной игре. Собралась группа в 6 человек — в течение двух часов дивизионную газету, листовку, пожалуйста, в течение суток — журнал, в течение полудня — листовку, в расчете на такой-то состав. Тут-то мы и будем проверять работу».⁴ Не основной, но постоянной темой всех трех дней конференции было осуждение пьесы Вишневого «Последний решительный». В ответ автор говорил о скорости написания произведения (3 дня) как о его значимой положительной стороне: «Вы говорите, что нельзя написать пьесу в три дня. А вот, в первый же день мобилизации меня заставят написать пьесу в одни сутки. Я уже работал таким образом в 19-ом году. Меня посадят на банку консерв на ночь и скажут — „дай“, и я лопну, но дам».⁵ Так что Вишневский, ставший вскоре начальником сектора военизации и начальником военизаторских курсов, считал высокую скорость обязательным качеством работы военного писателя. Игра была заявлена как один из видов занятий: вслед за шестой встречей с лекцией «Печать СССР и оборона. Ленин о печати» следовала седьмая с первым ходом игры, а девятая встреча включала в себя как лекцию «Работа писателя в период мобилизации. Характер современной мобилизации», так и проведение второго хода игры, посвященного обслуживанию мобилизации в крупном центре. Затем план был скорректирован. Игра должна была завершить курс лекций, следуя за ним как практическая часть за теоретической. Хотя игра и проходила в рамках курсов военизации, ее автономность выражена в хронологической отделенности, а также в том, что к ней были привлечены не только слушатели курсов. Состав играющих не был постоянным, обе игры посетило меньше половины общего количества участников. Проведение игры виделось важным шагом по военизации советской литературы, потому участвовать в ней призывали всех писателей Ленинграда.

Идея проведения игры не являлась абсолютно новой, военно-журналистские игры, созданные на базе военных игр, уже проводились ранее, хотя и не стали массовым явлением. Первая военно-корреспондентская игра была организована весной 1926 года в Ленинградском военном округе. В 1928 году военно-журналистская игра прошла в Государственном институте журналистики в Москве, причем вышли в свет печатные газеты (корпусная и прифронтовая гражданская). В 1929 году этот опыт был повторен в «Рабочей газете» в Москве с участием почти всего коллектива сотрудников, что вылилось в издание дублированных номеров корпусной и прифронтовой гражданских газет. Затем была проведена игра в Белорусском военном округе.

Опыт организации нескольких военно-журналистских игр был обобщен в книге А. Кадишева «Журналист на войне».⁶ Автор описал сложные варианты с посылкой

⁴ Первая конференция Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной армии и флота. Стенограмма третьего заседания // ИРЛИ. Ф. 498.

⁵ Там же (стенограмма второго заседания).

⁶ Кадишев А. Журналист на войне. Содержание, организация и проведение военно-журналистских игр / Предисловие Ф. Я. Кона. М.; Л., 1930. Появлению идеи военно-писательской игры также могло способствовать масштабное проведение красноармейских маневров с освещением в прессе назначенным в 1928 году командующим Ленинградским военным округом М. Н. Тухачевским (об этом см.: Материалы для составления хроники культурной жизни Ленинграда на рубеже 1920-х и 1930-х гг. / Сост., вступ. статья Н. А. Гуськова; материалы ве-

специальных корреспондентов в условную воинскую часть, где они должны были взять интервью, с работой одновременно группы фронтового ТАСС, корпусной газеты и рабселькоров, взаимодействующих между собой, с привлечением иллюстраторов и печатью номеров газеты в типографии. Из всех перечисленных в книге вариантов проведенная Ленинградско-Балтийским отделением игра больше всего соответствует малой ускоренной военно-журналистской игре, что неудивительно, ведь времени на ее подготовку было очень мало. Военизаторские курсы организовывались в спешке, лекторов подбирали на ходу, план курсов тоже корректировали уже во время курсов. Малая журналистская игра проходила в один ход. Количество же запланированных Ленинградско-Балтийским отделением этапов варьировалось от двух до трех, в итоге было проведено два хода игры.

Книга «Журналист на войне» упоминалась в статье Свирина о военизаторских курсах и была использована при подготовке, но схему игры модифицировали. Трудности организации ответственный секретарь отделения связывал с тем, что «опыта в данной области у нас никакого не было и приходилось все строить заново».⁷

Основное качественное отличие, превратившее игру в военно-писательскую, состояло в наборе жанров: в журналистской игре участники брали интервью у командиров, в писательской составляли художественные очерки, создавали стихи. Для расширения набора жанров были даны задания и не имевшие целью выпуск газеты, — курсанты писали листовки, придумывали стихотворные лозунги для плакатов и создавали инсценировки для клубов частей. Часть же жанров оставалась общей для обоих типов игр (например, передовая статья, лозунги), для составления этих текстов были привлечены журналисты.

Уже проведенные ранее игры отличались как задачей (подготовкой журналистов), так и тем, что объединяли в состав играющих сотрудников одного предприятия. Военно-журналистские игры проводились в помещении редакции, более того, общение с внешним миром было запрещено. Писатели же уходили со своими заданиями домой. Изначально предполагалось, что после первого тренировочного хода участники будут работать в предоставленном Домом Красной армии помещении, не покидая его. Но этого не состоялось. Во многом работа писателей на дому была связана с занятостью их в разных организациях и сложностью согласования их отсутствия.

Играющих заранее предупредили о необходимости следить за прессой, поскольку ситуация начала игровой войны совпадала с текущим политическим положением. Первый ход соответствовал третьему дню военных действий и мобилизации, а второй — десятому дню. Схема проведения обоих ходов игры была одинаковой. Вечером после занятия на курсах писателям устно сообщали вводные данные (то есть давали сводку самых значительных событий, читали лозунги ЦК ВКП (б), листовки противника, выдержки из его прессы и др.). По легенде Франция и Англия побудили страны Прибалтики, Польшу и Румынию напасть на Советский Союз под предлогом того, что Советский Союз напал на Финляндию и Польшу. Но на самом деле это Польша и Финляндия напали на СССР 17 мая 1931 года.⁸ После сообщения обстановки курсантам выдавали персональные задания (учитывались творческие предпочтения участников) с указанием жанра, темы и объема будущего текста, в некоторых случаях были перечислены факты или проблемы, на которые необходимо было обратить внимание в работе. После этого играющие могли идти домой. С 11 вечера до часу ночи, а в некоторых случаях и утром прямо перед сдачей материала сообщали данные, корректирующие уже полученную информацию, для того чтобы писатели внесли изменения в текст.

черней «Красной газеты» за 1928 г. обработаны и предоставлены К. Б. Егоровой // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011), <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=LcbyDIUEeWk%3d&tabid=10460>. С. 883 и др.; дата обращения: 31.07.2019).

⁷ Свирина Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ЛОКАФ. 1931. № 7: Июль. С. 159.

⁸ См. подробнее исходную обстановку в Приложении.

Утром необходимо было сдать материалы. Так создавались условия, приближенные к боевым. Писатели должны были быстро реагировать на меняющуюся ситуацию на игровом фронте и выполнять задания ночью, в свободное от основной работы время. Степень достоверности была высокой, нужная атмосфера поддерживалась и играющими (например, в дневниках самонаблюдения: «...по своему положению военнослужащего я в первый же день приму участие в боевых действиях. Значит мне придется писать в обстановке полевой, где нет подсобных справочников, учебников, а есть жизнь. Заметка пишется в ночь со 2 на 3 день мобилизации. Это я взял потому, что по своему служебному положению я другого времени не найду»), и организаторами («П. Пожарский порученного задания не представил, хотя в 11³⁰ ночи сообщил руководству, что оно выполнено. Вероятно, срочно выбыл на фронт»)⁹.

На работы играющих составлялись краткие отзывы, которые показывали, каким должно быть советское творчество о войне и для нужд войны. После каждого хода курсантов собирали и проводили общий обзор работ. По результатам проведения игры были выделены три основных группы допущенных ошибок: политические, военные и художественные,¹⁰ что показывает, в каких направлениях организаторы стремились скорректировать работы.

Проверка и оценка получившихся текстов была важной составляющей организации игры. Выполненные задания проверял, помимо самих членов объединения, преподаватель по курсу партийно-политической работы Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева Павел Васильевич Суслов.

Методисты игры составили список из пятнадцати возможных недостатков:

«Политическая неграмотность.

Военная неграмотность.

Несоблюдение военной тайны.

Шапкозакидательство. (Недооценка сил противника.)

Ура-патриотизм.

Лакировка.

Незнание противника.

Пессимизм.

Неконкретность.

Недостаток художественности (схематизм, сухость и т. д.).

Пацифизм.

Национально-шовинистические тона.

Приспособленчество.

Фантастика, неучет исходных и вводных данных.

Несоблюдение размера».¹¹

Проследим возможные источники этого списка.

Книга «Журналист на войне» конкретных критериев проверки не предлагала. Автор назвал основные недостатки в содержании выпущенных во время игр газет, большей частью они относились к работе редакторов, отбравших материал, в то время как в военно-писательской игре имелись заранее определенные персональные задания. Перечислю ошибки, которые могли иметь в виду и организаторы игры в Литературном объединении Красной армии и флота: недостаточная классовая четкость выводов, недооценка значения тыла в войне, незнание военной техники, фактические ошибки. Кадишев писал, что игры служили тренировке в секретности и сохранении военной тайны. Перечисленные недочеты и рекомендации можно классифицировать

⁹ Военно-писательская игра. Первый ход. Отчетные материалы. Работы и отзывы, хронометраж // ИРЛИ. Ф. 498.

¹⁰ В опубликованной версии статьи остался разбор политических и военных ошибок (Свиригин Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде. С. 161–162), в черновом варианте речь шла и о художественных (Свиригин Н. Г. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ИРЛИ. Ф. 498).

¹¹ Военно-писательская игра. Документы по организации игры // ИРЛИ. Ф. 498.

как политическую неграмотность, военную неграмотность и несоблюдение военной тайны. Все это вполне предсказуемые для военно-пропагандистского текста проблемы. К этой же группе можно присоединить незнание противника, т. е. незнание того, как правильно на него воздействовать. Возможно, недостаток был введен из-за специфики заданий (предполагалось составление агитационных листовок, обращенных пролетариату и солдатам вражеских стран).

Также Кадишевым были отмечены неудачные формулировки заглавий, они относятся к важному параметру при оценке художественных текстов, недостатку художественности. Этот недостаток в военно-писательской игре привлек пристальное внимание проверяющих и по числу упоминаний лишь незначительно уступил политической неграмотности, о которой речь в отзывах шла чаще всего. Отдельно отмечались штампы. Несмотря на краткость отзывов, проверяющие даже приводили примеры («мировая буржуазия», «достойный ответ», «военная гроза», «зоркий глаз пролетариата», «враги революции» и др.).¹² К замечаниям по поводу художественности примыкала неконкретность: обычно требовали ярких конкретных образов и конкретных примеров.

Отдельную группу составляют ошибки, обозначенные в списке как «фантастика, неучет исходных и вводных данных» и «несоблюдение размера». Их появление объяснимо с точки зрения механики игры: писатели должны были внимательно прочитать полученные данные и использовать именно их, ничего не добавляя и не меняя, а также выдать точно соответствующие по размеру тексты, поскольку из них составлялся макет газеты заранее определенного объема.

Требование избегать пессимизма вытекало из задач обеспечения мобилизации населения и привлечения добровольцев на фронт.

Оставшиеся шесть недостатков (шапкозакидательство (недооценка сил противника), ура-патриотизм, лакировка, пацифизм, национально-шовинистические тона и приспособленчество) можно отнести к политической неграмотности. Ура-патриотизм оказался единственным недостатком, ни разу не отмеченным в отзывах. Действительно, сложно представить, чтобы при проверке пропагандистского текста, написанного в обстановке игровой войны, было бы выдвинуто обвинение в избытке патриотизма и его неискренности.

Непонятное на первый взгляд появление такого спорного пункта в списке может быть объяснено стремлением избежать чужих ошибок. Теоретики объединения призвали изучать пропаганду западных стран и учитывать ее просчеты. Речь об ура-патриотизме шла при характеристике критиками-локафовцами военной пропаганды 1914 года.¹³ Н. Витин в статье о русской литературе 1914 года, описывая основные приемы царской агитации, говорил о национализме и намеренном представлении войны делом легким и быстрым, что можно обозначить как шапкозакидательство.¹⁴ То, что писатели во время Первой мировой войны искажали действительность, скрывая недостатки, отмечали несколько критиков.¹⁵

Опасения организаторов по поводу возможных недочетов во многом связаны с составом играющих. Свирин в итоговой статье с разбором проведенной игры сообщал, что «среди курсантов были и не члены ЛОКАФ, причем несколько человек — таких, которых нельзя еще и сейчас принять в ЛОКАФ по характеру их творчества и по степени перестройки мировоззрения», более того, в черновике статьи было

¹² О стилистически неуместных штампах в творчестве локафовцев Е. А. Добренко писал как о признаке «дискурса власти на уровне высказывания», когда «разрешенные речевые массы связываются разнотипными способами» (Добренко Е. «Каждому хочется что-то творить...» // Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 165).

¹³ См., например: Вальдман В. Война в западноевропейской художественной литературе // Залп. 1931. № 2. С. 52.

¹⁴ Витин Н. «Мы против кайзера идем!» (Русская литература в 1914 году) // Там же. № 1. С. 54, 55.

¹⁵ Например: Вальбе Б. Мировая война в дооктябрьской литературе // Там же. № 8. С. 48.

отмечено, что «основную массу курсантов составляли попутчики». ¹⁶ Такой потенциально ненадежный состав играющих объясняет включение в список возможного недостатка «приспособленчество». Именно в нем обычно обвиняли попутчиков, недостаточно оторвавшихся от буржуазии. Признаком чуждого класса считались шовинизм и пацифизм. Так, из номера в номер на обложке журнала «Залп» повторялась его установка: «ЖУРНАЛ <...> РАЗОБЛАЧАЕТ шовинизм и пацифизм западноевропейской военной художественной литературы, противопоставляя им большевистское, ленинское освещение национального вопроса и войны». ¹⁷ Л. В. Пумпянский в своей статье «Пацифизм в иностранной литературе» прояснил классовые нюансы отличий этих двух явлений: «Пацифизм — <...> социологически закономерная идеология мелкобуржуазной интеллигенции эпохи империалистических войн и пролетарских революций, столь же точно выражающая ее отношение к войне, как шовинизм выражает позицию буржуазии и буржуазной интеллигенции». ¹⁸ Так что эти три недостатка призваны были выявить классово враждебные буржуазные взгляды.

Таким образом, при проверке учитывались все возможные недочеты военной пропаганды. В отзывах отмечались и удачные моменты (в первую очередь классовая заостренность и эмоциональность). Судя по ним, работы курсантов ко второму ходу стали полнее соответствовать представлениям организаторов о правильном тексте. Игра оказалась методической находкой руководителей отделения, она позволила провести быстрое обучение разных по жизненному и профессиональному опыту писателей.

После завершения курсов и игр Свириин составил категоричные рекомендации всем отделениям Литературного объединения Красной армии и флота о необходимости с осени 1931 года запустить военизаторские курсы, причем он, учитывая опыт Ленинградско-Балтийского отделения и отмеченные недостатки в работе курсов, детально описал форму проведения занятий, выделил обязательные темы. То же касалось и проведенной при курсах игры. Он предлагал ее модифицировать. С его точки зрения, недостатками игры являлось то, что условную войну писатели воспринимали недостаточно серьезно, а результаты их работы нельзя было опубликовать без дополнительных пояснений. Свириин предложил решить новой игрой сразу две задачи — обучения писателей и снабжения советской литературы материалом о современном положении дел в армии и о прошедших войнах. Для решения этих задач обстановка принималась не условная, а реальная текущая или историческая. В первом случае упор делался на современные информационные войны или внутренние сложности Красной армии и флота, во втором давались вводные по значимым для Советского Союза битвам. Такая смена материала была действительно новаторским шагом и выводила игру из традиционно условного мира. ¹⁹ Эти планы должны были реализоваться если не во всех отделениях, то в Ленинградско-Балтийском. В ноябре начальником второго набора курсов, взамен получившего творческий отпуск Вишневецкого, был назначен А. Дьяконов. С 15 декабря второй набор был открыт. Занятия были рассчитаны на четыре с половиной месяца и имели насыщенную программу. Помимо основного потока, предлагалось четыре тематических семинара с добровольным посещением. Должны были быть проведены три игры, первая — о современной армии (тема игры «Борьба за овладение техникой»), вторая — историческая (тема «Выступление Юденича»), а третью собирались посвятить обслуживанию второго дня мобилизации. Неожиданной для организаторов оказалась низкая посещаемость, и из 124 человек к 1 апреля отселилось 89. В итоге курсы были закрыты до проведения игр, а из этого опыта были сделаны выводы по их модернизации в следующем году. Но в октябре 1932 года в связи с Постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественной работы в литературе» были отменены курсы и игры.

¹⁶ Свириин Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде. С. 157; Свириин Н. Г. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ИРЛИ. Ф. 498.

¹⁷ Залп. 1931. № 1. С. 3 обл. и др.

¹⁸ Пумпянский Л. В. Пацифизм в иностранной литературе // Залп. 1931. № 4. С. 41.

¹⁹ Свириин Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде. С. 163–165.

ственных организаций» объединение было распущено. Таким образом, рассмотренная военно-писательская игра оказалась единственной, проведенной Ленинградско-Балтийским отделением Литературного объединения Красной армии и флота.

Ниже публикуется фрагмент методических материалов военно-писательской игры — документ, описывающий исходную обстановку игровой войны на 3 день мобилизации. Источник хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 498). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

5 экз.

Военно-литературная игра ЛОКАФ 19/V/31 г. ИСХОДНАЯ ОБСТАНОВКА ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ИГРЫ ЛОКАФ ПО СОСТОЯНИЮ НА 3 ДЕНЬ МОБИЛИЗАЦИИ

Сообщается всем участникам устно.

1) Экономический кризис в странах капитала и успешное выполнение пятилетнего плана социалистического строительства в СССР привело капиталистический мир в бешеную ярость. Убедившись в бесплодности провокационных кампаний, ФРАНЦИЯ и АНГЛИЯ побудили прибалтийские государства, Польшу и Румынию начать вооруженное выступление против СССР под предлогом, что большевики напали на Финляндию и Польшу.

17 июня финские войска силою около дивизии перешли границу на Карельском перешейке и после упорнейшего 5-ти часового боя подошедшими подкреплениями Красной армии были отброшены на территорию Финляндии.

Польская авиация в этот же день совершила налет на Минск.

Ответные действия Красной армии истолковываются капиталистической прессой как нападение СССР на Польшу и Финляндию.

2) Германия за ряд обещанных ей уступок (пересмотр обязательств по долгам, увеличение армии и разрешение введения воинской повинности) и за ряд экономических льгот пропускает транзитом грузы в Польшу.

3) Турция отвергла предложение Франции участвовать в войне, ссылаясь на договорные обязательства СССР, но гарантий непропуска французских и английских эскадр через Дарданеллы к берегам СССР у нас нет.

4) Япония сохраняет нейтралитет, но нужно ждать возможности ее выступления, в случае если она договорится с Соединенными Штатами. — Позиция Италии пока не выяснена.

5) Во Франции, Англии, Польше, Румынии, Латвии, Эстонии и Финляндии задержаны все дипломатические и торговые советские организации, грузы, почта и корабли.

6) Соединенные Штаты заявили о своем нейтралитете, но разрешили отдельным добровольцам отправиться на фронт. Ряд американских трестов берет на себя военные поставки для армий, выступивших против СССР.

7) Англия отправляет часть Атлантической эскадры в Финский залив, Франция отправляет часть Среднеморских сил в Черное море, в порты Румынии.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-166-190

**ПИСЬМА К. Д. БАЛЬМОНТА К И. С. ШАЙКОВИЧУ (1935–1938)
ПИСЬМА Е. К. ЦВЕТКОВСКОЙ К В. П. И И. С. ШАЙКОВИЧАМ (1935)**

**(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© К. М. АЗАДОВСКОГО)**

*(Окончание)**

69

Clamart. 1935. 7 янв<аря>. Вечер.

Дорогой друг
Иван Степанович,

В зачаровании и спешке работы пленительной, — по священному желанию Беатрисы Нобль, я перевожу целиком книгу стихов ее сестры Лилли,¹ и весь декабрь был этим захвачен, — я мало писал Вам эти последние недели. Замучился. Назначил себе сам две недели отдыха. На днях напишу Вам длинное письмо.² А сейчас, к русскому Новому Году, пишу хоть несколько строк. Посылаю свои новогодние стихи (м<ожет> б<ыть>, уже послал их Вам?): «Герб Ночи»³ и уже напечатанные 31-го дек<абря> «Брат и Сестра»,⁴ — а также чудесные стихи Лидии Нобль: «Сад воспоминаний»,⁵ «Ненаписанная песня»⁶ и «После слушания Зигфрида».⁷

Дорогой Валентине Петровне и Вам, дорогой наш Иван Степанович, от всего сердца Константин и Елена шлют пожелания счастья — наконец, удачи и счастья — в Новом Году, который да озарит Светом Гармонии Югославию и Россию.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ О Лилли и Беатрисе Нобль см. прим. 11 и 12 к п. 11.

² Письмо не было написано, очевидно, из-за болезни Бальмонта, вскоре начавшейся и длившейся в течение продолжительного времени (см. п. 70, 72, 73 и 74). «Последнее Ваше письмо было от 7-го января, — писал Шайкович Бальмонту 17 февраля 1935 года. — В нем Вы сказали: „На днях напишу Вам длинное письмо“, но так как не последовало ни большое, ни маленькое, мы с Валентиной Петровной очень озабочены, благополучно ли все у Вас. Как можно скорее хотели бы мы знать, здоровы ли вы все».

³ Стихотворение Бальмонта «Герб ночи» («Семь звезд, наверху и налево...») напечатано в составе цикла «Ночное зрение», состоящего из двух стихотворений (Последние новости. 1935. 13 янв. № 5043. С. 4; второе стихотворение — «Две сестры» («Светловолосая Заря...»); в конце печатного текста — дата: «1934, 9 октября»).

⁴ Последние новости. 1934. 31 дек. № 5030. С. 4. На стихотворения, посланные Бальмонтом вместе с этим письмом, Шайкович откликнулся 17 февраля 1935 года: «С наслаждением мы прочитали Ваши приложения: „Брат и сестра“ (как хорошо: «По весне, в зеленой роще, как пора траве цвести, ты замедли на пути» и т. д., это прямо звучит глубина «Калевалы»), затем „Ночное зрение“ (прекрасно: «Неизъяснима никогда черноволосая богиня» и т. д. Что-то магическое во всех этих стихотворениях)».

⁵ Последние новости. 1935. 17 июня. № 5197. С. 4.

⁶ Стихотворение Л. Нобль «Ненаписанная песня» («Мои стихи — мое дитя...») в переводе Бальмонта сохранилось в архиве Шайковича. Публикация не выявлена.

* Начало публикации см.: Русская литература. 2017. № 4. С. 70–112; Русская литература. 2018. № 4. С. 159–190. В заключительную часть введены три послания Е. К. Цветковской к И. С. и В. П. Шайковичам с подробным описанием состояния Бальмонта во время его тяжелой болезни в 1935 году. Номера этих писем отмечены звездочкой.

⁷ Стихотворение Л. Нобль «После слушания Зигфрида» («Вот лес, где я люблю бродить одна...») также имеется в архиве Шайковича. Публикация не обнаружена. В ответном письме Шайкович назвал эти переводы «прекрасными». «Как заражают ее милые стихи жизнью, — писал он Бальмонту 17 февраля 1935 года. — Да, подлинное, истинное творчество бессмертно. Это сила, переливающаяся из души в душу: сила — растущая, дающая постоянно плоды. Из души вырастает душа, из творчества — творчество».

70*

Clamart. S<eine et Oise>,
60, rue Cécile Dinant
1935, 11. IV.

Дорогие друзья,

Ваши чуткие сердца почувствовали верно через пространства. Над нами жуткая и страшная беда. Мой Солнцесветлый, мой единственный тяжело болен. Сильное нервное расстройство, грозящее перейти в психоневроз, если не лечиться немедленно. А он не сознает грозности своей болезни, лечиться не хочет, отдых в Maison de Santé¹ отвергает. Страдает и мятется, мятется, мятется. И я с ним, но страдаю, быть может, больше, потому что *знаю* угрозу, а он не знает. Жизнь стала нависшим угрожающим мраком. Тоска невыразимая. И при этом нищета в точном смысле этого слова.²

И дочь с двумя своими малютками³ — из которых младшая 1½-годовалая только что умирала от четырех последовательных воспалений легких и сейчас не поправляется, а гаснет и чахнет от недостатка питания — гибнет, голодает...

Я тоже дошла до предела изнурения, но еще держусь. И все же хочу верить, верю в Рассвет.

Дорогой и чующий друг Иван Степанович, овейте моего бедного Поэта Вашим словом озаренного сердца и скажите ему, внушите верным словом сильного брата, что во имя всех, кого озарил и заговорил он своим творческим словом, он должен принять временное и немедленное отлучение от жизни, заточение в стенах санатория, во имя исцеления своего тела и духа.

Простите за убогую бумагу и неверный почерк — пишу в маленьком ночном кафе, куда тревожный дух, вселившийся в К<онстантина> Д<митриевича>, завел нас.

Простите и за грустные и горькие вести, душа, как в гробу, заживо погребенная.

Светлые родные души, внесите Ваши моления об исцелении того, кто *должен* быть светом и звуком.⁴

Да хранят Вас порывы благие.

Всем сердцем Ваша

Е. Бальмонт.

¹ Санаторий (фр.).

² «Мы в беде великой и в нищете полной, — писала Е. К. Цветковская В. Ф. Зеелеру 6 апреля 1935 года (из Кламара). — Иван Ст<епанович> Чекунов говорил мне, что Вы хлопочете о возможностях денежных помещения К<онстантина> Д<митриевича> в Orly, что воистину с болью чувствую с каждым днем все необходимее. <....> Завтра не знаю, на что буду его кормить, а в понедельник, боюсь, закроют газ, за который нужно 97 фр. внести. У К<онстантина> Д<митриевича> нет ни ночной рубашки приличной, ни ночных туфель, ни пижамы. Гибнем, дорогой друг, если можете, помогите, посоветуйте, взгляните на К<онстантина> Д<митриевича>. <...> Сил больше нет. Душа болит. Мысль мятется в неизвестности. <...> Помогите вырвать из мятельной мглы Солнечного» (Columbia University. Rare Book and Manuscript Library, New York. The Bakhtmeteff Archive. Manuscript Collection (далее — BAR). Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10). Упоминается И. С. Чекунов (1874–1956), врач, специалист по нервным и внутренним заболеваниям; масон. См. о нем подробно: Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический

словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3: С–Я. Дополнения / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. С. 472.

³ У М. К. Бальмонт было к тому времени две дочери: Оксана (род. в марте 1932 года) и Анна (род. в июле 1933 года). Ср. прим. 1 к п. 28 и прим. 3 к п. 44.

⁴ «Дорогой друг и брат-поэт! — отозвался Шайкович в своем пасхальном письме-поздравлении от 25 апреля 1935 года. — Мы молим Бога, чтобы вернул Вам бодрость и радость. Берегите себя для Ваших дома, для нас — Ваших друзей, для Вашего народа! Нам скучна жизнь без Вас. Ваше слово нам помогало в ужасных трудностях жизни. Ваш пример, Ваше умение стоять над пошлостью и мелочами жизни нас всегда заражали, и мы вставали „из мертвых“. Не оставьте нас, великий друг! Берегитесь, лечитесь, если надо, чтобы жить для себя и для нас всех, любящих Вас! Обрадуйте нас доброй вестью. Горячие наши молитвы мы с женой шлем и сегодня Господу за Вас и Ваш дом! Христос воскрес!»

71

Epinay-sur-Seine
Beau Séjour, Maison de Santé
1935. 1 июня.

Христос Воскресе, любимая моя сестра во Христе, Воистину Воскресе!

Христос Воскресе, драгоценный друг мой и брат Иван, Воистину Воскресе! Поцелуйте от меня верную Ариадну Вашу,¹ сестру мою Валентину! Да благословит Вас милосердный Создатель!

Дорогой Иван Степанович, напишите моему литовскому *звездному брату* два слова. Он ответит Вам дивным письмом на отличном русском языке. Его адрес: *M. Vaitkus, Rotušes Aikšti* <так!>, *б. Kaunas Lietuva*.² Он написал увенчанную гениальную драму «Zvaigždes Dukter»³ («Дочь Звезды»), великолепную повесть «Поток» (изумительная повесть), чудесные печатает солнечные, лунные и звездные стихи⁴ и превосходно переводит меня.⁵ *Его письма ко мне, вместе с Вашими и Шмелева, и 3-х любимых женщин я всегда ношу с собой в карманах — да охраняют меня!*⁶

Милый брат мой сербский, я восхищен Вашими проникновенными переводами Пушкина⁷ и «Калевалы». ⁸ Вейнемейнен Вам родной,⁹ я, ликуя, читал Ваши перепевы. Как дивно близко Вы переводите!

У меня есть подлинник и финско-русский словарь, и плохенький самоучитель финского языка — еще Таня Осипова (ах, нехорошо, Вы не навестили ее мать, любимицу мою,¹⁰ всегда по 3 ее тонких письма ношу на сердце, в левом кармане вестона,¹¹ драгоценная душа, Золотая, Избранная! Вы одновременно ушли <так!> в СПб. и, м<ожет> б<ыть>, проходили рядом в фойэ Театра! Ее зовут Евгения Ал<ександ>р<овна>, адрес: Terijoki Käkösenrää.¹² Таня мне послала их за 3–4 месяца до смерти<)>.¹³ Буду Вам безмерно благодарен, если пошлете мне хорошую грамматику фин<ского> языка. Ваш серб<ско>-рус<ский> словарь многому меня научил.

Ваш прозревший

К. Бальмонт.¹⁴

¹ Ариадна в античной мифологии символизирует не только женскую верность, но и готовность прийти на помощь в трудных жизненных ситуациях.

² М. Вайткус. Каунас. Ратушная площадь, 6. Литва (*литов.*).

³ Правильно: Žvaigždės duktė. Драма М. Вайткуса (1922).

⁴ Вайткус Миколас (1883–1973) — литовский поэт и драматург; католический священник. В 1944 году бежал из Литвы, позднее эмигрировал в США, где и умер. Бальмонт упоминает его драму «Дочь Звезды» (1922) и роман «Потоп» («Tvanas», 1925). Бальмонт переводил стихи М. Вайткуса и неоднократно их публиковал (см.: Из книги «Светящаяся пыль» <4 стихотворения> // Сегодня. 1933. 22 сент. № 262. С. 2; Дали (из М. Вайткуса) // Последние новости. 1935. 1 сент. № 5274. С. 4).

⁵ «Он отлично переводит некоторые мои стихи...», — писал Бальмонт о переводах Вайткюса 19 октября 1933 года А. Ветуолису (см.: *Сакалавичюте К.* «Вы — крестный отец этого стиха...» Литературные связи Константина Бальмонта и Антанаса Ветуолиса-Жукаускаса // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. IX. Литература и печать. Свидетельства. Искусство. Философия, наука и образование. Вильнюс, 2005. С. 80). Там же (с. 88) — справка о переведенном Вайткюсом стихотворении Бальмонта «Имени смелых» (1934) и его публикациях в литовской печати.

⁶ «Напишу Вашему другу Вайткюсу, — откликнулся Шайкович в письме от 6 июня 1935 года, — пошлю ему книги. Я люблю литовцев, энергичных, верующих в себя. Растопыривших свои крылышки перед пастью немецкого бульдога: „Любовь к родине сильнее смерти и страха смерти!“ На калевальских празднествах я познакомился с очень симпатичным каноником и переводчиком „Калевалы“ Сабалиаускасом. Какая светлая, ясная душа!» Упоминаются: столетний юбилей «Калевалы», широко отмечавшийся в 1935 году, и литовский каноник, фольклорист и переводчик Адольфас Сабалиаускас (1873–1950).

⁷ К 1935 году Шайкович опубликовал в югославской периодике несколько стихотворений Пушкина в своем переводе и выпустил в Хельсинки переведенную им «Полтаву»: *Пушкин А. С. Полтава. Епископский спев / Превео Иван С. Шайкович. Хельсингфорс: Издање друштва «Мајка — земља», 1935.* Бальмонт читал перевод Шайковича в рукописи еще в конце 1933 года и назвал его «дивным» (см. прим. 3 к п. 54). «„Полтаву“ Вы получили, — писал Шайкович Бальмонту 17 февраля 1935 года. — Может быть, Вы не простите мне, что она без рифм. Я умышленно передал ее белыми стихами, потому что мне было дорого каждое слово Пушкина в этой вещи. Я пожертвовал рифмой, чтобы сохранить подлинность мысли и чувства, и это, мне кажется, удалось мне вполне».

⁸ См.: Калевала. Фински народни епос. Књига прва / Превео с финског д-р Иван С. Шайкович. Хельсинки: Штампарија «Литера», 1935. Издание открывалось предисловием переводчика. (Вторая книга в переводе Шайковича была издана в Хельсинки в 1939 году.) «Очень рад, что Вам нравится мой перевод „Калевалы“, — отвечал Бальмонту Шайкович 6 июня 1935 года, — я сам убежден, что этот перевод более чем хорош. Это еще многие знают, но не хочет знать убогая душонка А. Белича, который не счел нужным ответить финским профессорам, рекомендующим ему мой перевод как один из лучших истинно поэтических переводов бессмертной „Калевалы“. Что ж, время оценит и Белича».

⁹ См. прим. 6 к п. 6.

¹⁰ О Тане Осиповой и ее матери, Е. А. Осиповой, см. прим. 4 и 5 к п. 3, прим. 2 и 3 к п. 8 и п. 76.

¹¹ Пиджак, куртка (*фр. veston*).

¹² Тот же адрес Бальмонт сообщал Шайковичу в п. 3 и 8.

¹³ «Буду ли в Териоках, навещу мать Вашей незабвенной Феи Золотоволосой, — отвечал Шайкович на эту просьбу Бальмонта (письмо от 6 июня 1935 года). — Очень хорошо я понимаю Вашу незабываемую мечту».

¹⁴ Все письмо написано чужой рукой (видимо, под диктовку Бальмонта).

72*

Clamart. 60, Rue Cécile Dinant,
1935, 8, VI.

Дорогие друзья
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Уже много-много дней я хочу, и все не в силах была, написать Вам о своей беде и великой боли.

После нескончаемых недель самосожжения — умственное, душевное и нервное напряжение Константина Дмитриевича дошло до последней черты, и он, наконец, уступил убеждениям врача и просьбам моим и всех друзей, и согласился на пребывание в *maison de geros*.¹ И вот с 13-го мая он там в некоем местечке *Erinay sur Seine*, в часе езды от Парижа и в двух часах от Clamart, в обиталище, зовущемся *Beau Séjour*,² которое во многом соответствует своему названию, что бывает не часто. Прекрасное помещение, дивный парк и преисполненный цветами сад, к тому же отличный стол. К<онстантин> Д<митриевич>, после первых дней бунта, сейчас очень доволен своим местопребыванием — пишет мне, что это «Рай, но Рай, в котором и мучают». В мучение

входит, конечно, определенный строгий режим, лечение и целый ряд запретов, из коих один — наимучительнейший — отсутствие свиданий. Вот уже почти месяц, как К<онстантин> Д<митриевич> там, и мы еще ни разу не свиделись, хоть езжу к нему почти каждый день, но лишь однажды видела промелькнувший его образ и слышала голос, меня звавший, — я же принуждена была к неподвижности и немоте. Это особый способ лечения нервных больных — полное отъединение от близких. Не знаю, насколько он правилен, — думается, что в такой суровой форме этот способ неверен, но приходится верить целителям (— да будут они воистину правы) — и подчиняться, как это ни больно! Но самое мучительное для меня, конечно, не это, а полная неизвестность — сколько времени продлится лечение и в чем оно заключается, и придет ли полное исцеление. Пока врачи говорят, что предполагают необходимым еще месяца два пробыть К<онстантину> Д<митриевичу> там. Впрочем, в ближайший понедельник, б<ыть> м<ожет>, эти вопросы выяснятся несколько определеннее — в этот день навестит К<онстантина> Д<митриевича> главный его врач, который и поместил К<онстантина> Д<митриевича> в этот «Beau Séjour», — этот врач не видел своего пациента уже 3 недели — ждал некоторого успокоения К<онстантина> Д<митриевича>, чтобы точнее можно было установить размер недуга.

Сам К<онстантин> Д<митриевич> *больным*, конечно, себя не считает, но теперь уже не выражает желания покинуть свой Рай. Так что, когда будете ему писать, — *не сочувствуйте ему как больному*, а лишь *одобрительно* радуйтесь, что К<онстантин> Д<митриевич> отдыхает. И пишите, пожалуйста, *на мое имя*, т<ак> к<ак> в Maison de Santé избегают больным передавать письма, чтобы не вызвать излишнего волнения, и письмо Ваше легко может там затеряться, я же или передам лично К<онстантину> Д<митриевичу>, — т. е. надеюсь, что все же с понедельника мне разрешат свидания более или менее правильно,³ — или вложу Ваше письмо в свое, которые доставляются К<онстантину> Д<митриевичу> правильно верным слугой учреждения, которому я вручаю свои письма непосредственно.

Вы чувствуете, дорогие друзья, как мне трудно, больно, бесприютно и бесконечно тревожно. Не знать, в сущности, ничего-ничего-ничего о том, в ком — вся жизнь. Не знать, плохо ему или хорошо, хуже или лучше, чем было со мной, ибо верить ведь нельзя ничему, ни тому, что он сам пишет, ни еще менее тому, что говорят врачеватели. Это страшнее даже, чем Че-ка, ибо о ней ничего, кроме предельных ужасов, не должно думать.

Но, простите, я, б<ыть> м<ожет>, кощунствую — ведь врачеватели клянутся, что заботятся лишь о благе Константина Дмитриевича, — *я должна верить*.

Трудно и другое — оплата maison de santé вместе с посещениями врача, котор<ый> живет в Париже, стоит 1500 fr. в м<еся>ц. У нас, конечно, таких денег нет, ни у Союза Писателей, котор<ый> в лице секретаря⁴ принял на себя хлопоты по добыванию нужных монет, обращаясь для этого к частным богатым людям.⁵ Первый месяц удалось таким образом оплатить. Но близится уже второй платеж, а монет пока не поступило никаких.

А ведь, кроме оплаты санатория и врача, есть еще целый ряд других неизбежных трат, связанных с нуждами больного. И вот, дорогие друзья, я хотела Вас просить, если есть какая-либо возможность устроить какой-ниб<удь> сбор на лечение К<онстантина> Д<митриевича> среди друзей творчества Бальмонта в Гельсингфорсе — если в каком-либо смысле Вам это возможно осуществить — то сделайте.

Вы знаете, что мне очень тяжело тревожить Вас этой просьбой, но делаю это во имя Поэта и знаю, что если малейшая возможность у Вас есть способствовать этому сбору, — Вы сделаете. *Если же невозможно — то так и да будет*. Только пусть К<онстантин> Д<митриевич> ничего об этом не узнает, сейчас во всяком случае, ибо потом, когда он поправится, он сумеет оценить все благие веяния сердец.

Еще раз простите меня.

Как Вы оба — здоровы ли? Поправился ли Ваш сын?⁶

У К<онстантина> Д<митриевича>, в Beau Séjour, перевод И<вана> С<тепановича> «Полтавы» и др<угие> вещи. Он пишет, что душа его сейчас в певучей творческой волне и уже много возникло сонетов и других напевов. Жду мига услышать их.

Шлю Вам обоим свои самые светлые и ласковые мысли, чувства и приветы сердца. Да хранит Вас Благой.

Ваша Е. Бальмонт

Р. S. Дочь наша М<ирра> К<онстантиновна>, котор<ая> сейчас у меня и больна тоже — грипп, — узнав, что я пишу Вам, просит передать «большой поклон».

Буду ждать — сердцем — слов Ваших — всегда бодрящих.

Р. S. Взамен певучих строк, котор<ыми> Б<альмонт> всегда сопровождает свои письма, шлю два анютина глазка, кот<орые> он послал мне из своих садов.

Получили ли № «Последних Нов<остей>» со стихом Лилли Нобль в пер<евode> Б<альмонта> «Зимняя Магия»,⁷ который я послала Вам недели две назад?

Одновременно шлю № «П<оследних> Н<овостей>» с «Двенадцатистрочиями» Бальмонта.⁸

¹ Дом отдыха, санаторий (фр.).

² Прекрасное место (фр.).

³ Однако спустя полтора месяца, 20 июля, Цветковская писала В. Ф. Зеелеру: «...моего поэта я так до сих пор и не видела — то ссылались на новые приступы возбуждения и раздражения (будто бы даже с развитием окна), то на успокоение. Я, конечно, совсем истерзана этим» (ВАР. Ms. Coll. V. F. Zeeler. Vox 10). Посетить Бальмонта Цветковской было разрешено лишь 13 августа (см. след. п. и прим. 6 к нему).

⁴ Имеется в виду В. Ф. Зеелер (см. прим. 1 к п. 46).

⁵ Пытаясь найти средства для помощи больному Бальмонту, Зеелер обращался летом 1935 года как в различные организации, так и к частным лицам. 13 сентября 1935 года он написал С. В. Рахманинову: «Уже четыре месяца Конст<антин> Дмитриевич Бальмонт находится в лечебнице для нервных больных в Эпиней под Парижем, куда удалось нам поместить его. Он очень болен, но не неизлечимо — напротив, последний месяц особенно показателен. Врачи и проф<ессор> Агаджанян (пользующий его как наш общий друг бесплатно) уверены в его полной поправке — только пребывание в лечебнице должно быть еще не меньше двух месяцев. Несмотря на все льготные условия, которых удалось мне добиться от санатории, все же ежемесячно нам приходится (а Союз взял на себя оплату лечебницы) платить от 1500–1550 фр<анков>. За первые три месяца деньги я уплатил, а за четвертый (сегодня он окончился) еще ничего не внес (спасибо — ждуть, потому-то сборы идут все труднее и труднее. Товарищи его по редакции и издательство „П<оследних> Н<овостей>“ сделали все, что могли, от друзей насобирал немного, писал и в Америку и оттуда несколько долларов получил, позанимал, где только мог, — и, повторяю, за три месяца уплатил. А дальше не знаю, что и делать. Написал в Литву, в Болгарию, пишу в Чехословакию (ведь всюду он переводил поэтов местных), грузинам написал — пока молчат. Вот уже и подошел к крайним средствам, к источникам, которых не хотел беспокоить. Пишу вот Вам и просто спрашиваю: Вы ведь знаете, кто такой Бальмонт, нельзя же оставить его нам без помощи — и ежели откликнетесь на наш призыв о помощи — будем Вам очень и очень признательны. Не сердитесь на меня, вот и Вам написал, но что же делать: уж очень понятен мне долг наш — спасти погибающего поэта русского» (ВАР. Ms. Coll. V. F. Seeler. Vox 10). Упоминается врач-невропатолог Карп Сергеевич Агаджанян (1876–1955), член правления Общества русских врачей имени Мечникова во Франции; масон. Отдыхавший в то время на вилле под Люцерном, Рахманинов ответил Зеелеру 27 сентября 1935 года: «Извините за поздний ответ и за вынужденный отказ от Вашей просьбы. Хотя к письму чек и приложен, но сумма его так разнится от просимой Вами, что ответ мой равносителен отказу. В настоящее время я, к сожалению, должен сокращать свои посылки, а не увеличивать их» (Там же).

⁶ Имеется в виду Игорь, старший сын Шайковича (см. прим. 11 к п. 1 и прим. 6 к п. 37).

⁷ Последние новости. 1935. 19 мая. № 5169. С. 4.

⁸ Цикл из четырех стихотворений: 1) Светящаяся пыль («Далеко, далеко сапфирное поле...»); 2) Благостыня («Отчего так ласков синий...»); 3) Клич («Клич верховный...»); 4) Емкость дня («До полдня я всегда ловлю схожденье...») (Последние новости. 1935. 28 мая. № 5176. С. 4).

Paris (14-e).
26, rue des Plantes.
1935, 17, VIII.

Глубокоочтимые и дорогие друзья
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Простите меня, пожалуйста, что я так долго Вам не отвечала, хотя несколько раз послала Вам №№ «Посл<едних> Нов<остей>» с вещами К<онстантина> Д<митриевича>.

Жизнь моя эти месяцы такая многотрудная, многохлоп<от><н>ая и главное, мучительно-тревожная, что берет все время и все силы, которых стало слишком мало.

Спасибо Вам от всего сердца за оба Ваши ласковые письма¹ и за приложение к последнему (от 23-го VII),² — которое было в точности спасительным в дни полнейшей нищеты и всеобщего разъезда из Парижа. Спасибо.

К<онстантин> Д<митриевич> тоже получил одно Ваше письмо, адресов<анное> в maison de santé,³ был им очень счастлив и, по видимости, и «приложение», — в точности я не могла этого выяснить, он, вероятно, или потерял его, или подарил кому-нибудь — вспомнить не мог, — такова судьба теперь всего почти, что ему приносишь или посылаешь, — куда-то бесследно исчезает, кроме писем, которые он читает-перечитывает и четко хранит в памяти и сердце, и видит их во сне, — и потом рассказывает как виденный сон, а перечитывая вновь ранее полученное письмо, изумляется на провидчество своего сна. Это очень жуткая для слушающего перестановка во времени действительности и сновидения, — и их преображенное бытие делает из его теперешнего мировосприятия в точности драму Кальдерона «Жизнь есть сон», им переведенную когда-то,⁴ а теперь всечасно переживаемую.⁵

Состояние К<онстантина> Д<митриевича> очень тяжелое — хотя он сам этого, к счастью, не сознает и не чувствует. Улучшения за эти три месяца санатория не произошло, и даже, скорее, ухудшение. Хотя врач и пытается меня уверить в «некотором, хотя и замедленном улучшении», но это заверение, к сожалению, слишком очевидно не совпадает с действительностью, явно обратной. Улучшение и некоторое успокоение произошли в первый месяц пребывания К<онстантина> Д<митриевича> в санат<ории>. А потом произошел резкий поворот к худшему,⁶ страшная вражда и раздражение к учреждению, котор<ое> он раньше называл Раем. И что самое печальное и отнюдь не допустимое в лечебном заведении, что раздражение больного, которого от этого и должны лечить, вызывает и в персонале учреждения раздражение против больного, — что не должно, но что, говорят, везде в подобных заведениях, неизбежно. Этот maison de santé — один из лучших в Париже, но условия быта больных никак не могут не вызвать раздражения, а в особенности в таком, по природе своей, воспламеняющемся и вспыхивающем существе, как Бальмонт. Это, скорее, быт казармы или даже тюрьмы, при котором *Личность* почти исключена. Личного ухода никакого, это по отношению к существу, каждый миг которого был окружен уходом и лаской. И, в конце концов, даже лечения никакого. Даже не могут достигнуть, чтобы Б<альмонт> брал ежедневно ванны, которые ему необходимы. А плата огромная — около 2000 в месяц. Причем собрано было, и то не целиком, лишь на один первый месяц, для второго и третьего пришлось сделать заем, — правда, это сделал на свое имя и ответственность секретарь нашего здешнего Союза Писателей — человек глубоко сердечный и самоотверженный, но восстанавливать сии долги необходимо, и оплачивать уже наступивший четвертый месяц — неизбежно, ибо доктор настаивает на необходимости продления санатория и отказывается дать разрешение взять Поэта. А приходов ниоткуда никаких.

Даже единственный наш жизненный оплот, дарованная нам незабвенным и благим королем Вашим Александром пенсия в 600 fr, обычно выдававшаяся 1-го числа, доселе не могла быть выдана. Но здешнее посольство успокаивает нас, что это не ли-

шение, а лишь замедление ввиду смены министерств. Да притом эта основная наша сумма уходит целиком на неизбывную повседневность — которая все же продолжает существовать. У меня же убеждение и сердца, и мысли, что пока К<онстантин> Д<митриевич> будет в этом учреждении, он не успокоится и не поправится. Но и взять его домой, сюда, в Париж, на шум, голод и нищету, тоже невозможно. Для спасения К<онстантина> Д<митриевича> нужны деньги, а их нет. Все кошельки теперь побыстрей и потуже закрываются.

Так что видите, дорогие друзья, положение наше в точности трагическое, и душа, и мысль, и сердце в тисках пытки, тревоги и боли несказанной.

Простите, что говорю так искренне и не прячусь в общие фразы, — иначе не могу или должна молчать.

Я хочу, я должна спасти моего Единственного, Солнцеданного России. Или вместе погибнуть, но не в тюремном, пыточном для обоих, разлучении.

Видеть К<онстантина> Д<митриевича> мне по-прежнему разрешают очень редко — общепсихиатрический метод, не принимающий психологических уклонов, что причиняет большое зло больному и с чем борюсь, но почти бесплодно.

В последний раз я видела Поэта 13-го августа. Со мною он тих, спокоен, озарен и ласков. Но расставаться оч<ень> не хотелось ему. Все же на этот раз сумел сдержать себя и отпустить мирно, без приступов ярости и отчаяния.⁷ Но вид у него такой бедненький, во всем разорванном, ибо чинить некому, что сердце сжимается болью. И он ненавидит там всех и все молит взять его. Но духом все же бодр, — воинственен и не угнетен. Пишет стихи. Но писем не в состоянии писать. Первый месяц я получала от него по два и по три письма в день, а сейчас по две недели ни словечка. Хотя он уверяет, что пишет, но мне не передают, а слуги уверяют, что он пишет, рвет и бросает... И то, и другое возможно. Однако все мои письма и приносимые мною как письма, так и вещи он правильно получает. Так что Вы, дорогой Иван Степанович, вопреки молчанию К<онстантина> Д<митриевича>, напишите ему, каждая дружеская, любящая, помнящая строка для него оазис зеленый, которым он дышит и в котором светло грезит.

Физически К<онстантин> Д<митриевич>, т. е. телесно, все же имеет сейчас хороший вид — окреп, бодр, сильно загорел.

Мне пришлось переселиться в Париж, это было тоже оч<ень> трудно и сложно, и изнурительно, в особенности осуществляя все совершенно в одиночестве, двумя своими чахлыми руками. И адрес мой парижский в заголовке письма.

Отдыхаете ли где-нибудь летом и где? К Вам в Финляндию уехали на лето наши друзья — писатель Зайцев со своей женой.⁸ Мы с К<онстантином> Д<митриевичем> много им рассказывали о Вас. Думаю, что, вероятно, Вы встретитесь или уже.

Как здоровье Вашего сына и где он находится?

Какие вести из Белграда? — Кстати, знаете ли Вы, Иван Степанович, что в этом 1935 году, во второй половине ноября или в начале декабря, — это еще надо установить, — исполняется 50 лет литературной деятельности К. Д. Бальмонта. В одной из книжек журнала «Живописное Обозрение» за назван<ные> месяцы 1885 г. были напечатаны впервые стихи Бальмонта, тогда еще гимназиста.⁹ Чешский Сборник стихов Б<альмонта>, который, по моей просьбе, послал Вам переводчик Vylpel,¹⁰ (получили ли Вы?), — именно к этой дате приурочен. Сколь было бы хорошо, если бы можно было воздействовать на Велича, чтобы они к этой дате издали хоть одну из четырех или пяти книг, лежащих в белградском русск<ом> издательстве уже 5 лет.¹¹ Ведь они выпустили всего лишь одну книгу Бальмонта,¹² — (хотя у них лежат, кроме сборников стихов, и две книги прозы¹³) — между тем как всех остальных *минимум* по 3 книги выпустили.¹⁴ За что такая чудовищная несправедливость — неведомо.

А Ваша Муза? Пошлите Ваши песни К<онстантину> Д<митриевичу>, он будет счастлив.

Ну, простите, дорогие Друзья, теперь, что так длительно удерживаю Ваше внимание. Буду ждать Ваших строк, а пока шлем наши светлые мысли и приветы сердца. Ваша Е. Бальмонт. Всего-всего Вам доброго.

Дочь глубоко тронута Вашей памятью о ней и малютках. Она приветствует Вас обоим от всего сердца. Детки ее сейчас в Швейцарии в лучшем детском саду на даровых хлебах на 3 месяца. Это по хлопотам Лиги Наций около 150 русских детей отправлены туда на три мес<яца>.¹⁵ Это великое доброе дело — многих спасло.

¹ Имеются в виду письма от 6 июня и 23 июля 1935 года (последнее не сохранилось).

² «Приложение», т. е. чек или денежный перевод. См. прим. 1 к п. 36, п. 74* и др.

³ Возможно, письмо от 6 июня 1935 года — ответ на п. 70.

⁴ Дранию Кальдерона «Жизнь есть сон» (1635) Бальмонт перевел в 1902 году (1-е изд.: *Кальдерон П. Сочинения. Вып. 2: Философские и героические драмы... / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1902*).

⁵ О тяжелом психическом состоянии Бальмонта, его «снах» и наваждениях Б. А. Зайцев рассказывал И. А. Бунину (со слов Цветковской) в письме от 3 июля 1935 года: «Бальмонт тоже неблестящ. Живет он в лечебнице близ Парижа. Там у него флигелек, в саду. Он завел роман с 75-летней сумасшедшей, подружился с фр<анцузским> поэтом, утверждающим, что имеет права на франц<узский> престол. Они учредили уже партию для восстановления того на троне. Бальмонту обещаны хорошие поместья, и нас всех не забудет. 1-го я видел в сербск<ом> посольстве Елену. Она сообщила, что Б<альмонт> на днях „влез ночью на дерево, дабы лучше расслышать соловьев, но по несчастной неосторожности свалился и повредил себе ногу“. Тон ее рассказа был таков, что для поэта вполне естественно лезть на дерево. Вот тебе и завершение „одной жизни“!» (*Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.): Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. С. 90*).

⁶ Судя по письмам Цветковской, физическое и душевное состояние Бальмонта постоянно менялось. «Поэт на пути поправления, как утверждает врач, — писала она, например, 30 сентября 1935 года художнице В. А. Орловой, — и все же говорит, что считает необходимым еще месяца 3 maison de santé. Грустно это больно. Но надо верить и надеяться, и любить» (Отдел рукописей Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля. ОФ 5433/5).

⁷ Ср. в письме Цветковской к В. Ф. Зеелеру от 14 августа 1935 года: «Я видела К<онстантина> Д<митриевича> вчера 13-го августа. Пробыли мы вместе снова около 3-х часов. <...> Доктор R. de Varre, сообщая мне о разбитии стекол, говорил: „У него ночью какие-то видения (visions)“. Увы, стекла, вероятно, поставят на счет. Теперь Поэт поклялся мне, что не будет больше бить стекло ни нарочно, ни нечаянно» (BAR. Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10).

⁸ Борис Зайцев и его жена Вера Константиновна (урожд. Орешникова; 1878–1965) совершили в июле–сентябре 1935 года путешествие в Гельсингфорс и на о. Валаам, находившийся в то время на финской территории.

⁹ В журнале «Живописное обозрение» (1885. № 48. 1 дек. С. 343) были напечатаны два стихотворения Бальмонта («Горечь муки» и «Пробуждение») и выполненный им перевод стихотворения Н. Ленау «Процальный взгляд».

¹⁰ Ярослав Вышлел (1890–1969), чешский писатель, переводчик стихов Бальмонта. В 1935 году, к 70-летию поэта, издал в Праге сборник его стихов «Z básnického díla». Предисловие к сборнику написал профессор филологического университета им. Масарика в Брно С. В. Вилинский (см.: *Кшицова Д. Чешские переводы Бальмонта // Бальмонт К. Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. СПб., 2016. Т. 2: Черчу рассказ я. Проза. Душа Чехии в слове и деле / Сост., статья, прим. и комм. А. Ю. Романова; статья, подг. текстов, прим. и комм. Д. Кшицовой. С. 635*). Я. Вышлелу (а также Р. Медеку, Ф. Кубке и П. Жердеву) посвящено стихотворение Бальмонта «Сверчок» (1936; копия — в архиве Шайковича).

¹¹ Ср. в п. 17 (от 5 октября 1931 года): «Три мои книги в Белграде лежат без движения» и в п. 49 (от 26 сентября 1933 года): «Три мои книги, а с сербскими песнями и четыре, валяются в белградском издательстве...».

¹² Имеется в виду: *Бальмонт К. В раздвинутой дали. Поэма о России. Белград, 1929* («Русская библиотека»; № 11).

¹³ Вероятно, Цветковская имеет в виду: «Зеленый Капбретон. Южная Франция. Очерки» и «Шорох жути (сборник рассказов)». Один из «стихотворных сборников»: «Былинки. Стихи для детей» (2-е дополненное издание «Фейных сказок»). Другой сборник, по-видимому — «Югославские народные песни и былины» (см. прим. 1 к п. 19). Ни одна из названных книг не была издана.

¹⁴ См. прим. 3 и 4 к п. 49.

¹⁵ Старшие дочери Мирры, Оксана и Анна, долгое время оставались в Швейцарии, где их удалось пристроить в частную семью. В письме к А. Н. Ивановой Цветковская сообщила 8 августа 1938 года: «Она <Мирра> получила хорошие вести о девочках из Швейцарии от сестры Марианны — Анечка у нее, а Оксана у ее брата, приложены прелестные снимки с Оксаночки в новом семейном окружении» (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 88. Л. 38). Обе девочки находились в Швейцарии еще в начале 1941 года — см. письмо Цветковской к В. А. Зайцевой от 16 января 1941 года (НИОР РГБ. Ф. 374. Карт. 11. № 34. Л. 7–7 об.).

Paris, 14-e
26, rue des Plantes
1935, 27, IX

Глубокоуважаемые и дорогие
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Сердечно благодарю Вас за посылку драгоценного труда Вашего — сербский перевод «Калевалы», за ласковое письмо со спасительным приложением 50-ти fr.¹

Простите меня, что я долго не писала, хотя и посылала Вам несколькими раз «Последние Новости» с вещами К<онстантина> Д<митриевича> и приписками о здоровье К<онстантина> Д<митриевича>. Не знаю, получили ли Вы их? Но мое положение эти месяцы было такое трудное, что даже на марки не имела возможности, — вернее, — что даже марки, которую иногда получала от друзей, приходилось выменивать в дружеских магазинах на насущное пропитание.

В прошлый понедельник 23-го сент<ября> с Вашей легкой руки — ибо утром рано получила Ваше письмо, — сербское посольство выдало мне и другим писателям русским, которую помогает, нашу пенсию за август — 600 f. — и на днях обещают выдать за сентябрь. Это всех нас возродило, ибо не только дало возможность вздохнуть свободнее сейчас, но и успокоило за будущее, так как вот эта благая сербская подмога — основной оплот существования для всех нас.

Как горько было узнать о Ваших тревогах и душевных мучениях за Ваших сыновей. Хочется верить, что оба они выйдут победителями из весенних — по возрасту их — испытаний, телесных и душевных и обрадуют Вас благим расцветом.

Я верю — вопреки зримому — что даже самые страшные и несправедливые по видимости — пытки наши ведут к незримому нами Благу. Это, конечно, не устраняет острой боли переживания, но дает нам силу преодоления.

Я отложила на несколько дней свое письмо, потому что хотелось Вам написать после свидания К<онстантина> Д<митриевича> с врачом, не видевшим К<онстантина> Д<митриевича> около месяца. Свидание это состоялось вчера.

Врач доволен состоянием К<онстантина> Д<митриевича>. Находит значительное улучшение как в его физическом состоянии, так и в нервном и душевном — большое успокоение. Находит, что Поэт на пути поправления. Но для полного восстановления равновесия считает необходимым продолжить пребывание в maison de santé еще месяца на три.

Это очень трудно и тяжело. И как удастся осуществить это — в смысле оплаты — сейчас еще не вижу. Знаю одно, что одолеть это должно. Буду стараться.

Спасибо за сведения о Кузевицком. Я как раз пыталась открыть его местопребывание сейчас — знала, что он не в Бостоне, но где — никто не знал. Если он не проезжает через Париж и мне не удастся его увидеть лично, то я, конечно, напишу ему, однако не уверена, что он достойно откликнется, хотя его и обязывало бы к тому некое священное слово, сказанное им, когда мы вместе — Кузевицкий с женой и Бальмонт — со мной и дочерью отбывали из Нарвы <в> 1920-м году.² Но увы, Кузевицкий с тех пор ни разу не вспомнил об этом братском своем слове, хотя имел к тому много возможностей и не раз побуждали его к этому истинные друзья Бальмонта, но... горько безуспешно.

Но попытаюсь — я уже давно это решила.

Я вижу с моим Поэтом теперь гораздо чаще, — иногда до трех раз в неделю удается, и эти свидания для нас обоих — успокоение и Ключ жизни.

В последний раз мы виделись с ним вчера. Он был озаренный и спокойный и надеялся, бедный, на скорое «освобождение» — ибо сейчас он уже устал от своего поселения и относится к нему как к заточению.

Он в большом восторге от Вашего подарка — Калевалы по-сербски в Вашем переводе.³ В следующее наше свидание, вероятно, в ближайший понедельник,

я попрошу его при мне написать Вам о ней или же продиктовать мне, если ему будет трудно самому писать.⁴

Мне еще до сих пор не удалось прочесть Поэту Ваше письмо,⁵ т<ак> к<ак> наши последние свидания были довольно кратки и прерывались посторонними людьми, медицинским осмотром и стихами К<онстантина> Д<митриевича>, котор<ые> он торпливо диктовал мне. Как он будет счастлив узнать, что Вы свиделись с Е. А. Осиповой и были в саду Тани. Знаю, что он был бы счастлив, если бы вы написали подробнее о Вашем свидании и о самом внешнем облике Е<вгении> А<лександровны> — ведь мы никогда ее не видели — даже на портрете. Я не писала ей о болезни К<онстантина> Д<митриевича>, т<ак> к<ак> не хотела причинять ей боль и огорчение, и я все надеялась, что Поэт скоро поправится и сам ей напишет.

Если Вы будете ей писать, — пожалуйста, скажите ей это. И сообщите, если можно, мой адрес теперешний. А я тоже ей напишу теперь, в первую же свободную от неотложного минуту.

И еще одна маленькая просьба к Вам, дорогой Иван Степанович, если можно, pošлите мне, пожалуйста, № 8 1935 г. «Журнала Содружества». Там напечатано стихотворение Мирры Бальмонт «Отречение».⁶ Буду Вам очень признательна.⁷

Дочь шлет Вам благодарность за память и сердечный привет. Она, бедная, все ищет какой-нибудь постоянной работы и все ничего не находит. Дети пока еще в Швейцарии.⁸ Но на днях могут уже вернуться, и тогда это будет совершенной гибелью и для нас, и, главное, для них. М<ирра> хлопочет сейчас о продлении их пребывания в Швейцарии. Уповаем, что это осуществится, — как ни тяжела для дочери разлука со своими малютками, все же это единственная возможность спасти их, а они прелестны обе.⁹

Шлю Вам и Вал<ентине> П<етровне> самые благие и светлые пожелания и приветы от себя и Поэта, всегда Вас братски любящего и помнящего.

Ваша

Е. Бальмонт.

Р. С. Были ли Вы и В<алентина> П<етровна> на выступлениях Б. Зайцева?¹⁰ И каково Ваше впечатление? Любите ли Вы его как писателя?

¹ Это письмо Шайковича (сентябрь 1935 года) в его архиве не обнаружено.

² Бальмонт и его спутницы (Е. К. Цветковская, Мирра Бальмонт и А. Н. Иванова) выехали из России вместе с С. А. Кусевецким и его женой, Н. К. Кусевицкой (урожд. Ушковой). Приграничная Нарва, куда они прибыли 27 июня 1920 года, была их первой остановкой за пределами России (Нарва входила тогда в состав Эстонии). «Два дня продержали их на границе и чуть не довели этим до отчаяния...», — сообщалось в местной газете (К. Поэт Бальмонт и композитор Кусевецкий в Эстии // Народное дело (Ревель). 1920. 7 июля. № 1. С. 3; цит. по: Берд Р., Иванова Е. Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 60–61). См. также: Меймре А., Богомолов Н. А. Ситуация 1920 года: взгляд из Эстонии // Donum homini universali: Сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011. С. 192–198. Дружеские отношения, соединявшие поэта и композитора до их отъезда из России и в начале 1920-х годов, ослабели после отъезда Кусевецкого в США (в 1923 году).

³ Имеется в виду выполненный Шайковичем (и напечатанный им за собственный счет) перевод «Калевалы» на сербский язык (см. прим. 8 к п. 71).

⁴ Письмо, по-видимому, не было написано.

⁵ См. прим. 1 к наст. письму.

⁶ Журнал Содружества. 1935. № 8 (32). С. 25.

⁷ 14 января 1936 года в письме к Е. К. Цветковской Шайкович сообщал, что «послал М<ирре> Константиновне номер „Содружества“ с ее стихотворением по тому же старому адресу, но этот пакет не вернулся, наверно, остался на главном почтамте. Не можете ли его там получить?»

⁸ См. прим. 15 к п. 73.

⁹ Объявление о сборе средств для внушек Бальмонта появилось в газете «Последние новости» за подписью П. Н. Милокова, ее главного редактора: «Две маленькие девочки: одна — четырех с половиной лет, другая — трех, внучки знаменитого русского писателя и поэта, ныне тяжело больного, находятся в течение последних полутора лет в Швейцарии на попечении добрых людей. Теперь над ними нависла угроза — без дальнейшей материальной поддержки дети будут

отправлены во Францию к их матери, которая сама больна, без работы и без всяких средств. <...> нужны две тысячи франков, которые позволят детям остаться до будущего лета в Швейцарии. Я прошу оказать эту помощь, я обращаюсь за нею к тем, для которых не безразлична судьба крошек, носящих имя деда-поэта, известное всей читающей России. Хочу верить, что мой призыв найдет отклик среди читателей нашей газеты. П. Миллюков» (Последние новости. 1936. 24 окт. № 5692. С. 2).

¹⁰ Б. К. Зайцев и Шайкович познакомились в Келломяках (ныне — Комарово) 1 сентября 1935 года. В письме к И. А. Бунину, написанном в этот день, Зайцев сообщал: «Утром приехал сербский консул в Гельсингфорсе — „знакомиться“» (Зайцев Б. Собр. соч. Т. 11. С. 94). В конце сентября 1935 года Зайцев дважды выступал в Гельсингфорсе с лекциями.

75

1936. 22 января.¹ Полдень.

Дорогие и очень нами чтимые

Иван Степанович, — Дорогой и Любимый Наш, в Сербии и везде, — и Дорогая, весьма и очень, Валентина Петровна, сестра наша — Родная! — во Христе! — Наша Любимица Драгоценная — *Draho — Kam! — Drahokám-Srbski-i-Vsiácheski*² — Nash — Русский Наш — Совершенно же — Русский Самоцвет, — оба — Вы — Самоцветы — Яхонты, — только один Яхонт — Сафир — *Σαφίρος*³ — Голубой, Цвета Неба, Моря и — Океана. А Другой — Ведь в Вас Кровь Семиронская!⁴ — Черный — как — Глаза и — Волосы — Лилит — Первой Супруги Адама⁵ — 13 — Пчела — Апис⁶ — Пчела!

Ваш

К. Бальмонт.

<Приписка в верхней части листа:>

Утро. Вечер. — <Mi>tternacht — Nacht.⁷

Полночь. Полночь. — Mit —

Midnatt — Mid-Night — Media-Noche — Mezza-Notte⁸ —

С — Полдня — До — Полночи — и — С — Полночи —

До — Полдня и — Всегда — с Вами⁹

¹ В январе–феврале 1936 года Цветковская и Бальмонт гостили в городке Ла-Варени-Сент-Илер (на Сене) у Е. А. и О. М. Богдановичей (оплачивая при этом свой «пансион»). «Переезд прошел вполне благополучно и пока все идет хорошо, — писала Цветковская М. Н. Аитовой (1876–1969), врачу-микробиологу и благотворительнице, немало помогавшей Бальмонтам в последние годы их жизни. — К<онстантин> Д<митриевич> очень счастлив, что покинул свое *maison de santé*, и всему рад и доволен очень — говорит: „Я блаженствую! Какое счастье, что я не там. Я счастлив, счастлив“. Он спокоен, тих и ласков. Уповаю, что это продлится» (BAR. Ms Coll. V. F. Seeler. Vox 10). О том же Цветковская сообщала 31 января и В. Ф. Зеелеру: «К<онстантину> Д<митриевичу> за эти две недели стало несравненно лучше, чем было в санатории. Он спокоен, светлый и кроткий. К запретному не прикасается» (Там же).

² Драго<ценный> кам<ень>! — Самоцвет сербский и всяческий (*србск., искаж.*).

³ Сафир (*греч.*).

⁴ Семирон — область на юге Ирана.

⁵ Лилит — согласно средневековым еврейским текстам, первая жена Адама. С ее именем связан ряд легенд и преданий. В Священном Писании не упоминается.

⁶ Апис — священный бык в древнеегипетской мифологии.

⁷ Полночь — Ночь (*нем.*).

⁸ Полночь (на шведском, английском, испанском и итальянском языках).

⁹ В этом послании, как и в других подобных текстах, отражается болезненное состояние Бальмонта в 1935–1936 годах. Ср. заключительную часть его письма к И. С. Шмелеву от 7 августа 1936 года, написанную «в полудреме» и навеянную «улетающим ввысь» пением ангелов (Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936 / Сост., вступ. статья,

подг. текстов и комм. К. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина. М., 2005. С. 341). 16 января 1936 года Цветковская писала В. Ф. Зеелеру, навестившему Бальмонтов в Ла Варен: «...Вы видали Константина Дмитриевича в самый плохой за все время пребывания здесь день. Таким возбужденным, как тогда, он не был до тех пор ни разу. И „стихи“, что он читал, конечно, не стихи, а жуткие бредовые наваждения. Но в тот же вечер он отлично и совершенно правильным размером перевел одно чешское стихотворение. Поэтому я все же верю, что он сможет преодолеть „одолевающих его бесов“, как он сам выражается в минуты спокойного сознания и изумительно четкого виденья своего состояния» (BAR. Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10). Ясно, что и данное письмо к Шайковичам, близкое к «бредовому наваждению», было написано Бальмонтом во время одного из таких «состояний».

76

Thiais.¹ — Seine. — 60–70, avenue Panhard, 60–70.
Villa «Thébaïde».²
1936. 10 сентября. 4 ч<аса> д<ня>.

Дорогой друг,
Иван Степанович, —

Где Вы? Благополучны ли Вы и Ваши? Хотел бы думать, что «Да», — боюсь, что «Нет». Иначе, верно, не молчали бы так долго.

Откликнитесь!

Шлю Вам несколько стихов своих и только что пропевшийся — «Я верю».³ Верю, что это «Я верю» Вы тотчас же перепоеете по-сербски,⁴ — и, может быть, пошлете юному королю Петру.⁵ Память Александра Незабвенного⁶ мы свято храним.

Очень прошу Вас об услуге. Я месяца 1½ тому назад писал Евгении Александровне Осиповой, послал ей стихи, ей посвященные, и другие, — послал ей газеты с моими стихами, — ни ответа, ни привета. Не знаю даже, жива ли. Справьтесь, пожалуйста. Ее адрес прежний: — Terijoki, Käkösenträa, Villa Ossipoff.⁷ —

Мы живем в тихой ферме, среди деревьев и цветов. Наслаждаемся стихами, книгами, музыкой.⁸

Елена Константиновна шлет самые ласковые приветы Вам и дорогой Валентине Петровне, руки которой целую.

Хочется еще напомнить Вам один привет. В ночь с 22-го на 23 февраля прошлого года моя дочь Мирра писала мне: «Когда будете писать Шайковичу, передайте мой искренний привет, пожалуйста, ему и его жене и скажите, что я рада тому, что в нынешней смутной жизни есть еще такие люди и такие друзья, как он. А также такие рыцарские ревнители могучей и прекрасной, как Время, „Калевалы“, с которой с детских дней дружит мое сердце».

Милый брат мой дней сумрачных, отзовитесь поскорее и поподробнее!

Обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Ольга Александровна Шмелева скончалась от разрыва сердца 21-го июня.⁹
Р. P. S. Последняя весть от Вас была — Пасхальная открытка.¹⁰

¹ Тиэ или Тье — южный пригород Парижа (район Валь-де-Марн). Судя по некоторым письмам Бальмонта, поэт полагал, что по-французски пишется: Thiais и соответственно транслитерировал это название по-русски (Тиаис).

² Тиэ (Тье). — Сена. — 60–70, авеню Панар, 60–70. Вилла «Фиваида» (фр.).

³ Стихотворение Бальмонта («Я верю сербу, если он...»), посвященное «Другу и Брату Ивану Шайковичу». Публикация не выявлена; машинопись — в архиве Шайковича. Помета под стихотворением: «1936. 12-й ч<ас> у<тра>. Голубые просветы в небе. „Фиваида“». Приводим фрагмент этого стихотворения (с соблюдением особенностей оригинала):

Я верю сербу, если он
 Мне молвит слово — друга, брата.
 Людское сердце не богато, —
 Нас часто в этом ждет утрата.
 Но если серб сказал когда-то, —
 Горячим чувством захмелен, —
 «Мой брат!» — так это — без возврата, —
 До смерти длится этот сон, —
 И тут — не протрезвится он! <...>

Мы обнимались словно дети, —
 В Белграде ты мне молвил: «Брат!»
 И вот — как громовой раскат, —
 Как эха горного, стократ
 Пропевший звука пережат, —
 Тебе — мой тот же клик — назад!

Мы вряд ли в дружбе постарели,
 И ты, и я — и оба мы...
 Нет, в смутной облачной кудели,
 Средь вьюг, чей голос — возглас тьмы,
 Цветистых нитей много мы
 Захватным взором подсмотрели, —
 И против адской кутерьмы,
 Что мчит дыхание чумы, —
 Пою звучнее я свирели: —
 «Стяг Храбрых — Рыцарь Златоткан!»

Живи, мой Шайкович Иван!
 Всем — «Живнйо!», с кем дух твой слитен,
 Мой стих сверкает златобитен, —
 Мой серб! Я тоже дружбой пьян
 Я тем же духом обуян <...>

⁴ Судя по всему, Шайкович не стал переводить это стихотворение и тем более отсылать его королю Петру, однако в ответ написал собственное стихотворение «Веруем и ја», обращенное к «Незабравленом и свагда драгом другу Константину Бальмонту» (копия — в архиве Шайковича).

⁵ Петр II Карагеоргиевич (1923–1970) — старший сын короля Александра, последний король Югославии, правивший в 1934–1941 годах (формально — до 1945 года). Умер в США. Фактически с октября 1934 года страной управлял регентский совет из трех человек во главе с князем Павлом Карагеоргиевичем. В стихотворении «Я верю» Петру Карагеоргиевичу посвящены строки:

...Красивый, стройный,
 Отца-Героя — сын достойный,
 Среди опасностей спокойный, —
 Судьбой счастливою он дан
 Бесстрашной Сербии, к которой
 Всегда в мечте стремлю я взоры...

⁶ То есть короля Александра Карагеоргиевича.

⁷ См. прим. 4 и 5 к п. 3, прим. 2 и 3 к п. 8 и прим. 10 к п. 71.

⁸ «Тихая ферма» под названием «Фиваида» представляла собой госпиталь-санаторий (maison de santé) для престарелых людей. Бальмонт находился в «Фиваиде» с мая 1936 по январь 1937 года.

⁹ На смерть О. А. Шмелевой (урожд. Охтерлони; 1875–1936) Бальмонт и Цветковская откликнулись 8 июля 1936 года взволнованным письмом к Шмелеву (см.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936. С. 337–338).

¹⁰ «Пасхальная открытка» 1936 года не сохранилась.

Тиаис. 1936. 3 октября. Полдень.
Золото осеннего Солнца.

Дорогой друг мой
Иван Степанович,

Я не мог Вам сразу же отправить мои перепевы Ваших дивных стихов «В Отъединении»,¹ ибо у меня не было марок. Мы живем, очень перебиваясь, от дня до дня.

Большой для меня радостью были Ваши слова о том, как Вы и дорогая Валентина Петровна, вы оба почувствовали строки моего письма к Вам и строки моих стихов.² Мой стих к Вам³ среди моих знакомых, да верно уже и среди незнакомых, имеет огромный успех. Я дал и послал копии нескольким лицам, — и все одинаково от нашего стиха в восторге.

Когда я получил Вашу книгу,⁴ через несколько минут мое перо уже быстро бегало по листкам моей памятной книжки. И весь тот день, неотступно, Вы владели моей мыслью и моей душой. А в ближайшие после этого дни я написал два французские сонета к Филеасу Лебегу и сегодня два арабско-персидские зежеля,⁵ десятистрочия, к нему же, а между этими стихами целый ряд еще других, — копии всех пошлою Вам.⁶ Здесь прилагаю в двух экз<емплярах> Ваши стихи по-русски⁷ и «Дартингтона»,⁸ знаю, что он Вам и Вал<ентине> Петр<овне> понравится и, думаю, очень. Ваши стихи старался передавать с возможной дословностью, что, кажется, в общем мне удалось, кроме 3-х — 4-х стихотворений, где я невольно соблазнился тем богатым словесным материалом, который в сербском языке имеется для русского стиха, — и я его, конечно, использовал, — думаю, без ущерба для Вас и Поэзии.

Хочу просить Вас — более четкий экземпляр отослать от моего имени Петру Мойсеевичу Пильскому⁹ в «Сегодня», сопроводив посыл Вашу заметку, строк в 20–25, с рассказом, как они возникли, эти стихи, — с точным упоминанием и об утопленнике, и обо всем пейзаже.¹⁰ Редакция будет польщена и не будет отговариваться неимением места. А сербская и русская чувствительность к Северу явится в полном блеске.¹¹

Шлю Вам также «Скорлупку»,¹² — чтоб улыбнулась Ваша девочка, о которой Вы молчите.¹³

С нетерпением буду ждать Ваших подробных слов о стихах и о Вас. Приветы от меня и Ел<ены> Конст<антиновны> Валентине Петровне и Вам.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

¹ «В отъединении» — цикл стихов Шайковича, переведенных Бальмонтом (в печати не появлялся; машинопись сохранилась в архиве Шайковича). Состоит из двенадцати коротких стихотворений: «Полет», «Надежда», «После мрака», «Сквозь сны», «За жаворонком», «Край озера», «Дано — добыто», «Вечер», «Струна», «Костер», «Осенний иней», «Плакучие ивы». В конце цикла: «1936. 23 сентября. 10 ч<асов> у<тра>. Дымка. 10 ч<асов> н<очи>. Музыка. Тиаис. Просветленные мгновения». Стихотворения «Полет», «Дано — добыто» и «Край озера» были написаны Шайковичем еще в 1930–1931 годах (см. прим. 7 и 9 к п. 7; прим. 4 и 5 к п. 13). См. также прим. 6 к данному письму.

² «Были и счастливые дни в нашей жизни, были и радостные, — писал Шайкович Бальмонту 18 сентября 1936 года, — но один из самых радостных <так!> останется тот, когда мы получили Ваше письмо с целым букетом прекрасных цветов-стихов. Я заплакал от радости, Валентина Петровна сперва онемела, потом радостно кликнула: Бальмонт?! Вот и теперь перед мною на столе Ваши строки, стихи, засушенные цветочки — прекрасная явь. И точно я только что вышел из кошмарного сна, стянутая моя грудь снова глубоко задышала, и я вижу — Солнце. Я вижу тихую улыбку дорогого друга Константина Дмитриевича, протянувшего руку к ярким цветочкам осеннего <так!> сада... Как засверкали Ваши стихи, дорогой поэт! Какая свежесть, какая ширь. Вот что значит вечно молодой дух!»

³ Имеется в виду стихотворение «Я верю» (см. прим. 2 и 3 к п. 76).

⁴ Вероятно, имеется в виду стихотворный сборник: *Шайкович И. У самовау. Хелсингфорс: Штампарија «Литера», 1936.*

⁵ Зежелъ (*исп.* zéjel; *фр.* zadjal) — средневековый жанр арабской любовной лирики, получивший развитие в Испании и Португалии.

⁶ «Два французские сонета», «Десятистрочия», как и «целый ряд» других стихотворений, упомянутых в этом письме, в архиве Шайковича не обнаружены.

⁷ Имеются в виду стихи Шайковича, переведенные Бальмонтом (1936).

⁸ «Дартингтон» — стихотворение Бальмонта (публикация не выявлена), навеянное статьей кн. С. М. Волконского «Дартингтон (о школе Курта Йосса в Англии в Девоншире)» (Последние новости. 1936. 12 сент. № 5650. С. 5). Машинопись сохранилась в архиве Шайковича; под стихотворением — помета: «29 сентября. 12 ч<асов> в<ечера>. Музыка. 30 сентября. 12 ч<асов> д<ня>. Дымка. Тиас». Дартингтон представлял собой частное поместье супругов Эльмхерст, в котором они создали в 1920-е годы своего рода «мини-государство» — с текстильными фабриками, лесопильней, птицеводческими фермами и проч. Были открыты также разного рода учебно-воспитательные заведения (от детского сада до технической школы), танцевальная школа, театральная студия и т. п. «Любопытно отметить — рассказывал Волконский, — что первая мысль о таком „поместье“ пришла ему <Эльмхерсту> в голову в Индии, когда он посетил Рабиндраната Тагора — это как бы сколок с имени знаменитого индусского поэта и мыслителя, находящегося к северо-западу от Калькутты». Пробыв в Дартингтоне две недели, Волконский чувствовал себя, по его словам, «в какой-то блаженной стране, где сливаются воедино польза и красота». Йосс Курт (1901–1979) — немецкий балетмейстер и педагог. В 1933 году бежал из Германии; до 1949 года жил и работал в Англии (руководил танцевальной школой в Дартингтоне).

⁹ Пильский Петр Моисеевич (Моисеевич, Мосеевич; 1879–1941) — критик, публицист, беллетрист. Один из основных сотрудников газеты «Сегодня» (с 1921 по 1940 год). Высоко ценил творчество Бальмонта и неоднократно писал о нем.

¹⁰ В своем письме от 18 сентября 1936 года Шайкович рассказал Бальмонту историю возникновения отдельных стихотворений («цветков»), включенных в цикл «В отъединении»: «В июне финское правительство из благодарности за перевод „Калевалы“ предложило мне и жене бесплатный проезд по Финляндии. Я — не имеющий отпуска уже 7 лет — покинул канцелярию на месяц и уехал с женой в Печенгу, 1500 километров на Север от Хельсингфорса, почти 500 к<ило>м<етров> за Полярный круг. В девственный край, через тундры, иногда через оазисы прекрасных лесов, мимо голубых озер, бушующих водопадов, в страну олений, лососов <так!>, форелей. В страну нарядно, пестро одетых лапонцев <так!> с сияющими глазами и улыбками загадочными, как северное сияние, знающих какие-то далекие от нас тайны... <...> Потом по прекрасной автомобильной дороге доехали мы до самого конца, до соленых, хрустально <так!> чистых вод Ледовитого океана, над которым подымаются хмурые, острые, голые скалы, точно говорящие: „Здесь конец“. И, странно-символически, почти на моих глазах, холодные волны выбросили объединенный человеческий труп, голый, с распоротым брюхом, без ног, без рук. „И трупов человеческих не хотим“, — отплывывали волны. А „он“ кто был? Не русский ли, которому ныне все „двери“ закрыты. Недалеко от этого трупа я омылся в соленой воде (смерть и жизнь всегда по соседству), собрал камышков <так!> на память, а потом на берегу собрал несколько осиротелых цветков, из которых и Вам посылаю».

¹¹ Публикация не состоялась. (Очевидно, Шайкович не последовал совету Бальмонта.)

¹² Стихотворение Бальмонта, сохранившееся в архиве Шайковича (машинопись). Публикация не выявлена. Под стихотворением — помета: «1936. 17 сентября. 12 ч<асов> у<тра> Золотое Солнце. В саду. Тиас».

¹³ Первое упоминание об Оливере в письмах Бальмонта. Видимо, он узнал о ее существовании лишь в 1936 году из открытки или письма (копия отсутствует в архиве Шайковича), в которых Шайкович сообщил имя и даже увлечения юной Оливеры. Ср. упоминание в следующем письме о «начинающей художнице».

Тиас. 1936. 24 декабря. Сумерки.

Дорогие друзья, Иван Степанович и Валентина Петровна,

Еще месяц тому пришел пакет,¹ в котором, «по приказу Папы и Мамы», Лива² вложила 50 фр<анков>. Спасибо. Хотел тотчас писать, но был удержан, друг, Вашими словами, что вдогонку идет подробное письмо. Но, верно, оно погналось в Мировое Пространство за неисполненными обещаниями и несбывшимися намерениями.³ А сегодня утром новый пакет и новые 50 фр<анков>. Двойное спасибо, верные заботники.

Начинающей художнице шлю ее венчальный стих.⁴ А Вам, милый брат и дорогая сестра, шлю несколько стихотворений.⁵ Надеюсь, что наконец напишете нам подробно на Новоселье: 4-го января мы уезжаем в другое обиталище: Noisy-le-Grand. Seine et Oise, — 26, avenue Chilpéric, 26.⁶ Там не будем голодать. Обнимаем, целуем.

Ваши

К<онстантин> и Ел<ена> Бальмонт.

¹ Содержимое «пакета» в точности не известно (видимо, книги, письма и т. п.).

² Шайкович Оливера (1931–2018) — дочь И. С. и В. П. Шайковичей; художница. Ср. прим. 42 к вступ. статье.

³ Следующее письмо Шайковича к Бальмонту от 6 января 1937 года начинается с объяснений причин, по которым «подробное письмо», которое он собирался написать «в тот же день», пришлось отложить.

⁴ К письму была приложена открытка, адресованная «Юной художнице Ливе Шайкович»:

Тиаис. 1936. 24 декабря.

Да будет Лива
Всегда счастлива!
Все с папой, с мамой,
Пока не станет
Красивой дамой!
Тут вдруг предстанет
Ее жених, —
Он нежно взглянет
И звучно грянет
Венчальный стих!

К. Бальмонт.

По поводу этого «венчального стиха» Шайкович отвечал Бальмонту 6 января 1937 года: «Ливочка в восторге от стиха дяди-Бальмонта, но возразила: „Хотя и буду красивой дамой, всегда останусь с папой и мамой. Пусть дядя-Бальмонт так и знает“».

⁵ Видимо, Бальмонт отправил Шайковичу несколько стихотворений, написанных в октябре–декабре 1936 года в Тиз: «Умиротворение» («Спокойный дух исходит от полей...»), «Девушка-молния» («Девушка — молния, буря, зарница...») и цикл из двух сонетов под названием «В сумерках»; машинописи этих стихотворений сохранились в архиве Шайковича. В письме от 6 января 1937 года Шайкович благодарит Бальмонта: «Большое Вам спасибо, дорогой друг, за присланные мне стихи и Ваши, и мои. <...> Головокружительна Ваша „Девушка-молния“». Слова «и Ваши, и мои» позволяют предположить, что Бальмонт присоединил к этим стихам свои новые переводы из Шайковича.

⁶ Нуази-ле-Гран, Сена и Уаза, авеню Шильперик, 26 (*фр.*). По этому адресу находился приют для выздоравливающих туберкулезных больных, открытый в мае 1936 года по инициативе матери Марии (Скобцовой), Ф. Т. Пьянова и др. и получивший впоследствии название «Русский Дом». Бальмонт и Цветковская проживали здесь с января 1937-го до середины сентября 1938 года, а затем переехали на ул. Руже де Лилия (там же, в Нуази-ле-Гран).

79

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>
26, av<enu> Chilpéric, 26.

Нуази. 1937. 4 февраля.

Дорогой друг Иван Степанович,

Хвала Вам, неумоимо ведете Вы свою линию. Каждая новая Ваша работа показывает с четкостью, что времени Вы зря не теряете, а пока Мир творит, делаете и Вы

свое творческое дело. Написал я несколько строк, — больше-то нельзя, — о Вашей доле чествования памяти Пушкина.¹ Посылаю одновременно эти строки Вам и Н. К. Кульману.² Надеюсь, он напечатает это в имеющей появиться вскорости одновременной³ газете «Пушкин».⁴ Хотел бы что-нибудь послать и в «Последние Новости». Но Вы знаете, у Вас там есть благоприятель памятный в лице Милюкова.⁵ Мой «Лист Анчара»⁶ не удосужились напечатать за целый месяц.

Стихов новых я почти совсем не пишу. Буду теперь ожидать из Харбина корректур моего «Светослужения».⁷ Дни серые, тусклые. Мысли дремлют.

Наши сердечные приветы Вам, дорогой друг, Валентине Петровне и милой Ливе. Братски обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ В заметке, озаглавленной «Югославия — Пушкину», Бальмонт писал: «Еще полгода тому назад он <Шайкович>, на свой счет, издал два свои превосходные перевода пушкинских поэм „Полтава“ и „Медный всадник“. К этим юбилейным дням памяти Пушкина он только что выпустил отличный перевод „Моцарта и Сальери“ и небольшой сборник „Из Пушкинской лирики“. Все переводы Шайковича свидетельствуют о его внимательном, глубоком проникновении в тонкие оттенки пушкинского стиха и творческом умении перелить русский подлинник в сербский стих». В качестве иллюстрации того, «как умеет Ив. Шайкович отобразить русский стих в сербском», приведено было пушкинское стихотворение «Эхо». «Зеркально чистое отражение, — резюмировал Бальмонт. — Глянeshь, и в душе твоей кристальная чистота и тишь» (Пушкинъ 1837–1937. С. 3; см. ниже прим. 4). О поэме «Полтава», переведенной и напечатанной Шайковичем в Гельсингфорсе в 1935 году, см. прим. 7 к п. 71; о переводе «Медного Всадника» сведений не имеется (видимо, ошибка Бальмонта). О публикации перевода пьесы «Моцарт и Сальери» и сборника «Из Пушкинской лирики» см. прим. 3 к п. 80. Помимо этих произведений Пушкина, Шайкович перевел и опубликовал также «Скупого рыцаря» (*Пушкин А. С. Витез Тврдица / Прево Иван С. Шайковић. Хелсинки, 1937; с предисловием и примечаниями переводчика*).

² Машинопись этого текста сохранилась в архиве Шайковича. Помета под текстом: «1937. 4 февраля. Noisy-le Grand». Текст «Эха» приведен Бальмонтом в оригинале и переводе Шайковича (в газете «Пушкинъ» русский оригинал отсутствует).

³ Видимо, описка Бальмонта. Следует: однодневной.

⁴ Однодневная газета «Пушкинъ 1837–1937» была издана Комитетом по устройству Дня русской культуры во Франции; редактором выпуска, в котором приняли участие русские писатели и ученые (И. А. Бунин, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, М. Цветаева, И. С. Шмелев и др.), а также французские слависты (Ж. Легра, А. Монго и др.), был Н. К. Кульман (см. о нем прим. 2 к п. 6). Газета вышла в феврале 1937 года.

⁵ См. п. 35 и прим. 5 к нему.

⁶ Стихотворение Бальмонта «Лист Анчара» опубликовано в «Последних новостях» (1937. 17 июня. № 5927. С. 3) рядом со статьей Г. А<дамовича> «70-летие К. Д. Бальмонта»; вошло в последний сборник Бальмонта «Светослужение» (Харбин, 1937). Дата под стихотворением: «1936. 29 сентября».

⁷ Сборник «Светослужение» был напечатан осенью 1937 года; переиздан в 2005 году в Воронеже.

80

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>
26, av<enu> Chilpéric, 26
1937. 10 февраля

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо Вам сердечное за щедрый дар. Половину его я отдал Елене на текущие наши нужды, а половину она повезла сейчас, от Вас и дорогой Валентины Петровны,

нашей злополучной дочери Мирре, в «Maternité»,¹ где у ней <так!> только что родилась <так!> третья дочь Ольга. Вот ее последнее стихотворение, полное, румяное и крикливое.²

Дня 2–3 тому назад я послал Вам немногие свои Слова о двух прелестных Ваших пушкинских книжках.³ Еще раз Вам спасибо за них. Я думаю, что мало-помалу Вы соблазнитесь и почти целиком переведете творения нашего бессмертного Баяна. Это останется на веки веков лучезарным знаком союза Югославии с Россией.

Не помню, посылал ли Вам «Памяти Пушкина»⁴ и «Лист Анчара».⁵ Прилагаю. Вся Земля сейчас славит Пушкина. Где-то теперь он?
Лучшие наши чувства Вам и дому Вашему.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

¹ Родильный дом (фр.).

² Очевидно, что речь идет о ребенке.

³ Имеются в виду: *Пушкин А. С. Моцарт и Салијери / Превео Иван С. Шайковић. Хелсинки, 1937; Из Пушкинове лирике / Превео Иван С. Шайковић. Helsinki: Raittiuskausan Kirjapino Osa-keuhio, 1937* (первая книга содержала также написанное Шайковичем предисловие, а вторая — его примечания). См. также прим. 1 к п. 79.

⁴ Цикл «Памяти Пушкина» состоит из четырех стихотворений (сонетов); дата под экземпляром в архиве Шайковича: «1936. 24–25 октября». Три стихотворения этого цикла (опущено стихотворение «Как иве хочется печали...») опубликованы в однодневной газете «Пушкинъ 1837–1937» (с. 7). Весь цикл полностью — в сб. «Светослужение».

⁵ См. прим. 4 к п. 79.

81

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enu>e Chilpéric, 26.
1937. 30 марта.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Большое Вам спасибо за подробное, ласковое письмо и за щедрый братский подарок, весьма нас подкрепивший. Грустно знать, что в родной стране, в Сербии, у Вас столько врагов. Но ведь ничтожные все это люди. Не стоит много о них думать. Главное зло — в безусловно подлой душонке А. Б<елича>. И жаль бедных крестьян Югославии, кровные деньги которых он растрчивает так бессмысленно.¹ Вам же слава, что Вы деятельны и бодры.

От Ел<ены> К<онстантиновны> и меня лучшие приветы Вам, друг, Валентине Петр<овне> и милой Ливе.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Весь предыдущий пассаж — реакция на раздраженное письмо Шайковича от 21 марта 1937 года: «Мои белые книжечки с ликом дорогого Пушкина разошлись по всей Югославии, но их встретили недружелюбно наши шарлатаны-поэты и шарлатаны-критики. Дело в том, что прославляющий себя где и как может Белич имеет, как говорят, казенных денег несколько миллионов на прославление Пушкина, но он не имел никакого литературного материала. Он не хотел вспомнить обо мне и моих переводах, а нашел всяких бездарников, которые ничего путного не могли сделать. В журналах стали появляться отвратительные „переводы“ Пушкина от каких-то русских, не знающих сербского языка (Тарановский, Захаров и пр.), и от какого-то серба Пешича, не имеющего понятия, что такое поэзия. И вдруг появились мои белые книжки. Сделался

настоящий переполох. „Сербский книж<ный> гласник“ — будто „лучший сербский литературный журнал“ — без спроса и ведома моего перепечатал (рядом с «переводами» этих Пешичей, Тарановских и пр.) мой перепев „Анчара“, но выбросив некоторые слова совсем, а некоторые заменив произвольно. Это с явной целью, чтобы показать своим читателям, что мои переводы не лучше их переводов. Пришлось мне дать заявление через газету „Политика“, что все случилось без моего ведома. Вот какие дела у нас! Говорят, что Белич хочет на миллионы денег бедного сербского народа воздвигать памятник в Югославии (наверно, в Белграде) Пушкину. Какой скандал! Это делается тогда, когда мы еще не имеем памятника Вука Караджича, создавшего наш язык и литературу и собравшего как наивысшую нашу национальную ценность — народную поэзию! Вот как подлецы поступают. Памятник Пушкину в Сербии, а бедный переводчик Пушкина на сербский печатает свои переводы, задалжаясь <так!> у типографии. Пушкин сам себе создал памятник, а наше дело было воспринять Пушкина духом, а не выманывать миллионы от сербского бедного поселянина на гранит и бронзу. Но подлость есть — подлость. Белич этим создает „памятник“ больше себе, чем Пушкину...». Упоминаются: Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993), Е. Захаров (наст. имя и фамилия — Лев Горевич Захаров; 1903–1975), Миодраг М. Пешич (Пешић; 1897–1979) и Вук Стефанович Караджич (Карадић; 1787–1864), а также выполненный Шайковичем перевод пушкинского стихотворения «Анчар» (Српски књижевни гласник. 1937. Т. 50. № 4. С. 263–264). Отзывы и оценки Шайковича, разумеется, пристрастны и вызваны прежде всего обидой на А. Белича, не желавшего признать его заслуг как переводчика Пушкина.

82

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.

1937. 17 мая.

Дорогой друг, Иван Степанович, запоздалое русское «Христос Воскресе!» Наш троекратный поцелуй Вам, дорогой Валентине Петровне и милой Ливе. Здоровы ли Вы все? Давно нет от Вас вестей. — У нас ничего нового, — однако, три дня тому, в Париже, когда, провожаемые Миррой, шли к метро, в дождливом тумане налетел на нас раскатившийся автомобиль, подмял нас и протачил несколько. Я отделался легким ушибом и испугом. А бедные Елена и Мирра зашиблись сильно, и несчастные их чулки и платья были разорваны. Несчастье, но и чудо. Могло кончиться хуже, даже и смертью.¹ — Отзовитесь, как Вы? Обнимаем Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Об этом событии Бальмонт подробно рассказал в своем письме к В. В. Обольянинову 21 мая 1937 года (см.: Письма К. Д. Бальмонта к В. В. Обольянинову / Вступ. статья, публ. и прим. П. Куприяновского и Н. Молчановой // Вопросы литературы. 1997. № 3. С. 335). «Жутко нам было читать о том, что случилось с Вами и Вашими в Париже, — откликнулся на это Шайкович в письме от 25 мая 1937 года. — Слава Богу, что не было хуже. Мерзкая городская сутолока. А что будет теперь в Париже во время выставки» (имеется в виду Всемирная выставка, открывшаяся 25 мая 1937 года и длившаяся ровно шесть месяцев).

83

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.

1937. 2 июня.

Дорогой друг Иван Степанович,

Спасибо Вам большое за ласковое письмо и щедрый дар, очень нас подкрепивший в наших бедах.¹ Большое спасибо.

Но мы в ужасе на Ваше новое переселение. Куда? Вы не сообщаете нового Вашего адреса. И почему? Вам не платят, и приходится сжиматься? 85 ящиков с книгами! Каждую книгу Вы вытерли и уложили сами.² Ну и силушки Вам послал Господь Бог. На другое бы ее нужно применять.

Посылаю Вам «Круговорот минут».³ Мне кажется, все эти строки я уже Вам писал. Но ведь и соловей, и жаворонок, и каждая птица поет свою песню каждый раз одинаково и все же переиначивая. Знаю, что пропелись эти строки искренно. Оба мы, и я, и Ел<ена> К<онстантиновна>, шлем Вам, дорогой Валентине Петровне и милой Ливе наши наилучшие приветы.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

P. S. Боюсь, что это письмо не сразу дойдет до Вас. Прошу, ответьте возможно скоро.

¹ См. прим. 2 к п. 84.

² 25 мая 1937 года Шайкович сообщил Бальмонту: «...Покидаем квартиру с 85 ящиками книг, которые упаковываю только я один...».

³ Стихотворение Бальмонта, посвященное Шайковичу и ранее не публиковавшееся. Приводим его полный текст:

КРУГОВОРОТ МИНУТ

Другу моему и брату,
Ивану Степановичу Шайковичу

1.

Томят созвучия тягучие,
Ползет предутренний туман.
Но мысль встает, меня не мучая,
Как песня вешняя, певучая:
Есть друг мой, Шайкович Иван.

2.

Зов звучит к тебе единый
Голубицы Валентины.
Дружный с ним, но словно в споре,
Чуть строптивый, говорливый,
Как волна с волною в Море,
Ива с ивой в разговоре,
Голосок счастливой Ливы.

3.

Проснусь ли я перед рассветом,
Мне сердце мучает истома.
Но также радость мне знакома:
Со звуком звук, поэт с поэтом,
Хоть мы и порознь в мире этом,
Душа в душе, мы вместе, дома.

4.

Круговорот минут —
Колодец, и бездонный.
Ты — в дальнем там, я — тут,
Но мысли — светлый жгут,
Слова журчат, текут.

Мы оба — стих созвонный,
Гимн, к Солнцу вознесенный.

5.

Полночь и полдень, и сумрак, и день,
Все исчезает, как призрак, как тень.
Что не исчезнет нигде, никогда, —
Мысль о любимых, чей взор — как звезда,
Ласка желанной, содружной руки,
В темную ночь — огоньки, светлячки.

К. Бальмонт.

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.
1937. 1 июня.

84

26, av<enue> Chilpéric, 26.
Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>
1937. 22 июня

Дорогой и чтимый друг мой
Иван Степанович,

Вы опять, хоть сами Вы в таких сложных трудностях, ободрили и поддержали нас в наших затруднениях и ласковым письмом, и щедрым братским даром.¹ Хотя Вы и превращаете благодарить Вас, сердце в этом не хочет Вам слушаться, ибо оно полно признательности. Большое Вам спасибо.

И меня, и Елену Константиновну глубоко поразило постигшее Вас злосчастье. По предыдущему Вашему письму думали мы, что Вы просто переезжаете на другую, более скромную, но достаточно хорошую и просторную квартиру. А жить врозь с своими любимыми, с дорогой Валентиной Петровной и милой Ливочкой, все дорогие вещи и книги упрятавши в пыльные и сырые подвалы склада, — ведь это жуть! И с каким спокойствием Вы говорите об этой огромной беде.² Мы любим Вас, мы обнимаем, целуем и любим Вас.

Некоторые строки Вашего письма прозвучали особенно ласково в моем сердце. Шлю Вам стих «Божье дитя».³ Быть может, все эти слова я Вам уже говорил? Или только в полусне звучали во мне эти строки? Не знаю. Знаю лишь, что тут биение моей сердечной крови.⁴

Елена Константиновна шлет лучшие свои чувства — Вам, дорогой Валентине Петровне и милой Ливочке. Я присоединяю свои приветы.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Евг<ении> Ал<ександ>р<овне> Осиповой я написал, что Вы хотите ее навестить.

¹ Имеется в виду письмо Шайковича от 15 июня 1937 года и приложенный к нему денежный перевод.

² В письме от 15 июня 1937 года, высказывая благодарность своему другу «за добрые дружеские слова и сочувствие», Шайкович сообщал: «С нами дело обстоит теперь так: меня три года обнадёживали и обещания не исполнили. Чтобы лучше репрезентировать свою страну, я содержал большую красивую квартиру, на которую приплачивал от своего и иначе скудного жалованья.

Теперь, после три года <так!>, решил покончить с этим безобразным положением, но, конечно, получилось не лучшее. Мебель из семи просторных комнат и больше 80 ящиков книг ушли в лагерь <т. е. на хранение. — К. А.> — в подвал. Валентину Петровну и Ливочку послал в Териоки. Для канцелярии я нанял в центре города 2 комнаты и для меня, для ночевки, 2 комнаташки. Все мои рукописи и любимейшие книги — в подвале. Конечно, чувствую себя заживо погребенным. В Белграде „друзья“ об этом знают и — молчат. Во что бы то ни стало надо ехать на родину, чтобы окончательно решать дальнейшую судьбу. Не знаю, удастся ли эта поездка в сентябре... Работа при ликвидации квартиры сильно отразилась на моем здоровье — при всей моей действительно большой физической силе получилась какая-то отравка мускул. Но я еще не намерен сдаваться...».

³ Стихотворение посвящено И. С. Шайковичу; приводим его полный текст:

БОЖЬЕ ДИТЯ

Посвящается Ивану Степановичу Шайковичу.

Ты мне тихонько говоришь,
 Что дышишь гроздом ты сирени, —
 И в сердце я качаю тишь,
 И стройные ледею тени.
 Ты говоришь, что стоит жить,
 Дыша ночной фиалкой, любовью, —
 И сердцу любо воровать,
 Притихшей замирать голубкой.
 Ты злою угнетен Судьбой,
 Колдующей враждебной мочью.
 Но ты — как вечер голубой,
 Венчающийся с звездной ночью.
 Ты — Божье доброе дитя,
 Цветок волшебный златоока,
 Ты раскрываешься, блестя,
 Люблю тебя и чту глубоко.

К. Бальмонт.

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
 26, av<enue> Chilpéric, 26.
 1937. 22 июня. Полдень.

⁴ «...Я застал в Гельсингфорсе Ваше милое письмо с прекрасными стихами „Божье дитя“, — писал Шайкович Бальмонту 7 июля 1937 года, вернувшись из поездки в Териоки. — Далеко я не заслужил эти прекрасно-сверкающие слова, ласковые и добрые, но все же с радостью принимаю, и с благодарностью, этот Ваш драгоценный подарок».

85

26, av<enue> Chilpéric, 26.
 Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>.
 1937. 13 июля.

Дорогой и чтимый друг мой
 Иван Степанович,

Спасибо Вам за сердечное и живописное письмо о посещении Е. А. Осиповой и за щедрый, братский дар. Вы так живо и ярко рассказываете о встрече с бедным безумцем, братом Тани, Витей, что я вижу его, с испуганными оленьими глазами. Бедный он и бедная Евгения Александровна. Новый трагический удар, — наследственная скоротечная чахотка, — близок, и вряд ли его можно отвратить.¹

То, что Вы рассказываете об овладевшем юношею демоне кощунства хорошо мне известно и памятно, хотя бы по гениальным и страшным рассказам Тургенева и Достоевского. У Тургенева, лишённого утешения религии, все озарявшей у Достоевского, описания этого безумия, пожалуй, еще страшнее.

Но все это, однако, может и волшеббно пройти. У меня, представьте, рождается мысль, что тут чудесной волшебницей-целительницей могла бы явиться чистая сердцем и такая поэтическая девочка, как Ваша дочка Лива, к которой, наверно, этот юноша почувствовал магически-мистическое влечение. Интересно мне знать, угадал я или нет. Думаю, что «да». Детям много дано. А такому редкостному Божьему дитяти, как Лива, и подавно.

Елена Конст<антиновна> спрашивает Вас, дорогой: «Что было бы, если бы мы вздумали переселиться в Сербию, на Адриатику? Говорят, там вечное лето и жизнь баснословно дешева». Что Вы могли бы в этом смысле сказать и посоветовать?» (Я лично думаю, что такой переезд немыслим, — ведь мы же полунищие).

Я счастлив, что Вам так люб мой стих «Божье дитя».² В нем есть то, что Вы невольно и сильно дарите мне: Счастье брата — любить благородного брата.

Ласковые приветы от меня и Елены Константиновны Вам, светлый друг, дорогой Валентине Петровне и милой Ливочке.

Искренно Ваш

К. Бальмонт.

¹ В конце июня 1937 года И. С. Шайкович провел несколько дней в Териоках и Куоккале, где у него оставался дом. Вместе с Валентиной Петровной он навестил семью Тани Осиповой. Вернувшись в Хельсинки, Иван Степанович подробно рассказал Бальмонту об этом визите (письмо от 7 июля): «Вот Вам цветочки из мистического сада Осиповых. В этом зачарованном углу, где Вас так искренне и хорошо любят, веет живой загадкой. Там слышны какие-то невидимые крылья. Мы с Валентиной Петровной долго ходили по заброшенным тенистым аллеям сада и никого не видели, пока за кустом не явился юноша с сияющими „нездешними“ глазами. Он, как испуганная лань, хотел спрятаться от нас, но ему не удалось. Кивнул головой и ушел опять за кусты, казалось, что он уходит доложить о нашем прибытии. Через некоторое время явилась невестка с двумя детьми — хрупкой, напоминающей бабочку Зоей (не ошибаюсь ли в имени?) и не гармонирующей с Осиповской семьей, необыкновенно хрупкой и здоровой Оличкой, которая, кажется, и весом, и ростом над старшей сестрицей... Мы были очень ласково встречены и Евгенией Александров<н>ой. Много беседовали о Вас. За стол, к нашему удивлению, присел и тот юноша пугливый. Он красив, с втянутой в плечи закинутой назад головой, с глазами, полными горячки, с розами на щеках... Он как-то тихо, скрытно улыбался, ничего не говоря. Мать мне объяснила, что он, благодаря сильному переутомлению, покинул школу на год и что, когда поправится, будет продолжать. Потом я от посторонних узнал другое: он был очень талантливый ученик, но — странный. Он с гордостью говорил школьным товарищам, что не боится выплюнуть причастие, и так и делал. Бедный, бедный мальчик! Как бы я хотел оказать ему помощь — но что и как. Надеюсь на днях опять поехать к своим и побудем опять у Осиповых. Поинтересуюсь этим мальчиком ближе, если удастся. Дело деликатное, а Евгения Александровна тонкая натура — боюсь затронуть ее горе, не убить бы бабочку. Такова жизнь, дорогой друг. Много песней <так!> и много слез. Хорошо только, когда и слезы — песни». Упоминаются: Зоя (дочь Андрея Петровича, старшего сына Осиповых) и Ольга, дочь Осиповых (даты жизни не известны), а также их младший сын Виктор Петрович Осипов (?–1970). Зинаидой звали также одну из дочерей Е. А. Осиповой, умершую в 1922 году (см.: <http://terijoki/spb.ru/photos/index.php?category/1004>; дата обращения: 31.07.2019). За помощь и консультации приношу благодарность Е. М. Травиной и Е. А. Браво.

² См. прим. 3 к п. 84.

86

26, av<enue> Chilpéric, 26.
Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>

1937. 21 сентября.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Куда Вы пропали? Давно-давно нет от Вас никаких известий.¹

Как Вы? Как дорогая Валентина Петровна и милая Лива?
Мы живем очень грустно и не выходим из дождей и холодов.

Жизнь протекает однозвучно,
И утомительно, и скучно.
Довей мне грезу по лучу,
В душе проснется радость звучно,
Глядишь, и песней прозвучу.²

Весь Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Елена Конст<антиновна> шлет Вам и Вашим сердечные приветы.

¹ Имеется в виду письмо от 7 июля 1937 года — последнее из сохранившихся писем Шайковича к Бальмонту.

² Настроение этого письма отражает душевное состояние Бальмонта в 1937 году. «...Вот уже месяца 4, — писала Цветковская Уне Бай 11 июля 1937 года, — как он такой грустный, бессменно безрадостный, и это меня ужасно терзает» (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 87. Л. 1). А в сентябре–октябре 1937 года Бальмонт страдал от болезни глаз. «Бедного Поэта тоже посещал недуг, — сообщала Цветковская У. Бай 14 ноября 1937 года, — заболели глаза от переутомления, а ему представилось, что он теряет зрение, и мы пережили несколько недель безумных тревог и тоски. Опасения были, к счастью, совсем неосновательны. Но все же полтора месяца Поэт не мог ни читать, ни писать и лишь две недели, как снова, хотя и с осторожностью, начал читать» (Там же. Л. 2). Уне Бай — театральное имя литовской актрисы, режиссера и переводчицы Уне Бабицкайте-Грайчюнене (1897–1961), жены поэта-переводчика Йонаса Грайчюнаса (1903–1994). Оба — жертвы сталинских репрессий.

87

26, av<enue> Chilpéric, 26
Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>

1938. 11 марта

Дорогой друг
Иван Степанович,

Целую вечность нет от Вас вестей. Благополучны ли вы и дорогая Валентина Петровна, и милая Лива-Олива? И где Вы? В Сербии, в Суоми или — у Северного Полюса? Откликнитесь!

Если весть придет оттуда,
Где Всеславии поэт,
Это снова будет чудо,
Светлый сон и нежный бред.

Вам и Вашим милым от меня и Елены Константиновны — ласковая память, любовь и поцелуи.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-191-199

© А. М. Грачева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ А. М. РЕМИЗОВА 1940-х ГОДОВ

В 1950-е годы, в конце своего жизненного пути, Алексей Ремизов так охарактеризовал базовые свойства своего мировосприятия, ставшие психологическими основами его художественного творчества: «Моя душа, обжигаясь, плачет тяжелыми слезами. Огонь не влагает. Я заметил, только в таком состоянии у меня возникает пламень слова. <...> Кроме такого „схватило за сердце“, от чего еще источник слова — это „веселость духа“, радость жизни, не смотря ни на что. И про это я знаю. „Веселость духа“ и „жгучесть“ — под таким двойным знаком прошла моя жизнь».¹

Для Ремизова «веселость духа» — это сложный концепт, семантика которого при сохранении основы претерпевала существенные изменения в различные периоды жизни писателя. В его состав входит и категория «смеха».

Изучение этой части авторского мировоззрения — отдельная и сложная научная проблема. Остановимся на таком ее аспекте, как история и семантика литературных мистификаций Ремизова, хронологически ограничив анализ 1940-ми годами и только пунктиром наметив предшествующие стадии проявления этого вида жизнетворчества писателя.

Способность разыгрывать — вводить окружающих в заблуждение — была принята Ремизовым еще в детстве, от матери. Зная писателя с малых лет В. А. Зайцева (урожденная Орешникова) вспоминала: «Маленький Алексей Ремизов был необычайно одарен: редкая память, воображение, способность к наукам (математика и естествознание), богатая фантазия <...> Но детство его проходило в довольно мрачной обстановке <...> Дядья Алексея, братья Найденовы, по-видимому, только отталкивали талантливого ребенка, находившего выход своему темпераменту в шалостях и каверзных проделках. И это было единственное, в чем его поддерживала мать. (Например, мать с сыном посылали разным лицам, часто незнакомым, большие конверты без марок, туго набитые нарезанной газетной бумагой)».² Эти отправленные наложенным платежом «туго набитые» конверты должны были производить впечатление конвертов с деньгами и на мгновение создавать у получателя иллюзию осуществления мечты — получения внушительных денежных средств. Таким образом, целью розыгрыша была насмешка или даже издевка над объектом розыгрыша, который в дальнейшем был обречен на горькое разочарование. Но по сути, такая довольно жестокая шутка была проявлением одной из низовых форм народной смеховой культуры. Свойство шутить на грани фола или переходя черту дозволенного в «образованном» обществе осталось у писателя до конца его жизни.

Став профессиональным литератором и войдя в круг петербургской художественной элиты конца 1900-х — 1910-х годов, Ремизов избрал для себя маску отверженного писателя-чудака, склонного к необычному поведению и розыгрышам. Из этой поры наиболее известна «история с обезьяньим хвостом»,³ случившаяся на новогоднем маскараде 1911 года и так изложенная в мемуарах Г. И. Чулкова: «На маскарад был приглашен, между прочим, один писатель, который по любви своей к чудачествам объявил Анастасии Николаевне (жене Федора Сологуба — Чеботаревской. — А. Г.), что ему для его костюма необходима обезьянья шкура. Анастасия Николаевна с большим

¹ Ремизов А. М. «Объявление» и другие записи. <1950-е гг.>. Автограф // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 30. Л. 2 об. — 3.

² Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, вступ. статья, аннот. именной указатель А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 199–200.

³ См. подробнее: Обатнина Е. Р. От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 3. С. 448–465.

трудом достала у кого-то желанный предмет и дала его шутнику с предупреждением, что с ним надо обращаться бережно. Представьте себе ее ужас, когда любитель шуток явился на вечер в своем обычном пиджаке, из-под которого торчал обезьяний хвост. В этом заключался весь его маскарадный костюм. Но главное — был отрезан хвост от драгоценной шкуры. Это уже был скандал. Сам хитрец вышел сух из воды». ⁴ Суть этой шутки заключалась в скрытом издевательстве над рафинированным обществом эстетов и интеллектуалов, по мнению Ремизова — бывшего универсанта-естественника, согласно теории Ч. Дарвина также произошедших от обезьян. Это была завуалированная насмешка и над неприкосновенностью буржуазного права собственности — в данном случае, собственности семьи Федора Сологуба, как выяснилось в ходе последовавшего разбирательства, только теоретически отбросившего от себя ветхие одежды филистера. Спустя десятилетия, в 1957 году, Ремизов вспоминал неадекватное восприятие своих шуток теми, кто был лишен способности остраненно взглянуть на людей и обстоятельства, не мог войти в пространство смеховой культуры: «Что-то во мне других возмущает. Однажды, не помню, у кого за обедом мы оказались соседи с Ф. К. Сологубом. Помню, я был в таком своем веселом расположении. / Ф. К. Сологуб, не обращавший внимания на соседство со мной, вдруг отчетливо повернулся ко мне, как к провинившемуся школьнику <...>. С нескрываемым раздражением спросил: / — Почему вы все врете? / И я, словно разбуженный, растерянно смотрел, ничего не отвечая. И что я мог ответить? / А другой памятный случай в 1922 году в Берлине. Из Москвы приехал М. О. Гершензон <...> Не расспрашивая меня, сказал: / — Вы над всем смеетесь. <...> Стало быть, я „все вру“ или над всем смеюсь. Вспомнил эти два отзыва от людей не добрых, а пламенных». ⁵

Чисто игровую природу первоначально имела и созданная в 1907 году для детей Обезьянья Великая и Вольная Палата (Обезвелволпал). ⁶ Мистификация присутствовала в самой иерархической структуре Обезвелволпала. В Манифесте этой «организации» заявлялось, что во главе ее стоит «царь обезьяний — Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа-Асыка-Первый-Обезьян-Великий: о нем никто ничего не знает, и его никто никогда не видел». ⁷ От имени этого царя-невидимки бессменный канцеляриус Палаты Алексей Ремизов проводил награждения специальными знаками и грамотами входивших в нее князей, кавалеров и служек. Однако в дальнейшем шутка для детей обернулась острой политической сатирой. После Октября 1917 года Обезвелволпал трансформировался в своеобразную форму ненасильственного сопротивления большевистскому режиму, став антитезой набиравшему силу «кромешному» миру большевистской диктатуры.

В русском Берлине 1921–1923 годов, в атмосфере ощущения свободы после выезда из Советской России, Ремизов полномасштабно раскрылся как мастер розыгрышей и шуток. ⁸ После переезда в Париж его мистификации почти прекратились, хотя в письме от 11 июля 1925 года писатель сообщил своему другу В. А. Залкинду: «Я еще продолжаю „творить безобразия“: выдумываю всякие глупости и создаю несуществующие, т. е. я еще жив!» ⁹

До 1930-х годов ремизовская «веселость духа» в основном переключилась в область особой формы литературной критики. Непродолжительное время писатель вел в газетах и журналах специальные сатирические рубрики, состоявшие из кратких за-

⁴ Чулков Г. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подг. текста, комм. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 175.

⁵ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 323–324.

⁶ Подробнее см.: Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 207.

⁸ См.: Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций. «Конклав» Саркофагского // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 182–209.

⁹ Флейшман Л. С. Из комментария к «Кукхе»: конректор Обезвелволпала // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. С. 180.

меток. В них высмеивались семантические и стилистические огрехи современных писателей и журналистов. Сходные по типу заметки литературного пуриста¹⁰ Ремизов помещал в начале 1930-х годов в периодических изданиях «Своими путями», «Простая газета», «Ухват», «Новая газета».¹¹

Так, в пражском журнале «Своими путями» Ремизов вел раздел «Цапля» (семантика названия восходила к слову «цапля» — «придирчивый, привязчивый человек»¹²), в котором писатель высмеивал стилистические и семантические огрехи современных литераторов и журналистов. Например:

«Георгию Иванову»

Есть поэт Ключев и зовут его не Николай Васильевич, а Николай Алексеевич; Николай же Васильевич был Гоголь, а из современников — барон Дризен («Дни»).

Барону Дризену

Вы пишете: „что называется, на последнем издыхании“.

— Бога ради! Что хотите и как хотите, только не „на“, а „при“. («Возрождение»).

<...>

Д. С. Мережковскому

„Продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания мне помогают немногие спутники. Из старых — такие ученые, как Шамполион, Лепсиус, Бругш, и мудрецы и поэты — Гете, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич; из новых — Ницше, Ибсен, Вейнингер, Вл. Соловьев, Розанов и, величайший из всех, Достоевский. **Не слышали их, и меня не услышат.** Великая скорбь и радость — быть не услышанным с ними“. Благодарите Бога, что спутники вас не слышат: народ, хоть и не обидчивый, но совсем не компанейский! («За Свободу!»).¹³

В 1930-е годы возможность печатной реализации ремизовской «веселости духа» резко упала в связи с обусловленным мировым экономическим кризисом сокращением количества эмигрантских газет и журналов.

После Второй мировой войны, в 1940-е годы, русская периодическая печать так и не набрала того размаха, какой она имела в 1920–1930-е годы. С трудом появлялись новые издания, и еще более маловероятным делом было возникновение новых издательств. Выходившие книги получали значительно меньшее количество откликов и рецензий, чем опубликованные в довоенные годы. С этими реалиями послевоенной жизни и были связаны последние розыгрыши Ремизова.

В Париже в 1946 году был выпущен «Русский сборник», одним из организаторов и авторов которого был Б. Г. Пантелеймонов. В 1947 году Ю. П. Одарченко выступил как редактор и соавтор вышедшего из печати там же альманаха «Орион». Это были первые послевоенные коллективные печатные выступления парижской литературной эмиграции. В 1949 году Одарченко опубликовал сборник своих стихов и прозы «Денек». В эти же годы С. К. Маковский строил планы создания коллективного сборника произведений русских эмигрантов. Все это в совокупности представляет собой тот реальный контекст, на фоне которого возникли финальные мистификации Ремизова.

¹⁰ См. ремизовскую подборку этих публикаций: Рукописный альбом Алексея Ремизова «Щуп и цапля» 1948 г. / Вступ. заметка, публ., комм. А. М. Грачевой // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan* / Ed. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018. P. 409–422 (Stanford Slavic studies. Vol. 48).

¹¹ См.: *Янгиров Р.* «Новая газета»: к истории печатного диалога молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции; «Новая газета. Двухнедельник литературы и искусства» (Париж). 1931. № 1–5. 1 марта — 1 мая. Роспись содержания // *Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу. 1920–1940: Междунар. науч. конф. Женева, 8–10 декабря 2005 г. М., 2007. С. 431–483.*

¹² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. IV. С. 570.

¹³ *Своими путями* (Прага). 1926. № 12–13. С. 48–49.

Как и самые ранние шутки, его последние розыгрыши тоже были нацелены на создание иллюзии, на дарование человеку хоть на мгновение того, чего он ждал больше всего. А в послевоенные годы заветной мечтой литераторов было обретение нового издательства, возможность опубликовать свои творения, а также получить отклик на них со стороны читателей и критики.

И вот, в письмах к Пантелеймонову, Одарченко и беседах с Маковским Ремизов начал рассказывать им, как о почти решенном деле, о близком возникновении нового издательства, называя его чаще всего «Оплешник» (чертик), реже «Лукопер», «Зык» и «Зуб». По свидетельству писателя, прямое отношение к основанию этого предприятия имел некий богатый русский эмигрант, живущий в экзотической стране — Индии (вариант: Алжире) — Владимир Сильвестрович (варианты: Вольдемар, Борис Борисович) Солончук. И новое издательство, и сам потенциальный его организатор, и, главное, его спонсор — все это было плодами богатой фантазии Ремизова. Появление созданного литератором фантома — Солончука — зафиксировано в написанном от его имени письме Пантелеймонову от 18 июня 1947 года: «Дорогой Борис Григорьевич! Из далекой, дорогой Индии гость: конгресс топонимики, имя мое в Ономастиконе промелькнет не однажды. И до нас индейцев дошел „Подорожник“ (первоначальное название «Русского сборника». — А. Г.). А когда же вторая? Я в безумии от св. Владимира (отсылка к рассказу Пантелеймонова «Святой Владимир». — А. Г.). Как это похоже на мое детство — увлечения моей утренней и вечерней <...> Вы не поверите, но у меня был дядя <...> и тоже дядя Володя. Я гордо ношу его имя, но подписываться не смею <...>. Как хотел бы я с Вами увидаться и на просторе душу отвести, но повторяю, я только гость из далекой дорогой Индии, и долг зовет меня к моим служебным обязанностям».¹⁴ Как видно, в этом послании Солончук представлял восторженным почитателем творчества Пантелеймонова.

Новое явление Солончука — призрака, созданного воображением писателя, — пришлось на 1949 год. Лето было жарким, и многие парижане, в том числе русские эмигранты, старались на это время покинуть душный город. Старый полуслепой Ремизов был обречен оставаться в своей квартире на улице Буало. Списки дневных визитеров квартиры Ремизова, регулярно фиксировавшиеся в его «Дневнике мыслей», свидетельствуют, что в июле 1949 года его навещали помогавшие по хозяйству женщины, заходила приехавшая из Нью-Йорка Н. В. Кодрянская.¹⁵ Но часто в дневных записях встречалось и лапидарное: «Никого».¹⁶ Летом вышла из печати книга Одарченко «Денек», и один из экземпляров автор подарил Ремизову. Вследствие объективных факторов это издание не получило почти никаких критических отзывов. Но Ремизов сумел восполнить этот пробел — дал автору «Денька» чаемую реакцию читателей на его детище. С середины и до конца августа 1949 года литератор отправил Одарченко около 10 посланий, якобы написанных восторженными читателями книги. Создавая их, Ремизов не менял своего почерка, но подписывал каждое письмо именем его предполагаемого автора. При этом он не воспроизводил настоящую подпись адресанта, а создавал ее нереальный образ, соответствовавший лишь извивам прихотливой фантазии престижизитатора. Среди «авторов» писем прежде всего надо назвать людей, входивших в ближний круг литератора. Ремизов использовал в текстах их прозвища, придуманные им самим и известные лишь узкому числу лиц. Таково, например, послание от 13 июля, написанное знакомым Ремизова «дядей Комаровым» — Евг. Б. Сосинским. К этому фантазийному письму была добавлена приписка, будто бы сделанная помогавшей пожилому писателю поэтессой О. Можайской: «Дорогой не<р>укотвори-мый Юрий Павлович! / Пишет дядя Комаров, спасибо за память. Кто мог подумать, что приведет Бог увидеть вашу книгу. / Потеряли надежду, и лопнуло терпение. <...> / Евг. Сосинский-Комаров.

¹⁴ Пантелеймонов Б. Собр. соч.: В 3 т. Омск, 2014. Т. 3 / Сост. И. А. Маханова, В. И. Селюк. С. 186.

¹⁵ См.: Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб., 2017. Т. III: Март 1947 — февраль 1950 / Отв. ред. А. М. Грачева. С. 450–463.

¹⁶ Там же. С. 458.

Дорогой Юрий Павлович! / Спасибо за Ваши стихи, [кот<орые>] очень рада [иметь]. Алексей Михайлович мне их подарил. Пожелание: пишите и издавайте [2-ую] книгу! / Искренне Ваша О. Можайская». ¹⁷

Кроме эпистол от людей обычных, Ремизов сочинил и послал Одарченко восторженные отклики от известных персон. К этому типу откликов относится, например, следующее письмо от 23 июля: «Пишу под диктовку. / Они стесняются почерка своего пера и на письма не отвечают только потому, что, а не из-за бумаги и неумения выражаться. / Дорогой Юрий Павлович! / Оба мы благодарим Вас и Вашу книгу чудесных стихов. Буду читать в дороге — 5-го уезжаю на месяц в деревню. <...> / Верю, встретимся в „кукушкиной“ / *Сергей и Леонид Лифарь*». ¹⁸

24 августа литератор написал Одарченко послание, будто бы пришедшее от находившегося в то время в Нью-Йорке поэта и переводчика ООН Вадима Андреева: «Дорогой Юрий Павлович! / „Денек“ мне переслали в Америку. / Читаю, восхищаюсь. Вам — первое место. / Все, что до Вас появилось, как ночная бабочка на заре — пыль и мажется. / *Вадим Андреев*». ¹⁹

На гребне «девятого вала» поднятой воображением Ремизова бури восхищения читателей произошло новое явление его фантома — Владимира Солончука, — который в 1947 году был поклонником произведений Пантелеймонова. Вот письмо этого фантастического персонажа от 28 июля: «Пишет Владимир Сильвестрович Солончук, ваш земляк, постоянное место жительства в Индии, в Париже из Брюсселя со съезда Топонимии (sic!). / Дорогой Юрий Павлович! / Сегодня мои именины. Вспоминаю нашего дядю Володю. Когда прочитал Ваш рассказ, вдруг все вспомнил: Псел, первую навигацию (отсылка к рассказу Ю. Одарченко «Псел». — А. Г.). Как сейчас вижу Вас, Коленку и как через костер прыгаем. Стремился к Вам, но прохладиться в Париже не рука, еду к нашему общему другу во St.-Piat К. И. Солнцеву, половлю рыбки и домой в Индию. Будет Ваш „Денек“ и на Ганге. Дураки говорят священный, а я говорю — преосвященный. Пишите <:> *Индия*, До востребования. А я Вам свою вышлю „Надутые паруса“ — все о именах городов (Торонуміе) / *Вольдемар Солончук*». ²⁰

Как видим, спустя два года со времени первого послания Солончука Ремизов сохранил ту же схему. Письмо было будто бы написано в момент пребывания этого ученого во Франции транзитом с конгресса (вариант: съезда) *Топонимии* в Индию. Фактически случайное обретение им только что вышедшей книги, и ее восторженное прочтение. Во втором послании автор мистификации напрямую «обнажал» игровую природу текста в обратном адресе: «*Индия*, До востребования».

Тем же летом Ремизов рассказывал Маковскому о фантастически позитивных намерениях Солончука как потенциального спонсора так чаемого писателями нового эмигрантского издательства. Отметим, что Маковский не раз был «жертвой», а также одним из объектов шуток писателя. В Вейдле вспоминал о Ремизове: «Прихожу раз к нему, вижу на его столе обломок мраморной крышки какого-нибудь ночного столика или комода конца прошлого столетия. „Это, — говорит он, хитро улыбаясь, — Сергей Константинович Маковский в Греции побывал, вот мне и привез. С Акрополя, кусочек Парфенона“. Знал, конечно, что никто ему не поверит. Да и в Грецию Маковский вовсе не ездил. / — Алексей Михайлович, браво! Это в Ваше полное собрание сочинений должно войти». ²¹

В письме от 14 августа 1949 года Ремизов в шуточном тоне поведал своему постоянному confidentу — Н. Кодрянской — о дальнейшем разворачивании истории с придуманным им новым издательством и его спонсором: «Приходил прощаться Копытчик (ремизовское прозвище Маковского. — А. Г.). Про моего „Оплешника“ стали говорить „Оплешник“, — все поверили и волнуются. И во вдохновителя-чародея

¹⁷ Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / Вступ. статья, комм. А. М. Грачевой; подг. текстов писем А. М. Грачевой, В. П. Польшковской // Наше наследие. 1995. № 33. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Вейдле В. О тех, кого уже нет // Новый журнал (Нью-Йорк). 1993. № 192–193. С. 329.

Солончука, (к сожалению, Солончук уезжает в Индию, в Калькутту). <...> Копытчик без обещаний: он убежден, что „Оплешник“ меня будет печатать, а Солончук платить гонорар 5000 frs в месяц. <...> На „Оплешник“ я не отозвался (мне было не совсем, когда я вдруг понял всю силу очарования моего «Оплешника»)²².

Продолжение истории о в то время *мифическом издательстве* «Оплешник» и его спонсоре находим в письме Ремизова Г. П. Струве от 8/25 октября 1949 года: «Пошли те стихи С. К. Маковскому <...> для „Оплешника“ / (Оплешник — чаровник). / Появился из Алжира Солончук, хотя имя православное Борис Борисович, а магометанин, швыряет деньги, отвалил на мечеть и попал к Маковскому. Учился он в Оксфорде и вас называет учителем, пишет стихи. Ко мне его приводил Бахрак. А Маковский скрывает и только по воскресеньям вывозит к Крымову. Мало я верю этому Солончуку, вроде он Басаврюка и ни с того ни с сего песни поет и в непоказанное время. А в „Оплешник“ верю. „Новоселье“ выйдет только к Рождеству. Надо же во что-нибудь верить. <...> Парижский архив я дал на хранение Конс<тантину> Ив<ановичу> Солнцеву в St. Piat. <...> А Солнцев уехал в Америку, книжник, а рубит лес».²³

В те же годы Солончук стал героем текста сна Ремизова «Пылесос», вошедшего в книгу «Мартын Задека. Сонник» (впервые: Париж, 1954): «У меня было двенадцать подземных комнат и двенадцать ключей — их у меня отняли. Я набрал на дворе тряпок. Ключи и тряпки унесли в кладовую, куда мне доступ закрыт. А Солончук, без которого я шагу не ступаю, щелкнув меня в лоб — „рука всевышнего“, ушел от меня. До потери голоса я спрашивал себя, что же такое случилось, кругом такая нищета и сам я ни на что не похож. <...> А со стены из объявления вышел Солончук и, не говоря ни слова, подал мне ключи, ворох тряпок и мешок ржаной муки для заварки густого клейстера».²⁴

По сути, адресаты последних ремизовских мистификаций понимали и принимали ремизовскую «игру». Ни от одного из них не последовало обидных или раздраженных откликов на полученные послания. Они прекрасно осознавали, что Ремизов дал им повод улыбнуться и хоть на минуту поверить в чудесное разрешение проблем и тягот послевоенной жизни «России в изгнании».

В 1950 году Пантелеймонов скончался. В посвященной его памяти статье-некрологе «Стекольный», впоследствии включенной в книгу «Мышкина дудочка», Ремизов писал: «Он был необыкновенно доверчивый. / Без обмана я жить не могу. / Мечтая, обманываю себя и радуюсь, обманув других. Люди сурьезные, трезвые — скучные люди осуждают: врет все. Одно лето, караула Париж — живу в полном затворе — я „систематически“ обманывал Одарченка-Бормосова («Денёк») и Копытчика — С. К. Маковского. Чарыми цветами я засыпал их глаза — и они мне поверили. Но кто оказался несомненнее, это Пантелеймонов. В Париж на съезд Топонимии из Индии, конечно! приехал Солончук, о Пантелеймонове он слышал, конечно! и пишет ему письма. Самое горячее признание. Разжег и временно пропал <...> Всему верит — верит, что он „единственный“ и „ниоткуда не происходит, ну, как Мусоргский“, верит в „Оплешник“, „Лукопера“, „Зык“ и „Зуб“ — басаврючьи литературные затеи Солончука. Да что Солончук, он поверит и в дружественную юмористическую критику, и розовый смешливый листок будет вкладывать в свои зеленые книги».²⁵

Текст ремизовской статьи является свидетельством того, что вскоре после эскапады мистификаций их автор сам раскрыл свои «секреты Полишинеля» и отметил адекватную реакцию адресатов своих шуток.

В 1951 году тень ремизовского фантома Солончука возникла в повести Ремизова «Бова Королевич». Ее главный герой спрашивал своего старого воспитателя Сини-

²² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 137.

²³ Ремизов А. М. Письмо Г. П. Струве. 8/25 октября 1949 г. // Hoover Institution Archives (Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA).

²⁴ Ремизов А. М. Мартын Задека. Сонник // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 421.

²⁵ Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 123–124.

балду: «...а что с архивом отца? — Все бумаги я передал в верные руки, <...> Константину Ивановичу Солнцеву. — Который это Солнцев? <...> — Солнцев! друг Солончука и можно сказать родственник, оба из Индии, имена мифические. — Не пропадет? — Мифические! — повторил Синибалда».²⁶

Сюжетный мотив «архив — Солнцев — Солончук» возник в повести в связи с реальными обстоятельствами. В 1946–1947 годах Ремизов разбирал свой огромный личный архив 1920–1930-х годов. В этом деле ему помогал Константин Иванович Солнцев (1893–1961)²⁷ — выпускник историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета, ученик проф. И. А. Шляпкина, историк литературы, журналист, эмигрант, во Франции работавший шофером. Он жил недалеко от Шартра в городке Сен-Пиат (St. Piat), публиковал рецензии и библиографические заметки в периодической печати и собирал библиотеку эмигрантских изданий. В середине 1940-х годов Солнцев задумал создать во Франции объединенный Архив русской эмиграции, чтобы восполнить безвозвратную, как тогда думали эмигранты, утрату в 1945 году Пражского Исторического архива. В связи с этим замыслом Ремизов передал ему для будущего учреждения свой гигантский личный архив 1920–1930-х годов. В 1948 году Солнцев уехал в Америку, без разрешения захватив с собой архив писателя. В США он преподавал русский язык и литературу в Сиракузском университете, скончался в Нью-Йорке. После смерти Солнцева его личный архив, коллекции книг и документов, и в том числе архив Ремизова, хранились у его вдовы в неблагоприятных условиях — в непригодном для подобных целей подвале частного дома,²⁸ пока не были приобретены почитателем русской культуры, меценатом и коллекционером Томасом Уитни. Ныне все материалы находятся в Архиве основанного им Центра русской культуры Амхерст-колледжа (США).

Одним из последних «явлений» мифического Солончука при жизни Ремизова была его подпись на Обезьяньей Грамоте 1952 года, нарисованной и выданной писателем мальчику Саше — Александру Вадимовичу Андрееву (1937–2016), сыну писателя В. Л. Андреева. Весь текст Грамоты написан самим Ремизовым.²⁹ Под свидетельством о присуждении звания кавалера Обезвельволпала стоят изображенные самим же писателем подписи «свидетелей» ее выдачи — Кавалеров Обезвельволпала, причем у каждого указано его настоящее имя и ремизовское прозвище. Среди таких двойных «данных» только два имени написаны без дублирования: приведено лишь ремизовское прозвище О. Емельяновой-Можайской («Менада»), без его расшифровки, и четко выведено одно имя *без* прозвища: «В. Солончук».

Ремизовские кунштюки 1940-х годов имели несколько реальных последствий. В 1950 году неоднократные шуточные рассуждения литератора о новом издательстве материализовались в созданное с помощью друзей на мизерные средства самого писателя эфемерное *реальное* издательство, которое получило *название, уже «опробованное» в мистификациях Ремизова, — «Оплешник»*. В нем фактически методом «сам-издата» были опубликованы почти все произведения литератора 1950–1957 годов. Серию открывала книга «Повесть о двух зверях. Ихнелат».³⁰ Это был ремизовский пересказ древнерусской легенды, источником которой стал рассказ из древнеиндийской «Панчатантры». Первые черновые наброски новой повести датированы 1948 годом,³¹ как обычно, им предшествовала работа писателя над «материалами». Возможно, с этими подготовительными трудами и связано возникновение «индийской прасновы» легенды о Солончуке. Как уже было показано, парижские адресаты ремизовского

²⁶ Ремизов А. М. Бова Королевич // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 508.

²⁷ О К. И. Солнцева см.: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3: С–Я / Под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. С. 169.

²⁸ Сообщено Т. Уитни автору данной статьи.

²⁹ См. фотокопию Грамоты в кн.: *Обатнина Е. Р.* Царь Асыка и его подданные... С. 330, 331 (вклейка).

³⁰ Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж: «Оплешник», 1950.

³¹ См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 6. С. 727.

розыгрыша 1940-х годов в реальность живущего в Индии специалиста по топонимике не поверили. Зато удалась *посмертная мистификация* Ремизова, объектами которой вновь стали друзья писателя — ученые и публикаторы его наследия.

В 2001 году Е. Р. Обатнина в своей монографии «Царь Асыка и его подданные...», основываясь на текстах уже процитированного письма Ремизова Г. П. Струве, Грамоты Саше Андрееву и книги «Мышкина дудочка», ввела в Список членов Обезвелволпала номинацию: «*Солончук Борис Борисович* / один из сотрудников издательства „Оплешник“ <...> / Кавалер обезьяньего знака».³²

В 2013 году В. П. Енишерлов опубликовал в журнале «Наше наследие» откомментированные им же письма Ремизова Пантелеймонову. Разъясняя фразу Ремизова из письма от 28 декабря 1949 года: «Расскажу о Солончуке: Вы были правы: появился в образе англичанина»,³³ — главный редактор журнала «Наше наследие» дал следующий комментарий: «*Владимир Солончук* — знакомый Б. Пантелеймонова и А. Ремизова. В архиве Б. Пантелеймонова сохранилось письмо В. Солончука от 18 июня 1947 г. (копия в собрании журнала «Наше наследие»), с которого началось знакомство адресата с Солончуком: „Дорогой Борис Григорьевич! Из далекой, дорогой Индии гость (далее с купюрами процитировано уже приводившееся в настоящей статье письмо Ремизова, созданное под маской «индийского гостя». — А. Г.)“³⁴. Солончук имел отношение к организации издательства „Оплешник“».³⁴ В конце этого комментария также было процитировано все то же письмо Ремизова Кодрянской от 14 августа 1949 года.

В 2014 году, в третьем томе Собрания сочинений Пантелеймонова, его составители, основываясь на тексте, приведенном в комментарии Енишерлова, опубликовали среди прочих письмо: «*В. Солончук* — Б. Г. Пантелеймонову. / 18 июня 1947 г.».³⁵

Наконец, в 2017 году вышел из печати третий том «Дневника мыслей» Ремизова. В нем, в частности, был опубликован список лиц, посетивших литератора 1 мая 1949 года, и среди них самим Ремизовым указаны имена: «Солончук» и сразу же вслед за ним «Солнцец».³⁶ Поскольку на «дневных» страницах «Дневника мыслей» Ремизов записывал *реальных* посетителей своей квартиры, а не персонажей снов, то комментаторы (автор настоящей статьи и Л. В. Хачатурян), основываясь на составе Списка членов Обезвелволпала, приведенного в авторитетной монографии Обатниной, в аннотированном указателе к третьему тому «Дневника...» повторили вышеназванные данные об интересующем нас лице: «*Солончук Борис Борисович* — эмигрант, знакомый Ремизова, помощник по выпуску книг в изд-ве „Оплешник“».³⁷

Что же случилось в квартире на улице Буало 1 мая 1949 года? Произошла ли мистическая материализация фантома, который в письмах Ремизова перед возвращением в Индию постоянно уезжал ловить рыбу в Сен-Пиат к своему приятелю — Солнцецу, или действительно к писателю пришел кто-то, кого тот зашифровал под вымышленным именем «Солончук»? На данный момент можно только высказать некоторые предположения. Возможно, данная дневниковая запись — это уникальный случай внесения писателем «игровой» информации на «священную» страницу реальности, прецедент, обусловленный неоднократно озвученным фактом мифологической биографии ремизовского Солончука — его дружбой с Солнцецевым. Как известно, в 1948 году Солнцец уехал в США, и, скорее всего, 1 мая 1949 года в гостях у Ремизова не было *ни* Солончука, *ни* Солнцеца. Как уже упоминалось, в дальнейшем поразивший Ремизова невообразимый с этической стороны поступок Солнцеца сделал возможным смысловое продолжение «игровой» первомайской записи и побудил литератора к последующему слиянию образов реального Солнцеца и фантазийного Солончука в два мифологиче-

³² Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные... С. 360.

³³ «В наше суровое, не сказочное время...» Письма А. М. Ремизова и Б. Г. Пантелеймонова / Вступ. заметка, публ. и комм. В. П. Енишерлова // Наше наследие. 2013. № 107. С. 68.

³⁴ Там же. С. 69.

³⁵ Пантелеймонов Б. Собр. соч. Т. 3. С. 186–187.

³⁶ Ремизов А. Дневник мыслей 1943–1957 гг. Т. III. С. 261.

³⁷ Там же. С. 714.

ских образа в уже процитированном отрывке из повести «Бова Королевич». Надо отметить, что в полной описи архива Солнцева в Архиве Центра русской культуры Амхерст-колледжа никаких следов его «приятеля» обнаружить не удалось. Этот, так и до настоящего времени полностью не разгаданный «казус Солончука» и является финалом (а может быть, также только этапом) многолетних мистификаций Алексея Ремизова, писателя, который наверняка преподнесет своим исследователям еще много загадок.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-199-215

ПЕРЕПИСКА Г. И. ГАЗДАНОВА И Г. А. ХОМЯКОВА (АНДРЕЕВА) 1964–1967 ГОДОВ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Ю. В. МАТВЕЕВОЙ)

Жизнь и творчество писателя первой волны эмиграции Георгия Ивановича Газданова (1903–1971) за последнюю четверть века достаточно изучены. Опубликовано его художественное и публицистическое наследие, значительная часть наследия эпистолярного. Имя Газданова давно не нуждается в комментариях.¹

Фигура Геннадия Андреевича Хомякова (псевд. Андреев, реже — Н. Отрадин, Г. А.; 1904–1984) гораздо менее известна, и на сегодняшний день не так много исследований, которые бы ее затрагивали.² Его жизненная школа в СССР была исключительно суровой: ранний, в 17 лет, арест, заключение сначала в Соловецком лагере особого назначения, а потом и в других северных лагерях, опыт выживания на советской периферии с «волчьим билетом» лагерного прошлого, война, темный и совершенно недоступный постороннему взгляду, как у большинства эмигрантов Ди-Пи,³ период укоренения в европейском мире. Пройдя все это, Хомяков осел на какое-то время в Германии. Активно включился в общественную и литературную деятельность: был известен как деятель НТС (Народно-трудового союза российских солидаристов) и ЦОПЭ (Центрального объединения политических эмигрантов из СССР), участвовал в создании «Товарищества зарубежных писателей», печатавшего многие запрещенные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

¹ См. библиографию изданных в России и за рубежом произведений, писем, выступлений Газданова, а также мемуарных и научно-критических публикаций о жизни и творчестве писателя, составленную Л. Диенешем и Т. Н. Красавченко (*Газданов Г. Собр. соч.*: В 5 т. М., 2009. Т. 5: Письма. Полемика. Современники о Газданове / Под общ. ред. Т. Н. Красавченко; сост., подг. текста, комм. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко. С. 538–689).

² *Бабичева М. Е.* Геннадий Андреевич Андреев (Хомяков) // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Библиографические очерки. М., 2005. С. 47–74; Письма к Игорю Чиннову [Г. Андреева (Хомякова)] / Публ. О. Кузнецовой // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. № 226. С. 169–176; Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. М. А. Васильевой, П. А. Трибунского, В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017. С. 446–504; «„Там“ наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием» (Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути») / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. Трибунского и В. Хазана // Там же. 2018. С. 282–298; *Матвеева Ю. В.* Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомякова) в контексте судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 87–102.

³ То есть периода Второй мировой войны: большинство из них прошло через лагеря для перемещенных лиц (displaced person).

в СССР произведения, был членом редколлегии, а с 1962 года — главным редактором литературно-художественного альманаха «Мосты», который ценой собственного энтузиазма при полном отсутствии какого бы то ни было централизованного финансирования выпускал вплоть до 1970 года. С 1963 года Хомяков работал на «Радио Свобода», сначала в мюнхенском его отделении, затем, переехав в 1967 году в Америку, — в нью-йоркском. В 1975–1976 годах был соредактором Р. Б. Гуля в «Новом журнале», в 1980–1981 годах редактировал журнал «Русское возрождение».

Литературное наследие Г. Хомякова (Андреева) состоит из рассказов и очерков, в большинстве своем — автобиографического характера: четыре очерковые книги («Соловецкие острова» (1950), «На стыке двух эпох. Из воспоминаний» (1954), «Трудные дороги» (1959), «Минометчики» (1975–1978)), а также целый ряд рассказов, опубликованных в разных эмигрантских изданиях. Во всех своих художественных текстах Хомяков последовательно воспроизводит горький опыт собственного жизненного пути: тюрьма и сталинский исправительно-трудовой лагерь («Соловецкие острова», «Трудные дороги»), участие в процессе советского строительства («На стыке двух эпох. Из воспоминаний»), фронт, плен, немецкие концлагеря во время войны («Минометчики»).

Литературно-общественная и издательская деятельность Хомякова после Второй мировой дала ему возможность познакомиться, войти в контакт и долгие годы сотрудничать со многими представителями первой эмиграции, которая, по-видимому, вообще была ему интересна как психологический и культурный феномен. В целом ряде своих рассказов он, например, изобразил «встречу» эмигрантов первой волны и советских солдат, создав своеобразную галерею типажей героев-белоэмигрантов. Откликнулся Хомяков и на литературные произведения писателей-эмигрантов: среди опубликованных им рецензий находим рецензии на романы И. Сургучева⁴ и М. Алданова.⁵ Коллегами Хомякова по литературной, издательской и организационно-журналистской деятельности были Г. В. Адамович, А. В. Бахрах, Н. Н. Берберова, В. С. Варшавский, Р. Б. Гуль, И. В. Одоевцева, Ф. А. Степун и, конечно же, — Г. И. Газданов.

Факты биографий обоих писателей и ранее опубликованные фрагменты их переписки с разными людьми свидетельствуют о том, что между ними были прочные профессиональные и, возможно, дружеские отношения: оба в первой половине 1960-х годов встречались в Мюнхене, куда часто приезжал из Парижа Газданов и где довольно продолжительное время жил Хомяков. Обоих связывала служба на «Радио Свобода». На страницах редактируемого Хомяковым альманаха «Мосты» Газданов несколько раз публиковал свои произведения. У них были общие друзья и знакомые, а следовательно, и общие корреспонденты. Так, например, в письмах Газданова к Л. Д. и А. С. Ржевским Хомяков упоминается неоднократно.⁶ В свою очередь и Хомяков упоминает Газданова. В письме к Варшавскому, например, читаем: «Кроме того, очень прошу не отказать дать это обращение прочитать Анину и Газданову и сказать им, что прошу подписать их, — не посылаю им, чтобы не очень расходоваться».⁷ Даже в письмах Ф. Д. Ламзаки, жены Г. Газданова, к Л. Д. и А. С. Ржевским неоднократно присутствует имя Г. Хомякова: «Ц<ель> м<есяц> мы были у Хомяков. <так> Выглядит неплохо, но не мешало бы ему похудеть»; «Ваше письмо, Леонид Денисович, доставило нам большое удовольствие, так как мы беспокоились, как и что у Вас и не холодно ли Вам. Правда, кое-что Гайто узнал от Хомякова, но все же от Вас мы узнали гораздо больше»; «Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Хомяковым, если они еще помнят меня».⁸ Сообщает о приезде Андреева (Хомякова) из Мюнхена в Нью-Йорк

⁴ Г. А. [Хомяков Г. А.]. Современный роман // Грани. 1952. № 15. С. 117–118.

⁵ Г. А. Роман о наших днях // Там же. С. 174–175.

⁶ См. об этом: Матвеева Ю. В. Поколение, прошедшее «одвуконь». С. 90–91.

⁷ Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 492. Хомяков просит Варшавского передать Газданову составленный к юбилею русской революции манифест-обращение «К интеллигенции России» с просьбой о подписании.

⁸ Орлова О. Материалы к биографии Гайто Газданова: переписка Ф. Д. Ламзаки. См.: http://www.darial-online.ru/2005_3/orlova.shtml; дата обращения: 31.07.2019.

в одном из писем Газданову Гуль: «На днях приезжают сюда Андреев из Мюнхена, Чиннов из Канзаса. А Ржевский давно уже здесь».⁹

Обнаруженная в фондах РГАЛИ переписка Газданова и Хомякова (13 писем, из которых 5 принадлежат Газданову и 8 — Хомякову) закономерно восстанавливает отсутствующее звено в сюжете взаимоотношений двух писателей, включенных в разные потоки русской эмиграции XX века, но принадлежавших к одному поколению. Из этих тринадцати писем, охватывающих несколько лет общения (с мая 1964-го по декабрь 1967 года), видно, что корреспонденты свободно пикируются остротами, обмениваются шутками, игровыми цитатами, словами из лексикона эмигрантского и советского новояза, расходятся во мнениях, спорят, стараются понять друг друга. С обеих сторон это чрезвычайно «живые» письма, в которых нет натянутости, скучных обязательных формул отдаленно-вежливого общения, нет политеса, который обычно ощущается в переписке «неравной». Зато есть дружеская заинтересованная деловитость, пропуски содержательные и событийные, возможные лишь в том случае, когда корреспонденты хорошо знают образ жизни и круг общения друг друга, есть искренность, переходящая в страстность, ирония и самоирония. По интонационно-эмоциональному колориту письма Газданова к Хомякову могут быть сопоставлены в газдановском эпистолярном наследии только с письмами к Л. Д. Ржевскому, еще одному важному персонажу русско-эмигрантского мюнхенского сообщества и, кстати, той переписки, которая здесь представлена. Совершенно очевидно, что именно поколенческая общность, несмотря на непреодолимую, казалось бы, разницу между реальностью довоенной эмигрантской жизни Газданова в Париже и жизнью Хомякова в сталинской России, создала особый язык понимания между писателями столь разными.

Письма Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова публикуются впервые, по рукописям и машинописям, хранящимся в РГАЛИ (ф. 1348 (Собр. писем писателей). Оп. 8. № 104 (письма Г. И. Газданова), 107 (письма Г. А. Хомякова)). Текст писем воспроизводится в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, однако с сохранением ряда особенностей авторского письма (сюда относятся, прежде всего, своеобразный синтаксис, написание ряда имен собственных и названий исторических событий). Сохранено по возможности и графическое своеобразие писем: расположение датировки и подписей (в письмах Хомякова подпись отсутствует, даже в виде росчерка), отсутствие красной строки в машинописных письмах Хомякова. Сокращенные слова восстановлены в угловых скобках.

Приношу самую искреннюю благодарность Т. Н. Красавченко (Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН), О. А. Коростелеву (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН), А. В. Антошину (Уральский федеральный университет) за ценные дополнения и замечания по тексту писем и комментариев. Благодарю также Российский государственный архив литературы и искусства за любезное разрешение опубликовать переписку.

1

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

28 мая 1964 г.
Мюнхен.

Дорогой Георгий Иванович,

как, не забыли случаем, об отрывке из нового романа для «Мостов»? Если есть рассказ, тоже не возражаем. То и другое — не очень пространное, страниц на 10–12 в альманахе, больше, боюсь, не поместится. Материала набирается много, придется кое-что и отставить, но Ваш всегда к месту. Торопить не особо тороплю (числа с 10.6 уедем

⁹ Из переписки Г. И. Газданова и Р. Б. Гуля // Газданов Г. Собр. соч. Т. 5. С. 123.

в отпуск, вернемся к 1.7 — но тогда надо обязательно: буду все сдавать в набор), иначе, надо иметь полное представление о своем «активе», чтобы заранее рассчитать. Это не то, что прежде: тогда можно было подсчитывать потом. А сейчас — коврижки все на учете, до последней страницы.¹ И очень обяжете, если сообщите, когда ждать и сколько.

Ржевские² собирались было приехать сюда, на лето, но потом неожиданно все переменили: согласились переехать в Нью-Йорк из своей благодатной, но испепеляющей пустыни оклахомской, его пригласили в нью-йоркский университет.³ Потому поехали, или поедут на днях, куда-то в пансион на отдых, а потом в Нью-Йорк, осенью. Да и расставаться, пишут, А<гния> С<ергеевна> с новой машиной не хочет. Так всегда.

Приветствуем Вас и поклон Фаине Дмитриевне,⁴

Ваш

¹ В 1963 году финансирование альманаха из средств ЦОПЭ было прекращено ввиду ликвидации вышеупомянутой организации, однако Хомяков продолжал издавать альманах до 1970 года (всего вышло 15 номеров), изыскивая с большим трудом средства для каждого следующего номера.

² Имеются в виду прозаик второй волны эмиграции Леонид Денисович Ржевский (наст. фамилия — Суражевский) (1904–1986) и его жена, поэтесса Агния Сергеевна Шишкова (псевд. Аглая Шишкова; 1923–1998), переехавшие в 1963 году в США и принявшие американское гражданство. Л. Д. Ржевский с 1956 года возглавлял русскую редакцию на «Радио Свобода» («Освобождение») в Мюнхене, был главным редактором журнала «Грани» (1952–1955), занимался преподавательской деятельностью в Швеции (Лундский университет) (1953–1963).

³ В США Л. Д. Ржевский преподавал русский язык и литературу сначала в Оклахомском (1963–1964), а потом в Нью-Йоркском университете (1964–1973).

⁴ Ламзаки Фаина Дмитриевна (1892–1982) — жена Г. И. Газданова.

2

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

8/VII/64. Lido di Venezia¹

Дорогой Геннадий Андреевич,

сегодня с удивлением узнал от Л. В. Вейдле,² что Вл<адимир> Вас<ильевич> получил от Вас письмо, в котором Вы пишете, что я Вам ничего не ответил и ничего не прислал. Не то, чтобы я Вас вдруг заподозрил в распространении сведений, которые не соответствуют действительности, — Боже меня упаси. Но надо думать, итальянская почта не спешит. В двадцатых числах июня, если мне не изменяет память, я Вам отправил из Италии письмо и «отрывки из Воспоминаний»³ — 14 страниц текста, рукописного, конечно, за неимением у меня под рукой машинки. Я надеялся, что Вы это все получите через два-три дня. Письмо было тяжелое, поэтому я отправил его из почтовой конторы города Francavilla, помню даже, что служащая при мне наклеивала марки — на 190 лир. Конверт был отправлен по адресу Комитета,⁴ на Lilienthalstr<афе> на Ваше имя.

Надеюсь, что теперь Вы все это все-таки получили. Очень буду Вам обязан, если Вы мне дадите знать, дошло ли это все до Вас или нет. Было бы глупо, если бы это пропало или затерялось в итальянско-германских почтовых недрах. Если бы это было так, то я мог бы повторить эту операцию, т. е. послать Вам второй раз текст, это в конце концов, день работы. Но конечно, это лишняя возня. Жду стало быть Вашего разъяснения, пошлите его «экспрессом», если можно.

Сердечный привет супруге. Ф<аина> Д<митриевна> Вам обоим кланяется. Крепко жму руку.

Ваш Г. Газданов.

P. S. Мой адрес — Hotel Sorriso, via Colombo, Lido di Venezia.

¹ Лидо ди Венеция — итальянский курорт близ Венеции. Как сообщают Т. Н. Красавченко и Ф. Хадонова, это любимое место отдыха Газданова в период работы на «Радио Свобода». См.: *Газданов Г.* Собр. соч. Т. 5. С. 253.

² Вейдле Людмила Викторовна, жена историка искусств и литературного критика Владимира Василевича Вейдле (1895–1979).

³ Под названием «Из записных книжек» этот текст был опубликован в «Мостах» (1965. № 11; 1966. № 12).

⁴ Имеется в виду Американский комитет по освобождению от большевизма, благодаря которому было создано «Радио Освобождение» (с 1959 года — «Радио Свобода»).

3

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

10 июля 1964 г.

Мюнхен.

Дорогой Георгий Иванович,

жена послала открытку из Рима или Флоренции в Гамбург недели три тому назад, — она пришла только на днях. Дней за десять перед нашим отпуском мы послали телеграмму о визе, в Афины, — ответ пришел тоже на днях, когда мы возвратились из отпуска. Так что — что Вы хотите от этих южных народностей, чтобы они спешили? А зачем?

Ваша рукопись пришла на другой, кажется день, после того, как я писал Вл<адимиру> Вас<ильевичу>. Спасибо, что прислали, напечатаем, конечно. Но возникли у меня всякие побочные недоразумения. Признаться, я ждал, как мы говорили, отрывок из романа, который я хотел дать первым, — у меня открыть нечем. А тут открываю — «Из воспоминаний». Значит, мол, в отдел «Восп<оминания>-документы». Читаю — нет, туда не идет. В сущности, вместе с тем, это не рассказ, а скорее очерк. Это ничего, очерков таких, как говорится, дай Боже побольше, но для открытия не подходит. Ну, с открытием устроюсь, придумал другое расположение материала, хотя и не ахти какое, а Ваше дадим в середку. Но не стоило бы придумать какое-нибудь другое название, тоже объединительное, но без «воспоминаний»? Оно сразу настраивает читателя не на тот лад. Что-нибудь такое завлекающее, вроде — «по дороге жизни», или «на крутых поворотах»... Может — «Из случайных встреч»? Уже малость иначе звучит. «Случайные встречи» — где «встречи», оно лучше. Придумайте что-нибудь.

Материала набирается, пожалуй, больше, чем нужно: слишком толсто не вытянем, из-за денег. Каждые 50 страниц — больше тысячи марок, так что приходится жаться. Но страниц на 350–360 сделаем. Вот только когда — об этом побаиваюсь и загадывать. Надо бы в сентябре–октябре, да — рази ж извозчики ныне, как бывалча? А овес-то почему? На наш язык перевести — с типографиями, русскими, совсем стало дело швах, на ладан дышат русские типографии, ничего не попишешь. Ну, как-нибудь.

С удовольствием будем Вас лицезреть, — слышал, Вы будете здесь что-то к концу месяца, или в начале августа. Куда-то Ржевские пропали: писали, едут куда-то на озеро, отдыхать, потом, к осени, в Нью-Йорк, а больше ничего от них не слышно. Заотдыхались, видно. Он тоже собирался что-то прислать, но не наверное.

Желаем продолжать приятно купаться, загорать (у нас тут холодище, ночью по 7–8, а то и 5 градусов, — каково, в июле?), набираться сил для великих и поменьше свершений. Приветствуем и Фаину Дмитриевну, и Вас и всего лучшего,

Ваш

4

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

22 июля 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович!

Где Вы обретаетесь, как живете, что подделываете? Слышал я, что Вы уехали в отпуск, — разумеется, я желаю, чтобы он длился как можно больше и не буду в претензии, если Вы еще не вернулись и найдете это письмо потом. Письмо, что же — вещь в некотором роде не существенная, а отпуск — это всегда хорошо.

Как видите, мы пишем Вам уже как бы в другом состоянии, то есть американском.¹ Долго бегали, высунув языки, пока не нашли фатеру, устроились, — процесс этот тянулся до бесконечности. Но все же он кончился, теперь живем, вроде бы привыкаем, но привыкнем ли, — возможно, что и не успеем. На это же много времени надо, при нашем закоренелом европейском виде, обомшелом, — быстро не привыкнуть, а там, глядишь, помирять надо. Годы ведь!

Ну, не будем ныть. Пишу по двум поводам, в дополнение к тому, что без повода. Анину² я послал текст «обращения», по случаю 50-летия революции,³ и просил его, по прочтении, передать Вам. Об этом же некоторое время тому назад я просил Варшавского,⁴ но он молчит упорно и вряд ли, вижу, ответит. Этот текст, между прочим, малость уже переработанный, сокращенный. Дело тут такое: надо собрать 20–25 подписей наших наиболее известных и уважаемых писателей, журналистов и т. д. (уже есть подписи Зайцева, Адамовича, Шмемана и т. д.), после чего Обращение будет опубликовано в «Н<овом> Р<усском> Слове»,⁵ «Русской мысли»⁶ и — тиснуто брошюрой для посылки на любимую родину. Революции оно там не сделает, но кому-то, глядишь, кое-что прояснит, а главное — даст «направление». И вот я очень хотел бы, чтобы и Вы присоединились к этому крамольному делу, о чем потом и сообщали мне. На мой взгляд, это надо было бы сделать нашей эмиграции обязательно, при всем самом трезвом отношении к такому предприятию. Итак, о'кей, как говорят здешние обитатели?

Второе дело такое: уезжая из Мюнхена, я решил было «твердо», что «Мосты» кончились. Но тут на меня нажали некоторые лица и от моей решимости, в общем, ничего не осталось. Так что повезем еще сей воз, одну-другую книжку еще выпустим, — ежели, конечно, Вы поддержите. Если осенью, этак к концу сентября, материал соберем, то в начале будущего года выпустим. Посему — присылайте рассказ или очерк или отрывок из того или другого. О'кей? Все обещают, не знаю только, сколько сдержит обещание.

Где и как поживает Фаина Дмитриевна? Шлем с женой ей и Вам самые сердечные приветы и лучшие пожелания! Привет и окружающим, тем, разумеется, кто помнит о нашем существовании.

Ваш

¹ В 1967 году Г. А. Хомяков с женой переехали в США.

² Ани Давид Сергеевич (наст. фам. — Азархс; 1913–1976) — сотрудник мюнхенского отделения «Радио Свобода».

³ Обращение «К интеллигенции России», подписанное многими представителями интеллектуальной элиты первой и второй волн русской эмиграции, было опубликовано в эмигрантских газетах «Новое русское слово» (1967. 29 окт. № 19956) и «Русская мысль» (1967. 2 нояб. № 2659). См. об этом: Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. М. А. Васильевой, П. А. Трибунского, В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017. С. 492.

⁴ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) — эмигрант первой волны, прозаик, литературный критик, публицист, автор книги «Незамеченное поколение». Письмо (от 6 июля 1967 года из Нью-Йорка), в котором Хомяков просит Варшавского передать обращение Анину и Газданову, опубликовано (см.: Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 491–492).

⁵ «Новое русское слово» — одна из старейших русскоязычных газет за пределами России, основанная в 1910 году в Нью-Йорке.

⁶ «Русская мысль» — газета русской эмиграции, основанная в 1947 году в Париже.

5

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

13/VIII/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, простите, что отвечаю с опозданием — был в Италии, потом пришлось, вернувшись в Мюнхен, ехать в Париж по паспортным делам и за вещами, словом, за это лето я проехал, наверное, тысяч десять километров. Теперь начинаю более или менее оседлый образ жизни здесь, в Мюнхене, где рассчитываю просидеть год-другой.

«Мосты», конечно, дело хорошее, хотя и хлопотливое. Не очень уверен, что они выйдут, но, как говорится, дай Бог. По поводу Вашего предложения что-нибудь при-слать — рылся в своих литературных архивах и неожиданно обнаружил целый роман,¹ который я наполовину написал и потом почему-то бросил — было это в конце прошлого столетия. Могу, в крайнем случае, дать Вам оттуда отрывок страниц на десять — печатных. Отрывок более или менее законченный. Если такая комбинация Вас устраивает, сообщите.

То, что Вы в Америке, что же, и в Америке люди живут. На людей неустойчивых она плохо действует, балдеют, начинают делать и писать вздор, но Вам это не угрожает, я думаю, потому противно, мне кажется, Вашей природе, Вы человек прочный. Чего нельзя сказать о многих наших общих знакомых, между прочим.

Что касается подписи под обращением, то тут у меня сомнения. Вот почему: во-первых, я служащий Ам<ериканского> Ком<итета>,² что значительно уменьшает ценность подписи. Но это не так важно. Важнее другое: племяннице Ф<аины> Д<митриевны>, польской гражданке,³ которая приезжает к нам каждый год, постоянно ставят на вид, что вот, дескать, ейный дядюшка работает на радиостанции, которая... и т. д. Боюсь, что в этом смысле моя подпись под обращением ей может повредить. Текста обращения я не видел, Варшавский обещал мне его показать, но что-то робеет. Посмотрим в общем.

Ну вот. А в остальном все тихо, «живем, окруженные иностранцами», как писал русский дьякон из Парижа в Югославию.⁴ Отец Шмеман,⁵ дай ему Бог здоровья, человек редких достоинств, но от его воскресных бесед⁶ у меня тоска смертная. Но это, конечно, дело частное. Ф<аина> Д<митриевна> здесь, все благополучно, просит передать, что она Вам кланяется и целует Элли Карловну,⁷ которой я сердечно кланяюсь. Крепко жму руку. Ваш Г. Газданов.

¹ Речь идет о романе «Эвелина и ее друзья», отрывок из которого под названием «Отрывок из романа» был напечатан в «Мостах»: 1968. № 13/14. Полностью роман был напечатан в «Новом журнале» (1968. № 92; 1969. № 94–97; 1970. № 98–101; 1971. № 102, 104–105).

² С января 1953 года до самой смерти в 1971 году Газданов работал на американской радиостанции «Свобода» («Освобождение»): автором-редактором Русской службы, корреспондентом Парижского бюро «Радио Свобода», главным редактором Отдела новостей, главным редактором Русской службы в Мюнхене. Псевдоним, под которым Газданов выступал и выпускал свои программы, — Георгий Черкасов. См. об этом: *Dienes L. Russian literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov.* München, 1982. P. 54; *Красавченко Т. Н.* Газданов на «Радио Свобода» // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Т. Н. Красавченко, сост. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильева, Ф. Х. Хадонова. М., 2005. С. 232–234; *Диенеш Л.* Выступления на радио «Свобода» (1960-е — 1971) // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 4 / Под общ. ред. Т. Н. Красавченко. С. 692–696.

³ «Польскую» племянницу Фаины Дмитриевны звали Мария Ламзаки. Как и ее сестра Татьяна, она была в прекрасных отношениях с семьей Газдановых и длительное время жила в их доме. Подробнее см.: *Орлова О.* Материалы к биографии Гайто Газданова: переписка Ф. Д. Ламзаки. См.: http://www.darial-online.ru/2005_3/orlova.shtml; дата обращения: 31.07.2019.

⁴ Эту же цитату Газданов использует в письме к Л. Д. Ржевскому от 25 ноября 1962 года (*Газданов Г.* Собр. соч. Т. 5. С. 217). Установить источник не удалось.

⁵ Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) — протопресвитер Православной Церкви в Америке, богослов, философ, преподаватель, автор многих работ по истории церкви и богословию.

⁶ Имеется в виду религиозная программа о. А. Шмемана на «Радио Свобода».

⁷ Жену Хомякова звали Элли Оскаровна (1908–1992; см.: Переписка С. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 462), однако Газданов во всех письмах называет ее Элли Карловна.

6

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

31 августа 1967 года
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

как говорится, «долг платежом красен»: отвечаю тоже с опозданием. И тоже потому, что был в отпуске. Две недели прожили на озере, в лесу, на севере, — тут в отпуск едут на север, а не на юг. Было очень хорошо, я целыми днями ловил рыбу, т. е. предавался совершенно пустому и странному, по Вашему, занятию. И жалею, что мало и что пришлось его прервать.

Причина Вашего уклонения от подписания Обращения, конечно, весьма уважительная и поэтому какие-либо настояния тут были бы совсем неуместны. Так что — быть по сему. Последний текст, переделанный в соответствии с отзывами, я послал Ани-ну и просил его показать Вам. Теперь это разве — только для сведения.

То, что Вы обнаружили в «анналах» чуть ли не целый роман — могу только поздравить. А себя — или «Мосты» — поздравляю с тем, что от Вас обязательно получу отрывок из обнаруженного, который может быть и несколько больше, пространнее десяти страниц. Скажем, располагайте местом этак от 10 до 20 страниц в «Мостах». Но, конечно, это на Ваше усмотрение. А сам факт, т. е. присылка Вами рукописи, из всякого усмотрения исключается: факт сей должен совершиться неукоснительно.

Пишу этим стилем, наверное, под влиянием того русского дьякона, о котором Вы вспомнили. Он прав сто раз, тут ничего не поделаешь: в самом деле живем, «окруженные иностранцами». Но уметь сказать так, как этот дьякон сказал — куда нам, кишка тонка.

Поклон и лучшие пожелания Фаине Дмитриевне от жены и меня — и Вам тоже. Приветы окружающим, православным и иностранцам — по Вашему усмотрению.

Ваш

7

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

8/X/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, не так давно послал вам десять страниц прозы для «Мостов» — можно было бы выбрать и другой отрывок, но не хватало времени. Если это не подойдет, ничего страшного не будет. Напечатан текст был с ошибками. Вы знаете, что средняя переписчица обыкновенно текста, который она печатает, не понимает, потому она дура и ни в литературе, ни в синтаксисе, ни в логическом построении — ни уха ни рыла. Таков, по-видимому, закон природы — а то откуда бы можно было взять машинисток?

Что у Вас? как обстоит дело с собиранием материала? Смотрю со стороны на Ваш бескорыстный труд и почтительно удивляюсь: я, как Вы знаете, к русской культуре отношения не имею, но испытываю уважение к тем, кто на этой «ниве», как писали в доброе старое время, трудится.

Как живет в Нью-Йорке? Город трудный, шумный и неудобный, там можно побыть некоторое время как турист, но жить постоянно и работать, это другое дело. Это Вам не баварская дыра, как Мюнхен, где все тихо. Видел здесь недавно Анатолия Ива-

новича,¹ он не унывает. А так с Нью-Йорком у меня связи нет, — кроме профессиональной — письма в русскую редакцию. Но в этом развлекательного мало.

Фаина Дмитриевна просит меня передать Вам сердечный привет и сказать, что Элли Карловну она целует. Я со своей стороны Вам обоим кланяюсь — «от белого лица до сырой земли».²

Ваш Г. Газданов.

¹ Возможно, речь идет о дикторе мюнхенского отделения «Радио Свобода» Анатолии Гейхмане. Точно установить упомянутое лицо не удалось.

² Устойчивый оборот, вошедший в речевой обиход, по-видимому, из духовных стихов. Газданов использует его в своих письмах с иронической интонацией, как возвышенно-просторечный. В письме к Л. Д. Ржевскому от 26 февраля 1971 года он так объясняет эту иронию: «Одним словом, дорогой Леонид Денисович, пишите все, что хотите, а мы Вам за это будем признательны и будем кланяться „от белого лица до сырой земли“ — как я писал в свое время в письмах, которые мне диктовала наша кухарка, женщина достойная, но неграмотная и по культурному уровню напоминающая мне старуху Фурцеву» (Газданов Г. Собр. соч. Т. 5. С. 242).

8

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

12 октября 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

и рукопись несколько дней назад, и письмо Ваше вчера — все получил и благодарю. Почему, не знаю, когда я пробежал быстро рукопись первый раз, она мне показалась «не того» и я уже было хотел написать Вам, а нельзя ли поискать другой отрывок, более сильный, обычный для Вас. Но сейчас прочел еще раз — и нашел, что то впечатление было ошибочно, с чем себя и поздравил. А машинистки — верно, на то и созданы, чтобы досаждать, иначе не умеют. Вот, на первой же странице, восьмая строка — «настроение», когда ясно, что нужно «построение». Внизу на этой же странице, не знаю, не опечатка ли тоже? — «систему графического изображения», — наверное надо «схему», а может, лучше вообще без схемы и системы, чуть переделать. На 8-й стр. наверху тоже явная опечатка: «отдельное» когда надо «отдаленное». Но это все, разумеется, беда не великая, легко поправить. Непонятно, между прочим, на второй стр. — «операция Эвелины прошла благополучно, как всегда», — что за операция и нужна ли она тут? В общем, на досуге посмотрите еще, дорогой Георгий Иванович, время пока терпит.

К Нью-Йорку потихоньку пытаемся привыкать, но дело это, похоже, безнадежное: к нему, видно, вообще привыкнуть нельзя, а в наши годы тем более. Город, да, интересный, но интересность эта совсем не та, что у городов Европы и слишком уж затемняет ее чудовищность этого же города. Это — город-монстр, таких больше нет и не бывает. Когда-то, м<ожет> б<ыть>, его перестроят, но на это нужны десятки лет. А сейчас — целые огромные районы заполнены грязными, облупленными, закопченными безнадежно старыми домами, которые строили даже с некими претензиями, — по крайней мере многие, — продиктованными кичливостью, но отнюдь не потребностью в красоте. И строили еще тогда, когда не имели никакого понятия о том, что дома, улицы домов — это не только жилье, жилища, но и должно быть приятно для глаза. Куда там, об этом начали думать, и то в весьма малых дозах, уже разве после первой <так!> мировой войны. В результате — есть две-три не запакощенных улицы, есть несколько «центров», — а остальное может приводить в содрогание, если замечать. С 71 улицы я хожу на работу пешком, на 42-ю и еще два с лишним «длинных» квартала «поперек», это занимает около 40 минут — и за этот путь нюхаю десятки отвратных запахов, чего-то протухшего, заплесневевшего, затхлого, сгоревшего, из подвалов, магазинчиков, забегаловок, — черт знает что. И вычистить невозможно, да и где взять

рабочих, они дерут за свою работу неслыханно, — да и нет потребности. Нет, город чудовищный. Огромные богатства, и мощь — и море копоти, грязи, дыма, шума, от чего «не продохнешь».

Да, Вы, кажется, увлеклись эпистолярным искусством, вернее — составлением инструкций, о чем сегодня сообщил Ваш шеф. Вот тут, может быть, стоит предостеречь от возможности «впадения» в административный восторг. Тут у нас тоже «живые люди», как говорится, и всякие планы, вкупе с другими начальственными указаниями, они выполняют, иногда хорошо, иногда хуже, как везде и всюду — и надо ли их цукать¹ еще дополнительно? И зачем? Обижаются же люди — и они правы, что обижаются, ненужным дополнительным указкам. Может, кому-то они нужны, в виде подтверждения бурной активности, — но нам-то с Вами это, конечно, ни к чему.

Шлем сердечные приветы и Фаине Дмитриевне, и Вам; мы с удовольствием вспоминаем, когда встречались с вами, в Мюнхене ли, в Париже. Да жаль, времена те прошли, как говорят в романах, безвозвратно.

Вы видите часто с Вл<адимиром> Серг<еевичем>² — передайте, что каюсь, не ответил ему, но пусть не сегует: переписки у меня вагон, пропадаю. Привет ему,

Ваш

А что с Ал<ександром> Вас<ильевичем>?³ Молчит, как зарезанный.⁴

¹ Цукать (*простореч.*) — резко одергивать, выговаривать (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1965. Т. 17. С. 722).

² В. С. Варшавский в 1967 году был переведен в мюнхенское отделение «Радио Свобода», тогда как Хомяков в этом же году переехал в США — работать в нью-йоркском отделении. Взаимоотношения Варшавского и Хомякова приоткрывает их переписка. См.: Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими. С. 446–504.

³ Бахрах Александр Васильевич (1902–1989) — литературный критик, мемуарист, автор книги об И. А. Бунине «Бунин в халате» (1979), сотрудник Русской службы «Радио Свобода».

⁴ Обе фразы приписаны от руки шариковой ручкой.

9

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

17/X/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, спасибо за письмо. Отрывок, конечно, можно было бы выбрать побойчее, тем более, что есть, но времени не хватило и опять начинать эту вольнку неохота, тем более, что я сейчас по вечерам продолжаю писать вышеизложенный роман. Хорошего в этом мало, но что поделаешь, припадок графомании. На счет поправки — сделайте их сами, окажите услугу. «Операция Эвелины», — если это не очень понятно в тексте, можно прибавить в двух тире — Мервиль¹ имел в виду ее очередной аборт — но можно в крайнем случае без этого обойтись и упоминание об операции вообще уничтожить. Вместо «системы» должна, конечно, быть «схема». Но если выйдет, что места в «Мостах» не хватит для моего отрывка, это будет лучшим решением вопроса.

Ваше впечатление о Нью-Йорке уж что-то слишком мрачное. Правда, я там жил как турист, а не служащий,² так что мое суждение неизбежно должно быть другим. Но что веселого там мало, это я охотно допускаю.

Теперь по поводу моих эпистолярных упражнений. Я очень далек от административного восторга. Но согласитесь, что многие тексты нью-йоркской редакции — просто невозможны. Оно, по человечеству, понятно: взяли бедного Закутина³ и говорят — пиши «наши современники». А он такой писатель, как Вы балерина, или Тамара,⁴ дай ей Бог здоровья. «Так пишет Галина Николаева⁵ о проблеме кулачества», или Анна Караваева,⁶ или Ефим Зозуля.⁷ Кому нужна эта захолустная хреновина? Или тот же Завалишин⁸ с его «экспрессивной выразительностью», «неиспорченностью Лолиты, похожей на статуэтку Бенвенуто Челлини» — все это явно либо по литературной невинности, либо по пьяному делу. Конечно, никого из этих нью-йоркских корифеев

Шекспиром сделать нельзя, потому выше лба уши не растут. Но нужно все-таки, чтобы они — если это возможно — думали о том, что пишут, а не фабриковали бы малограмотную халтуру. Вся эта критика, — это не моя инициатива, дело общее. Так что Вы на меня напрасно гневаетесь. Такое впечатление, что все это написано не в Нью-Йорке, а в Конотопе.

Как все это изменится, не знаю, но изменить следовало бы. И диктор Ваш. Этот Никита Морозов⁹ — о том, как надо читать тексты, он понятия не имеет, он способен любой текст погубить, а тот и без него плох.

Ну, хорошо, довольно огорчений. Ф<аина> Д<митриевна> Вам и Элли Карловне шлет самый сердечный привет. Жаль, что Вы так далеко, но если приедете в Европу, вспомните, — тут места есть хорошие. Главное, — берегите нервы и здоровье, потому организм у человека один и изнашивать его следует возможно медленнее.

Поклон самый низкий Элли Карловне. Крепко жму руку.
Ваш Г. Газданов.

¹ Один из персонажей романа Газданова «Эвелина и ее друзья».

² Газданов побывал в США в 1952 году по приглашению Издательства им. Чехова, предложившего ему должность редактора, и своего парижского друга Н. Г. Рейзини, оплатившего расходы на эту поездку.

³ Закутин Лев Григорьевич (наст. фам. Отоцкий; 1905–1977?) — эмигрант первой волны, писатель, философ, экономист.

⁴ Возможно, имеется в виду Тамара Петрова (настоящее имя Тамара Петровна Петровская) — диктор Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

⁵ Николаева Галина Евгеньевна (1911–1963) — советская писательница, лауреат Сталинской премии, автор производственного романа «Битва в пути» и романа о жизни колхозников «Жатва».

⁶ Караваева Анна Александровна (1893–1979) — советская писательница, лауреат Сталинской премии, автор многих романов, повестей и рассказов, в разное время редактор целого ряда известных советских журналов.

⁷ Зозуля Ефим Давидович (1891–1941) — советский писатель и журналист, один из организаторов в 1923 году журнала «Огонек». Для Газданова перечисленные имена советских писателей стали, по-видимому, определенным символическим рядом, который иллюстрировал собой несостоятельность всей советской литературы. Так, например, эти же имена он упоминает в тексте своего радиовыступления 1970 года «Оценка творчества и испытание временем» (Газданов Г. Собр. соч. Т. 4. С. 384).

⁸ Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) — эмигрант второй волны, журналист, критик, поэт, переводчик, нью-йоркский корреспондент «Радио Свобода». Газданов, по-видимому, был не слишком высокого мнения о его литературных способностях. В письме к Л. Д. Ржевскому от 8 марта 1967 года он пишет: «Владимир Васильевич мне сказал, что в Нью-Йорке был Ваш литературный вечер, на котором доклад о Вас читал Завалишин, это жаль, он человек простой, ему сюжеты поскромнее нужны» (Газданов Г. Собр. соч. Т. 5. С. 224).

⁹ Морозов Никита (наст. имя Юлий Осипович Козловский) — диктор Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

10

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

22 октября 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

прошлый раз, упомянув о возможности «административного восторга», я писал еще до получения Ваших писем, — о них писал Ризер,¹ что «Газданов пишет». Через день-два после этого пришло первое Ваше письмо, которое произвело очень плохое впечатление здесь, а затем и второе, естественно, еще ухудшившее это впечатление. Неприятен уже тон, этакий сверху вниз, а кроме того, явная необоснованность целого ряда «придинок», — они так и выглядят, придирами. Ведь нельзя же, например, «Приметы времени»² снимать и издеваться над ними за то, что они посвящены советским делам — так, как это им и предписано по положению. Нельзя придираться к программе

из-за того, что в ней есть ссылки на Пастернака, который Вам не по душе: Ваша душа тут не причем <так!>, Пастернак «выполняет свою роль», требующуюся этой программой. То же и Набоков; неправы Вы и относительно Бенвенуто Челлини,³ — сравнение это Завалишин спер у того же Набокова, во-первых, а во-вторых, он заглянул предвзятельно в соответствующий словарь. И т. д.

В общем, мне пришлось сесте и по поводу Ваших писем написать довольно резкое объяснение, под конец смягченное, так сказать, «хорошим отношением к лошадям».⁴ Не знаю, как решит начальство с этим объяснением, — я свое дело сделал и этим внес некоторое успокоение.

Суть же дела такова: если у Вас там кто-то решил «наводить порядки», то начал он явно не с того конца. За счет «малых сих» это не делается: что Вы хотите от Закутина? Или что, Вы хотите выучить писать нашего экономиста? Ваш экономист (т. е. у Вас сидящий) пишет черт знает как, — а Вы, видите ли, нашим недовольны. Кроме того, люди пишут десять лет, они исписались до дыр и само собой разумеется, что одни программы слабы, другие чуть получше, иногда попадаются хорошие, — что, Вы думаете, может быть, цуканьем, предписанием исправить дело? А кроме того: почему Вы не смотрите «окрест себя»?⁵ Вы вот написали свои письма, — а мне тотчас же принесли одну из Ваших программ, из знаменитых «городов» (кажется, «Бухарест»), в которую заглянешь — мурашки по спине бегут. И знаете, сколько можно найти у Мюнхена таких программ? Так что же, будем друг друга поносить и стараться «исправить»?

Болезни радиостанции мы знаем очень хорошо, начиная от тех, что относятся к пишущим, — но они-то, повторяю, птицы мелкие, от которых зависит немного, — и кончая совсем другими, которые зависят не от нас. В свое время, в Мюнхене, мне это испортило достаточно нервов, пока для меня не стало ясно, что сделать по существу ничего нельзя, т. е. так, чтобы передачи вдруг стали ослепительными.

Я думаю, что и сами Вы прекрасно это понимаете, — поэтому и отношу «нападки» просто к недоразумению, к выполнению некоего задания, очевидно, с несколько излишним пылом, вот и все. И никак не склонен рассматривать этот случай трагически: стоит ли, дорогой Георгий Иванович? По-моему, никак нет.

Сердечные наши приветы Фаине Дмитриевне и Вам и пребывайте в благополучии,

Ваш

¹ Виктор Ризер (наст. фам. Шиманский), сотрудник «Радио Свобода».

² Речь идет, по-видимому, об одной из программ нью-йоркского отделения «Радио Свобода».

³ Челлини Бенвенуто (1500–1571) — итальянский скульптор эпохи Возрождения.

⁴ «Хорошее отношение к лошадям» — стихотворение В. В. Маяковского (1918).

⁵ Цитата из книги А. Н. Радицева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790): «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

11

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

21 ноября 1967 г.

Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

узнал сегодня, что скрипт¹ о Ржевском,² в передаче о литературе, у Вас там сняли, сочли плохо написанным. Это жаль, мы хотели дать, постепенно, целый ряд скриптов об эмигрантских писателях и поэтах (среди них, разумеется, и о Вас), имея в виду интерес в России к эмиграции. Я для этого и авторов уже подыскал (в т. ч. и Ильинского:³ язык у него, правда, тяжел, но дело он знает; эта его работа, между прочим, была одобрена в университете профессорами — знающими, а не «профессорами»). Теперь приходится предпринять это откладывать: а вдруг Мюнхену не понравится? Этак Мюнхен, глядишь, нас по миру еще пустит, увольняться заставит за явной неспособностью, — а тут безработица, работенку трудно найти!

Ну, шутки оставим, перейдем к более серьезным вещам. В частности — как изволите здравствовать, поживать? Я по малости продолжаю продвигать очередной «мост», т. е. занимаюсь тем, в чем смысла Вы признавать никак не хотите. И в общем, «мост» очередной постепенно воздвигается: рукописи постепенно прибывают, стихи даже в изобилии, заставляющем уже и воздерживаться от просьб об их присылке. Так что, как видите, эмигрантская литература даже процветает, чему Вы верить упорно не хотите. Собираюсь уже прекращать прием материала: если все обещанное, то, с присланным, это составит даже больше 400 страниц, — а границу эту перешагивать не можем, по скудности ресурсов денежных. С ними, с этими ресурсами, опять плохо; сейчас предпринимаю как любят теперь говорить, «акцию» — рассылаю письмо примерно в тысячу адресов с предложением предварительной подписки на очередную книжку. Мало надеюсь на успех, но если даст сотню-другую долларов — тоже хлеб. Возможно, устроим вечер «Мостов», тоже может дать 200–300 долларов, но и это хлопотно и не просто. Был я тут на вечере «Граней»⁴ — было вполне по-колхозному, как я говорю, на районном уровне. А надо хотя бы приближенно к столичному, что трудно.

Наши сердечные приветы Фаине Дмитриевне и Вам и пишете,

Ваш

¹ Скриптами назывались написанные для радиопередач тексты.

² Газданов, Ржевский и Хомяков, будучи людьми одного возраста, были связаны не только профессиональной работой на радиостанции, но и дружескими человеческими и «литературными» отношениями. Висказавшись критически по отношению к Ржевскому, Газданов вызвал недоумение Хомякова.

³ Очевидно, имеется в виду Ильинский Олег Павлович (1932–2003) — поэт, прозаик, литературовед «второй волны» эмиграции. Публиковался в журналах «Грани», «Мосты», «Новый журнал».

⁴ «Грани» — журнал второй волны русской эмиграции, основанный в 1946 году во Франкфурте-на-Майне. С 1991 года издается в Москве. Сведений об упомянутом «вечере» найти не удалось.

12

Г. И. Газданов — Г. А. Хомякову

29/XI/67. Мюнхен.

Дорогой Геннадий Андреевич, давно собирался Вам писать, да все как-то, как говорил Гоголевский городничий, «был чем-то развлечен», т. е. главным образом, работой. Хочу сразу же опровергнуть Вашу инсинуацию по поводу «Мостов», — всегда считал это дело стоящим и полезным, а Ваше участие в этом подвижничестве. Так что клеветать на меня в этом смысле нехорошо. Что касается Ваших проектов по поводу увеличения ресурсов, то тут помочь Вам трудно — могу, конечно, прислать стоимость подписки, если хотите, но это капля в море.

По поводу текста о Ржевском и Вашей идеи передач об эмигрантских писателях и поэтах. Предпочитаю писать об этом частным образом, а не в нью-йоркскую редакцию. Вот в чем дело. Текст Ильинского действительно плохой, но не только из-за стиля, а еще и потому, что Леонид Денисович наш милейший в нем представлен совершенным корифеем. Я понимаю, что такая передача доставила бы Л<еониду> Д<енисовичу> удовольствие, но как «Литературный портрет» это совершенное баракло, и зачем людей вводить в заблуждение? Насчет других писателей и поэтов есть два соображения. Во-первых, такие программы у нас уже были несколько лет тому назад.¹ Во-вторых, если бы необходимость в их новом варианте возникла,² то есть Адамович,³ который этот вопрос очень хорошо знает и который пишет все-таки лучше других наших соотечественников. Я только что вернулся из Парижа, куда ездил по делам и где устраивал, в частности, беседу за круглым столом⁴ — Адамович, Вейдле, Струве — не американская балда,⁵ а его племянник, Никита, профессор русской литературы

в Сорбонне⁶ — и интервью с тем же Адамовичем о его книге «Комментарии».⁷ Адамович для нас усердно работает. Очень было бы желательно, чтобы Вы, в частности, сообщали нам о Ваших проектах и чтобы была некоторая согласованность в работе. У нас, например, «Комментарии» идут в особой программе и читаются из них очень длинные отрывки. Есть у нас — для будущего — передача Никиты Струве о книге «Из глубины»⁸ — и должен Вам откровенно сказать, что это все-таки не Коряков⁹ с его «Контрапунктом»,¹⁰ где он недавно цитировал Булгакова — «Россия — зловонная падаль, на которую набросилось воронье»¹¹ — и конец совершенно недопустимый, где Христос в нищем виде бродит по нашей стране и народ это поймет, упадет на колени, раскается и будут кричать: «Раввуни!»¹² — что это такое? То, что старик Булгаков такую хреновину написал, Бог ему судья, но зачем это цитировать, ставя себя в идиотское положение и не понимая органически, что можно и чего нельзя? В частности, какому русскому, советскому или эмигранту, понравится или покажется верным сравнение России со «зловонной падалью»?

Полемику с нью-йоркской редакцией возобновлять нет смысла, но дело в том, что выработалась рутина, дескать, наши программы хороши и все должны идти. А в самом деле, как Вы мне писали — совершенно справедливо — все «исписались до дыр», да кроме того, и писали-то не Бог весть как. Во время моего отсутствия прошел текст Завалишина о Мальро.¹³ Я его не видел, но задаю себе вопрос: т. к. книга Мальро «Антимемуары»¹⁴ вряд ли успела быть переведена на русский язык, а Завалишин никакого другого не знает, — то как он об этом писал? Вдохновленный Святым духом? Но так или иначе, постараюсь в дальнейшем максимальное количество нью-йоркских программ пропускать, никого обижать не хочу, да и кормиться людям тоже нужно. В своих объяснениях Петровская,¹⁵ — которая, вообще говоря, не такая уж дура, — простодушно пишет, что ее программа точно соответствует каким-то инструкциям, такой-то раздел, такой-то параграф — святая женщина, забывающая о том, что если программа плохая, то никакое соответствие ничему не поможет. А Ваш ответ я читал с истинным удовольствием — не потому, что я был бы согласен с Вашими возражениями, а потому, что Вы героически защищаете Ваших сотрудников, хотя цену им знаете не хуже меня. Это так и полагается, правильно и заслуживает уважения, хотя, повторяю, что убежден в том, что «сами все знаем», чего тут хитрить? Теперь так: представьте себе, что Вы лично писали бы о Ржевском — чисто теоретическое предположение, конечно, — написали бы Вы, как Ильинский? Уверен, что нет.

Ну, хорошо. Живем по-прежнему, из кулька в рогожку, вечерами пишу иногда свой бесконечный роман, кое-что читаю — по-французски или по-английски чаще всего — езжу на станцию, гуляю и думаю, что Вы правы — иронии и насмешке цена небольшая, это самая легкая вещь и не в этом дело, на этом далеко не уедешь. Когда я пишу «для себя», этим не злоупотребляю, — как Вы, вероятно, знаете. И людей надо жалеть, в этом Вы тоже правы. Это все я Вам пишу частным образом и в личном порядке, а не редакторском, будь он неладен. Ф<аина> Д<митриевна>, слава Богу, все в порядке, жаловаться не приходится. У меня неблагополучно — будильника по утрам не слышу и большой аппетит, нехорошо. А в остальном как будто ничего.

Элли Карловне сердечный привет от Ф<аины> Д<митриевны> и меня. Крепко жму руку.

Сердечно Ваш Г. Газданов.

P. S. Хорошо писали раньше: «прошу верить глубокому моему уважению и таковой же преданности. Готовый к услугам...» — Лестно.

¹ Л. Динеш упоминает, в частности, созданную Газдановым в 1964 году серию передач «О книгах и авторах». См.: *Газданов Г. Выступления на Радио «Свобода» (1960-е — 1971)* // Газданов Г. Собр. соч. Т. 4. С. 692.

² Примечательно, что уже 3 мая 1968 года Газданов пишет Ржевскому: «В нашей программе намечена серия под условным названием „Дневник писателя“. Мы предполагаем привлечь к участию в ней Вас, Адамовича, Вейдле, Хомякова, может быть, еще Иваска» (Там же. Т. 5. С. 692). Как известно, серия передач «Дневник писателя», действительно запущенная в 1968 году, стала одним из наиболее удачных и продолжительных радиопроектов Газданова.

³ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, литературный критик, основатель «парижской ноты».

⁴ Под своим обычным псевдонимом «Георгий Иванович Черкасов» Газданов провел несколько радиопередач в жанре «беседы за круглым столом». В данном случае имеется в виду беседа «Литературная критика в России», которая вышла в эфир 30–31 июня 1970 года. См.: *Газданов Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 450–464.

⁵ Так иронически Газданов называет профессора Калифорнийского университета, автора книги «Русская литература в изгнании» Глеба Петровича Струве (1898–1985).

⁶ Струве Никита Алексеевич (1931–2016) — исследователь культуры и литературы русской эмиграции, автор монографии об О. Э. Мандельштаме, переводчик, издатель, с 1978 года до самой смерти — руководитель издательства «YMCA-Press».

⁷ «Комментарии» — последняя (1967), во многом итоговая книга Г. В. Адамовича, составленная из заметок и статей, написанных ранее и «разбросанных» в эмигрантской периодике 1920–1960-х годов.

⁸ «Из глубины. Сборник статей о русской революции» (1918). Сборник продолжал традицию социально-философской мысли, начатую сборниками «Проблемы идеализма» и «Вехи», включал в себя статьи виднейших философов, ученых, писателей, богословов о судьбах русского общества и государства, о Февральской и Октябрьской революциях. Среди его авторов были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Вяч. И. Иванов, П. Б. Струве, С. Л. Франк и др. Горячая полемическая направленность опубликованных под одной обложкой материалов привела к тому, что сборник был запрещен, почти весь его тираж был изъят из обращения и уничтожен. Впервые сборник был переиздан в Париже в 1967 году в издательстве «YMCA-Press». В России он был переиздан лишь в 1990 году.

⁹ Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) — эмигрант второй волны, писатель, журналист, автор книги «Освобождение души» (1952).

¹⁰ По-видимому, речь идет о передаче или программе М. М. Корякова.

¹¹ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — русский философ, богослов, православный священник. В данном случае цитируется его работа, написанная в форме философско-публицистических диалогов, вошедшая в книгу «Из глубины». См.: *Булгаков С.* На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // *Из глубины: Сборник статей о русской революции.* М., 1990. С. 91.

¹² Раввун! («наш учитель!», *сиро-халдейск.*) — обращение учеников к Иисусу Христу.

¹³ Мальро Андре (1901–1976) — французский писатель, философ, участник Сопrotивления, министр культуры Франции в 1960-е годы.

¹⁴ «Антимемуары» (1967) — автобиографическая книга А. Мальро.

¹⁵ Очевидно, имеется в виду Тамара Петрова (наст. имя Тамара Петровна Петровская) — диктор Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

13

Г. А. Хомяков — Г. И. Газданову

5 декабря 1967 г.
Нью-Йорк.

Дорогой Георгий Иванович,

с удовольствием и удовлетворением, если «выразаться» смесью разных штилей, прочитал Ваше письмо. Конечно, во многом мы смотрим на вещи не только «хладно», но и одинаково, но кое в чем и расходимся, что тоже и не беда, и естественно. Часть расхождений, на мой взгляд, — из-за неполного знания условий, обстановки, и только о них, пожалуй, и стоит говорить.

Вы вот упомянули о передаче о книге Мальро, — нет, делал ее, вернее написал гору сырья, человек знающий, профессор и чуть ли не друг Мальро, — но написал таким суконным языком, что руки у меня опустились, когда увидел я этот «скрыпт». О книге я слышал, кое-что читал о ней и, конечно, не взял бы этого «писания» или не заказывал бы этому лицу, — но кто же меня спрашивает? Тут же почти все академики, как и в Мюнхене, и каждый считает (вернее, боится, что его не будут так считать) себя выше вас. Приехав, я было, ничтоже сумняшася,¹ стал править скрыпты, соображаясь лишь с требованиями языка, здравого смысла и прочих таких же категорий, — Бог мой, что тут поднялось! Даже явно неграмотные возмутились и побежали жаловаться, говоря, что они в этих делах собаку съели, а он, т. е. я, с этим считаться не желает.

И пришлось мне плюнуть и сказать: а идите вы к дьяволу, со всеми вашими печенками больными. И виноват оказался я же: не умею «подойти к людям». Но как же к ним еще «подходить», если часть их просто неграмотна, часть если и грамотна, то в журналистике ничуть не искушена и т. д.?

Тем не менее, «подходить надо».

И надо потому, что — кто же иначе будет писать? Ведь кадило раздули большое, полагая, очевидно, что делать передачи можно и с людьми, для этого неприспособленными. Сколько у нас действительно пишущих людей, журналистов, писателей, которые к тому же знали бы и русскую грамоту? Раз, два — и обчелся, как говорят. В то же время есть «план», и передачу к сроку вынь да положь.

Так и с Мальро: заставил я переделать раз, два, на третий выбросил всю глупость, оставил лишь «информацию» о книге — и решил, что лучше ограничиться именно информацией, чем давать ерунду. И это — в последний, что называется, час, когда ее надо было уже отправлять.

План, раздутое кадило, отсутствие каких-либо «резервов», полуграмотная или некомпетентная публика, — все это вместе и объясняет, почему наша станция дает столько скучного, серого, дрянного материала (об этом я не раз и в Мюнхене говорил). Но что же сделаешь? Нет сомнения, что если бы мы передавали в два раза меньше материала, но действительно интересного, живого, это было бы куда эффективнее, чем сейчас. Но кто же позволит нам сократить программу? Тогда ведь и бюджет придется сокращать, — вещь совершенно немыслимая.

Так что, все одно за другое цепляется. Станция обюрокращена «с ног до головы», — а всякая бюрократия работает прежде всего для себя самой, а потом уже — «на общее дело». Так получается и на станции. И мера в этом случае может быть только одна: в первую очередь с точки зрения потребности бюрократии.

Все это, однако, Вам известно не меньше, чем мне. Между прочим — и все это действительно только «между нами»: не может быть решительно никакого толка, если не «между нами», — получится разве лишь «отрицательный толк».

А вот относительно передач о писателях я с Вами не соглашусь. Да, конечно, и Ржевский, как и все другие наши нынешние писатели — не Толстые, не Бунины, Чеховы и т. п. Но этими мерками и не надо мерить, и было бы мерить сейчас неверно, — и я думаю, что Вы тут как бы неправомочно предъявляете, или собираетесь предъявлять слишком высокие требования. Да и во все времена была «средняя» литература, — почему же отказывать ей в праве на существование сейчас? И Адамовича тут не нужно беспокоить, — он и так пишет, и лучше, если будет занят своими темами, для станции же, и наши нынешние «средние» просто не для него, ему и неинтересно ими заниматься. Тут некое сравнение может быть только одно: с сов<етской> литературой и писателями, — с Ефимами Зозулями на Ваш взгляд, хотя, конечно, прямого сравнения проводить совсем не надо, какого бы то ни было. И вот подобных «средних» прозаиков и поэтов у нас наберется десятка полтора, думаю, а если прибавить Адамовича, Вейдле, Зайцева,² то и еще больше (пожалуй, даже человек 25), иначе говоря, на полгода передач. Интерес к эмиграции в России есть безусловно, — почему же нам об этом не говорить?

Мнения, что кроме «Из глубины» ничего нет и недостойно передачи, я никак не разделяю. Это тоже снобизм известного рода, высокомерие, нам совершенно не нужные. «Комментарии» Адамовича я необычайно ценю и к нашим передачам о них в «Книжной полке»³ я даже приписал, что эта книга — наиболее значительная в русской литературе за целый ряд лет. Но это Адамович, и другого такого Адамовича у нас нет, — надо заниматься и «меньшими явлениями», вопрос только в том, чтобы делать это основательнее, без крика, фанфар и т. п. У Ильинского, кстати, и не было фанфар, а что пишет он тяжело, что же сделаешь — и не будешь же все скрипты переписывать на свой лад. В общем, я думаю, что за эти передачи следовало бы приняться, поговорите у вас в «офисах». Между прочим, то, что делали прежде — это были передачи совсем в другом духе и отнюдь не о всех писателях, а лишь о некоторых, да еще с «серебряковыми завихрениями».

Вы чувствуете, как я пишу это письмо? На двух машинках и в течение уже двух дней. Поэтому и получается тягучая кишка.

«Мосты» тем временем продвигаются: есть уже более чем на три четверти материала, подойдет вскоре и последний. Опять будет том страниц на 400. О деньгах, дорогой, я ей-ей не намекал, — просто стонал почти по привычке. Думаю, что как-нибудь выкрутимся и с деньгами. В личном плане «Мосты» у меня, конечно, служат и вроде прибежища, хотя тихой пристанью их не назовешь. Тут один дурень однажды сказал, что, дескать, «Мосты» нужны мне «для важности», для придания ее моей персоне, — но дурень он дурень и есть. Где-то и в какой-то мере, разумеется, это и «потешение печенки самолюбия», но этим ведь дело отнюдь не исчерпывается. При всех условиях, они нужны и важны, а это главное, при всем хладно-рассудочном и даже циничном отношении. А в тутошной, да и вообще кутерьме нынешней — конечно, это прибежище.

Однако, письмо в самом деле превратилось в какой-то монстр, а не письмо. Принимайте наши приветы, Фаине Дмитр<иевне> (она тоже в Мюнхене?) и Вам, и живите благополучно,

Ваш

¹ Ничтоже сумняшеся (*церк.-слав., книжн. ирон.*) — нисколько не сомневаясь (*Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: В 2 т. / Под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск; Greifswald, 2009. Т. 2. С. 94.

² Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — эмигрант первой волны, русский писатель, переводчик. Автор романов «Золотой узор», «Дом в Пасси», тетралогии «Путешествие Глеба», беллетризованного жития «Преподобный Сергей Радонежский», биографических книг о Тургеневе, Жуковском и Чехове.

³ По-видимому, одна из передач Нью-Йоркского отделения «Радио Свобода».

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-215-218

© Т. С. Царькова

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА (ФОНД АЛЕКСАНДРА МОРЕВА)¹

Прошедший 2018 год и первая половина года 2019-го стали весьма успешными для Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН с точки зрения новых приобретений. В результате проведенной работы по комплектованию было принято на хранение 85 новых поступлений.

В апреле 2019 года инженер-кораблестроитель и поэт Анатолий Филиппович Домашёв передал в дар Пушкинскому Дому обширный фонд поэта, прозаика и художника

¹ В этом номере журнала мы впервые публикуем материалы о последних поступлениях в Рукописный отдел Пушкинского Дома. В отличие от постоянного раздела «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» (см. рубрику «Новые поступления в Рукописный отдел Пушкинского Дома»; электронная версия выпусков «Ежегодника...», начиная с первого, 1969 года, доступна по адресу: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/ежегодник-рукописного-отдела-пушкинского-дома>; дата обращения: 31.07.2019), в котором перечислительно приводятся имена дарителей и выносятся благодарности им, а также справочно, предельно кратко дается исчерпывающий список поступлений; в этом сообщении, которое видится нам ежегодным, предполагается останавливаться на одном или двух самых значительных архивных приобретениях — будь то фонд или коллекция, может быть, и не именитого владельца, но содержащие документы, представляющие интерес и открывающие перспективы для исследователей-гуманитариев.

Александра Сергеевича Морева (настоящая фамилия — Пономарев, 1934–1979). Как известно, поэт — это не только талант, мастерство, но и биография. Жизнь и судьба Морева незаурядны. Он родился в Ленинграде, на Васильевском острове, ребенком пережил блокаду, чудом выжил — на его глазах в один месяц 1942 года от голода умерли мать, бабушка, младший брат. Всего блокада унесла 12 его родственников. Болевая тема пережитой войны будет постоянно звучать в его стихах:

Я принял блокадной стужи холод,
я видел морга мертвый покой,
меня, как волка, воспитывал голод,
и смерть, как мать, звала за собой!²

Сироту приютила тетя Анастасия Ивановна, ставшая до конца своей жизни его ангелом-хранителем. Отец вернулся с фронта инвалидом, жил отдельно, завел новую семью. Всю войну Саша учился в 30-й школе — она работала — много увлеченно рисовал, поэтому, когда из эвакуации вернулась средняя Художественная школа при Академии художеств, перешел туда, но посещал ее только два года — дисциплинарные нормы угнетали его, не системный он был человек.

Известность в неофициальной литературной среде пришла к Мореву в 1960 году, когда на Первом городском турнире молодых поэтов для большой аудитории он прочитал вызывающе смелые, шокирующие слушателей стихи, столь откровенные, что на многие годы вперед перед поэтом закрылись двери всех ленинградских редакций, а решением жюри ему и другому участнику Иосифу Бродскому были запрещены на два года публичные выступления. Но стихи, расходившиеся в списках, и их авторов знал литературный Ленинград. В этом турнире, как вспоминают современники, участвовали В. Соснора, А. Кушнер, Г. Горбовский — их признали победителями, — Р. Вдовина, Е. Кучинский, О. Тарутин, всего 30 выступающих.

Морев ходил в ЛИТО «Нарвская застава». В это время там встречались: уже названные нами Г. Горбовский, Р. Вдовина, А. Домашёв, а также Н. Рубцов, К. Кузьминский, Э. Шнейдерман, Б. Тайгин (наст. фам. Павлинов, его архив хранится в ИРЛИ, ф. 926), А. Базановская, И. Сергеева и другие литераторы. Но круг общения Морева был шире, он дружил с людьми старшего поколения: одним из создателей и теоретиков ленинградского самиздата и андеграунда в целом, философом, замечательным прозаиком Б. Ивановым, чей архив тоже находится в ИРЛИ (ф. 935), другими писателями — Г. Горышиным, В. Конецким, Г. Алексеевым (ИРЛИ, ф. 868) и мн. др. Незаурядность, личное обаяние, интеллигентность и доброта притягивали к Мореву, он умел дружить, именно к друзьям обращена его предсмертная записка.

В трудные для него 1960-е годы Морев перебивался случайными заработками: ночного сторожа на деревянном складе (позднее, в 1978 году — на водолазной станции на речке Ждановке), художника-маляра, художника-оформителя на заводах и фабриках — там же писал портреты рабочих-передовиков. В 1963 году познакомился с замечательным человеком — Борисом Федоровичем Семеновым — художником-графиком и литератором, заведующим художественным отделом журнала «Нева» (архив Б. Ф. Семенова был передан им в ИРЛИ (ф. 839) в 1990 году перед выездом из России; наряду с ценнейшими документами в этом собрании хранится и любительская фотография Морева). Благодаря Семенову началось внештатное, но регулярное, до конца жизни интенсивное и плодотворное сотрудничество Морева с этим журналом в качестве художника-иллюстратора. В том же качестве его эпизодически привлекали в журналы «Аврора», «Костер», «Искорка», его графическими работами и фотоколлажами проиллюстрировано несколько книг.

Живопись и графика Морева на официальных выставках не экспонировались. Он был участником знаменитой нонконформистской, короткой по времени выставки 1975 года в ДК «Невский», после которой, как пишет друг и биограф Морева — До-

² Морев А. Листы с пепелища: Стихи. Л., 1990. С. 41.

машёв — его «абстрактные» коллажи «Железная необходимость» и «Железное равновесие» подверглись уничтожительной критике в газете «Ленинградская правда».³

При жизни Мореву удалось опубликовать немногие стихотворения: в заводских газетах и в альманахах «Молодой Ленинград» (1966) и ленинградском «Дне поэзии» (1967, 1971); самиздатовских альманахе «Лепта» (1975) и журнале «Часы» (1976, № 4), у которых был ограниченный круг читателей, так же, как и у авторских самиздатовских сборников Морева «Пуля» (1962), «Сборник стихотворений» (1971, сост. А. Домашёв), «Листы с пепелища» (1977).

Так же происходило с прозой: вышло из печати в журналах «Нева», «Урал», «Звезда», «Простор» и в сборнике «Точка опоры» 5 рассказов, самиздатовский журнал «Часы» напечатал повесть «Раненый и трус» (1976) и рассказ «Для радости» (1978).

Морев упорно пробивался к читателю. В архиве хранятся десятки кратких, но однозначно категоричных отказов из самых «толстых» столичных и региональных журналов и книжных редакций. Были и положительные отзывы и высокие оценки: Л. Леонова, К. Паустовского, Л. Рахманова, М. Слонимского, Г. Горышина, В. Басинского и др., — но принципиально в творческой реализации и появлении в печати романа, рассказов и повестей они ничего не решили.

Это ранило, раздражало, ввергало в затяжные приступы депрессии и отчаяния. В один из таких безнадежно тяжелых дней 11 октября 1967 года поэт сжег во дворе своего дома все стихотворные рукописи. Позднее друзья собрали хранившиеся у них стихи — отсюда название сборника «Листы с пепелища» — но многое было утрачено безвозвратно. При акте сожжения присутствовал Б. Тайгин, он описал это трагическое событие в своем дневнике, но предотвратить его не смог.

Морев не дожид до перестройки, когда была отменена цензура. В ночь с 7 на 8 июля 1979 года он покончил с собой, бросившись в двадцатичетырехметровую шахту, вырытую на углу Наличной улицы и Шкиперского протока, на том же Васильевском острове, на котором прошла вся его жизнь.

Личный фонд А. С. Морева (№ 948) включает:

I. Его творческие рукописи: проза (1 переплет, 2 папки, россыпь — машинопись), значительная часть которой не опубликована.

Рецензии на прозу (1 папка).

Поэзия: сохранившиеся стихи (3 переплета, 1 папка, россыпь — машинопись, в том числе с авторской правкой, типографские и самиздатовские экземпляры).

Вырезки газетных публикаций и рецензий (2 папки).

Магнитофонная запись авторского чтения, требующая реставрации.

II. Художественно-изобразительные работы: портреты, автопортреты, пейзажи, шаржи, жанровые сцены, наброски, большая пушкиниана (11 папок, в том числе большого формата; акварели, тушь, гуашь, перо, карандаш, неустановленная оригинальная техника).

Комплект открыток с портретами поэтов Ленинградского фронта (1966, «Советский художник», тир. 52 000 экз.).

III. Письма А. С. Морева и к Мореву.

Письма к А. Ф. Домашёву о Мореве и увековечивании его памяти.

IV. Биографические материалы: воспоминания друзей (автографы и печатные, в том числе типографские экземпляры трех выпусков сборника «Венок другу», четвертый выпуск неопубликованный — машинопись, россыпь).

Эскизы надгробного памятника Мореву Г. Алексея и А. Домашёва (по последнему установлен на Южном кладбище Санкт-Петербурга с выбитой стихотворной цитатой-пророчеством:

Это слава, в шторме погибшая, — я!

Это слово, в штольне затихшее, — я!).

³ Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 644.

Этот конспект «крупногабаритной» передаточной описи, конечно, не может вполне отразить богатство и сложность личности поэта и художника, а также тяжести губительной, застойной удушливости 1970-х годов.

Прошло сорок лет со дня смерти Морева, пришло время пристального изучения его дисгармоничных в восприятии некоторых современников, но совершенно созвучных XXI веку живописи, прозы, поэзии:

РОССИЯ

Сына взяли, и мать больная.
В комнате солнечной темно.
На улице праздник — Первое Мая.
Вождем завесили ей окно.⁴

* * *

На колени нас, на колени!
И глаза, как костры, горят.
И стреляют в толпу поленья,
Бородинской битвой палят.

Наши души, как печи, растоплены,
а глаза, как дверцы, распахнуты.
Вечен я, как земля, растоптанный.
Вечен ты, как хлеб, залапанный.⁵

Архив, собранный Домашёвым, преданным другом и биографом поэта, автором неопубликованной книги «Гамлет русской поэзии», к такому изучению не только располагает, но обязывает, служит документальным фундаментом.

⁴ Морев А. Листы с пепелища. С. 63. Это стихотворение дважды печаталось за рубежом в сборниках И. А. Бродского под его именем.

⁵ Там же. С. 62.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-218-223

© С. Н. Полторак, © А. В. Зотова

ОН РОДОМ БЫЛ ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ, ИЛИ ГДЕ И КОГДА РОДИЛСЯ ДАНИИЛ ГРАНИН

О месте и дате рождения известного в России и за рубежом писателя Даниила Гранина не известно почти ничего. Может даже сложиться впечатление, что сам Д. А. Гранин немало этому поспособствовал. Или, как минимум, ничего не сделал для того, чтобы подтвердить или опровергнуть биографические сведения о себе.

Как показали исследования, впервые в печати биографические сведения о Гранине появились в одном из изданий библиотеки журнала «Огонек», в котором была опубликована повесть молодого автора «Спор через океан»,¹ выходящая в свет также под названием «Победа инженера Корсакова». В издании отмечалось, что Гранин родился в 1919 году. Составитель биографии, не зная, где родился писатель, написал

¹ Гранин Д. А. Спор через океан: Повесть. М., 1950.

уклончиво: «Даниил Александрович Гранин родился в 1919 году. Детство и юность провел в Ленинграде».²

В конце 1950-х годов издательство Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина осуществило солидный проект, выпустив многотомный библиографический указатель биографий отечественных прозаиков. Безымянный автор статьи о Гранине указал: «...родился 1 января 1919 г. в Ленинграде».³

К середине 1960-х годов популярность Гранина достигла едва ли не своей вершины. На разных языках народов СССР публиковались его произведения,⁴ ставились спектакли.⁵ Необычайно популярными его книги стали в социалистических странах, особенно в ГДР.⁶ Анализ его творчества посвящались критические статьи. Подошло время и подготовки основательного очерка, который написала известная журналистка и литературный критик О. С. Войтинская.⁷ Очерк, написанный талантливо, эмоционально, привлек внимание многих читателей и профессиональных литературоведов. Но к сожалению, он во многом способствовал тому, что утвердился миф: Гранин родился в 1919 году,⁸ поддержанный, например, в публикации А. Н. Старкова,⁹ а также в словнике «Краткой литературной энциклопедии».¹⁰

С началом перестройки в Советском Союзе стали активно выходить в свет многочисленные справочные издания, в которых публиковались биографические сведения об отечественных прозаиках и поэтах. В 1985 году В. С. Бахтин выпустил книгу, в которой публиковались как автобиографии, так и биографии ленинградских писателей-фронтовиков.¹¹ В автобиографии Гранин указал: «Гранин Даниил Александрович. 1.1.1919, Вольск».¹² Как известно, районный город Вольск находится на Волге, в Саратовской области.

Однако знающие люди отстаивали сведения о том, что Гранин родился в Волыни. В вышедшем в 1988 году русском переводе «Лексикона» В. Казака указано: «1.1.1919, Волынь».¹³ С этим мнением были согласны составители «Российской еврейской энциклопедии» (1994), отметившие в качестве места рождения писателя Волынь Курской области, но при этом годом рождения назвавшие 1918-й.¹⁴

В 1998 году возникла попытка достичь неожиданного компромисса в определении даты и места рождения Гранина. В библиографическом словаре «Русские писатели, XX век» отмечено, что Гранин родился 1 января 1919 года в Вольске Курской области.¹⁵ Представляется, что такая исследовательская «диффузия» еще больше запутала представления не только о биографии писателя, но и о географии, поскольку волей создателей справочника город Вольск был перенесен из Саратовской области в Курскую.

² Там же. С. 2.

³ Русские советские писатели-прозаики: Библиографический указатель. Л., 1959. Т. 1: Авдеенко–Жестев. С. 571.

⁴ См., например: *Graninas D. Skrendu į audrą*. Vilnius: Vaga, 1964.

⁵ См.: *Teātrisundzīve X. Almanahs*. Rīga: Liesma, 1966.

⁶ *Granin D. Bahnbrecher: Roman* / [Aus dem Russischen übers. von E. Margolis]. Berlin: Dietz, 1961.

⁷ *Войтинская О. С. Даниил Гранин: Очерк творчества*. М., 1966.

⁸ См.: Там же. С. 4.

⁹ *Старков А. Н. Нравственный поиск героев Даниила Гранина*. М., 1981. С. 5.

¹⁰ Проект словника литературного энциклопедического словаря (рукопись для обсуждения). [М., 1959]. С. 53.

¹¹ Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Автор-сост. [и автор предисловия] В. Бахтин. Л., 1985.

¹² Там же. С. 115.

¹³ *Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года* / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихина. London: Overseas Publications Interchange, 1988. С. 234. В дополненном издании 1996 года сведения о дате и месте рождения Гранина остались те же (*Казак В. Лексикон русской литературы XX века*. М., 1996. С. 113).

¹⁴ Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. М., 1994. Т. 1: Биографии. А–К. С. 224.

¹⁵ Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 1998. Ч. 1: А–Л. С. 392 (автор статьи И. С. Кузьмичев).

Сведения о том, что Гранин родился в Вольске Курской области, были повторены дословно в новом словарном издании того же авторского коллектива (2005),¹⁶ а также в специализированном энциклопедическом словаре, выпущенном в 2015 году.¹⁷

Трудно сказать, какими путями доходили до издателей сведения о гранинской биографии, но некоторые из них добавляли свой скромный «кирпичик» в дело ее строительства. Так, в «Большой российской энциклопедии» уточняется, что Гранин родился в *селе* Волыни Курской области;¹⁸ таким образом, оказался определен статус населенного пункта, ставшего колыбелью известного литератора.

Если большинство справочных изданий, публиковавших биографические сведения о Гранине, представляли собой книги, содержавшие данные о писателях, поэтах и драматургах, то встречались и такие, которые формировались совсем по другому принципу. Например, выходили справочники, в которых печатались сведения о знаменитых людях, имевших отношение к различным учреждениям. Известно, что Д. А. Герман (настоящая фамилия писателя Гранина) до четвертого курса учился в Ленинградском электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина), а завершил свое обучение в Ленинградском индустриальном институте, более известном как Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина. С благодарностью вспоминая своих выпускников, петербургские политехники в 2006 году выпустили солидное издание, посвященное знаменитым людям, учившимся в этом вузе в разные годы. Разумеется, была в нем и биографическая статья о Гранине. Составители не были оригинальными, утверждая, что «Д. А. Гранин (Герман) родился 1.1.1919 г. в г. Вольске Саратовской губернии».¹⁹

Трудно сказать, какими источниками пользовались составители знаменитого справочника «Who is who в России», когда впервые заявили в печати о том, что Гранин родился «31.12.1919, с. Волын, Курская губ.»,²⁰ но их сведения во многом отличались от данных предшествовавших изданий. Кроме того, они сделали писателя на год, а по сравнению с некоторыми указаниями и на два, моложе.

Населенный пункт с романтическим названием Волынь привлекал внимание многих издателей. Правда, некоторые считали, что будущему знаменитому писателю родиться в селе как-то неприлично. Возможно, по этой причине издатели сборника публицистики Гранина решили даровать несуществующей Волыни статус поселка.²¹

Возможно, одно из последних «открытий» в поиске сведений о дате и месте рождения Гранина содержится в биографической энциклопедии с претензионным названием «Великая Россия». В одном из ее томов сообщается, что писатель родился 1 января 1919 года в г. Вольске Саратовской губернии.²²

Обращения авторов статьи в архивы Саратовской и Курской областей с просьбой разыскать хоть какие-либо сведения о дате и месте рождения Д. А. Германа результатов не дали. Сотрудники Государственного архива Курской области высказали предположение, что в силу изменения административных границ Курской области населенный пункт Волынь мог оказаться в составе Орловской или Липецкой областей. Обращение в государственные архивы этих областей также результата не принесло: сведений ни о Гранине, ни о его родителях в них нет.

Еще больше путаницы в изучение биографии писателя вносят его интервью. Однажды ему был задан вопрос: «Вы родом не из Ленинграда, как многие думают, а из

¹⁶ Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. Т. 1. С. 552 (автор статьи И. С. Кузьмичев).

¹⁷ Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп.: В 3 т. СПб., 2015. Т. 1. С. 603 (автор статьи И. С. Кузьмичев).

¹⁸ Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 627 (автор статьи М. А. Раевская).

¹⁹ Санкт-Петербургский государственный политехнический университет: Биографии. СПб., 2006. С. 205.

²⁰ Who is who в России. М., 2010. Вып. 4: Энциклопедия личностей. С. 601.

²¹ Гранин Д. А. Интеллекнды: Статьи, выступления, эссе. СПб., 2015 (на последней странице суперобложки).

²² Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». СПб., 2016. Т. 23. С. 118.

городка Вольск Саратовской области. А давно там были?» Гранин сказал: «Давно... Это совсем раннее детство»,²³ чем, по существу, подтвердил факт своего рождения в г. Вольске. В интервью «Курской правде» Гранин говорил, что родился в Курской губернии.

Для того чтобы выяснить, где и когда на самом деле родился Даниил Герман, следует представить себе исторический контекст начальных лет его жизни. В первые месяцы и годы советской власти жителям страны часто было не до выправления документов. Да и чиновники молодой республики не особо отличались квалифицированностью и добросовестностью в подготовке свидетельств о рождении, паспортов. Тогда больше доверяли наспех выписанным мандатам, исполненным на случайном клочке бумаги. О паспортах и уж тем более о свидетельствах о рождении думали мало. Не очень-то совмещались эти документы с хаосом революции и Гражданской войны. В послевоенное время, в 1920–1930-е годы, в Советском Союзе началось массовое «восстановление» документов. «Восстанавливали» чаще всего со слов самого будущего владельца. В лучшем случае привлекали «свидетелей», что далеко не всегда повышало достоверность информации, содержащейся в документах.

В 1935 году Даниилу Герману был выписан дубликат свидетельства о рождении. Почему дубликат? А где же подлинник? На этот вопрос нет ответа. Скорее всего, его и не было никогда. В 1935 году Д. А. Герман окончил среднюю школу, собирался поступать в институт, куда без паспорта и свидетельства о рождении не принимали. Вероятно, как и многие другие советские граждане, близкие Даниила «подсутились», чтобы абитуриент мог получить необходимые документы. В результате появился «дубликат» не существовавшего ранее оригинала. Этот дубликат в настоящее время хранится в архиве Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. В документе записано, что Д. А. Герман родился 1 января 1918 года в Волыни Курской области.²⁴ Никто даже не задумывался над тем, что в Курской области никогда не существовало населенного пункта под названием Волынь. Более того, и сама Курская область была образована только в 1928 году, а до того была губернией.

В июле 1935 года абитуриент Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина) Даниил Герман собственной рукой заполнил Заявление-анкету, в которой написал, что родился 1 января 1918 года.²⁵ Такую же дату своего рождения он указал собственноручно в автобиографии при поступлении на работу в Ленэнерго 15 ноября 1944 года.²⁶

Но и эта дата рождения будущего писателя сомнительна. В 2010 году Гранин в книге «Все было не совсем так» еще больше запутал историю своего рождения. О дате своего рождения он писал от третьего лица: «...он, словно нарочно, появился именно под Новый год, причем данные расходятся: то ли он все же успел проскочить до боя часов, то ли после».²⁷ Не следует забывать, что наступавший 1918 год в стране праздновали еще по старому календарю. Так что, скорее всего, Гранин родился примерно 16–17 декабря 1917 года, если считать по новому стилю.

О наиболее вероятном месте рождения Даниила Германа еще в 1922 году была сделана запись в одной из домовых книг Петрограда, сообщавшая, что будущий писатель родился в г. Вильне (современный Вильнюс. — С. П., А. З.) в 1918 году.²⁸ Запись могла быть сделана со слов отца Даниила Александровича — Александра Даниловича, или мамы — Анны Захаровны.²⁹

²³ *Соснов А.* «Я помню...» // Литературная газета. 2004. 14–20 янв. № 1 (5955).

²⁴ Архив Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 6.

²⁵ Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 1.

²⁶ Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 1.

²⁷ *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. М., 2010. С. 7.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. № 890. Л. 109 об. — 110.

²⁹ Архив Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 6.

Время от времени Гранин сам забывал, что он родился то ли в Курской, то ли в Саратовской губернии, и «вспоминал» третье место своего рождения — Кингисеппский район Ленинградской области (правда, тогда это была Петроградская губерния, а будущий город Кингисепп до 1922 года назывался Ямбургом): «1919 год, год моего рождения — в тех местах еще догорала Гражданская война, свирепствовали банды, вспыхивали мятежи. Они (родители. — С. П., А. З.) жили вдвоем в разных лесничествах где-то под Кингисеппом».³⁰

Итак, существуют четыре версии места рождения Даниила Гранина. Какую же из них можно считать наиболее близкой к истине?

Населенного пункта Волынь (Волын) в Курской, Орловской и Липецкой областях никогда не было. Документы не подтверждают и факт рождения Д. А. Германа (Гранина) в районном центре Вольске Саратовской губернии. Версия рождения под Ямбургом (Кингисеппом) выдвинута, но не подтверждена самим писателем. Но есть официальный архивный документ — домовая книга 1922 года, — в котором его местом рождения назван город Вильна, будущий Вильнюс.

Почему же в последующие годы не было упоминания о Вильне? И насколько велика вероятность того, что писатель родился в будущей столице Литвы? Не будем забывать, что, судя по многим воспоминаниям самого Гранина, его родители познакомились в 1917 году именно в Вильне. Мама, как известно, была родом из Вильны,³¹ где жила и работала белошвейкой. В то время Александр Данилович еще был женат первым браком. Жена вместе с дочерью проживала в то время в Киеве. Писатель не однажды отмечал, что у его родителей случился бурный роман, после которого отец развелся со своей первой женой и женился на Анне Захаровне. Скорее всего, пока влюбленный в молодую белошвейку А. Д. Герман занимался в Киеве бракоразводными делами, Анна Захаровна дожидалась его в своем родном городе, где ей суждено было родить сына.

Ситуация вполне обычная, хотя и трудная: одна семья рушилась, другая создавалась. Усугублялась она революцией и войной, но любовь никогда не интересуется политической обстановкой.

Что мешало Гранину в дальнейшем писать в документах, что он был рожден в Вильне? В первую очередь то обстоятельство, что Вильна (с 1919 года — Вильнюс, с 1939 года — Вильнюс) в момент его рождения была оккупирована войсками кайзеровской Германии. В дальнейшем в Вильне, как и на всей территории будущей независимой Литвы, политические события стремительно менялись. Город занимали то Войско Польское, то Красная армия. Над жителями Литвы тогда постоянно ставили политические эксперименты. В 1918 году она чуть было не стала королевством. С июля по ноябрь 1918 года велась активная работа по приведению в Литве к власти будущего короля — германского принца В. фон Ураха, которого даже успели наречь Миндаугсом (Миндовгом) Вторым. И стала бы Литва королевством, если бы Германия не потерпела поражение в Первой мировой войне. Потом Литву искусственно пытались соединить с Белоруссией в государство, просуществовавшее меньше года, а в 1922 году на 17 лет она вошла в состав Польши. Как известно, в 1940 году Литва стала советской республикой, а ее столицей был определен город, получивший новое название — Вильнюс.

А теперь попытаемся представить себе, как в 1920–1930-е годы сложилась бы жизнь Даниила Германа, если бы в его документах значилось, что он родился на территории Литвы, оккупированной немцами, а потом принятой в лоно Польши? Какие перспективы могли ожидать такого человека? Скорее всего, незавидные. Не могло быть в Советском Союзе доверия к человеку — выходцу не то из Германии, не то из Польши. Проще было родиться в каком-нибудь мифическом селе или поселке Волыни, тем более что название было на слуху. Долгое время на Северо-Западе Украины существовал крупный регион под таким названием.

³⁰ Гранин Д. А. Автобиография // Гранин Д. А. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1980. Т. 3. С. 4.

³¹ Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 1.

Заметим, что в Петроград семья Германов переехала в 1922 году. Откуда переехала — неизвестно. Сам Гранин туманно писал об обстоятельствах, которые заставляли его семью кочевать в годы Гражданской войны. Но четырехлетний ребенок и не мог помнить каких-то подробностей. На рассказы родителей о том периоде жизни семьи писатель никогда не ссылался. Скорее всего, родители вместе с ним перебрались из Литвы в Петроград после того, как рухнуло марионеточное польское государство Срединная Литва, в котором г. Вильно был столицей. Первое время семья Германов могла себя позиционировать в Петрограде в качестве беженцев. Возможно, на бытовом уровне это даже вызывало сострадание и понимание чиновников низшего звена, таких, например, как работники жилконтор. Но уже скоро «гражданская бдительность» стала неотъемлемой частью советской идеологии. О превратностях судьбы беженцев из Литвы могли забыть, а вот сомнения по поводу политической благонадежности в сознании бдительных товарищей могли укрепиться. Разумнее было бы «обнулить» ситуацию, забыть на время о переезде из польско-литовских краев, тем более что неоднозначные итоги Советско-польской войны 1920 года не укрепляли доверия к выходцам из тех мест.

Почему для постоянного места жительства Германов выбрали именно Петроград? Потому что он находился недалеко от Вильно: в него можно было перебраться с минимальными материальными затратами.

В те годы из Прибалтики в Петроград была «протоптана» надежная дорожка, по которой в недавнюю российскую столицу перебирались бывшие жители провинций Российской империи, располагавшие на это средствами. Из Эстонии, Латвии и Литвы от германской оккупации в 1918 году успели бежать многочисленные общества взаимного кредита (ОВК), имевшие значительный капитал и надежную клиентуру. За ними при первой возможности потянулись энергичные люди, рассчитывавшие на поддержку ОВК. Среди них был и А. Д. Герман, получивший осенью 1922 года в Первом обществе взаимного кредита сумму в размере 900 млн руб. на организацию изготовления и продажи хлебулочных изделий в Петрограде.³² Но это, как говорится, уже другая история.

Таким образом, рассмотрев четыре версии места рождения Д. А. Германа, авторы считают: версии о том, что он родился в Волыни, Вольске и в районе Ямбурга (Кингисеппа) в 1919 году, документально не подтверждаются. Анализ документов убеждает в том, что Даниил Гранин (Герман) родился в середине декабря 1917 года (по новому стилю) в Литве, в г. Вильне (Вильнюсе).

³² ЦГА СПб. Ф. 1352. Оп. 11. № 448. Л. 4.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-223-224

© С. Б. Адоньева

ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ «РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ»

Существующий на базе АНО «Пропповский Центр» медиаархив представляет российскую повседневность XX — начала XXI века, запечатленную в устных биографических нарративах, разговорах «о жизни» и «случаях», в дневниковой прозе и семейных альбомах, в фотографиях интерьеров домов и записях пения, цифровых копиях объектов любительского искусства и детских рисунков. Биографическая часть собрания включает интервью, записанные во время антропологических полевых исследований в Северо-Западном регионе России, а также домашние фотоархивы, переданные «Пропповскому Центру». Эти материалы раскрывают такие феномены деревенской и городской культуры, как обыденные практики и представления, вокальные

традиции, ритуалы, праздники, промыслы, биография, народный дизайн, любительская фотография. К ним можно обращаться через поиск или через рубрикатор, с помощью которого материал структурирован по типу: аудио, видео, фото, расшифровка, аудио + расшифровка и проч. Кроме того, создан ряд дополнительных тематических рубрик, например: Процессы, куда входят материалы, которые категориально могут быть соотнесены с определенным действием или изменением положения дел (беседа, благословение, богослужение, выпас скота, выступление, гадание, гуляние, поклон, поминание и др.); Праздники — в том числе: 8 марта, годовщина Октябрьской революции, День города, День деревни, День пионерии, День пожилых людей, День рыбака, Детский праздник, Иванов день, Казанская и т. д. Географический указатель позволяет получить список всех материалов, связанных с определенной территорией, а рубрика Персоны — относящихся к конкретному лицу. В последнем случае имеются в виду те, кто играл разные роли при создании этого контента: собиратели, информанты, оцифровщики, расшифровщики, наконец, мастера и хранители (для рукотворных артефактов).

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-225

© О. А. Лекманов

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ГРАД В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ИМЕЛОСЬ»

Пастернаковская поэма «Высокая болезнь» (1923, 1928) начинается со стиха, описывающего ход жизни, ход истории: «Мелькает движущийся ребус...»¹

Что такое ребус? Согласно словарю Брокгауза и Ефрона, это «загадка, состоящая из изображений разных предметов (часто вперемежку с буквами, цифрами и музыкальными нотами), названия которых не обозначают понятий, выражаемых подлежащими разгадке словами, но сходны с ними по произношению или созвучию».²

В этой короткой заметке я бы хотел обратить внимание читателя на ребус, который, как кажется, был вставлен Пастернаком в стихотворение «Имелось» (1917?), вошедшее в его книгу «Сестра моя — жизнь» (1922).

Как известно, в «Сестре моей — жизни» отразился роман Пастернака с Еленой Виноград, чье имя прямо вынесено в заглавие одного из циклов книги — «Елене». Нельзя ли предположить, что ее фамилия, которую поэт из деликатности упоминает на страницах «Сестры...» не стал,³ была по принципу ребуса зашифрована в четвертой строфе стихотворения «Имелось»? Первая часть ребуса, занимающая два стиха: ВИНО («То, застя двор, водой с винцом / Желтил песок и лужи...»). Вторая часть ребуса, занимающая еще два стиха: ГРАД («То с неба спринцевал свинцом / Оконниц полукружья»). При этом две главные составляющие пастернаковского «ребуса» рифмуются друг с другом (винцом — свинцом).

В соответствии с правилами ребуса для двух частей фамилии «Виноград» были ис-

пользованы два разных типа шифровки. *Вино* упоминается прямо, только в уменьшительной форме («винцо»), и входит, таким образом, в перечень винных и виноградных образов стихотворения «Имелось»: «...пахнул винной пробкой» — «Брильянты, хмурясь, висли, / По захладелости на вкус / Напоминала рислинг» — «То, застя двор, водой с винцом» — «Есть марки счастья. Есть слова / Vin gai, vin triste, — но верь мне, / Что кислица — травой трава, / А рислинг — пыльный термин» (1, 158). А вместо *града* Пастернак показывает читателю словесную картинку.

Мотивы *вина* и *винограда* в стихотворении «Имелось» связал с фамилией возлюбленной поэта в своей прекрасной работе о Пастернаке А. К. Жолковский,⁴ а вот *града* исследователь не заметил, т. е. он в данном случае отгадал первую половину «ребуса».

Если моя догадка верна, то зачем этот «ребус» понадобился поэту, кроме понятного желания поименовать в стихотворении и книге ту, для кого она писалась? Затем, что главный принцип ребуса (замещение понятия или явления серией картинок) был положен в основу многих строф «Сестры моей — жизни», если не поэтики раннего Пастернака в целом. Напомним, что одно из стихотворений книги, в котором картинкой (фотографией) подменяется возлюбленная, так и называется — «Заместительница».

Замещающая серией природных картинок в стихотворении «Имелось» (точнее, в первых шести его строфах) Елену Виноград и ее фамилию, Пастернак в очередной раз передал то свое ощущение от лета 1917 года, в котором писалась книга «Сестра моя — жизнь». В отброшенной главке из автобиографического очерка «Люди и положения» (1956) он вспоминал, что всеобщность тогдашнего революционного подъема «стирала границу между человеком и природой» (3, 532).

Приношу глубокую благодарность Александру Алексеевичу Долинину за подсказки и замечания.

¹ Пастернак Б. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М., 2003. Т. 1. С. 252. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

² Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 26: Рабочая книжка — Резолюция. С. 416.

³ «Она вышла за другого», — ретроспективно подвел Пастернак итог своим взаимоотношениям с Еленой Виноград в письме к М. Цветаевой от 25 марта 1926 года (1, 453).

⁴ Жолковский А. К. Поэтика Пастернака. Инварианты. Структуры. Интертексты. М., 2011. С. 128, 129, 131.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-226-229

© Н. В. Савельева

ФРОЛ СКОБЕЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

В литературном наследии русского Средневековья и раннего Петровского времени имеется целый ряд необычных памятников, загадку которых ученые пытаются разгадать со дня их открытия и до нынешних времен. Так случилось с «Историей о росейском новгородском дворянине Фроле Скобееве и столнической дочери столника Нардина-Нащокина Аннушке» — рассказе о ловком пройдохе и выскочке, обманом женившем на себе дочь стольника и разбогатевшем, текст которого обнаружил в одном из рукописных сборников XVIII века И. Д. Беляев, разбирая в 1852 году архив М. П. Погодина. Вопросами датировки и литературной истории памятника, проблемами его поэтики и типологии, выявлением исторических прототипов и реалий, отраженных в тексте, занимались исследователи нескольких поколений. Историография памятника, получившего в научной традиции название «Повесть о Фроле Скобееве», обширна, многообразна и представительна; к тексту обращались замечательные ученые XIX–XX веков (Ф. И. Буславев, И. Е. Забелин, В. В. Сиповский, А. Н. Веселовский, М. О. Скрипиль, М. Н. Сперанский и др.) и современные исследователи, в числе которых достаточно назвать имена выдающихся филологов Ю. М. Лютмана и А. М. Панченко. Автору вновь вышедшей книги, несомненно, нужна была определенная отвага, чтобы сделать предметом своего научного интереса этот неординарный памятник литературы и суметь сказать о нем что-то новое, не отмеченное ранее. Е. В. Душечкина решилась на такой шаг еще тогда, когда впервые попыталась собрать свои накопленные материалы по анализу повести в учебных пособиях для студентов,¹ и полностью воплотила свой замысел в издании 2018 года. Книга Душечкиной несколько переадресует и существенно дополняет

первые опыты исследовательницы новыми разделами и материалами. Главное достоинство монографии состоит прежде всего в том, что она создана в лучших традициях академической науки и представляет собой классическое историко-филологическое исследование памятника.² Несмотря на то, что издание обозначено как научно-популярное, его популярность заключается только в принципах избрания списков для публикации повести в Приложениях. В соответствии со своей задачей познакомить читателя-неофита собственно с предметом исследования, автор завершает книгу не критическим изданием текста,³ а публикацией двух его наиболее отличных друг от друга редакций по изданным ранее спискам (РНБ. Собр. Погодина. № 1617; ГИМ. Собр. Забелина. № 536). С той же целью — представить повесть широкому кругу читателей — в книгу помещены привлекательные картинки из весьма популярного в свое время «псевдолобучного» цикла Б. И. Дунаева «Библиотека старорусских повестей».⁴

Монография Душечкиной включает в себя подробно изложенную историю изучения проблемы исследования (жанр бытовой повести переходного периода) и собственно объекта исследования («Повесть о Фроле Скобееве»); книга завершается исчерпывающей библиографией. Археографический раздел монографии

² Перспективность и востребованность таких изданий демонстрирует цикл монографических исследований памятников литературы Древней Руси и раннего Петровского времени, которые на протяжении десятилетий готовятся в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

³ Издание повести по известным к тому времени спискам было выполнено в 1934 году В. Ф. Покровской. См.: *Покровская В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве: По неизданному Тихохрановскому списку с вариантами по всем известным спискам* // ТОДРЛ. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 249–297.

⁴ Оригинал издания с иллюстрациями Н. О. Фреймана см.: *Дунаев Б. И. История о российском дворянине Фроле Скобееве. М., 1916* (Библиотека старорусских повестей; вып. 4).

* *Душечкина Е. В. Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре.* СПб.: Юолукка, 2018. 128 с., ил.

¹ Стилистика русской бытовой повести XVII века: Повесть о Фроле Скобееве. Учебный материал по древнерусской литературе. Таллинн, 1986; см. также: *Повесть о Фроле Скобееве: литературный и историко-культурный аспекты изучения.* Учебное пособие. СПб., 2011.

представляет обзор девяти сохранившихся списков повести и их характеристику, в специальных параграфах содержатся замечания по истории текста, предлагаются варианты решения вопроса о ее датировке и о среде, в которой она была создана, в этой связи особое внимание уделяется проблеме отражения в повести реалий русской повседневной жизни XVII века. Все эти разделы, традиционно присутствующие в работах о произведениях русской литературы, сохранившихся в рукописях, составляют малую толику исследования Душечкиной и позиционируются автором как историографическая часть, не претендующая на какие-либо новые самостоятельные выводы, например на полное восстановление истории текста. В то же время к текстологическим проблемам и вопросам о времени и месте создания произведения автор постоянно возвращается, характеризует стилистически неоднородные списки памятника или акцентируя внимание на тех или иных исторических реалиях и способах их отражения в повести. Эти краткие замечания по истории текста, высказанные автором как бы «между строк», весьма продуктивны и побуждают к размышлениям. Так, например, рассуждая о формировании в отдельных списках памятника пласта любовной лексики и об отступлении в них вследствие таких новаций от первоначальной сказовой стилистики повести, автор задается вопросом: «Не может ли стилистический анализ подобного рода вставок послужить основой для сопоставительной датировки этого произведения и его списков?» (с. 47). Вопрос вполне закономерный для традиции текстологического исследования памятников древнерусской литературы и литературы переходного периода, прежде всего для ряда переводных памятников, особенно поздних, в которых, как правило, работает аналогичная схема — чем дальше от текста оригинала, тем дальше от архетипа. Такими же ценными представляются замечания автора о соотношении в повести исторических реалий и типологии. Так, например, рассуждая об именах персонажей, их прототипах и о среде, в которой повесть могла быть создана, Душечкина предлагает вернуться к фигуре московского боярина, политика, дипломата Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащекина (с. 31–32; в повести отец Аннушки назван стольником Нардиным-Нащекиным). Личность этого государственного деятеля XVII века как прообраза одного из героев предлагалась исследователями и ранее, но гипотеза не получила поддержки из-за некоторых несоответствий реалий биографии прототипа и соответствующего ему героя (в частности, А. Л. Ордин-Нашекин никогда не был стольником). Автор монографии предлагает взглянуть на эту историческую личность с точки зрения типологии изображенных в повести персонажей и рисует исторический портрет представителя московской приказной верхушки, выскочки, едва ли не первого провинциального дворянина, пробившегося в ряды московской аристократии, лю-

бимца царя, который вполне мог быть прототипом одуряченного стольника в повести. Заметим, что обращение к этой фигуре не только позволяет еще раз вернуться к вопросу о создании (фактически письменной фиксации) текста в канцелярско-приказной среде, но и, возможно, прояснить природу появления в двух списках повести непонятой по контексту даты — 1680 год (в списках: РГБ. Собр. Ундольского. № 945 — как дата создания текста; РНБ. Собр. Титова. № 2461 — как дата, к которой отнесены описанные события). Не связано ли ее появление в истории о Фроле Скобееве именно с фигурой московского государева любимца, скончавшегося в 1680 году. Его персона для представителей всех уровней канцелярско-приказной среды, литературные традиции которой хорошо известны, была знакомой и значимой, а его кончина снимала определенное табу с имени. Так что типология и реальность вполне совместимы в этой личности и отображении ее в повести.

Все историографические и археографические разделы книги служат своего рода преамбулой к ее основной части, главному предмету научного интереса Душечкиной — исследованию жанрово-стилистических особенностей текста и его рецепции в русской культуре. Многоплановый анализ повести в контексте культуры XVII — раннего XVIII века позволяет автору не только отметить ее специфику и обособленность в ряду бытовых повестей переходного периода, но и поразмышлять об общих историко-культурных процессах этого времени, отразившихся в генезисе, стилистике и поэтике памятника. Душечкина убедительно демонстрирует связь происхождения повествования о судьбе нового для средневековой литературы героя с прозаическими жанрами русского фольклора (волшебной и бытовой сказкой) и объясняет закономерность этого культурного влияния процессом формирования новых литературных жанров взамен разрушающейся средневековой жанровой системы, процессом беллетризации повествования, для которого во многом оказались пригодными «готовые и застывшие жанры фольклора» (с. 43). Осознание и усвоение читателями и переписчиками устных источников, придание тексту в одном из списков (ГИМ. Собр. Забелина. № 536) поэтической формы говорного стиха дают основание автору типологически возводить повесть к «смехотворным» рассказам, аналогичным западноевропейским фавлю, и предполагать существование в русском средневековом городе подобных форм и практик словесного искусства (с. 64).

В монографию включена специальная глава, которая посвящена анализу поэтики повести в контексте святочного действия. Сейчас уже трудно поверить в то, что связь повести с традицией русских святок впервые была отмечена в работах А. М. Панченко и Душечкиной лишь в 80-е годы XX века, настолько эта связь кажется очевидной. Автор монографии анализирует святочные атрибуты в тексте повести и на широком литературном материале

демонстрирует развитие жанра святочного рассказа, у истоков которого находится «Повесть о Фроле Скобееве», в русской прозе XVIII–XX веков, в сочинениях классиков русской литературы от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина до Н. С. Лескова и А. П. Чехова. Чрезвычайно важными и перспективными представляются новаторские разработки Душечкиной, касающиеся связи повести с традициями народной массовой книжной культуры, прежде всего, с культурой русского лубка. Проведенный автором анализ речевой ситуации, синтаксиса и особенностей словоупотребления в повести убедительно показывает единство ее стилистики с лубочными текстами — подписями к народным картинкам. Впрочем, эта тема, новая и совершенно неизученная, очерчена в работе, как отмечает автор, «лишь в самом общем плане, скорее, в плане постановки проблемы, чем решения ее» (с. 89).

Монографическое исследование «Повести о Фроле Скобееве» Душечкина завершает изложенным в двух главах материалами о восприятии, усвоении и трансформации текста в историко-литературном процессе последующих столетий и о рецепции сюжета во всех его видах в русском обществе XVIII–XXI веков. Одна глава посвящена переработке повести под названием «Новгородских девушек святочный вечер», созданной в 1784 году малоизвестным писателем И. В. Новиковым,⁵ выходящем из той же казенно-канцелярской среды, которой принадлежал герой повести — Фрол Скобеев и, возможно, ее создатель. Отказавшись от художественных особенностей оригинала, автор переложил модернизированный стиль повести в духе массовой печатной беллетристики второй половины XVIII века. Издание текста в 1785 году в составе сборника «Похождение Ивана гостинного сына» И. В. Новиков осуществил за свой счет, но тираж, не выкупленный автором у типографии из-за недостающих средств, был задержан; издание стало библиографической редкостью уже в начале XIX века. По этой ли причине или по причине литературных «достоинств» сочинения, оно никак не запечатлелось в историко-литературном процессе последующего времени, тогда как первая публикация самой повести в 1853 году вызвала немедленный отклик у читателей.

Судьбе «Повести о Фроле Скобееве» в новейшую эпоху посвящена отдельная глава, выписанная Душечкиной с особой любовью, с привлечением массы разнообразных подробностей, с умением совместить, казалось бы, несовместимое и найти историко-культурный подтекст в самых, на первый взгляд, неприметных вещах. Все эти принципы и приемы знакомы исследователям и читателям самого широкого круга и по другим работам Душечкиной, которые уже стали классикой историко-культурного анализа текста в контексте опреде-

ленной эпохи.⁶ Восторженные отзывы о повести И. С. Тургенева в письмах С. Т. Аксакову и П. В. Анненкову, как показывает исследовательница, обозначают лишь начало интереса русского общества нового времени к этому памятнику, получившему в дальнейшем несколько сценических воплощений. В 1868 году на волне всеобщего увлечения исторической драматургией комедию на сюжет «Повести о Фроле Скобееве» пишет Д. В. Аверкиев. Душечкина подробно анализирует это произведение, приводит отклики на текст комедии Ф. М. Достоевского и на ее постановку М. Е. Салтыкова-Щедрина и прослеживает все перипетии театральной жизни этой пьесы от первой постановки до спектаклей начала XXI века. Подробный очерк автора посвящен истории обращения к сюжету «Повести о Фроле Скобееве» известного советского композитора Т. Н. Хренникова. Впервые он приступил к написанию комической оперы «Фрол Скобеев» в 1947 году, уже будучи очень популярным и признанным обществом композитором, автором патристических песен и музыки к любимым советским народом фильмам И. А. Пыррева («Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны»). Душечкина детально описывает все обстоятельства появления оперы, которая первоначально была запрещена как «несвоевременная и чуждая народу», на советской сцене в феврале 1950 года, рассказывает о создании Хренниковым в 1966 году второй редакции оперы под названием «Безродный зять», представляет скрупулезно собранные материалы о театральном и эстрадном бытии этих сочинений известного композитора, сохранившихся в репертуарах столичных и провинциальных театров до наших дней. Завершается исследование о судьбе повести в новейшую эпоху примерами обращения к тексту в самых, казалось бы, невероятных кругах современной книжно-литературной среды — появлением героя повести в рассказе писателя-фантаста Евгения Лукина «Там, за Ахероном» (1995) и цитированием ее в мужском журнале «Men's Health» (2007) как первого русского литературного произведения, в котором упоминается секс. Таким образом, повесть в монографии Душечкиной получила всестороннее представление на самом разном и хронологически протяженном материале. Этот многообразный и многоплановый обзор русской культуры, по словам автора, «способствует не только более глубокому проникновению в закономерности русского литературного и культурного процессов, но и позволяет выявить особенности восприятия литературного произведения в различные исторические эпохи».

В заключение еще раз обратим внимание на строгую академическую монографичность исследования Душечкиной. Фигура самого

⁵ Рак В. Д. Новиков Иван Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: К–П. С. 359–361.

⁶ См.: Душечкина Е. В. 1) Русская ёлка: История, мифология, литература. СПб., 2002; 2) Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007.

героя и судьба повествования о нем весьма необычны и любопытны, а потому книга, обозначенная как научно-популярное издание, несомненно, будет интересна самому широкому кругу читателей. И все же по своей цельности, скрупулезности, широте охваченного

материала и стилю изложения книга прежде всего адресована любимой автором учебной аудитории и представляет собой очень добротный и практичный образец для будущих исследователей в освоении ими ремесла филологической науки.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-229-233

© А. Г. Гродецкая

И. С. ТУРГЕНЕВ В ЦЕНТРЕ ПОЛЕМИК*

Среди богатой тургенианы юбилейного 2018 года монография Галины Михайловны Ребель «Тургенев в русской культуре» заслуживает специального внимания по многим причинам. Профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Г. М. Ребель посвятила десятки научных работ творческой эволюции Тургенева в идейно-философском и эстетическом диалоге с современниками, поэтике его больших и малых прозаических форм.¹ Обобщающим итогом этой работы и стала юбилейная монография. Ее отличает яркий исследовательский пафос, редкая в наши дни эмоциональность, формирующая необычный, живой и вдохновенный стиль при аналитической глубине, широте историко-культурного диапазона и мастерстве анализа конкретных текстов. Скажем больше, в пафосе, полемике, лирике авторское повествование всегда созвучно цитируемому тургеневскому тексту, который служит для него камертоном, тонко и точно словесно и эмоционально его оркеструющим.

Свою главную задачу Ребель видит в раскрытии личностного масштаба и уникального значения Тургенева как центральной, системообразующей фигуры в русской культуре второй половины XIX века. Предисловие «Гений меры» открывается цитатой из Д. С. Мережковского: «В России, в стране всяческого, революционного и религиозного, максимализма, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, *гений меры* и, следовательно, гений культуры. Ибо что такое культура, как не *измерение*, накопление и со-

хранение ценностей?»² Ребель продолжает: «Разносторонняя и при этом глубокая образованность, уникальный художественный дар, масштабность личности, интеллектуальная мощь и интеллектуальная свобода, социальная интуиция, просветительская энергия при содействии судьбы, в которой неразрывно сплелись Россия и Западная Европа, — все это обеспечило Тургеневу особое — срединное, стержневое — место в русской культуре». Его художественная стратегия состояла в «*наведении мостов*», в «установлении глубинных существенных связей между разнородными и даже антагонистическими явлениями и смыслами, воссоздание их без нарочитых перекосов и тенденциозных акцентов» (с. 4, 7). При этом эталонности, классичности и «мерности» тургеневской прозы неизменно сопутствовал «раздражительный» фактор: для многих современников, прежде всего «гениев безмерности» Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, он был непримиримым оппонентом.

По убеждению автора монографии, Тургенев остался поверхностно прочитанным и недооцененным, и полемический пафос ее исследования заложен уже в этом утверждении. Однако так ли это? Признаем, что новизна предложенных в монографии интерпретаций относительна, литература о Тургеневе чрезвычайно богата (и далеко не вся учтена в монографии), материал, на котором выстраиваются авторские интерпретации, собственно текстовой, документально-мемуарный и эпистолярный, известен и глубоко изучен,³ и сами интерпретации, неизменно полемически акцентированные, подчас приобретают характер

* Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.

¹ В первую очередь см.: Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь, 2007. В основу этой монографии легла докторская диссертация под тем же названием, защищенная в 2007 году.

² Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 475.

³ Нельзя не отметить с сожалением, что при цитировании текстов Тургенева и при ссылках на примечания к ним автор монографии использует первое академическое Полное собрание сочинений и писем в 28 томах, издававшееся в 1961–1968 годах, тогда как в настоящее время близится к завершению второе издание (начато в 1978 году).

не столько спорных, сколько излишне декларативных истин. Содержательно их можно свести к нескольким положениям, сформулированным в предисловии и последовательно раскрытым и обоснованным в отдельных главах, что составило прочное внутреннее концептуальное единство монографии. В самом общем виде положения эти таковы: Тургенев был родоначальником идеологического романа, центральный герой его романов всегда герой-идеолог; честный аналитик действительности, чуткий к «живым струнам общества» (Н. А. Добролюбов), именно Тургенев сделал художественную литературу насущной повседневной потребностью для образованного общества, важнейшим стимулом его интеллектуального и нравственного развития; как талантливый типолог Тургенев «нашел и сформулировал типологическую меру для выражения сущности тех человеческих характеров, которые во многом определяли состояние русского общества и тенденции его развития на протяжении десятилетий» (с. 11); он обогатил персонажный мир русской литературы, создав характеры (Рудин, Лаврецкий, Инсаров, Берсенева, Шубин, Базаров, Кирсановы, Литвинов, Потугин, Нежданов, Соломин), соответствующие времени и объясняющие его; в «тургеневских девушках» воплотились типологически значимые (при неповторимой индивидуальности каждой), ключевые тенденции национальной жизни; Тургенев был также создателем жанровой меры, его жанроопределяющая стратегия имела важнейшее значение для оформления жанровых границ рассказа, повести и романа, а также их циклов и серий, вплоть до цикла лирических миниатюр; драматургию Тургенева отличала предчеховская новизна формы и сложность психологического подтекста; творческое наследие Тургенева представляет уникальную художественную цельность и эстетическую завершенность.

Первая из двух частей книги названа «Творческая стратегия», в 1-й главе «„Надеюсь, это не будет потерянным временем“: По материалам писем 1847–1850 годов» в подробностях представлен парижский этап жизни Тургенева как процесс его становления и самовоспитания, в котором тесно сплелись искусство, литература, музыка, театр, философия, история (революция 1848 года) и «подземная жизнь художника» (определение Б.К.Зайцева). Письма Тургенева этих лет к Полине Виардо автор рассматривает как часть насыщенного творческого диалога, в них объединены дневник, лирическая исповедь, зарисовки с натуры, философские миниатюры, театральные и музыкальные рецензии, хроника культурной жизни Парижа и отчеты писателя о собственной творческой работе; в этом диалоге, считает Ребель, оттачивался природный ум Тургенева, оформлялось его эстетическое кредо.

Эпистолярное наследие писателя в целом — это глубоко справедливое положение

автора монографии — по масштабу и многообразию тем, по философской глубине и эстетическому совершенству — должно быть поставлено в один ряд с его художественным наследием, в единое русло его самоопределения и самовыражения.

Главным оппонентом Ребель в этой главе становится Зайцев, писавший о «прохладе», отстраненности Тургенева как одним из стержневых свойств его личности.⁴ Нет, убеждает нас автор, Тургенев в любви и любовной переписке был дерзок, страстен, глубоко впечатлителен, оставаясь при этом чуждым крайностей и аффектов, сохраняя гармонию и меру, «чистоту очертаний» (с. 26) в передаче любого чувства и состояния. На этом этапе, в напряженном чтении и диалоге с европейской интеллектуальной элитой, «в воздухе высокой культуры» (П. В. Анненков) оформляется собственный «открытый воздух» тургеневского мирозерцания, его социально-культурное и религиозное свободомыслие и философский скепсис. На этом этапе в его новеллистике и драматургии определяются и утверждаются: «романтический реализм» как основа художественного метода, сочетающий верность действительности с поэтичностью и романтической приподнятостью; психологизм и принципы субъективации повествования, когда художественный мир заселяется множеством персонажей, выступающих субъектами собственного слова и судьбы; оформляется культурный тип «лишнего человека», один из ключевых в русской традиции.

Глава 2-я «„Живые мощи“ и живые души» целиком посвящена конкретному тургеневскому тексту. В 1874 году, участвуя в сборнике «Складчина», Тургенев «в старых бумагах» отыскивает «недоконченный отрывок», который, наряду с рассказами «Конец Чертопанова» и «Стучит!», присоединяет к циклу «Записки охотника» (в издании 1874 года) вопреки категорическим возражениям Анненкова, считавшего «неприкосновенный» тургеневский цикл сложившимся «памятником», «захватившим целую эпоху и выразившим целый народ в известную минуту». Какие мелодии усилил или привнес этот рассказ в цикл «Записок охотника» — этим вопросом задается автор монографии. обстоятельный содержательно-структурный анализ в данном случае полемически развернут против популярных современных интерпретаций, выявляющих в рассказе религиозно-мистический дискурс, и нацелен на раскрытие в тексте вечных экзистенциальных проблем, заданных его лирико-философскими протекстами — тютчевскими «Эти бедные селенья...» (давшими рассказу эпиграф со словами о народном «долготерпенье») и «Silentium!» и «Старательно мы наблюдаем свет...» Е. А. Баратынского. В рассказе, считает Ребель, дана универсальная формула человеческого бытия, освобожденного

⁴ Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Далекое. М., 1991. С. 153.

от телесно-земных оков, близкая «разговорам в беспредельности» героев Достоевского. Здесь *охотник*, он же *странник*, постигает трудноуловимые «текущую плоть и мерцающие смыслы бытия», и он же *рассказчик*, «данный в непрерывном движении от одной истории-ситуации к другой», создает в итоге поэтический сборник, «любовную книгу» (М. О. Гершензон), в которой гоголевская тема социального зла совмещена с *антигоголевской* по своей сути эстетикой (с. 57–58), гармонизирующей бытие в естественных пропорциях исторического, социального, природного и экзистенциального.

В 3-й главе «У счастья нет завтрашнего дня»: Пушкинские мотивы и образы в повести „Ася“ представлена в целом традиционная интерпретация тургеневской повести. В этой главе, отметим, нет острой полемической задачи, как в большинстве других очерков-глав, нет здесь фактически, при отсутствии полемики, и отсылки к критической и исследовательской литературе, за исключением хрестоматийной статьи Н. Г. Чернышевского и статьи В. А. Недзвецкого «Любовь — крест — долг» (1996). В «Асе», выделяющейся «нежной прелестью языка» в прозе Тургенева, в целом «мягкой, женоподобной и гибкой» (Мережковский), пушкинские мотивы, реминисценции и аллюзии, как считает Ребель, лежат на поверхности, приобретая новую мелодическую окраску и новое концептуальное значение. Соотнесенность повести в событийно-сюжетном, характерологическом и символическом планах с «Евгением Онегиным» и линией Татьяны Лариной для автора монографии очевидна. Ася, на ее взгляд, является убедительной представительницей «гнезда» Татьяны Лариной. Препятствием для счастья героев повести, которое было по-пушкински «так возможно, так близко», и причиной «бегства» главного героя становится его нерешительность и слабость перед неуправляемой и непредсказуемой стихией любви. Максимализм типичной «тургеневской девушки» здесь вступает в конфликт с типичными свойствами тургеневского героя-мужчины, «постепеновца», созерцателя, выжидателя. В конечном счете это повесть о невозможности, миражности счастья, об экзистенциальной обреченности человека на несчастье, однако трагизм существования у Тургенева окрашен возвышенной поэтичностью, которой дышит финал «Аси».

Самостоятельное значение имеют 4-я и 5-я главы — «Роман: становление жанровой формы» и «Роман: определение жанровой формы», в них речь идет об особенностях романной поэтики Тургенева. Разумеется, в обеих главах рассматриваются сложившиеся концепции романного творчества писателя, от полного отрицания у него романной формы (Б. М. Эйхенбаум) до определения ее жанровой гибридности: повесть-роман (А. Г. Цейтлин), роман-эскиз (В. Г. Одинокое), и, наконец, признания ее уникальности и классичности (Л. В. Пумпянский). Сам Тургенев со свойственной ему самокри-

тичностью признавал «эскизность» своих романов, именовал их «удлиненными повестями», особенно в ответах на известные упреки Гончарова, убежденного в неспособности «мишьятириста» к созданию больших эпических форм.

Становление романной формы прослеживается в 4-й главе на примере романа «Рудин», речь здесь идет о неоднородности как тургеневского психологизма, так и историзма, о структуре конфликта и сюжетных функциях персонажей, главным образом, о принадлежности Рудина к гамлетовскому типологическому «гнезду». Однако подача героя у Тургенева, подчеркивает автор, многомерна и освещение ряда сюжетных ситуаций диалогически интенсивно. Жанровую структуру и сюжетную логику повести ломает, как считает Ребель, вписанный в нее хронотоп дороги, мотив духовного скитальчества центрального героя и кардинальное изменение в конце повести изначально и, казалось бы, раз и навсегда данной Лежневым интерпретации его личности. Финал романа, гибель героя на баррикадах, преобразует Рудина, и конструктивная двойственность романной структуры (ее слом в 12-й главе и финале) рассматривается как эстетически оправданная: она выступает аналогом двойственности центрального персонажа. Роман становится «романом лица» (один из терминов Пумпянского), его герой обретает «бессмертие», его личностная значимость повышается до статуса общечеловеческой.

Принципиальное отличие романа Тургенева от его повести составляют, согласно концепции автора, разные уровни *испытания* героя (не только на *rendez-vous*); любовная сюжетная линия, достаточная для повести, в романе трансформируется масштабом личности и судьбы центрального персонажа. Обязательным жанровым атрибутом романа, кроме того, является идеологическая полемика, полемический «простор» и «объем» заданных тем, композиционной компактности и центростремительности повести противостоит сюжетно-композиционная романная разветвленность.

Впервые тургеневский жанровый романский инвариант оформился в «Дворянском гнезде» (с. 101): споры о путях развития России составляют в нем необходимое идеологическое звено, а драматическая история любви Лаврецкого и Лизы встроена в национально-историческую проблематику. Лаврецкий со всей очевидностью перерастает социально-исторический тип, его личностная свобода и ценность превосходят любого рода типологизирующие характеристики (как пишет Ребель, «попытки объективации, *пришпиливания*, исчерпания» — с. 105), решение героем бытийных проблем переносится в экзистенциальную сферу. Так, в основных координатах, представлены становление романной формы у Тургенева и ее жанрогенерирующие факторы.

Данные положения получают продолжение и развитие в 5-й главе, где повторно и более

обстоятельно рассматриваются жанроопределяющие дефиниции тургеневского романа, предложенные в работах исследователей, специально этой темой занимавшихся (с. 107–109): роман социально-психологический, общественно-идеологический, исторический (Г. Б. Курляндская, П. Г. Пустовойт), социально-политический (Г. А. Бялый), общественный (А. И. Батюто), роман частной жизни (В. Я. Кирпотин), бытовой психологический роман с любовной интригой (У. Фохт), субъективный роман, роман кульминации личности (Н. А. Вердеревская), «персональный» роман испытания как вариант социально-универсального романа (В. А. Недзвецкий). Ю. В. Лебедев и В. М. Маркович писали о наличии в тургеневском романе трагического начала, которое трактовали по-разному, О. Н. Осмоловский предложил определение «идеологический трагедийный роман», Пумпянский дал несколько формулировок: «героический роман», «роман искомого героя», «роман лица», «роман социальной непродуктивности», «культурно-героический роман» и, наконец, «трехъярусное построение: культурно-героический роман, лирико-любовный и сатирико-бытовой, — разившееся на основе пушкинского „свободного“ романа». Однако, с точки зрения Ребель, все существующие определения не носят инструментального, жанроразличительного характера и приложимы не только к тургеневским романам. Автор учитывает также попытки определения жанровой структуры тургеневского романа в сопоставлении с романами Достоевского,⁵ Толстого, Гончарова, Писемского (в работах Л. В. Пумпянского, М. М. Бахтина, В. А. Недзвецкого, Н. Ф. Будановой и др.).

Необоснованность типологического сближения романов Тургенева и Гончарова (а именно этой близостью объяснялся известный конфликт, «третейский суд», состоявшийся в 1860 году, и последовавшая за ним «ревнивая и несправедливая» антитургеневская «Необыкновенная история») для Ребель очевидна: у двух романистов принципиально различны и предмет изображения, и эстетические задачи. Если для Гончарова, что неоднократно признавал и он сам, и критики-современники, объектом изображения могла быть только устоявшаяся, сложившаяся жизнь, определявшаяся в своих историко-социальных формах, то Тургенев, напротив, ориентировался на текучую, чреватую переменами, остро и современно проблематичную реальность. Антиисторичности Гончарова, укоренности его героев в бытийно-бытовом пространстве и времени противостоит аналитический историзм Тургенева, идеологическая

насыщенность и полемическая энергетика его романов (с. 111).

Гораздо больше оснований автор монографии находит для сближения романной поэтики Тургенева и Достоевского, их романы, на ее взгляд, принадлежат к одной идеологической нише, представляя жанровые модификации «идеологического романа-как-жизнь» (Тургенев) и «идеологического романа-эксперимента» (Достоевский) (с. 112). Идеологическая проблематика и герой-идеолог составляют конструктивные элементы сюжета и жанра у обоих романистов, однако герой Тургенева не сводим к идее и не исчерпывается ею в отличие от героя Достоевского, заложника идеи и ее персонализации. Здесь же отмечена функциональность героя в персональном мире Достоевского и его самоценность и суверенность в персональном пространстве Тургенева. Принципиальные отличия автора видит и в структуре сюжета у двух романистов: у Тургенева это «*линейное объективное движение* героя по своей судьбе, у Достоевского — спирально-кумулятивное субъективное кружение героя вокруг события» (с. 134).

Вторая часть монографии — «Творческая полемика» — демонстрирует то диалогическое напряжение между Тургеневым, «гением меры», и его «безмерными» оппонентами, которое и создает, пожалуй, главную исследовательскую интригу. В 6-й главе «Исследования русского романа: „Накануне“ в добролюбовской интерпретации» обстоятельно изложена критическая позиция автора яркой, «качественной и даже эталонной» (с. 143) статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день?». Статья не только открыла русскому читателю сущностные смыслы романа, считает Ребель, она, совокупно с романом, определила тенденции национальной жизни.

Еще обстоятельнее глава 7-я второй части «Тургенев и „Бесы“ Достоевского», дающая исчерпывающую, можно сказать, предысторию появления в «Бесах» Кармазинова («Баденская встреча 1867 года») и исследование функций в сюжетно-смысловой структуре романа этого персонажа, реализовавшего феномен того «мощного личностного, идеологического и эстетического раздражителя», каковым был для Достоевского Тургенев. И в этой главе авторская позиция остро полемична в сопоставлении и противопоставлении многочисленных мемуарно-биографических свидетельств и критико-аналитических интерпретаций (К. В. Мочульский, Ю. А. Никольский, Л. П. Гроссман, А. С. Долинин, Р. Г. Назиров, А. П. Чудаков, Г. С. Померанц, Н. Ф. Буданова и др.) и носит открытый адвокатский характер по отношению к Тургеневу: интерпретация направлена на избличение идеологии и механики «памфлетной мясорубки» (с. 207) Достоевского, в которую попал и Тургенев, и русский либерализм.

Структурно и предметно иначе, нежели предшествующая, выстроена 8-я глава «Тургенев — Толстой — Достоевский: Подтексты

⁵ Подробный сопоставительный анализ романских жанровых форм Достоевского и Тургенева принадлежит Г. М. Ребель, см. ее указанную выше монографию «Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского».

Пушкинского праздника», но и в ней не менее очевидна полемическая позиция автора. Исследовательница и здесь выступает с позиции адвоката Тургенева, рассматривая его как «системообразующую фигуру» в самом событии праздника. Именно Тургенев, в 1878 году примирившийся с Толстым после 17-летнего разрыва, в начале мая 1880 года был направлен С. А. Юрьевым в Ясную Поляну с миссией склонения к участию в торжествах непреклонного Толстого. Подробно, с разъяснением причин, предпосылок и обстоятельств случившейся в 1861 году ссоры, а затем и всей последовательности взаимных примирительных жестов, писем и визитов, запечатленных в мемуарах семьи Толстого и в переписке Тургенева с Анненковым, Страховым и Фетом, воссоздана здесь история многолетнего притяжения-отталкивания двух великих современников. Посольство Тургенева окончилось неудачей, на Пушкинские торжества Толстой не явился, однако «интригу» в этом историко-биографическом и психоаналитическом очерке составил якобы пущенный Тургеневым по возвращении из Ясной Поляны слух, что Толстой сошел с ума. Подхваченный Григоровичем, Катковым и Юрьевым, этот слух попал в письмо Достоевского жене от 27 мая 1880 года, которое и осталось единственным документирующим его свидетельством. На развенчание этого «упорного мифа», отразившегося в современной достоевистике и ряде работ о Толстом (Л. И. Сараскина, П. В. Басинский и др.), направлена убедительная аргументация Ребель.

Личностная и идейная конкуренция Достоевского с Тургеневым, конфликт их «партийных» позиций отразились в «Пушкинских речах» и составили предмет исследования в 9-й главе «Учитель или пророк? Тексты Пушкинского праздника». Главным триумфатором на празднике стал Достоевский, но, по убеждению автора монографии, пророческой для судеб России оказалась не его речь, а свободная от пророческого пафоса речь Тургенева.

Совершенно оригинальна концепция Ребель в 10-й и 11-й главах — «Чехов как Базаров: Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции (1)» и «Чехов и „тургеневская девушка“: Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции (2)». В первой из глав подробно представлены общие для Тургенева и его героя

психологические и мировоззренческие черты (мировоззренческий «нигилизм», презрение к «общим местам» и проч.), составившие «один из лейтмотивов художественного творчества Тургенева и интеллектуальный стержень образа Базарова» (с. 284), а затем и «базаровское» в личности, жизненной философии, социальной и творческой практике Чехова. В следующей главе в типологическом ряду «тургеневских девушек», «жаждущих самореализации, способных на неординарный, социально дерзкий поступок» (с. 311), детально рассматриваются, в их характерологической и сюжетной функциях, чеховские Ольга Ивановна («Попрыгунья»), Зинаида Федоровна («Рассказ неизвестного человека»), сестры Волчаниновы («Дом с мезонином»), Надя Шумина («Невеста»).

В послесловии «После смерти» автор возвращается к истории отношений Тургенева и Толстого, организуя сюжет этого замыкающего книгу очерка вокруг роли Тургенева в писательской судьбе Толстого. Всю жизнь Тургенев стремился освободить Толстого от его «эстетической схимы», неизменно призывая, вплоть до последнего предсмертного письма, осознать себя и быть прежде всего «литератором». Главным свидетельским источником в этом очерке стали мемуары А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», однако широчайшие знания автора и помимо конкретного источника позволяют ей признать: «...Тургенев в этом густо насыщенном фактами и размышлениями культурном контексте стоит особняком. Для Толстого он очевидно не один из многих, а исключительный, единственный в своем роде <...> часть личной и творческой судьбы самого Толстого, творческий камертон, точка отсчета, ориентир и даже своего рода alter ego» (с. 362).

Отметим еще раз в заключение особую насыщенность рецензируемой монографии разнообразным материалом при безупречной фактологической точности в его подаче. Г. М. Ребель много и продуктивно занимается прозой, поэзией, драматургией XX века, от М. А. Булгакова до многоликой текущей современности. Поэтому Тургеневу-лирику сопутствуют в ее исследовании Ахматова, Цветаева, Окуджавы, Тургеневу-мыслителю — Набоков, Булгаков и многие другие, поддерживая стержневую авторскую мысль о *системообразующей* роли Тургенева — как видим, не только в культуре XIX века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-234-238

© М. Э. Баскина (Маликова)

«Я УВОЖУ К ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНЬЯМ»: «ДЕЛО БРОННИКОВА»*

В 1932 году ленинградское ОГПУ отчиталось о ликвидации контрреволюционной организации «фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов», в центр которой была поставлена сейчас почти забытая фигура М. Д. Бронникова (1896–1942?), киноведа, переводчика, музыканта-любителя, названного организатором десятка таких кружков — «Бодлэровская академия», «Штроггейм клуб», «Шекспир банджо» и др. Из более известных литературных фигур, проходивших по этому делу, — переводчик М. Л. Лозинский, «а/с кружок» которого «Шерфоль» — небольшая девица, за исключением руководителя и Бронникова, компания, коллективно переводившая в начале 1920-х годов сонеты Эредиа и в 1932 году готовившая перевод для издания в «Academia» (Лозинский получил три года условно, переводчицы из его семинара М. Н. Рыжкина-Петерсен и Т. М. Владимировна — по три года ссылки); поэт, стиховед и переводчик Н. Н. Шульговский, посетитель «мистическо-спиритуалистического салона» Т. В. Билибиной, умерший в 1933 году в заключении. В своем роде знаменит и ведший это дело следователь А. В. Бузников, который «специализировался» на делах против интеллигенции: в 1932–1934 годах вел дела обэриутов, Иванова-Разумника, «славистов».

Авторы «документального повествования» П. Л. Вахтина, Н. А. Громова и Т. С. Позднякова посвятили каждому из 22 персонажей — 21 осужденному и следователю Бузникову — отдельную главу. Закljučают книгу три приложения: краткие биографические справки о людях, осужденных по делу, у которых в графе «дальнейшая судьба» чаще всего: «погиб в блокаду», «умер в заключении», «расстрелян», «неизвестна» — это целое «погибшее поколение»: большинство осужденных были тридцатилетними; характеристики указанных в деле кружков с их в основном вполне невинными занятиями (создание фотофильмов, пропаганда творчества американского режиссера Эриха фон Штроггейма, обсуждение вопросов драматургии, чтение и обсуждение литературных произведений, салонный спиритуализм); фрагменты произведений обвиняемых, сохранившиеся в Санкт-Петербургском архиве ФСБ. Книга, как поясняют ее авторы, выросла из материалов, скопированных для истории Публичной библиотеки сотрудниками центра А. Я. Разумова «Возвращенные имена» в нена-

долго приоткрывшемся в 1990-е годы архиве ФСБ. Обнаружив в них пятитомный корпус следственного дела № 249-32 (которое авторы книги назвали «делом Бронникова»), освещающего целый совершенно неизвестный слой культурной жизни Ленинграда рубежа 1920–1930-х годов,¹ который составляли интереснейшие, разнообразные и почти совершенно стертые из отечественной истории люди, они провели огромную работу, дополнив другими архивными материалами, в основном личными и семейными, биографии проходивших по делу людей.

Воссозданные авторами книги по архивным крупицам, ее персонажи действительно встают перед читателем «как живые» (для читателя-петербуржца и царскосела эта живая связь подкреплена упоминанием знакомых фамилий и адресов).

Так, биография Бронникова дополнена ценнейшим источником, обнаруженным покойной П. Л. Вахтиной, — воспоминаниями М. Н. Рыжкиной-Петерсен — секретаря К. И. Чуковского, сотрудницы Публичной библиотеки, участницы переводческого семинара Лозинского, — хранящимися в архиве Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына в Москве.²

¹ Впрочем, ксерокопия придуманной следователем Бузниковым «схемы» ликвидированной «контрреволюционной организации», где все «фашистские молодежные кружки» и «антисоветские литературные салоны» выстроены вокруг фигуры Бронникова (в книге на вклейке между с. 192–193), сохранилась в архиве Е. Г. Эткинда (ИРЛИ. Ф. 927; фонд проходит научно-техническую обработку), куда, вероятно, попала из архива М. Л. Лозинского. Можно предположить, что узкому кругу ленинградской интеллигенции это «дело» было известно давно.

² Судьба Рыжкиной-Петерсен выделяется из ряда: эвакуируясь из Ленинграда, она нашла возможность перейти на немецкую сторону и вместе с армией ушла в Германию, где прожила до самой смерти в 1984 году. Один из авторов книги Н. Громова сообщает в другом месте, что в воспоминаниях Рыжкиной-Петерсен много не только антисоветских, но и антисемитских пассажей, которые авторы книги опустили, потому что те «не ложились в сюжет». И это досадно, так как антисемитизм составляет общую, характерную черту данного круга, которую нелепо игнорировать или затушевывать, по меньшей мере после публикации в издательстве «Новое литературное обозрение» известного «Дневника» Л. В. Шапориной (М., 2012).

* Вахтина П., Громова Н., Позднякова Т. Дело Бронникова. М.: Издательство АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 384 с.

Показания сравнительно более известных лиц из числа проходивших по делу — М. Л. Лозинского, Н. Н. Шульговского, киноведы Н. Н. Ефимова, живописца и иллюстратора В. А. Власова — в целом вписываются в канон этого жанра.

Лозинский на всех допросах (его несколько раз, начиная с 1921 года, арестовывали и подвергали «чистке») всегда верен себе и говорит своим «нормальным» языком: «ВОПРОС: Вы были старым представителем общества <...> как Вы отнеслись к попыткам интеллигенции игнорировать Октябрь? [ОТВЕТ] / молчит/ Это крупное событие, которое пришлось пережить, я принадлежал к типу созерцателей. Человек, в стороне стоящий. Мне не стоило труда и внутреннего перелома понять, что здесь делается на глазах история <...>» (с. 173). По «делу Бронникова» он, в отличие от других, виновным себя не признал: «Я должен категорически протестовать против предположения, что занятия в моей студии могли привлекать молодых поэтов как нечто вроде „убежища“ от суровой советской действительности и что поэтому атмосфера этих занятий должна была быть „политически вредной“. <...> Интерес к занятиям был большой, но интерес чисто художественный, подтверждаемый к тому же увлекательностью коллективного метода работы. Результат проделанного труда — переведенная студией книга исключительного мастера стиля — свидетельствует об интенсивности этого труда» (с. 176–177). Благодаря заступничеству влиятельных лиц, Лозинский получил самое легкое наказание по 58-й статье: три года условно, но реабилитирован только после смерти. Фраза «я увожу к погибшим поколениям» — из его перевода «Ада» Данте (1937).

Известный советский живописец и книжный иллюстратор В. А. Власов дал подробные показания против Бронникова, был освобожден досрочно по ходатайству своего тестя академика В. Ф. Шишмарева, прожил вполне благополучную жизнь советского художника, оставил воспоминания, сохранившиеся в Русском музее, в которых нет упоминаний о людях из «дела Бронникова». Киновед Н. Н. Ефимов также дал инкриминирующие показания против многих своих знакомых, получил относительно мягкий приговор, после освобождения работал по специальности. «Николай Николаевич был человек насмерть запуганный, — вспоминает знавшая его в поздние годы сослуживица, — совершенно стертый человек, прибитый <...>. Он очень боялся советской власти и все время опасался прогневить начальство» (с. 109).

Несколько менее типичен психологический облик и характер показаний поэта и стиховеда Н. Н. Шульговского, самого старшего из обвиняемых (ему было 52 года). Авторы книги считают, что эти показания «говорят сами за себя и не требуют комментариев. Такую речь мог произнести только глубоко убежденный в своей правоте и абсолютно бесстраш-

ный человек. Человек, который казался фигурой трагикомической, а оказался героической личностью» (с. 295). Шульговский подробно сообщал (стилистика убеждает в его, а не следователя, авторстве), что он и его знакомые «весьма тесно связаны с миром белой эмиграции, и всякая весть из этого мира, хотя бы о том, что там идет жизнь, что там люди живут, работают, творят, делают усилия к тому, чтобы помочь нам освободиться из-под гнета советского режима, радует и ободряет нас» (с. 293), он объявил себя «пораженцем», желающим уничтожения советской власти и «возврата к дореволюционному образу правления», и бесконечно увеличивая свою вину, утверждал, что «борется» за перемену существующего строя: «Моя борьба, внешне мало заметная, приносит, однако, вполне реальный вред существующему политическому строю. Сам я не бросаю бомб — мой возраст, мое здоровье, мои жизненные навыки и воспитание гуманитарника не позволяют мне этого. Но молодежь, соприкасающаяся и соприкасающаяся со мной, учившаяся на моих поэтических произведениях, по моим философским и политическим принципам, на моей ненависти к большевистской диктатуре, способна сделать то, чего я не могу сделать сам. <...> Всюду и везде, где я имею возможность бывать, я развиваю свою точку зрения на существующую в стране власть, будя в людях желание бороться с этой властью, агитируя молодежь, которая должна составить главные кадры борцов за перемену строя» (с. 294–295). Если соотнести эту самоубийственную похвальбу с тем, что мы знаем о Шульговском еще сравнительно успешной, дореволюционной эпохи его жизни («вполне цельный и законченный психологический тип графомана, начисто лишенного представления о своем реальном месте в литературном процессе»)³ и жалких пореволюционных лет, о которых можно судить по его письмам к В. С. Миролубову (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1281) и внутренним рецензиям 1924–1931 годов для издательства «Время», свидетельствующим о его озлобленном и уязвленном нежелании и неспособности понимать окружавшую его современность⁴ (к 1932 году он потерял даже этот источник дохода, остался совершенно один и «страшно бедствовал»), то приходится предположить, что, вероятно, найдя себе прибежище в скромном литературно-мистическом салоне Т. В. Билибиной, он

³ Эдельштейн М. Ю. «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов»: Два письма Н. Н. Шульговского к В. В. Розанову // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. М., 2011. С. 702.

⁴ См.: Маликова М. Э. «Время»: история ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам: Сб. статей / Сост. М. Э. Маликова. М., 2014. С. 177–190.

никак не мог там всерьез ни на кого влиять, его показания — это речь не героя, а отчаявшегося безумца, который не вынес бы трех лет лагерей, к которым был приговорен — он умер через полгода в заключении.

Совершенно поразительны многие из стертых из общей памяти людей, репрессированных по делу Бронникова. Так, о жизни самого молодого из осужденных, А. А. Крюкова (1909 — после 1951, в заключении; в тюремной анкете на вопрос о том, кем был до 1917 года, написал: «Ребенок»), «можно было бы написать роман, по своему напряжению и даже сюжету сравнимый с „Графом Монте Кристо“ Александра Дюма» (с. 134): из древнейшего дворянского рода, в нищете 1920-е годы посылал через родственников свои произведения (переводы на французский Гумилева и Ахматовой, статья о Пушкине и др.) во французские издания (не опубликованы). Даже для следователя этот неординарный и до странности открытый молодой человек переписал свою поэму «Актябрь» и другие стихи (сохранившиеся в деле и приведенные в рецензируемой книге), сочиненные «под влиянием странно скрестившихся <...> Альфреда де Виньи <...> и Мережковского <...> лишь для полноты антисоветской грани моего творчества» (с. 339–340). Был арестован как посетитель мистико-литературного салона Мооров, проводивший антисоветскую агитацию в Красной армии, куда попал односторонним, приговорен к 10 годам лагеря, через год бежал со строительства Беломоро-Балтийского канала, был задержан на границе с Финляндией, назваться отказался и сообщил, что тайно перешел из Франции с «разрушительным снарядом», намереваясь во время демонстрации в Москве взорвать правительственную трибуну, подписался: «Мюрат Люсьен Жером, принц» (с. 148). До 1945 года вновь находился в лагере (написал обращенное к Сталину стихотворное послание: «Этой зимой мне стукнуло тридцать, / Из которых уже 8-й год заключен в пертом воздухе неволи...»), в 1948 вновь попал в лагерь — «дальнейшие следы Алексея Алексеевича Крюкова потеряны» (с. 158).

Из судеб, восстановленных трудами авторов книги, сложилось документальное повествование, актуальная сила воздействия которого, кажется, оказалась неожиданной и для них, и для читателей. Несмотря на то, что книга вышла в 2019 году, уже опубликованный в 2018 году отрывок из нее на colta.ru сразу вызвал обсуждение. Говорили прежде всего о политических переключках с современностью, неизменности приемов работы органов охраны, придумывающих и провоцирующих «сетевые» дела. Политическая злободневность — неотъемлемая часть современной культурной рецепции такого рода исследований о 1930-х годах, и это необходимо зафиксировать. Давно замечено, что история отечественной культуры, и в частности литературы, может быть написана как история охраны (или история цензуры). «Дело Брон-

никова» это в очередной раз подтверждает: не только собственно судьбы, но и биографические документы и произведения репрессированных по этому делу людей, вообще та сложность и разнообразие общественной жизни, среды, которую они создавали, оказались совершенно стертые, вырваны, вырезаны из отечественной культуры, а материалы дел по-прежнему находятся в ведении тех же репрессировавших их «органов», которые до сих пор препятствуют свободному доступу к ним.

В периоды отечественных «оттепелей» уже произошло несколько открытий «второй» русской литературы, радикально переменявших общую картину: сначала это была русская эмигрантская литература, потом советская неофициальная, в последние годы блокадная и лагерная (литература тут понимается в широком смысле, включающем документальную). «Дело Бронникова» в очередной раз напоминает о том, что есть еще одна «вторая литература» — дневники, письма, литературные произведения, переводы репрессированных, как извещенных, так и безвестно сгинувших, конфискованные ГПУ–ФСБ, которые когда-нибудь откроются и уже сейчас функционируют как скрытый, но ощутимый источник гравитации в поле отечественной культуры.

Нынешний и будущий публикатор и исследователь этих архивных материалов столкнется с особыми проблемами, которые видны в томе «Дело Бронникова».

Во-первых, это общественная значимость материалов, которая делает публикацию актуальной и обсуждаемой. Помимо того очевидного обстоятельства, что это требует особой скрупулезности и точности, здесь возникает другое этическое требование к исследователю: странным образом, эти документы личных и социальных трагедий заставляют филолога быть нравственно честным, безукоризненно точным, способным к эмпатии (это обстоятельство хорошо известно публикаторам блокадных и лагерных документов). Авторам книги «Дело Бронникова», выбравшим модус как будто простодушно «рассказа о разных людях», удалось соблюсти верный человеческий тон. Пожалуй, публикация «репрессированных» архивных документов, «воскрешение» и «спасение» репрессированных людей — и акторов, и тех, кто составлял не менее важный элемент культуры — среду ее рецепции, — сейчас наиболее значимая и живая историко-филологическая область.

Во-вторых, работа с такого рода материалами определяется тем, что они доступны в заведомо неполном, искаженном виде — либо в «закрытых» архивах (в настоящее время к ним относятся не только архивы ФСБ, но и другие государственные архивы, закрывающие, под лицемерным предлогом заботы о «личной» тайне, целые архивные дела и отдельные страницы в них), либо в любительских, в основном в Интернете, публикациях энтузиастов, родственников. В первом случае

проблема известная — лакуны (причем, как в случае с «делом Бронникова», исследователь знает, что те или иные документы в архиве ФСБ есть, но не может их получить), во втором — дилетантский характер работы публикаторов с материалами (это свойственно даже таким поразительно упорным и результативным личным исследованиям, как проект stepanivanovichkaragodin.org). Очевидно, что профессиональный историк и филолог, хотя и опирается в большой степени на эти «сетевые» материалы, как в процессе работы, так и после ее публикации, поскольку вступает в принципиально открытое поле, где кто-то «из Интернета» может обладать неизвестными ему сведениями, сам должен представлять материалы по совершенно другому, научному стандарту. В рецензируемой книге некоторую претензию вызывает небрежность именного указателя: в нем раскрываются имена-отчества, однако для некоторых легко находимых лиц это почему-то не сделано: Гуковская (Рыкова) Н <аталья> В <икторовна>; Курбатова Зинаида <Юрьевна>; Орбели Иосиф, Леон и Рубен <Абгаровичи>; Радловы Н <иколай> и С <ергей> <Эрнестовичи>; Шапорина (Яковлева) Л <юбовь> <Васильевна> и др. Кроме того, кое-где можно было бы добавить поясняющий комментарий: так, в протоколе допроса Лозинского 1929 года (с. 172–174)⁵ один за другим идут вопросы, считает ли он эмигрантов Бальмонта и Бунина «врагами трудящихся»: соединение этих имен указывает на то, что Лозинского пытались подвергать к делу 1930 года об авторстве опубликованного анонимно в 1927 году в русской эмигрантской печати обращения «Писателям мира» с отчаянными словами о цензуре и репрессивных ограничениях свободы слова в советской России и мольбой о «моральной помощи», адресованной западному писательскому сообществу; в начале 1928 года в его поддержку выступили Бальмонт и Бунин с совместным обращением к Р. Роллану «Мученичество русских писателей». Тогда официальная советская печать назвала письмо «Писателям мира» «эмигрантской фальшивкой», однако в 1930 году ГПУ возбудило дело против ленинградских издателей: их обвиняли в авторстве «Письма», пытаясь, через С. Ф. Платонова, также якобы подписавшего письмо, привязать к «Академическому делу».⁶ Таким образом еще больше уплотняется ряд

⁵ Там же (на с. 173) можно с уверенностью раскрыть имена, которые называет Лозинский, возражая на слова следователя о том, что его круг «встретил враждебно Октябрь», и которые в протоколе перевраны: «Пушик, Аппман» — совершенно очевидно, что это искусствовед Н. Н. Пунин и художник Н. И. Альтман.

⁶ Подробнее об этом см. в нашей статье «„Время“: история ленинградского кооперативного издательства» (с. 227–233).

предшествовавших страшному 1937 году последовательных репрессий против дворянства и интеллигенции в Ленинграде: от «Таганцевского дела» 1921 года, «дела лицейстов» 1925 года и до высылки дворян в 1935 году, после убийства Кирова, — в который встраивается «дело Бронникова». Многие из проходивших по нему людей подвергались репрессиям и по другим делам этого ряда.

В-третьих, своеобразие текстов — данных под следствием показаний — требует их критического чтения. Иногда гетерогенность речи в протоколах допросов прозрачна: если изолировать (вычеркнуть) бесконечно повторяющиеся инкриминирующие определения «фашистский», «антисоветский», «контрреволюционный», «монархический» и проч., принадлежащие следователю, то выявляется рассказ подследственного о вполне невинном культурном времяпрепровождении, который вторжение голоса следователя превращает в безусловный обвинительный документ: «Я входил в ~~антисоветский~~ кружок „Безымянный клуб“ <...>. На собраниях клуба ставились доклады о киноискусстве, ~~трактуемые нами с точки зрения враждебной социальной системы~~» (с. 99), «Бронников стремился привить членам клуба интерес к современной западноевропейской ~~фашистской~~ литературе <...>. Обычно он выступал сам с чтением переводов <...> Пруста и других современных мастеров ~~воинствующей~~ прозы и поэзии Запада» (с. 104–105), «...незаконный ~~антисоветский~~ кружок „Бодлеровская академия“ <...>. На собраниях кружка мы зачитывали и обсуждали наши ~~антисоветские~~ произведения <...>» (с. 115). Этот тип двуголосого слова в данных под следствием показаниях описан опытным узником тюрем и сылок Р. В. Ивановым-Разумником, дело которого вел тот же следователь Бузников: от подследственного добиваются признать себя «идейно-организационным центром народничества» («Вы говорите: „со мной знакомы...“, мы говорим: „вокруг вас группируются“... Из ложной скромности вы отказываетесь принять вторую формулировку, мы же только ее считаем соответствующей действительности»), что, как он полагает, было необходимо следователям как «фигурный листок, который позволил бы стыдливо прикрыть тот факт, что в стране пролетарской диктатуры ссылают за идеологию и „неблагомысленность“ <...> стыдливость требует фигурного листка, каким является „организационная группировка“».⁷ Очевидно, что в «деле Бронникова» следователю Бузникову точно также нужен был «организатор» антисоветской «сети» кружков и салонов, на роль которого подошел общительный Бронников, с навязываемой ему ролью согласившийся (в отличие от Иванова-Разумника): «Во всех созданных мною объединениях центральное

⁷ Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. М., 2014. С. 91.

направляющее положение занимал я. Я насыщал идейно эти объединения. Мои политические, философские и художественные интересы являлись преобладающими в этих объединениях <...>. Я был старше их всех годами и обладал значительно большей культурой, что делало из меня организатора и руководителя этой молодежи <...>» (с. 50). Эти утверждения плохо вяжутся с воспоминаниями о Бронникове как человеке «безобидном во всех отношениях» (с. 49), «маленьком, плюгавеньком, недоучившемся лицеисте Александровского лицея» (с. 35), прозванном в кружке Лозинского «мальчиком», «несчастливым и талантливым человеке» (с. 77), «проклятом Бронникове», который «утопил» невинных людей (с. 201). Авторы книги отмечают, что показания Бронникова стилистически явно принадлежат не ему, утонченному стилисту, поклоннику Пруста (ср.: «Признаю, что вплоть до ареста моя деятельность носила контрреволюционный антисоветский характер и была направлена к группированию вокруг себя идейно близких мне лиц, связанных со мною общностью антисоветских политиче-

ских убеждений. Это группирование проводилось мною в форме организации ряда нелегальных антисоветских кружков...»; с. 49–50), однако делая его центральной фигурой и называя дело № 249-32 «делом Бронникова», фактически не опровергают концепцию следователя — вероятно, из неотрафелированной и естественной эмпатии к воскресенным им людям, желания представить их не только «жертвами», но и акторами, «героями». Как кажется, по меньшей мере в виде предположения можно поставить под сомнение всю конструкцию следователя Бузникова и не согласиться с ролью действительно «несчастливого и талантливого» Бронникова как организатора вообще не существовавшей в реальности сети антисоветских кружков.

Во всяком случае, введенное в этой книге наименование «дело Бронникова» теперь навсегда вошло в историю отечественной культуры в одном ряду с «Таганцевским», «делом лицеистов», «делом о немецко-русском словаре» и многими-многими другими делами против интеллигенции 1920–1930-х годов.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-239-240

ВТОРОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. А. ГРАНИНА

6 декабря 2018 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Второй научный семинар «Русская литература в советскую эпоху», приуроченный к 100-летию со дня рождения Д. А. Гранина. В начале заседания состоялась презентация первого тома нового неперiodического продолжающегося издания «Литературный архив советской эпохи» (СПб.: Росток, 2018), посвященного памяти Д. Гранина. Воспоминаниями о писателе, размышлениями о проблемах изучения литературы советского периода и отзывами на вышедшую книгу поделились В. Е. Багно, В. В. Головин, А. М. Грачева, Т. В. Игошева и др. Н. А. Прозорова познакомила участников семинара с юбилейной выставкой, подготовленной на материалах Рукописного отдела и Литературного музея Пушкинского Дома, и сообщила, что дочь писателя, М. Д. Гранина, принесла в дар Рукописному отделу блокадные реликвии — декабрьские карточки на хлеб 1941 года на имя О. Ф. Берггольц и ее мужа, Н. С. Молчанова. Свидетельства блокады, хранившиеся до этого в домашнем архиве писателя, были представлены в витрине, посвященной «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина.

В докладе «Л. М. Попова и ее „Альбом“ как факт литературного быта советской эпохи» Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) рассказала о творческой биографии поэтессы Л. М. Поповой и составленном ею «Альбоме», который включает неизвестные автографы ленинградских и московских писателей 1920–1930-х годов. Среди создателей артефакта докладчица упомянула В. Аренс, Л. Аверьянову, А. Ганзен, Р. Ивнева, Б. Лавренева, С. Нельдихена, З. Никитину, Н. Огнева, И. Оксенова, Поля Марселя, Вс. Рождественского, К. А. Федина, М. Фромана, Г. Шенгели и др. Рассказ о содержании и функциональных особенностях «Альбома», его необычном внешнем виде (помещен в 30 томах) Прозорова сопровождала видеорядом, демонстрируя записи Р. Ивнева, С. Нельдихена, нотный автограф Поля Марселя песни «Гренада», рисунок неизвестного художника, китайские иероглифы и другие изображения. Определяя «Альбом» по содержанию как лите-

ратурный, а по статусу владельца как литературский, Прозорова показала, что возникший как собрание писательских автографов и служивший для творческого самовыражения и коммуникации, со временем «Альбом» приобрел мемориальную функцию. В заключение докладчица подчеркнула историко-литературную значимость артефакта как редкого образца альбомного жанра 1920–1930-х годов и ценного творческого и биографического источника.

Доклад «Кижские сюжеты в русской литературе 1950–1970-х гг.: от „оттепели“ к деревенской прозе» Н. Л. Шиловой (Петрозаводск) был посвящен периоду, когда писательский интерес к острову Кижь стал наиболее интенсивным, а публикации об острове — массовыми. Докладчица рассказала о том, что в произведениях Ю. Казакова, А. Вознесенского, Р. Рождественского сформировались черты романтического образа Кижь как особого пространства, катарсического по своему воздействию на человека. Константой для этого корпуса текстов оказались христианские мотивы, нехарактерные в целом для литературы советского периода и не самые репрезентативные для литературы «оттепели». Последующее поколение писателей также испытывало к острову немалый интерес. При этом поездки приобрели институциональный характер: многие авторы попадали на остров в составе официальных делегаций. Организованный порядок посещения Кижь, по мнению докладчицы, стал одной из причин дистантного отношения писателей-деревенщиков к острову. Так, остров мимоходом упомянут в записных книжках Федора Абрамова и в «Камешках на ладони» (1977) В. Солоухина. Развернутый образ острова, выдержанный в стилистике деревенской прозы, дал Е. Носов в повести «И уплывают пароходы, и остаются берега» (1970). В беллетристике и очерковой литературе 1970-х годов о Кижях утверждался идиллический хронотоп в изображении острова, также идущий вразрез с драматичной сюжетикой деревенской прозы. Шилова показала, что, несмотря на общий рост публикаций в 1970-е годы вкпе с традиционалистской концепцией острова-музея, основное внимание к Кижам шло не от писателей консервативного направления. По мнению докладчицы,

наиболее ярким оказался творческий отклик представителей литературы «оттепели».

Ю. М. Валиева (Санкт-Петербург) в докладе «Стихи А. Введенского к детской опере „Глупый Ганс“ (архивные находки)» рассказала об истории создания детской оперы «Глупый Ганс» (1937) по сказке братьев Grimm (в пересказе А. Введенского). Докладчица охарактеризовала новонайденные подготовительные материалы к опере, в числе которых были обнаружены не публиковавшиеся ранее двадцать стихотворений А. Введенского. Исследовательница проанализировала значимость этой находки для воссоздания творческой биографии поэта. Во время доклада были продемонстрированы изображения нотных автографов — вокальные партии детской оперы со стихами Введенского (с разбивкой на слоги). В завершении выступления Валиева объяснила участникам семинара предполагаемые принципы подготовки материалов к публикации, и по данному вопросу состоялся обмен мнениями.

Сообщение Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) было обращено к наследию М. А. Зенкевича и называлось «О драматической поэме М. Зенкевича „Торжество авиации“ (1935–1937)». Творчество «четвертого акмеиста», не закончившееся в 1910-х годах его знаменитым поэтическим сборником «Дикая порфира» (1912), продолжало развиваться и в послереволюционную эпоху. Одним из крупных и достаточно оригинальных произведений Зенкевича 1930-х годов является его неопубликованная поэма «Торжество авиации», хранящаяся в РО ИРЛИ. Докладчица познакомила слушателей с содержанием этой своеобразной поэмы, главным героем которой стал американский летчик Вильбур Райт (один из двух братьев Райт, построивших аппарат с двигателем тяжелее воздуха и совершивших на нем первые показательные полеты в Европе и Америке). Важным достижением поэмы, по мнению Игошевой, является ее прихотливое, изощренное сюжетно-композиционное построение, где планы реального и сновидческого сложно взаимодей-

ствуют, благодаря чему главный герой совершает путешествие во времени и видит результаты своего изобретения — авиационного полета, как в западном мире, так и в Советской стране — месте, где совершается подлинное «торжество авиации». Докладчица обратила внимание на экспрессивный стиль Зенкевича, который сформировался у него еще в акмеистический период и продолжал развиваться в 1930-е годы. Исследовательница высказала мысль о необходимости дальнейшего изучения «Торжества авиации» и полной публикации этой интересной как для понимания развития творчества Зенкевича, так и литературного процесса 1930-х годов в целом поэмы.

Доклад Т. С. Царьковой «О неизвестных письмах М. Зощенко последних лет» (Санкт-Петербург) был посвящен аналитическому прочтению неопубликованных писем писателя к художнице Вере Владимировне Зенькович (1906–1985). Докладчица поделилась со слушателями новонайденными биографическими сведениями о художнице, рассказала о ее творческом окружении, в которое входили Ю. А. Васнецов, А. Ф. Пахомов, Н. А. Тырса, В. М. Ермолаева и др., и продемонстрировала на экране портрет Зенькович работы В. М. Конашевича. Исследуя письма Зощенко 1954–1957 годов как новый биографический источник и опираясь на неопубликованный дневник В. В. Зощенко, а также используя другие мемуарные свидетельства, Т. С. Царькова реконструировала взаимоотношения М. М. Зощенко и В. В. Зенькович, обрисовав психологическое состояние писателя в последние годы жизни.

В обсуждении докладов приняли участие Н. Ю. Грякалова, Т. В. Игошева и М. В. Рождественская. Положительно оценивая работу семинара, последняя обратила внимание на неоднозначность мемуарных источников как документальных свидетельств, подкрепив свое высказывание примерами.

© *Н. А. Прозорова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-240-246

ШЕСТЬЕ НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

31 января — 1 февраля 2019 года состоялось Международные шестые Некрасовские чтения. По традиции в первый день заседания проходили в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Научное заседание второго дня прошло в Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова на Литейном пр., 36. Оно было открыто приветственным словом директора Всероссийского музея А. С. Пушкина С. М. Некрасова.

Большая часть докладов раскрывала проблемы индивидуальной поэтики Некрасова и аспекты сопоставительного анализа с произведениями ближайшего русского и европейского контекста.

Поэтике заглавий был посвящен открывавший чтения доклад Ю. Б. Орлицкого (Москва) «„Мечты и звуки“, „Стихотворения“ и „Последние песни“ в контексте корпуса заглавий русских стихотворных книг некрасовской

эпохи». Докладчик проанализировал место заглавия первой книги Некрасова в контексте современной ему русской поэзии. К 1840 году озаглавленные книги еще не стали в России обычным явлением, до Некрасова их давали своим сборникам лишь некоторые авторы. Поэтому название дебютной книги поэта вовсе не выглядит чем-то банальным — скорее наоборот. Напротив, нейтральные заглавия «Стихотворения такого-то», к которым Некрасов обращается в последующие годы, оказываются вполне привычными для русской поэзии. А вот «Последние песни» снова выглядят достаточно оригинально. В докладе приведены примеры названий других поэтических книг, озаглавленных созвучно первой некрасовской.

Р. Ю. Данилевский (Санкт-Петербург) в докладе «К теме „Некрасов и Гейне“: о стихотворении „Ах, были счастливые годы!“» обратился к произведению, которое в истории изучения взаимосвязей русской и немецкой литератур удостаивалось лишь беглого упоминания. Стихотворение Некрасова, написанное, по всей очевидности, при использовании неизвестного подстрочника, не является «классическим» некрасовским произведением. И однако, как показывает сопоставительный анализ, поэт самостоятелен и выступает не «подражателем», а, можно сказать, «соперником» Гейне. Докладчик процитировал немецкий оригинал и несколько русских переводов, показав на образно-стилистическом уровне своеобразие некрасовского текста, который опускает значимые для Гейне подробности (например, пляшущий рой комаров; описание того, как сморкается старуха), усиливает мотивы тягот своего положения (говорит о своей болезни и тоске, чего нет у Гейне). Он вводит в текст другую, и очень русскую, подробность: старуха крестит рот после зевка, — и заменяет «зимнюю ночь» «зимней вьюгой», сообщая переводному стихотворению национальный русский колорит.

М. Ю. Степина (Санкт-Петербург) в докладе «„Письма“ (1856) и „Горящие письма“ (1877): две редакции одного стихотворения» обратилась к истории создания канонического текста (1877): «исправленному стихотворению», вошедшему в сборник «Стихотворений Н. Некрасова» 1856 года, и анализу всех сохранившихся вариантов. Вариант автографа 1856 года заявляет о судьбоносности связи для обоих и взаимоисключающих условиях этой связи. Неснимаемое противоречие порождает драматизм финала, который не умалывается даже заменой строк на отточия. Вариант канонический заставляет вникнуть в смысл рока и безумия. То ли безумие заключается в непонимании героиней неразрывности союза, и рок в ее следовании безумию — нерассуждающему импульсу или капризу. То ли рок заключается, напротив, в предрешенности разлуки, в которую не верили любящие, по крайней мере один любящий, и рок исполняется минуя разум, в без-умии. В строки заложена противоречивость истолкования, выраженная другими словами, нежели в первоначальной редакции,

но предельно близкая по накалу и по смыслу. Перерабатывая стихотворение, Некрасов внес вполне определенные изменения в его образный строй. Но парадоксальным образом, меняя акценты, минуя описание собственных чувств и значительно суше очертив абрис возлюбленной в каноническом варианте 1877 года, он оставил прежней психологическую прорисовку любовной драмы.

О. Б. Кафанова обратилась к теме «Жорж Санд в творческой и личной жизни Некрасова». Литературная деятельность Некрасова, начавшаяся в 1840-е годы, совпала с распространением в России своего рода культа Жорж Санд, созданию которого способствовали петербургские и московские западники. Некрасов оставил немного развернутых высказываний о творчестве французской писательницы, но, по-видимому, разделял свойственную В. Г. Белинскому и его единомышленникам высокую ее оценку. Журнал «Современник», редактором которого в 1847 году стал Некрасов, сразу сделал Жорж Санд программным автором. На протяжении 1850-х годов в нем публиковались не только художественные произведения Санд, но и сочувственные критические отклики о них, а также многолетняя автобиографическая «История моей жизни», которую Н. Г. Чернышевский переводил, пересказывал и комментировал на протяжении 1855–1856 годов. Западники усвоили и идущую от жоржсандовского сюжета (роман «Жак») модель «самоустранения мужа», которая нашла отражение в любовном быту людей «сороковых годов», в том числе и в любовном треугольнике Некрасов — Авдотья Панаева — Иван Панаев.

В. А. Доманский (Санкт-Петербург) начал свое выступление «„Тургеневская“ и „некрасовская“ девушка как литературные типы» с гипотетического вопроса: а была ли «некрасовская вьюшка»? Наряду с крестьянским типом девушки, который появляется в знаменитой «Тройке», Некрасов попытался создать образ провинциальной барышни из небогатой дворянской семьи. Публикация его поэмы «Саша» в журнале «Современник» (№ 1 за 1856 год) одновременно с романом И. С. Тургенева «Рудин» (с посвящением последнему) навела исследователей на мысль о влиянии Тургенева на Некрасова. Не соглашаясь с этим, докладчик аргументированно доказывал, что роман «Рудин» и поэма «Саша» создавались обоими писателями в одно и то же время в дружеском общении. Это сказалось на перекличке сюжетов двух произведений и некоторых общих для их главных героинь черт характера (любовь к природе, цельность натуры, стремление к знаниям, духовному развитию). Сюжетная перекличка, в определенной степени, объясняется тем, что и Тургенев, и Некрасов в своих произведениях опирались на разработанную в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина матрицу усадебного сюжета. Но в отличие от Тургенева, который в своих романах будет развивать и модифицировать созданный им образ девушки, вошедший

в русскую литературу как культурный код — «тургеневская девушка», Некрасов больше к данному образу не возвращается, сосредоточив свое внимание на образе русской женщины, «величавой славянки».

Ф. А. Мостовский (Санкт-Петербург) в докладе «Элементы некрасовской поэтики в романе И. С. Тургенева „Новь“» познакомил слушателей с несколькими наблюдениями, указывающими, по его мнению, на преломление черт исторической личности Н. А. Некрасова в образе Нежданова.

С проблемой прототипа (поэма «Несчастные», образ Крота) связан доклад М. С. Макеева (Москва) «„Экономический“ комментарий к поэме „Несчастные“». Исследователь обратился к фрагменту в рукописи, частично написанному карандашом: «У ней, родимой, требы многи: / Бедна по милости воров! / В ней пышны барские чертоги, / Но жалки избы мужиков. / Недостает у ней дохода / В неурожай кормить крестьян, / И нечем выкупить народа / Царю у палачей-дворян!..». Задавшись вопросом, почему поэт в ходе работы над поэмой упоминает именно такой способ выкупа, Макеев указал, что соображения подобного рода высказывались декабристом И. Д. Якушкиным, скончавшимся после возвращения из ссылки 11 августа 1857 года. Его записки, статьи и письма были подготовлены к изданию его младшим сыном, Е. И. Якушкиным (полностью издано в 1951 году). В издании (с. 61) есть высказывание И. Д. Якушкина: «Я ожидал ареста и нарочно положил на стол листок с исчислениями о выкупе крепостных крестьян в России, надеясь, что этот листок возьмут вместе со мной, что он, может быть, обратит на себя внимание правительства. Я предложил Обрезкову взять эти исчисления, но он отвечал мне, что эти цифры ему несколько не нужны». Обращаясь к биографиям И. Д. и Е. И. Якушкина, исследователь напоминает о служебной (правовой) и общественной деятельности последнего и услугах, оказанных им русской литературе в изучении наследия и биографии Пушкина. В 1859 году Е. И. Якушкин перешел на службу в Ярославль, и туда адресовано письмо Некрасова к нему от 7 октября 1862 года. Докладчик подчеркнул, что, несмотря на поиски, нет никаких доказательств в пользу того, что И. Д. Якушкин явился одним из прототипов Крота. Тем не менее высказывания и действия самого Якушкина и его сына являются неотъемлемой и характерной частью общественно-исторического контекста эпохи и этого произведения Некрасова.

В докладе Г. В. Федяновой и Т. П. Баталовой (Санкт-Петербург) «Сюжетно-композиционные особенности поэмы „Тишина“» особое внимание было уделено проблеме духовности произведения, отмечена связь ряда мотивов — «храм», «умиление», «Свершилось!», «русский путь» — с традиционными ценностями православной культуры. Было указано на соотношение эволюции сюжета с конкретными историческими событиями — Крымская вой-

на, первые мирные дни Руси. Также исследователи обратили внимание на особенности архитектоники «Тишины». В докладе были проанализированы жанровые особенности произведения.

Проблема общественно-политического контекста некрасовского творчества, поэтике его идеологических оппонентов посвящены были два доклада.

С. В. Березкина (Санкт-Петербург) в докладе «Еще раз о двух „Железных дорогах“ (С. П. Шевырев и Н. А. Некрасов)» проанализировала художественное произведение С. П. Шевырева (1842) в контексте общественно-политической проблематики, которая, будучи затронута К. Чуковским в книге «Мастерство Некрасова», еще не исчерпана. Докладчица исследует индивидуальную художественную манеру Шевырева. Шевырев заявляется как идеолог, он был из числа создателей идеологии и осознавал это как свое призвание. Рядом с его стихами нужно искать какой-то директивный документ эпохи. Императорские указы (это если речь идет о мирном времени) или приказы (если о военном, например, о Восточной (Крымской) войне), отголоски и образы документов, скрепленных именем императора, особым, виртуознейшим образом вплетались Шевыревым в ткань своих стихотворений. Эти документы готовились и писались людьми даровитыми, образованными, с широким кругозором, и само по себе знакомство с такого рода документом — это знакомство с интересным историческим источником, а стихи Шевырева можно назвать официозными, или на случай, а можно назвать и так — стихи, отражающие события государственной жизни империи. Рядом с таким историческим источником официальное, как принято говорить, стихотворение (а в 1840-х — начале 1860-х годов, до кончины в 1864 году, Шевырев написал таких стихотворений около трех десятков) получает некую глубину и особый интерес — именно как историческое свидетельство. «Железная дорога» Шевырева посвящена началу грандиозной стройки, озаменованной высочайшим указом от 1 февраля 1842 года, в котором говорилось об учреждении Особого комитета и Строительной комиссии для устройства Санкт-Петербургско-Московской железной дороги. Указ был опубликован в газетах 6 февраля 1842 года, стихотворение помечено датой 16 февраля. Председателем комитета стал наследник вел. кн. Александр Николаевич. Указ Николая I положил конец многолетнему спору, поскольку большинство министров было против этого строительства. Шевырев выступает решительным сторонником железной дороги, в которой видит зачаток растущей индустриальной мощи России. Для него будущая железная дорога — это «света знаний торжество» и источник будущего единства России, центром которой останется Москва (от которой и пошли во все концы железнодорожные магистрали, еще в дореволюционной России). Обратившись к полемике Шевырева и его оппонентов, докладчица

дополнила существующий комментарий в академическом издании Некрасова актуальными подробностями.

С. Н. Серягин (Ульяновск) обратился к теме «„Валуевский сборник“ в журнальном контексте 1840-х гг.». Докладчик напомнил, что симбирский помещик Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845) в середине 1840-х годов организует и издает детско-педагогический журнал «Библиотека для воспитания» (1843–1846), участвует в издании «Симбирского сборника. Часть 1-я, историческая». Особый интерес представляет его работа над «Сборником исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных». В этом издании впервые раскрывается для широкого круга лиц позиция славянофильского направления. Статьи сборника условно разделяются на научные (знакомящие читателя со славянским миром Европы) и идеологические. Идейной составляющей уделяется основное внимание как современным изданию рецензентов, так и позднейших исследователей. Свообразным «манифестом» славянофилов признается идея Валуева о необходимости самостоятельного развития науки и культуры в России, с возможным отходом от западных влияний. По мнению исследователей, «выход в свет Валуевского сборника и критическую рецензию Кавелина на него можно считать началом полемики между славянофилами и западниками в области русской истории».

Несколько докладов были посвящены истории русской драмы и роли некрасовских журналов в этом процессе.

П. М. Тамаев (Иваново) предложил вниманию слушателей доклад «Становление драматургического отдела журнала „Современник“». Основу научного сюжета его выступления составили лишь некоторые литературные факты (события), которые историками литературы оцениваются как периферийные. Прочтение же их убеждает в том, что русские драматурги изображали живые начала национального бытия и их изломы. Но главное достижение нового отдела издания состояло в постижении, показе и обличении «русских плутов», «самодуров», «рыцарей нашего времени», а также в изображении различных сторон русского заходустья. Русский драматический канон утверждался в художественной разработке ситуаций, фабул, типов (характеров), стиля, языка.

Н. С. Тугарина (Щельково) в докладе «А. Н. Островский в „Современнике“ и „Отечественных записках“» обратилась к истории творческих и личных взаимоотношений крупнейшего национального драматурга с поэтом и издателем. Сотрудниками журнала «Современник» А. Н. Островский был замечен после публикации его пьесы «Банкрут, или Свои люди — сочтемся!». «Современник» был заинтересован в работах молодого драматурга: в феврале 1856 года заключается договор о постоянном и исключительном сотрудничестве

Островского с журналом. Поначалу по ряду причин все складывалось непросто. Из переписки тех лет следует, что Некрасов и Панаев просят прислать пьесы для журнала, а Островский обещает и медлит. Одной из важных причин было то, что для самого Островского середина 1850-х годов — время поиска дальнейших путей. Было много набросков и планов, однако крупных произведений не появлялось. Был интерес к истории, но работа над новым направлением творчества не давала скорых результатов. Драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» была завершена в 1862 году и опубликована в «Современнике». С этого времени начнется стабильное сотрудничество Островского с журналом, в котором были опубликованы: «Праздничный сон до обеда» (из трилогии о Бальзаминове), «Старый друг лучше новых двух», «Тяжелые дни», «Шутники», «Воевода», «На бойком месте» и др. Сотрудничество Островского с «Отечественными записками» оказалось подготовленным. С 1868 года драматург стал постоянным сотрудником журнала, это совпало с периодом расцвета его творчества, далее последовали по-настоящему созидательные полтора десятилетия. Как правило, в «Отечественных записках» ежегодно печаталась новая пьеса Островского, нередко ею начинался журнальный год. Всего на страницах журнала было опубликовано 19 оригинальных пьес, среди них «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги», «Лес», «Поздняя любовь», «Последняя жертва», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Красавец-мужчина». Только «Снегурочка» (1873) внесла некоторую «сердечную остуду» в отношения между автором и издателем. Пьеса была напечатана в «Вестнике Европы», но сотрудничество Островского и Некрасова продолжилось. Последней публикацией Островского в «Отечественных записках» стала пьеса «Без вины виноватые» (1884).

К яркому и драматичному эпизоду этой истории обратилась и Т. В. Москвина (Санкт-Петербург) в своем выступлении «Некрасов и Островский: война за „Снегурочку“».

Тема личных и творческих взаимоотношений Некрасова с лицами из его окружения была поддержана в еще нескольких выступлениях.

Доклад Л. П. Громовой (Санкт-Петербург) «От сотрудничества — к конкуренции: из журнальных взаимоотношений Некрасова и А. А. Краевского» был посвящен творческим отношениям двух крупнейших редакторов и издателей XIX века, в биографиях которых отразились сложные коллизии литературного бытия и конкуренции издателей на формирующемся рынке российской журналистики: околожурнальные распри 1840-х годов, продолжавшиеся на протяжении 1850-х и первой половины 1860-х годов и закончившиеся арендой Некрасовым журнала Краевского «Отечественные записки» с 1868 года и их сотрудничеством. Докладчица отметила, что вокруг истории

взаимоотношений этих двух выдающихся руководителей ведущих изданий своего времени наслоилось много предвзятых, далеких от истины суждений, и обратилась к начальному периоду их сотрудничества в «Литературной газете», когда Некрасов сначала «состоял на службе» у Ф. А. Кони (в 1841 году), затем у Краевского — «в ученье» (в 1842 году), а в 1843–1845 годах стал негласным редактором «Литературной газеты».

Л. А. Тимофеева (Санкт-Петербург) обратилась в своем выступлении к малоизученному эпизоду: «В. И. Писарева о Некрасове и издании „Сочинений“ Д. И. Писарева (июль 1868)». В 1868 году В. И. Писарева отправила письмо петербургскому книгопродавцу С. В. Звонареву относительно опубликованного им объявления о подготовке к изданию двух томов «Сочинений» покойного Д. И. Писарева. Черновик этого письма в копии Е. П. Казанович находится в ОР РНБ. Объявление Звонарева было инициировано Некрасовым и опубликовано в июле 1868 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» после трагической гибели Писарева. В это время издателем Писарева был Ф. Ф. Павленков и появление конкурентной информации вызвало возмущение В. И. Писаревой — фактической наследницы брата. Ее письмо содержит негативный отзыв о факте непропорциональной коммерческой информации Звонарева и о личности Некрасова. По-видимому, полный текст этого письма не известен литературоведам, поскольку никакой информации о роли Некрасова в этих событиях ни в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова», ни в «Биографической хронике» Д. И. Писарева нет. Единственной работой, в которой упомянуто письмо Писаревой (с публикацией фрагмента, посвященного нравственным качествам демократического издателя), был очерк А. П. Толстякова, посвященный Павленкову. В докладе были изложены события июля 1868 года, некоторые факты из биографии Звонарева, а также приведен полный текст письма В. И. Писаревой.

В докладе Г. В. Красильникова (Ярославль) «Н. А. Некрасов и ярославские крестьяне-охотники» прозвучали имена его «друзей-приятелей» Ефима Ивановича Солнышкова и его сына Кузмы Ефимовича, Лавра Николаевича Салаутина, Николая Андреевича Осорина и Никанора Афанасьевича Бутылина. Сопоставление мемуарных свидетельств с эпистолярными и документальными источниками позволило проверить в корпусе крестьянских воспоминаний достоверность отдельных фактов, уточнить хронологию приездов поэта в Ярославскую губернию, круг его ярославского окружения и места охот.

Доклад В. М. Игнатенко (Ломоносов) «Вокруг ораниенбаумских дач: круг Некрасова» дополняет представление о великосветских знакомых поэта и о местах, связанных с его именем. В 1851 году Некрасов впервые побывал на южном берегу Финского залива и был очарован морскими пейзажами, мягким

климатом и богатыми охотничьими угодьями. В письме от 15 сентября к Тургеневу он сообщал об охоте на «серых куропаток, которых множество за Ораниенбаумом, верстах в 20-ти». Вероятно, это окрестности Гостилиц или Ропши. В 1854–1858 годах И. И. и А. Я. Панаевы вместе с Некрасовым снимали дачу в Мартышкино, известную краеведам как дача Бека (не сохранилась). Дача располагалась на Петергофской дороге по соседству с усадьбами «Собственная дача», принадлежавшей цесаревичу Александру Николаевичу, «Сергиевка», принадлежавшей великой княгине Марии Николаевне, и «Мордвиновка» графа А. А. Мордвинова, шталмейстера высочайшего двора, предводителя дворянства Санкт-Петербургской губернии, внука адмирала Н. С. Мордвинова. Внучка последнего, Мария Аркадьевна, урожденная Столыпина, первым браком была замужем за И. А. Беком, у родственников которого снимали дачу Некрасов и Панаевы. В гостях у них часто бывали сотрудники и авторы «Современника», так как и на даче не прекращалась работа над новыми номерами журнала. В 1858 году Д. В. Григорович привез сюда французского романиста Александра Дюма-отца. Позже в ораниенбаумском имении Богумиловка построил дачу инженер путей сообщения А. И. Ераков, близкий друг Некрасова, гражданский муж его сестры Анны Алексеевны. Здесь были созданы многие произведения Некрасова и произошло немало количество событий, оказавших непосредственное влияние на судьбу русской журналистики.

И. В. Ваганова (Ярославль) выступила с докладом «Некрасовское наследие в издательстве К. Ф. Некрасова (1911–1916 гг.): осуществленные и нереализованные планы». Константин Федорович Некрасов, племянник поэта, в 1911 году в Ярославле открыл свое издательство, в планах которого наследие великого дяди занимало определенное место. В августе 1911 года начинающий издатель обратился к В. Е. Чехихину (псевд. Ч. Ветринский) с предложением подготовить обстоятельную работу о поэте, но Чехихин настаивал на издании полного собрания сочинений Некрасова. Брат издателя А. Ф. Некрасов, которому принадлежало право на издание наследия поэта, был против этого проекта, хотел отложить его на будущее. Тогда Константин Некрасов, чтобы разрешить спор, обратился к Валерию Брюсову, который оказывал в период становления издательства решающее влияние на литературные вкусы издателя. В 1914 году в издательстве К. Ф. Некрасова вышла книга В. Евгеньева-Максимова «Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов», которой он остался страшно недоволен. Причины недовольства Евгеньев-Максимов высказал издателю в письме, назвав их объективными. Некрасоведы начала XX века проявляли большой интерес к архиву поэта, который хранился в Карабихе, но издатель не спешил открывать его. Доверил только Н. С. Ашукину,

работавшему в те годы секретарем издательства. «Архив села Карабихи» вышел в 1916 году. В предисловии «От издателя» К. Ф. Некрасов пообещал выпустить второй том и включить в него некоторые неизданные произведения Некрасова в стихах и прозе, а также довольно многочисленные варианты уже известных произведений. Однако второй том так и не появился, а первый вызвал немало критических отзывов.

Выступление О. А. Замареновой (Санкт-Петербург) «Уточнения к истории создания гравированных портретов Н. А. Добролюбова и И. И. Панаева» было посвящено проблемам иконографии лиц из окружения Некрасова. Создание научного описания портретов, включающего в себя атрибуцию, историю их создания и бытования, — приоритетная задача хранителей фондов музея. Яркая особенность квартиры Некрасова — множество портретов писателей, русских и зарубежных, наличие которых в комнатах подтверждается многими мемуарными источниками. Особое место в этом ряду занимает портрет Н. А. Добролюбова (Портрет Н. А. Добролюбова. Неизвестный гравер с фотографии И. А. Гоха (Jean Hock), СПб., 1860 г. Издательская фирма «А. Ф. Брокгауз», Лейпциг. Бумага, гравюра резцом на стали): он запечатлен на портрете-картине И. Н. Крамского «Некрасов в период последних песен» (1878), висящем в рамке на стене над лежащим в постели уже безнадежно больным поэтом. История этого портрета впервые была описана Г. В. Красновым («Н. А. Добролюбов. Материалы для лекций и бесед», 1962). Докладчица внесла поправку: Петр (а не Павел) Федорович Борель (1829–1898) действительно создал портрет Добролюбова, но не гравированный, а литографированный, и издавался он не в Лейпциге в фирме «А. Ф. Брокгауз», а в Петербурге в литографии А. Э. Мюнстера (1824–1908), литографа и издателя. В разделе «Счет кассы» конторской книги «Современника» за 1862 год в графе общих расходов за 21 мая значится: «Выдано чрез Н. А. Некрасова Г. Гербелью на портреты Добролюбова и Ив. Ив. Панаева 300 руб.»; и далее: «Выдано по тому же предмету чрез Н. А. Некрасова Г. Гербелью по счету 6 руб. 60 коп.». Эти записи позволяют сделать вывод о том, что инициатива создания посмертных портретов важнейших сотрудников «Современника» принадлежит редакции и оплата осуществлялась со счетов кассы журнала. Кроме того, они приоткрывают посредническую роль Н. В. Гербеля в этой истории. В 1861 году Гербель начал выпускать в Лейпциге в издательстве «Ф. А. Брокгауз» «Библиотеку русских авторов». Не вызывает сомнения, что именно через него заказ на портреты был размещен у «А. Ф. Брокгауза», так как Некрасов хорошо знал о тесных контактах Гербеля с этой издательской фирмой. История создания портрета Панаева началась с обещания Чернышевского, сделанного в «Некрологе Ивана Ивановича Панаева» от имени редакции, приложить к журналу его портрет. В мае

1862 года заказ на портрет был сделан через Гербеля в Лейпциге в фирме «А. Ф. Брокгауз». Но доставить подписчикам обещанный портрет в виде приложения к журналу редакции удалось лишь в марте 1863 года, так как в июне 1862 года «Современник» был приостановлен на 8 месяцев. Вероятно, оригинал фотопортрета Панаева, с которого был гравирован рассматриваемый портрет, был предоставлен редакции его матерью. Оба рассмотренных гравированных портрета получили широкое распространение и неоднократно воспроизводились в разных изданиях. В музейной практике случается иногда, что один и тот же предмет несколько раз подвергается переатрибуции. Новые, уточненные и дополненные сведения необходимо учитывать исследователям, публикующим свои материалы с использованием иллюстративного материала, в том числе и портретов.

Современному представлению о личности и творчестве Некрасова, особенно актуальному ввиду скорого юбилея поэта, были посвящены два выступления, отражающие два различных и важных ракурса. Одно — С. А. Носова (Санкт-Петербург) «Несанкционированный Некрасов: опыт рефлексии современного петербургского литератора» — обращено к малопонятой сегодня теме литературной преемственности или отталкивания и специфике восприятия Некрасова, в XX веке в большой степени ассоциировавшегося с некими идеологическими клише и анахронизмами.

Доклад Е. С. Сониной (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Некрасов и его герои в настольной игре». Самая ранняя из подобных игр — это складные картинки (пазлы) «Мазай и зайцы» (Харьков, 1899), самая современная — викторина «Библио» (2018). Всего в результате знакомства с единственным крупным исследованием по истории русских настольных игр (книгой М. С. Костюхиной «Детский оракул» (М., 2013)) и сплошным просмотром сохранившихся изданий в библиотеках и архивах Петербурга было выявлено 28 игр, частично посвященных Некрасову. Для сравнения: подобных игр, посвященных Пушкину, было обнаружено около 200. По типу игры, позволяющие игрокам вспомнить Некрасова, распределялись так: викторины (10), литературные квартеты (5), лото (3), «гуськи» (3), карты (2), пазлы (2), филлеры (2), книга-игра (1). Чаще всего в играх упоминаются некрасовские «Мороз, Красный нос» (8 раз), «Дедушка Мазай и зайцы» (6), «Русские женщины» (5) и т. д. Единственной монографической игрой, полностью посвященной Некрасову, была книга-игра, выпущенная в начале 2000-х годов в качестве приложения к журналу «Наша школа». Планируемый «Раут с поэтом», целиком построенный на произведениях Некрасова и уже подготовленный к печати московским издательством ООО «ТОТ», пока не осуществлен. Докладчица рассказала не только про игры тиражные, но и про игры самодельные, созданные библиотекарями и учителями, студентами

и школьниками. Такие игры в большом количестве выложены в Интернете, что говорит о востребованности имени Некрасова в игровой подаче материала и одновременно о неудовлетворенном потребительском спросе.

Завершило чтения выступление Е. Н. Долгих (Санкт-Петербург) «„Юбилейные“ энергии В. Е. Евгеньева-Максимова: беречь нельзя использовать (по материалам выставки «Время двигать некрасовские дела»)». В. Е. Евгеньев-Максимов не только создал музеи Некрасова и сделал некрасововедение научной дисциплиной, но и превратил «деятельное некрасоволюбие» в главную страсть своей жизни. «Время двигать некрасовские дела» — так начиналось одно из его многочисленных писем в официальные инстанции. Автор поставил в конце этой фразы точку (вместо гораздо более естественных восклицания или многоточия), поскольку для него она являлась констатацией очевидного, аксиомой, маркирующей силу его убежденности. Можно сказать, что к началу работ Евгеньева-Максимова по утверждению памяти о Некрасове в стране не существовало ничего, кроме всенародной популярности поэта, идеологически вычленяемой из его текстов

социальной доминанты и соответственно потребляемой художественности. «Деятельное некрасоволюбие» обрушивалось энергетическим шквалом на те инстанции и тех персонажей, от которых зависели судьбы некрасовских музеев, изданий или торжеств в связи с какими бы то ни было годовщинами. Ученый использовал любую памятную дату для того, чтобы так или иначе пропагандировать поэта. Доклад аккумулирует и классифицирует «юбилейные» энергии Евгеньева-Максимова, подчеркивая их универсальность и актуальность ввиду стремительно приближающегося 200-летия Николая Алексеевича Некрасова.

Завершающее выступление было вынесено в выставочный зал, и по ходу его слушатели познакомились с выставкой, посвященной крупнейшему некрасововеду.

После экскурсии по экспозиции Мемориальной квартиры Н. А. Некрасова участники и гости слушали концерт из произведений П. И. Чайковского, И. Брамса, И. С. Баха.

© А. М. Берёзкин,
© М. Ю. Данилевская

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-246-249

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТИЛЬ ЕСТЬ ДУША ВЕЩЕЙ»: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Конференция, подготовленная Центром традиционалистских направлений при участии отдела Новейшей литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, состоялась 4 февраля 2019 года. Во вступительном слове А. М. Любомудров напомнил, что фигура В. В. Розанова уникальна в русской и мировой философии. В зрелых своих трудах он поднимается до метафизических высот, многогранного осмысления истории России, ее народа и культуры. Сложными и противоречивыми были его отношения с Церковью, но кончина оказалась подлинно христианской. Сбылись его слова из «Опавших листьев»: «Конечно, я умру все-таки с Церковью, конечно, Церковь мне неизмеримо больше нужна, чем литература». Первый философский труд Розанова назывался «О понимании», но сам он не находил понимания ни при жизни, ни позже, до сих пор оставаясь фигурой противоречивой и загадочной. Тем интереснее разгадывать эту тайну. А. М. Любомудров отметил, что конференция преследует задачу приблизиться к пониманию Розанова.

Заседание открыл доклад В. А. Фатеева (Санкт-Петербург) «Две кончины (Н. Н. Страхов и В. В. Розанов)». В нем прослежена связь

двух событий — ухода из жизни философа и литературного критика Н. Н. Страхова в 1896 году и кончины его младшего друга и подопечного В. В. Розанова в 1919 году. Символично, что они скончались в один день, 5 февраля (по новому стилю). Розанов очень переживал за перенесшего операцию своего учителя, а после обострения болезни в январе 1896 года убеждал его «причаститься по обряду нашей Церкви». Публицист П. А. Матвеев опубликовал в 1907 году статью, в которой утверждал, будто Страхов был неверующий и исповедоваться и причащаться категорически отказался, однако писатель Д. И. Стахеев опроверг это мнение в письме в редакцию, заявив, что перед смертью Страхов все-таки пожелал исповедоваться, но священник пришел уже после его кончины. Что касается Розанова, написавшего незадолго до смерти богохульный «Апокалипсис нашего времени», то дочери писателя свидетельствовали: он умер христианином, после соборования и неоднократного принятия Святых Таин. Однако в обществе упорно распространялись слухи, будто Розанов после причастия поклонился и языческим богам. Уже в 2010-е годы были опубликованы дневники С. Н. Дурылина, в которых подробно

рассказывается о приезде Розанова в Сергиев Посад в августе 1918 года, о его антихристианских настроениях, а также подробно описаны его предсмертные дни, мирная кончина под пеленой св. Сергия и похороны на кладбище Черниговского скита. Дневники не оставляют никаких сомнений, что Розанов ушел из жизни как христианин.

В начале доклада «К вопросу об историософских взглядах Алексея Ремизова периода Второй русской революции (книга «Россия в письменах»)» А. М. Грачева (Санкт-Петербург) отметила идейно-эстетические переключки двух выдающихся фигур русской литературы — Розанова и Ремизова. Основное внимание исследовательница уделила истории создания и историософской концепции книги Ремизова «Россия в письменах. Том 1» (Берлин, 1922), в которой выражено его восприятие революции как исторического катаклизма, нарушающего естественный ход развития России. Главным для писателя стало утверждение прав индивидуума перед провозглашенной революцией волей большинства. По мысли Ремизова, только в результате эволюции, а не революции Россия может продолжить свое историческое существование. «Россия в письменах» — произведение сложной художественной структуры, своеобразный интеллектуальный квест для читателя. На фоне пестрой мозаики автор пытался увидеть логику русской истории. Генеральная авторская идея, проходящая через всю книгу, — произошедший исторический слом. Ремизов воспринимал происходящее в России в апокалиптическом контексте. Об этом, в частности, свидетельствует характерное использование библейской лексики и ритмики. Вслед за Ф. М. Достоевским Ремизов видел в русской революции разгул темных сил. Так сложилось афористическое выражение концепта — утверждение прав человека посреди окружающих и поглощающих его сил. Органичной частью этого ремизовского концепта и стала его книга «Россия в письменах».

В докладе А. А. Грякалова (Санкт-Петербург) «Письмо-свидетельство: опыт В. В. Розанова» последний предстал как мыслитель-диагност и писатель-свидетель. Опираясь на идеи философа и поэта Н. А. Васильева (1880–1940), докладчик сделал попытку рассмотреть писания Розанова в контексте паранепротиворечивой логики. Он подчеркнул, что наряду с определением правоты или неправоты Розанова в конкретике нужно иметь в виду то *родовое*, что способно придавать той или иной субъективности всеобщую значимость. Письмо не есть усилие одного только автора послания, а дело всей предшествующей любовно-понимающей энергии. «Я-то бездарен, да тема моя гениальна», — утверждал Розанов. Письмо его развернуто в противопоставлении позиций, но в органическом единстве создает панорамную картину видения «с разных углов». Мышление Розанова точнее всего надо бы называть *событийным* (ср.: «Где же тогда истина? — В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать

одну. В колебании»). Письмо как послание («от одного к другому») ориентировано на аподиктический опыт очевидного, но письмо как процесс обращено к символическим основаниям культуры. Именно они дают возможность уйти от фиксации противоречий, не впадая в дурную бесконечность перечислений. Обращение к письму дает представление о целостности, над-противоречивые основания которой Розанов стремился определить в работе «О понимании» обращением к феноменам поэзии, наблюдательной и психологической словесности. Ценить Розанова, заключил исследователь, нужно за усилие письма в обращенности к месту: жизнь изменится под воздействием письма: «Русь станет иною. Лучшее. Светозарною».

В докладе А. О. Крикун (Санкт-Петербург) «В. В. Розанов о „Смысле творчества“ Н. А. Бердяева (две тенденции в русском духовном ренессансе)» речь шла об идейном и идеологическом противостоянии двух философов. Первое столкновение произошло в 1907 году, когда на заседании Религиозно-философского общества Розанов выступил со скандальным докладом «Об Иисусе Сладчайшем и горьких плодах мира». На ближайшем заседании с возражениями выступил Бердяев, представив свой доклад «Христос и мир». Следующее столкновение оппонентов, тоже имевшее общественное значение, произошло спустя семь лет. На страницах своей книги «Война 1914 года и русское возрождение» Розанов постулирует крах европейской культуры и торжество славянофильской идеи. Реакция Н. А. Бердяева была мгновенной: он пишет статью «О „вечно бабьем“ в русской душе». Идейная оппозиция продолжилась в полемике по поводу книги Бердяева «Смысл творчества», когда Розанов выступил против бердяевской концепции мира как творчества. Автор доклада пришел к выводу: две формации начала XX века — «новые христиане» и «новые православные», — несмотря на некоторый синтез культурных особенностей Запада и Востока, повторили ситуацию противоборства славянофилов и западников. Главное различие между ними заключается в понимании христианского «русского пути». Каким должно быть это христианство — социально-активным или созерцательно-пассивным? Бердяев, который был против возврата к традиционному православию, ратовал за «новое религиозное сознание», в то время как Розанов оставался приверженцем традиционного православного быта.

В докладе «А. Блок и В. Розанов: две Италии (по материалам библиотеки Блока)» Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) сопоставила два итальянских путешествия эпохи модерна, предпринятые Розановым в 1901 году и Блоком в 1909-м. В жанровом и в экзистенциально-тематическом аспекте были проанализированы их творческие результаты — книга очерков Розанова «Итальянские впечатления» (1909), тяготеющая к травелого, «Итальянские стихи» Блока и эссе, вошедшие

в его незавершенную книгу «Молнии искусства», к работе над которой он приступил осенью 1909 года. Докладчица впервые сделала предметом исследования пометы и маргиналии Блока на книге Розанова, приобретенной, согласно записи на шмуцтитуле, 24 июня 1909 года. На их основе был определен вектор читательских интересов Блока, порой неожиданный (внимание к трактовкам итальянского религиозного искусства, к соотношению язычества и христианства, к теме языческой жертвы, к различиям католицизма и православия в розановском восприятии), а также выявлен ряд реминисценций и аллюзий, отразившихся в «Молниях искусства». Пожалуй, это первое текстуально зафиксированное свидетельство воздействия эссеистики Розанова на прозу Блока, что позволяет расширить сферу изучения подобных влияний, а не ограничиваться лишь биографическим сюжетом «притяжения» и «отталкивания» двух писателей-современников.

Неизвестным архивным материалам был посвящен доклад А. П. Дмитриева (Санкт-Петербург) «В. В. Розанов о „демонизме цивилизации“, критиках „дурного сердца“ и „бестолковости“ Словаря С. А. Венгерова. Из неопубликованной переписки». Среди ранних писем Розанова (1898–1899) особенно интересно исповедальное послание 1898 года. Главную свою боль — тему незаконнорожденных детей — Розанов вводит в нем через иносказание, используя образы тургеневских героев. Развитие этого мотива приводит писателя к отчаянному заключению о «демонизме цивилизации», заставляющему вспомнить «дьяволов водевилей» из «Бесов» Достоевского. Розанов относит себя к «поколению Лаврецкого, но который предпочел бы сблизиться с Лизой Калитиной, чем зарываться в гроб...» И далее: «Характерно в нашей цивилизации „любви“, что „любящие“ — то по всем линиям существования и отвергнуты; ведь беспутная жена Лаврецкого никем не отвергается, а отвергнуты в порывах любви и истинно высокой и чистой любви — сам Лаврецкий и Лиза Калитина; а если б у них родились дети — то и они отвергнуты; прямо оторваны от существа отца и матери и „легально“ выбрасываются на улицу. Это демонизм какой-то цивилизации нашей, который еще я раскусываю и не умею сообразить». Второй период переписки связан с обсуждением «Критико-биографического словаря» Венгерова. В письме от 3 октября 1915 года Розанов с восхищением пишет о громадности проекта, с теплотой называя его «бестолковым»: «...не скрою, что мне нравится самая бестолковость всего дела, ибо это „порусски“, как у Южакова, Скабичевского и де-Роберти, вообще „у наших“ безголовых, но милых людей». Диатриба Розанова посвящена имени Ю. Айхенвальда: «Его „Силуэты“ прелестны, талантливы, ярки — но их тон вообще недостойн предмета такой тяжеловесности, как „Русская литература“. Что это за „скольжение по теме“, за „сверкание своим

умом“. Что-то есть страшное в этом. Всё „сам“, всё „я“. Он безумно тщеславен, и это отнимает у таланта его всякую моральную ценность. <...> Его отношение к Белинскому <...> — в высшей степени недостойно. ТАК о Белинском ГОВОРИТЬ НЕЛЬЗЯ. <...> Но что же такое „Силуэты“? Разве это работа? Это — штрихи, беглые замечания, талантливая злость, и „как я счастлив в своем великолепном слоге“ <...> Айхенвальд — поэт, но поэт дурного сердца». Публикация богатейшего эпистолярного наследия Розанова в полном объеме есть насущная задача науки.

А. М. Любомудров (Санкт-Петербург) в докладе «Розанов — противник мануэлици» рассказал о полемике вокруг орфографической реформы, введенной циркулярами министра просвещения Временного правительства А. А. Мануйлова в мае 1917 года. Новое правописание получило историческое название «мануэлици». Одним из первых выступлений в защиту традиции стала статья В. В. Розанова «Заметки о новом правописании» (27 июня 1917 года). Говоря о несвоевременности реформы, предпринятой в эпоху войны и разрухи, Розанов признает несостоятельным мотив реформаторов: якобы старое письмо чрезвычайно трудно усваивается учениками. Он убежден, что «для огромного большинства учеников исторически правильная орфография не представляет никакого затруднения». В реформе он видит проявление нигилизма, разрыв с исторической традицией; нелепо вводить «заведомо ложное и смешное правописание, противоречащее духу и истории славянского и русского языка». Розанов положил начало публикациям противников реформы. Его позиция была подкреплена в выступлениях В. Чудовского, М. Шагинян, А. Блока, И. Бунина, П. Мироносицкого, Н. Досекина, Б. Зайцева, М. Гершензона, Б. Николаева. Примечательно, что уже в нашу эпоху убежденность Розанова в необходимости печатать классиков по традиционной орфографии стала актуальной, нашла своих сторонников и реализовалась в ряде изданий.

В конференции принял заочное участие А. В. Ломоносов (Москва), представив стеновый доклад «Недолгое сотрудничество. В. В. Розанов в журнале И. И. Ясинского (по фондам ОР РГБ и РО ИРЛИ)». Их переписка началась в 1899 году и касалась публикаций в «Биржевых ведомостях». Розанов высоко ценил в своем редакторе талант беллетриста и просил сориентировать его в направлении издания, которое он назвал «смесью дикости и цивилизации». Ясинский отказался печатать в своем журнале «Ежемесячные сочинения» первую из присланных работ Розанова, так как запрос издания был направлен исключительно на литературно-философскую тематику, а не общественно-политическую, в рамках которой находилась статья. В общении Розанов неизменно соблюдал этикет журналистики, всегда откликнулся на присылаемые ему Ясинским книги для рецензирования, дал высокую

оценку писателю в 40-летний юбилей его литературной деятельности. Ясинский пригласил Розанова к сотрудничеству в своем еженедельнике «Новое слово», где за два года опубликовал 12 его статей. Приоритетное место в материалах Розанова отдавалось жанру очерка. Перемены в отношениях литераторов произошли после публичной травли Розанова в 1910–1911 годах из-за выхода сборника «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб., 1910). Редактор разделил общий настрой либеральной общественности. Показательна и другая история. Когда Розанов выступил с обвинениями в подкупе японцами сотрудников «Русского

богатства» в целях антивоенной и революционной пропаганды, Ясинский объявил ему о невозможности дальнейшего сотрудничества и только позже, в годы революции, убедился в правоте отринутого автора.

Конференция завершилась содержательным обменом мнениями по поводу прозвучавших докладов. Участники заметили, что Пушкинский Дом оказался едва ли не единственным учреждением, отметившим юбилейную дату выдающегося русского философа.

© А. М. Любимудров

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-249-252

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗРЕЛОСТЬ КАК СЮЖЕТ»

11–13 апреля 2019 года в Твери состоялась международная научная конференция «Зрелость как сюжет», организованная кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Членами оргкомитета конференции выступили С. А. Васильева (Тверь), А. М. Грачева (Санкт-Петербург), С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) и А. Ю. Сорочан (Тверь).

Конференция продолжила исследовательскую работу, начатую в 2012–2018 годах в рамках серии конференций «Время как сюжет», где рассматривались категории «прошлое», «настоящее», «будущее», «вечность», «мгновение», «безвремя», «юность». Основная проблема, которой было посвящено это научное мероприятие, — исследование художественных стратегий одной из составляющих категории времени в литературе, сюжетного потенциала индивидуального времени. «Зрелость» в отношении личности рассматривается чаще всего как наиболее плодотворный этап жизни, как расцвет; такой подход возможен и в оценке развития государства/нации, цивилизации, человечества. На протяжении столетий менялись возрастные границы «зрелости», менялись характеристики, которые с ней связаны, каждая эпоха предлагала свои нормы и сюжеты. Об этом рассуждали на конференции представители научного сообщества — филологи, философы, культурологи, киноведы, исследователи визуальных искусств. В конференции приняли участие исследователи из городов России и Китая.

На пленарном заседании были обозначены основные направления работы — возраст героя и возраст автора, биографическая зрелость и зрелость духовная, особое положение «зрелого» наблюдателя в художественном

произведении. Далее исследователи обсуждали жизнотворчество и эстетику зрелости, нравственную зрелость и обретения и утраты, связанные с индивидуальными представлениями о течении времени, проблемы социологии и специфические мотивы, с которыми ассоциируется зрелость в искусстве.

Конференцию приветствовали сотрудники ТвГУ: декан филологического факультета М. Л. Логунов, заведующая кафедрой истории и теории литературы О. С. Карандашова, профессор кафедры истории и теории литературы А. Ю. Сорочан.

Пленарное заседание первого дня открыл В. А. Кошелев (Арзамас). В своем выступлении «Между молодостью и старостью: О возрасте героя русской словесности», посвященного основе русского литературного характера, докладчик обозначил, что возраст героя относится к понятию социальному и статусному, а также продемонстрировал, как в литературе первой половины XIX века кодифицируется зрелость и как устанавливается возрастной рубеж «зрелого» героя — 38 лет.

И. В. Мотеюнайте (Псков) в докладе «„Зрелость“ С. Н. Дурылина-исследователя: биография и методология» проанализировала категориальное понятие «зрелость» с точки зрения биографической эволюции. Предметом рассмотрения стала жизнь и научная деятельность писателя и литературоведа. Особое внимание было уделено анализу полемики С. Н. Дурылина-богослова с марксистами. Исследовательница отметила, что проблема «зрелости» литературных занятий, наоборот, оказывается признаком незрелости автора.

Тему литературной зрелости автора продолжила А. М. Грачева (Санкт-Петербург) докладом «Последняя литературная ученица Алексея Ремизова (Н. В. Кодрянская на страницах

«Дневника мыслей»», в котором исследовательница констатировала, что для Кодрянской период зрелости был завершением работы своего учителя. После смерти Ремизова «Дневник мыслей» остался у Кодрянской, которая, выполняя последнюю волю писателя, вернула его на родину, передав в РГАЛИ. А в 1950 году в Париже вышла первая книга Кодрянской «Сказки» с иллюстрациями Н. С. Гончаровой и предисловием Ремизова, выступившим в амплуа наставника и редактора философских сказок для взрослых.

Иной подход к пониманию зрелости сквозь призму философских категорий эстетики, этики и религии, выделенных датским философом С. Кьеркегором, рассмотрела в выступлении «Обретение духовной зрелости рыцарем веры: («Страх и трепет» С. Кьеркегора)» И. Б. Сазеева (Мытищи). Человек в его философии проходит три стадии развития: эстетическую, этическую и религиозную, на которой он достигает уровня «рыцаря веры». Первая стадия характеризуется увлеченностью внешним миром и нежеланием стать собой, на второй формируется цельная личность, сохраняющая основы общепринятой этики, но одержимая гордыней. И наконец, на религиозной стадии отчаяние человека, стремящегося к Богу, позволяет ему стать выше человеческих установлений и, пройдя через абсурд, обрести истинную веру. Только это состояние, по мнению Кьеркегора, и является истинной духовной зрелостью.

Пленарное заседание завершилось докладом А. Ю. Сорочана (Тверь): «Изгой и наблюдатель: зрелость как точка зрения в литературе ужасов XX века». Докладчик обратился к категориальной проблеме «свое/чужое», которая предстает в литературе ужасов столкновением разных возрастов. Исследователь отметил, что временная дистанция в жанровой литературе трансформируется, а в мире, управляемом чуждыми силами, «зрелость» оказывается не важной. Зрелость здесь, скорее, понятие экономическое и социальное, обозначение статуса героя в обществе. В повести А. Мейчена «Белый порошок» и романе Э. Джемсона «Дом 19» зрелость героя — финансовая независимость, стремление не быть изгоем. Взросление и зрелость у Э. По — это, в первую очередь, осознание собственной чудовищности.

Следующее заседание было посвящено жизнетворчеству зрелости. Ю. М. Никишов (Тверь) прочитал доклад «Покорный общему закону, переменялся я...», посвященный зрелости в творческом сознании А. С. Пушкина и его эволюции, как поэта и писателя.

Метафору зрелости жизни поэта в докладе «На полудороге к ясности и покою: Зрелость в поэзии В. А. Жуковского» обозначила О. С. Карандашова (Тверь). Тему жизнетворчества поэта продолжила в своем выступлении «Зрелость как сюжет жизнетворчества В. А. Жуковского» Н. Е. Никонова (Томск). В 2018 году благодаря труду томских исследователей вышел последний том Полного собрания сочинений

и писем поэта, а также издан том его немецких сочинений и автопереводов, к изданию подготовлена большая часть писем. Зрелость как сюжет наличествует в творчестве поэта и воспитателя царских фамилий в трех основных ипостасях: в отношении зрелости монарха (педагогическая вариация), в отношении собственной зрелости (автобиографическая вариация), зрелости народа/нации/государства.

А. М. Бойников (Тверь) в докладе «Идентификация нравственного идеала как компонент зрелости молодого поколения (на примере прозы Леонида Нечаева)» проанализировал проблему нравственного идеала, его поиск и определение молодым поколением — это составная часть становления личности, ее мировоззренческо-этических ориентиров; в «молодежной» прозе писателя это проявляется достаточно ярко.

С необычной точки зрения к проблеме зрелости подошел Б. Ф. Колымагин (Москва) в докладе «Зрелый человек в поэзии андеграунда». Данную тему «вторая культура» разрабатывала в двух плоскостях. Во-первых, в поэзии мысли — кантовская идея взрослости находит свое воплощение в творчестве А. Величанского и Я. Сатуновского; во-вторых, в поэзии чувства.

В докладе «Возраст Китая во „Фрегате «Паллада»“ И. А. Гончарова» Ли Цун (Китай) сделала попытку проанализировать «возраст Китая» в соответствии с высказыванием Е. А. Краснощековой о том, что каждый своеобразный «мир» имеет свой «возраст».

Второе заседание было посвящено эстетике зрелости и открылось докладом С. В. Фролова (Санкт-Петербург) «Творческая зрелость — „парадокс надлома“ у русских композиторов». Зрелость в данном контексте, как правило, знаменует создание некоего ключевого произведения или группы произведений, определяющих стилевую общность классика. У некоторых из композиторов после создания таких ключевых произведений наступает творческий кризис, который исследователь условно обозначает как «парадокс надлома». Наиболее заметно это происходит у П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова; несколько сложнее, и с включением внешних факторов, у М. И. Глинки и М. П. Мусоргского.

О признаках зрелости и способах ее презентации в отечественном кинематографе рассказала С. Н. Еланская (Тверь). В докладе «В поисках зрелости: как повзрослеть в отечественном кинематографическом пространстве» она представила краткий экскурс в историю отечественного кинематографа и выявила всю сложность и неоднозначность оформления категории «зрелость», не связанной напрямую с возрастом, но обусловленной социально-культурными факторами и особенностями самого кинопроцесса.

Иной ракурс рассмотрения зрелости через призму японской мультипликации содержался в докладе А. А. Елкиной (Тверь) «Ускользящая чистота: зрелость сквозь призму японской

мультипликации (американская литература 1930–1950-х годов и аниме «BANANA FISH»)). Анализ построения сюжета аниме на американском литературном материале первой половины XX века помогает определить проблему взросления в японской культуре скорее не как обретение опыта как такового, а утрату невинности и детства главным героем.

Завершился первый день работы конференции докладом О. С. Козловой (Тверь) «Маркеры зрелости в видеоиграх». Современные компьютерные игры нацелены на то, чтобы показать как можно более проработанный мир: дать мотивацию каждому персонажу, а не только главному герою, «раскрыть как можно больше действий», которые повлияют на персонажа и на сюжет игры. Чаще всего взрослые и зрелые персонажи в видеоиграх — это персонажи-компаньоны, т. е. те, которые помогают, дают советы или открывают перед главным протагонистом другой мир.

Первое заседание второго конференционного дня было посвящено проблематике определения нравственной зрелости. Доклад А. А. Рыбаковой (Тверь) «„Что с собой делать?“: зрелость в антигигистических романах Н. С. Лескова» содержал наблюдения над героями произведений писателя, которым свойственно позднее созревание или же достижение зрелости невозможно как таковое.

В. В. Шадурский (Великий Новгород) в исследовании «„Зрелость“ героев романа Марка Алданова „Бред“» уделил внимание характеристике разных способов достижения «зрелости», к которой приходят герои последней книги Алданова. Сюжетные линии романа таковы, что истории почти всех главных и второстепенных персонажей выстроены как пути достижения определенного этапа, после которого либо по-новому продолжается жизнь, либо приходит смерть.

Объектом исследования в докладе А. М. Лобина (Ульяновск) «Зрелость как жизненная позиция главного героя в цикле романов Б. Акунина „Приключения Эраста Фандорина“» стало соотношение личного биографического времени центрального персонажа и времени исторического, т. е. революционной ситуации начала XX века. Материал исследования — последние романы цикла, «Весь мир — театр», «Черный город» и «Не прощайся».

По замечанию автора доклада «Модель поведения юродивого как вариант девиантного поведения зрелой личности в социуме» Е. Ю. Вихровой (Тверь), в настоящее время растет число исследований, посвященных изучению феномена юродства и модели поведения юродивого в литературе. На примере произведений неореалистов первой волны П. Басинского и А. Варламова и третьей волны — С. Шаргунова рассматривалось поведение взрослой личности в поисках истины и смысла жизни и то, как она нарушает установки социума.

На следующем заседании докладчики обратились к социологии зрелости. Н. В. Снегова (Пермь) выступила с докладом «Проблемы

духовной зрелости личности и общества в зеркале рефлексии Н. Н. Страхова». В докладе была продемонстрирована связь между проблемами социальной, духовной зрелости российского общества середины — второй половины XIX века, как их видел Страхов, и современностью.

А. В. Кошелев (Великий Новгород) в докладе «Зрелость Льва Камбека, или Об одном околотературном скандале», рассказывая о деятельности известного публициста XIX века, на примере одного эпизода продемонстрировал, как навязчивое стремление к саморекламе ведет к незрелым поступкам и соответствующим печатным выступлениям.

В центре внимания А. Б. Бушева (Тверь) оказалось поколение 1950–1960-х годов. В докладе «Зрелость в эпоху постперестройки: по эту сторону тектонического разлома» исследователь рассмотрел рефлексию, вызванную опытом советской жизни. Показательна позиция зрелого ума, испытывающего как чувство умиления и восторга перед ушедшей молодостью, так и желание подвергнуть ее ретроспекции, анализу.

Третье заседание открыл Д. С. Лукин (Тверь). В докладе «Страдания созревания: проблема обретения жизненного опыта в творчестве Л. Н. Андреева» было уделено внимание проблеме обретения жизненного опыта героями произведений писателя и практике эмпирического опыта человека с психологическим, социальным, нравственным созреванием личности.

С. М. Пинаев (Москва) в докладе «Трагическая зрелость совокупного героя Хемингуэя (по книге рассказов «В наше время»)» проанализировал эпизоды детства, отрочества и юности духовного двойника писателя (в данном случае — Ника Адамса), фрагменты его довоенной биографии. В книге возникает своеобразная модель человеческой жизни, трагедия возмужания человека, постигающего всю тяжесть бытия от первого своего часа до последнего.

Объектом своего исследования Д. И. Фролкина (Москва) выбрала пространственно-временные категории, освещенные в докладе «Понятие зрелости в хронотопическом мировоззрении северян (на примере повести Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего»)». Время и возраст в сознании северян — категории абстрактные и ненужные, социальная зрелость человека оказывается привязанной не к конкретному возрасту, а к тому, как человек умеет справляться с пространственными ограничениями. Понятие психологической зрелости как состояния гармоничных отношений человека с самим собой и окружающим миром воплощается в северной культуре в образах пожилых людей, которые владеют знаниями предыдущих поколений и делятся этими знаниями с остальными членами сообщества.

А. С. Урюпина (Москва) в докладе «„Мы начинали вместе“: супруги Ремизовы о старшем поколении эмиграции» рассказала об особенностях истолкования литературной зрело-

сти в заметках супругов Ремизовых. Оценивая литераторов старшего поколения, Ремизовы зачастую очень резко характеризовали их недостатки. На этом фоне ярко выделяются комплиментарные оценки тех писателей, характеры которых не переменились с наступлением зрелости.

К проблеме зрелости в творчестве тверского писателя обратилась П. С. Громова (Тверь). Доклад «Возрастная проблематика в малой прозе В. В. Годовицына» был основан на материале произведений, включенных в сборник «Рассказы разных лет» (2016), в котором возрастная проблематика является основной. Мотивы личностной и духовной зрелости связаны у Годовицына с актуальными вопросами русской культуры и исторического наследия.

Заключительное заседание второго конференционного дня открыли совместным исследованием под названием «Зрелость как художественно-этическая категория в „Слове о полку Игореве“» А. О. Шелемова (Москва) и Ван Юй (Китай). По мнению авторов доклада, отношения «сюзерен–вассал» — отношения зрелого и незрелого правителя, поскольку, с точки зрения автора «Слова», верховный владыка должен быть зрелым, чтобы руководить государством.

Развитием темы поэтического памятника стало выступление О. И. Федотова (Москва) «Ехеги monumentum: Мотив поэтической статуи в творчестве Иосифа Бродского». Памятник у поэта выступает в качестве «аттестата зрелости» и представляет собой гибридный античный памятник и образа лирического героя. И. Бродский воздвигал себе подобные вербальные памятники с 22 лет — и до самой смерти. По мысли автора, лирический герой не имеет права на жизнь, в статую может превратиться и превращается лишь молодой, но «старый» — это уже статуя. Окаменевая, лирический герой теряет жизнеспособность, живет только в твор-

честве. Исследователь акцентировал внимание на том, что зрелость у Бродского — это неподвижность, а незрелый лирический герой подчиняется сюжетной динамике и попросту не может быть статичным.

Заключительные доклады вечернего заседания 12 апреля образовали своего рода диптих: они были посвящены возрасту автора и персонажа в романах И. А. Гончарова. «Возраст автора и возраст персонажей (И. А. Гончаров и его героини)» рассмотрела С. А. Васильева (Тверь) на примере героинь Ольги Ильинской («Обломов») и Веры («Обрыв»). Ольга и Вера вначале предстают в образах незрелых, недоразвитых «детей» в глазах окружающих, но их взросление происходит в период влюбленности, когда они и превращаются во взрослых женщин. Духовная зрелость, по мысли Гончарова, оказалась связана не с количеством прожитых лет, а только с переживанием любовного опыта. Данную тему в докладе «Возраст автора и возраст персонажей (И. А. Гончаров и его герои)» продолжил С. В. Денисенко (Санкт-Петербург). Он показал, что не только взросление, но и старение героев описывается Гончаровым как нечто инфантильное и незрелое. На примере трех романов докладчик показал незрелость героев в «зрелом возрасте».

Конференция завершилась подведением итогов. Организаторы и участники выразили убеждение в том, что исследовательская работа, посвященная рассмотрению категории времени в литературе в различных ее аспектах, несомненно, требует продолжения; особое внимание привлекли экономические и социальные критерии зрелости в литературе и искусстве. Изучение репрезентаций индивидуального времени в литературе будет продолжено.

© А. А. Елкина

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-252-256

ШЕСТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ ОБМАНЫ МИРА: ЛОЖЬ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

25–26 апреля 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась междисциплинарная научная конференция, проходящая в рамках проекта «Неканоническая эстетика», который посвящен исследованию неклассических эстетических категорий.¹ На этот раз участники обрати-

лись к понятию «обман» и рассмотрели способы его презентации в различных видах искусства.

Организаторами конференции традиционно выступили сотрудники ИРЛИ, Псковского

¹ Проект начался в 2014 году. Сборники конференций «Неканонической эстетики» (вып. 1–5)

размещены на сайте Пушкинского Дома. См.: <http://www.pushkinskiydom.ru/> → Электронная библиотека — Серийные издания — Неканоническая эстетика.

государственного университета и Тверского государственного университета: С. В. Денисенко, А. О. Дёмин, И. В. Мотеюнайте, А. Ю. Сорочан.

В культуре Нового времени не раз задавались вопросом об эстетизации «поддельного» и «иллюзорного», «фальшивого» и «выдуманного», «обмана» и «лжи». Оргкомитет предложил рассмотреть следующие темы: концепции лжи / обмана / иллюзии в литературе и искусстве; эволюция восприятия лжи в древнем и новом искусстве; способы и приемы моделирования, описания и оценки «лжи» в литературе и искусстве (сюжеты, образы, мотивы); «ложное» и «фальшивое» в текстах культуры; историко-культурные контексты «лжи»; ложь в социальных системах; прагматика обмана в знаковых системах.

Пленарное заседание открылось докладом А. Ю. Сорочана (Тверь) «Ложь и мимесис: три эпизода из исторической поэтики», который подчеркнул, что мимесис актуален для классической эстетики, но в XX веке появляется интерес к миметическому кризису модернизма, который стал основой жизнотворчества. В эпоху постмодерна можно говорить об отказе от мимесиса, образительности — «непоказывание» и «необнаружение» выражают стремление искусства «представить непредставимое». Исследователь сосредоточился на трех текстах Р. Л. Стивенсона, которые входят в «литературный канон»: «Остров сокровищ», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Новые арабские ночи», и показал, как ложь рассказчика (классический мимесис) сменяет ложь автора (модернизм), а далее наступает очередь лжи литературы. Но если ложь рассказчика вызывает улыбку, ложь автора вызывает страх, то ложь литературы после всех потрясений рождает надежду на спасение.

В докладе О. Е. Фроловой (Москва) «О прагматике лжи» рассматривалось так называемое иллокутивное самоубийство (термин З. Вендлера), когда не всякое речевое действие может быть выражено глагольным предикатом, т. е. таким употреблением глагола *врать*, который делает невозможным последующую ложь. Конструкции с глаголом *врать* в первом лице единственного числа анализировались на материале Национального корпуса русского языка. Анализ показал, что конструкция *я вру* описывает только один неконфликтный случай самоисправления, — большинство употреблений, напротив, показывают конфликт между говорящим и адресатом (внешний) или конфликт говорящего с самим собой (внутренний).

Н. Ю. Грыкалова (Санкт-Петербург) в докладе «Факт и фикция: стратегии манипуляции с реальностью в мемуарном жанре (на примере очерка Г. В. Иванова «Блок»)» продемонстрировала, как соотносятся факт и фикция в нарративе, казалось бы, принципиально ориентированном на документальность. Также было показано, как доминирующая фикциональность превращает мемуарные очерки

Г. Иванова в квазимемуарное повествование. Параллельно была проанализирована авторская установка на тематизацию проблемы условности искусства и его иллюзивной природы, т. е. искусства как симулякра. Признание симулятивного характера литературы *suī generis* вводит в поле актуального осмысления проблематику соотношения факта и фикции и расширяет прерогативы последней на фоне очередного подрыва доверия к возможностям адекватного воплощения действительности средствами искусства.

В сообщении Е. Е. Полоцкой (Екатеринбург) «Советский культурный герой П. И. Чайковский» прослеживались процессы мифологизации фигуры композитора в сталинскую эпоху, обусловленные государственным социальным заказом в области советской культуры. Были приведены примеры ряда фальсификаций, охватывающих музыку Чайковского, и представлены наиболее показательные «вмешательства» извне в музыкальный текст некоторых сочинений. Констатировался факт издания ряда произведений в искаженном виде в советском Полном собрании сочинений П. И. Чайковского. «Монументализация» композитора как культурного героя советской эпохи была описана в контексте празднования столетия со дня его рождения (1940), когда был «узаконен» стандартный набор сочинений Чайковского и окончательно утвердился взгляд на композитора как на «всемирного гения».

Второе заседание открылось докладом А. И. Резниченко (Москва) «Пространство лжи — или „отечество иллюзий“: онтологический статус лжи / иллюзии / деформации в русской философской традиции», в котором описывалось положение дел в этой области: все рассуждают об истине (или даже Истине, надиндивидуальной, всемирной), и никто — о лжи. Исследовательницей были проанализированы позиции трех мыслителей: П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Н. Дурылина. У каждого из них есть своя онтология ада и пространство лжи, вторгающейся в пространство истины и приводящей к искажениям и иллюзиям; у каждого из них ложь говорит с нами на своем языке.

И. В. Мотеюнайте (Псков) в докладе «„Ложь“ литературной критики и „правда“ истории литературы (наблюдения над работой С. Н. Дурылина)» рассмотрела разные формы говорения о литературе в наследии С. Н. Дурылина 1920–1940-х годов. Оставаясь верен своим представлениям о назначении искусства, сформированным в 1910-е годы, Дурылин впоследствии искал способы их трансляции, и «правда» и «ложь» оказались связанными с возможными дискурсами о литературе. Докладчица показала, что наиболее свободными от «лжи» оказались критические отклики и исследования позитивистского характера. В научных же статьях 1930–1940-х годов, в которых заметна биографическая заинтересованность в публикации, авторская «правда» и идеологическая «ложь» сочетаются

по-разному и едва ли не в равной степени противостоят истине, как ее понимал Дурюлин.

В докладе Э. Тышковой-Каспшак (Польша) «Ложь как товар — оправдание и отрицание (на материале произведений «Толмач» М. Гиголашвили и «Венерин волос» М. Шишкина)» был представлен способ изображения и оценки лжи в двух романах современных российских писателей. В этих произведениях главный герой — переводчик, работающий в миграционном бюро и переводящий истории, рассказанные беженцами из стран бывшего СССР. В их рассказах преобладает ложь, она становится товаром, которым беженцы расплачиваются с чиновниками за возможность остаться в избранной стране (рае). Если рассказчик Гиголашвили пишет об ищущих себе другого места в мире с явной насмешкой, даже сарказмом, и отрицает ложь как способ изменить свою жизнь, то герой Шишкина относится к ним с сочувствием и оправдывает обман, так как понимает, что вранье отдельных беженцев по большому счету является правдой об их родине.

Сообщение В. Н. Шувалова (Тверь) было посвящено понятию «ложь во благо» и его интерпретациям в современной православной публицистике. Обращаясь к высказываниям православных авторов, докладчик выделил три типа «благой лжи»: ложь как оправдание себя, но не сокрытие совершенных преступлений; ложь как спасение ближних, но не клевета и злословие других; ложь как надежда — умалчивание или утаивание горькой правды. Эти три типа, по мнению священника В. Н. Шувалова, соотносятся с христианской традицией различения лжи: по отношению к себе (самообмана), по отношению к окружающим (клеветы, навета, осуждения) и как выбора меньшего из больших зол (умолчание).

Третье заседание было посвящено зрелищной культуре. А. Ф. Некрылова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Веселье обманки русской ярмарочно-площадной культуры» о смеховом аспекте ярмарочных развлечений, основанных на обмане зрительских ожиданий: несовпадение рекламы балаганных представлений с содержанием того, что реально преподносилось публике; обещание определенных сюжетов в раешной панораме и комическое обыгрывание изображений, действительно имеющих на ленте панорамы; популярность картинок-обманок и тому подобные «завлекательные» уловки и приемы увеселителей. Речь шла также и об отношении публики к подобным развлечениям, о готовности и желании быть обманутым, при обязательной установке на неожиданность, остроумие, веселое праздничное настроение.

С. В. Фролов (Санкт-Петербург) в докладе «О „лжи“ в русской классической музыке» остановился на трех аспектах данной темы и подтвердил их примерами. Во-первых, это суждения музыкантов о «лжи» и об ее антипode — «правде» в музыке. Во-вторых, докладчик рассмотрел «ложь» как художественно-вырази-

тельный прием повышенной выразительности (в операх М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского). В-третьих, было сказано о «лжи» как о способе средствами музыкальной технологии выразить свое отношение к социальной или идеологической ситуации, в которой оказался композитор (С. С. Прокофьев в «Здравице» (1939), Д. Д. Шостакович в «Увертюре на русские и киргизские народные темы» (1963)).

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) свое соображение «Барон Мюнхгаузен на русской сцене: „Красный кабачок“ Ю. Беляева — Вс. Мейерхольда — А. Головина — М. Кузмина (1911)» построил на материалах к этому спектаклю, хранящихся в архивах ИРЛИ и Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке. Знаменитый барон в спектакле впервые в России предстает не вруном и обманщиком, а балагуром и весельчаком, воспевающим «прекрасную фрау Ложь». Во время доклада прозвучала музыка М. Кузмина к спектаклю в исполнении А. Калинина.

В начале четвертого заседания прозвучал доклад Е. Ю. Калининой (Санкт-Петербург) «Самообман как фактор формирования правосознания на примере романа М. де Сервантеса „Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский“», в котором была предпринята попытка диагностики поведения и мироощущения персонажа с точки зрения юридической психологии.

В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Литературные мистификации Алексея Ремизова 1940-х годов» кратко проанализированы истоки и этапы проявления базового свойства личности писателя, которое он определял как «веселость духа». Основное внимание уделено анализу его мистификаций середины 1940-х годов. В условиях тяжелой послевоенной жизни Франции Ремизов в устной и письменной формах разыгрывал своих коллег-писателей Б. Г. Пантелеймонова, Ю. П. Одарченко, С. К. Маковского, хоть ненадолго давая им надежду на воплощение их мечтаний о новых издательствах, о получении полномасштабных критических и читательских откликов на вновь созданные произведения.

Т. В. Левицкая (Москва) в докладе «„Перемена участи“: биография Н. А. Лухмановой и автомиф в ее творчестве» коснулась основных этапов биографии писательницы. Автобиографическая повесть «Двадцать лет назад», роман «Институтка» (в котором в художественной форме описан собственный опыт неудачного брака), «Очерки из жизни в Сибири», публицистические работы и многочисленные рассказы являются попыткой изжить нанесенную ей травму и создать альтернативную историю собственной судьбы. В результате литературная маска настолько приросла к лицу писательницы, что в восприятии современников не проводилось никакого разделения между ее личным опытом и его художественным воплощением.

Завершила заседания первого дня конференции Н. Л. Дмитриева (Санкт-Петербург)

докладом «История любви, обмана и самообмана» в романе Марселя Паньоля „Вода холмов“. Интрига этого романа (1962) основана на обмане, но если проследить движение сюжета, можно отметить целую череду обманов, менее значительных, но важных для развития фабулы.

Второй день конференции и пятое заседание открылись докладом А. В. Верле (Псков) «Из Самарканда через Самарру в страну Луз». Доклад был посвящен истории и толкованию фольклорно-литературного сюжета о попытке бегства героя от смерти, которая приводит в предназначенное место смерти. Сюжет в форме притчи восходит к еврейским и арабским источникам и претерпел ряд симптоматических трансформаций в новую и новейшую эпохи. В докладе он рассматривался в контексте идей Жана Бодрийера о «стратегиях видимостей», о соблазнительности знака, ложное толкование которого приводит к его истинному значению. Ложь, таким образом, может быть тематизирована не только как стратегия поведения, но и как обман истолкования.

А. А. Липинская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «„Привидение? Нет ничего страшнее!“ Пародийная готика раннего А. Конан Дойла». В наследии писателя видное место занимают готические мотивы. Их роль и особенности существенно меняются со временем, отражая не только индивидуальную эволюцию автора, но и историческую трансформацию жанра. В этом смысле чрезвычайно показательна новелла «Привидение на выбор» («Selecting a Ghost», 1883), в которой использованы игра с готическими тропами, мотив искусной лжи и др. В результате получился весьма своеобразный текст, пародирующий не только сам жанр «ghost story», но и модные увлечения современников автора, дающий интересный материал для понимания того, как воспринимались некоторые устоявшиеся формулы литературной готики в конце XIX века.

Доклад «„Ложное“ vs „правильное“: поэзия в защиту человека («Ложный трактат об эстетике» Б. Фондана)» прочитала И. Б. Сазеева (Мытищи). Фондан выступает оппонентом Р. Кайуа, считавшего, что поэзия не должна отклоняться от научной картины мира и подчиняться идеологии, а также П. Валери, выступавшего с позиций неосимволизма за «чистое Я», очищенное от всех «неправильностей», и за автономно духа.

Л. А. Борботько (Москва) представила доклад «У обмана глаза велики: референтность и автореферентность дискурса лжи». Для современного человека сознательно организованная ложь становится социальной нормой, заполняя личную и общественную жизнь. Докладчица сопоставила книжную и театральную версии произведения М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки»; в фокусе внимания докладчицы оказалась ключевая особенность искусства, которая обнаруживает непосредственную связь с вопросом дуальности структуры личности и мира.

Заседание шестое открылось докладом А. А. Никодимовой (Тверь) «Сказка — ложь? Модусы обмана в сказке 1830–1840-х годов», в котором шла речь о границе между ложью и вымыслом в литературных текстах. Докладчица рассмотрела, как в текстах вводится тема «лжи», создается представление об обмане, с чем оно связано и в каком контексте авторы и герои его интерпретируют. Были рассмотрены принципы обращения ко «лжи» в стихотворной и прозаической авторской сказке названного периода.

О. В. Астафьева (Санкт-Петербург) выступила с докладом «„Ну! Ну! Ну! Ну! Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!“: ложь и лгуны в детской литературе». Со времен Просвещения детская литература, ставшая инструментом воспитания, предлагает юношеству истории о лгунах. Взрослый выступает в этих текстах в качестве непрекращаемого и мудрого наставника, именно он помогает неопытному ребенку осознать как недостаточность причин, порождающих ложь, так и ее пагубные последствия. Романтизм демонстрирует иную модель: дитя чисто и невинно, именно ребенок в романтической традиции оказывается в роли обличителя лжи, глубоко вневшейся в мир взрослых. Исследовательница проследила, как были реализованы эти традиционные версии в хрестоматийных текстах детской литературы, от Толстого до Зощенко и Драгунского, от Андерсена — до Родари и Шварца.

Седьмое заседание было обращено к Средневековью. Доклад «Вальтер Мап и ложь рассказчика» Р. Л. Шмаракова (Санкт-Петербург) был посвящен новелле об Эвдоне, входящей в состав книги Вальтера Мапа «Забавы придворных» («De nugis curialium», 1180–1190). Демон рассказывает Эвдону историю о том, как один из его собратьев улаживал дела с монахом. Рассказывание поучительного случая делает демона отражением самого автора, который считает своей целью «писать истории («exempla») для потомков, чтобы возбуждать веселье или назидать нравы». При этом читатель/слушатель Мапа оказывается в положении Эвдона: он имеет дело с автором, который не обещает ему быть правдивым и чьи механизмы искажения реальности (включая и простое умолчание) ему предстоит понять самому. В метапоэтическом смысле новелла оказывается ироническим размышлением Мапа о рассказчике (= создателе вымыслов) как лежеце и родне вечно лгущих демонов.

Доклад О. А. Кузнецовой (Москва) «Змея и завиток: „разврат“ в русской книжности XVII века» касался соединения разных представлений о правде и лжи, искренности и неискренности, хитрости и простоты на страницах рукописных сборников XVII века. Благодаря смене парадигм — от средневековой к барочной, — названные оппозиции получили неоднозначное освещение. Новые интерпретации получил и образ змея: проделав путь от эмблемы мудрости и коварства к метафоре художественной изощренности, ловкости и красоты.

А. В. Архангельская (Москва) в докладе «Ложь и обман в русских стихотворных фацециях XVIII века» рассмотрела специфику и вариативность отношения ко лжи и обману, лжецам и обманщикам в текстах первой половины — середины XVIII века, восходящих к прозаическим переводам с польского, выполненным во второй половине XVII века. В стихотворных фацециях обнаруживаются примеры искреннего восхищения виртуозными обманами, утверждения правоты лжеца или обманщика, торжествующего над заведомым глупцом. Но одновременно можно увидеть и обратные случаи, когда ложь и лгуны становятся объектами насмешки и осуждения. Сложность и неоднозначность трактовки этих тем были рассмотрены в контексте общих закономерностей переходной эпохи в истории русской литературы.

На последнем заседании с сообщением «Свидетельство художника-дилетанта о „благонмерной фальсификации“ Петра Барановского» выступила Е. В. Зименко (Москва). Докладчица рассказала о серии карандашных портретных зарисовок, сделанных во время объединенного заседания секций живописи и архитектуры Института искусствознания АН СССР 11 февраля 1947 года В. М. Зименко. Архитектор-реставратор П. Д. Барановский, имевший безупречную научную репутацию, предложил вниманию коллег сенсационное сообщение об обнаружении им могильной плиты иконописца Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве. Коллеги не были введены в заблуждение докладом Барановского, а сами весьма активно соучаствовали в этом беспрецедентном научном обмене властей, полностью достигшем цели: 10 декабря 1947 года указом И. В. Сталина был создан «историко-архитектурный заповедник имени русского художника Андрея Рублева».

Завершающим выступлением на конференции стал доклад Т. П. Христоролюбовой (Санкт-

Петербург) «„Я сжульничал!“: Эзопов язык в творчестве К. С. Петрова-Водкина». Творчество художника пришлось на сложный и противоречивый период в развитии русского искусства и культуры. Многие люди из его окружения и друзья были вынуждены эмигрировать из страны или же оказались арестованы. Чтобы выжить, ему приходилось работать по государственному заказам. Не имея возможности говорить открыто, художник вкладывал в свои картины скрытое повествование, используя своеобразный «эзопов язык» в живописи. В докладе на примере анализа нескольких живописных работ К. С. Петрова-Водкина рассмотрены противоречия официальной трактовки самим художником сюжетов своих картин и их символического содержания.

По уже сложившейся на Апрельских конференциях традиции участники имели возможность пережить обсуждаемое на эстетическом материале не только во время докладов (аудио- и видеопрезентации), но и в перерывах между заседаниями. Демонстрировались фрагменты фильмов: «Праздник святого Йоргена» (реж. Яков Протазанов, 1930), «Пиноккио» (реж. Луиджи Коменчини, 1972); фрагменты видео из комических опер В. А. Моцарта, Дж. Россини и Дж. Верди, связанные с мотивом обмана и переодевания.

В рамках конференции в выставочном зале Литературного музея проходила выставка: «Спектакль „Красный кабачок“ (1911)», на которой были показаны автографы Ю. Беляева, Вс. Мейерхольда, ноты М. Кузмина, эскизы А. Головина из архива Рукописного отдела ИРЛИ и фондов Библиотеки Пушкинского Дома.

Конференция завершилась подведением итогов.

© С. В. Денисенко

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 2019 ГОДУ**

	№	Стр.
Русская литература как неизбежность. К юбилею академика Александра Васильевича Лаврова	2	5

СТАТЬИ

Богомолов Н. А. О научных изданиях современной поэзии: проблемы текстологии и комментария	3	5
Буланин Д. М. Книжное наследие Кирилло-Белозерского монастыря XV века: новые открытия и новые перспективы	1	5
Буланин Д. М. На пути к академической «Истории русской литературы» (оригинальные идеи из наследия В. М. Живова)	4	16
Генералова Н. П. Когда и для кого был составлен проект тургеневской «Конституции» (И. С. Тургенев, А. И. Герцен и Артур Бенни)	4	29
Еремина В. И., Иванова Т. Г. Особенности текстологии былин в «Своде русского фольклора»	4	5
Иванова Т. Г. Две царицы (к вопросу о типологии построения женских образов в исторических песнях XVI века)	2	7

**РУССКАЯ ТЕМА
В ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Аршинова И. В. «Изображение русской жизни в английских романах вводит в заблуждение»: взгляд Англо-русского литературного общества на русскую тему	3	50
Багно В. Е. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации).	3	22
Заборов П. Р. Н. И. Греч и «Revue encyclopédique»	3	36
Коренева М. Ю. О русских мотивах в биографии и творчестве Жан Поля.	3	30
Корконосенко К. С. Русские имена и реалии в произведениях Пио Барохи.	3	42

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Адоньева С. Б. Электронный архив «Российская повседневность»	4	223
Алексеева Н. Ю. Из наблюдений над развитием русской поэзии середины XVIII века	4	63
Беляев Н. С. Собрание П. А. Ефремова в Библиотеке Пушкинского Дома: история поступления	3	133

Бен, Тата и Кика: эпизод из истории семьи Бенедикта Лившица (публикация П. М. Нерлера)	1	170
Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г. Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря	4	52
Богомолов Н. А. Анна Ахматова: лето 1927 года	4	145
Бодрова А. С. Цензурная политика А. С. Шишкова и история пушкинских изданий 1825–1826 годов	3	63
В. Ф. Боцяновский. Записи разговоров с Федором Сологубом (1921–1922) (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	2	159
И. А. Бунин. Из дневников 1944–1945 годов. Дневники 1946–1953 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной) (<i>Окончание</i>)	1	178
Быстров Н. Л. К пониманию образа Софии Премудрости в поэзии Вячеслава Иванова	2	116
Валиева Ю. М. Кто он — Л. С. Савельев? (о псевдониме Л. С. Липавского и его литературном однофамильце)	1	146
Ван Цзунху (<i>КНР</i>). Национальный фактор и культурный код русского авангарда	4	102
Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения эпохи Крымской войны «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...»)	3	92
Волховская А. Г. А. С. Пушкин в испанской прессе первой половины XIX века: новые материалы	2	78
Вьюгин В. Ю. К риторике советской литературы начала 1940-х годов	2	179
Галимова Е. Ш. «Архангельский мужик» Евгений Гагарин — писатель русского зарубежья	2	170
Грачева А. М. Литературные мистификации А. М. Ремизова 1940-х годов	4	191
Грякалова Н. Ю. «И мнилась мне Российская Венера...»: к источникам и интерпретации одного блоковского образа (по материалам библиотеки А. А. Блока)	4	95
Гуськов С. Н. И. А. Гончаров, П. А. Валув и кампания всеподданнейших писем 1863 года	4	72
Десятков В. В. Тропою львов: Роман В. В. Набокова «Подвиг» и житнетворчество	3	189
Дмитриева Е. Е. Игра в Чехова на французской сцене: ностальгия по усадьбе или ностальгия по игре? («Дорогой Антуан...» Жана Ануя).	1	198
Дмитриева Н. Л. О французской надписи на чернильном приборе, подаренном А. С. Грибоедовым жене: из наблюдений над билингвистической ситуацией в России первой трети XIX века	2	82
Дневниковая запись В. А. Жуковского о пасквиле Ф. В. Булгарина на семейство Воейковых (1825) (вступительная статья С. В. Березкиной, подготовка текста и комментарии С. В. Березкиной и О. Б. Лебедевой)	1	36
Евгений Добренко (<i>Великобритания</i>). Искусство ненависти: «ярость благородная» и насилие в советской культуре периода Второй мировой войны	3	217
С. П. Довгелло. Три осокора (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова)	4	134
Ефимов М. В., Дмитриева Л. А. Об одной малоизвестной рецензии Д. П. Святополк-Мирского на книгу И. Зданевича. Приложение. Д. С. Мирский. «Восхищение» Ильяэда (Париж, 1930). Пер. Л. А. Димитриевой	1	154
Завьялова Е. Е. К вопросу о влиянии Н. М. Карамзина на творчество А. С. Пушкина: «Сьерра-Морена» и «Каменный гость»	1	30
Татьяна Йовович (<i>Черногория</i>). В поисках «небесных миндалей»: кочующие души героинь в пьесах Зинаиды Гиппиус	1	60
Калинина Н. В. К вопросу об адресации очерка И. А. Гончарова «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“»	1	51
Кибальник С. А. Записные книжки писателя и интерпретация литературного произведения (на материале творчества А. П. Чехова)	4	91
Кибальник С. А. К реконструкции одного из последних художественных замыслов Л. Н. Толстого	2	111

Кобринский А. А. Мнимый экфрасис: из комментариев к роману К. Вагинова «Бамбочада»	3	210
Котельников В. А. Метаморфозы телесности в критическом дискурсе Акима Волынского	3	111
Кошелев В. А. Акклиматизация Бабы Яги в русской литературе	2	41
Кузнецова Е. В. Мифологемы К. Бальмонта в поэзии И. Северянина: подражание или пародия?	1	117
Кузнецова Е. В. «Русский Оскар Уайльд»: сценический образ Игоря Северянина	3	140
Кукушкина Е. Д. Комические приемы А. П. Сумарокова-драматурга	1	19
Курочкин А. В. А. С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова	3	73
Лавров А. В. «Французский проект» Валерия Брюсова	2	143
Лаппо-Данилевский К. Ю. Анакреонтические стихотворения И. Ф. фон Палтена и Х. Ф. Вейсе в русских переводах XVIII века	2	37
Маша Левина-Паркер (США), Михаил Левин (США). Миражи «Петербурга» Андрея Белого и средства их создания	1	67
А. Ф. Лосев на подступах к символистской драме (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Тахо-Годи). Приложение А. Ф. Лосев. Три Лаодамии	3	229
Маслинская С. Г. Насилие и травма в детской литературе 1941–1945 годов	2	194
Миролюбова А. Ю. Переводы с итальянского и русская эпическая поэма от Хераскова до Пушкина	2	51
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год (вступительная статья и комментарии Е. Р. Обатниной, подготовка текста А. С. Урюпиной)	1	90
На развалинах бытия (В. В. Розанов и П. П. Перцов в последний год переписки) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой)	4	113
Назаров И. А. Литературное мошенничество: дело «биллектриста» Якова Ганзбурга	1	162
Новонайденные письма М. А. Волошина: к истории «острой дружбы» с М. С. и М. О. Цетлиными (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Г. В. Петровой)	4	107
Нымм Е. Ю. (<i>Эстония</i>). Журнал Иеронима Ясинского «Ежемесячные сочинения» как предтеча модернистских периодических изданий начала XX века	2	103
Паршукова Н. А., Романова Е. А. «После шестилетней разлуки»? (К вопросу датировки «Путевых записок 1847 года» В. Ф. Одоевского)	4	67
Переписка Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова (Андреева) 1964–1967 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. В. Матвеевой)	4	199
Переписка Ф. К. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской с И. И. Ясинским (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. В. Мисникевич)	3	122
Петров А. В., Скворцова М. Л. Забытая пьеса эпохи модерна о XVIII веке («В век Екатерины» В. П. Буренина и Ф. Е. Зарина)	3	154
Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1935–1938), Письма Е. К. Цветковской к В. П. и И. С. Шайковичам (1935) (Окончание) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского)	4	166
Письма А. А. Гизетти к Ф. И. Витязеву (публикация С. А. Батюто)	1	129
Полторац С. Н., Зотова А. В. Он родом был из разных мест, или Где и когда родился Даниил Гранин	4	218
Полякова А. А. Творческая история «Поездки в Ревель» А. А. Бестужева	2	68
Пономарев Е. Р. «Окаянные дни» И. А. Бунина: история текста	3	196
Пронин А. А. Поэтический мир Дзиги Вертова: автор, герой, звук	2	130
А. М. Ремизов. Во власти сказок (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии А. М. Грачевой)	3	238

Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина	3	54
Саитбатгалов И. Р. Башкирия в творчестве В. И. Даля: источники и параллели в тюркоязычном фольклоре и литературе	1	45
Семенова Н. В. Антитеатр Велимира Хлебникова и Дмитрия Александровича Пригова. Приложение. Д. А. Пригов. Суд Париса. Похищение Елены	1	208
Сердечная В. В. Духовные странники. Малоизвестные страницы творческого диалога Николая Гумилева с Уильямом Блейком	3	182
Снигирева С. Д. Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»	4	81
Степанов А. Д. А. П. Чехов и К. С. Баранцевич: к вопросу о критериях интертекста	2	97
Сысоева А. В. Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями. Приложение. Военно-литературная игра ЛОКАФ 19/V/31 г.	4	159
Тамбовцева С. Г. Духоборцы XVIII века как текстуальное сообщество: некоторые источники четырех ранних духоборческих псалмов	2	25
Тарасова Н. А. Проблемы изучения рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского в биографическом контексте	3	103
Тимофеев В. Г. А. С. Пушкин vs. Э. А. По: история перформативных высказываний В. В. Набокова	1	192
Федотова С. В. Вячеслав Иванов и союз «Взаимопонимание» (1918). Приложение. Вячеслав Иванов. О единении Италии, Франции и России	3	171
Фетисенко О. Л. Черновик на пелеринной выкройке (Н. С. Соханская и ее «письма о Фаусте» к П. А. Плетневу)	2	86
Филичева В. В. Неопубликованные переводы Д. С. Усова из Н. С. Гумилева в коллекции П. Н. Лукницкого	4	141
Хачатурян Л. В. Вертикальное зачеркивание. К творческой истории стихотворения В. В. Маяковского «Император»	4	152
Царькова Т. С. Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Александра Морева)	4	215
Якубовская Е. И. Заметки фольклориста об истоках рассказа Федора Абрамова «Самая счастливая»	1	227

ЗАМЕТКИ

Балакин А. Ю. Незамеченная пушкинская реминисценция в «Обломове»	1	237
Лекманов О. А. Незамеченный <i>град</i> в стихотворении Б. Л. Пастернака «Имелось»	4	225
Рейтблат А. И. Забытое свидетельство об авторстве стихотворения «На нынешнюю войну»	3	240

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Баскина (Маликова) М. Э. Книга Б. С. Кагановича об А. А. Смирнове (Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2018. 240 с.)	2	207
Баскина (Маликова) М. Э. «Я увожу к погибшим поколениям»: «дело Бронникова» (Вахтина П., Громова Н., Позднякова Т. Дело Бронникова. М.: Издательство АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 384 с.)	4	234
Гродецкая А. Г. И. С. Тургенев в центре полемики (Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.)	4	229
Данилевский Р. Ю. «Блаженное наследство»: сборник статей о жизни классической традиции («Блаженное наследство»: Классическая традиция и русская литература = «Blessed Heritage»: The Classical Tradition and Russian Litera-		

- ture / Под ред. П. Бухаркина, У. Екуч и Е. Матвеева; при участии Б. Хольтц. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. 367 S. (Opera Slavica. Neue Folge. Bd 64)) 2 204
- Данилевский Р. Ю.** Новые материалы о М. Ю. Лермонтове (Лермонтовские чтения — 2016: Современные аспекты изучения творчества М. Ю. Лермонтова: Сб. статей. СПб.: Лики России, 2017. 143 с.) 1 239
- Двинятина Т. М.** Предъюбилейное: буниниана последних лет (Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009 (Жизнь замечательных людей); Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; подг. текста и комм. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003; Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. С. Н. Морозов; подг. текста и комм. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007; Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, изд-во «Вита Нова», 2014 (Новая библиотека поэта); В л а д и м и р о в О. Н. Бунин — поэт. Логика творчества. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2016; И. А. Бунин. Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса; 2010. Вып. 2 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса; 2014. Вып. 3. «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Стегун. 1934–1961 / [Науч. ред. серии О. А. Коростелев и Р. Дэвис; сост., подг. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводительная статья Е. Р. Пономарева]; Иван Алексеевич Бунин. Библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, Славянская библиотека, 2007 (Bibliografie Slovanské knihovny; 70); Иван Алексеевич Бунин. Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887–1987) / Сост. Й. Кржесалкова; сост. указ. М. Ржегакова. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, Славянская библиотека, 2011 (Bibliografie Slovanské knihovny; 76); Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014; Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010; Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909 / Сост. С. Н. Морозов; 2017. Т. 2: 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов; Марченко Т. Русские писатели в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017; Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007; Марченко Т. В. Поэтика совершенства: О прозе И. А. Бунина. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015; С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В. А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002; Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004; Шраер М. Бунин и Набоков: История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015; Neuwold A. J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / Ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000; Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht. Ivan Bunins narrative Kurzprosa-verknüpfung Temnye allei zwischen Akzeptanz und Ablehnung; eine Genrestudie. München, 2003 (Slavistische Beiträge; 424)) 3 252
- Кочеткова Н. Д.** Путь Карамзина-писателя к истории (Свердлов М. Б. История России в трудах Н. М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.) 3 247
- Кукушкина Е. Д.** Г. Р. Державин глазами современников (Г. Р. Державин в воспоминаниях современников / Сост., вступ. статья Н. П. Морозовой; подг. текстов и комм. Б. А. Градовой (мемуары П. Н. и Е. Н. Львовых, С. В. Скалон), Н. П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2018. 440 с., ил.) 3 244
- Михайлова М. В.** Сквозь время (Померанцев К. Оправдание поражения. СПб.: Некоммерческое партнерство «Русская культура», 2018. 640 с., ил.) 1 243
- Орлова Е. И.** Неожиданный Б. Ф. Егоров (Егоров Б. Ф. Творческая жизнь Бориса Чичибабина. СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2016. 192 с.) 1 244

Осовский О. Е., Киржаева В. П. Новаторы как архаисты (Шевеленко И. Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.)	2	206
Поддубцев Р. А. Всеобщая перепись литературоведов: о новом библиографическом словаре (Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 1: А–Л / Сост. А. А. Холиков; под общ. ред. О. А. Клинка и А. А. Холикова. 532 с., ил.)	1	240
Савельева Н. В. Фрол Скобеев: История и современность (Душечкина Е. В. Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре. СПб.: Юолукка, 2018. 128 с., ил.)	4	226
Семячко С. А. Кормчая как сборник устойчивого состава (Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. Т. 1: Исследование. 598 с. Т. 2: Описание редакций. 648 с.)	3	242
Степанов А. Д. Чеховский мир: единство видения (Катаев В. В. К пониманию Чехова. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.)	3	250
Титаренко С. Д. «Русский Монпарнас»: Транснациональное измерение (Rubins M. Russian Montparnasse. Transnational Writing in Interwar Paris. London: Palgrave Macmillan, 2015. 302 p.; Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.)	1	241

ХРОНИКА

Алексеева С. А., Руди Т. Р. Седьмой агиографический семинар	3	267
Баршт К. А. Десятые Лотмановские дни	1	252
Берёзкин А. М., Данилевская М. Ю. Шестые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме	4	240
Буланин Д. М. Международная научная конференция «Историческое повествование в восточнославянской письменности»	3	260
Валерьева Н. В., Царькова Т. С. Международная научная конференция «Законы войны — законы памяти»	1	254
Ван Юн (КНР). Международная научная конференция «Современная русская литература: междисциплинарные подходы»	2	225
Веселова А. Ю. Международная научная конференция «Эльзасский интеллигент в России эпохи Просвещения: Л. Г. Николаи, страсбургский президент Российской академии наук»	2	212
Генералова Н. П., Лукина В. А. Тургеневские дни в Пушкинском Доме (Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева)	2	221
Денисенко С. В. Шестая Апрельская междисциплинарная научная конференция «Все обманы мира: ложь в литературе и искусстве»	4	252
Елкина А. А. Международная научная конференция «Зрелость как сюжет»	4	249
Закружная З. С. Международная научная конференция «Проблемы изучения жизни и творческого наследия И. А. Бунина (биография, источниковедение, текстология)»	2	227
Конусова Е. Д. XLII Малышевские чтения	1	249
Лоцинская Н. В. Научный семинар с международным участием «„Сегодня я — гений“. К 100-летию создания поэмы Александра Блока „Двенадцать“»	1	246
Лоцинская Н. В. Седьмой научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспективе художественного высказывания»	3	263
Львова Н. Л., Юлия Холтер (Франция). Многоязычие в рукописях писателей	2	214
Любомудров А. М. Научная конференция «Стиль есть душа вещей»: к 100-летию со дня кончины Василия Розанова	4	246

Обатнина Е. Р. XXII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома . . .	3	257
Прозорова Н. А. Второй научный семинар «Русская литература в советскую эпоху»: к 100-летию со дня рождения Д. А. Гранина	4	239
Соколова Л. В. Научное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Олега Викторовича Творогова	2	216
Степина С. А. Международная научная конференция «Русская тема в зарубежной литературе» (XIX Алексеевские чтения)	1	255
Памяти Юрия Михайловича Прозорова	2	231
Зубков К. Ю. Письмо в редакцию	1	259

SUMMARIES

Валерия Игоревна Еремина

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Valeriia Igorevna Ieremina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Grigorievna Ivanova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОЛОГИИ БЫЛИН В «СВОДЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

TEXTOLOGY OF *BYLINAS* IN THE *CODE OF RUSSIAN FOLKLORE*: SALIENT FEATURES

В статье рассматриваются текстологические проблемы записей былин. Ключевым является понятие «критика текстов». Приводятся различные примеры так называемого «сводного текста». Материал исследования — записи XX века, сделанные известными собирателями Э. Г. Бородиной, С. П. Бородиным и братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми.

Ключевые слова: былины, Свод русского фольклора, текстология, Э. Г. Бородина, С. П. Бородин, Б. М. и Ю. М. Соколовы.

The article deals with textual issues of *bylinas*. The key is the notion of criticism of texts. Various case studies of the so-called «consolidated text» are presented. The research is based on the 20th-century records made by the renowned collectors E. G. Borodina, S. P. Borodin, and brothers B. M. and Ju. M. Sokolov.

Key words: *bylinas*, Code of Russian Folklore, textology, E. G. Borodina, S. P. Borodin, B. M. and Ju. M. Sokolov.

Список литературы

1. Горелов А. А. Взнос в будущее (Нужен Свод русского фольклора) // Советская культура. 1977. 17 июня. № 49.
2. Горелов А. А. Золотая кладовая русского эпоса // Соединяя времена. СПб., 2011.
3. Горелов А. А. Соединяя времена // Звезда. 1973. № 11.
4. Краюхин С. Свод русского фольклора // Известия. 1981. 10 апр. № 85.
5. Лихачев Д. С. Несколько замечаний о составлении «Свода русского фольклора» // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21.
6. Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; подг. текстов к печати, прим. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. № 67 (Летописи Государственного литературного музея; кн. 13).
7. Пипия Б. 100 томов русского фольклора // Московские новости. 1984. 10 июня. № 23.
8. Пипия Б. Былины Печоры // Правда. 1988. 12 марта. № 71.

9. Путилов Б. Н. Своды как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984.
10. Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977. Т. 17.
11. Толстой А. Н. Депутат-писатель // Правда. 1938. 12 дек. № 341.
12. А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981.
13. Холчук Н. И. Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины») // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19.
14. Черемин А. Фольклорный свод // Ленинградская правда. 1979. 19 мая. № 115.

Дмитрий Михайлович Буланин

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

НА ПУТИ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИДЕИ ИЗ НАСЛЕДИЯ В. М. ЖИВОВА)

TOWARDS THE CONCEPTION OF THE ACADEMIC HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE (ORIGINAL IDEAS FROM V. M. ZHIVOV'S LEGACY)

Статья содержит разбор нескольких оригинальных тезисов, касающихся истории русской средневековой письменности, которые были предложены в монографии В. М. Живова «История языка русской письменности». Из этого лингвистического труда выбраны те идеи, которые необходимо будет принять в расчет в академической «Истории русской литературы», находящейся ныне в процессе подготовки.

Ключевые слова: письменное наследие, Slavia Christiana, каноническое право, исихазм, орнаментальный стиль.

The article analyzes several original theses related to the history of the Russian medieval literature, those put forward in V. M. Zhivov's book *The History of the Language of Russian Written Legacy*. The principal ideas that should be taken into account in the academic *History of Russian Literature*, which is in the course of preparation, are selected from this linguistics-oriented study.

Key words: written legacy, Slavia Christiana, canon law, hesychasm, ornamental style.

Список литературы

1. Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание: Метод, схема, традиция. Київ, 2018.
2. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991 (Slavistische Beiträge. Bd 278).
3. Буланин Д. М. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2012. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение.
4. Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Русская литература. 1980. № 3.
5. Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (Около 950–1300 гг.)». СПб., 2010.
6. Буланин Д. М. У истоков классического образования в Москве: Памятник братьям Лихудам // Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für H. Keipert zum 70. Geburtstag. Göttingen, 2012. Teil 1: Slavistik im Dialog — einst und jetzt.

7. *Вілкул Т. Л.* Літопис і хронограф: Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
8. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.
9. *Дзиффер Д.* Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина // Славяноведение. 1994. № 1.
10. *Долгов В. В.* Функции юридических текстов в Древней Руси (На примере «Мерила Праведного») // Вопросы истории. 2013. № 10.
11. *Живов В. М.* Slavica Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002.
12. *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002.
13. *Живов В. М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1–2.
14. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб.; Köln; Weimar; Wien, 1995. Т. 1: Проза (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 13/73).
15. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014.
16. *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 1: Исследование.
17. *Милов Л. В.* Из истории древнерусской книжной письменности XIV века: Палеографические наблюдения // Вестник МГУ. 1963. История. № 3.
18. Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3.
19. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903 (Сб. ОРЯС Императорской Академии наук. Т. 74. № 1).
20. *Толочко А.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.
21. *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (Заметки к оценке явления) // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.
22. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
23. *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (Около 950–1300 гг.) / Пер. с англ. СПб., 2010.
24. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200 / Пер. с англ. СПб., 2000.
25. *Шиббаев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодическое исследование. М.; СПб., 2013.
26. *Burgmann L.* Zwei Sprachen — zwei Rechte: Zu einem Versuch einer linguo-semiotischen Beschreibung der Geschichte des russischen Rechts // Rechtshistorisches Journal. 1992. Bd 11.
27. *Franklin S.* On Meanings, Functions and Paradigms of Law in Early Rus' // Russian History = Histoire russe. 2007. Vol. 34.
28. *Franklin S.* The Empire of the «Rhomaioi» as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion. 1983. Vol. 53.
29. *Keipert H.* Die «Knabenlese» Vladimirs des Heiligen — eine angelsächsisch-skandinavische Reminiszenz? // Zeitschrift für slavische Philologie. 2009. Bd 66.
30. *Marti R.* «Slavia Orthodoxa» als literar- und sprachhistorischer Begriff // Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. Sofia, 1988. Vol. 1.
31. *Mulić M.* Srpski izvori «pletanja sloves». Sarajevo, 1975 (Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Djela. Kn. 50. Odjeljenje za književnost i umjetnost. Kn. 2).
32. *Picchio R.* The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Techniques // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984 (California Slavic Studies. Vol. 12).

Наталья Петровна Генералова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliia Petrovna Generalova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

КОГДА И ДЛЯ КОГО БЫЛ СОСТАВЛЕН ПРОЕКТ
ТУРГЕНЕВСКОЙ «КОНСТИТУЦИИ»
(И. С. ТУРГЕНЕВ, А. И. ГЕРЦЕН И АРТУР БЕННИ)

WHEN AND FOR WHOM THE DRAFT
OF TURGENEV'S «CONSTITUTION» WAS COMPILED
(I. S. TURGENEV, A. I. HERZEN AND ARTHUR BENNI)

В статье предлагается новая датировка Проекта адреса Александру II, известного как «Проект тургеневской конституции». Предположительная дата создания документа — август 1861 года, когда русское общество активно обсуждало ход крестьянской реформы. На фоне начавшихся волнений в Царстве Польском Тургенев вступает в спор с А. И. Герценом, происходит размежевание радикально настроенных группировок и либеральной части общества. Особое внимание уделено трагической судьбе польского революционера Артура Бенни, оказавшегося в центре сложного процесса становления русского политического самосознания.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Артур Бенни, «тургеневская конституция», П. Л. Лавров, Н. С. Лесков, «процесс 32-х».

The article attempts to re-date the Draft Address to Alexander II, known as Turgenev's Draft Constitution, and suggests August 1861, when the course of the Peasant Reform was passionately discussed by the Russian society, as the most likely date of the document's compilation. Against the background of growing unrest in the Kingdom of Poland, Turgenev engages in a dispute with A. Herzen, thus accentuating the deep rift between the radical groups and the liberal part of the society. The article focuses on the tragic fate of the Polish revolutionary A. Benni who was caught up in the turmoil of shaping Russia's political identity.

Key words: I. S. Turgenev, A. I. Herzen, Arthur Benni, Turgenev's Constitution, P. L. Lavrov, N. S. Leskov, «the trial of the 32».

Список литературы

1. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1 (сер. «Литературные памятники»).
2. Артур Бенни — В. И. Кельсиеву и Герцену / Публ. С. А. Радина // Лит. наследство. 1955. Т. 62: Герцен и Огарев. П.
3. Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Кн. 1, 2.
4. «Исповедь» В. И. Кельсиева / Подг. к печати Е. Кингисепп, вступ. статья и комм. М. Клевенского // Лит. наследство. 1941. Т. 41–42: А. И. Герцен. П.
5. Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества / Прим. К. П. Богаевской // Лит. наследство. 1967. Т. 76: И. С. Тургенев: Новые материалы и исследования.
6. Лесков Н. С. Загадочный человек. Истинное событие. С письмом Н. С. Лескова к Ивану Сергеевичу Тургеневу (1871 г.) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2004. Т. 8.
7. Лесков Н. С. О шепотниках и печатниках / Публ. А. М. Ранчина // Лит. наследство. 1997. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 2.
8. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864 / Сост. И. Г. Птушкина, С. Д. Гурвич-Лищинер. М., 1983.
9. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Отв. ред. Н. П. Генералова; авт.-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018.
10. Н. А. Мельгунов — Герцену / Публ. Н. Н. Захарьина // Лит. наследство. М., 1955. Т. 62: Герцен и Огарев. П.
11. Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста и прим. И. Я. Айзенштока. М., 1956. Т. 2 (сер. «Литературные мемуары»).

12. Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / С объяснит. прим. М. Драгоманова. Женева, 1892.
13. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу / Публ. Л. Н. Майкова // Русское обозрение. 1894. Т. 30. № 12.
14. Прокламации шестидесятых годов / Ред. Ф. Ф. Раскольников. М., 1926.
15. *Рейсер С.* Артур Бенни. М., 1933.
16. *Рейсер С.* Новые материалы о Бенни // Каторга и ссылка. 1931. № 2 (75).
17. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1962. Т. 4: Письма. 1860–1862 / Подг. текста и комм. Е. И. Кийко.
18. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4.
19. *Эджертон В.* Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов (О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека») // Лит. наследство. 1997. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 1.
20. *Mazon A.* Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev: notices et extraits. Paris, 1930.

Арина Борисовна Бильдюг

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Arina Borisovna Bil'd'iug

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

Наталья Геннадьевна Комелина

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliia Gennadievna Komelina

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**ПОМОРСКИЕ СКАЗИТЕЛИ И КНИГИ:
ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ НАХОДКАХ
НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ**

**POMOR NARRATORS AND BOOKS:
CONCERNING THE ARCHEOGRAPHIC FINDS
AT THE WINTER COAST OF THE WHITE SEA**

В 2010 году археографическая экспедиция Пушкинского Дома привезла рукописи, принадлежавшие сказителям Крюковым. Позже в БАН и ИРЛИ РАН были выявлены еще 20 рукописных книг поморов с Зимнего берега Белого моря. Благодаря анализу этих находок удалось установить факт одновременного бытования устных и письменных текстов в конкретной сказительской среде.

Ключевые слова: поморы, рукописная книжность, сказительство, Крюковы.

The article outlines the manuscripts from the collection of the Kryukovs, a family of narrators, that in 2010 were brought to Pushkinskij Dom by an archeographic expedition. Later on, 20 additional manuscript books by the Pomors from the Winter (*Zimny*) Coast were discovered in the Library of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. The analysis of these finds revealed the co-existence of oral and written texts within the specific narrators' community.

Key words: Pomors, manuscript writing, narrators, the Kryukovs.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Сказительство и книга // Язык и литература. Л., 1932. Т. 8.
2. Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 2.
4. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
5. Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г. Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. М.; СПб., 2018. Т. 8: Былины Зимнего берега Белого моря.
6. Былины Крюковой / Зап. и комм. Э. Г. Бородин и Р. Липец. М., 1941. Т. 2.
7. Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи) / Изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородин-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
8. Васкул А. И. «Живите. Бог благословит»: о браках насельников старообрядческого Ануфриевского скита Зимнего берега Белого моря (по материалам архива Русского географического общества) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2018. Вып. 11.
9. Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908.
10. Власов А. Н. Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III науч. конф. «Рябининские чтения — 99». Петрозаводск, 2000.
11. Воронцова Е. В. Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. филос. наук. М., 2015.
12. Гильфердинг А. Ф. Олоонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
13. Дандес А. Регрессивный принцип в теории фольклора // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. статей. М., 2003.
14. Дранникова Н. В. Историческая песня о соловецком восстании // Соловки в литературе и фольклоре (XV—XXI вв.): Сб. науч. статей и докладов междунар. научно-практической конф. Архангельск, 2015.
15. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: [В 2 ч.]. М., 1878. Ч. 2: Народная словесность.
16. Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. СПб., 2001.
17. Иванова Т. Г. Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича) // Русская литература. 2016. № 4.
18. Иткина Е. И. Повесть «Описание лицезов великой осады и разорения монастыря Соловецкого» и ее литературные и изобразительные источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 38.
19. Комелина Н. Г. Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени (по материалам фольклорного собрания ИРЛИ) // Русская литература. 2018. № 4.
20. Комелина Н. Г. Сказки об Александре Македонском на Русском Севере // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2012. Т. 36.
21. Леонтьев А. И. Зимняя сторона. Архангельск, 1999.
22. Лурье М. Л. Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 9.
23. Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова; изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
24. Маркова Н. А. Алексей Владимирович Марков: Семейные истории и биографические очерки. М., 2017.
25. Неклюдов С. Ю. О слове устном и книжном // Живая старина. 1994. № 2.
26. Новиков Ю. А. Былина и книга. Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.
27. Окладников Н. А. Край родной Мезенский: Очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 212—219.
28. Окладников Н. А. История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII — начало XX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2005. Т. 1.
29. Оксенов А. В. Народная поэзия. М., 1894.
30. Панченко А. М. Рукописная книжность Печоры // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 1: Былины Печоры.
31. Путилов В. Н. «Сборник Кириши Данилова» и традиции русского фольклоризма XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1966. Т. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова.
32. Рыжова Е. А. Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (вторая редакция) // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010.

33. *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30–40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1.
34. Сочинения писателей-старообрядцев XVIII в. / Сост. Н. Ю. Бубнов; ред. А. И. Копанев. Л., 1984.
35. *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016.
36. *Хлыбова Т. В.* Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А. В. Маркова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск, 2003.
37. *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII веках // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003.
38. *Чужимов В. П.* Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2–3.
39. *Шумило С. М.* Духовный стих «Плач Иосифа Прекрасного» и его сирийский литературный источник // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64.
40. *Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar. Köln; Weimar; Wien, 2010.

Надежда Юрьевна Алексеева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Iurievna Alekseeva

Leading Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РАЗВИТИЕМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

OBSERVATIONS ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN POETRY IN THE MID-18TH CENTURY

В статье Н. Ю. Алексеевой рассматривается способ распространения стихотворений в 1730–1770-е годы и намечается ритм развития поэзии. За редким исключением в этот период стихотворения не распространялись в рукописях, а появлялись в печати, главным образом периодической. Перебои с изданием литературных журналов в середине XVIII века позволяют поставить вопрос о дискретном развитии поэзии в этот период.

Ключевые слова: журналы, рукописные сборники, стихотворения, поэт, печать, статус печатного слова, собрания стихотворений, репутация.

The article outlines a method of the dissemination of poems in 1730–70s and traces the rhythm of the development of poetry. Rather than circulate as manuscripts, the poems tended to appear in printed form, mainly in the periodicals. Disruptions in the publication of the literary magazines in the mid-18th century seem to testify to the discrete development of poetry in this period.

Key words: journals, handwritten collections, poems, poet, print, status of the printed word, collection of poems, reputation.

Список литературы

1. *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М., 1952.
2. *Готовцева А. Г.* «Сие есть наиболее полезное для российского общества». Журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просветительский проект середины XVIII века. М., 2019.
3. *Державин Г.* Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года. [СПб.: Типография Академии наук, 1776].
4. *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. / Ред. и прим. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2.

5. *Муравьев М. Н.* Мысли, замечания, отрывки // Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1820. Т. 3.
6. [Муравьев М. Н.]. Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева. [СПб.: Типография Академии наук], 1775.
7. *Неустроев А. Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 годы. СПб., 1874. Т. 1–2.
8. *Николаев С. И.* Русская идиллия 1750-х гг. (Новые материалы) // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27.
9. Письма М. Н. Муравьева / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980.
10. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1966. Т. 1–3.
11. *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.
12. *Сумароков А. П.* Критика на оду // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. / Собр. и изд. Н. Новиковым. М., 1782. Ч. 10.

Надежда Алексеевна Паршукова

независимый исследователь

Nadezhda Alekseiivna Parshukova

Independent Researcher

Елена Алексеевна Романова

независимый исследователь

Elena Alekseiivna Romanova

Independent Researcher

**«ПОСЛЕ ШЕСТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ»?
(К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ «ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК 1847 ГОДА»
В. Ф. ОДОЕВСКОГО)**

**«AFTER THE SIX-YEAR SEPARATION»?
(CONCERNING THE DATING**

OF VLADIMIR F. ODOEVSKY'S *TRAVEL DIARY OF 1847*)

В статье поднимается вопрос о передатировке дорожного дневника В. Ф. Одоевского. Рукопись хранится в РНБ и носит название «Путевые записки 1847 года». В научной литературе ссылки на этот документ приводятся с указанной в названии датой. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу, что данная рукопись датируется 1842 годом и отражает реалии первого заграничного путешествия В. Ф. Одоевского.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, В. А. Жуковский, «Путевые записки 1847 года», передатировка, русская литература XIX века.

The article calls for the re-dating of Vladimir F. Odoevsky's travel diary. The manuscript is stored at the Manuscript Department of the National Library of Russia and bears the title *The Travel Diary of 1847*. Bibliographic references to this document in the academic literature are cited with the date suggested by the title. After a close study, the authors suggest that the manuscript dates from 1842 and reflects the realities of V. F. Odoevsky first trip abroad.

Key words: V. F. Odoevsky, V. A. Zhukovsky, *The Travel Diary of 1847*, re-dating, 19th century Russian literature.

Список литературы

1. *Бычков И. А.* Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887.
2. *Виницкий И. Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006.
3. *Жуковский В. А.* Наль и Дамаянты, индейская повесть. [СПб.], 1844.
4. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич.
5. *Жуковский В. А.* Соч.: С приложением писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878. Т. 6.
6. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман и др. [М.], 2003. Кн. 2: 1844–1860.
7. *Огарев Н. П.* Письма к Евд. В. Сухово-Кобылиной / Публ. Я. Черняка // Лит. наследство. 1953. Т. 61: Герцен и Огарев. I.
8. *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве / Вступ. статья, сост. и комм. В. И. Сахарова. М., 1982.
9. Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подг. текста, статья и комм. Э. М. Жиляковой. М., 2009.
10. *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1.
11. *Турьян М. А.* В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский: Из архивных разысканий // Турьян М. А. Русский «фантастический реализм»: Статьи разных лет. СПб., 2013.

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Research, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**И. А. ГОНЧАРОВ, П. А. ВАЛУЕВ
И КАМПАНИЯ ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ПИСЕМ 1863 ГОДА**

**I. A. GONCHAROV, P. A. VALUEV
AND THE MOST LOYAL LETTERS CAMPAIGN OF 1863**

В статье продемонстрировано, как газета И. А. Гончарова и П. А. Валуева «Северная почта» использовалась в качестве инструмента политической реформы. Автор анализирует организованную Валуевым кампанию «всеподданнейших писем» с выражением поддержки правительству в подавлении Польского восстания и показывает, что они стали аргументом в пользу создания первого российского парламента. Кроме того, отмечено влияние службы в газете на эволюцию гончаровского романа.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, П. А. Валуев, «Северная почта», формирование общественного мнения.

The article shows how I. A. Goncharov and P. A. Valuev's newspaper *North Post* (Severnaya Pochta) was used as an instrument of political reforms. The campaign of the «letters to the Tsar» organized by Valuev in support of the suppression of the Polish Uprising by the government is analyzed. The author shows that Valuev used the «letters to the Tsar» as an argument in favor of establishing the first Russian parliament. The influence of Goncharov's experience of working for a newspaper on the evolution of his novel is also noted.

Key words: I. A. Goncharov, P. A. Valuev, *North Post* (Severnaya Pochta), formation of public opinion.

Список литературы

1. Берманский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Т. 35. № 9.
2. Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1: 1861–1864.
3. Всеподданнейшие письма, поднесенные Государю Императору Александру II с 26-го марта по 4 мая. СПб., 1863.
4. Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...»: Творческая история романа «Обрыв» // Лит. наследство. 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
5. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 17.
6. Гончаров И. А. Письма к Ю. М. Богусевичу // Щукинский сборник. М., 1912. Вып. 10.
7. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 4, 7.
8. Гуськов С. Н. Экономика патриотизма // Складчина. Сборник статей. / Под ред. Ю. И. Красносельской, А. С. Федотова. М., 2019 (в печати).
9. Долгоруков В. А. Нравственно-политическое обозрение за 1863 год // Россия под надзором. Отчеты III Отделения: 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006.
10. Ковалев И. А. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2.
11. Майорова О. Е. Война и миф: Память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863–1864) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118).
12. Майорова О. Е. Образ нации и империи в верноподданнейших письмах к царю (1863–1864) // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008.
13. Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Т. 163. Вып. 8.
14. Нардова В. А. Законодательные документы 60-х годов XIX века об адресах на высочайшее имя // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9.
15. Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста, вступ. статья и прим. И. Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 2: 1858–1865.
16. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. М., 1897.
17. Суперанский М. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. II. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. № 11.
18. Твардовская В. А. Идеология пореформенного содержания: М. Н. Катков и его издания. М., 1978.
19. Leslie R. F. Reform and Insurrection in Russian Poland, 1856–1865. London, 1963.
20. Walicki A. The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863 // Polish Encounters, Russian Identity. Bloomington, 2005.

Светлана Дмитриевна Снигирева

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Svetlana Dmitrievna Snigir'eva

Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

**МОТИВ САМОЗВАНСТВА И СЕКТАНТСКИЙ КОНТЕКСТ
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»**

**THE MOTIF OF IMPOSTURE AND THE SECTARIAN CONTEXT
IN *THE POSSESSED* BY F. M. DOSTOEVSKY**

В статье анализируется связь мотива самозванства в романе «Бесы» с сектантской тематикой. В центре внимания автора — легенда скопцов о возвращении и воцарении на престоле их лидера, Кодратия Селиванова, которая приобрела актуальность в конце 1860-х годов из-за громкого скопческого процесса над купцом М. К. Плотичным. В работе исследуются основные культурные контексты, связанные с мотивом самозванства в «Бесах», делается вывод о подчиненности темы сектантства антинигилистической концепции Ф. М. Достоевского и ее связи с проблемой русско-польских отношений.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бесы», Ставрогин, самозванство, секта скопцов, Кондратий Селиванов, дело М. К. Плотицына, В. И. Кельсиев.

The article examines the motif of imposture in relation to sectarianism in *The Possessed*. The author focuses on the Skoptsy's legend about their leader Kondratii Selivanov, his return and accession to the throne, and demonstrates its topicality in the late 1860's due to the high-profile court case against the merchant M. K. Plotitsyn. The article outlines the main cultural contexts which are introduced in the novel in conjunction with the motif of imposture, and underscores the connection between the sectarian theme and Dostoevsky's anti-nihilistic standpoint, as well as the problem of Russian-Polish relations.

Key words: F. M. Dostoevsky, *The Possessed*, Stavrogin, imposture, the Skoptsy sect, Kondratii Selivanov, M. K. Plotitsyn court case, V. I. Kelsiev.

Список литературы

1. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.
2. Волгин И. Л. Родиться в России. М., 1991.
3. Голос. 1869. № 33, 70, 94.
4. Дело петрашевцев: В 3 т. М.; Л., 1937. Т. 1, 3.
5. Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина. М.; Л., 1930. Т. 2.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974–1985. Т. 9, 10, 11, 12, 28-2.
7. Записки И. П. Липранди. Мнение, представленное д. с. с. И. П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7.
8. Кельсиев В. И. Святорусские двоеверы. III. Божии люди // Заря. 1869. № 11.
9. Кельсиев В. И. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Соч. Ф. В. Ливанова // Заря. 1870. № 4.
10. Липранди И. П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении (1853 г.) // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. И. Кельсиевым. Лондон, 1861. Вып. 2.
11. Майорова О. Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999.
12. Мельников П. И. Белые голуби // Русский вестник. 1869. № 5.
13. Мельников П. И. Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для в. к. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857 г.) // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. И. Кельсиевым. Лондон, 1860. Вып. 1.
14. Мельников П. И. Тайные секты // Русский вестник. 1868. № 5.
15. Михнюкевич В. А. Фольклор в «Бесах» Ф. М. Достоевского // Русская литература. 1991. № 4.
16. Надеждин Н. И. Исследование о скопческой ереси // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. И. Кельсиевым. Лондон, 1862. Вып. 3.
17. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 3: XVII — начало XVIII века.
18. Партия Герцена и старообрядцы // Русский вестник. 1867. № 3.
19. Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 3: XVII — начало XVIII века.
20. Поддубная Р. Н. Двойничество и самозванство // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1994. Т. 11 / Ред. Г. М. Фридендер.
21. Раскол как орудие враждебных России партий // Русский вестник. 1867. № 4.
22. Санкт-Петербургские ведомости. 1869. № 33.
23. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990.
24. Современные известия. 1869. № 76.
25. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избр. труды: В 3 т. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
26. Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в мировоззрении и творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995.
27. Чащина Л. Ф. Герцен и старообрядцы Юго-Восточной Европы: Письмо Герцена и Огарева к А. В. Никитину // Лит. наследство. 1985. Т. 96: Герцен и Запад / Отв. ред. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский.
28. Чащина Л. Ф. Русская революционно-демократическая эмиграция и старообрядчество Юго-Восточной Европы («революционное агентство» в Тульче в 1862–1865 гг.) // Социально-эко-

номическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX века). Кишинев, 1980.

29. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1.
30. *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.
31. *Щапов А. П.* Земство и раскол. Бегуны // *Время*. 1862. № 11.
32. *Щапов А. П.* Умственные направления русского раскола // *Дело*. 1867. № 10.
33. *Murav H.* Representations of the Demonic: Seventeenth Century Pretenders and *The Devils* // *Slavic and East European Journal*. 1991. Vol. 35. № 1.

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Professor, St. Petersburg State University

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА)

A WRITER'S NOTEBOOKS AND THE INTERPRETATION OF A LITERARY WORK (CASE STUDY OF A. P. CHEKHOV)

Статья основана на записных книжках Чехова, прежде всего на недавно впервые опубликованной автором «Записной книжке А. П. Чехова с рецептами для больных». Она содержит материал, который может служить реальным комментарием к таким чеховским произведениям, как повесть «Дуэль», пьесы «Безотцовщина», «Чайка», «Три сестры».

Ключевые слова: записная книжка, Чехов, медицинский рецепт, проза, драматургия.

The article is based on the notebooks by Chekhov, specifically on the A. P. Chekhov's Notebook with the Prescriptions for the Patients, published recently by the author. It contains the data that can serve as the real-life commentaries on certain works by Chekhov, e. g. *The Duel*, *Platonov*, *The Seagull* and *Three Sisters*.

Key words: notebook, Chekhov, prescription, prose, drama.

Список литературы

1. Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. А. Кибальника // *Русская литература*. 2018. № 2.
2. *Кибальник С. А.* Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения // *Русская литература*. 2017. № 4.
3. *Книппер-Чехова О. Л.* Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902–1904): [В 2 ч.]. М., 1972. Ч. 1.
4. *Кубасов А. В.* Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.
5. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр. М., 2008.
6. *Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова / Пер. О. Макаровой. М., 2018.
7. Словарь фармацевтических названий и синонимов на латинском, русском, немецком и французском языках / Сост. А. Г. Клинге. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1911.
8. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 13.
9. *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971.

Наталья Юрьевна Грякалова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalia Iuriiевна Gr'iakalova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**«И МНИЛАСЬ МНЕ РОССИЙСКАЯ ВЕНЕРА...»:
К ИСТОЧНИКАМ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОДНОГО БЛОКОВСКОГО ОБРАЗА
(ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕКИ А. А. БЛОКА)**

***I WAS IMAGINING A RUSSIAN VENUS...:*
ON THE SOURCES AND INTERPRETATION OF AN IMAGE BY BLOK
(BASED ON THE DATA FROM A. A. BLOK'S PRIVATE LIBRARY)**

В статье впервые проанализированы пометы и маргиналии А. А. Блока на принадлежавшем ему каталоге Музея древней скульптуры Императорского Эрмитажа (СПб., 1901), выявлены их корреляции с центральным женским образом стихотворения «Небесное умом не измеримо...». В итоге открывается новая парадигма чтения лирического стихотворения и существенно дополняется академический комментарий.

Ключевые слова: лирика, поэтика, чтение, библиотека Блока, античность, интерпретация.

A. A. Blok's notes and marginalia on his copy of the catalogue of the Museum of Ancient Sculpture of the Imperial Hermitage (St. Petersburg, 1901) are analyzed in the article, their correlations with the central female image of his poem «The mind cannot measure the celestial...» are outlined. As the result, a new paradigm of reading the lyrical poem is introduced and the academic commentary is substantially expanded.

Key words: lyrics, poetics, reading, Blok's private library, antiquity, interpretation.

Список литературы

1. Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Воина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984–1986.
2. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1.
3. Блок А. Дневник. М., 1989.
4. Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965.
5. Быстров В. Н. Раннее творчество А. Блока и античная философия // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998.
6. Грякалова Н. Ю. Европейские маршруты Александра Блока: Бельгия, 1911 год // Вестник истории, литературы и искусства / Российская академия наук. М., 2006. Вып. 3.
7. Грякалова Н. Ю. К изучению читательских помет и маргиналий А. А. Блока // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): Коллективная монография. СПб., 2017.
8. Грякалова Н. Ю. Пометы и маргиналии А. А. Блока на книгах Фета: периодизация и творческий контекст // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3.
9. Грякалова Н., Титаренко С. Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма (к феноменологии и герменевтике чтения) // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. München, 2017. Jahrgang 62. Heft 1.
10. Долгинский М. З. Искусство и Александр Блок: Книжная и журнальная графика. Театр. Портреты. М., 1985.
11. Леонтьев П. М. Венера Таврическая // Пропилеи: Сб. статей по классической древности. 2-е изд. М., 1856. Кн. 1. Отд. 1.
12. Магомедова Д. М. Комментируя Блока. М., 2004.
13. Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2.
14. Музей древней скульптуры: [Каталог] / Сост. Г. Е. Кизерицкий. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.
15. Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. СПб.; М., 1884. Т. 1.

16. *Титаренко С. Д.* Блок и прерафаэлиты (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности) // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011.

17. *Тихонов И. Л.* Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2012. Вып. 2.

Ван Цзунху

профессор Столичного педагогического университета
(Пекин, Китай)

Wang Zonghu

Professor, Metropolitan Pedagogical University
(Beijin, China)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И КУЛЬТУРНЫЙ КОД РУССКОГО АВАНГАРДА

THE NATIONAL FACTOR AND THE CULTURAL CODE OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE

Становление и развитие русского авангарда было обусловлено множеством факторов, таких как внутренние и внешние влияния, исторические и социальные условия, а также национально-культурные особенности. Существует много исследований о литературных взаимосвязях и конкретных социально-исторических условиях, в которых зародился русский авангард, но вопрос о влиянии русской культуры и национальной ментальности остается еще недостаточно изученным. В данной работе на основе взглядов Н. А. Бердяева делается попытка рассмотреть национальные корни русского авангарда и его самобытность в свете типичных для русского народа нигилизма, максимализма, совмещения противоположных начал и свободы от формальных ограничений.

Ключевые слова: русский авангард, русский менталитет, максимализм, совмещение противоположностей, свобода от формальных ограничений, Н. А. Бердяев.

The formation and development of the Russian avant-garde was determined by many factors, such as internal and external influences, historical and social conditions, as well as the national and cultural characteristics. The literary relationships and the socio-historical conditions of the emergence of the Russian avant-garde are fairly well-researched, but the issue of the influence of the Russian culture and national mentality remains insufficiently studied. In this article, on the basis of the views of N. A. Berdyaev, an attempt is made to examine the national roots of the Russian avant-garde and its originality in the light of the Russians' typical nihilism, maximalism, adherence to opposing principles and freedom from formal restrictions.

Key words: Russian avant-garde, Russian mentality, maximalism, combination of opposites, freedom from formal restrictions, N. A. Berdyaev.

Список литературы

1. *Балдин А.* Москва как самосочинитель. Про халат // Октябрь. 2017. № 9.
2. *Баснер Е.* Феномен Давида Бурлюка в истории русского авангардного движения // Давид Бурлюк. 1882–1967. Выставка произведений из Государственного Русского музея, музеев и частных коллекций России, США, Германии. Государственный Русский музей, С.-Петербург. СПб., 1995.
3. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. *Бердяев Н.* Русская идея. СПб., 2008.
5. *Беренштейн Е. П.* Авангард как жертва Даниила(у) Хармса(у) // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Сб. науч. трудов. Тверь, 1998. [Вып.] 4.
6. *Волков С.* Диалог с Бродским. М., 2000.
7. *Крусанов А.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. 2-е изд. СПб., 2010. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1.

8. *Крученых А.* Декларация слова как такового // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009.
9. *Крученых А.* Слово как таковое. О художественных произведениях // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009.
10. *Малевиц К.* Перелом // Малевиц К. Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 1.
11. Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика / Сост. В. Н. Терехина. М., 2005.
12. *Шатских А.* Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922. М., 2001.
13. *Эль Лисицкий.* Преодоление искусства // Эксперимент. 1999. Т. 5.

Галина Валентиновна Петрова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences

НОВОНАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА М. А. ВОЛОШИНА: К ИСТОРИИ «ОСТРОЙ ДРУЖБЫ» С М. С. И М. О. ЦЕТЛИНЫМИ

M. A. VOLOSHIN'S NEWLY FOUND LETTERS: ON THE «POIGNANT FRIENDSHIP» WITH M. S. AND M. O. TSEYTLIN

В настоящей публикации представлены ранее не известные письма М. А. Волошина к М. О. и М. С. Цетлиным, которые расширяют границы существующих представлений об эпистолярном наследии поэта и способствуют детализации картины литературного быта русской эмиграции предреволюционного периода. В письмах Волошина нашло отражение его специфическое отношение к войне и содержится ряд указаний на культурные события этой эпохи.

Ключевые слова: М. А. Волошин, М. О. и М. С. Цетлины, эпистолярное наследие, творческая биография, переводы, литературный быт.

This proceedings paper features the unknown letters from M. A. Voloshin to M. O. and M. S. Tsetlin, that transcend the current perception of the poet's epistolary legacy and contribute to the more nuanced understanding of the literary routine of the Russian émigrés of the pre-revolutionary period. Voloshin's letters reflect his idiosyncratic attitude to war and contain multiple references to the cultural events of the time.

Key words: M. A. Voloshin, M. O. and M. S. Tsetlin, epistolary legacy, artistic biography, translations, literary routine.

Список литературы

1. *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.* Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017.
2. *Аксененко Е. М.* Материалы М. А. Волошина (наст. фам. М. А. Кириенко-Волошин) в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 11 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год. СПб., 2018.
3. *Аллой Р.* Париж для зевак. СПб., 2010.
4. *Андгуладзе Лия.* Бальмонт и Грузия. М., 2002.
5. Весенний салон поэтов. М., 1918.
6. *Вийон Ф.* Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения / Пер. и биографический очерк И. Г. Эренбурга. М., 1916.
7. *Волошин М.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993.
8. *Волошин М.* Собр. соч. М., 2004–2015. Т. 3, 6, 7, 10–12.
9. *Волошин М.* Anno mundi ardentis. 1915. М., 1916.
10. *Волошина-Сабашникова М. В.* Зеленая змея. Мемуары художницы (Первое русское издание). СПб., 1993.
11. *Запелалов В.* Памяти Александра Викторовича Леонтьева // Русский вестник. 2002. № 8–9; <http://www.sestretorsk.com/my-pomnim/40797/>.
12. *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.

13. *Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002.
14. *Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007.
15. Лит. наследство. 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2.
16. *Маревна (Воробьева-Стебельская М.)*. Моя жизнь с художниками «Улья» / Пер. с англ. М. Уманцева. М., 2004.
17. «Обнимаю Вас и матерински благословляю...». Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подг. текста, предисловие и прим. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6.
18. Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Публ., вступ. статья и комм. М. Вахтеля и О. А. Кузнецовой // *Studia Slavica* (Budapest). 1996. Т. 41.
19. Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 6.
20. *Руставели Ш.* Носящий барсову шкуру: Грузинская поэма XII в. / Пер. К. Бальмонта. М., 1917.
21. *Тюрин А.* Об Александре Васильевне Гольштейн (1850–1937) // Преображение. 1995. № 3.
22. *Хазан В. И.* «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни»: (материалы к портрету Михаила Цетлина) // Вокруг редакционного архива «Современных записок»: (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / Под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М., 2010. С. 66–103.
23. *Хазан В.* «От книги глаз не подыму». О личности и творчестве Михаила Цетлина // Цетлин М. (Амари). Целное чувство: Собр. стихотворений. М., 2011.
24. *Цетлин М. (Амари)*. Целное чувство: Собр. стихотворений / [Сост., подг. текста, послесловие и комм. В. Хазана]. М., 2011.
25. Чайный Дом. Историческое чаепитие в особняке Высоцких / Материалы к лекции Артура Клемперта и чайной дегустации. Москва, ноябрь 2012 г. Проект «Эшколот». См.: <http://files.eshkolot.ru/18.11.12%20%281%29.pdf>.
26. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2, 3. М., 2005.
27. *Эренбург И.* Письма: [В 2 т.] М., 2004. [Т. 1:] 1908–1930. «Дай оглянуться...» / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.
28. *Adamantova V.* Lettres inédites de René Ghil à Alexandra de Holstein // *Revue des études slaves*. 1991. Т. 63. Fasc. 4.
29. *Balмонт К.* Quelques poèmes / Trad. du russe par A. de Holstein et Rene Ghil. Paris; Zürich, 1916.

Елена Ивановна Гончарова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ielena Ivanovna Goncharova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

НА РАЗВАЛИНАХ БЫТИЯ

(В. В. РОЗАНОВ И П. П. ПЕРЦОВ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕПИСКИ)

THE RUINED EXISTENCE

**(V. V. ROZANOV AND P. P. PERTSOV IN THE LAST YEAR
OF THEIR CORRESPONDENCE)**

Публикуемая переписка В. В. Розанова (1856–1919) с П. П. Перцовым (1868–1947) включает 11 писем и относится к 1918 году. Эти письма насыщены не только бытовыми подробностями тягот пореволюционной жизни двух литераторов, но и философскими размышлениями о произошедшей в России катастрофе.

Ключевые слова: переписка, литература, философия.

The 1918 correspondence between V. V. Rozanov (1856–1919) and P. P. Pertsov (1868–1947), 11 letters altogether, is published. The correspondence is saturated not only with the minutiae of the post-revolutionary life of the two writers, but with the philosophical reflections on the catastrophe that took place in Russia.

Key words: correspondence, literature, philosophy.

Список литературы

1. 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Подг. изд. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб., 2014.
2. Давыдова Г. В., Едошина И. А. Неизданная работа П. П. Перцова // С. Н. Дурьлин и его время / Сост. и ред. А. Резниченко. М., 2010. Кн. 1 (сер. «Исследования по истории русской мысли»).
3. Дурьлин С. Н. Троицкие записки / Публ. и комм. Т. Н. Резвых и А. И. Резниченко // Наше наследие. 2015. № 116.
4. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог / Сост. М. С. Лесман и Н. Г. Князева. М., 1989.
5. Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус) // Русская литература. 2017. № 3, 4.
6. Переписка В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893–1910) / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2008. № 4.
7. Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым // Архив священника Павла Флоренского. Томск, 2001. Вып. 4.
8. Перцов П. П. Введение в «Диалогоию» / Публ. А. В. Лаврова // Канун: Альманах. СПб., 1996. Вып. 2.
9. Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове / Вступ. статья, подг. текста и комм. В. Г. Сукача // Новый мир. 1998. № 10.
10. Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове // Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002.
11. Перцов П. П. Литературные афоризмы / Публ. Т. В. Померанской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв. М., 1994. [Т. 1].
12. Под «колесом» истории: переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова 1917 года / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2017. № 3.
13. Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы (1897–1947) // Резниченко А. И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012.
14. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени: Вып. № 1–10. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые. М., 2000 (Собр. соч. [Т. 12]).
15. Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004 (Собр. соч. [Т. 17]).
16. Розанов В. В. Когда начальство ушло... М., 1997 (Собр. соч. [Т. 8]).
17. Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М., 2001. Кн. 1 (Собр. соч. [Т. 13]).
18. Розанов В. В. Литературные изгнанники: Книга вторая. М.; СПб., 2010 (Собр. соч. [Т. 29]).
19. Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М., 1999.
20. Русская и иностранная критика / Сост. П. П. Перцов. М., 1918.
21. Рцы [И. Ф. Романов]. Плюсы жизни: В 2 т. / Подг. текста и комм. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб., 2016. Т. II.
22. Спасовский М. М. Розанов в последние годы своей жизни. Среди неопубликованных писем и рукописей // Настоящая магия слова: В. В. Розанов в литературе Русского Зарубежья / Сост., предисловие; комм. А. Н. Николокина. СПб., 2007.
23. Федякин С. Р. Вокруг Розанова: Рцы // Литературная учеба. 2000. № 4.

Вячеслав Николаевич Быстров

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Viacheslav Nikolaievich Bystrov

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

С. П. ДОВГЕЛЛО. ТРИ ОСОКОРЯ**S. P. DOVGELLO. THE THREE POPLARS**

Публикация представляет собой воспоминания Сергея Павловича Довгелло, брата С. П. Ремизовой-Довгелло, жены А. М. Ремизова. Они уточняют и дополняют некоторые реалии произведений писателя, посвященных Серафиме Павловне («В поле блакитном», «Оля», «В розовом

блеске»). Впервые приводятся неизвестные архивные материалы. Текст снабжен подробным комментарием.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, С. П. Ремизова-Довгелло, С. П. Довгелло, мемуары, история семьи.

The proceedings paper introduces the memoirs of Sergei Pavlovich Dovgello, brother of S. P. Remizova-Dovgello, A. M. Remizov's wife. They highlight and supplement certain realia of A. M. Remizov's works dedicated to his wife (*In the Blue Field, Olya, In Pink Luster*). New archival data are published for the first time. A detailed commentary is provided.

Key words: A. M. Remizov, S. P. Remizova-Dovgello, S. P. Dovgello, memoirs, family history.

Список литературы

1. *Бунич-Ремизов Б. Б.* Родные и близкие С. П. Ремизовой-Довгелло в посвященных ее жизни произведениях А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Салерно, 2003. С. 367–372.
2. *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994.
3. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959].
4. На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Euroa Orientalis*. 1990. № IX.
5. *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013.
6. *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15: В розовом блеске.

Вера Владимировна Филичева

аспирант

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vera Vladimirovna Filicheva

Postgraduate Student,

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Д. С. УСОВА ИЗ Н. С. ГУМИЛЕВА В КОЛЛЕКЦИИ П. Н. ЛУКНИЦКОГО

UNPUBLISHED TRANSLATIONS

BY D. S. USOV FROM N. S. GUMILEV IN THE COLLECTION OF P. N. LUKNICKIJ

В статье публикуются два перевода стихотворений Н. С. Гумилева, выполненные Д. С. Усовой. Тексты обнаружены в коллекции П. Н. Лукницкого, находящейся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Предлагается их датировка и история поступления к собирателю, а также сведения об «Альбоме» Лукницкого, составленном из труднодоступных и неопубликованных в 1920-е годы материалов.

Ключевые слова: Д. С. Усов, Н. С. Гумилев, коллекция П. Н. Лукницкого, перевод, автограф.

Two D. S. Usov's translations of N. S. Gumilev's poems into German are published in the article. The texts were discovered in the collection of P. N. Luknickij, stored at the Manuscript Department, Pushkinskij Dom, Russian Academy of Sciences. Their dating, provenance, as well as information on Luknickij's Album, a collection of unpublished data that was inaccessible in 1920s, are provided.

Key words: D. S. Usov, N. S. Gumilev, P. N. Luknickij's collection, translation, autograph.

Список литературы

1. *Гумилев Н.* Переводы / Вступ. статья В. Е. Багно; сост., подг. текста и прим. В. В. Филичевой и К. С. Корконосенко. СПб., 2019 (сер. «Новая библиотека поэта»).

2. *Двинятина Т. М.* Коллекция П. Н. Лукницкого: История и состав // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005.
3. *Двинятина Т. М.* Н. С. Гумилев в литературном сознании конца 1920-х годов (Из комментария к дневнику П. Н. Лукницкого) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. науч. трудов. СПб., 2003 (Петербургские чтения-2003).
4. Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга / Публ. И. Г. Кравцовой (при участии А. Г. Терехова) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994.
5. *Нешумова Т. Ф.* О Дмитрие Усове — поэзия и правда // Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 1.
6. *Тименчик Р. Д.* К истории культа Гумилева. I // Тыняновский сборник. М., 2009. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. С. 298–351.
7. *Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Frankfurt a/M., 2012.
8. *Тименчик Р.* История культа Гумилева. М., 2018.
9. *Усов Д. С.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 1, 2.
10. *Федоров В. С.* История создания в 1926–1928 гг. биобиблиографической справки о Н. С. Гумилеве // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005.

Николай Алексеевич Богомолов

профессор, зав. кафедрой литературно-художественной критики и публицистики
факультета журналистики
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Nikolai Alekseiievich Bogomolov

Professor, Head of the Literary Criticism and Topical Journalism Department,
Lomonosov Moscow State University

АННА АХМАТОВА: ЛЕТО 1927 ГОДА

ANNA AKHMATOVA: THE SUMMER OF 1927

Летом 1927 года И. Н. Розанов оказался в санатории Кисловодска одновременно с Анной Ахматовой. В статье приводятся отрывки из писем и заметок Розанова о встречах и разговорах с высоко ценимой им поэтессой, а также публикуется посвященное ей стихотворение.

Ключевые слова: А. А. Ахматова, И. Н. Розанов, биография, воспоминания.

In the summer of 1927, I. N. Rozanov found himself at a spa in Kislovodsk simultaneously with Anna Akhmatova. The article contains data from his letters and notes about the encounters and conversations with the poetess whom he held in the highest esteem, as well as a poem he dedicated to her.

Key words: A. A. Akhmatova, I. N. Rozanov, biography, memories.

Список литературы

1. *Ахматова А.* Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста М. М. Кралина. М., 1990.
2. *Богомолов Н. А.* А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова (1914–1924) // Русская литература. 2016. № 3.
3. *Волошин М.* Собр. соч. / Под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. М., 2008. Т. 7. Кн. 2.
4. Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.
5. *Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007.
6. *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. М.; Paris, 1997. Т. II: 1926–1927.
7. *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 8.
8. *Тименчик Р. Д.* «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из именного указателя. I // Эт-киндовские чтения. СПб., 2006. [Вып.] II–III.

9. Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2013. Вып. 11.

10. Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2012. Вып. 10.

11. Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. 3-е изд., испр. и доп. [М.], 2016.

Любовь Валерьевна Хачатурян

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

L'ubov' Valeriievna Khachaturian

Docent, Higher School of Economics National Research University

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ЗАЧЕРКИВАНИЕ. К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ИМПЕРАТОР»

A VERTICAL STRIKETHROUGH. CONCERNING THE CREATIVE BACKGROUND OF *THE EMPEROR* BY V. V. MAYAKOVSKY

В статье исследуются новые возможности изучения архивного наследия В. В. Маяковского. На примере черновой редакции стихотворения «Император» (1928) рассматривается первый этап создания поэтического текста — работа в записных книжках. Уточняется текст приведенных в Полном собрании сочинений черновых автографов и творческая история стихотворения.

Ключевые слова: архивные материалы, архивы on-line, записные книжки, русская литература XX века.

The article explores new options of studying V. V. Mayakovsky's archival legacy. The draft of his poem «The Emperor» (1928) is used as a case study for considering the first stage of creating a work of poetry, i. e. drafting in the notebooks. The text of the draft autographs included into the Complete Works is redefined, as well as the creative background of the poem.

Key words: archival data, online archives, notebooks, Russian literature of the 20th century.

Список литературы

1. Арутчева В. А. Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 325–396.
2. Бродовская Ю. И., Лубяникова Е. И. Черновые тетради М. И. Цветаевой 1919–1921 гг. // Цветаева М. И. Творческие тетради. СПб., 2018. Т. 1. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г. С. 149–156.
3. Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105.
4. Лекманов О. Последний император // Знамя. 2014. № 2. С. 197–206.
5. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 23–45.
6. Лукьянин В. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1. С. 177–208.
7. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 9; 1959. Т. 12.
8. Оборин Л. Красная книга. [Рец. на:] Бенгт Янгфельдт. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. Перевод со шведского Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. М.: КоЛибри, 2009 // Знамя. 2010. № 3. С. 223–227.
9. Пудваль А. Поиск. Рассказы литературного следопыта. Свердловск, 1974.
10. Реформатская Н. В. Работа Маяковского над циклом стихов «О поэзии» // Литературная учеба. 1937. № 5. С. 55–77.

11. *Хачатурян Л. В.* «Мой письменный верный стол...»: художественный текст в черновой тетради Марины Цветаевой 1939–1940 годов // Русская литература. 2018. № 2. С. 245–252.
12. *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4.
13. *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2016.

Анастасия Владимировна Сысоева

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anastasiia Vladimirovna Sysoieva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ
В ЛЕНИНГРАДЕ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ:
НОВЫЙ МЕТОД РАБОТЫ С ПИСАТЕЛЯМИ**

**EMERGENCE OF THE SOVIET MILITARY PROPAGANDA
IN LENINGRAD OF THE EARLY 1930th:
THE NEW METHOD OF WORKING WITH WRITERS**

В фокусе настоящего исследования находится военно-писательская игра, проведенная Ленинградско-Балтийским отделением Литературного объединения Красной армии и флота в мае 1931 года. В статье изучены особенности ее организации, выявлены отличия от военно-журналистских игр, сделаны выводы об источниках списка недостатков военно-пропагандистских текстов. Игра оказалась важной составляющей идеологической работы с профессиональными писателями Ленинграда в связи с возможной военной угрозой.

Ключевые слова: военно-писательская игра, Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной армии и флота (ЛБО ЛОКАФ), военная пропаганда, военизация писателей, идеология.

The article analyzes a military and literary game held by the Literary Organization of the Red Army and Navy (Leningrad Baltic Branch) in May 1931. Special features of its organization, differences from military and journalistic games, sources of the list of shortcomings prepared by methodologists of the game are studied. The game was an important component of the ideological work with professional Leningrad writers, to brace them up against the potential military threat.

Key words: military and literary game, Literary Organization of the Red Army and Navy (Leningrad Baltic Branch), military propaganda, militarization of writers, ideology.

Список литературы

1. *Вальбе Б.* Мировая война в дооктябрьской литературе // Залп. 1931. № 8.
2. *Вальдман В.* Война в западноевропейской художественной литературе // Залп. 1931. № 2.
3. *Витин Н.* «Мы против кайзера идем!» (Русская литература в 1914 году) // Залп. 1931. № 1.
4. *Добренко Е.* «Каждому хочется что-то творить...» // Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
5. *Кадисhev А.* Журналист на войне. Содержание, организация и проведение военно-журналистских игр / Предисловие Ф. Я. Кона. М.; Л., 1930.
6. Материалы для составления хроники культурной жизни Ленинграда на рубеже 1920-х и 1930-х гг. / Сост., вступ. статья Н. А. Гуськова; материалы вечерней «Красной газеты» за 1928 г. обработаны и предоставлены К. Б. Егоровой // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011) (<http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=LcbvDIUEeWk%3d&tabid=10460>).
7. *Пумпянский Л. В.* Пацифизм в иностранной литературе // Залп. 1931. № 4.
8. *Свириh Н. Г.* Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ЛОКАФ. 1931. № 7: Июль. С. 159.
9. *Свириh Н. Г.* Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931. № 2.

10. *Свирин Н.* Художественное слово на службу обороне // Залп: Литературно-художественный сб. красноармейского и краснофлотского творчества. Л., 1930. [Сб. 4:] Четвертая очередь. Сентябрь 1930.

Константин Маркович Азадовский

действительный член Немецкой академии языка и литературы

Konstantin Markovich Azadovskii

Full Member, Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung

**ПИСЬМА К. Д. БАЛЬМОНТА К И. С. ШАЙКОВИЧУ (1935–1938).
ПИСЬМА Е. К. ЦВЕТКОВСКОЙ К В. П. И И. С. ШАЙКОВИЧАМ (1935)
(Окончание)**

**K. D. BALMONT'S LETTERS TO I. S. ŠAJKOVIĆ (1935–1938).
E. K. TSVETKOVSKAYA'S LETTERS TO V. P. AND I. S. ŠAJKOVIĆ (1935)
(Final Part)**

Переписка Бальмонта с сербским поэтом и переводчиком И. С. Шайковичем (1876–1948), югославским консулом в Финляндии, охватывает почти десятилетие. Бальмонт переводил стихи Шайковича и неоднократно писал о нем; Шайкович, со своей стороны, переводил стихи Бальмонта на сербский и посвятил ему очерк, опубликованный в журнале «Летопис Матице српске» (1934). Письма Бальмонта сообщают ряд подробностей его эмигрантской жизни, ярко характеризуют его общественные (в частности, прославянские) настроения, литературные предпочтения и т. п.

Ключевые слова: славянский мир, Сербия, А. И. Белич, «Слово о полку Игореве», переводы, И. В. Гете, А. А. Фет, эмиграция, литературный вечер, Е. К. Цветковская, Нуази-ле-Гран.

The proceedings paper relates Balmont's correspondence with the Serbian poet, translator and consul in Helsingfors in the 1920s-30s Ivan Šajković (1876-1948), that stretches over a period of almost ten years. Balmont translated some poems by Šajković, and wrote repeatedly about him and his work; Šajković translated Balmont's poems into Serbian and dedicated an essay to him which was published in «Letopis Matice srpske» (1934). These letters offer new sidelights on Balmont's life in emigration and shed light on his social and pro-Slavic stance and literary preferences.

Key words: the Slavic world, Serbia, A. Belić, «The Tale of Igor's Campaign», translations, J. W. Goethe, A. Fet, emigration, literary evening, E. Tsvetkovskaya, Noisy-le-Grand.

Список литературы

1. *Бальмонт К.* В раздвинутой дали. Поэма о России. Белград, 1929 (сер. «Русская библиотека»; № 11).
2. *Бальмонт К.* Из книги «Светящаяся пыль» <4 стихотворения> // Сегодня. 1933. № 262. 22 сент.
3. *Бальмонт К.* Дали (из М. Вайткуса) // Последние новости. 1935. 1 сент. № 5274.
4. *Берд Р., Иванова Е.* Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3.
5. *Зайцев Б. К.* Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.); Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов.
6. Из Пушкинове лирике / Превео Иван С. Шајковић. Helsinki: Raitiuskausan Kirjapaino Osakeyhtio, 1937.
7. *К.* Поэт Бальмонт и композитор Кусевицкий в Эстии // Народное дело (Ревель). 1920. 7 июля. № 1.
8. Калевала. Фински народни епос. Књига прва / Превео с финског д-р Иван С. Шајковић. Хелсинки, 1935.
9. *Кальдерон П.* Соч. М., 1902. Вып. 2: Философские и героические драмы... / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта.
10. Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936 / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. К. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина. М., 2005.
11. *Кишицова Д.* Чешские переводы Бальмонта // Бальмонт К. Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. СПб., 2016. Т. 2: Черчу рассказ я. Проза. Душа Чехии в слове

и деле / Сост., статья, прим. и комм. А. Ю. Романова; статья, подг. текстов, прим. и комм. Д. Кшицовой.

12. *Меймре А., Богомолов Н. А.* Ситуация 1920 года: взгляд из Эстонии // *Donum homini universali*: Сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011.

13. Письма К. Д. Бальмонта к В. В. Оболянинову / Вступ. статья, публ. и прим. П. Куприяновского и Н. Молчановой // *Вопросы литературы*. 1997. № 3.

14. *Пушкин А. С.* Витез Тврдица / Прево Иван С. Шајковић. Хелсинки, 1937.

15. *Пушкин А. С.* Моцарт и Салијери / Прево Иван С. Шајковић. Хелсинки, 1937.

16. *Пушкин А. С.* Полтава. Еписки спев / Прево Иван С. Шајковић. Хелсингфорс, 1935.

17. Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3: С–Я. Дополнения / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.

18. *Сакалавичюте К.* «Вы — крестный отец этого стиха...» Литературные связи Константина Бальмонта и Антанаса Венуолиса-Жукаускаса // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. IX. Литература и печать. Свидетельства. Искусство. Философия, наука и образование. Вильнюс, 2005.

19. *Шајковић И.* У самовању. Хелсингфорс, 1936.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник,
зав. Отделом новейшей русской литературы Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Grach'iova

Senior Researcher, Head of Contemporary Russian Literature Department,
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ А. М. РЕМИЗОВА 1940-х ГОДОВ

A. M. REMIZOV'S LITERARY MYSTIFICATIONS OF THE 1940s

Автор статьи отмечает, что способность разыгрывать окружающих и тем самым хоть на мгновение создавать у них иллюзию осуществления мечты была свойственна А. М. Ремизову с детства, и обращается к одной из последних литературных мистификаций писателя. Придуманная им личность Солончука — эмигранта, живущего в экзотической Индии, — отвечала чаяниям русской эмиграции послевоенного времени об обретении собственного издательства и возможности опубликовать свои сочинения.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, литературные мистификации, литература русского зарубежья.

Noting that from his early years A. M. Remizov was a notorious prankster with the ability of creating the illusion of a dream-come-true, the author of the article details one of the last literary hoaxes of the writer. His invention, the persona of Solonchuk, an immigrant living in exotic India, resonated with the dreams of the post-war Russian émigrés to establish their own publishing house and thus to publish their works.

Key words: A. M. Remizov, literary mystifications, Russian foreign literature.

Список литературы

1. «В наше суровое, не сказочное время...» Письма А. М. Ремизова и Б. Г. Пантелеймонова / Вступ. заметка, публ. и комм. В. П. Енишерлова // *Наше наследие*. 2013. № 107.
2. *Вейдле В.* О тех, кого уже нет // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 1993. № 192–193.
3. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959].
4. *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977.
5. *Обатнина Е. Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1993. Т. 3.
6. *Обатнина Е. Р.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

7. *Пантелеймонов Б.* Собр. соч.: В 3 т. Омск, 2014. Т. 3 / Сост. И. А. Маханова, В. И. Селюк.
8. Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / Вступ. статья, комм. А. М. Грачевой; подг. текстов писем А. М. Грачевой, В. П. Польшковской // *Наше наследие.* 1995. № 33.
9. *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, вступ. статья, аннот. именной указатель А. М. Грачевой. СПб., 2013.
10. *Ремизов А. М.* Бова Королевич // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2001. Т. 6: Лимонарь.
11. *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб., 2017. Т. III: Март 1947 — февраль 1950 / Отв. ред. А. М. Грачева.
12. *Ремизов А. М.* Мартын Задека. Сонник // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру.
13. *Ремизов А. М.* Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак.
14. *Ремизов А. М.* Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж, 1950.
15. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь.
16. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3: С–Я / Под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.
17. Рукописный альбом Алексея Ремизова «Щуп и цапля» 1948 г. / Вступ. заметка, публ., комм. А. М. Грачевой // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Ed. L. Fleishman and F. Poljakov.* Berlin, 2018 (Stanford Slavic studies. Vol. 48).
18. *Флейшман Л. С.* В кругу ремизовских мистификаций. «Конклав» Саркофагского // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.
19. *Флейшман Л. С.* Из комментария к «Кукхе»: конректор Обезвельволпала // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.
20. *Чулков Г.* Годы странствий / Вступ. статья, сост., подг. текста, комм. М. В. Михайловой. М., 1999.
21. *Янгиров Р.* «Новая газета»: к истории печатного диалога молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции; «Новая газета. Двухнедельник литературы и искусства» (Париж). 1931. № 1–5. 1 марта — 1 мая. Роспись содержания // *Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу. 1920–1940: Междунар. науч. конф. Женева, 8–10 декабря 2005 г.* М., 2007.

Юлия Владимировна Матвеева

профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Уральского федерального университета

Iuliia Vladimirovna Matveieva

Professor, Department of Russian and World Literature,
Ural Federal University

**ПЕРЕПИСКА Г. И. ГАЗДАНОВА И Г. А. ХОМЯКОВА (АНДРЕЕВА)
1964–1967 ГОДОВ**

**THE CORRESPONDENCE
BETWEEN G. I. GAZDANOV AND G. A. KHOMYAKOV (ANDREIEV), 1964–1967**

Публикация вводит в научный оборот переписку двух писателей русского зарубежья — Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова (Андреева), ныне хранящуюся в фондах РГАЛИ. Содержательно переписка включает в себя три доминирующих темы: литературные дела и проблемы (сотрудничество писателей в альманахе «Мосты»); темы личного характера (обмен впечатлениями, сведениями о знакомых и коллегах); а также работа обоих писателей на «Радио Свобода». Несмотря на то, что Газданов и Хомяков относились к двум разным периодам русской эмиграции, у них, тем не менее, сложился особый язык взаимопонимания, во многом обусловленный принадлежностью корреспондентов к одному поколению, что и делает публикуемые письма живым и очень интересным свидетельством литературной жизни русского зарубежья послевоенного периода.

Ключевые слова: Г. Газданов, Г. Хомяков (Андреев), письма, поколение, русское зарубежье, «Радио Свобода».

The proceedings paper introduces the correspondence of the two writers of the Russian diaspora, G. I. Gazdanov and G. A. Khomyakov (Andreiev), now stored in the RGALI funds. The correspondence includes three prevailing themes: literary matters and issues (the writers' involvement in the «Bridges» Almanac); personal issues (sharing experiences, discussing friends and colleagues); and the work of both writers for Radio Liberty. Despite the fact that Gazdanov and Khomyakov belonged to two different periods of Russian emigration, they nevertheless came up with a special language of mutual understanding, largely preconditioned by the generational unity of the correspondents, which makes the published letters a lively and most revealing evidence of the literary life of the Russian postwar émigré community.

Key words: G. Gazdanov, G. Khomyakov (Andreiev), letters, generation, Russian emigres, Radio Liberty.

Список литературы

1. *Бабичева М. Е.* Геннадий Андреевич Андреев (Хомьяков) // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Биобиблиографические очерки. М., 2005.
2. *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: В 2 т. / Под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск; Greifswald, 2009. Т. 2.
3. *Булгаков С.* На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.
4. *Г. А. [Хомьяков Г. А.]*. Современный роман // Грани. 1952. № 15.
5. *Г. А. [Хомьяков Г. А.]*. Роман о наших днях // Грани. 1952. № 16.
6. *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т. / Под общ. ред. Т. Н. Красавченко. М., 2009. Т. 4, 5.
7. *Красавченко Т. Н.* Газданов на «Радио Свобода» // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Т. Н. Красавченко; сост. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильева, Ф. Х. Хадонова. М., 2005.
8. *Матвеева Ю. В.* Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомьякова) в контексте судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4.
9. *Орлова О.* Материалы к биографии Гайто Газданова: переписка Ф. Д. Ламзаки; http://www.darial-online.ru/2005_3/orlova.shtml.
10. Переписка Г. А. Хомьякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. М. А. Васильевой, П. А. Трибунского, В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017.
11. Письма к Игорю Чиннову [Г. Андреева (Хомьякова)] / Публ. О. Кузнецовой // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. № 226.
12. Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути» / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2018.
13. *Dienes L.* Russian literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov. München, 1982.

Татьяна Сергеевна Царькова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Sergeievna Tsar'kova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ
ПУШКИНСКОГО ДОМА (ФОНД АЛЕКСАНДРА МОРЕВА)**

**RECENT CONTRIBUTIONS TO THE MANUSCRIPT DEPARTMENT,
PUSHKIN HOUSE (ALEXANDER MOREV FOUNDATION)**

В сообщении содержится информация о личном фонде поэта, прозаика и художника Александра Морёва, известного в ленинградской неофициальной культуре 1960–1970-х годов и не за-

бытого ныне. Архивные материалы обширны и разножанровы, что, несомненно, заинтересует широкий круг исследователей-гуманитариев.

Ключевые слова: Александр Морев, биография, личный фонд, самиздат, нонконформизм.

The proceedings paper offers information about the personal archive of the poet, writer and artist Alexander Morev, widely known in the Leningrad non-official cultural community of the 1960s and 1970s and well-remembered to this day. Archival data, varied and extensive by nature, would undoubtedly be of great interest to the wide range of scholars.

Key words: Alexander Morev, biography, personal fund, samizdat (self-publishing), non-conformism.

Список литературы

1. Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015. Т. 2.
2. Морев А. Листы с пепелища: Стихи. Л., 1990.

Сергей Николаевич Полторак

профессор

Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Sergei Nikolaievich Poltorak

Professor, St. Petersburg Peter the Great Polytechnic University

Анастасия Валерьевна Зотова

доцент факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Anastasiia Valeriievna Zotova

Docent, School of International Relations,
St. Petersburg State University

ОН РОДОМ БЫЛ ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ, ИЛИ ГДЕ И КОГДА РОДИЛСЯ ДАНИИЛ ГРАНИН

HE CAME FROM A VARIETY OF PLACES, OR WHERE AND WHEN DANIEL GRANIN WAS BORN

Указом Президента РФ в связи со столетним юбилеем Даниила Гранина 2019 год объявлен годом писателя. Авторы статьи обращают внимание на парадоксальную ситуацию: до сих пор остается неизвестным его место рождения. Нет ясности и по поводу даты рождения Д. А. Германа (Гранина). Целью исследования является анализ различных версий, связанных с установлением малой родины писателя. Приводятся примеры того, что в разные годы Гранин называл своей родиной различные населенные пункты: Волынь, Вольск, окрестности г. Кингисеппа (Ямбурга). В результате проведенного исследования авторы делают вывод о том, что наиболее вероятным местом рождения Гранина является г. Вильна (Вильнюс), а датой рождения целесообразно считать примерно середину декабря 1917 года.

Ключевые слова: Д. А. Гранин, Д. А. Герман, история литературы, Вильно, Волынь, Вольск, Ямбург.

A decree of the President of the Russian Federation, proclaimed the year 2019 the year of the writer Daniil Granin. The authors of the article bring to attention a rather peculiar fact: his place of birth still remains unknown. The date of birth of D. A. Hermann (Granin) has not been established either. The purpose of the study is to analyze various versions associated with the identification of

the writer's birthplace. The article shows how in different years Granin referred to various settlements as his homeland: Volyn, Volsk, the area of Kingisepp (Yamburg). As a result of the study, the authors conclude that Granin's most likely place of birth of is the city of Vilna (Vilnius), and as for the date of birth, mid-December 1917 seems most plausible.

Key words: D. A. Granin, D. A. Hermann, history of literature, Vilna, Volyn, Volsk, Yamburg.

Список литературы

1. *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: Очерк творчества. М., 1966.
2. *Гранин Д. А.* Автобиография // Гранин Д. А. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1980. Т. 3.
3. *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. М., 2010.
4. *Гранин Д. А.* Интелегенды: Статьи, выступления, эссе. СПб., 2015.
5. *Гранин Д. А.* Спор через океан: Повесть. М., 1950.
6. *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихин. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1988.
7. Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Автор-сост. [и автор предисловия] В. Бахтин. Л., 1985.
8. Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. 2-е изд. СПб., 2015. Т. 1.
9. Проект словника литературного энциклопедического словаря (рукопись для обсуждения). [М., 1959].
10. Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». СПб., 2016. Т. 23.
11. Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. М., 1994. Т. 1: Биографии. А–К.
12. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги / Библиографический словарь: В 3 т. М., 2005. Т. 1.
13. Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1: А–Л.
14. Русские советские писатели-прозаики: Библиографический указатель. Л., 1959. Т. 1: Авдеенко–Жестев.
15. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет: Биографии. СПб., 2006.
16. *Соснов А.* «Я помню...» // Литературная газета. 2004. 14–20 янв. № 1 (5955).
17. *Старков А. Н.* Нравственный поиск героев Даниила Гранина. М., 1981.
18. *Granin D.* Bahnbrecher: Roman / [Aus dem Russisch übers. von E. Margolis]. Berlin: Dietz, 1961.
19. *Graninas D.* Skrendu į audrą. Vilnius: Vaga, 1964.
20. *Teātrisundzīve X.* Almanahs. Rīga: Liesma, 1966.
21. Who is who в России. М., 2010. Вып. 4: Энциклопедия личностей.

Светлана Борисовна Адоньева

профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Svetlana Borisovna Adon'ieva

Professor, Department of the History of Russian Literature,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University

ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ «РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ»

RUSSIAN EVERYDAY LIFE E-ARCHIVE

В статье дается описание электронного архива «Российская повседневность», представляющего российскую повседневность XX — начала XXI века в устных биографических нарративах, дневниковой прозе, фотографиях интерьеров домов, семейных альбомах, записях пения, цифровых копиях объектов любительского искусства и детских рисунков.

Ключевые слова: электронный архив, российская повседневность, медиаданные, история и биография в фотографиях и нарративах.

The article offers a description of the e-archive *Russian Everyday Life*, that presents Russian everyday life of the 20th — early 21st century as embodied in oral biographical narratives, personal diaries, photos of interiors, family photo albums, records of folk singing, digital copies of handcrafted objects and children's drawings.

Key words: e-archive, Russian everyday life, media data, history and biography in photos and narratives.

Олег Андершанович Лекманов

профессор Школы филологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Oleg Andershanovich Lekmanov

Professor, School of Philology,
Higher School of Economics National Research University

**НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ГРАД В СТИХОТВОРЕНИИ
Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ИМЕЛОСЬ»**

THE NEGLECTED GRAD IN IMELOS' BY B. L. PASTERNAK

В заметке предлагается ключ к стихотворению Бориса Пастернака «Имелось» — зашифрованная в виде ребуса фамилия адресата книги «Сестра моя, жизнь», в которую это стихотворение вошло (Елены Виноград).

Ключевые слова: Б. Пастернак, ребус, поэтика модернизма, любовная лирика.

The article suggests the key to Boris Pasternak's poem «Imelos'» — the name of the addressee of the book *My Sister, Life* where the poem was published, encrypted in the form of a puzzle (Elena Vinograd).

Key words: B. Pasternak, rebus, poetics of Modernism, love lyrics.

Список литературы

1. *Пастернак Б.* Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М., 2003. Т. 1, 3.
2. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 26: Рабочая книжка — Резолюция.
3. *Жолковский А. К.* Поэтика Пастернака. Инварианты. Структуры. Интертексты. М., 2011.

Наталья Вячеславовна Савельева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliia V'iacheslavovla Savel'ieva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ФРОЛ СКОБЕЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

FROL SKOBEIEV: HISTORY AND MODERNITY

Рец. на [Review]: *Душечкина Е. В.* Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре. СПб.: Юолукка, 2018. 128 с., ил.

Анна Глебовна Гродецкая

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anna Glebovna Grodetskaia

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

И. С. ТУРГЕНЕВ В ЦЕНТРЕ ПОЛЕМИК

I. S. TURGENEV AS THE CENTER OF POLEMICS

Рец. на [Review]: *Ребель Г. М.* Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.

Мария Эммануиловна Баскина (Маликова)

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mariia Emmanuilovna Baskina (Malikova)

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**«Я УВОЖУ К ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНИЯМ»:
«ДЕЛО БРОННИКОВА»**

***I TAKE YOU BACK TO THE PERISHED GENERATIONS:
«THE BRONNIKOV CASE»***

Рец. на [Review]: *Вахтина П., Громова Н., Позднякова Т.* Дело Бронникова. М.: Издательство АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 384 с.

Наталья Аркадьевна Прозорова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliia Akrad'ievna Prozorova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**ВТОРОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. А. ГРАНИНА**

***RUSSIAN LITERATURE IN THE SOVIET PERIOD:
THE 100th ANNIVERSARY OF D. A. GRANIN SECOND
RESEARCH SEMINAR***
[Meeting Abstract]

Александр Михайлович Берёзкин

независимый исследователь

Aleksandr Mikhailovich Ber'iozkin

Independent Researcher

Мария Юрьевна Данилевская

независимый исследователь

Mariia Iurievna Danilevskaia

Independent Researcher

**ШЕСТЬЕ НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

6th NEKRASOV CONFERENCE AT PUSHKIN HOUSE

[Meeting Abstract]

Алексей Маркович Любомудров

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksei Markovich L'ubomudrov

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТИЛЬ ЕСТЬ ДУША ВЕЩЕЙ»:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА**

***THE STYLE IS THE HEART OF THINGS.
COMMEMORATING THE 100th ANNIVERSARY
OF THE DEATH OF VASILY ROZANOV RESEARCH CONFERENCE***

[Meeting Abstract]

Анастасия Александровна Елкина

аспирант Тверского государственного университета

Anastasiia Aleksandrovna Elkina

Postgraduate Student, Tver State University

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЗРЕЛОСТЬ КАК СЮЖЕТ»**

***MATURITY AS A STORYLINE
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE***

[Meeting Abstract]

Сергей Викторович Денисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Viktorovich Denisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

**ШЕСТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВСЕ ОБМАНЫ МИРА: ЛОЖЬ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»**

***ALL THE LIES OF THE WORLD:
DECEPTION IN LITERATURE AND ART***
6th APRIL INTERDISCIPLINARY RESEARCH CONFERENCE
[Meeting Abstract]

Учредители:

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 05.08.19. Подписано к печати 28.10.19. Дата выхода в свет 30.11.19
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 24,62. Уч.-изд. л. 26. Тираж 370 экз., включая 5 экз. бесплатно.
Тип. зак. № 18/4а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Москва, Нахимовский проспект, 47
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

